

И ПРИБЛИЖИТЕЛЯ ЦАРЕУБИЙСТВА

ТИБЕЛЬ ЗЕМНЫХ БОГОВ

ЦАРЕУБИЙСТВА
ГИБЕЛЬ
ЗЕМНЫХ БОГОВ

МОСКВА
КРОН-ПРЕСС
1998

Авторский коллектив:

Г. А. Алексеев, канд. ист. наук *О. И. Варьяш*, д-р ист. наук
Н. Г. Георгиева, *Л. П. Замойский*, канд. ист. наук *Е. В. Котова*,
канд. ист. наук *Л. Л. Кофанов*, канд. ист. наук *А. А. Леваидовский*,
д-р ист. наук *И. И. Лециловская*, канд. ист. наук *Е. В. Лянустина*,
канд. ист. наук *В. А. Матвеев*, канд. ист. наук *А. С. Нама-*
зова, д-р ист. наук *Т. А. Павлова*, *Н. В. Попов*, канд. ист. наук
А. В. Ревякин, канд. ист. наук *В. В. Рогинский*, канд. ист. наук
П. Ю. Уваров, д-р ист. наук *А. А. Улуян*, д-р ист. наук *А. А. Чекалова*,
канд. ист. наук *А. П. Черных*

Составитель
Н. В. Попов

Оформление
В. Осипяна

Цареубийства: Гибель земных богов/ Сост.
Ц18 **Н. В. Попов.** — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. — 544 с.

ISBN 5-232-00786-6

Ремесло монарха с библейских времен всегда было связано с опасностью насильственной смерти, и не только на поле брани. Смерть угрожала венценосцам со всех сторон: от мятежников, соперников-родичей, чаще всего самых близких, позднее — от религиозных фанатиков, победоносных революций, террористов... Соперничество за верховную власть, бытовавшее как в далеком, так и недавнем прошлом, не утратило актуальности и ныне. Авторы очерков, помещенных в книгу, пытались воссоздать психологические портреты тех, кто поднимал руку на монархов, и их жертв. Эти подлинные истории, порой скрывающие еще немало тайн, не только интересны, но и поучительны.

ВВЕДЕНИЕ

Залы царей полны людьми,
но пусты друзьями.

Сенека

В криминальной истории человечества цареубийство занимает особое место, ведь от библейских времен на монархов смотрели как на Божиих помазанников. Однако из Библии нам памятли слова Господа, обращенные к царям: «Я говорю вам, хотя вы и боги, но умрете подобно всем людям...»

Такова смерть естественная. Но, как свидетельствуют исторические факты, коронованные особы подвержены насильственной смерти в большей степени, нежели простые смертные. Не много найдется династических семейств, особенно в древнем мире или раннем средневековье, в которых не совершались бы отцеубийства, сыноубийства, братоубийства или убийства других родственников. Новая история также имеет свой список подобных преступлений.

Обратимся снова к Библии. Ветхий Завет описывает гибель в XII в. до Рождества Христова царя Моавитского Еглону. Он угнетал сынов Израиля в течение 18 лет. Возопили люди к Господу, и послал он им спасителя Аода, сделавшего меч с двумя острями и пришедшего с дарами к Еглону. Аод попросил выйти всех, стоявших при Еглоне, чтобы сказать ему слово Божие. Когда Еглон встал со стула, Аод выхватил меч и вонзил в чрево царя так, что вошла за острием и рукоять. Пришедши в землю Израилеву, он возвестил: идите за мною, ибо предал Господь врагов ваших моавитян в руки ваши. И побили в то время моавитян около десяти тысяч человек...

Таково библейское сказание. И в нем необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, Аод получил благосло-

вение свыше разделаться с ненавистным израильтянам царем. Во-вторых, смерть Еглона отозвалась роковым образом и на его подданных. Следовательно, при определенных обстоятельствах Священное Писание не считает цареубийство актом, противным воле Всевышнего. Даже оправдывает это деяние, если оно совершено во имя восстановления справедливости. И тут нет никакого противоречия с такими словами из Библии: «Бог ваш — царь ваш... Господь даст крепость царю своему...»

Цареубийство чаще всего совершалось соперниками в борьбе за обладание короной. Об этом свидетельствуют примеры из истории многих династий. В книге речь пойдет только о Европе, период — от эпохи Древнего Рима до середины XX в. Не менее трех десятков государей Римской империи и многие византийские василевсы (императоры) были умерщвлены при разных обстоятельствах. Подробности их гибели, основанные на произведениях античных писателей и хронистов средневековья, документальные свидетельства тщательно подобраны авторами специально для этой книги.

Еще более кровава история ирландских династий. С IV по XII в. 78 королей пали там насильственной смертью. Значителен список английских и шотландских монархов, погибших от рук убийц.

Любители истории знают о печальной судьбе шотландской королевы Марии Стюарт и ее внука короля Англии и Шотландии Карла I, сложившего голову на эшафоте в период английской буржуазной революции. Менее известна судьба шотландских королей — предков Марии Стюарт. Король Иаков I (1394—1437) вернулся в Шотландию после долгого пребывания в плену у англичан. За время его отсутствия многие коронные земли были расхищены шотландской знатью. Иаков I попытался навести порядок в стране, но был убит в Перте сэром Робертом Грэхемом и другими заговорщиками. Наследники Иакова I — Иаков II (1430—1460) и Иаков III (1451—1488) — пали в сражениях, первый при осаде Роксбург-Кастла, второй был разбит мятежниками и убит. Дед Марии Стюарт король Иаков IV (1473—1513) был наголову разбит англичанами в битве при Флоддене, где и сложил голову. Сын Карла I Иаков II был свергнут с престола во время «Славной революции» и закончил жизнь в изгнании. Поистине рок преследовал Стюартов.

Каков же принцип отбора сюжетов? Прежде всего авторов интересовали наиболее значительные события, совершавшиеся в переломные моменты истории, в переходное время от одной династии к другой или в ходе революции, такие, как убий-

ство Юлия Цезаря, Ричарда II, Вильгельма Оранского, Марии Стюарт, Карла I, Петра III, Людовика XVI, Павла I, Александра II, Умберто I, Александра Обреновича, Карлуша I, Георга I, эрцгерцога Франца Фердинанда д'Эсте, Николая II и его семьи, Александра I Карагеоргиевича. Об этих событиях сохранились свидетельства современников, написано немало мемуаров и исторических исследований.

О других цареубийствах мы знаем немного. Но для полноты картины хотя бы кратко остановимся на фактах, которые не вошли в книгу.

Из всех скандинавских стран, пожалуй, наиболее изучена история Дании. От рук убийц пало очень много датских правителей. В 30-е гг. X в. яростный противник христианства король Горм Старый, фактически основатель Датского королевства, захватил власть, убив христианина Гнупу, а затем Сиг-трюгга. Сын Горма Харальд I Синезубый подчинил себе всю Данию и Норвегию и принял христианство (конец X — начало XI в.), а его сын Свен I Вилобородый «достойно» принял эстафету — подняв восстание против отца, разбил его в битве. Раненый король Харальд бежал и вскоре умер. Свен I объединил Данию, Норвегию и Англию.

Перечисленные выше короли принадлежали к династии Кнютлингов. Но судьба не баловала и следующую династию — Эстридсонов. В 1086 г. прямо в церкви за молитвой был убит мятежными крестьянами Кнут II Свенсен. Впоследствии он был объявлен первым датским святым. Против брата Кнута Святого короля Нильса (Николауса) выступил его племянник Кнут Лавард (сын короля Эрика I Доброго). Король Нильс и его сын герцог Магнус пригласили к себе на Рождество и вероломно убили безоружного Кнута. Это убийство открыло продолжительную гражданскую войну 1131—1157 гг., в ходе которой погибли короли Нильс, Эрик II Очень Памятливый (он отомстил Нильсу за смерть брата — Кнута Лаварда). В 1157 г. в Роскильском замке люди короля Свена III (сына Эрика II) убили Кнута III (сына герцога Магнуса). Сын Кнута Лаварда Вальдемар спасся бегством, собрал войско и разбил Свена III, который в том же году был зарублен. Король Вальдемар I открыл славную в истории Дании эпоху Вальдемаров, но кровопролитие вокруг трона не прекратилось. Сын короля Вальдемара II Победоносного Эрик IV Плугпеннинг (Плужный Грош) был в 1250 г. коварно убит людьми своего брата Абеля. Став королем, Абель недолго продержался на троне. В 1252 г. он был убит в Западном Шлезвиге свободными крестьянами.

В 1286 г. во время охоты погиб король Эрик V Клиппинг

(Порченная Монета). Против него знать организовала заговор, в котором участвовали граф Якоб Халландский, маршал Стиг Андерсен и др. На теле короля насчитали 56 ран. Убийц приговорили к изгнанию и конфискации имущества. Со смертью Эрика V кончился, можно сказать, самый мрачный период в истории королевских династий Дании.

Образование Чешского государства также связано с убийствами правителей. Князь Чехии Вацлав из рода Пржемысловичей погиб 28 сентября 935 г. от руки своего брата Болеслава I Укрутного (Жестокого, или Грозного), князя племени пшеван. Вацлав стремился распространить христианство в Чехии, сделать его господствующей религией. Поэтому церковь причислила его к лику святых, и он стал считаться патроном Чехии, а его корона — символом независимости страны. Князь Болеслав III Рыжий во время свидания с польским князем Болеславом I Храбрым был коварно схвачен, ослеплен, посажен в польскую крепость, где содержался до самой смерти.

Последним королем династии Пржемысловичей был Вацлав III (он одновременно был и польским королем). В 1306 г. он пал от руки Конрада фон Боденштейна.

Жертвами политической борьбы стали многие цари Второго болгарского царства. Царь Иван Асень I, узнав о заговоре бояр, вызвал ночью боярина Иванко. Заговорщик, выхватив спрятанный меч, убил безоружного царя. Это произошло в 1196 г. В следующем году от руки убийцы погиб царь Петр (Федор), брат Асеня I. На болгарский престол вступил третий брат — Калоян, но и его также предательски убили при осаде им Солуни в 1207 г. Престол захватил племянник первых царей Второго болгарского царства Борил. Он был низложен и ослеплен. В 1218—1241 гг. Болгарское царство достигло расцвета при сыне Ивана Асеня I — Иване Асене II. Однако несчастья обрушились на сыновей прославленного царя. В 1246 г., возможно, был отравлен его сын Калиман I (от второй жены), не достигший еще 12 лет. В 1256 г. был предательски убит Михаил Асень II (сын Ивана Асеня II от третьей жены — Ирины Комнин). В том же году жертвой заговора стал Калиман II — внук Ивана Асеня I.

Обратимся теперь к истории средневековой Сербии. У короля Стефана Первовенчанного (королевский титул он принял в 1220 г.) было три сына, которые сталкивали друг друга с престола. Последний из них, Урош Великий, вынужден был воевать против собственного сына Драгутина, который под влиянием жены, дочери венгерского короля, выступил против отца. В 1272 г. Драгутин вступил на престол, но в 1275 г. вы-

нужен был уступить трон своему брату Милутину. Старшему сыну от первой жены Стефану Милутин отдал Диоклею (Черногорию), а наследником сделал Константина, родившегося от византийской принцессы Симоиды, дочери императора Андроника Младшего. Недовольные «греческой партией» бежали к Стефану, но он не захотел вступить в борьбу и обратился к отцу за прощением. В ответ Милутин приказал ослепить Стефана. После смерти Милутина в 1320 г. слепец Стефан Дечанский (по имени основанного им Дечанского монастыря) занял сербский трон. Стефан Дечанский также был женат дважды, причем его вторая жена была гречанкой. Против короля и его жены возник заговор. Недовольные обратились к сыну короля Душану, который уже был известен своими воинскими подвигами. По приказу Душана Стефан Дечанский был пойман и удушен. В 1336 г. Стефан Душан, самый знаменитый король Сербии, занял престол. В 1346 г., венчавшись на царство, Стефан Душан принял титул «императора сербского, болгарского, греческого и всего Адриатического побережья».

Были цареубийства и в истории Священной Римской империи. В мае 1292 г., почти через год после смерти Рудольфа I, первого императора из династии Габсбургов, на престол был избран Адольф Нассауский. Альбрехт Австрийский, сын Рудольфа, сам рассчитывал получить корону. В июне 1298 г. три курфюрста, собравшиеся в Майнце, низложили Адольфа и избрали императором Альбрехта. В начавшейся войне двух императоров 2 июля 1298 г. Адольф был разбит. В разгар сражения он упал с лошади и был убит. Распространился слух, что смертельный удар Адольфу нанес Альбрехт Австрийский. Но насильственная смерть ждала и Альбрехта. Удар ему готовил собственный племянник Иоганн, сын Рудольфа II, владевшего Швабией. Иоганн посчитал себя обделенным при разделе габсбургских владений и организовал заговор против дяди. 1 мая 1308 г., направляясь в Рейнсфельд, Альбрехт I при переправе через реку Рейс неосторожно отстал от своей свиты. Тут-то и подстерегли его убийцы, причем Иоганн нанес Альбрехту первый удар. С тех пор он и вошел в историю с прозвищем Паррицида (Отцеубийца).

Задолго до этого трагически кончил жизнь последний представитель знаменитой династии Гогенштауфенов, или Штауфенов, Конрадин, который сам себя называл Конрадом V. Его дед, император Фридрих II, был одновременно и королем Сицилийским. Однако после смерти Фридриха II французский граф Карл Анжуйский, брат короля Людовика IX, завоевал Сицилийское королевство. Сын Фридриха II Конрад IV рано

умер, оставив малолетнего сына, которого называли Конрадином (Маленьким Конрадом). Подросший Конрадин выступил против Карла Анжуйского, но был разбит и взят в плен. 29 октября 1268 г. Конрадину отрубили голову на эшафоте. Его последними словами перед казнью были: «О мать! В какое глубокое горе повергнет тебя весть о моей судьбе!»

Анжуйская династия потеряла Сицилию, но продолжала править в Неаполитанском королевстве. В 1382 г. представитель венгерской линии Анжуйского дома Карл Дураццо высадился в Неаполитанском королевстве, захватил Неаполь и осадил замок королевы Джованны I. Поняв, что помощь не придет, Джованна сдалась на милость завоевателя. По приказу нового короля Карла III Дураццо Джованну заключили в темницу и через несколько дней задушили. Королева погибла такой же смертью, как и ее первый муж Андрей Венгерский — он был задушен в 1345 г. в Аверсе по ее приказу.

Карл III предъявил претензии на венгерский престол после смерти короля Венгрии и Польши Людовика (Лайоша) I Великого в 1382 г. Людовик оставил двух дочерей — Марию и Ядвигу (Марии предназначалась венгерская корона, Ядвиге — польская). Карл III, ближайший родственник Людовика по мужской линии, высадился в Венгрии, где сторонники неаполитанского короля объявили его губернатором королевства. Карл поселился во дворце в Буде, и обе королевы — вдова Людовика Елизавета Боснийская и Мария — сделались как бы его пленницами. Елизавета с помощью своих приближенных решила устранить Карла. Короля хитростью заманили в покои королевы, и один из людей Елизаветы нанес Карлу такой удар по голове, что обе королевы были обрызганы кровью. Спутники Карла дали возможность ему спрятаться на своей половине, но охрана не смогла устоять от заговорщиков. Сначала Карл находился в тюрьме, а затем его перевели в замок Вышеград, где в феврале 1386 г. и умертвили после двухнедельного сурового заточения. Но вскоре и королева Елизавета попала в плен к недовольным магнатам и была задушена. Марию заключили в темницу, откуда ее освободил жених Сигизмунд Люксембургский. Он обвенчался со своей невестой и занял венгерский престол.

Если же мы обратимся к отечественной истории, к династии Рюриковичей, и здесь картина аналогичная. Достаточно вспомнить о распрях князей за обладание Киевом, начиная с убийства по приказу Олега правивших в Киеве Аскольда и Дира (летопись относит это событие к 882 г.). Затем в 980 г. воевода Блуд убивает киевского князя Ярополка, и князем

становится брат Ярополка Владимир I, сыновья которого продолжают распрю: сын Ярополка Святополк коварно убивает своих братьев — князей Бориса и Глеба (впоследствии их объявили святыми), а также Святослава. Святополк, прозванный Окаянным, был разбит Ярославом, заслужившим прозвище Мудрый. Святополк бежал и нашел смерть где-то в неведомом месте, между Чехией и Польшей. В книге рассказывается, как в 1174 г. в результате заговора был убит сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский, великий князь Владимиро-Суздальской земли. В XIV в. разгорается кровавая борьба за великое княжение Владимирское между князьями московскими и тверскими, в ходе которой были убиты Юрий Данилович Московский, Михаил Ярославич и Дмитрий Михайлович Тверские. Царь Иван (Иоанн) IV Грозный, согласно одной из версий, был отравлен. Погибли два его сына — царевики Иван Иванович и Дмитрий Иванович. В годы Смуты убили царя Федора Борисовича, сына Бориса Годунова. Да и новая династия Романовых по числу цареубийств не на последнем месте: Петр III, Павел I, Александр II, Николай II... Кроме того, по некоторым сведениям, были отравлены Федор Алексеевич, Петр Великий, загадочной смертью погиб царевинок Алексей, приговоренный к смертной казни. Был убит бывший император Иоанн III (или Иван VI) из Брауншвейгского семейства.

И эти факты лишь небольшая часть в летописи цареубийств. Итальянский король Умберто I после неудачного покушения на него в 1897 г. с полным основанием заявил, что монархи живут под постоянной угрозой. Летом 1900 г. он был убит.

Прославленная мудрыми советами своему супругу византийскому императору Юстиниану I Феодора заметила, что для монарха смерть предпочтительнее смещения с трона или изгнания. В действительности монархи чаще всего гибли именно потому, что на их место на престоле зарились соперники-властолюбцы. Лишиться короны и остаться в живых — такое случалось редко, чаще — насильственная смерть сразу после свержения (Петр III) или спустя несколько лет (Иван VI). Об этом наглядно свидетельствует драматичная история цареубийств в европейских странах. В Османской империи, которая в момент своего расцвета занимала большую часть Балканского полуострова, завоеватель Константинополя Мехмед II в 1478 г. издал чудовищный закон: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». В результате этого закона за два века (XV—XVII) погибло около 60 принцев Османского дома, что, одна-

ко, не спасло некоторых султанов от заговоров и переворотов. По желанию любимой жены Роксоланы султан Сулейман I приказал умертвить своего любимого сына Мустафу, и трон занял сын Роксоланы — Селим II. Мурад III, вступив на престол, приказал задушить 19 сыновей Селима II.

В XVI в. в Европе времен Реформации и Контрреформации вспыхивают, с одной стороны, религиозный фанатизм и с другой — тираноборческое движение, особенно во Франции, где оно получило название «монархомахи». Гугенотские публицисты Отман, Дюплесси-Морне (возможно, именно он был автором знаменитого памфлета «Иск к тиранам», выпущенного под псевдонимом Юний Брут) утверждали, что только Бог правит неограниченно, земные же государи — Божии вассалы. Государь избирается народом по указанию Господа, но если он становится тираном, народ вправе его свергнуть. Для этого существует собрание всех сословий. Такие собрания есть всюду, «кроме Московии и Турции, которые должны считаться поэтому не государствами, а соединениями разбойников».

Автор «Иска к тиранам» утверждал: «Народ существовал прежде королей. Народ создал королей для собственного блага. Во всех странах — в царстве Израиля, как и во Французском государстве, — короли обязаны своим существованием исключительно народному избранию. Избирая их, народ заключил с ними договор, согласно которому они обязаны блюсти его пользу. Звание короля — не почеть, а труд, не свобода, а общественное служение». Король не должен нарушать ничьих прав, ничьих привилегий. Если же он правит без согласия народа, то он не король, а тиран. Естественно, что под «народом» автор понимал «не весь народ, а лишь его представителей — герцогов, принцев, оптиматов и вообще всех деятелей на государственном поприще», предупреждая против «господства черни или крайностей демократии, которая стремится к уничтожению дворянства».

От рук религиозных фанатиков-католиков пали Вильгельм Оранский в Нидерландах, короли Генрих III и Генрих IV во Франции. Королева-протестантка Елизавета I Тюдор отправила на эшафот верную католической церкви шотландскую королеву Марию Стюарт, которая претендовала на английский престол при поддержке испанского короля-изувера Филиппа II Габсбурга. И об этих событиях европейской истории рассказывается в этой книге.

В XVII в. в разгар английской революции состоялся процесс над королем Карлом I Стюартом, внуком Марии Стюарт. Король был отправлен на эшафот. Во время Великой француз-

ской революции XVIII в. жизнь на эшафоте кончили король Людовик XVI, его жена Мария-Антуанетта и сестра Елизавета. Этим же смертным путем прошел глава младшей линии Бурбонов — герцог Филипп Орлеанский, несмотря на то что он примкнул к революции, назвав себя Эгалите (Равенство), и голосовал за казнь короля. При таинственных обстоятельствах в возрасте десяти лет умер так называемый Людовик XVII, сын Людовика XVI. В документальных очерках об этих событиях содержатся малоизвестные доселе подробности.

Казалось, что в XIX—XX вв. убийства монархов становятся исключениями и никак не влияют на ход истории. Но это заблуждение. Убийство в 1820 г. наследника французского престола герцога Беррийского ремесленником Лувелем в некоторой степени способствовало вымиранию династии Бурбонов. 1 марта 1881 г. Александр II подписал документ чрезвычайной важности, который мог бы способствовать развитию России по конституционному мирному пути. Но в тот же день он погиб от рук террористов. История государства Российского сложилась иначе, что привело к революциям и насильственному ниспровержению старых порядков. Покушение в 1878 г. на германского императора и прусского короля Вильгельма I позволило Бисмарку ввести исключительные законы против социалистов. Выстрел в Сараево в австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда послужил поводом к первой мировой войне, круто изменившей ход истории, — в результате сошли с исторической сцены некогда могучие империи и древние династии: Россия Романовых, Германия Гогенцоллернов, Австро-Венгрия Габсбургов.

С уменьшением числа монархий в современном мире и сведением роли царствующих особ по существу к представительским функциям уменьшился и риск для венценосцев. Теперь монархии в Европе, да и во всем мире, составляют меньшинство по сравнению с республиками. В период между первой и второй мировыми войнами в Европе фактически прекращаются царубийства (исключением стало убийство в Марселе в 1934 г. короля Югославии Александра I). И в Азии лишь один случай — 20 февраля 1919 г. был убит эмир Афганистана Хабибула. Зато после окончания второй мировой войны насильственно оборвалась жизнь не одного монарха в азиатских странах: летом 1946 г. был найден убитым король Таиланда Ананда Махидон; 17 февраля 1948 г. группа заговорщиков расправилась с королем Йемена имамом Яхью бен Мухаммедом Хамид-ад-дином; 20 июля 1951 г. у входа в мечеть Аль-Акса в Иерусалиме боевик палестинской организации Аль-Джихад

аль-мухаддас («Священная война») убил короля Иорданского Хашимитского королевства Абдаллу аль-Хусейна; в ночь на 14 июля 1958 г. в Багдаде были убиты король Фейсал II и его дядя регент Абд аль-Илях; 25 марта 1975 г. во время приема по случаю праздника был застрелен король Саудовской Аравии Фейсал (убийцей оказался его племянник принц Фейсал ибн Мусаид, которому за преступление отрубили голову). В том же году был умерщвлен свергнутый незадолго до этого с престола последний император Эфиопии Хайле-Селассие I, представитель самой древней на земле династии, родоначальниками которой были царь Соломон и царица Савская.

Таким образом, царевубийства представляют интерес не только как важные исторические события, зачастую влияющие на судьбы народов и государств, но и как факт межчеловеческих отношений, пример соперничества в борьбе за верховную власть. Сменяются эпохи, меняются государственные устройства, президенты и правительства, но вечными остаются такие категории, как любовь и ненависть, зло и порок, добродетель и зависть. Так было в древности, не исчезло это и поныне. А в исследуемой авторами этой книги теме царевубийств такие проявления человеческой природы играли важную, порой решающую роль.

Читателю предлагаются жизнеописания исторических деятелей, различных во многом — по национальности и возрасту, значимости их деяний, человеческим достоинствам, — но имеющих один общий финал — насильственную смерть.

СЕРВИЙ ТУЛЛИЙ И ЕГО НЕЧЕСТИВАЯ ДОЧЬ ТУЛЛИЯ

Наказание отцеубийцы по обычаю предков установлено следующим образом: высеченный кровопускающими розгами, отцеубийца зашивался в мешок вместе с собакой, петухом, гадюкой и обезьяной, затем мешок бросали в глубину моря. Так делалось, если море было рядом, в противном случае он отдавался на растерзание диким животным.

Дигесты Юстиниана, 48. 9. 9

ПРЕДАНИЕ ГЛАСИТ...

Сервий Туллий — это имя совеяно многочисленными легендами и мифами настолько, что порой бывает трудно отличить реальные исторические факты от домыслов римских анналистов. Некоторые современные историки гиперкритического направления настолько увлеклись выискиванием этих самых домыслов и преувеличений, что объявили все сведения о Сервии Туллии не более чем мифом. Однако мы не будем следовать за этими гиперкритиками, так как не только письменная, но и материальная культура Древнего Рима несет на себе следы эпохи шестого римского царя Сервия Туллия. Еще и сегодня в Риме можно видеть остатки знаменитой Сервиевой стены, фундамент

которой, по мнению археологов, относится к VI в. до н. э., то есть ко времени Сервия Туллия. Есть, хотя и незначительные, письменные памятники той эпохи.

Дабы не утратить драгоценных свидетельств этой древнейшей эпохи истории Рима, будем придерживаться тех данных античной традиции, которые не противоречат общему ходу развития римской архаической общины и социальным условиям архаического общества. Основные наши источники — знаменитая римская история Тита Ливия и «Римские древности» Дионисия Галикарнасского.

Итак, Сервий Туллий родился от рабыни по имени Окрисия при дворе царя Тарквиния Древнего — основателя так называемой этрусской династии. Точный год рожде-

ния Сервия мы не знаем, однако день его рождения известен. Это день знаменитого праздника Дианы Арицийской и Авентинской, называвшийся также днем рабов, что на латыни звучит как «сервиев день». Праздник проходил в августовские Иды, то есть 13 августа. Следует отметить, что само имя царя — Сервий — указывает на его рабское происхождение (латинское слово «servus» означает «раб»). Рождение Сервия Туллия окружено легендами. Так, Дионисий Галикарнасский (Римские древности, 4.2) пишет, «будто он был любимцем у богов и божеств... Из домашнего очага царского жилища (римляне посвящают ему первинки пищи и исполняют другие священные обряды) над огнем поднялся мужской орган. Окрисия, неся обычные жертвенные пироги к огню, первой увидела его и сразу пришла к царю, чтобы рассказать об этом». Далее греческий историк рассказывает, что царь Тарквиний по совету его жены Танаквиль приказал Окрисии вступить в связь с этим мужским органом, олицетворявшим, по-видимому, римского бога Вулкана. Так был зачат будущий царь Сервий Туллий. Согласно мифологическому преданию, уже в детском возрасте проявилось божественное происхождение Сервия Туллия. Однажды, когда мальчик спал, его голову

неожиданно охватило пламя. Слуги попытались потушить огонь, но Танаквиль остановила их, и пламя погасло лишь тогда, когда ребенок проснулся, и не причинило ему никакого вреда. Еще одна легенда утверждает, что уже в зрелом возрасте Сервий Туллий вступил в любовную связь с богиней Фортуной. Так, Плутарх (Римские вопросы, 36) пишет, что, «по преданию, Сервий, счастливейший из царей, будто бы сочетался с Фортуной, входившей к нему через окно». Как бы то ни было, все римские историки были убеждены, что царю на протяжении всей его долгой жизни сопутствовала Фортуна, лишь однажды, на пороге смерти, предав его.

ПУТЬ К ВЛАСТИ

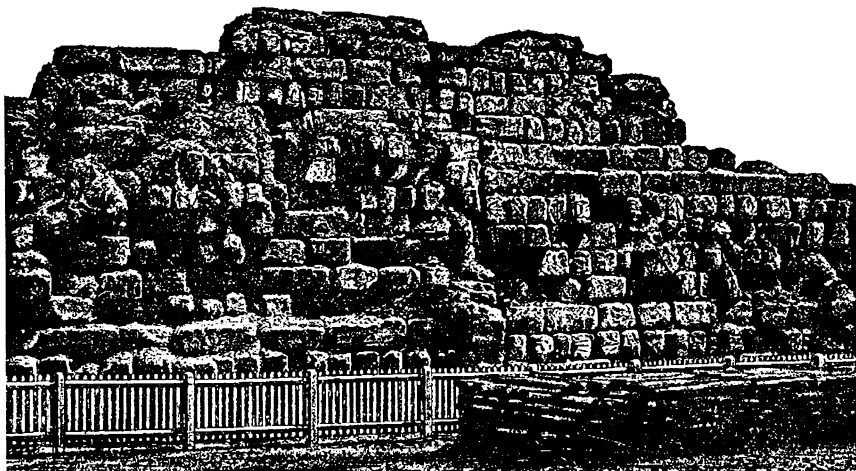
Однако обратимся к фактическому материалу. Римские анналисты утверждают, что Сервий, будучи хотя и рабом, но любимцем в царском доме, получил хорошее греческое образование и уже в юном возрасте дополнил его военными победами. Уже в 20 лет он был назначен военачальником союзного латинского войска и принес Тарквинию власть над этрусками и сабинами. Царь еще более приблизил к себе Сервия, наградив воинскими венками и дав ему в жены свою вторую дочь, а

затем передав и управление общими делами государства.

Это вызвало резкое недовольство детей Анка Марция, бывшего царем до Тарквиния Древнего. Они опасались, что со смертью Тарквиния власть вновь ускользнет от них и перейдет в руки Сервия, так как прямого мужского потомства у Тарквиния не было. Марции составили заговор, решив устранить Тарквиния. Для этого были наняты два пастуха, которые и были допущены к Тарквинию якобы для разбора тяжбы между ними. В то время как один из пастухов излагал царю суть тяжбы, второй подошел к Тарквинию сзади и нанес смертельный удар топором по голове. Оставив топор в теле жертвы, преступники попытались скрыться, но были схвачены. Народ, до которого дошли слухи о страшном злодеянии, пытался ворваться во дворец, однако супруга Тарквиния Танаквиль приказала, закрыв все двери, никого не впускать и не выпускать. Она решила утаить от народа известие о смерти царя, дабы не выпустить престол из рук рода Тарквиниев. Через окно Танаквиль сообщила народу, что рана царя не смертельна и через некоторое время он выздоровеет и вновь возьмет власть в свои руки. А пока царь передает бразды правления Сервию Туллию. Ее слова успокоили народ, а Сервий,

облачившись в царские одежды, принялся править суд, откладывая для виду лишь некоторые дела и ссылаясь на необходимость посоветоваться с Тарквинием. Марции, опасаясь смертного приговора, были вынуждены бежать. Таким образом, в 576 г. до н. э. на престол вступил царь Сервий Туллий.

Однако в начале правления власть его была достаточно шаткой, так как он не получил ее ни от сената, ни от народного собрания. Дело в том, что в Риме в то время уже существовал особый ритуал восшествия царя на престол. Сервий был первым, кто нарушил его. Обычно в связи со смертью царя созывался сенат и отцы города назначали междоцарствие, то есть поочередное однодневное правление сенаторов. Это правление сохранялось до тех пор, пока сенат не принимал решение рекомендовать народу того или иного кандидата. Затем верховным жрецом (понтификом) созывалось народное собрание (куриатные комиции), на котором народ выражал свою волю и приносил клятву верности новому царю. Такое народное решение и клятва назывались куриатным законом о царском империи, нарушение которого строго каралось, вплоть до принесения клятвоступника в жертву подземным богам.

Остатки стены Сервия Туллия в Риме

ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР

Дабы упрочить свое положение, Сервий предпринял ряд энергичных мер. Он начал с того, что взял на себя уплату всех долгов плебеев, тем самым освободив их от угрозы долгового рабства. Более того, он издал закон, запретивший кредиторам давать в долг под залог тела и свободы должника. Далее, Сервий Туллий произвел перераспределение общественной земли, находившейся до того преимущественно в руках богатых отцов-сенаторов, в пользу безземельных и малоземельных граждан, вынужденных ранее работать в поденщиках у патрициев.

Эти меры вызвали одобрение простого народа, который с этого времени стал

неизменно поддерживать Сервия Туллия во всех его начинаниях. Однако среди патрициев возникло недовольство, и Сервий уже не мог рассчитывать на поддержку сенатом его власти. Потому-то царь решился, минуя сенат, напрямую обратиться к народному собранию с просьбой о вручении ему царской власти. Народ с радостью провозгласил Сервия царем. Решение куриатного собрания, несомненно, имело законную силу. Однако куриатный закон об избрании Сервия не был передан на утверждение в сенат.

В патрицианской сенаторской среде надолго утвердилось глухое недовольство Сервием Туллием. Зная об этом, царь предпринял еще ряд мер, призванных ограничить власть сената и силу патрицианских

родов. Каждый сенатор был как бы маленьким царем в своих владениях — будь то паг, курия или просто родовое объединение. Патриции обычно селились на укрепленных холмах, господствовавших над близлежащей сельской округой. Сюда, в эти укрепления, в случае вражеского набега стекалось все находящееся по соседству население. Здесь же находился культовый центр божества — хранителя пага. Именно здесь верховный вождь пага, называвшийся магистром, совершал жертвоприношения. Наконец, именно здесь, в центре пага, обычно являвшегося территорией отдельной курии, собиралось местное ополчение.

Власть древнейшего патрицианского сената носила сакральный характер. Это было собрание жрецов римского государства и отдельных пагов. В архаический период жреческие функции вполне сочетались с военными и политическими. Более того, наличие сакральной власти было непременным условием обладания властью политической и военной. «Общеизвестно, — пишет византийский антиквар Иоанн Лид в трактате «О магистратах», — что в древности были жрецы, которые впоследствии были (заменены) магистратами Римской республики... Итак, нам предстоит рассказать о гражданских властях, а именно о том, как

власть перешла от жреческого сословия к гражданской форме». Сломить сакрально-родовую власть отцов-сенаторов было делом весьма непростым. Ведь даже в более поздние, республиканские времена римские сенаторы обладали столь значительной властью, что иностранцы иногда сравнивали заседание сената с собором царей. Действительно, каждый из них имел курульное кресло — символ судебной царской власти и входил в судебную коллегия центумвиров.

Начало ограничению власти родовой верхушки положил именно Сервий Туллий. Вот что об этом пишет римский антиквар Фест в этимологическом словаре «О значении слов» (С. 247 L): «Патрицианская улица названа так оттого, что там по приказу Сервия Туллия поселились патриции — чтобы, если они что-либо предпримут против него, подавить их с господствующих высот». За скупыми словами древнего автора видна картина жесткой политической борьбы римского царя с родовой верхушкой. Думается, что не так просто было выселить патрициев с холмов в низину, всегда считавшуюся среди римлян территорией для простонародья. Известно также, что в архаическом Риме все заговоры начинались с плана захвата господствующих высот в городе. Поступок Сер-

вия Туллия стратегически был верен.

Далее Сервий Туллий ввел сакральные законы о жертвоприношениях во время сельского праздника Паганалии, регламентировав в них не только характер жертвоприношений и религиозных собраний, но и деятельность могущественных в то время магистров, поставив их в зависимость от царской власти. Здесь необходимы некоторые пояснения. Дело в том, что в виде жертвоприношений во время Паганалий собирался поземельный налог — главная статья доходов римского государства. Вообще, система налогообложения в Риме развивалась в рамках сакрального права, элементы которого сохранялись и в более поздние эпохи. Казна римского народа — эрариум — находилась в храме Сатурна. Обычный в нашем понимании налоговый сборщик в архаическом Риме непременно должен был быть жрецом-фламинем, исполнителем Божией воли. Поэтому поставить под свой контроль магистров пагов было весьма важно для царя-реформатора.

Указанными мерами Сервию удалось надолго укрепить свою власть. И он делает следующие шаги в своих реформах. Наиболее известна введенная им система ценза, разделившая всех римских граждан на шесть основных имущественных разрядов. В VI в. до н. э.

главным для римлянина было военное дело, защита рубежей государства от постоянных грабительских набегов соседей. Поэтому каждый полноценный римский гражданин должен был быть воином. И римский ценз носил подчеркнuto военный характер. К первому разряду царь отнес граждан, имевших имущества не менее чем на 100 тысяч ассов. Их вооружением были копье, шлем, панцирь, круглый щит, поножи и меч. Имущество второго разряда ограничивалось 75 тысячами ассов, а из вооружения был изъят панцирь. Ценз третьего разряда составлял 50 тысяч ассов, а из вооружения были изъят панцирь и поножи. Четвертый разряд имел не менее 25 тысяч ассов, оружие его состояло лишь из копья, меча и щита. Он занимал последнюю линию строя. Пятый разряд, имевший не менее 12 с половиной тысяч ассов, был вооружен лишь короткими копьями и пращей и сражался вне боевого строя. Наконец, шестой разряд граждан, имевших имущества менее чем на 12 с половиной тысяч ассов, он освободил от воинской службы.

В зависимости от имущественного положения распределялся и подоходный налог. Наибольшее налоговое бремя легло на плечи первых разрядов, в то время как шестой разряд — беднейший и наи-

более многочисленный слой граждан — вовсе был освобожден от внесения налога. Однако имущие граждане компенсировали это преобладанием в политических правах. Все разряды делились на центурии, причем количество человек в каждой центурии было неравным. Наибольшее число центурий (80) относилось к первому разряду, где количество граждан было наименьшим. В то же время всех беднейших граждан, число которых было очень велико, Сервий объединил в одной центурии. Таким образом, в народном собрании принимали участие все граждане, но наибольший вес имели первые 16 центурий всадников и 80 центурий тяжеловооруженных воинов первого разряда. Так как всего центурий было 192, то при единодушии в первом разряде результат голосования центурий других разрядов был уже не важен.

Следовательно, освобождение от военного и налогового бремени сводило к минимуму и политические права при формальном их соблюдении. Этот государственный строй долгое время сохранялся у римлян, хотя в эпоху республики центуриатные собрания стали постепенно вытесняться народными собраниями по территориальным трибам, где голосование было более равным.

Согласно традиции, Сер-

вий Туллий собрал всех вооруженных граждан за стенами города на Марсовом поле (входить в город с оружием запрещалось) и совершил религиозный ритуал люстрации, то есть сакрального очищения войска. Жрецы трижды обошли вокруг войска, ведя за собой быка, барана и козла, которые были затем принесены в жертву богу войны Марсу. Этим актом завершался ценз римского народа, обычно проводившийся один раз в пять лет. Сервий Туллий ввел строгие законы, регламентировавшие систему оценки имущества и налогообложения. Уклонение от ценза или сокрытие доходов каралось конфискацией имущества, наказанием палками и продажей в рабство.

Не менее известен Сервий Туллий своей законодательной деятельностью в области обязательственного права и в системе судопроизводства. Согласно греческому историку Дионисию Галикарнасскому, он восстановил законы первых римских царей Ромула и Нумы Помпилия, а также утвердил на куриатных комициях около 50 новых законов о заключении сделок и правонарушениях. Особенно недовольны введением этих законов были патриции, так как теперь они обязаны были судить не по ими же установленным обычаям и собственной воле, а по писаным зако-

нам, что ограничивало их произвол.

В то же время вся античная традиция согласна в том, что царь Сервий Туллий первым ограничил и свою собственную, царскую власть. Если ранее царь оставлял за собой право разбирать все судебные дела, то теперь, согласно законам Сервия, он разбирал лишь наиболее важные государственные преступления. Все частные иски были переданы учрежденной им коллегии судей. Деятельность этих судей также регламентировалась составленными царем законами.

Следует отметить усилия царя по облегчению положения рабов, — именно он ввел обычай регулярно освобождать рабов за достойный труд и похвальное поведение. Меры царя в отношении рабов носили сакральный характер. Известно, что законами Сервия Туллия регламентировались очистительные жертвоприношения богине Диане. Культ же Дианы тесно связан с введенным Сервием Туллеем религиозным праздником 13 августа, сопровождавшимся ритуальным освобождением рабов. Царь был основателем и рабского праздника Компиталии (23 декабря), тесно связанного с Сатурналиями как по времени проведения, так и по характеру. Оба этих праздника сопровождались очистительными жертвоприношениями, причем

жертвы богам во время Компиталий-Ларенталий приносились именно рабами. По словам Дионисия, специальный закон регулировал как само празднество, так и жертвоприношения. Причем в ритуал входило и полное освобождение рабов на время праздника, что должно было примирять их со своими хозяевами. Вообще, освобождать рабов по большому празднику за хорошую работу стало обычным для Рима явлением. Иностранцы заявляли, что римлянам невозможно было победить из-за того, что в трудное для государства время они своих рабов, даровав им свободу и гражданство, делали воинами.

Древний обычай освобождения заключенных и прощения долгов сохранился в Риме вплоть до христианской эпохи и через христианского императора Юстиниана проник в Европу. Даже в России хорошо известны так называемые «царские дни» на Рождество, когда государь обходил тюрьмы и приюты, амнистируя заключенных и освобождая неоплатных должников от бремени обязательств.

Сервий своими деяниями завоевал любовь и среди сельского плебса. Любопытный отрывок об этой стороне его деятельности мы находим у римского антиквара Макробия в книге «О сатурналиях»: «Сервий Туллий ввел нунди-

ны, чтобы для обустройства городских и сельских дел в город приходили и жители полей. ...День нундин начали праздновать сразу после изгнания царей, так как, когда память о Сервии Туллии была восстановлена, этими нундинами большая часть плебса приносила ему искупительные жертвы... Римляне учредили нундины для того, чтобы в течение восьми дней сельские жители трудились на полях, на девятый же день, прервав сельские работы, приходили в Рим для торговли и принятия законов...» Итак, традиция приписывает Сервию Туллию и введение выходных дней — нундин, когда сельчане по праву могут отдохнуть от работ и приобщиться к государственным делам. Насколько верно это, судить трудно, однако римский плебс также твердо связывал нундины именно с Сервием Туллием, как христиане — каждое воскресенье с Иисусом Христом.

Царь-реформатор прославился и в области международного права. Как пишет Дионисий Галикарнасский, он, созвав римский сенат, пригласил на него представителей соседних, преимущественно латинских, городов и предложил им создать нечто вроде конфедерации. Он разработал закон об общем органе управления — Совете, состоящем из выборных представителей отдельных городов.

Председательствовать в нем назначил Риму, как сильнейшему из латинских городов. Сервий Туллий предложил также и общую казну — храм Дианы на Авентине, где ежегодно представители союзных городов должны были бы совершать жертвоприношения во время общего празднества в честь Дианы. Он составил законы, регулировавшие отношения между союзниками, а также характер, размер жертвоприношений и ритуал самого празднества. Греческий историк подчеркивает, что все эти законы Сервий Туллий начертал на медной стеле, хранившейся в храме Дианы вплоть до времен самого Дионисия, то есть до конца I в. до н. э. Причем галикарнасец подчеркивает, что законы эти были написаны по-гречески, что подтверждается как письменными источниками, так и данными археологии и эпиграфики.

Инициатива царя не встретила одобрения. Латинские города считали себя свободными от каких бы то ни было обязательств по отношению к царю столь низкого, рабского происхождения. Первыми выступили против этруски — жители города Вейи, затем жители городов Церы и Тарквинии, наконец, к ним присоединились многие латинские города. Война Рима с ними тянулась без перерыва в течение 20 лет. Туллий одержал

ряд побед и был удостоен трех триумфов. Наконец, когда людские и денежные ресурсы городов иссякли, начались переговоры о мире. Сервий Туллий предложил все те же условия общего союза под эгидой Рима. Он пообещал оставить без наказания отпадение латинов, однако этрусские города были сурово наказаны, лишившись части своих земель и граждан. Таким образом, в означенный союз вошли 12 латинских городов, которые и стали, за редким исключением, постоянными союзниками Рима.

СНОВА ПРЕДАНИЕ — ТЕПЕРЬ О СМЕРТИ...

Таковы были государственные деяния шестого римского царя Сервия Туллия, сына рабыни, прозванного Счастливейшим. Теперь обратимся к весьма печальной странице его жизни — описанию убийства. Это событие излагают древние историки Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский и многие другие. Итак, у царя было две дочери, обе звались Туллиями, так как у римлян не было принято давать имена дочерям, и они звались по родовому имени отца, поставленному в женский род. Сервий решил, дабы упрочить положение своего рода и рода Тарквиниев, выдать обеих дочерей замуж за внуков Таркви-

ния Древнего — Луция и Аррунта. Старшая дочь, девушка весьма мягкого, скромного нрава, стала женой Луция, человека заносчивого и лицемерного. Младшую Туллию, прозванную Свирепой, он сватает за младшего брата Аррунта, человека достойного и скромного. Такое положение не устраивало Туллию-младшую, так как брак с младшим Тарквинием делал перспективу ее воцарения маловероятной. Она тайно встречается с Луцием и убеждает его отравить своих супругов, а затем сочетаться браком между собой. Вскоре это злодеяние было приведено в исполнение. Став женой старшего брата Тарквиния, Туллия младшая всячески склоняет Луция к заговору против Сервия Туллия. При этом она ссылается на то, что Туллий — сын рабыни и владеет престолом незаконно, без одобрения сената, лишив законного наследника — внука Тарквиния — царской власти.

Ободренный словами Туллии, Луций Тарквиний начинает действовать, склоняя на свою сторону недовольных отцов-сенаторов — старых привлекает напоминанием о благодеяниях по отношению к ним своего деда Тарквиния Древнего, молодых заманивает щедрыми подарками и обещаниями. Сервий Туллий, до которого дошли слухи о намерениях Луция, созывает се-

нат, где между ними начинается словесная перепалка. Видимо, Сервий Туллий не получил поддержки сенаторов, так как сразу после этого созвал народное собрание, напрямую обратившись к гражданам с вопросом: желают они видеть и далее его своим царем или ему передать власть Луцию Тарквинию? Народ криками выражает Сервию глубокую преданность и умоляет не слагать с себя власть. Более того, разгоряченный плебс начинает угрожать Луцию расправой, и тот спасается бегством. Сервий Туллий с почетом, в окружении огромной толпы, возвращается домой.

Таким образом, первая попытка Луция оказывается неудачной. Туллия-младшая прилагает все усилия к тому, чтобы Сервий простил дочь и зятя. Не склонный к враждебным действиям против своих ближайших родственников, Сервий прощает Туллию и Луция. Те же, внешне вполне раскаявшись, продолжают вынашивать кровавые планы. Дождавшись благоприятного времени, когда большая часть простого народа находилась в поле, Луций Тарквиний, облачившись в царское одеяние, с толпой вооруженных прищешников врывается на форум и перед зданием курии объявляет о заседании сената, рассылая вестников к отцам города. Узнав об этом, Сервий

Туллий спешит в сенат и застаёт Луция сидящим в царском кресле, в окружении сенаторов. В гневе спрашивает Сервий: как посмел он занять царское кресло?! В ответ Луций указывает, что не подобает рабу, сыну рабыни, претендовать на царский престол его деда Тарквиния Древнего. Сервий подходит к Луцию, тот же, будучи рослым юношей, легко поднял старика на руки, вынес его из курии и, подняв над головой, с силой бросает вниз по ступеням. Старик Сервий, весь окровавленный, едва придя в себя, в окружении немногих оставшихся верными ему друзей отправляется к дому.

Узнав о случившемся, его нечестивая дочь Туллия приезжает на колеснице к курии и первая обращается к Луцию Тарквинию как к царю. Она убеждает Тарквиния настичь Сервия и добить. Посланные Тарквинием вооруженные люди возле самого дома закалывают старика. Туллия, возбужденная удачей, возвращается в дом, и ее колесница натывается на узкой улочке на мертвого Сервия Туллия. Возница останавливается перед телом царя, однако обезумевшая дочь направляет колесницу прямо по нему и на окровавленной повозке приезжает к отцовскому дому. Улица, на которой свершилось это злодеяние, с той поры звалась римлянами «проклятой», а

образ Туллии навсегда стал символом злодейства и безумной жестокости.

Так в 534 г. до н. э., на 44-м году правления, согласно преданию, окончил жизнь царь Сервий Туллий. Сохранились для истории лишь незначительные отрывки его многочисленных архаических законов, но в веках осталось навсегда имя царя-реформатора.

Смерть царя не принесла ни одной из участвовавших в заговоре сторон ожидаемого счастья. Когда Тарквиний начал расправляться с плебсом, вновь вернув подушное налогообложение и отменив все законы Сервия Туллия, отцы-сенаторы злорадствовали. Однако их радость была недолгой. Доведя плебс до рабского состояния, Тарквиний обратился и против сената. Многие сенаторы были казнены без суда и следствия, другие изгнаны, так что к концу правления

Тарквиния сенат поредел более чем наполовину. Да и эта половина в значительной мере состояла из ближайших родственников Тарквиния, и заседания сената больше напоминали семейное застолье, нежели собрание государственных мужей.

Недовольство римского народа царем-узурпатором было почти единодушным. В 509 г. до н. э. Тарквиний Гордый был с позором изгнан из Рима, в государстве установилось консульское правление — республика. Первое, что сделали консулы, — восстановили все законы Сервия Туллия. В храме любимицы царя богини Фортуны была установлена бронзовая статуя Сервия, с той поры неизменно находившаяся там на протяжении многих веков. Народ же почитал нундины как время поминовения царя-реформатора Сервия Туллия.

МАРТОВСКИЕ ИДЫ

Многие рассказывают также, что какой-то гадалец предсказал Цезарю, что в тот день месяца марта, который римляне называют идами, ему следует остерегаться большой опасности. Когда наступил этот день, Цезарь, отправляясь в сенат, поздоровался с предсказателем и шутя сказал ему: «А ведь мартовские иды наступили!», — на что тот спокойно ответил: «Да, наступили, но не прошли!»

Плутарх. Цезарь, 63

Цезарь был убит в мартовские иды 44 г. до н. э. Свыше двух тысяч лет событие это хранится в памяти человечества, поражая кровавыми подробностями и интригуя вечной тайной скрытых и явных причин действия.

Смерть Цезаря стала историческим фактом, достоверно описанным событием. Наверное, это связано с исключительным единодушием многочисленных античных авторов, передающих рассказ об этом убийстве. Из той же традиции идет и осмысление этого преступления как героического тираноубийства, совершенного людьми, вдохновляемыми идеалами свободы и Республики.

И вместе с тем, как всякое важное историческое событие, смерть Цезаря нельзя толковать однозначно. Не случайно

Р. Дж. Коллингвуд в «Идее истории», рассказывая о каплях крови Цезаря на полу курии Помпея, подчеркивает внешнюю и внутреннюю стороны события. По его мнению, внутренняя сторона может быть понята познанием мысли того, кто предпринял действие, — в данном случае Брута и других заговорщиков.

ЗАГАДКА УБИЙСТВА ЦЕЗАРЯ

Однако не все так просто. Чем руководствовались Брут, Кассий и их сообщники, достаточно хорошо известно, и далее об этом будет сказано. Но загадка убийства Цезаря лежит отнюдь не здесь. Оно связано с глубинными процессами истории, движущимися отдельными событиями,

порой почти независимыми от них. В самом деле, разве не парадоксально, что именно смерть диктатора, задуманная и свершившаяся как акт открытого и демонстративного тираноубийства, заложила едва ли не самый прочный камень в основание грядущей Римской империи. Ибо чем же возвысился Гай Октавий, как не отщипением за приемного отца, «божественного Цезаря»? Став Августом, он отвел центральное место на своем Форуме храму Марса Мстителя, выстроенному по обету, который дал во время войны с убийцами Цезаря. Много ли найдется в истории примеров столь разительного расхождения между замыслом и результатом? Недолгой была и радость заговорщиков, быстро понявших, что тиран мертв, но тирания жива, а вместе с ней и неизбежность новых гражданских войн. В дальнейшем же убийство Цезаря стало иллюстрацией к спорам о предопределении свыше и свободе воли. Для средневековой мысли характерно воззрение на события истории как на реализацию воли Бога. И поэтому те, кто мог убить Цезаря, не в силах помешать падению Республики. Само убийство — новое и дополнительное обстоятельство, содействующее этому падению.

Может быть, весь драматизм мартовских ид, гипнотизировавший многих творцов,

от У. Шекспира до Т. Уайльдера, как раз и заключен в очевидной разнонаправленности этого деяния: героическое тираноубийство лишь усугубило агонию Республики и приблизило окончательное упрочение монархии. Именно неотвратимость события в сочетании с парадоксально противоположными, но неизбежными последствиями и превратила убийство римского диктатора в один из узловых сюжетов мировой истории.

В античной традиции, повествующей об убийстве Гая Юлия Цезаря, царит поразительное единодушие как в описании фактов, так и в их оценках. Разночтения, которые могут быть объяснены расхождением взглядов авторов, живших в разные периоды, минимальны и практически не влияют на однозначный вердикт: после завершения гражданских войн и возвращения из Испании в сентябре 45 г. до н. э. Цезарь был удостоен не виданных прежде почестей, божественных и человеческих, но стал себя вести как тиран, за что и был справедливо убит. Такой взгляд на события разделяли и республиканцы из сенатской олигархии, организовавшие заговор, и отомстивший за Цезаря Август, который, усвоив этот кровавый «урок», не прочь был подчеркнуть различие между тиранией своего божественного отца и своей соб-

ственной «восстановленной республикой» (то есть установленной монархией). Паразитическое согласие! Особенно если сопоставить его с чрезвычайно разнообразными взглядами современных историков на характер власти Цезаря, его политику и замыслы.

Со времен Т. Моммзена многие историки исследовали различные аспекты деятельности Цезаря — от личных, «партийных» связей, внутрисенатских интриг, до крупных начинаний в политике (расширение римского гражданства и формирование новой социальной базы власти, отношения с ветеранами и аграрная политика, провинциальные и муниципальные нововведения и т. д.) и особенно эффективной пропаганды, цель которой — создание в народе особого образа вождя. В целом все более ясной становится роль этого удивительного римлянина, происходившего из древнего патрицианского рода, в превращении Римской республики, по сути оставшейся лишь разросшимся до размеров мировой державы Городом, в упорядоченное государственное образование — Империю. Процесс этот был длительным, начавшимся задолго до Цезаря, и завершился в общих чертах лишь при Августе. Но Цезарю в нем отводится немалая роль, и вклад его в

рождение Империи неоспорим.

То, что переход от Республики к Империи был обусловлен превращением Рима в мировую державу, отнюдь не открытие современных историков, рассматривающих этот процесс как проявление кризиса античной гражданской общины, полиса. Эту взаимосвязь чувствовали и сами древние: подобные рассуждения встречаются у Саллюстия, у Тацита, у других. Правда, они смотрели на это под иным углом зрения. Если мы теперь подчеркиваем непригодность традиционного сенатского республиканского строя для управления огромной державой и соответственно закономерность установления более эффективной монархической императорской власти, то римляне видели прежде всего разрушительность «державности» и ее последствий для их привычного государственного устройства — Республики — как общего достояния граждан.

Римляне гордились своим государством и видели в нем воплощение идеальной формы правления. Живший в Риме во II в. до н. э. и входивший в кружок Сципиона Эмилиана греческий историк Полибий и позднее Цицерон находили именно в Римской республике образец смешанного государственного устройства, сочетающего лучшие черты мо-

нархии, аристократии и демократии, но чуждого собственных им крайностей и опасности перерождения. Власть консулов напоминала царскую, всевластие сената воплощало аристократическое начало, а в значительной роли народных собраний нельзя было не заметить демократию. Баланс же всех трех элементов и создавал уникальность Рима. Именно уверенность в «правильности» организации Республики лежала в основе римского мифа — о богоизбранности римского народа и его великой миссии завоевать мир и править им.

АГОНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Насколько соответствовали реальные механизмы власти в Римской республике этим идеализированным представлениям? Однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может, как и в любом другом случае, когда сталкиваются идеалы и реальность. Но очевидно, что подобное умонастроение было присуще в той или иной степени всем римлянам эпохи Республики, да и в императорскую эпоху сохраняло свою притягательность, как свидетельствуют Сенека, Тацит и другие. Существовавший порядок ведения государственных дел обеспечивал достаточно успешное функционирование Республи-

ки. Но — до поры до времени, пока не начались долгие десятилетия гражданских смут: от трибуната Тиберия Гракха в 133 г. до н. э. и до битвы при Акции в 31 г. до н. э., где была подведена черта под соперничеством Октавиана и Антония.

Таким образом, смерти Цезаря предшествовало почти столетие гражданских войн, но это было и временем напряженного поиска новых форм власти. Современники Суллы, впервые двинувшего в 88 г. до н. э. свои войска на Рим, организовавшего проскрипции и обеспечившего мечом и кровью проведение серьезной конституционной реформы, не могли не отдавать себе отчета в тираническом характере власти диктатора, и его нововведения, направленные на усиление власти сената и умаление полномочий народных трибунов, еще не давали повода усомниться в сохранении традиционного государственного устройства. Это подтвердило и добровольное возвращение Суллы к частной жизни после восстановления конституционного порядка.

Казалось, все идет как прежде — избираются магистраты, сенат принимает и проводит решения, определен порядок прохождения должностей, разделены военные и гражданские полномочия. Последнее было особенно важным, ибо опыт уже показал

всю опасность сосредоточения провинциальных армий в руках консулов. Отныне консулы не покидают Рим, а получают провинции (вместе с войсками) лишь по истечении своих полномочий, и в этом деле сенату отводится решающая роль. Но равновесие длилось недолго. Не прошло и десяти лет, как были восстановлены в полном объеме права народных трибунов, а там уже не за горами были и новые потрясения: заговор Катилины, первый триумvirат, трибунат Клодия, фактически единоличное правление Помпея и, наконец, гражданская война и диктатура Цезаря, окончательно разрушившая сулланскую конституцию.

Заговор Катилины (63 г. до н. э.) проявил многочисленные слабости римской демократии и продемонстрировал готовность политиков с легкостью прибегать к насилию: обедневший аристократ Катилина под привлекательными лозунгами кассации долгов собирал вооруженных сторонников и чуть ли не намеревался поджечь Рим. А консул Цицерон в борьбе с заговорщиками добился от сената решения о безотлагательной их казни, поправ тем самым священное право римских граждан обратиться к народу. Кстати, Цезарь попытался убедить сенаторов сохранить жизнь катилинариям, что дало повод подозревать его самого, как и Красса, в причастности

Юлий Цезарь. Мраморный бюст

к заговору. Однако это не мешало его успешному продвижению по лестнице почестей и должностей, а также росту популярности в народе. После претуры (62 г. до н. э.) и наместничества в Испании, значительно поправив финансовые дела, Цезарь в 59 г. до н. э. становится консулом и входит в первый триумvirат, объединившись с Помпеем и Крассом против сенатской олигархии. Этот союз власти, ума и денег, будучи совершенно неформальным, а поначалу и тайным, смог, по выражению Плутарха, лишить власти сенат

и народ. Именно с его помощью Цезарь получил после консулата наместничество с правом набора легионов в Цизальпинской Галлии. Ему предстояло завоевать всю Галлию, совершить экспедицию в Британию, подавить восстание Верцингеторига и написать знаменитые «Записки о галльской войне», чтение которых заставляет сожалеть о других, утраченных его произведениях, и прежде всего о речах. А еще за восемь галльских лет Цезарь сможет выковать свое главное оружие — преданную армию, которая в 49 г. до н. э. перейдет вместе с ним Рубикон и двинется на Рим, навстречу гражданской войне.

Но до этого было еще далеко. Пока же Рим держали в постоянном напряжении беспрестанные столкновения и даже вооруженные стычки между Клодием, избранным народным трибуном в 58 г. до н. э. с помощью Цезаря, и Милоном, ставленником сената. Эти годы вместили немало событий: рост могущества Помпея; изгнание и возвращение Цицерона (58—57 гг. до н. э.), которого Клодий обвинил в бессудной казни римских граждан — катилинариев; непрекращающиеся скандалы и судебные процессы по поводу подкупа избирателей и попытки решать исход выборов угрозой оружия; убийство Клодия рабом Милона (18 января 52 г. до н. э.) и

последовавшие за этим народные волнения и суд над Милоном, закончившийся его осуждением, изгнанием и распродажей имущества; гибель Красса в парфянском походе (53 г. до н. э.) и смерть в 54 г. до н. э. дочери Цезаря Юлии, брак которой с Помпеем был одним из залогов прочности первого триумvirата. Более или менее законное, осуществлявшееся с согласия сената единовластие Помпея, избиравшегося, в частности, единоличным консулом (без коллеги) и управлявшего своими провинциями через легатов, не покидая Рима, при всей своей легитимности расшатывало устой Республики.

Но это сегодня, из далека времен, нам видно неотвратимое приближение конца Республики. Современники же не ведали грядущего, они лишь переживали одно за другим потрясения, занимались обычными делами, сетовали на те или иные расстройства в государственных делах, но продолжали действовать по заданным правилам, стремясь реализовать свои собственные цели. Политика, как и прежде, пронизывала все сферы жизни. Государственная деятельность для истинного римлянина была абсолютной необходимостью и потребностью души. Консульские должности оставались заветной целью, к которой стремились и которой достигали как нобили, выход-

цы из потомственных консульских родов, так и «новые люди» типа Цицерона. Традиционный механизм власти в Римской республике продолжал работать, поддерживая уверенность в причастности всех граждан (в меру их статуса, разумеется) к управлению делами общины. И этой уверенностью питалось коллективное самосознание Рима, присущее всем — от Катона и Цицерона до Помпея и Цезаря.

Но становилось очевидно, что это была уже не «республика предков». Сулла смог восстановить республиканские порядки после страшной гражданской войны, но никому не под силу было зачеркнуть его всеиллие как полководца, ставшего диктатором при поддержке преданной лично ему армии. Его примеру пытались следовать многие, поняв, что именно власть над армией и провинциями гарантирует укрепление позиций в самом Риме. При внешнем соблюдении обычных конституционных процедур возрастает могущество Помпея, Красса, затем и Цезаря. В конце концов этот поначалу тайный, оформившийся, вероятно, в 61 г. до н. э. триумвират почти открыто правит Римом, добиваясь с помощью личных связей и подкупов (в том числе и на средства, доставляемые провинциальным командованием) избрания своих креа-

тур на должности магистратов Республики, желательного распределения провинций, принятия выгодных ему законов... Находясь в течение восьми лет в Галлии, Цезарь смог упрочить свои позиции в Риме настолько, что его столкновение со всемогущим Помпеем становится неизбежным. Началась гражданская война под «конституционными» лозунгами с обеих сторон. Перейдя Рубикон в январе 49 г. до н. э., Цезарь вступился за оскорбленных народных трибунов, пытавшихся предложить сенату мир на приемлемых для полководца условиях. Помпей же выступил на защиту сената и Республики. И хотя всем было ясно, что речь идет лишь о борьбе за высшую власть, война эта стала закономерным итогом республиканского правления.

Постоянное соперничество честолюбивых политиков служило дрожжами для римской жизни. Но в I в. до н. э. в их распоряжении оказалось столь сильное оружие, как профессионализирующаяся армия в сочетании с потенциалом провинций, также находившимся в полном распоряжении наместников. И хрупкое равновесие традиционного, все еще общинного по характеру строя было необратимо нарушено. Зерна будущей монархии уже вызревали понемногу в республиканской почве, испытывались разные

модели осуществления высших властных полномочий как в Риме, в Италии, так и в провинциях, на суше и на море. Позже Августу не придется ничего специально изобретать: его единовластие будет рядиться в республиканские одежды традиционных магистратур и полномочий столь искусно, что вплоть до наших дней не утихнет спор историков и юристов об истинном характере режима принципата.

Тем более в период Республики эта объективная тенденция к установлению монархии была растворена в потоке привычной действительности. Цицерон мог сколь угодно сетовать на упадок нравов и общественные язвы, возмущаться всевластием и произволом триумвиров («трехголового чудовища»), порой подчиняться их замыслам, даже вопреки собственным принципам, но участие в политической жизни оставалось смыслом его существования как единственно возможный способ служения родине и согражданам. Идеал Римского государства не только сохранял свою притягательность и актуальность, но и находил до известной степени опору в реальной жизни. Да, конечно, кризис был налицо. И в произведениях Цицерона и Саллюстия формулируется теория упадка нравов и необходимость нравственной реформы

для восстановления республики. Порча, искажения могли быть устранены, однако без коренной ломки, без низвержения основ. Именно этого и ждали от Цезаря после его победы в гражданской войне, длившейся четыре года.

Но надеждам не суждено было сбыться. Цезарь не повторил того, что сделал некогда Сулла, — не восстановил Республику и не ушел от власти. Он поступил совершенно противоположным образом. Увеличив число избираемых магистратов, он пополнил сенат (с 600 до 900 человек), одновременно ослабив влияние традиционной сенатской олигархии и упрочив собственные позиции. Выводя новые колонии (в том числе в Коринф и Карфаген) и щедро раздавая провинциалам римское гражданство, проводя реформу муниципального строя и наделяя своих ветеранов землей, Цезарь еще более подталкивал процессы, требовавшие новой организации империи, возможной лишь при стабильной власти верховного правителя, а не раздираемого междоусобицами сената в сочетании с интригами честолюбивых полководцев. В этих условиях продление диктаторских полномочий Цезаря было обеспечено, и в 44 г. до н. э. он был провозглашен диктатором навечно. При управлении своей державой Цезарь не слишком

заботился о соблюдении обычных процедур: рассылал по всему свету постановления сената, которые не обсуждались, но за подписью сенаторов, даже не ведавших подчас о содержании «своих» решений. Так, Цицерон получил благодарственное письмо за поддержку от царька, о существовании которого даже не знал. Выборы в народных собраниях также теперь происходили (по крайней мере, для половины магистратов) по прямой рекомендации диктатора. Да и высших должностных лиц, консулов, стали избирать не на год, а лишь на несколько месяцев. Но особенно тяжелое впечатление произвело событие последнего дня 45 г. до н. э.: когда собрались трибутные комиции для выборов квесторов, оказалось, что консул Фабий Максим, который должен был проводить выборы, скоропостижно умер. Цезарь тотчас же, превратив без соблюдения каких бы то ни было процедур трибутные комиции в центуриатные (а это были два совершенно разных вида народных собраний), объявил консулом одного из своих друзей — Гая Каниния Ребила, и тот стал консулом на последний день года. Потрясенному Цицерону оставалось только горько шутить: «На диво блистательный консул: во все свое консульство не сомкнул глаз!»

Как же реагировали римля-

не на бесцеремонное обращение Цезаря с республиканскими порядками? Мы мало знаем о позиции народа, но общая поддержка им Цезаря, имевшего устойчивую репутацию популяря, показывает, что такое его отношение к традициям свободной республики едва ли вызывало массовое негодование. Иное дело сенатские круги, и прежде всего те их представители, которые традиционно занимались активной политической деятельностью. Им были привычны и понятны два состояния: или нормальная, хотя бы с виду, государственная жизнь в рамках сулланской конституции, или гражданская война, отменяющая все законы. Беззаконие и хаос гражданской войны были объяснимы и как бы естественны. Если что и удивляло, так это масштабы «милосердия» Цезаря, даровавшего прощение чуть ли не всем своим побежденным врагам, в том числе будущим заговорщикам Бруту и Кассию сразу после битвы при Фарсале (48 г. до н. э.), где те бились на стороне потерпевшего поражение Помпея. Лишь такой принципиальный республиканец, сторонник стоической философии, как Катон Утический, не пожелав принять эту милость, героически покончил с собой.

Как это ни странно, в годы гражданской войны, когда Цезарь не раз бывал близок к

краху, его позиции казались более устойчивыми, чем после окончательной победы, бросившей к его ногам весь римский мир. Пока шла война, Цезарь, несмотря на обвинения его в стремлении к высшей власти, оставался в глазах политической элиты Рима — сената — своим, ибо стремление к первенству считалось для римских нобилей естественным. Но как только установился мир и стало ясно, что восстановление нормального строя не происходит, ситуация резко изменилась. Единовластие Цезаря вдруг стало невыносимым.

После возвращения из Испании осенью 45 г. до н. э. ему были оказаны все мыслимые почести. Как пишет Аппиан, «во всех святилищах и публичных местах ему совершали жертвоприношения и посвящения, устраивали в его честь воинские игры во всех трибах и провинциях, у всех царей, которые состояли с Римом в дружбе... Его нарекли отцом отечества и выбрали пожизненным диктатором и консулом на десять лет; особа его была объявлена священной и неприкосновенной; для занятия государственными делами ему были установлены сиденья из слоновой кости и золота, при жертвоприношении он имел всегда облачение триумфатора. Было установлено, чтобы город ежегодно праздновал дни боевых побед Це-

заря, чтобы жрецы и весталки каждые пять лет совершали за него молебствия и чтобы тотчас же по вступлении в должность магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь. В честь его рождения месяц Квинтилий был переименован в Июлий. Было также постановлено посвятить ему наподобие божества множество храмов...»

Однако не это оказалось чрезмерным. Чашу терпения переполнили, казалось бы, капли...

ТИРАНОУБИЙСТВО

Во всех повествованиях об убийстве диктатора фигурируют несколько событий, случившихся в первые месяцы 44 г. до н. э. Сначала Цезарь принял сидя сенаторов, явившихся в полном составе, чтобы поднести постановления об упомянутых выше почестях. И этим дал повод обвинить его, что он замышляет стать царем (кстати, Цезарь отказался от предложенного сенаторами десятилетнего консулата). Кто-то из тех, кто раздувал подобные слухи, украсил его изображение лавровым венком, обвитым белой лентой. Трибуны Марулл и Цезетий разыскали этого человека и арестовали его, на что Цезарь отреагировал спокойно. Но те же трибуны снова вмешались,

когда народ приветствовал Цезаря как царя у городских ворот, и нашли в толпе зачинщика. Тогда диктатор разгневался и удалил самих трибунов, обвинив их в том, что они коварно навлекают на него подозрения в тирании.

Не менее двусмысленная история произошла и во время Луперкалий — религиозного праздника, отмечавшегося 15 февраля. Марк Антоний, участвовавший в этой церемонии, дважды попытался увенчать Цезаря, наблюдавшего за ней с золотого кресла на рострах, диадемой, но диктатор ее отвергал (ему рукоплескал народ) и в конце концов повелел отнести диадему в храм Юпитера Капитолийского и сделать соответствующую запись в городских анналах о своем отказе.

Бродили и менее определенные слухи — будто бы Цезарь собирается перенести столицу на Восток в связи с парфянским походом, жениться на Клеопатре и т. п. Распространялось также предсказание, будто бы содержащееся в Сивиллиных книгах: победить парфян может только царь, и Цезарь должен принять этот титул перед выступлением в поход.

Но все эти смутные слухи и по-разному толкуемые факты в дошедшей до нас античной традиции трактуются как доказательства стремления Цезаря к царской власти. Имен-

но царские замашки стали причиной заговора и убийства Цезаря.

Заговор этот был наверняка не первым. На сей раз в нем участвовало около 60 человек, но в истории закрепились прежде всего имена Брута и Кассия. У Кассия были давние обиды на Цезаря; Брут же, зять и почитатель Катона Утического, напротив, был им обласкан: ходили даже слухи, что настоящим отцом этого благороднейшего республиканца был как раз Цезарь, любивший его мать — Сервилию. Вообще, среди заговорщиков оказалось немало лично близких диктатору людей. То, что известно о заговоре, поражает его открытостью. Призывы к Бруту появлялись на его судебном кресле, подталкивая к действиям. Цезаря постоянно предупреждали о кознях против него. Он отшучивался, что не ждет ничего дурного от толстяков цезарианцев (Антония и Долабеллы) и куда больше опасается бледных и худых (намек на Брута и Кассия). Создается впечатление не тщательно и хладнокровно спланированного в тайне политического убийства, а рокового события, происшедшего с фатальной неизбежностью в обстановке массовой истерии.

Близятся иды марта — день, в который, по словам одного гадалея, диктатору грозит большая опасность.

Когда наступил этот день, Цезарь, отправляясь в сенат, поздоровался с предсказателем и шутя сказал ему: «А ведь мартовские иды наступили!», — на что тот спокойно ответил: «Да, наступили, но не прошли!»

При входе в сенат Цезарю передали свиток с предупреждением о заговоре, но тот, беседуя с просителями, так и не удосужился прочесть его. Все свидетельствует о неизбежности и роковой предопределенности.

Заговорщики предполагали убить тирана на Марсовом поле или при входе в театр, но когда было назначено заседание сената в курии Помпея, решили действовать именно там. У подножия статуи Помпея все и произошло. Светоний, Плутарх, Аппиан и другие в подробностях рассказывают, как Туллий Кимвр, прося за изгнанного брата, вдруг схватил Цезаря за тогу, что послужило сигналом к нападению. Каска первым нанес удар, затем все заговорщики обнажили мечи. Цезарь сначала метался и кричал, но, увидев Брута, накиннул на голову тогу и подставил себя под удары... Он пал бездыханным у статуи Помпея, забрызгав ее кровью. У Цезаря насчитали 23 раны (Светоний утверждает, что лишь одна из них была смертельной). Многие заговорщики поранили друг друга в этой свалке. Сена-

торы в ужасе разбежались. «Бездыханный, он остался лежать, пока трое рабов, взвалив на носилки, со свисающей рукою, не отнесли его домой. Неизбежное свершилось, и тот, кто залил мир кровью сограждан, в конце концов наполнил курию своей собственной кровью», — писал во II в. н. э. историк Флор.

Состоялось тираноубийство, исполненное по всем правилам — открыто, прилюдно, не из-за угла. Более того, оно явно носило ритуализованный характер. Сравнение Цезаря с жертвенным животным, предназначенным к закланию, в котором должны принять участие все заговорщики, встречается у многих авторов, например у Флора и Плутарха. При всем жутком натурализме рассказов об этом событии нельзя не увидеть в нем глубоко символического смысла. Смертью тирана убившие его надеялись отвратить от Рима всяческие напасти и вернуть былые времена вместе с прежним государственным устройством. Причем, если проанализировать дальнейшие действия (точнее, почти бездействие) тираноубийц, можно подумать, что они более рассчитывали на магическое воздействие этого так называемого жертвоприношения, нежели на конкретные политические меры. Это показывает и заня-

тие Брутом и Кассием (вместе с гладиаторами!) Капитолия — поступок, носивший явно символический, адресованный к древней городской традиции характер, но вполне бессмысленный в изменившихся условиях, когда рычаги управления и власти уже не находились на этом холме. Об отсутствии сколько-нибудь реальных и продуманных планов восстановления Республики говорит и быстрое соглашение с цезарианцами, оформившееся уже 17 марта в компромиссном постановлении сената — оно оставило в силе все решения убитого диктатора и одновременно гарантировало амнистию его убийцам.

Таким образом, деяния Цезаря оказались необратимыми, а возврат к прошлому невозможным. Устранение тирании обернулось новым раундом гражданских войн, в ходе которых борьба велась лишь за единоличную высшую власть, а не за восстановление Республики — таких иллюзий не питал уже никто. Наступила ночь Республики, как писал Цицерон. А трагический конец Цезаря, оплаканного и обожествленного народом, ускорил кристаллизацию образа правителя Рима.

Практическая бесполезность смерти диктатора для восстановления традиционного государственного устройства стала очевидной на другой же день — и это лишь

подтверждает, что убийство тирана было не политическим заговором, не смертельной схваткой в борьбе за власть, а импульсивным действием, совершенным в особой духовной атмосфере. И именно в самой общественной обстановке стоило бы искать разгадку смысла свершившегося 15 марта 44 г. до н. э. события.

Казалось бы, мотивы убийства пожизненного диктатора совершенно очевидны — свободолюбивые римляне не смогли вынести иго тирании, ибо само понятие царской власти было ненавистно им еще со времен изгнания Тарквиния Гордого в 509 г. до н. э. и установления Республики. Все это так, но, однако, отношение к монархии вообще и к реальному единовластию Суллы, Помпея и до определенного момента Цезаря никогда не было в Риме столь простым и однозначным. Вспомним, что из всех простых типов государственного устройства предпочтение отдавалось именно монархии. Да и само понятие «республика» еще не несло в себе нынешнего смысла и вполне могло быть применено к любой форме законного и справедливого политического устройства.

Диктатура Цезаря с правовой точки зрения представляла собой концентрацию республиканских магистратур, в этом смысле продолжая ли-

нию Суллы (также диктатора) и Помпея. В режиме, установленном Цезарем, причудливо переплетались произвол и соблюдение законных процедур. Фактическое единовластие диктатора не составляло ни для кого секрета, но его поведение оставалось в целом в русле римских традиций. Этот свершивший необыкновенные подвиги и преступления патриций был римлянином до мозга костей, и видеть в нем эллинистического царя, последователя Александра Македонского, или восточного деспота не было достаточных оснований. Не случайно, что сравнивают его с Александром лишь более поздние авторы — Плутарх и Аппиан, бывшие к тому же греками.

Об отсутствии у Цезаря из ряда вон выходящих поступков свидетельствуют и незначительность фактов, должествующих служить доказательством его стремления к царской власти, и отсутствие непосредственных поводов к убийству. В самом деле, на фоне гражданских смут, постоянно ожидаемых, несмотря на знаменитое «милосердие» Цезаря, казней и проскрипций, масштабных политических и социальных мероприятий, подрывавших всевластие сенатской олигархии, поистине небывалых почестей и привилегий, даруемых диктатору, вдруг причинами недовольства правителем оказа-

лись венки, диадемы, неучтливость по отношению к сенаторам, в присутствии которых Цезарь остался сидеть. Несоразмерность причины и следствия явная. Остается предположить, что, разрушая былое государственное устройство и создавая новое, двигаясь от сенатской олигархии к имперской администрации, Цезарь не вел себя «по-рыцарски», иначе не пришлось бы выискивать такие фактики, как диадема и перевитый белой лентой венки на статуе.

По словам Моммзена, Цезарь, проникнутый республиканскими идеалами и вместе с тем рожденный стать царем, был монархом, но никогда не разыгрывал из себя царя. По выражению другого исследователя, нельзя доказать царский характер устремлений Цезаря, имея в наличии только золотую диадему да красные сапоги (их, по преданию, носили некогда альбанские цари). Иными словами, современная историческая наука не склонна приписывать тому, кто окончательно погубил Республику, сознательные замыслы и вождения, связанные с царской властью эллинистического либо староримского характера.

Но разве современники не были единодушны, обвиняя Цезаря в стремлении к царскому венцу? Да, это так. Однако подобные обвинения бросали не только Цезарю, но

и многим другим амбициозным политикам и честолюбивым полководцам, даже самому Цицерону, когда тот допустил убийство римских граждан — катилинариев.

НЕУМОЛИМЫЙ ХОД ИСТОРИИ

Диктатура Цезаря не просто разрушила республику предков, но показала, что эта республика мертва и не может быть восстановлена (как в свое время это удалось Сулле). Она разрушила не столько реальные политические институты, сколько определенную духовную реальность, составлявшую основу традиционного римского мировоззрения. Что включала в себя эта идеальная модель? Вот как понимал это сам Цезарь, стремясь (неизвестно, насколько искренне) избежать войны с Помпеем: «...Пусть гражданство будет избавлено от страха, а сенату и римскому народу будет предоставлена независимость выборов и все управление государством». Именно при осуществлении этих условий и была возможна самореализация римского гражданина, для которого жизнь была немислима вне общины, и участие в ее делах было основным делом. Для Цицерона государство было предметом всех его забот, помыслов и трудов, и к составлению философских

произведений он обращался лишь тогда, когда не было возможности «ни дать совет, ни взять на себя ответственность». Спустя столетие Сенека, искавший в философии безмятежности и свободы, видел в увлеченности Цицерона вопросами о том, кто выступает притязателем на должность или хлопочет о выборах, кто борется своими силами, кто чужими руками, кто домогается консульства, полагаясь на Цезаря, на Помпея, на свою ловкость и т. п., свидетельство суетности и недостаточной обращенности к себе. Но для гражданина в I в. до н. э. именно эти проблемы и были смыслом жизни. В то время лишь немногие римляне, которым их статус и положение открывали доступ к должностям, уклонялись от этого пути.

Среди них был и задушевный друг Цицерона Аттик. Вот как Корнелий Непот объясняет жизненный выбор этого богатого всадника, всегда державшегося в стороне от политической борьбы и сохранявшего хорошие отношения со всеми антагонистами: «Должностей он не искал, хотя легко мог получить их благодаря своему влиянию или положению; ведь было уже невозможно ни добиваться магистратуры по обычаю предков, ни получить ее без нарушения законов при распространившихся злоупотреблениях и

подкупе, ни исполнять ее, не подвергаясь опасности при царящем в государстве падении нравов». Но исключительность позиции Аттика лишь подчеркивала всеобщую увлеченность людей этого круга делами форума и сената. Очевидно, осознание пороков и изъянов существующего строя все еще уравнивалось отношением к государству как достоянию народа, общему делу.

Позднереспубликанская «конституция» не была совершенной, но давала всем тем, кто стекался на форум и в сенат, ощущение причастности к управлению государством. Каждый гражданин, вовлеченный в политическую жизнь, мог (в силу способностей и желаний, разумеется) влиять на решение тех или иных вопросов и должен был понимать, какие механизмы приводят в действие политическую жизнь Рима. Поздняя Римская республика до конца сохраняла черты общинного самоуправления, что и обеспечивало ощущение соразмерности человека и государства, их слияния и неразрывности.

После окончательной победы Цезаря необратимые изменения произошли именно в этой сфере общественного сознания. В результате проведенных им преобразований стали появляться отдельные элементы нового государственного аппарата и принципиально

иного образа действий власти по управлению державой. Несмотря на свои непростые отношения с сенатом, Цезарь все же поручал важнейшие посты именно сенаторам, и поэтому нет оснований говорить об антисенатской политике Цезаря в целом. Но государственное управление все более и более жило собственной жизнью, независимо от воли отдельных лиц, в том числе, вероятно, и самого диктатора. И его стремление поскорее отправиться в парфянский поход (может быть, потому, что ему привычнее роль полководца?) и равнодушно-беспечное ожидание приближающегося конца (он желал неожиданной смерти) дают основания предполагать, что и всемогущий диктатор, как и многие его современники, утратил ощущение подвластности ему хода событий.

Итогом правления Цезаря стало создание такого устройства, которое уже не было соразмерно каждому гражданину. Чувствовалось влияние какой-то внешней силы, не контролируемой традиционными общинными механизмами власти. Противники Цезаря по привычке, усвоенной от греческих мыслителей, видели эту неподвластную и непостижимую, а потому и враждебную силу в тирании, в единовластии диктатора. Поэтому обвинения его в стремлении к царскому вен-

цу, вполне традиционные для политической борьбы в рамках Республики, приобрели зловещий характер. Другие же ощущали эту силу как непреодолимый рок, как гнев богов. Римскому гражданину трудно было смириться с этим. Показательно, что Цицерон в трактате «О судьбе», написанном вскоре после убийства Цезаря, стремился доказать наличие у людей свободы воли, несовместимой с абсолютным предопределением. «К чему впутывать судьбу, если и без судьбы для всех вещей находится основание или в природе, или в фортуне?» — вопрошал он. Очевидно, переживаемый момент делал рассуждения о свободе воли весьма актуальными для римского гражданина — субъекта свободы и моральной ответственности.

Да, при Цезаре Республика действительно перестала быть

достоянием народа, но не только из-за того, что были урезаны полномочия сената или народных собраний, а потому что стал складываться новый тип государства, не совпадающего с гражданской общиной. И осознание этого вызвало сильнейшее смущение в умах традиционных римлян. В такой взрывоопасной общественной атмосфере убийство диктатора стало столь же неизбежным, сколь и безрезультатным.

Мартовские иды — не столько опыт политического насилия, сколько выброс энергии кризисного самосознания общества. Это событие глубоко романтического звучания, и не зря именно Ф. Шиллер в споре Брута с Цезарем видел не очевидное столкновение тирании и свободы, но возвышенный диалог исторической необходимости и вечно-го, вневременного идеала.

КАК ПОГИБАЛИ РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ

Делайте, что задумали, и убейте меня, если так
нужно для государства.

Гальба

Пусть будет божественным, лишь бы не был жи-
вым!

Каракалла

Убийство Цезаря и попытка восстановить старый строй не смогли возродить республиканское правление. После долгой борьбы внучатый племянник убитого диктатора Октавиан установил свою власть. От сената он получил титул императора Августа и стал фактическим основателем Римской империи. Император всегда помнил о трагическом конце своего предшественника и поэтому мечтал о быстрой и легкой смерти. Умер он в возрасте 75 лет, от болезни. Историк Светоний так описывает его кончину: «В свой последний день он все время спрашивал, нет ли в городе беспорядков из-за него. Попросив зеркало, он велел причесать ему волосы и поправить отвисшую челюсть. Вошедших друзей он спросил, как им кажется,

хорошо ли он сыграл комедию жизни? И произнес заключительные строки:

*Коль хорошо сыграли мы, похлопайте
И проводите добрым нас напутствием.*

Затем он всех отпустил. В это время кто-то только что прибыл из Рима; он стал спрашивать о дочери Друза, которая была больна, и тут внезапно испустил дух на руках у Ливии со словами: «Ливия, помни, как жили мы вместе! Живи и прощай!»

К наследникам Августа судьба не была так благосклонна. Многие римские императоры умирали в результате заговоров, их отравляли, закалывали, они погибали на войне. Власть большинства из них не была устойчивой — одни правили несколько лет, другие несколько месяцев или даже дней. Удачливые импера-

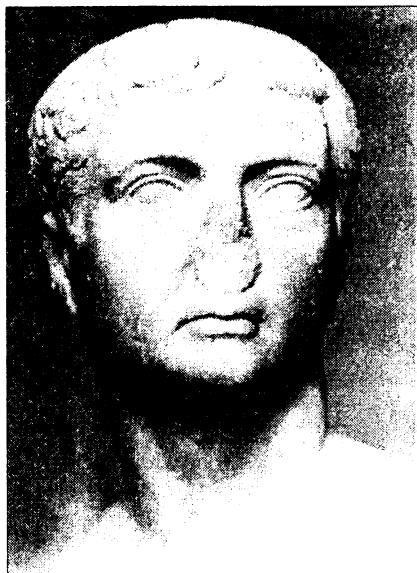
торы основывали свои династии, но, как правило, не более чем на сто лет. Умирая, Август оставил власть своему пасынку Тиберию, который и стал первой жертвой заговора в императорском Риме.

Историки описывают Тиберия как злобного тирана и убийцу. Смерть же его окутана тайной.

ЗАГОВОРЫ ПРОТИВ ДИНАСТИИ ЮЛИЕВ — КЛАВДИЕВ

Смерть наследника Августа вызвала много толков и была загадкой для современников. Говорили, что он был отравлен. Одним из его приближенных был врач Харикл, который наблюдал за здоровьем императора. Однажды, осмотрев Тиберия, он заявил, что тому осталось жить всего несколько дней. 78-летний император, который отличался отменным здоровьем и не любил лечиться, не обратил на слова Харикла никакого внимания. Но приближенные всполошились и отправили гонцов к войскам.

До апрельских календ (16 марта) 37 г. Тиберий перестал дышать, и все решили, что император умер. Уже поздравляя нового императора Гая Цезаря (Калигулу), как вдруг стало известно, что Тиберий открыл глаза и к нему возвратился голос. Эта новость

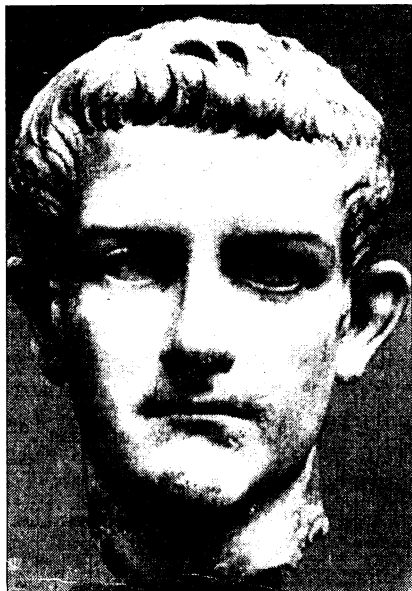

Тиберий. Мрамор. I в.

повергла всех в ужас, во дворце началась паника.

Калигула, только что почувствовавший себя императором, ожидал для себя самого печального исхода. По одной из версий, Макрон, слуга Калигулы, удушил Тиберия, набросив на него кучу одежды. Светоний писал, что Калигула подложил императору медленный, но очень разрушительный яд. Одним словом, неизвестно — умер Тиберий своей смертью или был отравлен.

Кончина императора вызвала в народе бурю ликования. Многие римляне, узнав об этом, кричали: «Тиберия в Тибр!» Ненависть к тирану была такова, что, когда его

Калигула. Копенгаген

тело выносили, римляне высказывали предложение отнести его в амфитеатр на потеху зевакам и сжечь наполовину, в знак пренебрежения. Однако воины перенесли останки в Рим, и там, согласно обычаю, они были сожжены и погребены всенародно.

Новым императором стал Гай Цезарь (12—41), вошедший в историю под именем Калигулы. Тиберий обожествлен не был.

Калигула был сыном Германика (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.) и Агриппины Старшей. Он провел детство в военных лагерях и получил от солдат прозвище Калигула, то есть Сапожок. Его отец Германик

был усыновлен Тиберием, но в 19 г. по приказу императора был отравлен. Мать Калигулы Агриппина Старшая (дочь Агриппы и Юлии Старшей) погибла в 33 г. Братья Калигулы по повелению Тиберия были уморены голодом. Провозглашение Калигулы императором было встречено всеобщим ликованием, так как многие еще помнили и любили его родителей. Новый император поначалу подавал большие надежды. Но вскоре Калигула превзошел Тиберия как «плохой» император. Начались жестокие пытки и казни, население облагалось невероятными налогами, а двор императора безумно расточал средства. Все действия Калигулы выдавали в нем сумасшедшего. Именно он собирался — в насмешку над сенаторами — сделать своего коня консулом.

Первоначальная любовь римлян к Калигуле сменилась жгучей ненавистью. Его ненавидели все, а император повторял слова из трагедии: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»

Был составлен заговор, который возглавил Кассий Херея, трибун преторианской гвардии. Среди заговорщиков был также Каллист, отпущенник императора, он опасался за свою жизнь и богатство. Убийство Калигулы предвещали многие знамения. Даже сам император накануне гибели видел сон, будто он стоит на

небе возле трона Юпитера, и бог, толкнув его большим пальцем правой ноги, низвергает на землю. Заговор был тщательно организован: одновременно было подготовлено несколько покушений!

24 января 41 г. император шел из театра по узкому проходу в сопровождении свиты. Кассий Херея первый нанес ему удар и рассек шею, прокричав: «Делай свое дело!» Тогда второй заговорщик, Корнелий Сабин, пронзил ему грудь. Другие источники передают, что заговорщики оттеснили свиту, и Сабин, как было принято, спросил пароль у императора. Тот ответил: «Юпитер», — тогда Херея крикнул: «Получай свое!» Калигула обернулся на эти слова, и Херея рассек ему подбородок. Император упал и закричал: «Я жив!», — но заговорщики с криками «бей еще» начали добивать его. На помощь Калигуле прибежали телохранители; несколько участников заговора были убиты на месте, а с ними погибли и некоторые свидетели убийства. Но часть заговорщиков успела скрыться в дворцовых помещениях. Вместе с императором была зарублена и его жена Цезония, а их маленькую дочь разбили об стену.

Известию об убийстве Калигулы римляне поверили не сразу: многие думали, что он сам распустил слух о своей

гибели, чтобы выявить, как думают о нем в народе. И только убедившись, что император мертв, сенат попытался провозгласить республику и восстановить свободу. Но преторианская гвардия объявила императором дядю Калигулы — Клавдия. Новый правитель, укрепившись у власти, вскоре приказал казнить Кассия Херею и еще нескольких убийц Калигулы, но и одновременно отменил все жестокие и безумные постановления своего предшественника.

Клавдий (полное имя Тиберий Клавдий Друз Германик), сын Друза Старшего и Антонии Младшей (10 г. до н. э. — 54 г. н. э.), стал императором потому, что являлся представителем династии Юлиев—Клавдиев. При дворе Августа и последующих императоров его высмеивали и всячески унижали. Светоний пишет, что мать Клавдия называла его уродом среди людей, что природа начала его и не кончила. А желая упрекнуть кого-либо в глупости, она говорила: «Глупее моего Клавдия». Скорее всего, такое отношение со стороны родственников было вызвано тем, что, в отличие от них, он занимался наукой и написал 41 книгу по истории своего времени, 8 книг по истории карфагенян и 20 книг по истории этрусков. Клавдий по совету историка Тита Ливия составил

свою биографию. К сожалению, все эти труды не дошли до наших дней. В момент убийства Калигулы Клавдий прятался за занавеской в одной из комнат дворца. Один из солдат, случайно обнаружив его и узнав, приветствовал как императора и отвел к войскам. Попытка сената возродить республику не удалась, и Клавдий начал проводить свои реформы. Римский плебс был доволен новым императором; при нем широко применялись раздачи и зрелища, благоустраивался Рим. Римская империя расширила свои пределы, были присоединены Британия, Фракия и часть Малой Азии. Все это способствовало укреплению императорской власти. Но были и темные моменты во время правления Клавдия. По приказу императора была убита его жена Валерия Мессалина (25—48), имя которой из-за ее развратного нрава стало нарицательным. В четырнадцатилетнем возрасте Мессалина стала третьей женой Клавдия, который, хотя и был намного старше, полностью попал под ее влияние. От брака с Мессалиной у Клавдия было двое детей — Октавия и Британник. Скандальная жизнь жены императора, из-за которой погибло много людей, в конце концов вывела Клавдия из себя, и в 48 г. он приказал ее убить.

В 49 г. Клавдий женился на

своей племяннице Агриппине Младшей — сестре Калигулы. Римские законы запрещали такие родственные браки, но сенат дал разрешение императору якобы для блага государства. Агриппина Младшая, женщина властолюбивая, фактически взяла власть в свои руки и оказывала сильное влияние на мужа. Она добилась от Клавдия усыновления своего сына от первого брака — Нерона. Нерон был провозглашен наследником, а родной сын императора Британник объявлен идиотом и эпилептиком. Вскоре император стал жалеть о своем браке с Агриппиной и об усыновлении Нерона. Встревоженная этим, императрица в 54 г. отравила императора. Одни утверждают, что Клавдия отравил по приказу Агриппины евнух Галот, проверявший его кушанья, другие говорят, что сама императрица поднесла ему отраву в белых грибах. Клавдий, промучившись целую ночь, умер на рассвете. Смерть императора скрывали, пока у власти не утвердился Нерон. Римский сенат обожестил Клавдия.

Преемник Клавдия, сын Агриппины и Луция Домиция Агенобарба, по усыновлении Клавдием получил имя Нерон Клавдий Цезарь. Вскоре Нерон женился на дочери Клавдия — Октавии. Став благодаря интригам своей матери императором, Нерон вошел в историю

как жестокий тиран и деспот. Первые годы он правил в согласии с сенатом, но затем начались казни и конфискации имущества знати. Завидуя влиянию и власти своей матери, император возненавидел ее. Агриппина, желая сохранить за собой власть, совершила роковую ошибку, напомнив сыну, что императором он стал только благодаря ей и что жив четырнадцатилетний Британник, законный наследник Клавдия. Эти неосторожные слова стоили жизни Британнику — он был отравлен во время пира — и предопределили судьбу матери императора.

Нерон решил наконец покончить с Агриппиной. Но трудно было организовать на нее покушение. Множество рабов могли защитить ее от кинжала, отравить ее было также сложно, так как, по обычаям восточных владык, она приучила себя к ядам, принимая их малыми дозами. Тогда начальник флота Аникет предложил соорудить корабль, который можно было, используя особый механизм, в море наполнить водой и потопить. Естественно, объяснив происшедшее как несчастный случай. Когда корабль был готов, Нерон в знак примирения пригласил мать провести праздник в Байях на Неаполитанском заливе. Сын ласково принял Агриппину, и она совершенно успокоилась,

хотя ранее ее предупреждали, что Нерон готовит против нее злодеяние. После пира император проводил свою мать на корабль, который должен был отвезти ее домой. Этим кораблем командовал Аникет. Отплыв немного от берега, он запустил тайный механизм, но тот полностью не сработал. Среди команды началась паника, так как часть матросов не была посвящена в заговор. В суматохе погибли служанка и отпущенник Агриппины — Кренерий Галл. Она же сама чудом спаслась, хотя и повредила плечо. Поняв, что происходит, Агриппина незаметно соскользнула в море и поплыла к берегу, ее подобрали рыбаки и доставили в дом. Агриппина притворилась, что ничего не поняла, и послала с одним из своих слуг письмо сыну. Она сообщала, что чудом спаслась во время кораблекрушения, и просила его дать ей время для отдыха. Когда при дворе стало известно, что план покушения не удался, Нерон растерялся. Зная, как мстительна его мать, он ждал, что она обратится к преторианцам, к сенату и народу и добьется его низложения. Когда же к императору был допущен посланник Агриппины, Нерон бросил к его ногам кинжал и закричал, что отпущенник его матери хотел убить императора по приказу Агриппины. Аникет был послан к матери Нерона с отря-

дом воинов. Разогнав толпу, которая поздравляла императрицу с избавлением от опасности, воины ворвались во внутренние покои виллы и обступили ложе Агриппины. Когда же один из убийц обнажил меч, она, подставив ему живот, крикнула: «Поражай чрево!» И он прикончил ее, нанеся множество ран.

Сенату и римскому народу Нерон объяснил: мать хотела убить его, а так как замысел не удался, она сама лишила себя жизни.

Правление Нерона с каждым годом становилось все более мрачным — гибли его приближенные, знатные римляне и сенаторы. По приказу императора расправились с его женой Октавией, такая же участь постигла и другую его жену — беременную Пoppею Сабину (она была убита пинком в живот). Погибла от рук убийц и тетка Нерона. Остатки популярности императора были окончательно утрачены после пожара в Риме в 64 г. За девять дней сгорела большая часть города. Молва обвиняла в пожаре императора, а он в свою очередь возложил вину на членов первых христианских общин в Риме, которые были подвергнуты страшным казням.

Правление императора привело в конце концов к вспышке всеобщего недовольства. В 68 г. против Нерона восстали правители провинций Испания

(Гальба) и Галлия (Видекс), вскоре волнения начались в Риме и среди преторианской гвардии. Светоний так описывает дальнейшие события. Проснувшись 9 июня 68 г., Нерон обнаружил, что телохранители и свита покинули его. Он начал искать гладиатора Спикула, чтобы от его руки принять смерть. Но не нашел. Вскоре император раздумал кончать жизнь самоубийством и стал подыскивать убежище, чтобы там собраться с мыслями. Его вольноотпущенник Фаон предложил свою усадьбу недалеко от Рима. Император и четверо его спутников, вскочив на коней, покинули Вечный город. Оказавшись на вилле Фаона, Нерон приказал снять с него мерку и по ней вырыть у него на глазах могилу, принести воды и дров для погребального костра. При каждом приказании он повторял: «Какой великий артист погибает!» Вскоре стало известно, что римский сенат объявил его низложенным и врагом отечества, приговорил к смерти. Нерон спросил, какая будет казнь. Ему объявили, что преступника, раздев донага, засекут розгами до смерти. Свергнутый император надеялся на сохранение жизни. Когда же увидел, что к вилле приближаются всадники, которые должны были захватить его живым, Нерон вонзил себе в горло меч. Император еще

дышал, когда вбежал центурион и, зажав рукой рану, сделал вид, что хочет помочь. Нерон только и смог произнести: «Поздно!» и «Вот она, верность!». Это были его последние слова. Династия Юлиев—Клавдиев прекратилась.

ГИБЕЛЬ НАСЛЕДНИКОВ ИМПЕРАТОРА НЕРОНА

В день смерти Нерона римский сенат провозгласил императором 71-летнего Сервия Сульпиция Гальбу, наместника Испании. Новый император принадлежал к старому римскому роду и являлся дальним родственником супруги Октавиана Августа — Ливии.

Прибыв в Рим, Гальба установил хорошие отношения с сенатом, но его отказ заплатить воинам за свое избрание вызвал их недовольство, что и привело его к гибели. Гальба процарствовал всего полгода. В январе 69 г. против него поднял восстание наместник провинции Лузитания Отон; преторианская гвардия выступила на стороне мятежника. Вскоре восставшие захватили лагерь преторианской гвардии в свои руки и фактически овладели Римом.

Многие сторонники Гальбы убеждали его поскорей явиться к гвардейцам и попытаться уговорить мятежников. Но Гальба оставался во дворце под охраной верных ему

легионов. Заговорщики, не имея сил для осады, решили выманить императора хитростью. Они распустили слухи, что гвардия вновь перешла на сторону императора и что восстание Отона провалилось.

Уверенный в победе и своей безопасности, Гальба вышел из дворца. На улице один из солдат похвалился ему, что убил Отона. Император добрался до форума, где собралась многочисленная толпа. Но в это время туда же прибыла группа всадников, которой Отон приказал убить Гальбу. Увидев императора, они вначале придержали коней, а потом пустились на него вскачь и изрубили.

Другие очевидцы, как передает Светоний, говорили, что Гальба, увидев мятежников, крикнул: «Что вы делаете, соратники? Я ваш, и вы мои!» Но большинство утверждало, что император сам подставил горло и велел убить его, если им угодно. Никто из присутствующих даже не пытался помочь Гальбе, вызванные на помощь войска отказались подчиниться приказу.

Другой римский историк Тацит рассказывает о смерти императора Гальбы иначе: «Завидев приближающихся преторианцев, знаменосец отряда, охранявшего Гальбу, сорвал с древка изображение императора и бросил на землю. Это значило, что армия целиком перешла на сторону

Отона; форум мгновенно опустел; народ разбежался; преторианцы с дротиками в руках преследовали тех, кто замешкался. Носильщики императора дрожали от страха — возле бассейна Курция Гальба вывалился из носилок и покатился по земле. Последние слова Гальбы передают по-разному те, кто ненавидел его, и те, кто им восхищался. Одни утверждают, что он молил объяснить, в чем его вина, и просил даровать ему несколько дней жизни, дабы успеть раздать солдатам деньги. Большинство же рассказывает, что он сам подставил убийцам горло со словами: «Делайте, что задумали, и убейте меня, если так нужно для государства». Впрочем, убийцам было все равно, что он говорит. Кто именно убил его, в точности неизвестно».

Светоний дополняет картину такими подробностями: «Убит он был у Курциева озера и там остался лежать; наконец какой-то рядовой солдат, возвращаясь после выдачи пайка, сбросил с плеч мешок и отрубил ему голову. Так как ухватить ее за волосы было нельзя, он сунул голову за пазуху, а потом поддел пальцем за челюсть и так преподнес Отону; тот отдал ее обозникам и харчевникам, и они, потешаясь, носили ее на пике по лагерю с криками: «Красавчик Гальба, наслаждайся молодостью!» Эта дерз-

кая шутка объяснялась распространившимся незадолго до этого слухом, будто император, когда кто-то похвалил его вид, цветущий и бодрый, ответил: «Крепка у меня еще сила!»

...И лишь много позже управляющий Аргив похоронил голову Гальбы вместе с трупом в его собственных садах по Аврелиевой дороге».

В январе 69 г. Отон провозгласил себя императором. Но править ему довелось тоже недолго. Другой претендент на престол Вителлий, который так же участвовал в восстании против императора Гальбы, нанес поражение войскам Отона. Весть о победе Вителлия дошла до Рима в апреле 69 г. Солдату-гвардейцу, который принес это известие в столицу, не верил никто, его обзывали трусом, предателем и вруном, и тогда воин в доказательство своей правдивости бросился на меч у ног Отона.

Император понял, что все кончено и нужно готовиться к смерти. Светоний пишет: «Брату, племяннику и нескольким друзьям он посоветовал спасаться, кто как может, обнял их, поцеловал и отпустил. Оставшись один, он написал два письма — одно сестре, два утешениями, и другое — Мессалине, вдове Нерона, на которой собирался жениться...»

Отон уже решил умереть, как вдруг ему сообщили, что

тех, кто пытается покинуть его, хватают как беглецов и изменников. Тогда император произнес: «Продлим жизнь еще на одну ночь» — и приказал отпустить из лагеря всех, кто желает.

Спальня его ночью была открыта для всех, и приближенные, близкие к нему люди могли обращаться к императору. А утром Отон, проснувшись, одним ударом кинжала поразил себя ниже левого соска. На его стон сбежались люди, и у них на глазах он скончался. Отона похоронили быстро, как он сам и повелел. Он умер на 38-м году жизни, после трех месяцев царствования. Самоубийство никогда не удивляло римлян, но гибель императора Отона поразила народ. Тацит писал: «...Смерть Отона была столь прекрасна, что молва о ней распространилась очень быстро».

После Отона императором стал Вителлий. Против нового правителя поднял восстание наместник Иудеи Веспасиан, на его сторону перешли также многие военачальники римских войск на востоке империи. Уже к 21 декабря 69 г. войска Веспасиана подошли к Риму. Узнав об этом, Вителлий с поваром и пекарем бежал из дворца в свой дом, чтобы уже оттуда покинуть Рим. Кто-то распространил слух, что заключен мир. Вителлий приказал, чтобы его вернули во дворец. Но дворец был уже

брошен его людьми, тогда император спрятался в каморке привратника, загородив дверь кроватью и привязав собаку.

Когда солдаты Веспасиана ворвались во дворец, то, никого не обнаружив, начали обыскивать помещение. Наткнувшись на Вителлия и не узнав его, они стали спрашивать, где император, тот солгал, но вскоре был узнан. Вителлий просил сохранить ему жизнь, уверяя, что у него есть важное для Веспасиана известие. Связав ему руки, накинув на шею петлю, в рваной одежде, полуобнаженного его поволокли на форум. По дороге римляне издевались над ним, рвали за волосы, плевали в лицо, швыряли грязью и навозом, обзывали обжорой и развратником. Наконец Вителлия прикончили, тело крюком сволокли и бросили в Тибр.

УБИЙСТВО ИМПЕРАТОРА ДОМИЦИАНА

Веспасиан закончил гражданскую войну в империи и основал новую династию Флавиев. Происходя из средней по своему достатку семьи и не будучи знатным человеком, Веспасиан был тонким политиком и опытным полководцем. До своего воцарения он управлял многими провинциями, избирался консулом и

Домициан

даже за успехи в войне в Британии был удостоен Клавдием триумфа. Став императором, Веспасиан установил порядок и дисциплину как в армии, так и в государстве. В его правление вновь был обновлен Рим, построен Колизей, восстановлен Капитолий, а также создан великолепный Форум. Одним из показателей стабильности в государстве стал такой факт — сенат без особых прений утвердил наследником Веспасиана его старшего сына Тита.

Умер Веспасиан 23 июня 79 г., перед смертью сказав: «Увы, кажется, я становлюсь богом». Император был обожествлен, а наследовал ему сын Тит (79—81). Император Тит процарствовал недолго и вскоре умер, как считали, от лихорадки, но многие говорили, что императора отравил его брат Домициан, который и унаследовал императорскую власть.

Император Домициан стал последним правителем из рода Флавиев. В его царствование положение империи ухудшилось. Он проводил широкие денежные раздачи войскам и плебсу, тратил огромные средства на зрелища и представления, и вскоре казна опустела. Империю постиг финансовый кризис. Вновь начались преследования богатых сенаторов, доноительство и репрессии. Правление Домициана выродилось в произвол и террор. Участились заговоры против императора, один из которых в 96 г. увенчался успехом. О том, как произошло убийство, рассказывают так. Заговорщики колебались, где на него напасть — в бане или за обедом. Тогда Стефан, управляющий императрицы Домициллы (она знала о заговоре против мужа), предложил свои услуги. Он притворился, будто у него болит левая рука, и спрятал в повязке кинжал. Придя к императору, Стефан заявил, что открыл заговор и

дал на прочтение Домициану свою записку. Пока тот читал ее, Стефан нанес удар. Раненый император пытался сопротивляться, но его слуги, также участвовавшие в заговоре, набросились на него и добились ударами кинжалов.

К убийству Домициана народ остался безразличен, сенат же впал в такую радость и ликование, что постановил уничтожить все его изображения, стереть все надписи с его именем, уничтожить память о нем. Римский поэт Марциал написал:

*Флавиев род, как тебя обесчестил твой
третий наследник!*

*Из-за него не бывает лучше б и первым
двоим.*

ПОСЛЕДНИЙ АНТОНИН НА ПРЕСТОЛЕ

Убийство Домициана привело к власти выдвигенца сената Марка Кокцея Нерву, представителя древнего сенатского рода. Император Нерва процарствовал недолго. В 97 г. он усыновил наместника Верхней Германии Марка Ульпия Траяна, который и стал после смерти Нервы в 98 г. императором и основателем новой династии Антонинов. Правление этой династии было поистине «золотым веком» Римской империи. В отличие от императоров I века, Антонины были ставленниками сенатской аристократии. Удачные

войны Траяна с даками и Парфянским царством, забота об армии, экономические и культурные успехи привели империю к процветанию и благополучию.

Наследник Траяна император Адриан (117—138) продолжил централизацию государственного аппарата. Практически весь период правления он провел в поездках по провинциям империи и на границах государства начал возводить оборонительные сооружения.

Его наследник император Антонин Пий (138—161) находился в добрых отношениях с сенатом, поддерживал и провинциальные города, и местную знать. Это способствовало большой популярности императора и его политики. После Антонина Пия римским императором стал усыновленный им Марк Аврелий (161—180). Этот прекрасно образованный человек вошел в римскую историю как император-философ. Он продолжил политику своих предшественников, пользовался популярностью и любовью среди подданных.

После Марка Аврелия его сын Коммод (180—193) унаследовал власть. Но если в начале своего царствования он был еще любим народом, то в конце правления император, проявлявший тиранические наклонности, тративший казну и ущемлявший

Коммод

права и привилегии сената, стал ненавидим большинством народа.

Коммод — первый римский император, который вышел на арену как гладиатор и борец со зверями. В своей любви к цирку он дошел до того, что пожелал жить в казармах гладиаторов. Император-тиран многих людей, особенно своих придворных, отправил на смерть. Христианка Марция, любовница Коммода, и начальник императорской спальни Эклет, узнав, что правитель хочет их казнить, вступили в заговор, к которому присоединился и начальник охраны Квинт Эмилий Лет. Было решено отравить императора ядом, ведь Марция ча-

сто подавала ему первое питье. Когда Коммод пришел после купания, Марция, налив в чашу яда и смешав его с вином, подала ему. Тот ничего не почувствовал, вскоре его одолел сон. Эклет и Марция приказали придворным удалиться из помещения. Но сон был недолгим, яд дошел до желудка императора, началось головокружение, появилась обильная рвота. Заговорщики испугались, как бы Коммод, извергнув весь яд, не пришел в себя, — тогда бы им всем грозила гибель от рук палача. Они убедили вольноотпущенника Нарцисса задушить императора, пообещав большую награду. Ворвавшись к Коммоду, Нарцисс схватил за горло ослабевшего императора и удушил.

Желая скрыть происшедшее, заговорщики обманули охрану: завернув труп в дешевое покрывало, передали двум слугам, которые и вынесли тело из дворца. Коммод в ту же ночь был похоронен в гробнице Адриана. Новым императором был провозглашен престарелый сенатор Пертинакс. Таков был конец императора Коммода и некогда славной династии Антонинов. Рим, узнав об убийстве, радовался, а сенаторы резко осудили Коммода: «У врага отечества отнять все почести! Пусть исчезнет память о злодее гладиаторе, сбросить статуи злодея гладиатора!»

ГИБЕЛЬ СЕВЕРОВ

Всего 85 дней продолжалось правление императора Пертинакса, испытанного воина и полководца. После убийства Коммода он постарался восстановить порядок и справедливость. Пытался он также обуздать и своеволие преторианцев, запретив им заниматься разбоем и грабежом. Но обстановка в Риме и в империи была столь сложна, войска столь неуправляемы, что попытка навести порядок стоила Пертинаксу жизни.

28 марта 193 г. преторианцы ворвались во дворец. Стража и прислуга, перепуганные неожиданностью нападения, бежали из дворца. Немногие из преданных императору советовали ему немедленно бежать. Император, считая такое недостойным и не соответствующим его сану, не пожелал спастись бегством, а смело вышел к мятежникам, надеясь убедить их словом. Встретившись с гвардейцами, Пертинакс обратился к ним с речью: «Быть мне убитым вами, в этом нет ничего значительного или тяжкого для старца, достигшего со славой глубокой старости, — ведь всякой человеческой жизни неизбежно положен предел...» Император пытался образумить солдат, и ему это почти удалось — многие начали уходить. Тогда другие, под предводительством Таузия, коман-

дира конницы, лично преданного Коммоду, зарубили Пертинакса. Совершив злое дело, восставшие, зная любовь римлян к убитому императору, быстро возвратились в преторианский лагерь и, заперев все ворота, поставили стражу, опасаясь штурма римлян.

Тело Пертинакса нашел его преемник Дидий Юлиан. Он приказал похоронить его со всеми почестями. Только при императоре Севере Пертинакс был причислен к богам, а в день его рождения проводились цирковые игры.

Убив Пертинакса, преторианцы заявили о продаже императорской власти, обещая вручить ее тому, кто даст больше денег. Это предложение гвардейцев дошло до богача Дидия Юлиана. Отправившись к стенам лагеря, он вступил с восставшими войсками в переговоры и обещал им такое количество денег, которое они запросят.

Солдаты, поверив Дидию Юлиану, провозгласили его императором. Но лишь два месяца правил он в Риме. Народ откровенно презирал его и желал, чтобы власть перешла к другому претенденту — Песцению Нигеру, которого объявили императором провинции на востоке. В это же время в Галлии восстал полководец Клодий Альбин, также провозглашенный императором. В империи всюду полыхала гражданская война. В это же время

на верховную власть стал претендовать и командующий легионами, находящимися на берегах Дуная и Рейна, наместник Паннонии Септимий Север. По происхождению ливиец, суровый полководец, привыкший к трудностям солдатского быта, быстрый в замыслах и скорый в делах, он объявил, что мстит за злодейское убийство Пертинакса. Новый претендент, приняв имя Септимий Север Пертинакс, двинул свои войска на Рим.

Дидий Юлиан, пытавшийся одержать победу над Клодием Альбином и Песцением Нигером, вступил в переговоры с Севером, предлагая ему стать своим соправителем. Сенат одобрил это решение. Но, увидев, что Дидий Юлиан нерешителен и робеет перед Септимием Севером, многие сенаторы, военные и патриции начали переходить на сторону Севера. Вскоре Дидия покинули даже его телохранители. Тогда сенат 1 июня 193 г. постановил умертвить императора. О смерти Дидия Юлиана существуют разные версии: преторианцы по приказу Севера убили его или же под наблюдением посланных сенатом людей простой воин поразил мечом. Тело Дидия Юлиана было выдано жене и дочери, которые и погребли его в усыпальнице прадеда на Лабиканской дороге.

Септимий Север вступил в Рим, но оставались еще два

императора-претендента: Клодий Альбин и Песцений Нигер. Север в начале своего правления обещал Альбину соправительство, сделал его наследником и даже усыновил, но вскоре отменил эти решения. Альбин пытался сопротивляться, но в конце концов был разбит и погиб во время бегства в 197 г. Другой мятежник, Нигер, был разгромлен, захвачен в плен и в 194 г. обезглавлен. Таким образом, единственным императором стал Септимий Север (193—211), основавший новую династию Северов.

Царствование нового императора ознаменовалось победой над Парфянским царством и некоторой стабилизацией внутри империи. При Севере произошло укрепление института имперской власти, организованнее действовал аппарат управления. Именно при нем четко был разработан принцип монархического строя: отныне император — единственный источник власти, и его воля выше всех законов. Сенат уже не имеет права издавать законы и назначать чиновников, это может делать только император. Септимий Север скончался в Британии в феврале 211 г. Его последними словами были: «Я принял государство, раздираемое междоусобиями, а оставляю его в состоянии мира даже в Британии. Старый, с больными ногами, я оставляю моим сыновьям власть твер-

дую, если они будут ее достойны, но слабую, если они будут недостойны ее». По постановлению сената Септимий Север был объявлен божественным. По его завещанию императорами были объявлены оба его сына — старший Каракалла и младший Гета. Отец полагал, что правление его сыновей укрепит династию, но вышло наоборот. Между братьями сразу же после воцарения началась вражда. Попытка их матери императрицы Юлии Домны примирить сыновей ни к чему не привела. Враждебные отношения между императорами закончились 26 февраля 212 г. убийством Геты в Палатинском дворце на глазах матери. Единственным императором стал старший брат Марк Аврелий Антонин Басиан, вошедший в историю под именем Каракаллы. Убив Гету, он, стремясь избежать клейма братоубийцы, решил провозгласить его божественным и сказал: «Пусть будет божественным, лишь бы не был живым!» Гета был причислен к богам.

Но недолгим было царствование Каракаллы, отмеченное террором против знати. Были убиты не только те, кто симпатизировал Гете (около 20 тыс. человек), но даже жена императора — Плавтилла, дочь Марка Аврелия. Свирепость, дикость и явное варварство привели к заговору и убийству

в апреле 217 г. Каракаллы. Заговор возглавил префект претория Макрин, к которому очень плохо относился император. Случайно узнав, что ему грозит казнь, Макрин составил заговор, в который вошли многие недовольные Каракаллой. Убийство произошло недалеко от города Эдессы на востоке. Историк Геродиан описывает это событие таким образом: «После этого сговора вскоре случилось так, что Антонин (Каракалла), живший в то время в Месопотамии, в Каррах, захотел отправиться в храм Луны, чрезвычайно почитаемый жителями той земли. На середине пути у Антонина заболел живот, и он, распорядившись, чтобы все стали подальше, берет одного слугу и отходит в сторону, чтобы освободиться от того, что его беспокоило; все отвернулись и отошли как можно дальше, проявляя почтительность и стыдливость перед происходящим. Марциалий (заговорщик), давно выжидавший удобного случая, видя, что Антонин остался один, бежит к нему, будто бы по знаку государя, чтобы сказать или выслушать что-то; подойдя к нему сзади как раз в то время, когда тот снимал с бедер одежду, он нанес удар кинжалом, который незаметно держал в руках. Удар под ключицу был верный; так Антонин оказался беззащитным и был неожиданно убит...»

Гелиогабал. III в.

Это убийство произошло 8 апреля 217 г. Тело императора было сожжено на месте, а урну с прахом отослали вначале в Антиохию, а затем в Рим, где и захоронили в гробнице Антонинов. Восточные легионы провозгласили новым императором Макрина. Это был первый случай, когда Римской империей стал править сын вольноотпущенника. Юлия Домна, мать Каракаллы, не желая подчиняться узурпатору, уморила себя голодом. В Риме же народ ликовал.

Макрин всего год правил государством, он проводил все время в Антиохии, пыта-

ясь подражать Марку Аврелию. Армия не поддержала Макрина, вскоре против него было поднято восстание, и императором был провозглашен дальний родственник Каракаллы — его троюродный племянник Гелиогабал (в других источниках назывался Элагабалом). Династия Северов еще пользовалась популярностью и в армии, и в обществе. Макрин был оставлен войсками и пытался бежать. Схвачен он был в Вифинии, в Халкедоне. Захватив его тяжело больным, солдаты, верные Гелиогабалу, отрубили бывшему императору голову, вместе с ним был убит и его сын Диадумеан, бывший при отце цезарем.

Провозглашенный сирийскими легионами императором под именем Марка Аврелия Антонина, Гелиогабал вскоре был признан и римским сенатом. Проведя зиму 218/219 г. в Никомидии, Гелиогабал прибыл в Рим только в 219 г. Среди римского народа он возбудил сильнейшее недовольство пренебрежительным отношением к римским обычаям и стремлением установить культ сирийского бога Ваала. Особенно возмутился Рим его браком с весталкой (жрица, обязанная сохранять девственность). Бабка императора Юлия Меса (сестра императрицы Юлии Домны), видя непопулярность внука, пыталась влиять на его поли-

тику, но все было напрасно. Молодой правитель впал в дикий, разнузданный разврат. Историк Эмий Лампридий так описывает времяпрепровождение императора: «Смысл жизни состоял для него в придумывании все новых и новых наслаждений. Он устилал розами столовые, ложа и портики и гулял по ним. Он не соглашался возлечь на ложе, если оно не было покрыто заячьим мехом или пухом куропаток, который находился у них под крыльями. Он часто ел пятки верблюдов, гребешки петухов, языки павлинов и соловьев. В своих столовых с раздвижными потолками он засыпал своих прихлебателей таким количеством фиалок и других цветов, что некоторые, не будучи в силах выбраться наверх, задохнувшись, испускали дух. Передают, что он дал в цирке зрелище морского сражения в каналах, наполненных вином».

В 221 г. Гелиогабал по настоянию бабки провозгласил своим соправителем двоюродного брата Александра Севера. По решению сената шестнадцатилетний император стал считаться отцом тринадцатилетнего Александра Севера.

Император все больше впал в безумие, начав приносить даже человеческие жертвы своему любимому богу. Ненависть к Гелиогабалу возникла во всех слоях римского общества, а особенно в пре-

торианской гвардии. Узнав, что Гелиогабал замыслил убийство своего соправителя Александра Севера, гвардейцы решили покончить с императором, который затмил своими преступлениями Нерона, Калигулу, Домициана. В марте 222 г. по Риму был распушен ложный слух, что Александр Север убит. Это вызвало возмущение гвардейцев, которые потребовали от императора показать им живого Александра. Гелиогабал, охваченный страхом, прибыл вместе с соправителем в преторианский лагерь. Геродиан так рассказывает о последнем дне жизни императора: «Когда воины, отперев ворота, приняли их и привели в храм лагеря, они с воодушевлением приветствовали и славословили Александра, к Антонину (Гелиогабалу) относились невнимательно. Сердясь на это и переночевав в храме лагеря, он очень гневался на воинов; тех, кто очень заметно и с воодушевлением славословил Александра, как виновников мятежа и беспорядков, он велел арестовать... Воины, возмущенные этим, ненавидя Антонина и желая устранить непристойно ведшего себя государя, а теперь еще полагая нужным помочь арестованным, нашли случай удобным и предлог справедливым: Антонина и его мать Созмию убили, а также всех из их окружения... Тела Анто-

ища и Созмии позволили тащить и бесчестить всякому желающему; после того как их долго тасили по всему городу, изуродованные, они были брошены в сточные воды, которые текут в реку Тибр».

Императорская власть перешла к Александру Северу (222—235), которому было всего 14 лет. Фактически империей правили его бабка Юлия Меса и мать Мамея. В царствование Александра Севера вновь, как и в годы правления династии Антонинов, было восстановлено согласие между сенатом и императором. Александру Северу пришлось вести тяжелую войну с Парфянским царством, войска которого опустошили Сирию и Малую Азию. В 232 г. парфяне были изгнаны из восточных провинций, но эта война стоила огромных средств и усилий. Вскоре после войны на востоке император с армией направился на рейнскую границу для отражения набегов германских племен. Будучи не уверена в победе над германцами, мать императора Мамея пыталась купить мир у варваров щедрыми подарками и крупной суммой денег. Все это вызвало недовольство среди воинов и привело к возникновению заговора, который возглавил военачальник Максимин Фракиец. Рейнские легионы провозгласили его императором.

Когда об этом узнал Александр Север, он обвинил

Максимиана в неверности и неблагодарности. Бывшие при императоре войска вначале обещали защищать государя, но на следующий день, при приближении войск узурпатора, отказались братья за оружие и стали выдвигать свои требования. Когда же войско Максимиана было уже в пределах видимости, солдаты окончательно покинули Севера. Геродиан рассказывает о последних часах жизни императора: «Александр же, трепеща и теряя присутствие духа, с трудом возвращается в свою палатку; обняв мать и, как говорят, горько жалуясь и обвиняя ее в том, что из-за нее он это претерпевает, покорно стал ожидать убийцу. В это время Максимин, провозглашенный войском Августом, посылает трибуна и нескольких центурионов убить Александра, его мать и тех из их окружения, кто окажет сопротивление. Они, ворвавшись в палатку, убивают его самого, мать его и тех, кто слыл его другом и приближенным».

Эта расправа была совершена в середине марта 235 г. — и династия Северов прекратила существование.

«СОЛДАТСКИЕ» ИМПЕРАТОРЫ. КРИЗИС III в.

Убийство Александра Севера открыло период правления «солдатских» императоров. В

течение полувека на римском престоле побывало более 20 монархов. Большинство из них были убиты заговорщиками или мятежниками, и только некоторые умерли своей смертью или погибли в войне с внешними врагами. Многие из «солдатских» императоров правили лишь несколько месяцев, были периоды, когда в стране было по два, три и более императоров. Римское государство переживало тяжелый кризис, возникла реальная угроза распада империи. Слабостью и раздорами римлян воспользовались их враги. Вновь активизировались персы, которые опустошили восточные провинции, усилился натиск варваров и на других границах империи. Тяжелым было и положение рабовладельческой экономики: сокращалась рабочая сила, падала урожайность, разорялись ремесленники. Многие города оскудели. Римская культура также переживала кризис и упадок.

Правление первого «солдатского» императора Максимиана Фракийца было недолгим. Император сохранял власть с помощью жестокого террора. В начале 238 г. против него в Африке было поднято восстание, которое провозгласило проконсула провинции престарелого 80-летнего Гордиана императором. Но Гордиан I не смог справиться с Максимином. Сын Гордиана — Горди-

Гордиан I. III в.

ан II — вскоре погиб в битве с войсками, верными Фракийцу. Гордиан, узнав о гибели сына и поражении своих войск, повесился. Рим, однако, уже признал Гордианов, и потому Максимиан Фракиец двинулся с войсками в Италию. В мае 238 г. он осадил город Аквилею, лежавший на пути к Риму. И здесь солдаты, составив заговор, убили Максимиана, а также его сына Юлия Вера Максима.

Еще до этого события римский сенат провозгласил императорами Марка Пупиена и Бальбина. По требованию

Бальбин. III в.

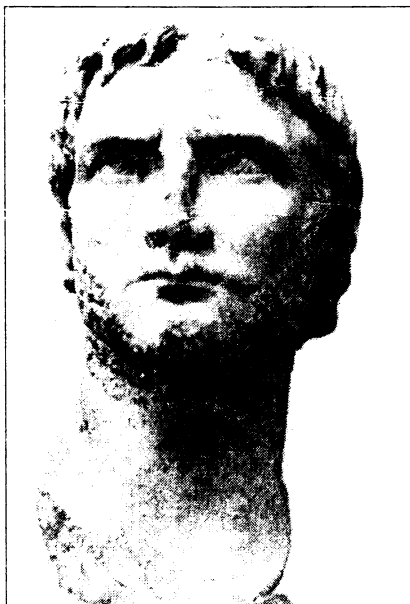
войска третьим императором был провозглашен внук Гордиана I — Гордиан III. Войска были недовольны правлением императоров, которых по праву считали «сенатскими императорами». Уже в середине 238 г. легионеры, ворвавшись в Палатинский дворец, убили двух императоров-соправителей. Гордиан III был провозглашен единственным правителем великой империи. Царствование Гордиана III продолжалось до 244 г. Молодой император был свергнут и убит префектом претория Филиппом Арабом, которого затем вместе с сыном (Филиппом II) провозгласили импе-

ратором. Самое удивительное, что Филиппу Арабу удалось продержаться у власти целых пять лет. Именно в его правление торжественно был отпразднован юбилей — тысячелетие со дня основания Рима (20 апреля 248 г.). Императору пришлось вести жестокую борьбу с другими претендентами, но в 249 г. он был убит вместе с сыном. Императором был провозглашен Деций — гонитель и преследователь христиан. Деций погиб в 251 г. в войне с готами. Легионы провозгласили императором его сына Гостилиана, но он вскоре, в декабре 251 г., умер от чумы. Тогда трон занял Требониан Галл, соправителем его стал сын Волусиан. Они оба были убиты по приказу Эмилиана в сентябре 253 г. Но Эмилиан даже не достиг Рима и вскоре погиб от рук своих солдат. В конечном счете победителем вышел Валериан, знатный римский сенатор. Он сразу же взял себе в соправители сына Галлиена. В правление Валериана в 257 г. вновь были гонения на христиан. Римская империя со всех сторон подвергалась набегам многочисленных врагов; германцы переходили Рейн, готы опустошали Балканы, мавританцы нападали на римскую Африку, на Востоке вновь наступали персы. Валериан выступил в поход против персов, но в 260 г. был разбит и попал к ним в плен, где и по-

гиб. Наследник Валериана, Галлиен, царствовал восемь лет (260—268). Он был образованным человеком, стремился укрепить и сохранить государство. Императору удалось достичь некоторых побед над внешними врагами. Но победить внутренних врагов, мятежников и узурпаторов, Галлиен не смог.

В разных частях империи отдельные легионы начали провозглашать императорами своих полководцев, которые, правя в провинции и не подчиняясь Галлиену, вели государство к распаду. В государстве было несколько императоров: на Востоке — Оденат, в Греции — Валент, в Адриатике — Авреол, в Галлии императором был признан Постум. Римляне называли это время эпохой правления тридцати тиранов. Фактически под властью Галлиена осталась одна Италия. В 268 г. император был убит в результате заговора, власть наследовал Марк Аврелий Клавдий. Всего два года, до 270 г., правил Клавдий II. Он умер от чумы. За победу над готами Клавдий получил титул Готского. После смерти Клавдия императором был провозглашен Квинтилл, его брат, но так и не смог удержать власть и правил всего семнадцать дней.

Императором стал Аврелиан (270—275). Он смог отразить нашествия германских племен; понимая, что варва-

Галлиен. III в.

ры угрожают Риму, император принял меры для защиты столицы и возвел оборонительные стены протяженностью восемнадцать километров. Аврелиану удалось также разбить сепаратистов; вновь империи подчинился Восток и также Галлия, где правил узурпатор Тетрик. Таким образом было восстановлено единство империи. Однако во время похода на Восток в 275 г. Аврелиан был убит своими солдатами. Недолго после него правил император Тацит, избранный сенатом. Уже в 276 г. он также был убит заговорщиками. Брат Тацита Флориан, захватив власть, правил всего около двух месяцев и был убит ле-

гионерами. Войска, стоящие в Иллирии, объявили императором Проба. Проб изгнал из Галлии германские племена франков и аламанов и восстановил границу по Рейну. Попытка императора укрепить дисциплину в войсках привела к восстанию в 282 г. и его убийству.

После гибели Проба власть захватил Марк Аврелий Кар (282—283). Его сыновья Карин и Нумериан были объявлены соимператорами отца. Кар погиб в 283 г. во время похода против персов. Старший его сын Карин был убит в начале 285 г. солдатами в Галлии, а младший Нумериан в конце 284 г. погиб от руки префекта претория Апра. Правление «солдатских» императоров закончилось. Владыкой Римской империи стал Диоклетиан. Началась эпоха поздней Римской империи.

* * *

Приход к власти императора Диоклетиана открыл новый период в истории римского государства — правление Домината. В этот период происходит разложение античного хозяйства и культуры, появляются новые общественные отношения. Кризис III века потряс Римскую империю до основания, чуть было не приведя ее к гибели.

Диоклетиан провел множество реформ и на время вывел государство из кризиса. С

целью укрепления императорской власти он создал новую систему управления — тетрархию. Отныне империей управляли четыре императора: два августа (Диоклетиан и Максимиан) и два цезаря (Гай Галерий и Констанций Хлор). Остатки республиканских установлений, сохранявшихся до Диоклетиана, были окончательно отвергнуты. Рим стал абсолютной монархией. Был введен церемониал, заимствованный с Востока, император считался Богом и Господином.

В это время широко распространяется христианство, оно все более и более, несмотря на преследования, становится популярным в империи и за ее пределами. Уже при ближайшем наследнике Диоклетиана, императоре Константине Великом, христианство в 313 г. было объявлено равноправным со всеми другими религиями. Вскоре оно стало государственной религией. Сам Константин принял христианство, после него все императоры, за исключением Юлиана Отступника, были христианами.

В 395 г. император Феодосий Великий разделил империю на Западную, просуществовавшую до 476 г., и Восточную, вошедшую в историю под названием Византийской империи и павшую только в 1453 г. от нашествия турок-османов. Но это другая история.

ВЛАСТЬ, МЯТЕЖИ И ЗАГОВОРЫ В ВИЗАНТИИ

Царская власть — прекрасный саван.

*Проконий Кесарийский.
Война с персами*

ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ

Византия — поистине самая неограниченная монархия средневекового мира. Византийский император, которого подданные величали василевсом, то есть царем, был для них сакральной фигурой. Его жилище называли священным дворцом, его облачение, как и дворец, было священо. Как знак особой милости император мог подарить его либо какому-нибудь городу (и тогда оно торжественно вывешивалось в главном городском храме), либо чужеземному государю. Золото и пурпур служили символами величия василевса. Он носил затканную золотом пурпурную одежду и такие же сапожки, восседал на золотом троне и пурпурных подушках. Его подпись на государственных грамотах запе-

чатлевалась пурпурными чернилами.

Императора считали Божиим избранником. Уподобление Богу являлось первейшей обязанностью государя, и весь придворный ритуал предназначен был напоминать о таинственной связи между василевсом и Царем Небесным. Во время приемов император восседал на двухместном троне: в будни — на правой его стороне, по воскресным и другим праздничным дням — на левой, оставляя место для Иисуса Христа, присутствие которого символизировал положенный на сиденье крест. Василевса рассматривали как космическое явление, уподобляя его солнцу. Во время церемоний государь, словно статуя, пребывал между колоннами или в нише; он никогда не стоял на полу, но всегда на особом возвышении.

Появление императора перед народом превратилось в тщательно разработанный ритуал: дома украшались коврами и гирляндами цветов, мостовые улиц посыпались песком; заранее предусматривалось, где должны стоять приветствующие его подданные, какими возгласами его надлежит славить. Культ василевса составлял один из существенных элементов государственной религии Византии.

Вместе с тем трудно вообразить себе более непредсказуемую судьбу, чем судьба византийского императора. Тысячелетняя история Византийской империи насчитывает 88 императоров — почти вдвое больше, нежели на престоле Германской империи за такой же промежуток времени. Каждый правил в среднем не более 13 лет. Почти половина византийских императоров была насильственно лишена престола: одни были свергнуты и казнены, другие отравлены, утоплены, ослеплены, иные заточены в монастырь. По замечанию одного из византийских историков, большинство василевсов достигли власти убийством и кровопролитием.

Сами византийцы отнюдь не воспринимали это как обычное явление. Более того, их такое положение беспокоило и раздражало. Историк XII в. Никита Хониат как-то саркастически заметил, что императорская власть подобна

блуднице: «Кому только не отдавалась!»

Дело в том, что в Византии долгое время не было наследственности императорской власти: автоматического перехода отцовского престола к сыну византийское государственное право не знало. И хотя с самого начала существования империи здесь создавались свои династии (династии Константина Великого, Феодосия Великого, Юстиниана I, Исаврийская, Македонская династии и т. д.), сын или иной родственник усопшего василевса вступал на царский трон отнюдь не потому, что был его ближайшим родственником, а потому, что его избрали, причем далеко не всегда формально, сенат, войско, народ. Этот выбор должен был быть одобрен церковью в лице патриарха. Соблюдение такой традиции считалось византийцами воплощением теории «Божиего избрания».

Даже если отец объявлял сына соправителем, он должен был заручиться хотя бы формальной поддержкой вышеупомянутых сил. Правда, с конца XI в., по мере аристократизации византийского общества, укрепляется и принцип легитимности: на протяжении ста лет (1081—1185) императорская власть находилась в руках клана Комнинов, а затем, с конца XIII в. и до падения Византии

в 1453 г., тронем почти постоянно владела династия Палеологов.

Хотя император считался помазанником Божиим, мятеж против него как личности, недостойной трона, отнюдь не осуждался, особенно если мятежники выходили победителями. Дело в том, что представление византийцев об императоре как о помазаннике Божиим — лишь одна из сторон в богатом спектре восприятия императорской власти, начиная от признания ее божественности и кончая идеями тираноборчества. Важное место в византийской концепции василевса занимало отношение к нему как к гаранту благополучия подданных. Когда же император не пекся о своем народе «как пастух о стаде», он, даже если был коронован на царство с соблюдением всех приличествующих случаю обрядов, из законно избранного василевса превращался в глазах своих подданных в тирана. Именно на этом основании представитель культурной элиты VI в. Прокопий Кесарийский считал тираном Юстиниана I (527—565), хотя, как отмечал сам историк, «он был провозглашен василевсом римлян* наряду со своим дядей

[Юстином I] всеми видными лицами», ибо, «будучи тираном, он немедленно принял сан автократора, благовидностью предлога скрывая насилие действий». И именно на том же основании в ходе восстания Ника (532 г.) собравшийся на константинопольском ипподроме народ в присутствии того же Юстиниана кричал: «Другого василевса ромяем!»

Чудо, а вернее мужество императрицы Феодоры, поднявшейся до трона из куртизанок, спасло отчаявшегося и решившегося на бегство василевса. Свою пламенную речь перед приближенными Юстиниана бывшая актриса закончила такими словами: «Тот, кто появился на свет, не может не умереть, но тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо. Да не лишиться мне этой порфиры, да не дожить до того дня, когда встречные не назовут меня госпожой! Если ты желаешь спасти себя бегством, государь, это нетрудно. У нас много денег, и море рядом, и суда есть. Но смотри, чтобы спасшемуся тебе не пришлось предпочесть смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царская власть — прекрасный саван».

* Римляне (ромеи) — самоназвание византийцев, считавших себя наследниками римской государственности. Название «византийцы» в эпоху существования империи означало лишь жителей столицы — Константинополя, основанного

на месте древнего Византия. Старое имя города долго продолжало быть в ходу. Научные и условные термины «Византия» и «византийцы» для обозначения государства и его подданных были введены гуманистами, когда сама империя уже пала.

КАЗНЬ МАВРИКИЯ И ЕГО СЫНОВЕЙ

Саваном стала императорская власть другому императору — Маврикию (582—602). Византия являла собой в то время весьма жалкое зрелище. Истерзанная изнурительными войнами, тяжким налоговым гнетом и страшными стихийными бедствиями (чумой, землетрясениями, наводнениями и неурожаями), империя переживала трудные времена.

Маврикий же отнюдь не принадлежал к той редкой породе государственных деятелей, которые способны вывести страну из тяжелейшего кризиса. Он не мог придумать ничего лучшего, как пойти на сокращение расходов на армию и отмену многочисленных празднеств, составлявших неотъемлемую черту византийского быта.

Вместе с тем Маврикий проявлял огромную заботу о собственной семье, узкие интересы которой он предпочитал государственному. Его на удивление многочисленное потомство* вызывало скабрзные насмешки константинопольской толпы, распевавшей песенки, в которых он сравнивался с молодым петушком. Не успев стать императором, он вызвал в столицу всех своих сородичей и одарил их ог-

ромными богатствами: дворцами, виллами, золотом, серебром, драгоценностями.

Все это не могло способствовать его популярности, и в результате войско и народ объединились в своей ненависти к нему, добившись его свержения и жестокой казни. Главой движения стал центурион (начальник сотни) Фока. Еще до того как воины подняли мятеж, Фока в качестве их представителя явился в столицу в надежде мирным путем отстоять их вполне законные требования. Однако его подвергли оскорблениям и даже физическому воздействию: один из приближенных василевса, набросившись на него с кулаками, в ярости вырвал клоч его бороды.

В войсках происходило брожение, открытое недовольство стало проявляться и в столице. Зимой 601 г. во время празднования Рождества прямо в храме в Маврикия полетели камни. Усилиями телохранителей императора, вооруженных железными дубинками, называемыми по-гречески дистриями, мятеж был прекращен. Но желанного спокойствия император не добился. В 602 г. Фока во главе мятежных войск подошел к Константинополю и остановился неподалеку от столицы в предместье, называемом Евдом. Отсюда он послал человека в город, в «великую церковь» Святой Софии, чтобы оповестить народ

* У Маврикия было шесть сыновей и три дочери.

и «призвать его вместе с патриархом и сенатом». Население столицы пошло ему навстречу. 23 ноября 602 г. Фока был коронован. «Венец и бармы» византийских василевсов достались «калидонскому тирану, распутному кентавру»*, как с ненавистью назвал его современник событий, сторонник Маврикия историк Феофилакт Симокатта.

Между тем Маврикий снял с себя царские одеяния, надел простую одежду и, забрав казну, жену и детей, под покровом ночи покинул город на быстроходном судне — дромоне. А народ всю ночь не переставал его поносить, распевая оскорбительные песни. Однако разразившийся на море ужаснейший ураган заставил Маврикия пристать к берегу примерно в 25 км от Константинополя. Отсюда Маврикий послал своего старшего сына Феодосия к шаху Ирана Хосрову II (590—618) с просьбой о помощи. Ради спасения семьи и трона неудачник-император готов был призвать в страну чужеземные войска. Впрочем, подобные случаи в Византии, как и в

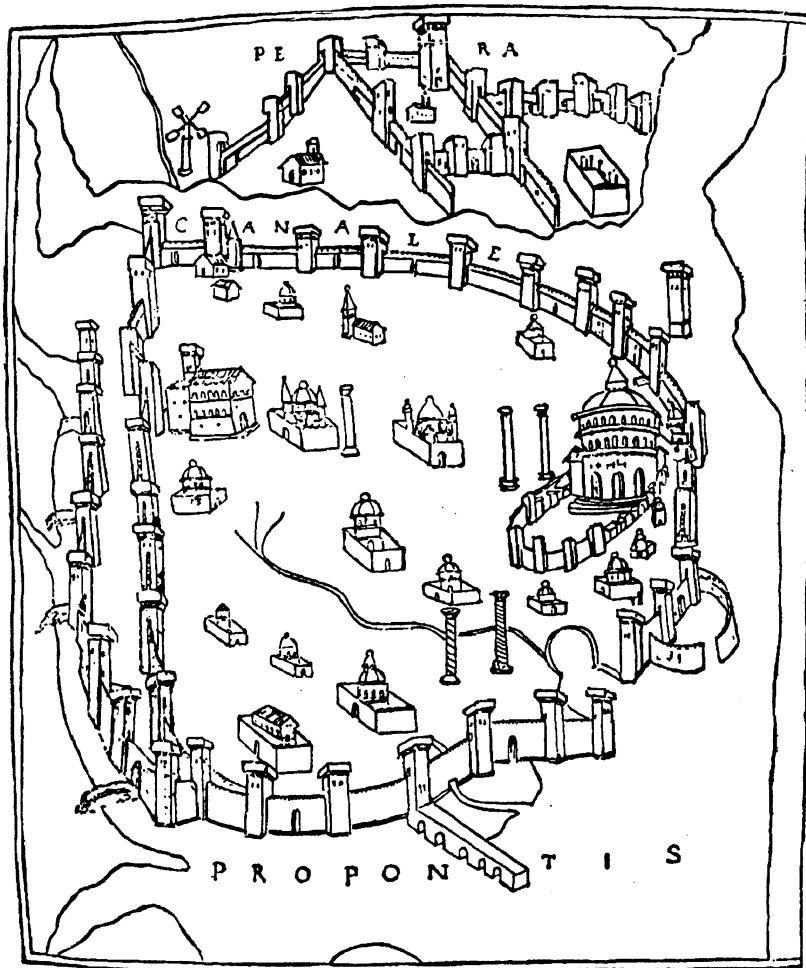
соседствующем с ней Иране, бывали не раз.

Отправляя сына, Маврикий показал ему один из своих перстней, строго-настрого наказав, чтобы он ни в коем случае не возвращался, если посланный за ним гонец не предъявит ему этого перстня. В столице между тем было неспокойно. Во время триумфального въезда в город жены Фоки, новой императрицы Леонтии, у димов* произошла распря из-за мест, где они должны были стоять. Фока послал своего человека по имени Александр унять спорщиков. Когда димарх венетов Косьма стал возражать Александру, тот, «усвоив себе зазнайство и дерзость тирана», принялся его поносить, а затем, ударив в грудь кулаком, оттолкнул. Тут венеты подняли страшный шум, восклицая: «Поди прочь! Не забывай, Маврикий еще не умер!»

Фоке удалось успокоить народ. Однако утром следующего дня он, опасаясь подобных выступлений в будущем, решил на убийство Маврикия. Между тем, раскаиваясь уже в своем решении призвать иранское войско, Маврикий послал гонца с перстнем к Феодосию, приказывая ему вернуться. Не осведомленный о событиях в столице, тот

* Обвиняя Фоку в жестокости и сластолюбии, историк уподобляет его свирепому вепрю, насланному, согласно древнегреческим сказаниям, богиней Артемидой для опустошения округа города Калидон в Атолии, царь которого обошел богиню при жертвоприношении, а также мифическим существам кентаврам, полулюдям-полуконям, пытавшимся на свадьбе царя племени лапифов похитить невесту и других женщин.

* Димы — группировки населения города, главными среди которых были венеты (голубые) и прасины (зеленые).

План Константинополя

возвратился и попал прямо к казни императорской семьи.

Местом казни был избран лежащий по другую сторону Золотого Рога, напротив Константинополя, город Халкидон, известный тем, что в нем в 451 г. состоялся знаме-

нитый собор, укрепивший победу православия и вошедший в историю под именем Халкидонского. Здесь, в гавани Евтропия, на глазах у народа, заполнившего все побережье у Халкидона, и свершилось «цареубийство».

Сначала Маврикий, по словам историка Феофилакта Симокатты, «был наказан мечом природы» — в его присутствии были отсечены головы всем находившимся при нем детям мужского пола. Он же, «со спокойствием и мудростью относясь к своим несчастьям, при всех взывал к Богу, то и дело восклицая: «Справедлив ты, Господи, и справедлив суд твой!» Рассказывали, что кормилица скрыла одного из царских младенцев, отдав в руки палача собственного ребенка. Считая, что «несправедливо сокрытием этого сына оскорблять святость смерти других детей», Маврикий открыл тайну вершителем казни, предав таким образом в руки палачей и новорожденное дитя. Затем бывший василевс ромеев сам склонил голову под удар меча, «сделав доставшуюся ему в удел позднюю смерть как бы эпитафией смерти собственных детей и в огромности своего несчастья явив величие своей доблести».

Тела казненных были брошены в море, и течение несло их, «как достойную жалости игрушку, то с любовью прибывая к берегу трупы убиенных, то швыряя их далеко в море вместе с волнами, стремившимися вернуться назад». Народ же, как завороженный, не мог оторвать глаз от трагической картины, «которую являли ему морские волны в

виде обнаженных трупов членов царской семьи».

Палач Лилий, которому была поручена казнь Маврикия, привез к Фоке головы убитых. Выставив их в лагере войска возле Евдома, он под гул одобрения объявил воинам о казни василевса и его сыновей. Тут же прокатилась волна и других убийств: мечом отсекли голову брату Маврикия Петру, расправились и с ближайшим окружением казненного василевса.

Что касается сына Маврикия Феодосия, то, узнав о постигшей семью каре, он скрылся в храме мученика Автонома. Фоска приказал извлечь его оттуда и зарезать. Был казнен мечом и спутник Феодосия — глава имперской администрации при Маврикии, префект претория Востока* Константин Лард. Вдова казненного императора — Константина вместе с тремя дочерьми была заключена под строгую охрану.

Смерть Маврикия была окутана массой легенд. Одну из них поведал потомству Феофилакт Симокатта. Согласно его рассказу, некий живший в Александрии каллиграф в день казни Маврикия возвращался с пирушки домой. Была полночь, когда он оказался в красивом и знаменитом месте

* Префект претория Востока — глава гражданского управления крупнейшей административной единицы ранней Византии — префектуры Востока.

Александрии — Тихее. Находившиеся тут статуи, неожиданно сойдя со своих пьедесталов, громко обратились к нему по имени и поведали ему о несчастье, случившемся с василевсом Маврикием. Рано утром он передал это сообщение свите префекта Египта, которым был тогда родственник нашего историка Петр. Тот, обдумав слова каллиграфа, запретил ему «передавать кому бы то ни было эти таинственные рассказы о столь необычных делах». Днем же, записав рассказ, он стал ожидать, чем все это кончится. На девятый день в Александрию прибыл вестник из столицы, торжественно возвестив о казни Маврикия и воцарении Фоки. Таким образом, префекту Египта стало известно то, о чем еще раньше объявили статуи, и он торжественно обнаружил это предсказание, поставив перед всеми каллиграфа и указав на него как на автора рассказа.

Немало слухов ходило и по самому Константинополю. Вспоминали о чуде, которое произошло в Халкидоне в храме мученицы Евфимии. Рассказывали, что каждый год в день ее мученичества могила обгадрялась смешанной с благоговениями кровью, настолько свежей, словно она только что вытекла из ран убитой Евфимии. На двенадцатом году правления в душу Маврикия запало подозрение. Приписав

это чудо легкомысленным человеческим выдумкам, он приказал снять с могилы мученицы серебряное украшение и поставить на памятнике свои печати. В очередной день мученичества Евфимии «вновь потекли из могилы потоки благовонной крови, залив собой святой алтарь... Во много раз мученица увеличила эти истечения крови». Люди увидели в этом предсказание страшной гибели Маврикия.

Немало слухов породила и смерть сына Маврикия — Феодосия. Поговаривали, будто он не погиб, ибо его тесть Герман подкупил Александра, которому было поручено совершить убийство, и тот убил другого, очень похожего на него человека. А Феодосий, избежав опасности, скрылся где-то на Востоке. «Этот гибельный слух, — заключает Феофилакт Симокатта, — явился причиной многих бед, и ложный рассказ об этом вызвал длинный ряд убийств. Когда же, разрастаясь, слух достиг царского дворца, тиран пришел в великое замешательство и велел казнить Александра, отсеки ему голову мечом». «Суждено было, — продолжает этот сторонник Маврикия, — чтобы Фока погубил всех, кто содействовал ему в захвате власти, и всех своих соратников по преступлению он погубил... ибо совместное злодеяние не может создать прочной дружбы».

КАЗНЬ ФОКИ

Фока правил недолго (602—610), к тому же его царствование омрачалось частыми заговорами. Так же, как и его предшественник, Фока был смещен и казнен в ходе открытого переворота. Его победитель талантливый полководец Ираклий, уже благословленный на царство митрополитом города Кизика Стефаном, увидев Фоку, поверженного и в жалком рубище, грозно спросил: «Так-то ты, жалкий, управил царство?» Саркастически и будто пророчествуя, Фока ответил: «Ты управишь его лучше»*. Между тем бушующая толпа, еще не так давно приветствовавшая Фоку, за бороду вытащила его из дворца. Он был казнен вместе со своим братом Доментиолом. Жертвой народного возмущения стали также глава византийского войска Вонос и начальник финансового ведомства Леонтий. Разъяренные горожане сожгли их трупы на форуме Быка. Но и это не удовлетворило их: в довершение, уже на ипподроме, они сожгли и портрет Фоки.

«ЗАГОВОР ДВЕНАДЦАТИ» И ПРИХОД К ВЛАСТИ АНДРОНИКА

Волна народного возмущения смела еще одного императора — Андроника I Комнина (1183—1185), который, кстати сказать, как и Фока, поначалу был народным кумиром. Двоюродный брат императора Мануила I Комнина (1143—1180), человек, по словам Никиты Хониата, «с гордым характером и властную бивой душой», Андроник принадлежит к наиболее колоритным фигурам в истории Византии. Его безрассудная смелость, авантюрные похождения, энергия и настойчивость в достижении цели снискали ему огромную популярность. Прежде чем рассказать о его трагическом конце и мучительной казни, нужно упомянуть о его приходе к власти, поскольку и здесь не обошлось без столь характерных для византийского двора вооруженных столкновений, заговоров и интриг.

24 сентября 1180 г. скончался Мануил I. Это был один из наиболее выдающихся византийских императоров. Современник событий Евстафий Солунский так откликнулся на его смерть: «Кажется, будто Божественной волей было предрешено, чтобы вместе с василевсом Мануилом Комнином умерло все здоровое в царстве ромеев и чтобы с за-

* Пророческими слова Фоки были сочтены, по-видимому, потому, что Ираклию суждено было, после его победоносных войн против Ирана, потерять не только все завоеванное, но и значительную часть имперских земель на Востоке в результате наступления новых врагов — арабов.

ходом этого солнца все мы были погружены в непроглядную тьму».

Императором стал тогда одиннадцатилетний сын Мануила — Алексей, однако реальная власть оказалась в руках его матери, второй жены покойного императора, Марии Антиохийской и ее фаворита — племянника Мануила, протосеваста* Алексея. Мало заботясь о государстве и думая лишь об укреплении собственной власти, протосеваст старался привлечь на свою сторону людей льстивыми посулами и деньгами. Ходили упорные слухи, что он собирается свергнуть юного императора с престола. Все в царском дворце было исполнено смут и тревог и напоминало современникам сказку о драконе, который бедствовал оттого, что управлял своими движениями не головой, а слепой и глухой частью туловища — хвостом.

Людей государственного склада раздражало расточительство протосеваста, злоупотреблявшего благосклонностью к нему вдовы Мануила, «которая своим светлым взглядом, жемчужной белизной лица, любезным нравом, открытой душой и очаровательной прелестью речи при-

вязывала к себе всех, словно цепью». Но в те тревожные дни Марию Антиохийскую, сверх всякой меры потакавшую фавориту, уподобляли развратной женщине, в утробу которой «течет то, что собрано долговременным и тяжким трудом».

В этой атмосфере взоры константинопольцев обратились к находившемуся тогда в Малой Азии Андронику, прибытия которого ожидали «как светильника во мраке ночи, как лучезарной звезды». Андроник вступил в сговор с дочерью Мануила от первого брака кесарисой* Марией — женщиной смелой и мужественной, к тому же «питавшей естественную ненависть к мачехе и не терпевшей, чтобы кто-нибудь был выше нее». Кесариса стала во главе зрешего в городе заговора. Ее сторонниками были: эпарх Константинополя** Иоанн Каматир, сыновья Андроника — Иоанн и Мануил, а также другие представители высшей аристократии, приходившиеся родственниками Комнинам. По числу участников этот заговор вошел в историю как «заговор двенадцати». Все было

* Протосеваст (первый из севастов, то есть близкий к императору придворный) — титул, жаловавшийся обычно родственникам василевса.

* Кесарь, кесариса — высший светский титул в Византии, жаловавшийся лицам как мужского, так и женского пола и даровавшийся ближайшим родственникам императора и предполагаемым наследникам престола.

** Эпарх Константинополя — градоначальник столицы, подчинявшийся непосредственно императору.

тщательно продумано и подготовлено. Покушение наметили на субботу на первой неделе Великого поста (17 февраля 1181 г.), в день памяти мученика Феодора. Наготове уже стояли и убийцы, которым предстояло «обнажить смертоносное оружие против врага». Однако по какой-то случайности заговор вскоре оказался раскрыт. Тогда заговорщики, «не получив даже позволения защитить себя, как безгласные рабы, были заключены в темницу». Избежать этой участи удалось лишь самой кесарисе Марии и ее мужу, кесарю Райнеру Монферратскому. Они укрылись в главной церкви Константинополя — знаменитом храме Святой Софии. При этом кесариса возвестила, что просит «убежища от мачехи, питающей к ней непримиримую вражду, и от ее жестокого любовника».

Ни под каким видом не соглашаясь покинуть святилище, она стала настаивать, чтобы протосеваст Алексей был изгнан из императорского дворца и «как терние, выросшее около благородного растения, был исторгнут с корнем и истреблен, поскольку это терние, разросшись, задушит, как пшеницу, василевса». Протосеваст отнюдь не думал покидать дворец. Напротив, он пригрозил кесарисе Марии, что, если она не оставит храм, ее выведут оттуда силой. Тогда кесариса призва-

ла себе на помощь войско, приставила к церкви стражу, «превратив дом молитвы в сильную, неприступную и неодолимую крепость».

Сторону дочери Мануила приняли патриарх и население Константинополя. В городе развернулась настоящая война. Ареной ее стала главная площадь столицы — Августеон*. Защитники кесарисы, приготовившись к отпору, разрушили с этой целью все примыкающие к Великой церкви здания, заняли большую арку в так называемом Милии и примыкавший к Августеону храм Алексея. Верные же протосевасту войска сделали своим форпостом храм Иоанна Богослова, с крыши которого они метали стрелы в защитников кесарисы, а также в заполнивший площадь народ.

Туда же из императорского дворца были направлены дополнительные отряды хорошо вооруженного войска, которые, оттеснив народ, заняли все улицы и переулки, ведущие к Святой Софии. Сторон-

* Августеоном называлась обширная площадь, расположенная между храмом Святой Софии и Большим императорским дворцом. Свое название она получила от Константина Великого, который построил и назвал ее в честь своей матери Елены, провозглашенной им Августой. Тогда же Августа Елена была удостоена статуи, водруженной на этой самой площади. Со всех четырех сторон Августеон был обнесен портиками и украшен величественными постройками: сенатом, церквями, общественными зданиями.

Мануил Комнин

ники дочери Мануила вынуждены были вступить в борьбу с превосходящим их по силе врагом. Завязался жестокий бой: то метали стрелы, то начиналась рукопашная схватка, «с обеих сторон были слышны и стоны павших, и восклицания пораженных».

Наконец войско протосеваста отеснило сторонников кесарисы к самому храму Святой Софии. Схватка уже могла переместиться в преддверие церкви. Однако наступавших пугали тесные проходы храма, и только это спасло шедевр мирового зодчества от разру-

шения. Возмущенный тем, что в ходе борьбы за престол «дом молитвы наполнился кровавым убийством», Никита Хониат писал: «Если некогда римский полководец Тит, обложив Иерусалим лагерем, так щадил храм Соломона и так заботился о его сохранении, что предпочитал подвергаться нападению и терпеть урон в собственном войске со стороны производивших вылазки из храма иудеев, нежели предпринять что-либо богопротивное по отношению к этому великолепному и чудесному зданию, если так, говорю, поступил человек, не ведавший того бога, храм которого он чтит... то какую честь следовало бы воздать богобоязненным христианам этому прекраснейшему, этому божественному храму, поистине творению рук Божиих, созданию неподражаемому: первому и последнему по красоте, являющему собою на земле подлинно свод небесный?»

При посредничестве патриарха стороны, дав друг другу клятвы, заключили мирный договор. Тем временем Андроник, «пламенно желавший власти», двинулся к Константинополю. Дойдя до местечка Певкии, расположенного недалеко от Халкидона, он приказал в течение ночи поддерживать в лагере сторожевые огни, желая показать, что силы его велики. Преуспев в своем намерении, он до такой степе-

ни «увлек и привязал к себе константинопольцев, что они, оставив свои обычные дела, бросились смотреть на противоположный берег и, бродя по побережью и холмам города, знаками как бы тянули к себе еще бывшего вдали Андроника».

Андроник требовал, чтобы протосеваст был отстранен от своего поста, а вдова Мануила удалилась в монастырь, навсегда «остригши свои мирские волосы», а юный василевс правил, не будучи стесняем соправителями, «как колос, загнушаемый плевелами». Люди толпами стекались к Андронику, «удивляясь его росту, величественной красоте и почтенной старости, упиваясь медоточивостью его речей и принимая все, что он обещал».

Когда же на сторону Андроника перешли и войска, победа его стала полной. Его сыновья Иоанн и Мануил, а также все остальные, заключенные протосевастом, были освобождены из тюрьмы, а их место в темнице заняли родственники правившего временщика и те, к кому он благоволил. Самого же протосеваста сначала окружили стражей из германцев, а в полночь тайком перевели в темницу при патриаршем дворце под еще более строгую охрану, что дало повод Никите Хониату разразиться нравоучительной сентенцией: «Тот, кто еще

вчера шел непримиримой войной против церкви как человек знатный родом и крайне надменный счастьем, кто противозаконно исторгал из храма искавших в нем убежища, вокруг кого раздавались голоса тысяч людей, тот сегодня в узах и бесприютен, не имеет ни спутника, ни помощника, ни спасителя, ни избавителя».

Стражники совершенно не давали спать бывшему фавориту, нападая на него всякий раз, как только он обращался ко сну, и заставляя его держать глаза напряженными, подобно «луку или стреле». Через несколько дней, ранним утром, его вывели из храма, посадили на убогую лошаденку и, неся впереди него привязанное к палке знамя, отвезли к морю. Тут его бросили в рыбацью лодку и переправили на другой берег к Андронику. Тот, с одобрения высших сановников, приказал выколоть ему глаза. Таков, по выражению современников, был «конец соцарствования или, лучше сказать, еще не вполне утвердившейся тирании протосеваста и его управления общественными делами».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ АНДРОНИКА

В те дни над Константинополем появилась необычного вида комета, и многие видели

в этом небесном явлении предвестие будущих бедствий. Некоторым же казалось, будто она похожа на самого Андроника. «Представляя внешним своим видом образ и изгибы змеи, явившееся светило то вытягивалось, то немного спустя свивалось в кольца, а иногда представлялось как бы отверстием пасти и приводило в ужас боязливых обывателей, словно хотело сверху проглотить находившихся внизу и упиться человеческой кровью».

Андроник между тем вступил в «царственный город» и начал управлять государством, предоставив василевсу Алексею II заниматься псовой охотой и проводить время в других забавах. Тогда же, говорят, он посетил усыпальницу Мануила I, который, зная властолюбивый нрав Андроника, не раз отправлял его в изгнание, и прошептал там такие слова: «Ты, заключенный, как в безвыходной тюрьме, в этом камне... будешь спать здесь непробудным сном, пока не раздастся звук последней трубы, а я, как лев, напавший на богатую добычу, вступив в этот семихолмный и великолепный город, буду мстить твоему роду и отплачу ему жестоким возмездием за все зло, какое перенес от тебя».

В самом деле, вскоре медленнодействующим ядом была отравлена дочь Мануила I кесариса Мария, которая явля-

лась верной союзницей Андроника по «заговору двенадцати» и которая «больше всех желала его возвращения в отечество». Вскоре за ней последовал и ее муж, кесарь Райнер Монферратский. Во дворце были убеждены, что и он умер насильственной смертью. Многие подозревали, что виновником гибели двух представителей царского дома был Андроник.

Следующей оказалась мать василевса — вдовствующая императрица Мария Антиохийская. Вначале Андроник удалил ее из дворца, а затем задумал разделаться с ее окружением. Те, чувствуя угрозу, заключили между собой союз и, «скрепив страшными клятвами свое единодушие, решили не давать очам сна, а голове — покоя, пока Андроник не будет лишен жизни и не окропится собственной кровью вместо багряной краски, которой домогается окрасить свою одежду...»

Заговор, однако, оказался раскрыт. И Андроник «заклал и сгубил тех, кого давно уже пламенно желал захватить в свои руки, но до времени отлагал намерение». Одни были казнены, другие ослеплены, третьи подвергнуты изгнанию. Императрице же было предъявлено обвинение в том, что она вступила в переговоры с зятем своим по сестре, венгерским королем Белою. С позором ее отвели в монас-

тырь Святого Диомида и заключили в самую тесную тюрьму. Здесь, по словам современника, она терпела наглые оскорбления со стороны стражи, осыпавшей ее насмешками, томилась голодом и жаждой, а перед ее глазами постоянно маячил образ жестокого убийцы. Андроник добился официального вынесения приговора императрице, а также того, чтобы этот документ был скреплен, словно брызгами материнской крови, ее сыном — юным василевсом Алексеем, подписавшим бумагу, как того и требовал обычай, пурпурными чернилами. Мария Антиохийская была присуждена к страшной казни — через удушение. Тело ее было переправлено на другой берег Золотого Рога и засыпано песком. «О, солнце! Какое черное преступление! О, безначальное слово Божие! Как непостижимо твое долготерпение!» — восклицает с негодованием Никита Хониат.

СМЕРТЬ АЛЕКСЕЯ II И АНДРОНИКА I

Вскоре Андроник был коронован василевсом наряду с императором Алексеем, участь которого тем самым была решена. На него напали ночью и удавили тетивой лука. Когда тело покойника принесли к Андронику, он пнул его ногой, назвав отца василевса

клятвопреступником, а мать потаскухой. Затем Алексею иглой прокололи ухо, продели в него нитку, прилепили к ней воск и приложили печать, которая была на перстне Андроника. Голову отрубили и бросили в потайное место, а тело, положив в свинцовый ящик, погрузили на судно, а потом под звуки песен и в сопровождении плясок бросили «несчастнейший груз» в море. Так оборвались жизнь и царствование Алексея II, правнука великого основателя династии Комнинов — Алексея I (1081—1118).

Андроник между тем вступил в брак с вдовой убитого Алексея, дочь французского короля Людовика VII Агнессой, которая по малолетству своему (ей не было одиннадцати лет) еще не знала настоящей супружеской жизни. «И вот старик, отживший свой век, не постыдился нечестиво разделять ложе с женою своего племянника, цветущею и нежною; человек износившийся, престарелый, сгорбившийся от лет и хилый не посовестился обнимать девицу, еще не совсем развившуюся... каплющую росу любви».

Желая, чтобы тело его после смерти было погребено в одной из прекраснейших церквей Константинополя, храме Сорока Мучеников, он принялся за обновление здания, восстановив «поблекший от

времени некогда блестящий вид его». У выходящих на площадь северных ворот храма он повелел изобразить самого себя, но не в царском облачении, а в простой крестьянской одежде, с тяжелой косой в руке — словно истинного народного царя.

Однако народ, который еще недавно возносил его как законного властителя, уже поносил его как злодея. В городе разразился мятеж. Андроник обратился в бегство. Сняв пурпурные сапоги и сбросив с шеи крест, он надел «варварскую шапку с острием на конце» и устремился на триеру*, взяв с собой двух женщин — жену Агнессу и любовницу Мараптику, которую он «страстно и до безумия любил». Но море, словно негодюя на Андроника за то, что он «много раз осквернял лоно его трупами невинных», то вздымалось огромными волнами, то «расступалось безднами, сияясь поглотить его», и, наконец, выбросило на берег. Тут его и настигла посланная за ним погоня.

Андроника заключили в тюрьму, «наложив на его гордую шею две тяжелые цепи», подобные тем, на которых держали львов, и заковали его ноги в кандалы. В таком виде он был доставлен к новому василевсу Исааку II Ангелу

(1185—1195), где присутствовавшие осыпали его ругательствами, били по щекам, пинали ногами, тянули за бороду, выбивали зубы и рвали волосы на голове. Затем его отдали на всеобщее поругание. Люди били его кулаками, особенно усердствовали женщины, чьих мужей он умертвил. Наконец, ему отрубили правую руку и снова бросили в тюрьму, лишив пищи и воды. Несколько дней спустя ему выкололи левый глаз, посадили на паршивого верблюда и, как посмешище, возили по городу. Лысая и «гладкая, как яйцо», голова его была не покрыта, а на тело наброшено жалкое рубище. И тут толпа дала волю своему гневу. Одни били Андроника по голове, другие пачкали пометом, кололи его рожнами в бока, кидали в него камнями. При этом люди поносили жуткими ругательствами его мать и отца, а самого его обзывали бешеной собакой. А одна распутница, схватив из кухни горшок с кипящей водой, вылила ему на голову. Затем его за ноги подвесили между двух столбов.

Андроник между тем мужественно переносил страдания. Обращаясь к нападавшим на него людям, он то и дело повторял: «Господи, помилуй! Для чего вы еще ломаете сокрушенную трость?» Но никто не собирался его щадить. Напротив, разорвав его жал-

* Триера — судно с тремя рядами вёсел.

кий хитон, люди принялись терзать его детородные органы. А один воин вонзил ему в горло меч «до самых внутренностей». Другой же со всего размаху всадил ему в зад ятаган. Остальные, став около него, наносили удары мечами, хвастаясь искусством удара и соревнуясь, чей меч острее. Андроник судорожно прижал к губам обрубок правой руки, так что казалось, будто он сосет капавшую из нее кровь. Наконец, после множества мучений и страданий этот гордый и сильный человек испустил дух.

ИНТРИГИ И ЗАГОВОРЫ ПРИ ДВОРЕ

Трагическая история императора Андроника показывает нам, какие интриги и заговоры происходили при византийском дворе. В кажущейся тиши дворца, вдали от посторонних глаз, василевсы и члены их семей гибли гораздо чаще, чем в ходе открытых бунтов. Уже первый византийский император Константин I (306—337) запятнал себя убийством собственного сына — кесаря Криспа, хотя причина убийства была сугубо личной — ревность к молодой жене императора, Фаусте, которая тоже вскоре оказалась жертвой его гнева: она задыхнулась в преднамеренно перегретой бане.

Кровавая баня родичам была устроена после смерти Константина его сыном Константином II (337—361), по приказу которого были перебиты братья, племянники и другие близкие. Чудом остался жив лишь один из племянников Константина, преемник Констанция II на троне — Юлиан Отступник (361—363).

Странная вещь приключилась с императором Зином (474—491). После его смерти ходили упорные слухи, будто он в пьяном виде был принят за мертвеца и уложен в гроб. Когда же ошибка обнаружилась, его жена, императрица Ариадна, не пожелала открыть гроб, и Зинон был заживо погребен.

ЗАГОВОРЫ И УБИЙСТВА ПРИ ДВОРЕ МИХАИЛА III

Чтобы полнее представить себе коварные нравы византийского двора, обратимся к полному мрачных событий правлению Михаила III (842—867) — сына императора Феофила (829—842). Он вступил на престол в трехлетнем возрасте. Фактически правителями империи оказались мать малолетнего василевса Феодора, а также три его опекуна: евнух Феокист, брат императрицы Варда и ее дядя Мануил. Слишком много людей оказалось возле трона, и, естественно, вскоре им стало

тесно. Первым был отдален от власти Мануил, против которого интриговал Феоктист. По счастью, Мануил оказался человеком трезвого ума, и, как только ему донесли о тайно готовящемся против него обвинении, добровольно покинул императорский дворец и поселился в собственном доме. Позднее он превратил его в святилище, там и был похоронен.

Участь его врага Феоктиста оказалась куда страшнее. План его отстранения от дел и убийства созрел в голове дяди императора — кесаря Варды. По словам Продолжателя Феофана, «очень любил этот Варда царскую власть, причем не той любовью, что то вспыхивает, то сдерживается узами разума, а необузданной и неизбывной». Мечтая сам обладать тронem, он решил погубить Феоктиста, который, ко всему прочему, постоянно упрекал Варду за сожительство с женой сына. Он породил смятение в душе юного императора, внушая Михаилу, что Феоктист жаждет удалить его от трона, выдать замуж его мать или одну из его сестер, а самого василевса лишить глаз. «Словно стрелы, вонзались эти речи в сердце царя», и тот начал обсуждать с Вардой план устранения влиятельного евнуха. В результате 20 ноября 855 г. по знаку императора, воскликнувшего: «Хватайте его», — толпа евну-

хов напала на Феоктиста. Он был заключен под стражу. Однако, опасаясь, как бы императрица Феодора не освободила Феоктиста, Михаил и Варда подослали преданного им воина, чтобы покончить с ним. Феоктист, увидев приближающегося к нему вестника смерти, попытался уклониться от кинжала, но безуспешно. Он был заколот ударом в живот, так что внутренности вывалились наружу. Говорили, что Мануил, узнав об этом, под влиянием пророческого видения заявил Варде: «На Феоктиста меч обнаживший, готовь себя к смерти сегодня».

Императрица Феодора, узнав об убийстве Феоктиста, выбежала из своих покоев с распущенными волосами, наполняя стенаниями дворец и осыпая проклятиями сына и брата. «Мерзкие, бесстыдные твари, — кричала она, — так-то ты, неблагодарное отродье, отплатил своему второму отцу за добро? А ты, завистливый и отвратный демон, осквернил мою власть, которую я блюла незапятнанной и чистой! Не укроются ваши преступления от Бога... предаст он вас обоих губительной смерти!» Устав от ее постоянных криков и поношений, император и кесарь (Варда, как было уже упомянуто, носил этот титул) изгнали ее вместе с дочерьми из дворца в монастырь.

А в 866 г. настала очередь Варды. Тогда будущий император Василий Македонянин, обласканный императором благодаря тому же Варде, и логофет дрома* Симватий специально спланировали поход на Крит, чтобы вдали от столицы легче было совершить убийство всесильного кесаря. Когда заговор окончательно созрел, а засада была подготовлена, среди воинов вдруг возникло замешательство. Василевс начал опасаться, как бы они не направили оружие против него самого, но за дело взялся Василий. Он вскричал: «Где ты, мужественная и отважная душа!» Тем самым он вдохновил воинов, и они обнажили мечи. Увидев это, Варда бросился в ноги императору. Но было поздно. Его оттащили и растерзали на куски. Опьяненные убийством, воины накололи на копье детородный член Варды и, размахивая им, долго не могли унять ликования.

Рассказывали, что за два или три дня до гибели Варды Феодора послала ему роскошное одеяние с вышитыми золотом куропатками, которое оказалось ему не впору, а много короче. То, что вышиты были не какие-то другие птицы, но именно куропатки, и что платье было корот-

ким, предвещало, по мнению суеверных византийцев, что падет Варда жертвой коварного замысла. Бывшей императрице, видимо, стало известно о готовящемся убийстве, и она решила таким образом отомстить Варде и за смерть Феокиста, и за собственное низложение.

Василий же после этого оказался в числе самых приближенных к особе василевса. Михаил усыновил его и сделал своим соправителем. Вскоре, однако, император, распознав, видимо, хитрый нрав Василия, раскаялся в своем поступке и однажды прибег к одной из шутовских выходок, которых был большим любителем*. Выбрав «ничтожного скопца и забулдыгу», гребца царской триеры Василикина, он облачил его в императорские одежды и вывел к синклиту, заявив, что давно следовало бы представить этого мужа в столь сиятельном уборе и лучше бы назначить его

* Логофет дрома — один из крупнейших чиновников, ведавший государственной почтой и внешними сношениями.

* Историки и хронисты, являющиеся, по сути, апологетами Македонской династии, изображают Михаила пьяницей, богохульником, страстным любителем и участником конных ристаний, забывавшим ради них о важных государственных делах. Хотя «низменность» поведения, возможно, действительно была в известной степени свойственна этому императору, однако подчеркивание и концентрация «стихии низа» в его образе, как показано Я. Н. Любарским, относятся уже к области литературной. См.: *Любарский Я. Н. Сочинение Продолжателя Феофана // Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Изд. Я. Н. Любарский. Спб., 1992. с. 250—258.*

соправителем вместо Василия.

Можно представить себе, в какое бешенство пришел Василий, узнав о выходке. Убийство Михаила стало делом времени. 24 сентября 867 г. он был заколот ближайшими друзьями Василия, принимавшими ранее участие в убийстве кесаря Варды. Так, начавшись с серии кровавых интриг, завершилось гибелью императора правление последнего представителя Аморийской династии — Михаила III*. Дорога к трону Василию I (867—886) — основателю новой, Македонской династии была расчищена.

КРОВАВАЯ СМЕРТЬ НИКИФОРА ФОКИ

Пожалуй, наиболее страшная участь выпала на долю талантливого полководца, императора Никифора II Фоки (963—969). В центре заговора против него оказалась его жена — Феофано. Дочь трактирщика, она отличалась необычайной красотой, потому в нее безумно влюбился сын Константина VII Багрянородного (913—959) — Роман. В 959 г. вместе с ним она была коронована на царство. В 963 г. Роман неожиданно умер, оставив Феофано с тремя малолетними детьми: двумя сыно-

вьями и дочерью Анной, родившейся всего за два дня до смерти отца.

Опасаясь за себя и судьбу своих детей, Феофано решилась на брак с победоносным, но уже стареющим полководцем Никифором, испытывающим к ней сильную страсть. 2 июля 963 г. Никифор был объявлен императором, а вскоре женился на Феофано, с которой еще ранее находился в сговоре. Однако счастье, если оно и в самом деле было, продолжалось недолго. Молодая императрица воспылила страстью к красавцу воину Иоанну Цимисхию. В Константинополе зрел заговор. Составить его было не трудно, поскольку в столице у Никифора Фоки, опиравшегося на провинцию, не было серьезной опоры.

Как рассказывает историк Лев Диакон, 8 ноября 969 г., в день архистратига Михаила, во время празднования сонма бесплотных сил один отшельник, приблизившись к императору, вручил ему записку и тотчас скрылся. Никифор прочел: «Государь, Провидение открыло мне, ничтожному червю, что ты переселишься из этой жизни на третий месяц после сентября».

Эта весть произвела на Никифора сильное впечатление. Он перестал спать на собственном ложе, проводя ночи на разостланной на полу шкуре барса и пурпурном войло-

* Аморийскую династию (820—867) основал Михаил II, выходец из Аморийской фемы.

ке, а тело укрывал плащом своего дяди монаха Михаила. Но все меры, однако, не предотвратили нависшей над императором беды. Военачальник Иоанн Цимисхий, человек пылкий, смелый и дерзкий, свободно проникал в покои императрицы Феофано, благодаря ловко продуманным ею ходам, и вел с ней переговоры о свержении Никифора. В одной из потайных комнат женской половины постоянно пребывали присланные Иоанном «сильные и опытные в ратных делах мужи». А у себя дома, созвав особо доверенных лиц, Иоанн Цимисхий обсудил детали готовящегося покушения.

Наступило 10 декабря. Вечером, во время моления, один из клириков подал императору записку, которая гласила: «Да будет тебе известно, государь, что этой ночью тебя ожидает жестокая смерть. Дабы убедиться в этом, прикажи осмотреть женские покои — там спрятаны вооруженные люди, которые собираются тебя умертвить». Император приказал произвести поиски, но человек, которому это было поручено, то ли из страха перед императрицей, то ли по небрежности не заглянул в помещение, где укрылись убийцы.

Феофано же ласковыми речами убедила мужа оставить дверь спальни открытой, пообещав, что скоро вернется.

Никифор II Фока

По-прежнему сильно в нее влюбленный, Никифор поддался уговорам и не запер комнату. В ожидании супруги он молился и читал Священное Писание. Когда же сон одолел его, он лег перед иконами на шкуре барса.

Заговорщики, вооружившись мечами, вышли из укрытия и расположились на верхней площадке дворца, готовые действовать по сигналу Иоанна Цимисхия. Шел пятый час утра. Дул ледяной северный ветер, падал сильный снег. Наконец появилась лодка с Иоанном и остальными сообщниками. Свистом был подан знак тем, кто ждал наверху. Спустив вниз корзину, подняли наверх всех заговорщиков, а затем и самого Иоанна.

Пробравшись таким образом во дворец, Цимисхий с сообщниками, обнажив мечи,

Коронавание Богородицей
Иоанна Цимисхия

ворвались в спальню василевса Никифора. Увидев царское ложе пустым, заговорщики оцепенели от ужаса и решили тут же броситься в море, как некий слуга из тех, что окружали императрицу, «мерзкий человечиска», указал им на лежащего на шкуре императора. Бросившись на него, заговорщики принялись пинать его ногами, а один из них поразил его ударом меча. Заливаясь кровью, Никифор закричал: «Богородица, спаси!»

Иоанн Цимисхий, усевшись на императорское ложе, приказал подтащить несчастного к себе и принялся осыпать его бранью, высказывая свои обиды: «Ты послал меня, как будто я скиталец презренный*, в деревню про-

водить в бездействии время с земледельцами, меня, мужа столь доблестного и более тебя храброго, перед которым дрожит неприятельский стан и от рук которого никто теперь тебя не спасет!»

Затем Иоанн что есть сил принялся трясти Никифора за бороду, а его пособники жестоко били императора по лицу рукоятями мечей, выбив ему зубы. Насладившись мучениями императора, Иоанн пнул его ногой в грудь и, взмахнув мечом, надвое рассек ему голову. Но и после они долго глумились над уже безжизненным телом, а один, ударив акуфием* ему в спину, пронзил его насквозь.

Убив Никифора, Иоанн направился в главную залу императорского дворца, называемую Хрисотриклином, то есть Золотой палатой, надел пурпурную обувь и воссел на императорский трон. Тем временем воины из стражи Никифора, узнав о злодействе и надеясь, что василевс еще жив, устремились к нему на помощь, пытаясь проломить железные ворота. Тогда Цимисхий приказал отрубить Никифору голову и показать воинам. Страшное зрелище так подействовало на них, что мечи выпали у них из рук. Они уступили победителю.

* Речь идет о ссылке Иоанна на Восток. Приведенное здесь сравнение заимствовано из «Илиады». Цель его — показать, что Никифор так же унизил Цимисхия, как некогда Агамемнон Ахилла.

* Акуфий — по всей видимости, кинжальное оружие, нечто вроде кельца.

Труп Никифора целый день валялся на снегу под открытым небом. Лишь поздним вечером Иоанн повелел совершить подобающий погребальный обряд, и в полночь тело убитого василевса было отнесено в усыпальницу византийских императоров — храм Святых апостолов, основанный Константином Великим, который и сам был там похоронен.

Через семь дней приветствуемый народом и войском Иоанн был коронован на царство. Патриарх Полиевкт, однако, поставил условие — удалить Феофано из дворца. Иоанн согласился, и Феофано была отправлена в изгнание. А через некоторое время ее возлюбленный Иоанн сочетался законным браком с ненавистной ей золовкой — сестрой ее первого мужа Романа II — Феодорой, которая приходилась теткой будущему императору Василию II (976—1025). Что касается Иоанна I Цимисхия, то и он правил недолго — в 976 г. был отравлен влиятельным при дворе евнухом, незаконнорожденным сыном императора Романа I Лакапина (920—944) — паракимоменом* Василием.

ГИБЕЛЬ В БОЮ

Но не только бунты, открытые перевороты и заговоры сметали с престола византийских императоров. Многие из них являлись полководцами, водили армию в походы и порой гибли в бою с иноземным врагом. Именно так погиб пытавшийся совершить возврат к язычеству Юлиан Отступник (361—363) — он получил смертельное ранение во время персидского похода. Осознавая, что конец близок, он, имея в виду Иисуса Христа, произнес ставшую исторической фразу: «Ты победил, Галилеянин!»

В битве с врагами погиб и последний византийский император Константин XI Палеолог (1449—1453). Тогда, 29 мая 1453 г., лавина турок-османов штурмом взяла Константинополь. Василевс во главе византийского войска, защищавшего укрепления города, бросился в самую гущу сражения и бился с мужеством отчаяния. Казалось, он искал смерти в бою. Турецкий султан Мехмед II, вошедший в историю с прозвищем Завоеватель, желая собственными глазами убедиться в смерти главы побежденной им некогда великой империи, приказал своим воинам разыскать его труп. Тело василевса долго искали среди груды мертвых тел и, наконец, нашли по пурпурным сапожкам с золотыми

* Паракимомен — главный спальничий императора. Это придворное звание высокого ранга жаловалось обычно евнухам.

орлами, которые, как уже упоминалось, носили лишь василевсы. Мехмед повелел отрубить Константину голову и выставить ее в центре Константинополя на высокой ко-

лонне. Желая вызвать у побежденных страх, он демонстративно праздновал победу.

...Увы, власть и кровь часто бывают неразлучны.

КАК ГИБЛИ АНГЛИЙСКИЕ ВЕНЦЕНОСЦЫ

Давайте сядем наземь и припомним
Предания о смерти королей.
Тот был низложен, тот убит в бою,
Тот призраками жертв своих замучен,
Тот был отравлен собственной женой,
А тот во сне зарезан, — всех убили.

У. Шекспир. Ричард III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО, ПОЛИТОЕ КРОВЬЮ

В течение почти пятнадцати столетий — до XVIII в. королевскую «профессию» в Англии можно было считать опасной. Монархи гибли на поле брани, от наемных убийц, а еще чаще — от рук своих приближенных и родственников.

В I в. н. э. королева бриттов Боудикка своей жизнью заплатила за поднятое против римских легионеров восстание, жестоко подавленное. Ее дочери были обесчещены, а сама она покончила с собой, приняв яд. В Лондоне у Вестминстерского моста рядом с парламентом в начале нынешнего столетия ей поставили памятник. Надпись на цоколе гласит: «Боудикке, королеве иценов, погибшей в

61 году, после того как она повела свой народ против римских захватчиков».

Последующие несколько столетий в истории Англии историк Джордж Тревельян уподоблял сценам из шекспировского «Макбета»: трубный глас охотничьих рогов в тумане, колдовские заклятия, дикость и ярость великанов—участников кровавых побоищ.

Собирание мелких, раздробленных земель в более или менее единую державу приходится на IX—X вв. Это была заслуга королей Уэссекской династии, владевших землями на юге страны. Объединительный процесс сопровождался нередкими убийствами сиятельных особ, поскольку там, где падают столетние перегородки, благоволения на земле и в человецах вряд ли можно ожидать.

Гибель в 946 г. Эдмунда I от рук изгнанного им ранее из страны и вернувшегося грабителя Лиофы открыла скорбный список венценосцев, завершивших свой земной путь насильственной смертью.

Мучеником был наречен король Эдуард, правивший с 975 по 979 г. Он занял трон после смерти своего отца — короля Эдгара (959—975), считающегося первым английским монархом в общепризнанном сегодня смысле: с него ведется сохранившаяся поныне церемония коронавания престолонаследников. Главное же — при нем произошло объединение почти всех земель, образующих теперь Соединенное королевство Великобритании.

В борьбе за престол после Эдгара схватились две группировки. Одна выставила претендентом на корону его семилетнего сына от второй супруги Этельреда, другая — сына первой его жены Эдуарда. Верх взяла группировка Эдуарда. Существуют разные версии о его гибели в 979 г. Очевидно, что мачеха не могла примириться с поражением и стремилась возвести на престол своего родного сына — Этельреда, а потому, согласно преданию, самолично заколола Эдуарда.

Предать забвению Эдуарда, как того хотели его губители, оказалось невозможно. Кости убиенного стали привлекать

паломников, видевших в них мощи, исцеляющие от недугов. Король был назван Эдуардом Мучеником и причислен к лику святых...

С конфискацией Генрихом VIII в первой половине XVI в. монастырских владений мощи святого Эдуарда затерялись и были найдены лишь в 1931 г. на месте разрушенного аббатства в Шафтсбери. Откопанная усыпальница указывала на подлинность находки. Но охотников распорядиться ею оказалось слишком много. В их числе была, как ни странно, и одна православная община в Англии.

В изданной в 1991 г. в Лондоне книге Элизабет Лонгфорд, знатока истории британской монархии, указывалось, что и в наше время спор о том, где должны храниться мощи святого Эдуарда, так и не разрешен, и они продолжали покоиться в самом надежном месте — сейфе одного из английских банков.

Не лучше было царствование ближайших преемников Этельреда. Еще до его кончины погибло двое его сыновей. Всего год (1016) правил Эдмунд Железный Бок — третий сын. Его прикончил Эрик — сын одного из любимцев Этельреда, мстя за убиенного Эдмундом отца, в котором король видел опасного соперника.

Но даже смерть соперника не могла положить конец рас-

прям. К тому времени датчане уже расположились на английской земле достаточно прочно, но жестокими угнетателями не были. Так, когда Эрик доставил голову Эдмунда датскому завоевателю Кнуту Великому (1016—1035), демонстрируя ему свою лояльность, тот, из чувства справедливости, распорядился снять голову с самого убийцы.

Кнут, по-видимому, питал слабость к прекрасному полу. Увидев красавицу Эмму, вдову Этельреда, он воспылся к ней страстью и женился на ней, что обрекло королевство на новые потрясения после его смерти. Старшего сына Этельреда Альфреда, вернувшегося к Эмме из изгнания во Франции, преемник Кнута Гарольд Заячья Лапа (1035—1040) приказал ослепить, когда тот стал притязать на трон. Вскоре Альфред умер, а на трон после Гарольда взошел Гартакнут (1040—1042).

Даже к мертвому Гарольду Гартакнут питал лютую ненависть, считая его незаконным наследником, поскольку Гартакнут был сыном Кнута от Эммы, а Гарольд — всего лишь сыном любовницы. Поэтому, едва воцарившись на троне, Гартакнут распорядился раскопать могилу Гарольда, отсечь у трупа голову и бросить останки в Темзу. Рыбаки подобрали голову Гарольда, и она была погребена в соборе Святого Климента в Лондоне.

Покорение Англии высадившимся на ее земле в 1066 г. из Франции герцогом Нормандии Вильгельмом Завоевателем (1066—1087) положило начало Нормандской династии. Жесткая хватка нового правителя ограничила права «совета мудрейших» — собрания духовных и военных советников при короле. Монарх сам подбирал советников, однако ему приходилось учитывать интересы наиболее влиятельных кланов. Основой порядка было в первую очередь подчинение населения на местах земельным собственникам. Лишь тогда можно было говорить о власти государя над подданными. На этой почве и проросли зерна будущих раздоров и конфликтов.

«Уитенагемот», то есть совет мудрейших, имел право выбора и низложения короля, что вносило лишь беспорядок и смуту, позволяя могущественным кланам объединяться против монарха. В дальнейшем, когда, с одной стороны, процесс феодализации ускорился, а с другой — нужды хозяйственного развития требовали централизации власти (это было возможно лишь в рамках монархии), это породило множество кровавых конфликтов, жертвами которых являлись как монархи, так и их соперники-феодалы. От такой междоусобицы в конечном счете еще больше страдали народные массы. Из

их среды рекрутировались враждовавшими сторонами силы для противоборства, и на них ложилось бремя всевозможных поборов.

Смерть Вильгельма I создала сложную ситуацию с престолонаследованием: у его старшего сына Роберта имелись земли во Франции, и Филипп Французский видел его будущим правителем Нормандии, однако по старшинству он должен был занять трон отца в Англии. Второй сын Вильгельма I погиб. И наследником в Англии стал третий отпрыск — Вильгельм II Рыжий (1087—1100), прозванный Безбожным за неприязнь к церкви и за распущенность — пристрастие к особам его же пола, к женским одеждам, длинным локонам. Во время охоты в 1100 г. его пронзила стрела. Случайно или нет — неизвестно. Известно лишь, что в последние годы правления у него возник острый конфликт с папой римским. В Риме его кончине были рады.

БУНТ ИЗАБЕЛЛЫ

С воцарением Генриха II (1154—1189), графа Анжуйского, пришел конец Нормандской династии, и на протяжении двух с половиной столетий (до 1399 г.) английскими суверенами были Плантагенеты. Название этой династии

шло от прозвища отца Генриха II Жоффруа Красивого, украшавшего свой шлем ярко-желтыми цветками кустарника дрока (по-латыни — *planta genista*). Жоффруа ценил это растение за целебные свойства, хотя представители династии обычно на здоровье не жаловались, отличаясь крепким физическим сложением, энергией и буйным нравом. Что касается нрава, согласно преданиям, они унаследовали его от своего далекого предка. Как гласил тот же миф, он был возлюбленным красавицы Мелюзинны, наказанной за жестокое обращение с отцом тем, что по субботам она обращалась в крылатую змею и скиталась по свету. Ее возлюбленный этого не знал и поплатился жизнью, нарушив обет — не видеться с ней в этот день недели.

«От дьявола порождены и к дьяволу пристанут» — гласило пророчество французского монаха Бернарда о Плантагенетах, навеянное Столетней войной Англии с Францией при этой династии.

Прежде чем династия обрвалась в конце XIV в. насильственным устранением с престола Ричарда II (о чем дальше), не менее тяжкая доля постигла другого Плантагенета — Эдуарда II (1284—1327). Его судьба заставила вспомнить притчу о Мелюзине как «дочери Сатаны», злой дух ко-

торой тяготел над Плантагенетами. Только на сей раз в ее роли выступила реальная особа — супруга Эдуарда Изабелла, дочь французского короля Филиппа Красивого. Элизабет Лонгфорд в уже упоминавшейся книге отзывалась о ней как о «наиболее чернимой из всех английских монархинь».

Верно, что она бросила мужа на растерзание тюремщикам. Но и он был безжалостным по отношению к супруге. Какая женщина не содрогнулась бы, увидев на своей свадьбе у одного из гостей дары, преподнесенные ею жениху? Так и было: драгоценности Изабеллы, подаренные Эдуарду, красовались во время этого пиршества на кампанионе короля Пьере Гавестоне, и ему, а не новобрачной, Эдуард оказывал за свадебным столом нежнейшие знаки внимания.

Какая супруга не возмутится, если муж бросит ее в час опасности, а сам будет спасать свою шкуру? Так поступил Эдуард, оставивший ждавшую первого ребенка Изабеллу, когда войска герцога Ланкастера подошли к замку короля.

Наконец, какая королева смирится с тем, что ее личные дела под надзором ненавистной ей особы? А Эдуард назначил супругу еще одного фаворита, которого не терпела Изабелла, управительницей ее свиты, с правом досмотра всей ее корреспонденции.

Статуя короля Эдуарда II

Изабелла сочеталась браком с Эдуардом в 1308 г., будучи 12-летней девочкой. Восстала против него, когда ей исполнилось 29 лет. Все эти годы она проявляла христианское долготерпение. Можно сделать скидку на господствовавшие тогда нравы. Монархи легко заводили любовниц — но не любовников. Отец Эдуарда II король Эдуард I глубоко чтит свою супругу и был безутешен в горе, потеряв ее. В память о ней был поставлен крест искусной работы на том месте в Лондоне, где ныне расположен Чэринг-кросс — железнодорожный вокзал.

Однако не королева, а могущественные лендлорды Арандел, Глостер, Уорик, Линкольн, Пемброк, Херефорд, Ричмонд неоднократно требовали от короля изгнания Гавестона. Эдуард соглашался — и затем снова возвращал его. Оппозиция публично возмущалась аморальностью монарха, пытаясь использовать

его порок в борьбе за власть, за приращение своих владений и видя в любимчике Эдуарда лишь помеху в этом.

Эдуард, как и его отец, был атлетического сложения, привлекателен и если бы, как отмечал анонимный современник-летописец (в сочинении на латыни «*Vita Edwardi Secundi*»), «он совершенствовался в военном деле, то высил бы Англию и себя покрыл славой». В те времена на воинских ристалищах монархи вернее всего утверждали себя.

Но Эдуард с самого начала правления проявил безразличие к делу отца — походам против Шотландии — и вообще сторонился государственных дел, предпочитая личные удовольствия. Знать была особенно шокирована таким увлечением монарха, как кирпичная кладка — «занятие простолюдинов».

Еще Эдуард I заметил необычайную привязанность сына к своему воспитателю и крайне сожалел, что поручил ему подростка. «Наука» вышла противоестественная, и, восприняв ее, Эдуард II во многом предопределил свой трагический конец.

Незадолго до кончины Эдуард I все же решился изгнать Гавестона из дворца. Но первое, что сделал сын, очутившись на троне, — вернул любимца и осыпал его всяческими милостями, пожаловав даже

титул графа Корнуольского. Это решение вызвало особенно резкое недовольство знати.

Любовник короля — так вполне можно назвать Гавестона — стал и его доверенным лицом, советчиком, причем не более умным, чем его господин. Поводом, переполнившим чашу терпения феодалов, стала его привычка давать оскорбительные клички лицам высоких званий. Графа Уорика он окрестил «черным псом». Узнав об этом, Уорик воскликнул: «Берегись, Гавестон, пес еще больно укусит тебя!»

Угроза не была пустой. В 1312 г., после нескольких тщетных попыток оппозиции добиться удаления Гавестона из страны, лендлорды объединились под главенством Томаса Ланкастера и приступили к решительным действиям. Эдуард был вынужден бежать из Лондона со своим любимцем и скрываться в замках в центре страны, в то время как силы Ланкастера наступали. Король понял, что его спасение — в отказе от Гавестона, и оставил его в замке Скарборо на восточном побережье.

Здесь он и был захвачен графом Пемброком, который гарантировал Гавестону жизнь, если тот не будет сопротивляться. Однако граф Уорик выследил передвижение обозы с пленником и в отсутствие Пемброка расправился с ним. Гавестон был пронзен шпагой и обезглавлен.

Эдуард реагировал на известие сдержанно, но в душе поклялся отомстить за любимца. Шанс представился не скоро. Еще в 1311 г. оппозиция добилась больших уступок от монарха в своих требованиях, изложив их в сорока пунктах так называемых «ординантов». В их числе фигурировало требование о создании специального внепарламентского органа для контроля над решениями и действиями монарха.

Позиции Эдуарда были еще больше ослаблены в 1314 г., когда его силы потерпели поражение под Баннокберном во время военных действий против шотландского короля Брюса, что на долгий срок закрепило независимость Шотландии от Англии. Ланкастер сразу же воспользовался этой неудачей короля, подмяв его под себя и став негласным диктатором.

Прибрать к рукам бразды правления было легче, чем удержать их. Ограниченность, самодовольство, алчность — качества, не способствующие возвышению государственных деятелей. Таким был Томас Ланкастер. Английские историки отзывались о нем как об «идеальном лидере партии без идеалов». Раздор в стане оппозиции на почве захватов и дележа добычи был неизбежен.

Между тем при дворе Эдуарда появились новые фавориты — отец и сын Деспенсеры. Старший — сэр Хью сражался

в войсках Эдуарда I во Франции, Уэльсе, Шотландии, заседал в парламенте, был сторонником Ланкастера, но затем отошел от него, нажив в его лице смертельного врага.

Младший Деспенсер водворился в покоях короля в том же амплуа, что и Гавестон. Правда, теперь Эдуард мог опираться на продуманные советы старшего Деспенсера. По его инициативе были проведены реформы, позволившие преодолеть последствия ряда неурожайных лет, когда от голода гибли люди и даже при дворе короля не хватало припасов.

Благодаря рекомендациям опытного Хью Деспенсера Эдуард начал собирать силы против Ланкастера и его сторонников. Но и те не дремали. В августе 1321 г. парламент постановил изгнать Деспенсеров из страны. Старший удалился на континент, младший занялся пиратством у берегов Англии. Оба ожидали желанных вестей от Эдуарда. Вскоре они поступили. Воспользовавшись одним из конфликтов в стане оппозиции, а также грубым просчетом Ланкастера, решившего ударить первым, Эдуард двинул свои силы против герцога. В сражении у Баробриджа Ланкастер был разбит и объявлен государственным изменником. Последовала обычная для лиц высокого звания казнь — отсечение головы.

Деспенсеры были тотчас возвращены в Англию. Теперь, однако, им изменило чувство реальности. Они посчитали, что с устранением Ланкастера им никто не угрожает, к тому же на их стороне — король.

Потеря лидера не обескуражила парламент. Наоборот, на сессии в Йорке в 1322 г. им были приняты знаменательные решения: в соответствии с так называемыми Йоркскими статутами было провозглашено право парламента выносить суждения по вопросам, относившимся прежде к исключительной компетенции монарха. Вместе с тем были упразднены наиболее унижительные для короля положения акта 1311 г., в том числе распущен сформированный тогда для надзора за монархом совет.

Согласившись на такое законодательство, ставившее определенные пределы всевластию государя, Эдуард показал себя реалистом. В стране к тому же улучшилось экономическое положение. Цены на зерно, резко поднявшиеся во время недородов, упали. Казалось бы, можно не тревожиться за безопасность особы монарха.

Опасности, однако, подстерегали венценосца с неожиданной стороны. То, что Изабелла не бросила открытого вызова королю-супругу, нанесшего ей столько обид,

не означало, что она смирилась. Появление в ее свите жены младшего Деспенсера в качестве управительницы подхлестнуло самолюбие. К тому же в связи с обострением отношений Англии с Францией Изабелла, как родственница правившей по ту сторону Ла-Манша династии Капетингов, была лишена своих земельных угодий в Англии. На такой шаг ее супруг пошел, полагая, что Изабелла не осмелится возражать ему. К тому времени Эдуард, по свидетельству современников, вообще не переносил Изабеллу.

Терпение — таково оказалось решающее оружие этой женщины. Она ждала своего часа — и дождалась.

Желанный шанс представился в связи с кончиной во Франции Филиппа V и занятием трона Карлом IV. В таких случаях английским суверенам предстояла встреча с французским монархом для подтверждения своих прав на владения на континенте. Они уже были не столь обширны, как в XII в., но и не настолько малочисленны, чтобы ими пренебрегать. К тому же посланный во Францию граф Кентский вместо распутывания спорных узлов с парижским двором довел дело почти до вооруженного конфликта.

Поскольку в это время участились набеги сил Брюса из Шотландии в пределы Англии, Эдуард не имел возмож-

ности открыть фронт и на континенте. Но и отправиться во Францию для переговоров не решался, опасаясь за свою жизнь. Против такого вояжа были и Деспенсеры. Карл предложил направить к нему Изабеллу. Судя по всему, Эдуард считал ее настолько покорной супругой, что охотно согласился, как и его советчик, с таким предложением.

А Изабелле давно хотелось вырваться из-под надзора. После встречи с Карлом в Париже эмиссар из Лондона доложил своему королю о готовности французского короля пойти навстречу Англии по территориальным вопросам, но с одним условием: Эдуард должен прибыть в Париж, где уже находилась Изабелла, чтобы зафиксировать договоренность.

Такое условие насторожило английского монарха и его советчика. Отчего такая настойчивость? После отказа Эдуарда совершить требуемый вояж из Парижа последовало предложение направить туда его наследника, сына Изабеллы.

Видимо, в Лондоне, питая недоверие к намерениям Карла, ничего подобного не испытывали в отношении Изабеллы. Иначе предложение об отправке в Париж ее сына должно было прояснить английскому королю рискованность ситуации. Изабелла вряд ли решилась бы предпринять

какие-либо враждебные Эдуарду шаги, когда ее сын находится с отцом.

Близорукости Эдуарда удивляться не следует. Как мог, однако, более опытный в таких делах старший Деспенсер не заподозрить подвоха — остается лишь гадать.

Так или иначе, прибывший во Францию юноша стал орудием не только в руках матери, но и образовавшейся вокруг нее группировки представителей английской знати, которых Эдуард II как властитель не устраивал. Ведущую роль среди заговорщиков играл Роджер Мортимер, бежавший в Париж из Тауэра, куда был заточен как участник заговора против Деспенсеров. В Париже он стал любовником Изабеллы и организатором акции по низложению Эдуарда II.

Жребий был брошен, когда Изабелла отказалась вернуться в Англию по распоряжению мужа, убедившегося, что ее миссия по урегулированию спора с Францией результатов не принесла. В послании Эдуарду Изабелла поставила условием своего возвращения «устранение тех, кто стоит между ней и ее супругом», то есть Деспенсеров.

Эдуард на уступку Изабелле идти не захотел. Он бездействовал, тогда как заговорщики активизировались. Арена их деятельности переместилась в

Эдуард II объявляет членам Тайного совета о своем отречении от престола

Голландию — после того как Карл, не желавший разрыва с Англией, предложил Изабелле покинуть пределы страны. В Голландии граф Вильгельм II предлагает ей и Мортимеру материальное содействие в заговоре против Эдуарда.

Примерно год шла подготовка. В сентябре 1326 г. Изабелла и ее сторонники высадились на английском побережье, и в считанные дни их силы смели на своем пути в Лондон верные Эдуарду войска. Население столицы радостно встретило Изабеллу. Взят Тауэр. Летят головы противников. Королева благодарит, когда ей преподносят голову епископа Степлдонского.

Эдуард II с Деспенсерами бегут на запад, к Уэльсу. Король, бросив фаворитов, пытается спастись в Ирландии,

но судно его прибило к побережью Уэльса. Эдуард — пленник своей супруги, и заключен в Тауэр.

Захваченные тогда же Деспенсеры были умерщвлены не только как государственные преступники, но и как грязные грешники. В подобных случаях считалось — чем изощреннее расправа, тем благоднее для праведников. Внутренности Деспенсеров были брошены псам.

Предрешена и участь короля Эдуарда. Последнее место его заточения — замок Бэркли под Бристолем. Ему предложено отречься от престола в пользу сына. Он осыпает гонца проклятиями. Новый посланец сообщает Эдуарду, что если он будет упорствовать, то вообще прекратится наследование престола в его роду.

Это подействовало. Узник подписал акт об отречении. На троне юноша Эдуард III. Регентша — Изабелла, но фактический правитель — Мортимер. Он еще более беззастенчив в присвоении высоких должностей и обогащении, нежели Деспенсеры.

Достоверных данных об обстоятельствах гибели монарха нет. Э. Лонгфорд пишет по этому поводу об «идеальном убийстве»: все детали скрыты! Циркулировавшие слухи свидетельствовали о безжалостной расправе. Вначале будто бы Эдуарда пытали тем, что, кинув ему в камеру трупы, долго их не убирала. Когда это не подействовало, его то ли задушили, то ли пронзили раскаленным вертелом...

Ходила молва, что во время заточения узник сочинил нечто вроде поэмы о своих злоключениях. И еще один штрих к данной истории: Изабелла приказала вынуть сердце Эдуарда и в серебряном ларце положить в свою гробницу, когда скончается. Она умерла в 1358 г. Мортимер пережил Эдуарда II всего на три года. Он был повешен без суда по указке Эдуарда III за совершение тяжких преступлений. Сын отомстил за гибель отца. К матери отношения он не изменил, рассудив, что она достаточно натерпелась.

Кристофер Марлоу и Бертольт Брехт вдохновились историей Эдуарда II. Один на-

писал трагедию в стихах, другой — нечто вроде фарса-памфлета для сцены. Материала для драматических сюжетов им хватало.

ТРИ РОКОВЫХ РЕШЕНИЯ

Между гибелью Эдуарда II, восшествием на престол его сына Эдуарда III, а затем Ричарда II лежит период в пятьдесят лет, ознаменовавшийся, по свидетельству Джорджа Тревельяна, выходом Англии на международную арену в качестве оформившейся нации, а не придатка, как прежде, франко-латинской Европы.

Самой существенной переменной во внутреннем облике страны в те десятилетия была ломка крепостничества — поместий с барщинной зависимостью крестьян, натуральным хозяйством и органами управления, находившимися в руках лендлордов. Крупным земельным собственникам было все выгоднее славить свои владения в аренду. Складывался слой свободных зажиточных крестьянских хозяйств, за счет которых частично рекрутировалось рыцарское воинство короля.

Как и другие страны Европы, Англия тогда потеряла до половины населения из-за страшной эпидемии чумы. К этому бедствию добавились опустошительные последствия

затяжной войны с Францией, начатой Эдуардом III в 1337 г. и успешно продолженной его старшим сыном, названным также Эдуардом и прозванным Черным принцем, по цвету его рыцарских доспехов.

Принц принес Англии блестящие победы, одержав их в схватке с превосходившими французскими силами. В 1346 г. 16-летним юношей Черный принц отличился в битве, которую вел его отец при Креси — одной из самых славных в военной истории Англии. Англичане тогда взяли и удерживали в течение двух столетий порт Кале, использовавшийся в качестве опорного пункта при боевых действиях на континенте.

В числе трофеев, доставшихся англичанам в результате разгрома французов в битве при Пуатье в 1356 г., находились сам король Франции Иоанн, его младший сын, восемнадцать графов, двадцать один барон. Черный принц как победитель проявил к пленному монарху максимум почтения, лично прислуживал ему за столом, не садился рядом с ним, считая себя недостойным такой чести. Но это не помешало ему отправить в Англию суда, нагруженные богатой добычей. За приличные денежные суммы он отпускал из плена и воинов противника.

Завоеватель, однако, сам был «завоеван» вдовой, млад-

шей дочерью сына Эдуарда I Иоанной, прозванной за внешность «кентской красоткой». В 1367 г. она подарила супругу сына — будущего короля Ричарда II. Тот потерял отца в девятилетнем возрасте — Черный принц умер в Испании от неизвестной болезни. В следующем, 1377 г. скончался Эдуард III.

Десяти лет Ричард стал королем. Таинственные силы могут посылать предупредительные сигналы задолго до самого бедствия. Во время коронации Ричард II потерял одну из своих туфель. И тогда же у него отвалилась золотая шпора. А на пиршестве по случаю коронации порывом ветра с него была сорвана корона. Эти предзнаменования не стали достоянием публики, а размах устроенных дядей Ричарда, его опекуном — регентом Джоном Гонтом, торжеств по случаю коронации оказался таков, что было не до дурных примет. Гонт был сыном Эдуарда III. Своим браком на дочери и единственной наследнице Генри Ланкастера Бланш он приобрел титул герцога Ланкастерского и стал крупнейшим земельным собственником в стране.

С такими данными он мог претендовать на престол, и немало его недругов подозревали герцога в таких намерениях. Жизнь показала их необоснованность. Военные кампании во Франции и особен-

но Испании занимали Гонта куда больше, нежели дворцовые интриги. Тем не менее в качестве опекуна он держал Ричарда если не в черном теле, то в жестком режиме. Подросток уже с первых лет царствования под крылом опекуна готовил себя к роли самовластного самодержца. Дни, а то и ночи он просиживал за чтением хроник о жизни Эдуарда II — и не трагический конец этого монарха, а его борьба за верховенство воодушевляла мальчика. Не обладая еще опытом правления, его правнук уже пытался обосновать законодательно принципы всевластия монарха.

Смышленный подросток-монарх не мог не осознавать противоречивости своего положения: с одной стороны, его опекун и заседавшие в парламенте мужи вели дела государства, не утруждая себя консультациями с ним, с другой — чуть ли не каждый день он убеждался, какое поклонение вызывает у своих подданных.

Многие англичане еще помнили о блистательном отце мальчика и полагали, что Ричард будет достоин славы и чести Черного принца. Эти чувства и мысли выразил поэт, воздав хвалу Ричарду как истинному Плантагенету:

*Он отпрыск их, их кровь, порода.
И хоть чертенок в мальчишке растет,
Я верю: всех он нас еще спасет!*

О «спасении» поэт упоминал не ради красного словца. К моменту провозглашения Ричарда королем страна походила на готовую взорваться пороховую бочку. Еще в 60-х гг., то есть при Эдуарде III, с его притязаниями на всю Францию, что нашло выражение в официальной геральдике монарха, в ходе затеянной им Столетней войны на континенте произошел перелом: французы стали бить англичан, научившись противодействовать их тактике на поле боя.

Французские рейдеры опустошали побережье Кента, Норфолка, Корнуола, Девона. Эдуард III в последний период правления несколько ослабил государственные поводы, что способствовало оживлению амбиции магнатов с их частным воинством и одновременной активизацией парламента, критиковавшего правителя за утерю ранее завоеванных англичанами территорий во Франции.

Объектом острой критики депутатов стало также и такое национальное бедствие, как казнокрадство придворных и чиновничества. И это в то время, когда государственный бюджет трещал по швам из-за громадных трат на операции во Франции!

Ни о какой стабильности в стране нельзя было и помышлять без оздоровления финансов. И как это всегда бывает,

Король Ричард II и его двор в 1377 г.

власть имущие стремились поправить дела нажимом на «низы», отнимая у них последние крохи. Церковь тоже беззастенчиво душила крестьян поборами. Недоимщиков заковывали в кандалы.

Население не видело просвета и готово было излить гнев на любого, в ком видели виновника бедственного положения. Получившие при Эдуарде III доступ в города дельцы с континента, ремесленники становились объектами ненависти горожан, полагавших — и не без основания, — что «чужаки» вывозят тайком золото и серебро, ввозя недоступные простому люду предметы роскоши.

Обласканный Ричардом II его современник Джеффри Чосер — «последний поэт средне-

вековья и первый нового времени» — в своих «Кентерберийских рассказах» видел корень зла в отсутствии атмосферы терпимости в обществе, которое, по его убеждению, примитивно мыслит, будто только насилие способно улучшить жизнь людей.

Накапливавшееся недовольство переклестнуло через край из-за опрометчивой меры властей — введения всеобщего подушного налога. От него не были избавлены и самые неимущие слои. Этот закон был одобрен парламентом в 1377 г. Инициатива исходила от Джона Гонта, стремившегося сбалансировать бюджет.

К худой казне тянули руки казнокрады. Всяк, кто мог, черпали оттуда немалые деньги.

Первыми весной 1381 г.

поднялись графства, соседние с Лондоном. Наиболее крупные силы в составе 60 тыс. человек двинулись к столице из Кента под предводительством Уота Тайлера, деревенского ремесленника, воевавшего во Франции.

Крестьянское движение, поддержанное ремесленным людом Лондона, застигло власти врасплох. И им, ранее не утруждавшим себя консультациями с юным королем, пришлось в критические дни полагаться на его инициативу и самообладание.

Не встретив особого сопротивления, вооруженные чем попало, восставшие достигли Лондона, где их встречали приветственные толпы. Путь к центру города им открыл разводной мост через Темзу у Тауэра.

В крепости засели вельможи. К ним присоединился король, прискакавший из Виндзора, поскольку считал недостойным для себя прятаться за стенами замка-крепости в такое время. И теперь юноше пришлось выступать уже в качестве лидера, вселявшего надежды в сановников, опасавшихся, что стены Тауэра не спасут их от гнева «бунтарей».

Верхи знали, что расправа с «толстопузыми» — одна из главных целей восставших. На своем пути те громили поместья лендлордов, приканчивали их самих, выпускали заключенных из тюрем.

Было известно и другое: заросшие щетиной, кое-как одетые люди с дубинами, топорами, вилами не только не проявляли враждебности к самому Ричарду, но шли с его именем на устах. Вместе с Тайлером находился бедняк-священник Джон Болл, обошедший чуть ли не всю Англию с проповедями о пользе создания «общества всеобщего благоденствия и равенства» под скипетром короля Ричарда.

Эти люди верили государю и ненавидели его министров, сановников, судей, епископов как главных притеснителей. Тайлер считал, что «после того как все законники будут перебиты, все на свете будет регулироваться постановлениями простых людей».

Всего четыре дня Лондон находился в руках восставших. Главными действующими лицами этих дней были Уот Тайлер и Ричард II. Вступление крестьянских масс в столицу повергло власти в состояние крайнего замешательства. Не имея рядом с собой Джона Гонта (тот воевал в Шотландии), юноша пытался выяснять у дрожавших от страха сановников, что ему делать. Но ничего вразумительного не услышал.

Над городом занималось зарево пожаров. Горели поместья, дворцы, в том числе великолепная по убранству резиденция Гонта — «Савой» (ныне на этом месте стоит

фешенебельный отель с таким же названием).

Массивные стены Тауэра не могли спасти — и не спасли — нашедших там убежище «толстопузых».

До Ричарда доходила молва, что Тайлер, Болл и другие лидеры восстания враждебности к нему не питают, и все же он был ошеломлен оказанным ему восторженным приемом массы людей, выглядевших диким сбродом, на лужайке Майл-Энда за крепостными стенами лондонского Сити. Он явился туда 14 июня, приняв решение о встрече с бунтарями и их вожаками.

Тысячи людей пали перед ним на колени с возгласами: «Рады тебе, король Ричард! Не хотим никого другого, кроме тебя!»

Ричард не стал пререкаться с Тайлером, когда тот потребовал наказания угнетателей и предателей. Ни слова возражения не услышали восставшие от короля, когда потребовали отмены крепостного состояния и барщины, уменьшения денежной ренты, амнистии всем, поднявшимся на «бунт».

Ободренный поведением короля, Тайлер с небольшим отрядом соратников в тот же день ворвался в Тауэр. На площадке перед крепостью они расправились с некоторыми из укрывавшихся там сиятельных особ: епископом Садберн, сэром Робертом Хэйлзом и другими.

На следующий день Ричард встретился с лидерами восстания на ярмарочной площадке Сити — Смитфилде, где впоследствии раскинулся большой мясной рынок. Здесь королю были представлены новые, более радикальные требования Тайлера. На этот раз предводитель «бунтарей» обращался к королю почти по-свойски:

— Брат, пусть тебя это порадует, ибо в течение следующих 15 дней к тебе прибавится еще сорок тысяч человек простого звания, и мы станем с тобой хорошими компаньонами!

Такая фамильярность вряд ли была по душе королю.

— Почему вы не разойдесь по домам? — обратился он к Тайлеру.

— Мы это сделаем, когда получим, что хотим, никак не раньше, — заявил Тайлер.

— Не беспокойтесь, — настаивал Ричард, — обещанное будет выполнено — слово короля. Поэтому прошу, не мешкая, возвращайтесь домой...

Что произошло дальше — существует несколько версий. По одним свидетельствам, речь будто бы шла о дерзком поведении Тайлера в отношении короля, что вынудило Ричарда отдать приказ арестовать вожака восстания и тут же убить. По другим — более правдоподобным, — находившиеся вместе с королем сановники набросились на ни-

чего не подозревавшего Тайлера и покончили с ним, застигнув врасплох его соратников. Последовала жестокая расправа с оставшимися без вожака крестьянами.

Большинство английских исследователей склоняются к мнению, что Ричард не стремился к подобному исходу и сам был унижен происшедшим. Так, Джон Гарднер отмечал, что Ричард ни при каких обстоятельствах не желал пролития крови участников восстания.

Не вельможи, а простой люд продемонстрировали Ричарду максимум уважения и преклонения, что окрылило его, вознеся на ту высоту, о которой он мог только грезить, читая о подвигах коронованных предшественников. Именно в дни наибольшей угрозы для владетельной Англии, исходившей от крестьян-бунтарей, юный король ощутил себя в полной мере державным правителем. Но длилось такое состояние недолго: вельможи поставили короля на место, учинив расправу с теми, кто продемонстрировал не только лояльность к монарху, но преклонение и любовь.

Суровую школу монарха-политика Ричард прошел во второй половине 70-х гг., когда отбыл в Испанию в 1386 г. во главе военной экспедиции Джона Гонта. Вокруг юного короля закопошились интриганы-хищники.

Предводительствовал младший сын Эдуарда III Томас Вудсток, которому Ричард в 1377 г. пожаловал титул графа Букингемского, назначив констеблем Англии. Именно он преследовал участников восстания Уота Тайлера. Пока рядом с Ричардом находился Джон Гонт, Томас держался тихо, но едва король остался один, Вудсток-Букингем стал собирать вокруг себя оппозиционную группировку из разных кланов — графов Арандела, Уорика, Ноттингема, Томаса Маубрея — впоследствии герцога Норфолка, наследника Джона Гонта — Генриха Болингброка, Эдмунда Лэнгли — еще одного дядю Ричарда.

Тем не менее соперники короля события не форсировали, считая, что время работает на них. В 1385 г. граф Букингем участвовал в кампании короля во время военных действий против Шотландии и получил титул герцога Глостера. Король не подозревал, какую змею пригрел.

Глостер чем дальше, тем больше не таясь, заговаривал со своими сообщниками о методах смещения Ричарда с трона, чем ставил их в неловкое положение. На такой шаг многие еще не решались. В ближайшем окружении Ричарда мыслили радикальнее — они видели, каким норовистым становится король.

Вспышки его гневного тем-

перамента воспринимались как предвестники близкой грозы, которая могла разразиться над головами и самых родовитых феодалов. В парламенте в 1384 г. король «послал к черту» Арандела за критические высказывания в свой адрес.

Неудивительно, что Арандел без колебаний присоединился к Глостеру в 1386 г. в атаках на близких советников короля — графов Саффолка, де Вира, Оксфорда. Используя трибуну парламента, они потребовали смещения этих сановников — их удары были направлены если не против самого короля, то против близких ему людей. Ричард, естественно, осознал, что ему грозит, и заявил, что не тронет и волоска своих приближенных и откажется удалить даже последнюю повариху, если кто-то того потребует. Ричард пригрозил, что обратится за помощью к французскому королю, — к тому времени между двумя странами установился шаткий мир. Глостер за словом в карман не полез: напомнил об участии Эдуарда II!

Страсти накалялись. Ричард решил обратиться к влиятельным юристам, судьям с запросами о законности действий депутатов парламента, использующих это учреждение для ограничения прерогатив короля.

Поступок необычный —

Ричард хотел определить, что же представляет собой королевская власть, есть ли у нее пределы. Его вывод был таков: само Провидение поставило его в положение властелина, судьи и толкователя собственных действий; и что никто в королевстве не может, не должен сомневаться в его праве.

И вот подданные монарха увидели Ричарда колесившим по стране, включая Уэльс, а также Ирландию. Он хотел знать: что думают на местах о прерогативах монарха и о действиях Глостера?

Ответы были единодушными: бросать вызов королю — значит идти на государственную измену...

Основываясь на аргументах права, Ричард посчитал свои позиции достаточно крепкими, чтобы попытаться воздействовать на оппозицию в лице Глостера и его сторонников. Он предложил им встретиться для обсуждения создавшегося положения, не уточнив, что намерен предложить для разрешения кризисной ситуации.

Эта неясность, а главное — известный Глостеру крутой нрав короля заставили герцога уклониться от прямого диалога с монархом. Ему было прямо заявлено, что приглашенные на встречу сановники опасаются за свою жизнь. Ричард к такому отклику был готов и, сознавая свою высочайшую миссию, выпустил прокламацию, объявлявшую

графа Арандела — ближайшего подручного Глостера, — по существу, вне закона.

Итак, противостояние между двумя лагерями велось — пока! — вокруг фигур ближайших советников Ричарда и Глостера. Оставалось сделать лишь последний шаг, чтобы обозначить суть борьбы: король или герцог?

Партия Глостера огласила собственное обращение к народу, осуждая королевских фаворитов и призывая отдать их под суд. Данная прокламация получила более широкую поддержку населения, нежели королевская. В этом не было ничего неожиданного: ведь советники короля несли бремя ответственности за все, и большинство людей возлагали на них вину за свои беды.

Как в таких условиях действовал Ричард? Достаточно разумно, или, точнее, ловко. Пустить в ход против «изменников» грубую силу он не решился, а пытался сманеврировать, согласившись с предъявленными ему требованиями об удалении советников, навлекших на себя, как он убедился, недовольство многих подданных. Следующим шагом, как на этом настаивала партия Глостера, должно было явиться судилище над фаворитами короля. Но до этого дело тогда не дошло. Ричард дал им возможность скрыться.

Битва между воинством Ричарда (сам он участие в ней

не принимал) и Глостера произошла в конце 1387 г. при Редкот-Бридж на Темзе. Королевские войска потерпели поражение, а их командующий де Вир бежал во Францию.

Что оставалось делать Ричарду? Спасать самого себя. Сил, достаточных для отпора Глостеру, у него не было. Пришлось подчиниться ненавистному герцогу ради удержания трона. Он беспомощно взирал, как под топорами палачей гибли его лучшие друзья. «Никогда в истории Англии не было казнено столько людей знатного происхождения под столь неубедительными предложениями», — писал Джон Гарднер.

Больно ранило короля унижение, какому подверглась его любимая супруга Анна Богемская (их брак состоялся в 1382 г.) в парламенте в 1388 г. Она на коленях просила Глостера о помиловании советника короля графа де Берли, на что герцог грубо заметил:

— Лучше просите за саму себя и за супруга, вам стоит опасаться правосудия не меньше!

Страсти усугублялись конфликтами в лоне церкви. Ее иерархи с тревогой относились к распространению в стране «ереси» доктора богословия Джона Уиклифа, выступавшего за примат светской власти над духовной, за подчинение церкви королю как

«викарию Бога» на земле. Поддержка Уиклифа Джоном Гонтотом и Ричардом II представлялась высшему духовенству нетерпимым грехом.

Ричард оказался в полной изоляции. С ним находилась лишь его супруга, заменявшая и советников, и духовных утешителей. Не сумев справиться с кознями внутри страны, король решил искать опору на поле боя, возобновив действия против Шотландии, хотя воинственность не была ему свойственна. Наживавшиеся на войнах феодалы обвиняли его в пагубном для интересов нации миролюбии. При нем накал долголетней войны с Францией заметно ослаб. Не англичане, а французы перешли к наступательным операциям.

Особых успехов действия против Шотландии Ричарду не принесли. Позиция короля несколько укрепилась. Популярность Глостера падала вместе с падавшими на эшафотах головами «предателей».

На майской сессии Тайного совета в 1389 г. король задает членам Совета вроде бы пустячный вопрос о своем возрасте и слышит ответ:

— Вроде бы Вашему Величеству двадцать лет...

На самом деле королю исполнилось 24 года. Примечательная неточность в устах министров Его Величества. Они явно хотят видеть в монархе незрелого человека!

А он, поправив членов Совета, делает такое заявление:

— Милорды, вам должно быть прекрасно известно, каким правом в королевстве пользуется каждый совершеннолетний подданный. Оно, это право, состоит в том, чтобы располагать своей самостоятельностью. Такое право, как вы должны сознавать и признавать, принадлежит и мне, вашему монарху, достигшему совершеннолетия, и я намерен им полностью пользоваться как король и не позволю никому навязывать мне волю, диктовать условия...

Очевидно, к тому времени Ричард сумел поправить положение с помощью верных ему ратных сил — иначе, наверное, не решился бы на явное противостояние Тайному совету, где позиции Глостера и его группировки были прочными.

В течение следующих семи лет Ричард II правил достаточно твердо, не опасаясь серьезного противостояния глостеровцев, чему содействовал и вернувшийся в 1389 г. из Испании Джон Гонт. Мирная передышка облегчила участь населения, хотя лишила трофеев баронов с их воинством. Недовольство баронов монархом росло, но и король накапливал силы, готовясь к развязке конфликта.

Тяжелым ударом явилась для него кончина в 1395 г. королевы Анны. Горе монарха

было так велико, что он распорядился разрушить дворец, с которым были связаны воспоминания о счастливом супружестве.

Сразу после похорон король отправился в военную экспедицию в Ирландию. Операции там не сопровождались большим кровопролитием. Местные правители задабривались материальными знаками внимания Ричарда.

Все же угли конфликта с Глостером и его сторонниками тлели. Рано или поздно нарыв должен был прорваться. Это случилось на приеме в Вестминстерском дворце, устроенном королем в связи с возвращением английских войск из Франции в июне 1397 г. Соперники крупно поссорились. Глостер уединился в своем замке и начал готовить заговор против короля, привлекая сообщников, заставивших Ричарда в 1388 г. бесславно отступить.

Неизвестно, как развивались бы события дальше, если бы не тайный шаг Томаса Маубрея, ставшего в конце 1397 г. герцогом Норфолком. Он поставил в известность Ричарда о происках Глостера.

Реакция короля была быстрой. В замок Глостера послали отряд. Подняв герцога с постели, его арестовали и выслали в Кале. Там с ним покончил граф Ноттингемский, получивший титул герцога. Был казнен и Ричард

Арандел. Сосланы на континент другие сообщники Глостера. Мечь короля была не столь беспощадной, как расправа над его единомышленниками, учиненная оппозицией в 1388 г.

Однако не всегда Ричард действовал так же продуманно и успешно. Опрометчивостью, стоившей в конце концов королю жизни, называет английский биограф Ричарда П. Н. Хатчиссон принятое им после смерти Джона Гонта в 1399 г. решение о конфискации обширных владений сына Гонта и законного наследника — высланного во Францию Генриха Болингброка, герцога Херифордского.

Вместе с ним по указке короля Англию покинул герцог Норфолк.

Это решение Ричард II принял не без колебаний, после того как в его присутствии Норфолк и Болингброк обвинили друг друга в заговорщической деятельности против короля. Шекспир в драме о Ричарде II достоверно изобразил исход этой словесной баталии, от которой зависела жизнь сановников. Они были готовы доказать — каждый — свою правоту с копьями и мечами в руках в поединке, как предписывала давняя рыцарская традиция.

Ричард первоначально с таким решением согласился. Встретившись в присутствии короля и его свиты в Ковент-

ри, вельможи собирались уже ринуться в бой, но были остановлены Ричардом, объявившим о своем решении: изгнании Норфолка и Болингброка из Англии во Францию. Причем Норфолк, в отличие от Болингброка, был удален в ссылку пожизненно, несмотря на оказанную королю помощь в раскрытии заговора Глостера.

Сыграло роль и то обстоятельство, что Генрих Болингброк являлся сыном тогда еще здравствовавшего Джона Гонта. Если бы король сохранил за Болингбромом после смерти его отца громадные владения в Англии, возможно, он не нажил бы в его лице врага и не восстановил бы против себя других вельмож.

В драме Шекспира герцог Йорк так предостерегает короля о последствиях конфискации владений Джона Гонта:

*...отбрась права у Херифорда,
У времени их также отбери...
Сам от себя тогда ты отрекись:
Ведь свой престол ты получил
в наследство...*

Следует учитывать, что к тому времени в образе мышления, а значит, и в поведении Ричарда II произошли заметные перемены — и к нелучшему. Если семилетие после его утверждения на троне в 1389 г. можно определить как период конституционной монархии, то затем — с устранением своих опаснейших

соперников — молодому королю стало все более изменять чувство реальности. Весьма неблагоприятную огласку в стране получило его заявление: «Мои — земли, жизни, вещи и движимость моих подданных!»

Кто мог безразлично отнестись к таким притязаниям? Привлекательная внешность короля — высокий рост, стройность, черты лица — скрывала те внутренние качества, которые могли лишь отталкивать от него людей. Особенно сильное недовольство вызывали непомерные траты на содержание его двора. В начале правления Ричард демонстрировал необыкновенную щедрость, одаряя просителей сверх меры. Казна быстро пустела, и приходилось увеличивать налоги, заставлявшие страдать население.

Ричард покровительствовал искусствам, литературе, архитектуре. При его финансовой поддержке достраивалось Вестминстерское аббатство, реконструировался Вестминстерхолл, воздвигались соборы — достопримечательности и сегодняшней Британии. Королевский двор стал центром культурной жизни страны. Но гораздо более крупные средства шли на удовлетворение личных прихотей короля. Хроникер XVI в. Холиншед так описывал быт Ричарда II: «Он завел самый роскошный двор, какой позволял себе кто-либо

из королей до или после него. Ежедневно там пиршествовало не менее десятка тысяч человек. В кухнях хлопотало до трех сотен человек обслуги. И по меньшей мере столько же челяди обслуживало прихоти короля. По пышности, стоимости одеяний эта свита превосходила любую мыслимую меру. Йомены и слуги были одеты в шелка. Каждый день заводились новые моды, на пагубу и в ущерб интересам нации».

Между монархом и подданными росла пропасть. И если бы Ричард не отрывался от реальной почвы и знал о господствовавших в стране настроениях, он сумел бы уследить за поведением сидевших в своих вотчинах владык. Они собирали частные силы и ждали, чтобы бросить их на подмогу заговорщикам. Это было второй роковой оплошностью Ричарда II.

Лендлорды были взбудоражены достигнутым королем миром с Францией, лишившим их надежд на добычу на континенте. А возвращавшиеся оттуда солдаты, не находя применения своим силам, становились орудием в руках феодалов, ковавших заговор против строптивного монарха.

В начале 1396 г., когда Англия уже не воевала с Францией, Ричард заручился согласием Парижа на брак с малолетней принцессой Изабеллой. Ей едва исполнилось семь лет.

О реализации брака думать не приходилось, но для Ричарда были важны условия брачного контракта. В них говорилось об обязательствах Франции прийти на помощь Ричарду в случае угрозы со стороны «любых его подданных».

Удивительнейший пункт! Он узаконивал внешнее вмешательство в дела Англии. Не мудрено, что такие связи с исконным врагом Англии не упрочили трон Ричарда II.

Освободившись от мучительной, затянувшейся войны с Францией, Ричард обратил взоры на Ирландию, где в течение двух столетий английские монархи пытались утверждать свое господство. Очевидно, действиями на «зеленом острове» король хотел закрыть рот своим критикам, обвинявшим его в забвении интересов нации из-за «непомерного миролюбия».

Регентом на время отсутствия короля был назначен упоминавшийся уже Эдмунд Лэнгли, один из сыновей Эдуарда III, получивший титул герцога Йорка. Он входил в число деятелей оппозиции, но не запятнал себя поступками, которые оттолкнули бы от него короля. И все же, несмотря на близкое родство с Ричардом, этот двуличный человек переметнулся в стан заговорщиков.

Военные действия в Ирландии для Ричарда II развивались катастрофично. На остро-

ве вспыхнула партизанская борьба. Подвоз припасов из Англии прекратился из-за непогоды. Войска англичан несли большие потери.

Между тем, уязвленный решениями Ричарда о конфискации его земель, Генрих Болингброк в изгнании не дремал. Под его главенством собирались силы для решающего удара по Ричарду. С помощью верных ему людей в Англии развертывалась кампания против короля, которого обвиняли в обложении населения высокими налогами и намерении еще более усилить такое бремя.

В июле того же 1399 г., спустя два месяца после начала действий Ричарда в Ирландии, Генрих Болингброк с немногочисленным воинством высадился на восточном побережье Англии в местечке Равенспур в графстве Йоркшир, почти не встретив сопротивления.

И тогда же Ричард с поредевшими войсками вернулся в Англию, ставшую теперь для него враждебной территорией. Королевские силы таяли, как лед под июльским солнцем. 19 августа Ричард капитулировал перед силами Генриха, дав обещание об отречении от трона в обмен на сохранение ему жизни.

Ричард был доставлен в Лондон и заточен в Тауэр. Его попытка договориться с Генрихом Болингброком, дав со-

гласие на восстановление его наследственных прав, ни к чему не привела. Победоносному герцогу такой уступки было уже мало. Его манил скипетр монарха. Чтобы завершить начатое, он пытался сломить дух узника, для чего прибыл в Тауэр и вызвал к себе Ричарда. Тот отказался покинуть темницу. Он все еще считал себя законным монархом, а королю не к лицу идти по вызову подданного! Генрих не упорствовал и сам пришел к узнику. Ричард встретил его проклятиями и в ярости бросил Генриху свою шапочку — вызов на единоборство!

Генрих — само терпение. Заверив Ричарда, что не питает к нему вражды и что его участь будет решена по справедливости парламентом, Болингброк добился подписи Ричарда под актом об отречении.

На сессии парламента зачитывается перечень проступков и преступлений Ричарда. Вывод: несоответствие высочайшему званию! Генрих Болингброк Ланкастерский встает с места, осеняет себя крестом и, ведомый архиепископами Кентерберийским и Йоркским, усаживается на трон под именем короля Генриха IV. Династия Плантагенетов уступает место Ланкастерской. Лишь епископ Карлайльский подает голос возражения. Его бросают в Тауэр.

Существование Ричарда за-

кончилось в замке Понтерфракт в Йоркшире в начале 1400 г. Имеются разные версии об обстоятельствах его смерти. Ланкастерские хроники по понятным причинам отрицают, что он был умерщвлен. Ведь Ричарду была обещана жизнь за отречение от престола. Однако многое, что предшествовало его концу, указывает на насильственную смерть — или, согласно одной версии, гибель от голода. Дело в том, что вскоре после воцарения Генриха IV сторонники низложенного монарха пытались сместить узурпатора и восстановить на троне Ричарда. Попытка не удалась, Генрих спасся бегством из Виндзора в Лондон.

Тайный совет одобрил акт, который развязывал руки Генриху для расправы с Ричардом.

Церемониальных похорон не состоялось. Прах Ричарда был помещен в монастыре. Генрих V распорядился о переносе останков в Вестминстерское аббатство. В 1871 г. усыпальница была вскрыта и обследована. Следов насилия на скелете не нашли. Это ни о чем ни свидетельствовало. Способов расправы — сотни. Голодная смерть, например, следов не оставляет.

В целом правление Генриха IV славным назвать нельзя. При нем распри соперничавших клик не утихали. На плахе оставили голову те, кто подо-

зревался в нелояльности. Был лишен жизни архиепископ Йоркский, несмотря на то что способствовал возведению Генриха на трон.

Не волновали этого короля и беды государства, от которых страдало население. Пытаясь властвовать через ручных министров, отвергаемых парламентом, Генрих IV бушевал, но подчинить своей воле это учреждение был не в состоянии. В 1406 г. Генриху пришлось согласиться на состав Тайного совета, одобренный парламентом, но мало устраивавший его самого. Еще важнее было то, что он согласился руководствоваться в своих решениях его рекомендациями.

Не исключено, что с этим монархом и его воинством билась русская рать. В 1390 г. он воевал в рядах тевтонских рыцарей, совершавших набеги на русские земли. И кто знает, может, на поле боя ему повезло бы больше, чем в управлении государством, если бы не многие хвори.

Еще при коронации Генриха IV торжества были омрачены для него неприятностью: в его голове завелись вши, и вытравить их никак не удавалось. В течение нескольких месяцев он ходил с непокрытой головой и не позволял отращивать волосы. А на десятом году правления его тело покрылось незаживающими язвами и стало гнить, мучился он и от болей в желудке.

С каждым годом ему становилось хуже, и однажды — это было на четырнадцатом году царствования Генриха — близкие застали его бездыханным и сочли мертвым. Лицо усопшего покрыли материей. Вскоре придворные услышали из помещения, где лежал Генрих, стоны. Вбежав туда, увидели, что «покойный» поднялся. Первое, на что он обратил внимание, — отсутствие короны. Послали за наследником — Генрихом V. Отец спросил: где корона? Сын признался, что полагал, будто Всевышний забрал монарха на небеса.

— Коли так, — были последние слова Генриха IV, — поступай, как считаешь нужным, я оставляю тебя на милость Господа...

В обстоятельствах жизни и смерти Генриха IV его биографы усматривают Божью десницу, покаравшую его за великий грех — гибель Ричарда II.

НЕНАВИСТНАЯ КОРОНА

Король Генрих VI погиб за полгода до своего 50-летия. Он был не очень типичным монархом. Потребности в еде, одежде и прочих благах имел минимальные, все привилегии и атрибуты власти воспринимал как золотые оковы.

Его бескорыстные щедроты позволили в труднейшие для

Англии времена сохраниться и даже пополниться новыми колледжами университетским центрам в Кембридже и Оксфорде. Но вот парадокс: покровительствуя наукам, сам благотворитель порой страдал от приступов слабоумия, лишился рассудка. А ведь ясность ума монарха была необходима и важна не только ему лично, но особенно королевству.

С первых сознательных своих шагов и до последнего часа он был глубоко верующим человеком, не выносил насилия, не терпел крови, стремился к миролюбию. По свидетельству английского историка Джона Харвея, «Генрих VI ни разу не принимал участия в вооруженных схватках против своих братьев-христиан, а стоял в стороне до тех пор, пока битва прекращалась, либо когда его захватывали в плен».

Тем не менее почти вся взрослая жизнь Генриха протекала в бушевавших вокруг него распрях, междоусобицах соотечественников, затмивших по ожесточенности все предыдущие в английской истории.

Этому королю надо было так мало — но это было так недоступно — тихий, уединенный уголок вдаль от житейской суеты, где он мог остаться наедине с Господом, вознося молитвы о благе всего сущего. Пассивнейшее отношение Генриха VI к своей

участи определялось его жизненной философией, сформулированной впоследствии Джоном Харвеем: «Земное существование он полагал лишь за краткий период для свершения добрых дел, постижения благородства души и самосовершенствования».

Несмотря на стремление к добру и миру Генриха VI, время его царствования было беспокойным и богатым событиями, подвигшими короля тяжелым испытаниям.

С середины 50-х до середины 80-х гг. XV столетия в Англии бушевали так называемые войны Алой и Белой роз — кланов феодальных семейств Ланкастеров и Йорков. В их водоворот был втянут и Генрих VI — помимо своей воли и желания. Он был способен страдать, видя страдания других людей. А разгул беззакония, бандитизм, анархия стали в то время сущим бедствием для населения, не имевшего возможности содержать охрану, чтобы защитить себя и имущество. Этим пользовались наиболее хищные, цепкие поместные владыки.

Государственные устои дали трещину уже во второй половине XIV столетия. Генрих V укрепил авторитет монархии, ставшей в глазах его подданных полностью легитимной, законной.

Его царствование было, однако, недолгим: с 1413 по

1422 год. Английские историки расходятся в оценках этого монарха. Профессор Оксфорда К. Макфарлан отзывался о нем как о «самом великом человеке, который когда-либо правил в Англии». А. Э. Тейлор из того же университета считал его «не более чем кондотьером».

Заняв трон после смерти отца в возрасте 26 лет, он сурово расправился спустя два года со всеми участниками заговора против него, о котором ему сообщил перебежчик из стана феодальных владык. И впоследствии отличался такой же беспощадностью к тем, кто стоял на его пути. Если же не мог добиться цели силой, пускал в ход коварство.

И то и другое средство сгодились ему в гонениях на участников движения лоллардов — они требовали отмены барщины, десятины, уравнения сословий.

Генрих V с готовностью подхватил эстафету Эдуарда III, продолжив войну против Франции. Блестящими победами во Франции, особенно в битве при Азинкуре в октябре 1415 г., он доказал верность данному слову и возвысил себя в глазах подданных.

Однако материальная, а следовательно, и политическая база крупнейших лендлордов оставалась неизменной: они сохраняли у себя частное воинство не только для войн

Коронация Генриха VI

на континенте, но, как показали события второй половины XV столетия, и для внутренних нужд, когда пытались овладеть рычагами власти легитимного монарха.

...То, что Генрих VI оказался на троне, стало и для него, и для страны несчастьем. Недаром говорится в Библии: «Горе тебе, земля, когда царь отрок!»

Уже появление на свет наследника Генриха V вызвало в обширном королевском семействе большой переполох. Все они были частью обширного генеалогического древа — потомство двух жен Джона Гонта, влиятельнейшего вельможи при Ричарде II, и его братьев Лионеля, герцога Кларенса, и Эдмунда Лэнгли, герцога Йоркского. Даже между сыновьями Джона Гонта от второй жены Екатерины Суинфорд Бофорской и их племянниками — четырьмя сыновьями единственного сына Джона Гонта и Бланш Ланка-

стерской Генриха IV (Болингброка) — не утихала вражда. Они грызлись друг с другом за влияние на Генриха VI, за власть, за приращение своих владений.

До совершеннолетия Генриха VI делами в стране управлял учрежденный при нем совет, состоявший из представителей высшей знати и родственников короля, в том числе и соперничавших между собой.

Кардиналу Бофорскому удалось настоять в Совете, чтобы Глостер стал не регентом при малолетнем Генрихе, а протектором. Должность тоже немаловажная, и недруги пристально следили за каждым его шагом.

Прошло немного времени, и партия Бофора убедилась, что алчущий власти и безмерного обогащения Глостер хочет использовать силу против родственников. Склонить королевский совет на свою сторону ему не удалось, у самого герцога сил было недостаточно для вооруженного выступления, к которому его подстрекала честолюбивая супруга Элеонора.

Кардинал и его сторонники рассудили правильно: следовало ускорить коронацию Генриха VI ради укрепления монаршей власти и порядка в стране. Расчет был верный, но не учли слабование монарха.

Осенью 1429 г. восьмилетний подросток был короно-

ван в Вестминстере. Реплика одного из очевидцев торжеств, что корона вроде бы очень велика для головы Генриха, оказалась пророческой.

Спустя два года в Париже на Генриха VI была возложена еще и французская корона, и это знаменовало высшую точку успехов оружия и дипломатии Англии. Генрих VI стал монархом двух стран по обоим сторонам Ла-Манша, но на короткий срок.

Враждовавшие доселе между собой семейства высшей знати Франции, что и использовал к своей выгоде Лондон, сомкнули ряды и стали отбивать у англичан захваченные территории. И вскоре — тылы находившихся во Франции английских войск зашатались из-за междоусобиц Алой и Белой роз.

Генрих VI к крушению английского господства во Франции отнесся довольно спокойно, чего нельзя было сказать о партии войны, возглавляемой Глостером. В нее входили и не менее амбициозный, но молодой — в отличие от Глостера — правнук Эдмунда Лэнгли (брата Джона Гонта) Ричард, герцог Йорк, нашедший смерть на поле боя с ланкастерцами в 1460 г.

Стремившегося к миру и спокойствию внутри Англии и за ее пределами короля ожидали новые горькие разочарования и испытания. Без особой радости, но и без сопро-

тивления он дал в 1445 г. согласие на брак с 15-летней Маргаритой Анжуйской, племянницей французского короля Карла VI.

Однако надежды устроителей этой партии, что Франция пойдет на мир с Англией, оставив ей захваченные там территории, не осуществились. Маргарита проявила себя в большей степени патриоткой родины, нежели лояльной подданной новой отчизны. Она добросовестно выполняла наставления, полученные перед отбытием в Англию, и убедила супруга согласиться на мирный возврат Франции ряда завоеванных территорий. Весть об этом вызвала в Англии взрыв возмущения.

Глостер решил ковать железо, пока горячо, и поднял в Лондоне мятеж против короля. Но был схвачен и погиб при загадочных обстоятельствах в тюрьме: скорее всего был умышленно убит.

Французы воспользовались потрясениями в Англии и очистили от оккупантов свою землю. У англичан сохранился лишь порт Кале.

В 1450 г. доверенный сановник Генриха, более десяти лет воювавший во Франции, прежде чем занять ключевое положение в окружении короля, граф Саффолк был обвинен соперниками в парламенте в преступлениях против государства. Король помог ему бе-

Генрих VI, королева Маргарита и свита

жать, но судно, на котором он плыл к берегам Франции, было перехвачено, и беглеца казнили на месте.

Разбирайся Генрих лучше в людях, он бы не вступился за своего фаворита: находясь на высокой должности, тот развалил управление, опустошил казну, присвоив большие средства. При нем коррупция достигла широких размеров.

На месте Саффолка появился Эдмунд Бофор, граф Сомерсет — младший сын Джона Бофора, маркиза Дорсета, рожденного от Екатерины Суинфорд. Он также в те-

чение ряда лет воевал во Франции и, когда фортуна отвернулась от англичан, вернулся домой, где подвергся нападкам йоркистской партии за военную некомпетентность. Парламент тщетно добивался его отстранения, но король под нажимом супруги, вступившей в плотскую связь с Сомерсетом, не соглашался.

И так продолжалось, пока не подкралась неожиданность — первый, но не последний приступ безумия Генриха.

Это произошло в августе 1453 г. Состояние короля мож-

но было характеризовать как крайний случай депрессии, отнявшей у него память, лишившей речи и рассудка.

А спустя два месяца Маргарита родила мальчика, названного Эдуардом. Сына поднесли королю в Виндзоре под новый, 1454 год. Младенец не вызвал у него эмоций, он мельком взглянул на него и отвернулся. Позднее, выздоровев, он выразил удивление появлением ребенка, заметив, что, видно, тот «был зачат святым духом». Себя как отца он исключал.

Родителем, очевидно, был Сомерсет. Во всяком случае о нем как о любовнике Маргариты толковали без стеснения. Если молва и доносила слухи до Генриха, он относился к ним безучастно, что, однако, не свидетельствовало о его равнодушии к супруге. Считая брак освященным на небесах, король чтил жену и редко ей в чем-либо отказывал, хотя зачастую ее просьбы шли наперекор его убеждениям.

Они были антиподами по характеру. Маргарита — женщина волевая, готовая к решительным действиям. Ей следовало бы родиться мужчиной и посвятить себя ратному делу, но юбка не мешала ей предводительствовать силами ланкастерцев не только в политике, но и на поле боя. Именно ее непримиримость к Йоркам разжигала пламя междоусобицы. Компромисс со-

перничавших клик был возможен: речь ведь шла не о принципиальных расхождениях; грызня, а затем и «спор оружием» развертывались из-за того, кто завладеет при слабом монархе рычагами верховной власти, а стало быть, и наиболее выгодными позициями у казенного пирога.

Ланкастерцы считали себя обделенными в имущественном отношении. Семейство Йорков было крупнейшим в стране земельным собственником. В то же время оно считало себя несправедливо отнесенным от управления страной вельможами-ланкастерцами.

Выход из строя Генриха VI подтолкнул клан Йорков к реваншу. И они преуспели: протектором стал в марте 1454 г. Ричард, герцог Йорк, ведущий происхождения от брата Джона Гонта — Эдмунда Лэнгли. Протектор не мешкал. Вскоре был арестован вожак ланкастерцев — герцог Сомерсет. И не где-нибудь, а в спальнях покоях королевы Маргариты! Ему было предъявлено обвинение в государственной измене, и он был заточен в Тауэр. Маргарита, имея под боком недееспособного монарха, была бессильна помочь любимцу.

К Рождеству 1454 г. состояние короля улучшилось, надобность в протекторе отпала, и Сомерсет был выпущен из темницы. Разумеется, о соде-

янном с ним Йорками он не забыл.

Призывы Ричарда Йорка к Генриху VI не допустить перерастания распри в вооруженное противоборство и уволить из окружения наиболее одиозных, с точки зрения герцога, сановников были тщетны.

Столкновение конфликтующих сторон стало неизбежным. Схватки развертывались в сельской местности и вовлекали местное население. А поскольку девять десятых жителей обитало в этих местностях, то на них и падала тяжесть междоусобицы. Лондон и другие города непосредственно таким противоборством не затрагивались — в отличие от гражданской войны середины XVII столетия, когда королевские силы бились с войсками Кромвеля. Горожане, не вставая на чью-либо сторону, принимали за должное переменчивые успехи каждой из сторон.

К тому же речь шла не о длительных военных кампаниях, а об эпизодических схватках, в которых с обеих сторон участвовало максимум 10—15 тыс. человек, а чаще — значительно меньше.

Ущерб населению тем не менее был значительный. Дж. Тревельян отмечал, что в те времена «вся ткань общества затрагивалась из-за воцарившегося беспорядка».

Первое вооруженное стол-

кновение ланкастерцев и Йорков произошло у селения Сент-Олбенс к северу от Лондона 22 мая 1455 г. Под знаменами королевской Алой розы находилось две тысячи человек, Белой розы Йорков — три тысячи. Перевес обеспечил победу Йоркам. Бой длился один час. Генрих VI, непосредственно не участвуя в сражении, а являясь наблюдателем, попал в плен с небольшим ранением. С ним обошлись почтительно. Йорки подтвердили клятву верности ему, им было достаточно, что на поле боя пал Сомерсет.

Маргариту это еще больше ожесточило, а Генрих, напротив, находясь под впечатлением увиденного, стал добиваться примирения соперничающих кланов. Отказать королю в таких его усилиях ни одна из сторон не решилась. Сделала вид, что ратует за мир, и Маргарита.

Весной 1458 г. жители Лондона стали свидетелями необычного зрелища: герцог Йорк и Маргарита направлялись вместе к собору Святого Павла.

Увы, для подлинного примирения нужно было стать друзьями людьми. А это невозможно.

Прошло немного времени, и к лету следующего года Маргарита, игнорируя мнение супруга, собрала новые силы и двинула их против Йорков, навязав бой в их укрепленном

пункте вблизи Ладлоу в Уэльсе. На этот раз воинство с эмблемой Белой розы потерпело поражение. Ричард бежал в Ирландию, а его сын Эдуард (родившийся в 1442 г.) вместе с другими своими сторонниками укрылся по другую сторону Ла-Манша в Кале.

Набранные Ричардом и Эдуардом через доверенных лиц воинские контингенты на английской земле поступили в их распоряжение, когда они высадились там летом 1460 г. и разбили ланкастерцев в сражении при Нортгемптоне. Теперь победители уже не утруждали себя демонстрацией верности Генриху. Он опять попал к ним в плен. Йоркисты заставили короля признать законным наследником сына Ричарда Йорка. Малолетний Эдуард — сын Генриха — тем самым лишился законных прав престолонаследия. Впрочем, этот уговор вскоре был нарушен самим Ричардом.

Вступив со своими войсками в октябре того же года в Лондон, он представил в парламент петицию, согласно которой объявил королем себя, то есть действовал на манер Генриха Болингброка, узурпировавшего трон.

Все же события развивались не по схеме 1399 г. Во-первых, пэры в Вестминстере отказались санкционировать низложение Генриха, предусмотрев переход престола к Йоркам лишь после смерти монарха-

ланкастерца. Во-вторых, возмутилась Маргарита, что Генрих дал согласие на провозглашение наследником сына Ричарда Йорка. Она избежала плена во время сражения при Нортгемптоне и бежала с сыном в Шотландию, где вновь строила козни против Йорков.

Ричард с не очень крупными силами выступил на север страны, решив покончить с ланкастерцами, пока Маргарита, по мнению герцога, не представляла для Йорков серьезной угрозы.

Поход обернулся гибелью Ричарда. Его силы попали в засаду, и он был убит. Ядро Йорков под его командованием было разгромлено. Многие его сторонники попали в плен и были казнены. Отсеченная голова Ричарда с бумажным колпаком — «короной» была водружена на шест в одноименном городке — Йорке.

В то время как маятник междоусобицы качался из одной стороны в другую, Генрих VI, страдая от гари пожара, трупного смрада, а больше всего от ненавистного ему насилия, передвигался в обозах ланкастерцев, пока еще пользуясь свободой. Все тяготы плена переносил с христианской выдержкой. Греховность всего происходившего — вот что более всего мучило его, но ничего изменить он не мог, даже когда был у власти.

Между тем его супруга по мере обострения гражданской войны все более лютовала в обращении с жителями селений, симпатизировавших клану Йорков. И это сыграло не последнюю роль в том, что на завершающем этапе «войны роз» ее поддержка в стране заметно уменьшилась.

1461-й — финальный год злополучного правления Генриха VI. После показавшейся ланкастерцам решающей победы над йоркистами Маргарита двинулась со своими силами к Лондону. На ее пути — снова Сент-Олбенс с засевшими там силами графа Уорика, на чьем счету было немало побед над ланкастерцами. Кстати, там же находился и плененный муж Маргариты.

Главные силы йоркистов во главе с Эдуардом действовали в то время на юге страны на подступах к Лондону. Это позволило Маргарите разгромить отряды Уорика и воссоединиться с мужем.

Ланкастерцы наступали к Лондону, не ведая, что туда уже триумфально вошел Эдуард Йоркский, позаботившийся запереть ворота крепостных стен Сити. Штурмовать их было рискованно, но и стоять у стен Лондона тоже было опасно. Войско Маргариты повернуло в глубь страны, в то время как Эдуард со своей армией начал преследовать ланкастерцев.

29 марта две армии столк-

нулись в разразившейся снежной буре вблизи селения Таунтон. Они бились, не щадя жизни. Перемолоты были в кровавой мясорубке ланкастерцы. Генрих и Маргарита спаслись бегством в Шотландию.

Последовали томительные годы выжидания и собирания сил на границах утраченного королевства. Маргарита пыталась привлечь на свою сторону шотландцев и заручиться поддержкой родственников во Франции. Безуспешно.

Она принимает решение, оказавшееся роковым: направляется с сыном во Францию, бросая на произвол судьбы мужа. Экс-король — на положении бродяги. Ему неохотно дают убежище и еду. За ним рыщут лазутчики Эдуарда, занявшего трон в Лондоне. В июле 1465 г. Генрих попадает им в руки. Третье пленение!

Темница Тауэра. В ней Генриху было суждено претерпеть испытание голодом и жаждой. Над ним издевались, его оскорбляли. В результате — новый приступ помешательства.

Это еще не финал его трагической эпопеи. 3 октября 1470 г. заросшего щетиной, похожего на скелет узника усаживают в золоченую карету и, адресуясь к нему «Ваше Величество», везут в покои Вестминстерского дворца. Здесь на колени перед ним опускается граф Уорик, прося прощения. Уорик рассказы-

вает о конфликте с Эдуардом и о том, как он заставил того бежать во Францию, а также о своем примирении с Маргаритой. Он на стороне ланкастерцев!

В апреле при открытии сессии парламента брат Уорика — епископ — зачитывает обращение к Генриху, выражая горькие сожаления в связи с выпавшими на его долю бедами и несчастьями.

Как в самые тяжелые времена Генрих выказывал неизменную стойкость, так и в пору неожиданного благоденствия оставался невозмутимым, предпочитая ничем не выдавать своих чувств. Однако это не было реакцией человека безразличного.

Эдуард столь поспешно покинул Лондон, что бросил в убежище Вестминстерского аббатства свою супругу на последнем месяце беременности. Генрих распорядился, чтобы она ни в чем не нуждалась и никто и ничто ей не угрожало. Свою собственную семью ему увидеть уже не довелось.

Монархом он оставался лишь на словах. Делами управлял граф Уорик, перекрасившийся из белого в алого. Ланкастерцы по-прежнему ему не доверяли. К тому же они лишились своих лучших сил.

С помощью французского короля Людовика XI Эдуард Йорк пополнил свое воинство

и высадился в марте 1471 г. в Равенпуре, повторив действия Генриха Болингброка. 14 апреля того же года поблизости от селения Барнет был дан бой силам Уорика, пришедшим в замешательство из-за того, что часть их приняла за неприятеля собственных соратников.

Йоркисты праздновали двойной триумф: был убит «предатель Уорик». И в тот же самый день в Веймуте на западе страны высадку совершила с сыном Маргарита, набравшая рекрутов из местных сторонников своего клана для финального, как она полагала, удара по йоркистам.

Стороны схватились в битве при Тьюксбери. В ней погиб сын Маргариты — Эдуард, а сама она попала в плен.

Восторжествовали — и на сей раз окончательно — йоркисты. Началась резня ланкастерцев. Был обезглавлен последний Бофор — Сомерсет-младший. В результате оборвалась родословная этого семейства «Алой розы». Маргарите жизнь была сохранена, но ее ожидало пятилетнее заключение в Тауэре. Ей не было позволено даже повидаться с супругом в последние его часы. Он испустил дух в той же крепости, незадолго до появления Маргариты, ночью 21 мая. В тот же день в Лондон вернулся после сражения при Тьюксбери Эдуард IV. Во время его отсутствия за Генрихом в

Тауэре надзирал в качестве констебля Англии честолюбивый, не ведающий милосердия герцог Глостер — будущий узурпатор трона после смерти Эдуарда IV. На него падает вина за убийство Генриха. Став королем Ричардом III, он приказал перенести прах Генриха из аббатства Чертси, где останки короля привлекали много паломников, в Виндзор, куда доступ был ограничен. Даже с мертвым королем он сводил счеты.

То, что Генрих VI оставил по себе добрую память у многих своих соотечественников, — не удивительно. Ни одному из своих подданных он не причинил умышленно зла за все годы правления. Иное дело — суд истории. В ее глазах этот король несет ответственность за то, что, будучи на троне, из-за слабости и пассивности не сумел предотвратить войну Алой и Белой роз.

БРАТЬЯ-МУЧЕНИКИ

Могут ли события 500-летней давности являться предметом полемики на страницах прессы Запада в наши дни? И чем она руководствовалась, предоставляя страницы письмам патологоанатомов, разбиравших «по косточкам» скелеты такой же давности, вытасканные из подземелья?

В мае 1987 г. лондонская «Таймс» под заголовком «Современная наука выносит приговор Ричарду III в совершении убийства» опубликовала материал медика Хаммонда о результатах обследования найденных в Тауэре скелетов. Было установлено, что речь идет об останках короля-подростка Эдуарда V и его младшего брата Ричарда и что виновником их гибели следует считать Ричарда III, до захвата им трона носившего титул герцога Глостера. Устранив обоих братьев, он надел на себя корону.

Статья вызвала поток писем специалистов. Некоторые из них выражали сомнение в правильности сделанных ее автором выводов, а именно об обстоятельствах смерти братьев. Сам факт виновности Глостера в свете исторических свидетельств не оспаривался.

Отец погибших мальчиков — Эдуард IV был единственным английским монархом со времен Вильгельма Завоевателя, не обеспечившим надежного престолонаследия для старшего сына. Этот сын, названный также Эдуардом, родился в ноябре 1470 г., спустя семь лет после того, как король оформил в мае 1464 г. тайный брак с красоткой Елизаветой Вудвилль — будущей матерью ребенка. В то время, как уже говорилось, Англию раздирали конфликты кланов Алой и Белой роз.

Елизавета досталась ему не без труда. Поначалу король добивался ее в качестве любовницы — вплоть до физического принуждения, но она не уступала даже под угрозой смерти.

Возможно, будь молодой Эдуард более склонен к ратным подвигам, а не постельным утехам, двух его сыновей не постигла бы трагическая участь, и в истории Англии не было бы монарха Ричарда III — герцога Глостера.

Дело в том, что Эдуард принялся осаждать Елизавету, будучи уже тайно женатым на другой особе — Элеоноре Батлер. И этот брак еще не был расторгнут, когда он в порыве страсти решил венчаться с Елизаветой Вудвилль. Таким образом, дети, рожденные от Елизаветы, при действительном браке Эдуарда и Элеоноры, могли считаться незаконнорожденными — и это прекрасно сознавал юный сердцеед, пригрозивший первой супруге тяжкими последствиями, если не будет держать язык за зубами и проговорится, что Эдуард ее муж. Угроза подействовала. Элеонора кончила свои дни в монастыре, не выдав тайны.

Между тем общество узнало о его женитьбе на Елизавете спустя пять месяцев после их тайного венчания — и было шокировано. Супруга была не из знатного рода, к тому же — ранее состояла в

браке. У нее имелось двое детей и еще больше родственников. Их она стала пристраивать на теплые местечки, и вскоре почти все синекуры заполнились Вудвиллями.

Очарованный ею, король смотрел на такое нашествие сквозь пальцы, чего нельзя было сказать о его брате Ричарде Глостере, принадлежавшем — как и сам король — к семейству Невиллей. Ричард считал себя и своих родственников главными претендентами на первенство при королевском дворе. Засилье Вудвиллей вызывало у него самые дурные чувства, но, пока здравствовал на троне его старший брат, эти чувства приходилось сдерживать.

В те времена от кары за посягательство на монархии прерогативы не спасались и родственники короля. И когда в апреле 1483 г. Эдуард IV умер, Глостер не колебался: его час пробил!

В 1422 г. другой Глостер, дядя монарха-крошки Генриха VI, тоже тянулся к трону, но обжегся. Поддерживавшая, хотя и шаткое, единство знать сумела оградить Генриха от узурпатора.

В 1483 г. основы ставшей легитимной в результате войн Алой и Белой роз монархии Йорков были уже разрушены соперничеством Вудвиллей и Глостера, опиравшегося на часть поместной аристократии, пострадавшей в период

правления Эдуарда IV. В отличие от слабовольного Генриха VI, Эдуард правил жесткой рукой и сумел обуздать распоясавшихся за время «войны роз» земельных магнатов. К тому же часть их, шедшая за ланкастерцами, потеряла немало своих владений из-за конфискации Эдуардом земель.

Он не поколебался жестоко расправиться со строптивым братом Кларенсом в 1478 г., утопив его, по преданию, в бочке с вином. До последних лет жизни этот король сохранял мужской пыл, в Лондоне говорили, что от его взора не ускользала ни одна пригожая женщина. Неумеренность в еде и питье ускорила его кончину.

Смерть Эдуарда IV развязала политические страсти. И казалось, что стране грозит рецидив того, что привело к «войнам роз». Это образно описал в своем первом для Англии оригинальном историческом исследовании современник тех событий Томас Мор.

Глостер находился на севере страны, когда до него дошла весть о кончине брата-короля и решении Тайного совета назначить его лордом-протектором юного Эдуарда V, чья коронация должна была состояться 4 мая. Глостер шлет в Лондон послание матери Эдуарда V и ему самому с заверениями в своей лояльнос-

ти. И спешно собирается в путь — в Лондон.

Туда же направляется и граф Риверс со своим воспитанником Эдуардом из городка Ладлоу в Шропшире. Встреча между Глостером и Риверсом происходит 29 апреля в Нортгемптоне. Первый вечер прошел внешне спокойно. Ничто не предвещало грозы. К Глостеру и Риверсу присоединился в тот же день прибывший в Нортгемптон герцог Букингемский. Было условлено, что все они явятся на следующий день на аудиенцию к Эдуарду V, остановившемуся в Стони-Стратфорде, в нескольких милях от их ночлега.

Герцогам было не до сна. Они сговаривались о плане действий. Едва кавалькада трех лордов приблизилась на следующий день к поместью, где расположился молодой король, как Риверс и его приближенные были арестованы Глостером и Букингемом как участники заговора против протектора. Так что к королю Глостер и Букингем пожаловали без его наставника. Как и следовало ожидать, объяснения герцогов о причине отсутствия Риверса не удовлетворили Эдуарда. Но он был бессилен что-либо предпринять в защиту своего учителя.

Новость о Риверсе поразила и королеву-мать. Вместе с младшим сыном Ричардом она спешно укрывается в Вестминстерском аббатстве. Боль-

ше, чем все взятые ею с собой драгоценности, значила находившаяся у нее Большая королевская печать. Без нее ни один государственный акт не был бы действительным.

Поэтому сразу по прибытии в Лондон Глостер, не церемонясь в выражениях, требует от королевы-матери передачи ему печати и получает ее. Для матери гораздо важнее сохранить жизнь находящемуся с ней сыну Ричарду. Обезопасить старшего сына — короля она не в состоянии и полагается на волю Божию.

А Глостер вдруг заявляет, что она должна выпустить из аббатства младшего сына. Он не говорит, что им движет, но ясно: если что-то случится с Эдуардом, трон должен перейти к его брату Ричарду, а этого Глостер допустить не хочет.

С амвона собора Святого Павла произносится проповедь в пользу Глостера как суверена. По его подсказке распускаются версии о незаконнорожденности братьев — Эдуарда и Ричарда — на том основании, что их отец до своего брака с Елизаветой Вудвилье состоял тайно в брачном союзе с другой женщиной и не расторгал его.

В подкрепление юридическим аргументам Глостер подтягивает по Темзе к Вестминстерскому аббатству суда. Затем он показывает, что готов шагать к цели через трупы.

13 июня лорд Гастингс был казнен за дезертирство из лагеря Глостера. И тогда же мать-королеву принудили расстаться с Ричардом, передав его под «опеку» Глостера. Еще раньше, 16 мая, под предлогом заботы о «безопасности» юного короля, Эдуарда препроводили по указанию Глостера в достаточно комфортабельные покои Тауэра. Туда был отправлен и Ричард.

Коронация Эдуарда V была перенесена на 22 июня. Наступил этот день. Никакой коронации, никаких вестей о короле, о его брате. А 25 июня Глостер провозглашает себя Ричардом III. Основание — незаконнорожденность двух братьев.

Об участии юных Эдуарда и Ричарда все будто бы забыли. Британская энциклопедия указывает, что расправа над братьями была, вероятно, учинена в августе того же 1483 г.: они были задушены во сне подушками.

Следует ли винить Ричарда III в такой расправе, и имела ли она вообще место? Все это вызывает по-прежнему в Англии споры. Упомянем, например, о произведении шотландской писательницы Жозефины Тей «Дочь времени» (на русском языке опубликовано в 1992 г.). Автор подводит читателя к выводу, что севший на престол после гибели Ричарда III в сражении в 1485 г. Генрих VII был заин-

тересован в очернении предшественника.

Рассмотрим утверждения писательницы и попытаемся возразить.

1) Убийство детей «выгоды ему (Ричарду III) не принесло бы...».

Если это так, почему еще до объявления о незаконно-рожденности дети — старший, а затем младший подросток — были изолированы в Тауэре?

Верно, что Ричард III не тронул других претендентов на престол из дома Йорков, а их было девять. Но никто из них не провозглашался монархом, как Эдуард V. И кроме того, нельзя было ожидать от расчетливого Ричарда поголовной резни всех претендентов-йоркцев.

2) «При жизни ему (Ричарду III) не было предъявлено обвинение в убийстве...» Тей имеет в виду насильственную смерть подростков.

Что же в этом удивительного? Подобного обвинения и не могло быть, поскольку ничего определенного об их участии не было известно. Важно другое: почему, если мальчики еще были живы во время царствования Ричарда, их никто не видел?

3) «Мать принцев продолжала поддерживать дружбу с ним (Ричардом III) до конца жизни, а ее дочери посещали придворные балы...»

В аргументе содержится и контраргумент. Погибших она

вернуть не могла, а дочери находились при ней. Разве ради них мать не могла сдерживать свои чувства и демонстрировать дружбу с Ричардом?

4) Ричард III «не испытывал никакого страха к другим наследникам дома Йорков, щедро обеспечивая их содержанием...»

Не было ли это свидетельством его большой совести? Известна противоречивость его натуры. В безвременной смерти своего сына он вполне мог усмотреть «перст судьбы».

5) «Его (Ричарда III) собственное право на престол подтверждали парламентский билль и всенародное одобрение...»

Это самое уязвимое утверждение. Летописцы тех событий — их современники — почти в один голос свидетельствовали о шоке англичан, когда стала распространяться молва о гибели сыновей Эдуарда IV. Что же касается санкционирования парламентом престола Ричарда III, то Британская энциклопедия термин «парламент» в данном случае не использует, а упоминает о «чем-то, подобном ему». Действительно, в обстановке, когда у всех на виду была казнь близких к королеве и покойному Эдуарду IV аристократов, совершенная по указке Ричарда, кто в среде вызванных для голосования

деятели осмелился бы выступить против лорда-протектора?

Казалось, что свет на эту историю прольет находка в Тауэре, сделанная в 1674 г. Тогда при ремонте одного помещения под лестницей были обнаружены два скелета, принадлежащие не взрослым людям. Останки были захоронены в Вестминстерском аббатстве, их сочли за убиенных сыновей Эдуарда IV.

В 1933 г. было проведено новое тщательное обследование скелетов и прежний вывод подтвержден. Наконец, как уже упоминалось, в 1987 г. газета «Таймс» вынесла тот же приговор Ричарду III. Улики против него слишком тяжки, чтобы их опровергать.

КОРОЛЕВА НА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

В XVI в. на английскую землю пролилась кровь четырех королев: Анны Болейн, Кетрин Хоувард, Джейн Грей и Марии Стюарт Шотландской. Они окончили жизнь на плахе. Ни одна подобной участи не заслуживала. Трагический финал — единственное, что было общим у этих королев, кроме короны.

Анна Болейн была осуждена в 1536 г. за супружескую неверность, хотя муж ее сам был повинен в таком грехе. На самом деле причина в дру-

гом — она не оправдала надежд Генриха VIII — продолжить мужское потомство его рода.

Кетрин Хоувард была казнена в 1542 г. Несмотря на знатность, ее отец был крайне стеснен в средствах, и она жила в доме вдовы второго герцога Норфолка — Агнессы. На нее обратил внимание Генрих VIII в доме Стивена Гардинера, епископа Винчестерского. В июле 1540 г. он тайно на ней женился. Вскоре она была признана королевой, пятой супругой Генриха VIII — и не последней. Он не подозревал, что берет в жены женщину, у которой были любовники. Более того, она была помолвлена с Френсисом Деремом и продолжала встречаться с ним и после брака с Генрихом — как и с другим возлюбленным, своим двоюродным братом Томасом Калперером. В конце 1541 г. архиепископ Кранмер сообщил королю, что прошлое Кетрин Хоувард не безупречно, и назвал имена Дерема и Калперера. Оба были казнены в декабре того же года. Кетрин, брошенная в тюрьму, пробыла там недолго и была выпущена на свободу. Вскоре королю представили новые свидетельства ее неверности. Парламент лишил ее гражданских и имущественных прав, и она была приговорена к смертной казни.

Мария Стюарт Шотландс-

Джейн Грей

кая поплатилась в 1587 г. жизнью потому, что до последнего дня отстаивала свою честь и право на свободу перед лицом другой монархини — Елизаветы I, чьи приближенные видели в Марии опасную соперницу прежде всего для себя. О ней рассказ дальше.

Джейн Грей все же стоит особняком в этом ряду. Придерживаясь той же мерки, можно сказать, что на Высочайшем суде она предстала бы в лике мученицы. Зная срок своей казни, она встретила смерть достойно. А ведь ей в то время едва исполнилось 16 лет.

Джейн родилась в 1537 г. в Брадгейте, фамильном поместье Дорсетов поблизости от

городка Лестер к северу от Лондона. Ее мать Франсез приходилась внучкой королю Генриху VII — так как была единственным ребенком дочери Генриха VII Марии Английской и ее супруга Чарльза Брендона, герцога Саффолка. Отцом Джейн был Генри Грей Дорсетский, впоследствии получивший титул герцога Саффолка.

Таким образом, являясь правнучкой Генриха VII, Джейн входила в число возможных, но маловероятных претенденток на трон. Однако подобная перспектива девушке не занимала и не интересовала, а то, что ей довелось испытать, было спровоцировано обстоятельствами, от нее не зависящими.

Любопытствующие туристы могут сегодня взглянуть на развалины поместья в тенистом парке Брадгейт, открытом для посетителей, — здесь Джейн провела столько часов за чтением исторических хроник, религиозно-философских трактатов и произведений античной литературы. Сохранилась и часовенка, в которой она молилась и где находила убежище, когда ее допекали своими придиранками родители.

Благополучное материальное положение семейства не гарантировало счастливого детства Джейн. Мать отличалась жестким характером. Супруг находился у нее под каблуком.

Один из образованнейших людей того времени, Роджер Ашам — учитель юной Елизаветы Тюдор в течение двух лет — посетил Бадгейт, когда Джейн было 13 лет. Ее родители были тогда на охоте. Девочку он застал за чтением платоновского «Федона» — диалога Сократа с учениками о бессмертии души. Джейн и Роджер долго беседовали. Ашам, профессор-региус греческого языка, поразился эрудиции девочки, ее детскому мышлению. Впоследствии, когда ее уже не было в живых, он поведал в своем сочинении о том, что узнал тогда: о жизни в родительском доме как в аду, притеснениях матери, шипках за уши, наказаниях за непослушание.

Нельзя сказать, чтобы родители пренебрегали образованием дочери. Однако им казалось странным, что юная девочка предпочитает книги светским удовольствиям. Свободолюбие и свободомыслие дочери — вот, по сути, против чего ополчались родители. В числе ее учителей был Джон Эйлмер, впоследствии епископ Лондонский, навлекший на себя после своего наставничества в Бадгейте гонения за проповеди против католического догмата пресуществления — таинства обращения хлеба и вина в тело и кровь Христовы.

В лице Эйлмера у Джейн оказался наставник-протес-

тант, а идеи Реформации шествовали тогда по континенту и в Англии. Эйлмер разбудил в ученице интерес к теологическим вопросам, побудив задуматься о смысле бытия, о сущности споров и конфликтов между папством и англиканством. «Акт супрематии» Генриха VIII в 1534 г. сбросил оковы фанатичного католицизма.

Положение Джейн позволяло ей находиться при дворе Генриха VIII, общаться с его дочерьми Марией и Елизаветой. С последней они были почти одногодками, вместе изучали греческий, латинский, немецкий, французский языки, а Джейн, кроме того, пыталась овладеть древнееврейским, халдейским и арабским. Она хотела в оригинале читать Ветхий Завет. Новый знала уже неплохо.

Эйлмера, покинувшего Бадгейт, чтобы посвятить себя теологии, в качестве наставницы заменила Екатерина Парр, в чьем доме поселили девушку (таков был обычай знати тогда: посылать детей в другие семейства как в пансион). Екатерина стала супругой Генриха VIII в 1543 г. — это был шестой брак короля и третий для нее. Ветреной Екатерина не была, а сочетала чувственные удовольствия с более серьезными увлечениями, что и привлекло к ней Джейн. Достаточно упомянуть, что она автор сочине-

ния, выпущенного в виде брошюры, под названием «Лamentации грешницы». Екатерина, как и Джейн, любила музыку, много читала, отличалась отзывчивым, мягким нравом.

Джейн с сожалением покинула этот дом после смерти Генриха VIII, когда, не выждав и полугода, Екатерина вступила в брак с Томасом Сеймуром, которого давно любила.

Этот человек имел титул Верховного адмирала флота и обладал неистощимой энергией, отличаясь на всех фронтах — любовном, военном, политическом. Не видел ничего зазорного в том, чтобы, будучи супругом Екатерины, попытаться соблазнить нашедшую в доме гостеприимство юную Елизавету Тюдор. Она вынуждена была покинуть дом.

Томас Сеймур стремился устранить с поста лорда-протектора при новом короле Эдуарде VI своего брата — герцога Сомерсета и самому занять должность, открывающую большие возможности. Авантюризма в подобной активности было куда больше, чем трезвого расчета. То же самое относилось к прожектам Томаса Сеймура устроить брак Джейн с королем Эдуардом. В знак серьезности этих намерений Томас ссужал отца Джейн деньгами.

Неизвестно, чем бы кончи-

лись хлопоты Томаса, если бы не решительные действия герцога Сомерсета: он положил конец интригам брата самым радикальным способом — весной 1549 г. Томас Сеймур был казнен на плахе.

Незадолго до этого скончалась Екатерина Парр. Ее супруг даже не явился на похороны. За гробом Екатерины шла юная Джейн — единственная из знати. Девочка уже не только из книг, но и на «примере» Томаса Сеймура, проявившего черствость в связи с кончиной супруги, и из других подобных ситуаций узнала, как много вокруг грязи, цинизма, обмана. Она еще не ведала, что сама окажется жертвой заговора одного из могущественных семейств.

Жизнь в родительском доме не улучшалась, но повзрослевшая девочка создала для себя собственный мирок, изолировавший ее от свар, укоров отца и особенно матери. Она начала переписываться с кальвинистами в Германии и Швейцарии, с лекторами Кембриджа, обсуждая с ними различные вопросы теологии. И все, что выходило из-под ее пера, свидетельствовало о сложившихся мировоззренческих убеждениях. Учение о связи человека с Богом без посредничества церкви, о спасении души через личную веру в искупительную жертву Христову, о вере без пышных обрядов и таинств восприни-

малось ею безоговорочно и искренне.

Конечно, полностью затвориться от общества Джейн не могла. В ее мирок вторгались казавшиеся ей мелкими, пустячными мирские дела. Не было Томаса Сеймура, но, как осы вокруг сладкого цветка, подле девушки увивались другие интриганы. Нисколько не стремясь производить впечатление, Джейн тем не менее настолько отличалась от прочих девиц, что заставляла обращать на себя внимание.

Герцог Сомерсет дал знать, что подумывает о браке своего сына с ней. Генри Грей с супругой были согласны на такой вариант. Почти одновременно Джейн привлекла взоры Джона Дадли, он же граф Уорик, а затем герцог Нортумберлендский. Именно он сыграл роковую роль в жизни Джейн. Английские историки отзываются о нем как о «самом ловком и самом порочном деятеле XVI столетия». Его полувековой жизненный путь (1502—1553) заполнен битвами на полях сражений, но еще в большей мере — во дворцовых покаях — за власть и богатство.

Привлекательной внешности, атлетически сложенный, энергичный, беспощадный, Джон Дадли сумел, столкнув герцога Сомерсета с братом Томасом Сеймуром, покончить с последним. После чего нацелился против самого лор-

да-протектора и добился осуждения Сомерсета и его казни в 1552 г.

Насадить своих ставленников в Совет при Эдуарде VI было в таких условиях делом нетрудным, а за этим последовало и водворение Дадли-Нортумберленда в качестве главного правителя. Эдуард подпал под его влияние. Открывались возможности для осуществления главного замысла герцога — захвата престола. Орудием иезуитских замыслов Дадли должна была стать Джейн Грей. Во-первых, ее предполагалось выдать замуж за сына Нортумберленда — Гилфорда. Во-вторых, посадить на трон.

Схема походила на длинный бег с препятствиями. Исключительная ловкость и целеустремленность позволили Нортумберленду уверенно пройти почти всю дистанцию. Споткнулся он на финишной прямой — да так, что не поднялся.

Уговорить Дорсетов, получивших после кончины их родственника Саффолка титул герцогов, было несложно. Значительно труднее оказалось добиться согласия Джейн на брак с Гилфордом. Ни отца, ни его самодовольного сына девушка терпеть не могла. Когда родители заговорили с ней о такой партии, произошла отвратительная сцена: отец подступил к дочери с бранью, а мать отхлестала по щекам.

Нортумберленд знал то, о чем многие не догадывались: молодого короля Эдуарда подтачивала чахотка. Надо было спешить. Женитьба Гилфорда на Джейн была лишь половиной дела. Предстояло добиться согласия Эдуарда VI на изменение завещания Генриха VIII, в котором ближайшей наследницей Эдуарда называлась Мария. Она была дочерью Генриха VIII от его первой жены Екатерины Арагонской, умершей в 1536 г. Мария родилась в 1516 г., то есть ко времени событий была уже немолодой особой.

Джейн в линии наследования занимала пятое место. Даже при послушном Нортумберленду Совете добиться от его членов согласия на то, чтобы Джейн Грей в случае смерти Эдуарда заняла престол, было бы нелегко. Ведь аннулирование завещания Генриха VIII означало бы, что претенденток на трон становилось двое — Джейн и ее мать. Предстояло убедить последнюю отказаться от своих притязаний.

К тому же пока Эдуард VI — пусть и больной — сидел на престоле, механизм разработанного Нортумберлендом дьявольского замысла действовать не мог.

Герцог опирался на помощь своих подручных. Игра велась скрытно от Джейн, хотя на карту ставилась, как показали события, сама ее

жизнь. Никто не посвящал ее в эти коварные планы. С пренебрежением наблюдала она, как овладевшие богатым наследством Саффолков родители упивались светскими утехами. Драгоценности, наряды, развлечения — все это девушка считала побрякушками. Получив от Марии Тюдор в подарок золотую парчу, она отбросила материю прочь со словами: «Носить не буду!»

Имеется немало портретов Джейн Грей. Один — «мастера Джона» — изображает ее в платье из пурпурной ткани с вышивкой. Она скрестила руки. Миловидное невозмутимое личико. Ничто не предвещает трагической судьбы.

Между тем планы Нортумберленда продвигались. В конце мая 1553 г. Джейн была вынуждена согласиться на брак с Гилфордом. Сразу после свадьбы, фактически не являясь еще супругой, она заболевает нервным истощением и покидает дворец Нортумберлендов — Сион-хауз под Лондоном. Ведет затворнический образ жизни в Брадгейте, возобновляет переписку с единомышленниками на континенте.

А Нортумберленд тем временем уговаривает Эдуарда VI изменить завещание Генриха VIII. Главный довод — трон нельзя передавать ревностной католичке Марии Тюдор.

Король также не симпатизировал папству и уступил

настояниям герцога, подписав собственное завещание в пользу Джейн Грей как прямой наследницы.

Герцог подкорректировал документ, чтобы сделать его более приемлемым для членов Совета. Все же, ознакомившись с ним, те отказались его одобрить, пока суждение не вынесет парламент. Вся затея могла сорваться. Но есть еще верховные судьи. Взбешенный неожиданным осложнением, Нортумберленд вызывает к себе судейских чинов и требует скрепить завещание их подписями.

21 июня капитулируют перед таким же нажимом члены Совета. Более ста подписей стоит под актом, объявляющим Джейн Грей ближайшей наследницей Эдуарда VI. Она же — в полном неведении.

Лишь 3 июля, спустя почти две недели после одобрения Советом завещания Эдуарда, Нортумберленд сообщил Джейн об ожидающих ее переменах. Радости на лице леди Джейн не было. Она заявила, что не согласна с волей короля.

Герцог не очень обеспокоен. Эдуард еще жив. Есть время, чтобы найти способ воздействовать на строптивую Джейн.

Эдуард скончался через три дня. И обстоятельства его смерти бросили тень подозрения на герцога Нортумберленда. Дело в том, что тот распо-

рядился удалить от короля лечивших его врачей. Вместо них у постели больного появилась знахарка, давшая Эдуарду дозу мышьяка, сперва его взбодрившую, а потом резко ухудшившую состояние короля. Тело покойника покрылось язвами.

Нортумберленд в смятении: он опасался обвинений в отравлении короля! И потому хотел скрыть известие о кончине Эдуарда на две недели. В течение этого срока умершего можно было выдавать за живого. Но жаркая погода исключала такой вариант.

На следующий день, 7 июля, лишь мэр Лондона появился у гроба Эдуарда в Гринвиче, но по просьбе герцога обязался хранить молчание. Однако 8 июля члены Совета получили послание Марии, находившейся за пределами Лондона, о ее намерении занять престол. Верные люди оповестили ее о смерти короля.

9 июля Совет принимает решение о приглашении леди Джейн в Сион-хауз для ознакомления с завещанием Эдуарда VI. Она находилась в то время относительно недалеко от Лондона, что облегчало миссию герцога. Однако на приглашение Джейн отправляться в Сион-хауз не желала. Гонец подчеркнул крайне важный характер приглашения, упомянув, что оно исходит от герцога Нортумберленда. Джейн уступила.

В Сион-хауз первые же встреченные графы Хантингтон и Пемброк приводят ее в смятение тем, что опускаются перед ней на колени и целуют ей руку. Она узнает о кончине короля и не скрывает негодующих чувств: как можно утаивать такую весть!

В банкетном зале Сион-хауз собралась придворная знать. Герцог Нортумберленд объявил о кончине Эдуарда VI и о вступлении на престол леди Джейн.

Все смотрят на нее, ожидая, что она скажет. Девушка молчит. Ее бьет дрожь. Герцог снова берет слово и уже с ноткой угрозы в голосе говорит о высоких обязанностях, коими нельзя пренебрегать.

Силы покидают леди Джейн. Она в обмороке. Ее приводят в чувство. С плачем Джейн обращается к собравшимся:

— Корона у меня не по праву, и я не могу принять ее. Леди Мария — законная наследница...

Нортумберленды и ее родители поражены и в ярости наступают на Джейн: как она посмела идти против воли покойного монарха!

Единственный опора, единственный советчик девушки — Тот, кому она адресует молитвы и в радости, и в скорби. Она обращает взоры вверх. Что молвит Всевышний? Молчание... Значит, делает вывод Джейн, Господь не

против того, чтобы она приняла корону. Принесением клятвы верности королеве заканчивается эта необычная церемония.

Как горько будет она сожалеть о своей согласии!

На следующий день, 10 июля, леди Джейн предстояло торжественно вступить в королевские покои в Тауэре. На ее туфельках — высокие деревянные колодки. Иначе она бы просто затерялась в толпе. Люди молчат. Большинство собравшихся вообще о ней не слышало.

По распоряжению Нортумберленда власти следили, чтобы никто в городе не осмелился поставить под сомнение правомерность произошедшего. Забота была, разумеется, не о самой Джейн, а об исполнении планов узурпации власти герцогом. Одного жителя Лондона, пытавшегося подать голос против Джейн как законной королевы, подвергли зверскому наказанию — вырвали язык и обрезали уши!

Вынужденная согласиться на занятие трона, Джейн ревностно исполняет королевские обязанности: подписала шесть различных документов, сделала несколько назначений, устроила торжественный прием в Тауэре. Ее коронация была назначена на конец июля. Об этом тоже позаботился Нортумберленд. Ему не терпелось скорее завершить все формальности. Предстояло, прав-

да, добиться согласия новой правительницы на присвоение королевского титула ее супругу Гилфорду. Но тут, что называется, нашла коса на камень. За стенами Тауэра леди Джейн выдержала атаку Нортумберлендов, потребовавших провозгласить Гилфорда королем.

— Он мой законный супруг, — заявила Джейн, — но это не значит, что он правомочен принять королевский титул без соблюдения необходимых норм. Решение об этом должен принять парламент, а пока я намерена дать Гилфорду герцогский титул и полагаю, что вы одобрите такое намерение...

— Ни в коем случае! — раздается гневный голос герцогини. — Мой сын должен получить королевский титул! Иначе его не будет в твоей постели!

И мать, схватив сына, как малого ребенка, потащила его прочь из залы.

— Милорд, — обратилась Джейн к супругу, — предлагаю вам немедленно вернуться на прежнее место. А вам, герцогиня, — заявила она матери мужа, — надлежит знать, что свое решение я менять не собираюсь, независимо от того, будет или нет находиться Гилфорд вместе со мной ночью...

Гилфорд повиновался. Мать его в ярости покинула поместье.

События развивались стремительно. 11 июля члены Совета получили послание Марии Тюдор, датированное 9 июля, в котором она сообщила, что считает себя законной королевой и никому престол уступать не намерена. 12 июля на спешно устроенной церемонии в Нориче на востоке страны Мария была провозглашена королевой в соответствии с завещанием Генриха VIII.

Между тем члены Совета уже дали ей знать в ответном послании, что считают ее притязания необоснованными, что следует из завещания, сделанного накануне кончины Эдуардом VI.

Под нажимом Нортумберленда члены Совета принимают решение воздействовать на Марию силой. Были подготовлены не менее трех тысяч стрелков и конницы — внушительный контингент, учитывая, что в тот момент у Марии, кроме горстки верных сторонников, никого не было. 14 июля она обратилась за помощью к испанскому послу: если Испания не окажет ей немедленной помощи, будет «все потеряно» и ее ожидает эшафот.

Одновременно направленный Нортумберлендом в Париж Генрих Дадли получил от французского короля предложение о сделке: на подмогу Нортумберленду будет послано шесть тысяч солдат, но

Англия должна вернуть Францию Кале.

События опережают все эти ходы. В Лондоне получили сообщение, что под знамена Марии Тюдор собираются сторонники. Решено немедленно двинуть против нее войска под командованием отца Джейн — Саффолка.

Она категорически против такого выбора и заявляет, что Нортумберленду нечего делать в Лондоне и что именно он должен выступить против Марии. Герцог с неохотой повинуетя, захватив с собой Гилфорда.

Но уже упущено драгоценное для заговорщика время. На сторону Марии переходит флот, ее силы растут. Такой поворот событий повлиял на позицию членов Совета — не мешкая, они объявили герцога государственным преступником.

Пробыв на троне девять дней, королева Джейн низложена. Ее отец, сорвав с нее королевскую мантию, сообщает, что теперь ей предстоит вести «частную жизнь». Дочь спокойна:

— Мне легче расстаться с короной, чем было ее принять...

Отец спешит навстречу королеве Марии выразить лояльность. Ни он, ни его супруга не приняли мер в защиту дочери — а ведь если бы не Джейн, то в Тауэре в качестве узника находился бы не Нор-

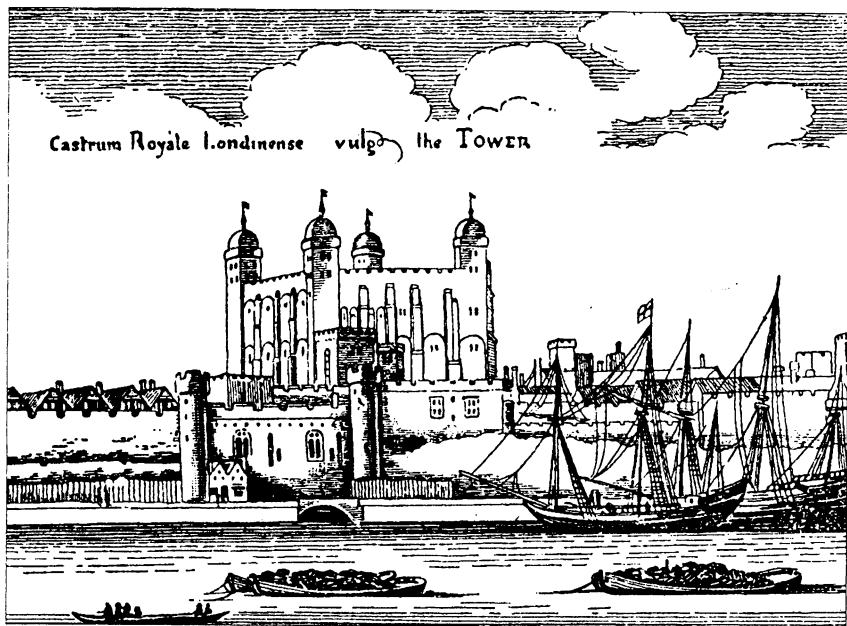
тумберленд, а Саффолк, ее отец! Она спасла его, но сама оказалась беззащитной: у нее отобрали все вещи, кроме нескольких книг и Библии, и бросили в темницу в том же Тауэре.

5 августа она направила Марии письмо, изложив события последнего месяца. За собой она чувствовала единственную вину: неверное истолкование Божией воли, когда, обратившись к Всевышнему, умоляла дать знать, принимать ей корону или нет.

Это послание произвело на королеву благоприятное впечатление, о чем она сообщила посетившему ее испанскому послу Ренарду. А тот напомнил королеве об истории с римским императором Феодосием в конце IV в., позволившим восставшему в Англии Максиму укрепиться, после чего тот пытался захватить трон, но был убит. Карл V направил Марии послание, советуя расправиться с Джейн Грей как опаснейшей соперницей.

Мария отнеслась к Джейн с симпатией. Но сдерживать натиск испанских друзей-советчиков было непросто: она добивалась брака с сыном Карла V Филиппом, и от исхода ее хлопот зависела участь Джейн. Ее помилование могло состояться лишь в связи с браком Марии.

Поведение герцога Нортумберленда перед казнью усили-

Тауэр

ло решимость узницы в Тауэре не отступать от своих убеждений, чего так добивалась Мария, обещая сохранить жизнь, если Джейн обратится в католичество. Ничего, кроме презрения, Джейн не чувствовала по отношению к Нортумберленду, принявшему католичество в расчете на помилование.

14 ноября в Гильдхолле в Сити состоялся суд над Джейн и некоторыми другими лицами, обвинявшимися в заговоре против законной королевы. Туда ее доставили на барже по Темзе, а от причала к Гильдхоллу она прошагала с молитвенником за поясом, а другой держа в руках. Вместе с ней на

скамью сели ее супруг, архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер и еще несколько человек.

Суд над Кранмером придал разбирательству характер процесса, направленного против англиканской церкви. Кранмер был одним из виднейших деятелей Реформации, правой рукой Генриха VIII в его преобразованиях. При Эдуарде VI он составил «Книгу общественно-богослужения», ставшую пособием для приверженцев англиканской церкви.

Перед кончиной Эдуарда VI Кранмер встал на сторону Нортумберленда, что и привело его на скамью подсуди-

мых. Однако, в то время как многие в окружении Нортумберленда, выступившие в пользу леди Джейн как королевы, затем отвернулись от нее и угодничали перед Марией, Кранмер остался верен ей до конца жизни — в марте 1556 г. он был отправлен на костер как «еретик».

Архиепископу, в отличие от Джейн, не хватило мужества, и он дрогнул, согласившись отречься от истинной веры. Правда, вскоре раскаялся в своем поступке. Мужество Джейн Грей заставило его устыдиться собственной слабости. Перед горящим пламенем он протянул руку к костру, молвив, что именно она должна погибнуть первой, ибо подписалась под отречением от веры.

Джейн и другие обвиняемые были приговорены к смерти. Иного и не ожидалось, а дальнейшее зависело от королевы. Первый созданный ею в декабре 1553 г. парламент аннулировал законодательство в пользу англиканской церкви, восстановил католическую литургию — мессу, запретил распространение «Книги общественного богослужения». И в эти же дни группа протестантов ворвалась во дворец на Уайтхолле и подбросила туда дохлого пса с мордой, обрившей на манер монашеской стрижки, с обрезанными ушами и перевитой вокруг шеи веревкой.

В окружении Марии забеспокоились, как бы леди Джейн не стала притягательным центром для всех недовольных в стране. А она готовилась к смерти. Об этом свидетельствуют оставшиеся на стенах ее темницы в Тауэре надписи: «Пока Господь способствует нам, зависть снедает себя тщетно», «Если Господь покинет нас, бесплодна вся наша боль — я обращаю чаяния к свету после тьмы».

Мария медлила с приведением в исполнение смертного приговора над Джейн. Она знала о ее невиновности. Но важнее этого была для королевы забота об укреплении трона. Колебаниям ее положило конец восстание, поднятое католиком Томасом Уайаттом и направленное против брака Марии с Филиппом. Этот единоведец королевы, воспринявший брачные планы Марии как угрозу для национальных интересов Англии, не скрывал, что предпочел бы видеть на престоле Джейн.

Спустя два дня после подавления восстания Джейн и ее супруг были извещены: казнь назначена на следующее утро. И еще тогда узница могла, видимо, спасти свою жизнь, приняв католичество. Об этом говорил с Джейн посланный к ней Марией исповедник Факенам. «Продление дней жизни, — сказала она, — не входит в мои помыслы, я презираю смерть именно ради спа-

сения души». Последняя просьба Джейн была обращена к Факенаму — она хотела видеть его в качестве сопровождающего, когда отправится на плаху. Этот католик был ей симпатичнее многих протестантов.

Последняя ночь. Джейн пишет письма близким, распределяет оставшиеся вещи в качестве прощальных даров. Первое послание — сестре Екатерине с приложенным Новым Заветом на греческом. «Эта книга, — писала Джейн, — будет руководством для тебя в жизни и пособием, как умереть...» Два письма отцу в ответ на одно — покаянное — от него. Коменданту Тауэра — молитвенник в бархатном переплете с надписью: «Живи, пока живешь, и чтобы смерть принесла тебе вечность».

В это время ей сообщили о согласии королевы на ее встречу с супругом. Он обратился к Марии с такой просьбой. 18-летний Гилфорд, в отличие от нее, пал духом и лил слезы. Она просила передать, что увидится с ним в «лучшей обители».

Вот ее, написанная на английском, греческом и латинском, прощальная молитва: «Если правосудие будет сотворено над моим телом, моя душа найдет себе снисхождение Бога. Смерть причинит боль моему телу за его прегрешения, но душа найдет оправдание перед Богом. Если

мои поступки заслуживают наказания, моя молодость и моя опрометчивость заслуживают милосердия. Бог и следующие поколения принесут мне свою благодать».

Джейн шла на плаху, не сломленная посулами спасти жизнь ценой духовного отступничества. Анонимный хроникер-современник описал происходившее в Тауэре: «...На лужайке перед Белой башней был сооружен помост, на котором предстояло распротиться с жизнью леди Джейн. Упомянутая леди, видимо, ничуть не устрешенная, с книгой в руках, содержащей молитвы, возносившиеся Господу, направилась к месту казни. Взойдя на помост, она сказала собравшимся: «Добрые люди! Я пришла сюда умереть, по закону я осуждена на такой конец. То, что было совершено против королевы, было незаконным и одобрено мною, но относительно своих намерений и действий я чиста перед Богом и перед вами, добрые христиане». С этими словами, опустившись на колени, она повернулась к Факенаму и спросила, можно ли ей исполнить псалом. Тот разрешил. Тогда она запела псалом... Затем поднялась и передала служанке перчатки и носовой платок, а свою книгу — мастеру Брюге, брату коменданта, и развязала капюшон. Палач подошел к ней, чтобы помочь,

но она велела оставить ее и вынула косынку.

Палач опустился на колени и попросил у нее прощения. Оно было дано, после чего он сказал, чтобы она встала на соломенную подстилку. Увидев плаху, она молвила: «Молю покончить со мною побыстрее!» И, опустившись на колени, спросила, не нанесет ли он удар прежде, чем она положит голову на плаху, на что палач ответил: нет, мадам.

Повязав на глаза косынку и нащупав вслепую плаху, она спросила: «Куда я должна идти? Где это?» Один из стоявших у помоста людей подвел ее к плахе, она положила на нее голову и, распрямившись, сказала: «Господь, в твои руки я вручаю свой дух».

Таков был ее конец».

Казнь состоялась 12 февраля 1554 г.

КРОВАВЫЕ РАСПРИ В РОДУ РЮРИКОВИЧЕЙ

Обычай у московских князей издавна желать братий своих крови и губить их убогих ради окаянных вотчин, несытства ради своего.

Князь А. М. Курбский

Ина Руси насильственная смерть нередко подстрекала монархов и их наследников. Так было и в домонгольский период, и во время татаро-монгольского ига, и в Московском (Русском) государстве. Иногда орудием убийства служила отравка (во всяком случае молва часто так объясняла преждевременную смерть правителя), иногда кинжал или меч.

УБИЙСТВО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

В 1174 г. в своей любимой резиденции, в княжеском замке в селе Боголюбово, близ Владимира, был убит великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский, сын Юрия Долгорукого и его первой жены, дочери половецкого

хана Аепы. Он был главным помощником отца в его военных походах, в 1155 г. ушел во Владимир, а после смерти отца в 1157 г. захватил власть в Ростово-Суздальской земле. Нарушив волю Юрия Долгорукого, он изгнал оттуда своих сводных братьев Василия, Михаила и Всеволода (сыновей Юрия от византийской принцессы) и племянников (детей своего умершего старшего брата Ростислава), а также строптивых отцовских бояр.

В 1169 г. Андрей Боголюбский организовал поход 11 князей на Киев, отдал его на разграбление и посадил на княжеский престол своего брата Глеба, который в 1171 г., как предполагают, был отравлен киевскими боярами. Властолюбивый и деспотичный, великий князь стремился сделать

«самовластцем». Свою столицу Владимир он украсил замечательными сооружениями (Успенский собор, «Золотые ворота»). Суровый нрав великого князя вызывал недовольство приближенных, составивших в конце концов заговор.

Первой женой Андрея Боголюбского была Улита, дочь боярина Кучки, которому ранее принадлежали села (здесь теперь находится Москва), захваченные Юрием Долгоруким. Во главе заговора стояли Яким Кучкович, шурин по первой жене, Петр, зять Якима, и ключник Анбал, ясин (осетин). Согласно некоторым источникам, к заговору была причастна и вторая жена Андрея Юрьевича.

В ночь на 29 июня 1174 г. около 20 заговорщиков, выпив для храбрости в княжеской кладовой и заранее похитив меч князя, ворвались в спальню («ложницу») и набросились на своего господина. Андрей, которому было около 62—63 лет, сумел подмять под себя одного из нападавших, а заговорщики, по ошибке приняв его за князя, убили своего же. Разобравшись, стали наносить Андрею удары мечами и саблями. Петр отсек князю левую руку (это установили, когда была вскрыта гробница Андрея Юрьевича, по скелету). «Горе вам, нечестивые! — обратился князь к заговорщикам. — Зачем уподобились Горесяру? (Убий-

ца князя Бориса, сына Владимира Святого. — *Прим. авт.*) Какое зло я сделал вам? Если кровь мою прольете, Бог отместит вам за мой хлеб».

Считая, что князь убит, заговорщики уже выходили из помещения, когда Андрей застонал. Вернувшись, убийцы завершили черное дело.

Обнаженный труп великого князя был брошен в сад. Утром был убит княжеский любимец Прокопий, разграблена княжеская казна. Расправились и с княжескими посадниками, а их дома разграбили. Опасаясь мщения владимирцев, заговорщики послали гонцов во Владимир сказать, что и там есть сообщники заговора. Но во Владимире известие о гибели Андрея встретили спокойно. Нашелся только один преданный убитому князю слуга — киевлянин Козьма. Летопись сохранила его слова, обращенные к Анбалу: «Да помнишь ли ты, жид, в каком платье пришел ты сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг». Козьма взял обнаженное тело князя, завернул его в ковер и хотел положить в церкви, но пьяные слуги не захотели ее отпереть. Тело Андрея лежало два дня на паперти, пока игумен Арсений не внес его в церковь и не отслужил панихиду. Только на шестой день, когда волнение улеглось, владимирцы послали людей за телом своего великого князя и

похоронили в построенной им церкви Рождества Богородицы.

Русская православная церковь причислила его как мученика к лику святых.

КРОВАВЫЙ СПОР ЗА ЯРЛЫК

В период татаро-монгольского ига хан Золотой Орды жаловал ярлык (грамоту) на великое княжение Владимирское. В XIV в. главными соперниками на владимирский престол были тверской и московские князья, род которых шел от брата Александра Невского и его младшего сына. Претенденты на престол ездили в Орду с большими дарами и имели там своих сторонников.

Тверской князь Михаил Ярославич (1272—1318) был соперником своего двоюродного племянника московского князя Юрия Даниловича, внука Александра Невского. 22 декабря 1317 г. Михаил наголову разбил Юрия и взял в плен его брата и жену Кончаку, сестру хана Узбека, в крещении названной Агафьей. В плену Агафья вскоре умерла при странных обстоятельствах. Михаил понимал, что хан отомстит за смерть любимой сестры. Он решил отправиться в Орду, чтобы спасти Тверь от разорения и попытаться оправдаться.

Тверского князя обвинили во многих преступлениях: утайке дани Орде, непокорности хану и отравлении Кончаки... Михаил Ярославич мужественно отвергал клевету, но участь его была решена заранее. Правда, убили князя не сразу. С закованными руками и с тяжелой деревянной колодкой на шее его повезли вслед за Узбеком, который пошел с большим войском на Персию (Иран). Развязка наступила недалеко от Дербента. Михаил рассчитывал на помощь третьей жены хана и своих сторонников в Орде и послал младшего сына Константина, находившегося вместе с ним в качестве заложника, просить помощи. Вскоре к его шатру прискакали ордынцы. С ними были и люди московского князя Юрия Даниловича. Безоружного Михаила повалили, стали бить и топтать ногами, а один из нападавших кинжалом вырезал у него сердце. Растерзали и почти всю свиту Михаила. Это произошло 22 ноября 1318 г. Константин и некоторые бояре успели ускакать и спаслись. Ярлык на великое княжение получил Юрий Данилович.

Русская православная церковь причислила Михаила Ярославича к лику святых, его нетленные мощи были обретенны в 1655 г., день памяти святого 22 ноября.

Сын Михаила Ярославича Дмитрий Михайлович (1298—

1326), за крутой нрав получивший прозвище Грозные Очи, ждал только удобного случая, чтобы отомстить за смерть отца. Такой случай представился, когда Юрий, взяв у него дань для Орды, замешкался и не сразу отправил ее хану. Дмитрий Михайлович спешно двинулся в Орду и, обвинив Юрия перед ханом, получил ярлык на великое княжение. Юрия вызвали на суд, но Дмитрий не стал ждать ханского суда, а собственноручно убил Юрия Даниловича (1325 г.). Тверского князя задержали в Орде и через год, 15 сентября 1326 г., казнили по повелению хана. Великим князем стал брат Юрия — Иван Данилович, прозванный впоследствии Калитой. Младший в роде Рюриковичей добился старшего великокняжеского стола. В 1339 г. в Орде были убиты великий князь Александр Михайлович и его сын Федор.

В московской великокняжеской семье в течение столетия, то есть при жизни четырех поколений (Симеон Гордый и его брат Иван Красный, Дмитрий Донской и Василий I), не было раздоров, так как при вступлении на престол у князя обычно не было младших братьев. Только после смерти в 1425 г. великого князя Василия I Дмитриевича на великокняжеский престол стал претендовать князь Юрий Дмитриевич Га-

лицкий, ссылаясь на духовную грамоту своего отца Дмитрия Донского. Хан решил спор не в пользу Юрия и утвердил на великокняжеском престоле Василия II Васильевича, которому в год смерти отца было всего десять лет. Усобицу продолжили после смерти Юрия в 1434 г. его сыновья — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Борьба шла около 20 лет. Василий II приказал ослепить попавшего к нему в плен Василия (отсюда его прозвище Косой). Особенно энергично отстаивал свое право на престол Дмитрий Шемяка, жестокий и несправедливый (в памяти народа осталось выражение «Шемякин суд»). В 1445 г. Василий II попал в плен к татарам, но хан Улу-Мухаммед отпустил его за огромный выкуп (200 тыс. рублей серебром). Москвичи были этим недовольны. Ситуацией решил воспользоваться Дмитрий Шемяка. Он занимает Москву, берет в плен мать Василия Софью Витовтовну и его жену Марию Ярославну. В Троице-Сергиевом монастыре захватили Василия II, отвезли в Москву и ослепили (отсюда прозвище Василия II — Темный). Но Дмитрий Шемяка занимал великокняжеский престол недолго — в 1446—1447 гг. Он был вынужден отпустить мать и жену Василия II и заключить с ним мирное соглашение. В 1450 г. князь Василий Иванович Оболенский

разбил войско Шемяки. Потерпев поражение, Шемяка бежал в собственные владения, а затем в Новгород, но и там его настигла карающая десница Василия II. Он послал дьяка Степана Бородатого, чтобы тот расправился со строптивым князем. Дьяк подговорил боярина Ивана Котова отравить Дмитрия Юрьевича. Дело было поручено повару Поганке: тот подложил яд в курицу, которую отведал Шемяка. Произошло это в 1453 г.

ПОСЛЕДНИЕ РЮРИКОВИЧИ НА ПРЕСТОЛЕ

После смерти великого князя Василия III в декабре 1533 г. престол занял его трехлетний сын Иван IV. Правительницей стала вторая жена Василия III Елена Васильевна Глинская, из рода литовских князей. Существует предание, что дети хана Мамай бежали в Литву, крестились, получили там в удел город Глинск и стали называться Глинскими. Энергичная и властолюбивая, нрава неукротимого — такой Елена Васильевна запомнилась современникам. Она сурово расправилась со своей ближайшей родней, в которой видела врагов. В темницу заключили братьев Василия III — удельных князей Юрия Угличского и Андрея Старицкого,

где они и умерли. Василий III до рождения сыновей Ивана и Юрия запретил братьям жениться, чтобы сохранить трон за своим потомством. Не пощадила Елена Васильевна и родного дядю — князя Михаила Львовича Глинского, известного полководца, воспитывавшегося при дворе германского императора Максимилиана I, служившего Альбрехту Саксонскому и великому князю Литовскому Александру Казимировичу, а затем Василию III. В 1534 г. его обвинили в заговоре против Елены Васильевны, а заодно и в отравлении Василия III. И Михаил Глинский окончил жизнь в заточении.

Ближайшим советником правительницы стал ее фаворит князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, потомок князя Михаила Черниговского, то есть Рюрикович. 3 апреля 1538 г. Елена Васильевна, еще совсем молодая, но часто болевшая, умерла. Возникли слухи, что великую княгиню отравили. Но прямых доказательств этого нет. Несколько дней спустя временщик Овчина-Телепнев-Оболенский был брошен в тюрьму боярской группировкой, пришедшей к власти, и вскоре умер.

Иван (Иоанн) IV Грозный, чья патологическая жестокость поражала и современников (хотя поразить их было трудно: XVI век — блестящий

Иоанн Грозный.
Гравюра на дереве Ганса Вейгеля

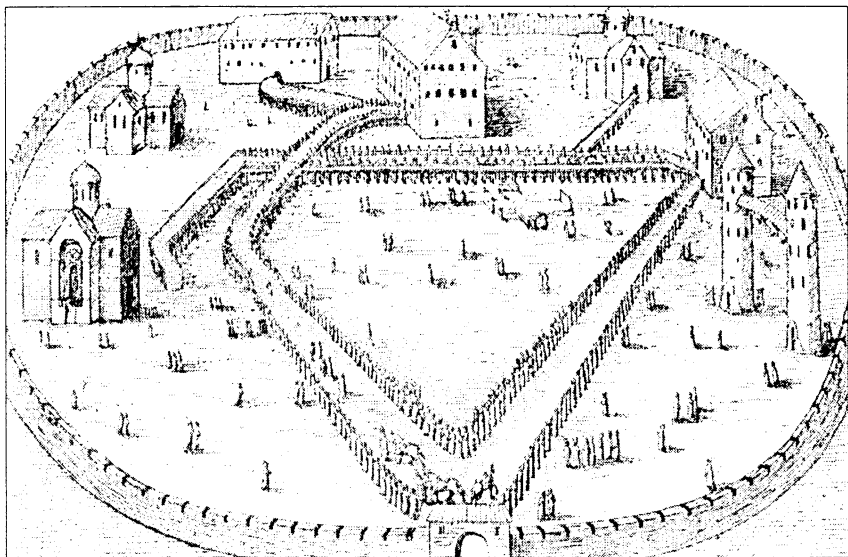
и жестокий — это век Генриха VIII, Марии Кровавой, Варфоломеевской ночи, Филиппа II и других тиранов), и потомков, залив кровью русскую землю, не пощадил даже родственников. По его приказу в 1569 г. в Александровой слободе принял яд его двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий (его отец все-таки женился на дочери Андрея Федоровича Хованского). Мать Владимира Андреевича черницу Евдокию (в миру Евфросинию) задушили, убили и двух его сыновей.

9 ноября 1581 г. в Александровой слободе в семье самого царя разыгралась страшная драма. После смерти в 1553 г. первого сына Ивана IV ца-

ревича Дмитрия наследником престола стал его второй сын Иван Иванович (Иоанн Иоаннович), родившийся 28 марта 1554 г. Наследник был похож на отца и любим москвичами. Иван IV грубо вмешивался в семейную жизнь сына: заключил в монастырь и первую (Сабурову), и вторую (Петрову-Соловую) жену Ивана Ивановича. В третий раз царевич женился на Елене Шереметевой, которая осенью 1581 г. должна была родить.

Иван IV в тот день, зайдя к сыну, увидел Елену в одной рубашке, тогда как женщина считалась одетой, если на ней было три платья. Иезуит Антонио Поссевино, прибывший в Россию в конце 1581 г., чтобы способствовать окончанию войны Ивана IV с Речью Посполитой, через доверенных лиц узнал подробности случившегося в Александровой слободе и оставил письменное свидетельство. Предоставим ему слово.

«Третья жена сына Ивана как-то лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна и не думала, что к ней кто-нибудь войдет. Неожиданно ее посетил великий князь Московский. Она тотчас поднялась ему навстречу, но его уже невозможно было успокоить. Князь ударил ее по лицу, а затем так избил своим посохом, бывшим при нем, что на следующую ночь она выкинула мальчика. В это

Общий вид Александровой слободы. Из книги Якова Улефельда

время к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супругу, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом. Перед этим в гневе на отца сын горячо укорял его в следующих словах: «Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве».

Антонио Поссевино сообщает, что царевич умер «на пятый день». На самом деле Иван Иванович умер через десять дней. Как видим, у царя не было намерения убивать

наследника, но для династии смерть Ивана Ивановича стала роковой.

Иван IV горько раскаивался в содеянном. Он дал в монастырь на вечное поминовение сына пять тысяч рублей (сумма для того времени огромная), а в январе 1583 г. «плакал и рыдал» о сыне в Троице-Сергиевом монастыре. Царю действительно стоило сокрушаться, так как наследником стал слабоумный царевич Федор, родившийся 31 мая 1557 г., когда царь вел обратную жизнь, а царица Анастасия Романовна была не совсем здорова. Хилый и слабый от рождения, Федор не годился для управления государством.

Праздничный обед в Александровой слободе. С правой стороны царя сидит старший сын его Иоанн. Из книги Якова Улефельда

В 1580 г. Иван IV женился в шестой раз (иногда этот брак считают седьмым, но источники не дают возможности установить, был ли заключен церковный брак с Василисой Мелентьевой, вдовой дьяка). Избранницей царя стала Мария Федоровна Нагая, родившая 19 октября 1582 г. сына Дмитрия. Уже будучи женой, царь вел переговоры с английской королевой Елизаветой и сватался к ее дальней родственнице Марии Гастингс. Королева отклонила предложение царя, сославшись на слабое здоровье Марии. Но это не остановило Ивана: он был готов женить-

ся и на другой родственнице Елизаветы.

После смерти старшего сына Грозный стал часто болеть. Он страдал отложением солей в позвонках шеи и спины. Это почти лишало его подвижности и вызывало сильные боли. Тело царя страшно распухло. Чувствуя приближение смерти, Иван Грозный приказал доставить из Карелии волхвов, которые гадали по звездам. Колдуны предсказали, что царь умрет 18 марта 1584 г. В этот день царь пересмотрел свое завещание и отправился в баню. Он послал Богдана Бельского, племянника Малюты Скурато-

Иоанн Грозный и сын его Иоанн 16 ноября 1581 г. Картина И. Е. Репина

ва, сказать волхвам, что их зароют в землю или сожгут живьем за ложь, так как он здоров, как никогда. Волхвы ответили, что «день окончится только, когда сядет солнце». После бани царь сел играть в шахматы с Родионом Биркиным в присутствии Богдана Бельского, Бориса Годунова и слуг. Во время игры он вдруг ослаб и повалился навзничь. По словам англичанина Дж. Горсея, бывшего при сем, послали за духовником и врачом, но «тем временем царь был удушен и окоченел». Бельский и Годунов вышли на крыльцо и объявили о кончине царя. Борис Годунов ска-

зал Горсею: «Будь верен мне и ничего не бойся».

О насильственной смерти Ивана Грозного писали дьяк Иван Тимофеев, немецкий пастор Павел Одерборн, голландский купец Исаак Масса. Их рассказы отличались лишь в деталях.

Иван Тимофеев сообщает: «Жизнь же яростивого царя... преже времени ближнии сего зельства его ради сокращения угасиша: Борис... сложившийся купно з двема в тайномыслии о убиении его с... царевем приближенным возлюблинником... Богданом Бельским».

По словам Исаака Массы, царь «день ото дня становясь

Иоанн Грозный у тела убитого им сына. Картина В. Г. Шварца

все слабее... впал в тяжкую болезнь, хотя опасности еще не было заметно; и говорят, один из вельмож, Богдан Бельский, бывший у него в милости, подал ему прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье, бросив в него яд в то время, когда подносил царю, отчего он вскоре умер; так ли это было, известно одному Богу».

Павел Одерборн излагает другую версию: «Болезнь схватила тирана быстро и цепко. Несколько дней он ничего не говорил, не ел, не пил, не издавал ни звука, как будто немой. По прошествии не-

скольких дней к нему вернулась речь. Царь несколько раз звал сына царевича Ивана, захотел овладеть женой царевича Федора Ириной Годуновой, та стала звать на помощь. В течение нескольких дней он трижды впадал в забытие, сутками лежал без движения и наконец умер».

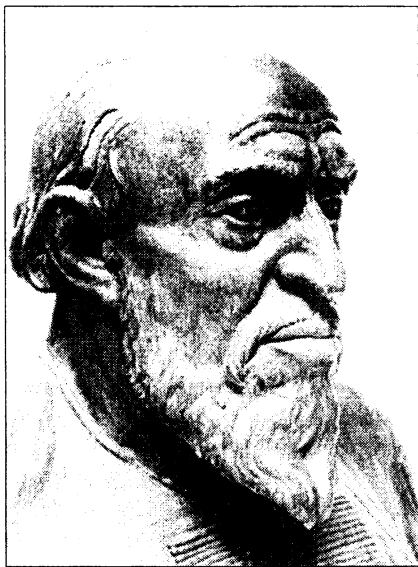
Ответить на вопрос, какой смертью умер Иван Грозный — естественной или с помощью своих приближенных, могли только Борис Годунов и Богдан Бельский. Некоторые историки считают, что у Бориса Годунова были основания, чтобы ускорить

кончину царя. Иван Грозный якобы хотел развести царевича Федора с Ириной Годуновой, у которой не было детей, и в завещании не включил Бориса Годунова в состав регентского совета при Федоре Ивановиче.

Советский антрополог М. М. Герасимов, исследовавший останки Ивана Грозного и создавший его скульптурный портрет, обнаружил в костях скелета значительное количество ртути, но в то время ртуть входила в состав многих лекарственных средств. Количество мышьяка в костях не превышало нормы.

Историки давали разные ответы на вопрос о причине смерти Ивана Грозного. А. А. Зимин считал, что загадка смерти царя никогда не будет разгадана, но «чего не бывало при дворе Ивана Грозного!». В. Б. Кобрин был уверен в насильственной смерти Ивана Грозного. Р. Г. Скрынников полагает, что слухи об отравлении царя были неосновательны. «Временщики, возвышенные милостью Грозного, со страхом ждали его гибели, с которой все неизбежно должно было перемениться». Но на это можно возразить, что при слабоумном царе Федоре эти временщики были в большей безопасности, чем при жизни тирана.

При царе Федоре Ивановиче Борис Годунов, оттеснив своих соперников, все

Иван Грозный.
Реконструкция М. М. Герасимова

дела государственного управления взял в свои руки. Наследником престола при бездетном царе считался царевич Дмитрий. В завещании Иван Грозный отвел царевичу Дмитрию город Углич, где тот жил вместе с матерью и ее братьями.

15 мая 1591 г., около полудня, при загадочных обстоятельствах царевич Дмитрий погиб на княжеском дворе. Маленький царевич нравом походил на отца, был жесток, любил смотреть, как режут домашний скот. Дмитрий страдал припадками эпилепсии («черным недугом», «падучей болезнью», «немочью падучей»). Сильный припадок

у него был за месяц до смерти. По словам свидетелей, «руки едал».

В день трагедии при царевиче находились мамка боярыня Василиса Волохова, кормилица Арина Тучкова, ее сын Баженко, молочный брат царевича, постельница Марья Колобова, ее сын Петрушка и еще два мальчика «жилца». В припадке падучей болезни царевич якобы сам напоролся на нож, играя с ребяташками в «тычку».

Прибжавшие на шум Мария Нагая и ее братья обвинили в смерти царевича людей Бориса Годунова — дьяка Михаила Битяговского (дядьку царевича), его сына Данилу, которого не было на княжеском дворе, племянника Битяговского Никиту Качалова и Осипа Волохова, сына мамки царевича. В Угличе произошло возмущение, и подозреваемые в преступлении лица были убиты.

В ожидании следственной комиссии из Москвы Михаил Нагой сфабриковал улики: зарезал курицу и ее кровью вымазал несколько ножей и палицу, положив их на трупы Битяговских.

Следственная комиссия пришла в Углич 19 мая. В ее состав входили боярин Василий Шуйский, окольный А. П. Клешнин, думный дьяк Е. Вылузгин. Комиссии предстояло выяснить, была ли гибель Дмитрия случайной, или это результат

насилия. Перед следственной комиссией прошли 140 свидетелей, в результате опроса которых было установлено, что царевич уколол себя в горло (в яремную вену), что и вызвало его смерть.

Загадка смерти царевича Дмитрия до сих пор привлекает внимание историков и писателей и вряд ли когда-либо будет разгадана. Некоторые исследователи пытаются доказать, что царевича Дмитрия скрыли верные люди и в Угличе был убит «попов сын». Во всяком случае слухи о «чудесно спасшемся» царевиче появились почти вскоре.

По наущению Бориса Годунова царь Федор Иванович приказал сослать жителей Углича, расправившихся с приставленными к царевичу людьми, в отдаленные сибирские города, братьев Нагих заключить в темницы, а царицу Марию насильственно постричь в монахини (инокия Марфа) и сослать в пустыню на Белоозеро.

В начале января 1598 г. Федор Иванович умер, с его смертью пресеклась династия Рюриковичей на российском престоле. Англичанин Флетчер, побывавший в Москве в 1588—1589 гг., пророчески написал в своей книге о России: «...царский род в России... по-видимому, скоро пресечется со смертью особ, ныне живущих...»

СМУТА: ГОДУНОВЫ И ЛЖЕДМИТРИИ

17 февраля 1598 г. на престол был избран Борис Федорович Годунов. 3 сентября он венчался на царство. Новый царь отличался незаурядной выдержкой, дипломатическим талантом, ставил целью своего правления наведение порядка в стране. Но вскоре на страну обрушились страшные бедствия: первые годы XVII в. из-за долгих дождей, ранних морозов и прочих непогод стали неурожайными, что привело к страшному голоду. Народ воспринимал эти бедствия как кару Божию за беззакония и неправду. В такой обстановке в Речи Посполитой появился самозванец, принявший имя царевича Дмитрия. Розыск показал, что самозванец — бежавший в 1602 г. монах Григорий Отрепьев, происходивший из галицких дворян и служивший боярам Романовым. В разгар борьбы с самозванцем царь Борис неожиданно умер 13 апреля 1605 г. Конечно, не обошлось без слухов: царь якобы отравился в припадке отчаяния.

О смерти царя власти сообщили только на другой день, когда присягали его 16-летнему сыну Федору Борисовичу (род. в 1589 г.). Молодой царь был умный и образованный юноша, его тщательно готовили к управлению государ-

ством. Среди ближайшего окружения Федора Борисовича оказались и сторонники самозванца.

1 июня 1605 г. в Москву проникли гонцы Лжедмитрия дворяне Плещеев и Гаврила Пушкин (предок великого поэта). С Лобного места они прочитали «царскую» грамоту, возбудив открытое восстание. Толпа бросилась в Кремль, вломилась в Грановитую палату, где на троне сидел царь Федор. Рядом с ним стояли мать царица Мария Григорьевна, дочь Малюты Скуратова, и сестра Ксения Борисовна. Разъяренные люди стащили царя с трона и заключили всех троих в доме Бориса Годунова в Кремле.

10 июня стрельцы во главе с Михаилом Молчановым задушили Федора и Марию Григорьевну, народу же объявили, что они отравились. Ксения, когда-то невеста датского принца, стала наложницей Лжедмитрия I и вскоре была заключена в монастырь под именем инокини Ольги (умерла она в 1622 г.).

Тела убитых Федора и Марии были выставлены напоказ. Из Архангельского собора вынесли гроб царя Бориса и перезахоронили в Варсонофьевском монастыре близ Лубянки. Там же, без отпевания, как самоубийц, захоронили его жену и сына. Впоследствии тела их перезахоронили в усыпальнице Годуновых в Трои-

це-Сергиевой лавре. После Октябрьской революции гробница была вскрыта и разграблена.

«Царь Дмитрий I», тайный католик, правил всего 11 месяцев. 8 мая 1606 г. он обвенчался с католичкой Мариной Мнишек, с которой в Москву приехало много поляков. Боярин Василий Шуйский сначала был приговорен к смертной казни, а затем помилован Лжедмитрием по просьбе царицы-инокини Марфы. Шуйскому даже было позволено жениться на княжне Буйносовой-Ростовской. Странники Шуйского хорошо использовали все промахи Лжедмитрия и его покровителей-иноземцев, пренебрегавших русскими обычаями.

В четвертом часу утра 17 мая 1606 г. по набату всех московских церквей на Красную площадь устремился народ, вооруженный чем попало, — дворяне, дети боярские, стрельцы. Когда собралось достаточно народу, через Спасские ворота в Кремль на коне въехал князь Василий Шуйский с мечом в одной руке и с распятием в другой. В Успенском соборе он приложился к иконе Владимирской Божией Матери и, выйдя к народу, крикнул: «Во имя Божие идите на злого еретика!» Толпа бросилась ко дворцу Лжедмитрия.

Проснувшийся царь приказал ночевавшему у него Петру

Басманову узнать, в чем дело. Открыв дверь в сени, Басманов увидел рвущуюся в царские покои толпу. На вопрос Басманова, к кому те идут, раздались крики: «К Самозванцу!» Срубив мечом голову первому ворвавшемуся дворянину, Басманов крикнул Лжедмитрию: «Спасайся!» Вырвав бердыш у телохранителя, тот растворил дверь в сени и закричал: «Я вам не Годунов!» Охрана (несколько десятков немцев и поляков, а также невооруженные слуги и музыканты) закрыла двери. Басманов, вышедший для переговоров, упал замертво, пораженный ножом в сердце. Не видя иного выхода, Лжедмитрий выскочил в окно на Житный двор, но при падении вывихнул ногу и разбил грудь и голову. Стрельцы подобрали Самозванца и решили не выдавать его толпе, требуя вызвать царицу-инокиню. Из кельи вышла царица-инокиня Марфа, прибыли и Нагие. Они отреклись от Лжедмитрия. Самозванца привели во дворец, сорвали с него царские одежды и одели в лохмотья. В двери ломился народ, ожидая, что царь признается в самозванстве. Дворяне Иван Воеков и Григорий Валуев двумя выстрелами убили Лжедмитрия и отдали его тело на растерзание толпе. Вскоре трупы Басманова и Лжедмитрия вытащили из Кремля и бросили на Лобное место.

Братья Шуйские поспешили успокоить народ, который готов был грабить не только дворы иностранцев, но и богатых русских людей. В тот же день на Лобном месте Красной площади царем провозгласили Василия Ивановича Шуйского, Рюриковича, потомка князей Суздальско-Нижегородской земли (родоначальником рода Шуйских был князь Андрей Ярославич, внук великого князя Всеволода III, брата Андрея Боголюбского).

Труп самозванца привязали к лошади и выволокли в поле за Серпуховские ворота и бросили в «божий дом», в который подбирали умерших бродяг и нищих.

При Лжедмитрии перепуганный Василий Шуйский заявлял, будто бы Борис Годунов хотел убить царевича, но его спасли, вместо него похоронив сына попа. Теперь же святые мощи царевича Дмитрия перенесли в Москву и положили в богатой серебряной раке в Архангельский собор, где они находятся и поныне.

«Царица Марина» и ее отец Юрий Мнишек под конвоем были отправлены в Литву, но по дороге отряд Тушинского вора (Лжедмитрия II) отбил их. По настоянию отца и из-за собственного честолюбия Марина признала в новом самозванце своего настоящего мужа и тайно обвенчалась с ним. По свидетельству иезуи-

тов, Лжедмитрий II был крещеным евреем, тайным иудеем, долго жил в Белоруссии, учительствовал в Шклове, а затем служил писцом при Лжедмитрии I.

После убийства Лжедмитрия II Марина Мнишек хотела посадить на русский престол их сына «царевича Ивана», для чего обвенчалась с казацким атаманом, тушинским «боярином» Иваном Заруцким. В народе малолетнего сына Марины называли Воренком. После изгнания поляков из Москвы и избрания на престол в феврале 1613 г. Михаила Федоровича Романова московское правительство преследовало бежавших в Астрахань Заруцкого и Марину Мнишек. На Каспийском море их схватили и привезли в Москву. У Марины Мнишек обманом взяли сына Ивашку, или Воренка, уверив, что царь не будет мстить ребенку. Ивашку повесили на Лобном месте, а Заруцкого посадили на кол. Говорят, что Марина Мнишек, потеряв сына, прокляла весь род Романовых, предсказав, что ни один из них не умрет своей смертью. Сама она кончила дни в темнице (по одной версии, убила себя, грохнувшись о железные плиты, по другой — с ней расправились тюремщики).

Рассказывали, что мать избранного царя инокия Марфа (в миру Ксения Ивановна

Шестова, жена боярина Федора Никитича Романова, он же патриарх Филарет) долго отказывалась благословить сына на престол. По ее словам, русские люди «измалодушествовались» и могут погубить молодого Михаила, как прежде царей Федора Борисовича, Расстригу и Василия

Шуйского (его летом 1610 г. свергли с престола и насильно постригли в монахи под именем Вассиана, умер он в Польше в 1612 г.). После долгих просьб послов Земского собора 14 марта 1613 г. Михаил Федорович Романов принял царство и вскоре выехал в Москву...

И ВСТАЛ НА БРАТА БРАТ...

(Педро Жестокий и Энрике Трстамарский)

Тот, кто был вершитель судеб,
Сам судьбою изничтожен.

Романсеро

Педро I, король Кастилии, прозванный Жестоким, взошел на престол, когда до середины был пройден тяжелый для Европы XIV век. Каждое время по-своему трудно для тех, кто плывет в его потоке, и все же есть эпохи, особенно отмеченные войнами и болезнями, убийствами и предательствами. Кастилия и другие Пиренейские страны не являли собой исключения в XIV столетии: отгремели великие битвы с маврами, позади осталось правление государей, славившихся кто великолепием двора, кто мудростью и могуществом, — Альфонсо X Мудрого Кастильского, Альфонсо III Великодушного Арагонского, Диниша Португальского. К середине XIV в., а именно в 1348 г., в портовых городах вспыхнула и распространилась по всей

испанской земле эпидемия чумы — «Черная смерть». Вымирали целые кварталы в городах, пустели деревни.

Мор и голод порождали и социальную напряженность. Участился разбой на дорогах. Борьба соперничавших феодальных кланов переросла в открытые военные столкновения, в которых гибли в основном не сами феодалы, но крестьяне и горожане, разрушались не только замки, но и селения и города. К этому надо прибавить продолжавшееся соперничество Португалии, Кастилии и Арагона между собой, а также втягивание Пиренейских стран в Столетнюю войну.

И даже в этот тяжелый и смутный период Педро I получил в народе прозвище Жестокий, с которым и вошел в историю. Правда, двух

других Педро, правивших в это время в Арагоне и в Португалии, тоже иногда так называли, однако гораздо реже; чаще подчеркивали иные их черты — арагонский король прозывался Церемонным, а португальский — Справедливым. Правда и то, что испанские историки по сию пору спорят, так ли нехорош был кастильский государь, или, напротив, правление его, хоть и жестокими методами, вело к прогрессивному развитию страны — спор, сродни нашим разногласиям в оценке Ивана Грозного и Петра I. Но, как пишет известный исследователь эпохи правления Педро Жестокого Л. Диас Мартин, спор может быть решен только при беспристрастном анализе всех документов того периода. Нас же интересует судьба самого короля Педро Жестокого и особенно факт его гибели от руки сводного брата Энрике, графа Трастамарского, взошедшего на престол и основавшего новую династию.

ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛ

Характерно ли для пиренейской истории царевичество вообще? Бросим беглый взгляд на средневековые Пиренеи. В V в., после захвата полуострова вестготами, здесь образовалась вестготская То-

ледская монархия. Она просуществовала до начала VIII в., когда была сметена арабским и берберским вторжениями. За три столетия на вестготском престоле сменилось больше 30 королей, и далеко не все они умерли естественной смертью: Атаульф и Теодорих II, Амаларих и Агила и другие были убиты противостоявшими группировками знати, взбунтовавшимся войском или родичами.

Но чем дальше от начала вестготского господства в Испании, тем реже становятся покушения на корону.

Исключение составляют два события XI столетия. Христианские государства переживали период политической раздробленности. Едва собрав под своей эгидой Галисию, Кастилию и Леон, Фернандо I тут же поделил свои владения между тремя сыновьями и двумя дочерьми, из-за чего и возникли распри: старший из наследников, Санчо II, решил вернуть себе принадлежавшее ему, как он считал, по праву и объединил вновь Галисию, Кастилию и Леон, изгнав оттуда своих братьев, и подчинил себе Торо — город, отваданный одной из сестер. Оставалась Самора, героически сопротивлявшаяся Санчо вместе со своей сеньорой Урракой, второй дочерью Фернандо. Во время осады Саморы это и произошло: некий Беллидо Дольфос, защитник Саморы,

притворившись перебежчиком, проник в стан Санчо II и, якобы указывая место для наилучшей атаки, поднял копье и, улучив мгновение, метнул его в короля. Санчо II пал замертво.

Второе покушение на жизнь государя случилось через шесть лет, в Наварре: тезка кастильского короля Санчо IV Наваррский на охоте был сброшен с высокой скалы своим сводным братом. Однако трон не достался ни брату-убийце, ни детям Санчо. Наваррская знать предпочла видеть королем Санчо Арагонского — и это стало началом политического сближения Наварры и Арагонского королевства.

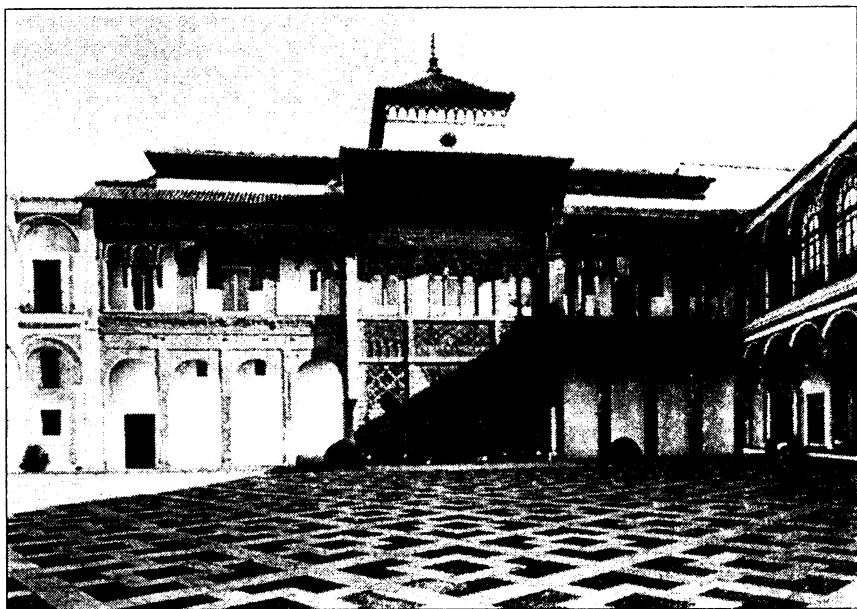
Кроме этих двух, тщетно искать другие случаи царевубийства на Пиренеях как в эпоху средневековья, так и в более позднее время, вплоть до безрезультатных покушений конца XIX в. И на этом «мирном» фоне вдруг — убийство Педро I. И убийца короля не только оправдан обществом, но возведен на трон и благополучно правит в течение многих лет, до самой смерти. Это тем более поражает, потому что именно в конце XIII — начале XIV в. кастильскими юристами разрабатывается концепция о божественном происхождении королевской власти, об особой роли короля, его миссии покровителя и вершителя судеб

подданных. Эти идеи изложены в знаменитых «Семи партидах» короля Альфонсо Мудрого.

ПЕДРО ЖЕСТОКИЙ

Педро Жестокий был сыном короля Кастилии Альфонсо XI и Марии Португальской, инфанты из правящей в Португалии Бургундской династии. Альфонсо XI, приняв бремя королевской власти уже в 14 лет, все годы своего правления старался искоренить междоусобицы и феодалные войны. Для достижения цели он использовал казни и подкуп, военные походы и договоры с городами, издавал законодательные акты. Надо сказать, что его усилия имели успех — на время распри затихли. Но судьба была немилосердна к Кастилии и ее королю — в 1350 г. во время очередной вспышки чумы он умер, оставив престол Педро, которому не исполнилось еще 16 лет.

Педро был вторым сыном Марии Португальской, и очень желанным, ибо первенец ее умер и у Альфонсо XI не было наследника. Но радость ее не была полной. Ситуация осложнялась тем, что, во-первых, Педро родился в то время, когда Альфонсо XI осаждал мавританский город Ферреру. Впоследствии возникли толки о неопределенности происхождения Педро.

Фасад дворца Педро I в Севилье

Во-вторых — что на самом деле было «во-первых», — Альфонсо к тому времени имел долголетнюю и счастливую связь с Леонор де Гусман из могущественного севильского рода де Гусманов. И она подарила Альфонсо пять сыновей. Появление Педро дало Кастилии наследника, но не вернуло Марии любовь мужа. Судя по поступкам Педро-короля, он никогда не смог простить унижительность своего и матери положения.

Альфонсо XI умер в ночь на 26 марта 1350 г., и в тот же день Педро был коронован в Севилье и отправился за телом своего отца, дабы сопроводить

его к месту похорон в церкви Святой Марии в Севилье.

Сыновья Леонор де Гусман — бастарды Альфонсо XI, опасаясь мести Марии Португальской, бежали, но вскоре между ними и Педро произошло замирение. Однако — ненадолго. Брак старшего бастарда, Энрике, с Хуаной Мануэль — из рода королевской крови, противостоящего кастильскому трону, — видимо, подтолкнул Педро уступить настояниям матери — он приказал схватить Леонор де Гусман. В начале 1351 г. она была отправлена в замок Таллаверы, где через несколько дней и была убита.

Разумеется, за этим последовал полный разрыв с бастардами. Да и не только с ними. Очевидно, доверяя в основном окружению матери, Педро с самого начала приблизил к себе и сделал главным советником Хуана (Жоана) Албуркерке, выходца из Португалии, который сосредоточил в своих руках управление королевством. А у Кастилии с Португалией — извечная дружба-вражда, которая то укреплялась династическими браками и совместными походами против мавров, то разрушалась военными конфликтами и дипломатическим соперничеством. Появление у трона Албуркерке насторожило и оттолкнуло от Педро старую кастильскую знать, сторонников и сподвижников отца. Их, мягко говоря, прохладное отношение к королю проявилось еще в августе 1350 г., когда Педро вдруг заболел и несколько дней находился между жизнью и смертью. Судя по описанию болезни, это было нечто вроде нервной лихорадки. И многие исследователи именно отсюда ведут отсчет безумства и жестокостям юного короля. Во время долгой болезни короля знать и придворные уже прикидывали, кого призвать на освобождающийся трон; и кандидаты нашлись — из старой, могущественной и вольной аристократии.

Выздоровев, монарх про-

должал входить в дела королевства — он собирает кортесы, подтверждает права и привилегии сословий, данные его отцом, вновь пытается наладить отношения с бастардами и знатью.

Однако уже в 1351 г. в Бургосе произошли крупные волнения из-за решения короля собрать с города не вотируемый кортесами налог. Во время волнений был убит сборщик налогов, и в ответ король жестоко казнил одного из зачинщиков Гарсиласо де ла Вегу, а вслед за ним и нескольких его сподвижников. Эта казнь вызвала недовольство сначала на севере страны, а затем и на юге, где против короля восстал один из крупнейших магнатов Андалусии Альфонсо Фернандес Коронель. Педро I был вынужден в 1352 г. отправиться в поход в Андалусию, но не добился успеха.

В то же время из Астурии пришла весть, что бастард Энрике, имевший там крупные владения, укрепляет свои крепости, видимо, замышляя восстать против короля. Педро двинул войска в Хихон, а вскоре отправился оружием выяснять отношения с другим сводным братом — Тельо. В конце же года он снова выступил на юг, и на этот раз ему удалось после долгой осады взять Агилар. Его давний противник Коронель был казнен.

И так год за годом: Педро мечется по стране, осаждает мятежные замки то в Астурии, то в Андалусии, то в Эстремадуре, безуспешно пытаясь восстановить мир и согласие с помощью карательных походов и казней. Но его жестокость породила новые бунты.

Почти с самого начала правление Педро было осложнено двумя обстоятельствами. Первое — отношения с Арагоном, постоянным соперником за влияние в южных, в частности валенсийских, землях. В 1352 г. Педро начал переговоры с королем Арагона и вскоре заключил соглашение о союзе и выдаче друг другу злодеев и предателей. Но мир на границах двух королевств был недолгим. Через три года, воспользовавшись конфликтом между каталонскими и кастильскими моряками, Педро объявил войну соседу и захватил несколько крепостей. Лишь вмешательство папского легата принудило его перейти к мирным переговорам. Так продолжалось фактически до конца правления Педро, и долгое время он был весьма удачлив в военных предприятях.

А с 1358 г. военные столкновения с Арагоном приобретают новую окраску: с арагонской границы в пределы Кастилии вторгся бежавший мятежный бастард Энрике.

Энрике покинул Кастилию

после разгрома знати, объединившейся против короля, еще в 1354 г. И здесь нужно рассказать о важнейшем для понимания событий «обстоятельстве» — брачных и внебрачных связях Педро.

МАРИЯ ДЕ ПАДИЛЬЯ

Нет нужды объяснять, сколь велика роль брака при монархическом правлении. Вспомним, как часто из-за брачных союзов рушились могущественные державы, возвышались одни и вымирали другие знатные фамилии. Пройдет сто лет — и враждовавшие при Педро Жестоком и Педро Церемонном Кастилия и Арагон объединятся в результате брака Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского, положив начало новому государству — Испании.

Став королем, Педро не сознавал или не желал обращать внимания на то, что каждое его увлечение ведет к конфликту внутри окружавших трон семей. До нас дошло великое множество рассказов, историй, романсов и легенд о его галантных похождениях. Но, видимо, главным событием — счастьем? бедой? — его жизни была Мария де Падила.

Он встретил ее в 1352 г., когда ему было 18 лет, при дворе Изабел де Менезеш,

Рыцарь. Рельеф XIV в.

жены Албуркерке, своего первого советника. Возможно, что встреча была неслучайной — Албуркерке мог рассчитывать на фрейлину своей жены. Но, судя по дальнейшим событиям, расчеты его не оправдались. С этого времени

и в течение девяти лет Педро изо всех походов возвращался к Марии де Падилья. Она стала матерью его сына и дочерей; ее родственники были назначены на многие важные должности в королевстве. И знать, и простой народ счита-

ли, что именно она толкает короля на безумные и кровавые решения. Нам, из нашего далека, трудно судить... Но эта связь имела далеко идущие последствия, которые привели ко многим неожиданным изменениям во внешней и внутренней политике Кастилии. Например, для продвижения на высшие должности родичей Падилья необходимо было убрать занимавших их магнатов. И тутгодились любые средства — выдвигались обвинения в неверности или нелояльности королю, что порой заканчивалось казнью, как в случае с магистром ордена Калатрава, должность которого перешла к брату Марии.

Возникли осложнения и с французским двором, ибо брак Педро с французской принцессой Бланкой Бурбонской, столь важный с дипломатической точки зрения, фактически не состоялся: через 10 дней после свадьбы он оставил двор и уехал к Марии. А через год, объявив их союз юридически недействительным и отправив Бланку в заточение, заключил новый брак — с Хуаной де Кастро, которую покинул на следующий после свадьбы день и больше никогда не видел.

Поступки странные, невозможные для коронованной особы. И последствия были тяжелы и кровавы. В связи с усилением клана де Падилья

начались дипломатические осложнения с Францией, последовало осуждение Педро I папой римским. Пренебрежение короля просьбами и советами приближенных, в том числе и Албуркерке, столь тщательно готовившего династический союз с Францией, вызвало недовольство знати. В ответ — преследование тех, кто осуждал короля и был против де Падильи. Начались казни. Те, кто был близок Албуркерке, бежали в Португалию, преследуемые вооруженными отрядами короля до самой границы. Владения Албуркерке Педро прошел огнем и мечом, приступом беря замки и города.

К ноябрю 1354 г. этими действиями Педро добился того, что против него в небывалом единодушии сплотилась знать, поддержанная многими городами, в частности, такими значительными для Кастилии того времени, как Толедо и Куэнка. Представители знати потребовали от короля примирения с Бланкой Бурбонской, разрыва с Падильей и отмены пожалований ее родственникам. Но Педро не пошел на уступки. Прибыв в Торо, где собрался двор, он оказался почти пленником, и только его отвага и удача помогли ему бежать. Весь следующий год Педро карал мятежных магнатов и города. Среди восставших против короля были и его сводные братья.

После поражения Энрике бежал из Кастилии во Францию, а Фадрике и Тельо замирились с королем. Но это не спасло их. Через полтора года, испытывая верность Фадрике, Педро послал его захватить земли перешедшего на сторону Арагона инфанта Фернандо де Арагон. Фадрике выполнил приказ и вернулся победителем в Севилью. Но тут же по велению короля был схвачен и убит. Узнав об этом, Тельо, которого успели предупредить об опасности, бежал во Францию.

Тельо был сеньором Бискайи, горной области на севере Пиренейского полуострова. Теперь Педро взял эти земли под свою руку и жестоко казнил брата инфанта Фернандо — Хуана, которому раньше обещал эти владения.

ВОЙНА С ЭНРИКЕ

Эти события послужили причиной вторжения Энрике из Арагона в кастильские пределы в 1358 г. В то время Энрике — мятежный магнат, восставший против короля-тирана, и не более. О претензиях на трон и речи нет...

Военные действия между братьями шли с переменным успехом. В конце 1359 г. в битве при Аравиане войска Педро потерпели сильное поражение. Это вселило в Энрике новые силы. Весной 1360 г. он

вступил в Кастилию, занял город Нáхеру, где его войска и горожане учинили еврейские погромы. Здесь, на равнине перед древней столицей Риохи, отряды двух братьев столкнулись в лоб впервые. На этот раз Энрике был разбит и бежал в Наварру. Военная инициатива, как и военное счастье, оставалась у Педро. Вернувшись победителем в Севилью, он еще придиричливее, чем раньше, приглядывался к своему окружению. Впечатление, судя по всему, было не лучшим — вновь последовали казни, не миновавшие и ближайших соратников. А через год по его повелению была убита в заточении Бланка Бурбонская. И всего через несколько дней умерла Мария де Падилья...

В 1366 г. Педро вдруг осознал близость утраты власти, потеряв контроль над залитой кровью страной. Войны и казни, борьба с врагами внутренними и внешними истощили силы. Победа Арагона и захват им крепости Мурвьедро, видимо, сломали кастильского короля.

Именно этот момент и выбрал Энрике, чтобы выдвинуть претензии на кастильский престол. И внутри страны, и за пределами ее Педро воспринимался как тиран, попирающий божественные и человеческие установления. Бесконечные войны и требования субсидий на них лиши-

ли его постепенно даже возможной опоры в городах.

Итак, предложив себя на трон Кастилии, Энрике вступил на ее территорию и 16 марта 1366 г. короновался в Калаорре. К маю он достиг Толедо, географического и исторического центра полуострова. Метания Педро из Севильи в Бургос и обратно, с юга на север и вновь на юг, выдают его беспомощность. Он бежит из Севильи в Португалию, а оттуда — через Галисию — в Байонну, чтобы там искать подмогу у знаменитого Черного принца, находившегося в Аквитании со своими войсками...

Почти полтора года ушло на подготовку возвращения Педро. Он заключил с англичанами договор, сделав им серьезные экономические и территориальные уступки. В начале 1367 г. соединенные войска англичан и наваррцев вошли в Кастилию. С ними был Педро. Вступив на свою землю, он попытался наладить связь и управление страной, рассылая письма и требуя военной и материальной помощи. Через год после коронации Энрике они вновь встретились на поле сражения у Нахеры, и вновь не повезло Энрике на этой земле — его войска были разбиты. Оставляя своих людей в городах и крепостях, Педро двигался по королевству через древние кастильские города — Бургос, Толедо — в свою

главную резиденцию — Севилью.

Однако Энрике не сложил оружия. Стараясь вернуть свои позиции, он осадил Толедо. Все новые города переходили на его сторону, в том числе Кордова, один из крупнейших городов Андалусии. Попытки Педро захватить ее не увенчались успехом. Фактически в стране оказалось два государя. Собрав вновь войско, Педро выступил навстречу Энрике. Однако, не получив обещанного, Черный принц к этому времени оставил Кастилию; Энрике же получил военную помощь от наемных отрядов под командованием Дюгеклена. Состав отрядов был очень пестрым, но основу их составляли выходцы из французских земель, да и сам Дюгеклен был французом и коннетаблем Франции (вот когда припомнился неудачный брак с Бланкой Бурбонской). Битва произошла недалеко от Монтелья. В этот раз Энрике одержал победу, и Педро отступил в свой замок.

СМЕРТЬ ПЕДРО

Последний акт этой драмы до конца, видимо, так и останется неизвестным. Сохранившиеся свидетельства противоречивы. Одно из них гласит, что Педро пытался переманить на свою сторону Дюгеклена или, по крайней

мере, договориться с ним о беспрепятственном выезде из замка. Тот же, выполняя повеление Энрике, пригласил Педро в свой шатер, где Энрике и заколол его.

Есть основания сомневаться в этой версии. Нападение на приглашенного в шатер брата заведомо ставило Педро в неравное положение. А описание борьбы Педро с Энрике, дошедшее до нас в хрониках и романах, наводит на мысль, что их схватка выглядит как поединок. Как бы то ни было, Педро пал от руки своего сводного брата:

*Руки мощные сплетают,
Обхватив друг друга братья —
Дон Энрике с доном Педро.
Их железные объятия
Братскими не назовете.
Братья бьются, слов не тратя.
То кинжал сверкнет, то шага,
Крепко сжаты рукоятки...
Братья дрогнули, и оба
На пол падают. Некстати
Чуть замешкался Энрике,
И король верхом на брате.
Час твой пробил, дон Энрике.
Паж — в смятенье и, не глядя,
Бросился на дон Педро,
За камзол хватает сзади...
И уже вскочил Энрике,
Сталь в деснице засверкала,
В грудь коварного владыки
Острие вошло кинжала.
Сердце замерло навеки,
Захлебнулось кровью алой.
В христианском нашем мире
Злее сердца не бывало.*

Так запечатлелась эта страница истории Испании в народных преданиях. Немалое место нашло это событие и в хрониках, особенно писанных

во славу Трастамарской династии. Педро Лопес де Айала, солдат, царедворец, придворный хронист Энрике Трастамарского, сделал немало, чтобы обелить своего государя. Но сама эта необходимость оправдания говорит о многом. Убийство монарха воспринималось как противозаконное и противоестественное деяние. Для оправдания его нужно было создать прочный миф о «дурном» короле, тем более что жизнь Педро давала такую возможность.

Понятие о дурном, неправедном монархе в XIV в. уже достаточно сложилось, хотя не всегда вело к обличению короля-тирана. Наиболее четко эти понятия были сформулированы в знаменитом своде законодательных установлений «Семь партий», созданных в конце XIII в. и дорабатывавшихся и позже. «Семь партий» различали законного государя и тирана, разумея под последним не только узурпатора власти, но и злоупотребившего ею, не выполняющего свои обязательства по отношению к народу. Хотя «Партиды» и не применялись в судебной практике, как источник политической мысли они, несомненно, влияли на общественное сознание. Стоит только вспомнить, что в конце XIII в. союзы городов получили официальное право на восстание, если король творит беззакония.

Наконец, необходимо сказать еще об одном явлении, типично пиренейском, которое тоже облегчило ситуацию для Энрике. После принятия христианства и возникновения церковного брака еще долгое время в Европе параллельно с ним существовали и другие формы брачных союзов, которые постепенно исчезали, осуждались, а затем и преследовались церковью. Пиренейский полуостров дольше всего сохранял эти традиции. Во времена Педро и Энрике рядом с церковным браком существовала так называемая баррагания — брак по контракту, дети от которого отнюдь не считались незаконными, хотя и не были совершенно равны по положению детям от церковного брака. Длительное сохранение этой формы брака объясняется, видимо, и консервацией некоторых черт общественных отношений после арабского вторжения и в ходе Реконквисты, и близостью мусульман-

ских обычаев. По крайней мере, нам известно о существовании баррагании и в низших, и в привилегированных слоях в ту эпоху. Это объясняет и положение бастардов в королевских пиренейских семьях, занимавших первые должности в королевстве, получавших огромные земельные владения, а впоследствии и права на трон, как это было, например, в Португалии. В этих обстоятельствах естественно, что Энрике, восставший против брата-тирана, воспринимался как вполне законный претендент на трон.

И вот мы оказываемся перед парадоксом, столь частым в истории: противозаконные действия Энрике, порожденные иными беззакониями — короля Педро, — оправданы стремлением восстановить поправную, пусть и по-своему понимаемую, законность в мире, где еще не сложилось понятие о государстве как источнике и обладателе высшего закона.

«КОГДА ЖЕ СМЕРТЬ ЛЕГЛА НА ВЛАСТНОЕ ЧЕЛО...»

(Убийство Вильгельма Оранского)

Граф Мансфельд шурился на блеск...
И, властно требуя всеобщего вниманья,
Вильгельма прославлял Оранского деянья,
И силы тайные, и ум, и дарованья.

Э. Верхарн. Пирушка гёзов

Вряду имен, снискавших себе огромный авторитет не только в Нидерландах, но и во всей Европе, стоит имя Вильгельма Оранского, основателя правящей и ныне династии. Вознесенный на вершину славы революционно настроенным народом, он верно служил своей стране, не забывая, конечно, и о собственных интересах, и об интересах элиты. О нем написаны десятки книг, ему воздвигнуты памятники.

Вильгельм и его сторонники проявили поистине удивительную стойкость, упорство и героизм в борьбе за независимость страны. Однажды принятое решение выступить на стороне восставшего народа превратило Оранского в «отца нации». Даже знамя, под которым он вел свои отряды, навсегда осталось символом стра-

ны. Государственный флаг и сегодня включает те же цвета, что и знамя Вильгельма: белый и синий. Известно также, что принц носил оранжевый плащ, белую шляпу и синий колет. Официально государственный флаг Нидерландов был утвержден только после победы революции в 1599 г.: полотнище с тремя горизонтальными полосами равной ширины — оранжевой, белой и синей. Так история совместила, казалось бы, несовместимое: флаг — символ революции — получил родовые цвета монархии.

НИДЕРЛАНДЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ГАБСБУРГОВ

Чем же объяснить столь большую популярность этого

человека, сохранившуюся до наших дней?

Вильгельм Оранский жил в исключительно сложный в истории Нидерландов и богатый событиями период. В конце XV в. бельгийские и нидерландские провинции оказались почти на столетие включенными в состав «мировой державы» могущественных Габсбургов. Их власть распространялась тогда чуть ли не на полсвета, но почти две трети казны пополнялось за счет «нижних земель» — Нидерландов, которые объединяли 17 провинций (нынешние Нидерланды, Бельгия, Люксембург и часть Франции). Габсбурги не только свели на нет издавна существовавшие в Нидерландах свободы и привилегии, но и стремились окончательно превратить страну в колонию.

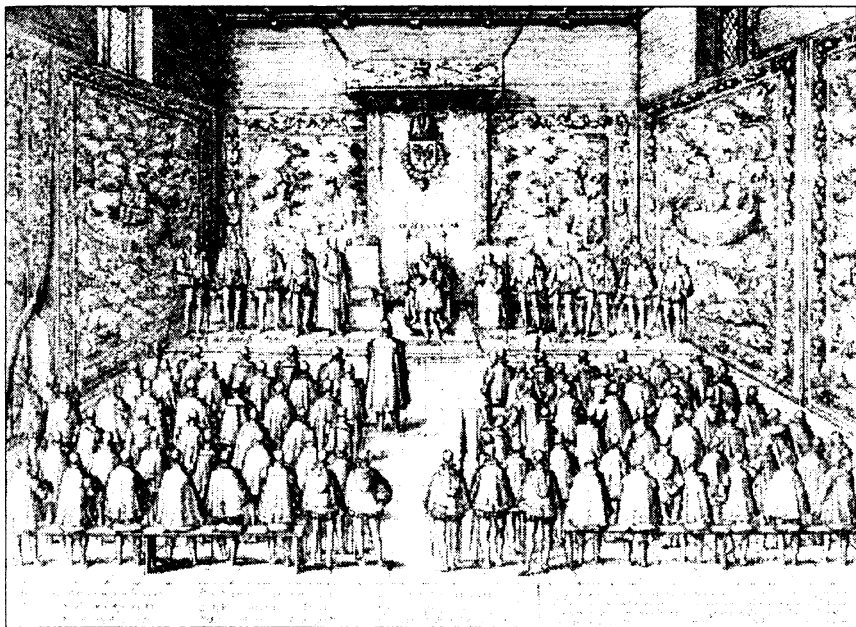
В то время в нидерландских провинциях появились и получили широкое распространение капиталистические мануфактуры, заменявшие собой цеховое производство. Капиталистическое предпринимательство охватило маслоделие, мыло- и пивоварение, рыболовство, мореходное дело, судостроение и ряд смежных или зависимых от них отраслей. Великие географические открытия, раздвинувшие тесные рамки средневекового мира, способствовали такому развитию производства. Торговые пути из Средиземного моря

переместились в Атлантику и Северное море. Это привело к возвышению Нидерландов и дало им возможность обогатиться за счет эксплуатации вновь открытых земель.

При господстве испанцев экономическое процветание сменяется упадком. Торговля и промышленность постепенно хиреют, выталкивая на улицу работников, нависает реальная угроза голода. Экономические трудности в большой мере послужили основой развертывания борьбы против владычества Испании. Эта борьба сопровождалась и усиливалась острыми столкновениями на религиозной почве.

В историю Западной Европы XVI—XVII века вошли как период религиозных войн, ожесточенной борьбы католицизма, насаждавшегося европейскими монархами, и протестантизма, в рамках которого простые люди и часть буржуазии выступали против неограниченной власти монархии. Религиозные войны привели к глубокому идеологическому расколу Западной Европы, к созданию атмосферы насилия.

В Нидерландах того времени, в условиях господства испанского абсолютизма, католическое учение и церковь, утратившие органическую связь с духовной жизнью общества, служили орудием угнетения народа. Католическое учение способствовало легити-

Отречение Карла V в Брюсселе. Картина Луи Галле. 1841 г.

мизации духовного гнета, политического насилия, экономического подчинения. В этих условиях церковь и господствующая религия утратили свой былой моральный авторитет. Требовалась новая религиозная система, полнее отвечающая сложившейся исторической обстановке. Интересы народа, страдавшего от жестокого угнетения, смыкались с устремлениями голландской буржуазии, пытавшейся освободиться от оков феодальной Испании и осуществлять самостоятельную политику, особенно в экономической и религиозной сферах.

В Европе любые оппозиционные католицизму религиозные движения жестоко подавлялись. Особенно безжалостной политикой в этом отношении отличался испанский король Карл I (он же германский император Карл V). Именно он ввел в Южных Нидерландах жесточайшую инквизицию, учредил специальный трибунал по борьбе с еретиками. Этот трибунал резко активизировал преследование инакомыслящих после вступления на престол сына Карла V Филиппа II.

Запылали костры инквизиции. Сыщики и шпионы на-

воднили страну. Не было жителя, которому гарантировались бы спокойствие и свобода. Враждебные силы вторглись в повседневную жизнь людей, держа их в состоянии страха.

Ненависть жителей Южных Нидерландов к Филиппу II, испанским угнетателям и их религии достигла критического уровня. И в стране городов и гаваней, пышных нив и торговых домов воцарился дух Реформации. Борьба нового учения против старого стала формой политической борьбы. Охваченное необычайным пафосом религиозного протеста, население Нидерландов пришло в движение. Уже во второй половине XVI в. кальвинизм распространился здесь повсеместно. Кальвинистские общины тайно от инквизиции возникали повсюду. Проповедники-кальвинисты выступали перед толпами народа, недовольного господством испанского абсолютизма и католической церкви. Жестокое гонения и кровавые репрессии против кальвинистов вынуждали их собираться в уединенных местах, но и это было небезопасно. В конце 50 — начале 60-х гг. такие проповеди уже проводились открыто и нередко сопровождались народными волнениями. Реформационное движение набирало силу.

Кальвинизм по сути становился религией буржуазии. Он

рушил, казалось бы, вечное здание католического учения, основанного на безграничном авторитете папства. Библия, переведенная с малопонятной латыни, а не церковные постановления, стала основой идеологических воззрений и веры. Только вера, личная вера каждого, могла служить основой религии; провозглашалась идея буржуазного равенства: люди равны, если они равно искренне верят в Бога. В Нидерландах, где религиозное движение охватило весь народ, Реформация, соединившись с движением национальным, окончательно восторжествовала над католицизмом. Под знаменем этого реформационного учения началась Нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг.

Выдающийся бельгийский поэт Эмиль Верхарн (1855—1916), тесно связанный с европейской и особенно французской культурой, оставался все же истинно национальным поэтом. Источником вдохновения, душой поэтического мира Верхарна была его родная Фландрия — люди, история и природа. В книге «Поэмы и легенды Фландрии и Брабанта» Э. Верхарн воссоздал героические страницы истории страны. В стихотворении «Пирушка гёзов» поэт дает удивительно яркую, выразительную картину событий эпохи Нидерландской революции XVI в.:

Филипп Испанский. Работа неизвестного художника. 1546 г.

*В те дни сомнение мятежное, глухое
Тревожило народ и королей покоя
Лишало; веры же гранитная стена —
Как молнией была расколота она.
Так из одной скалы рвались неумолимо,
Враждуя, два ключа: щитом латинским
Рима*

*Стоял Филипп Второй, князей
германских меч
Монаха Лютера поклялся оберечь.
За праздничным столом легко текла
беседа.
Пророчески одни вещали для соседа,
Как будто их речам внимала вся земля;*

*Другие, понося Филиппа-короля,
Насмешкой вольною его клеймили
зверство:*

*Костры дымящие, престолы изуверства,
Он воздвигал вокруг престола своего.
Христианином ли теперь считать его?
Безумья черного он сеятель — не мира,
А злая власть его, горящая порфира,
Все города, дворы, селенья захлестнет,
Чтоб наконец поджечь и самый
небосвод.*

ВОСПИТАННИК БРЮССЕЛЬСКОГО ДВОРА

Но вернемся к нашему герою — Вильгельму Оранскому. Игра случая привела в Нидерланды этого человека, которому суждено было сыграть столь решающую роль в судьбе страны. Старший сын графа Вильгельма I Нассау-Дилленбургского, он должен был вступить в управление немецкими владениями своего рода. Но, когда ему было 11 лет, внезапная гибель его кузена Рене Нассауского неожиданно изменила все. Рене, по завещанию дяди по материнской линии Филибера Шалонского, сделался в 1530 г. принцем Оранским, а после смерти своего отца в 1538 г. — самым крупным нидерландским вельможей. Он был статхаудером Голландии, Зеландии, Утрехта, Фрисландии и Гельдерна. Но в 1544 г. Рене был смертельно ранен при осаде Сен-Дизье. И так как у него не было детей, по завещанию обширные владения и титул

принца Оранского достались юному кузену Вильгельму, как ближайшему родственнику мужского пола.

Однако испанский король, во власти которого находились тогда Нидерланды, не желал допустить подобного семейного соглашения, не поставив некоторых условий, так как Вильгельм был лютеранином. В то время как его дядя сражался за императора, следовательно, за католическую веру, отец Вильгельма в 1530 г. принял протестантскую веру и воспитал в ней своих детей. Но перспектива блестящего будущего для сына заставила его согласиться на условия Карла V и отправить Вильгельма к брюссельскому двору, предоставив воспитывать его в католическом духе. Здесь наставником юного Вильгельма стал младший брат Антонио Гранвеллы, главного советника правительницы Нидерландов Маргариты Пармской. Мальчик вскоре хорошо усвоил обычаи, язык и взгляды бургундской знати.

Его ранний брак — в 18 лет — с дочерью знаменитого полководца Карла V Максимилиана д'Эгмонта, графа Бюрена, Анной окончательно сроднил его с Нидерландами и снижал ему особое расположение старого императора*. Карл V

* В период средневековья людей, связанных sentimentalной дружбой, называли «миньонами». Вильгельм был «миньоном» Карла V. — *Прим. сост.*

доверил ему в 1553 г. во время войны с Францией ответственный военный пост и в день своего отречения от престола появился перед Генеральными штатами, опираясь на руку все того же Вильгельма Оранского.

К моменту воцарения Филиппа II Вильгельму, родившемуся 24 апреля 1533 г., было всего 22 года, и он, как и другие представители высшей знати, участвовал в походах и, подобно многим, развлекался тем, что без счета тратил деньги, устраивал для своих друзей бесконечные пирушки. Его огромное богатство обеспечивало ему, несмотря на молодость, влияние, с которым мог конкурировать только граф Эгмонт. Но он никогда не кичился этим, был прост, любезен, радушен со всеми. От него никогда нельзя было услышать гневного или грубого слова, даже по отношению к слугам. Вместе с тем он был широко образованным человеком, говорил на семи языках, не считая французского, ставшего для него родным (известно, что все собственноручные черновики его писем написаны по-французски). Наконец, несмотря на непонятное прозвище Молчаливый, полученное им впоследствии, он обладал природным красноречием. К тому же отличался остротой ума и волей. При брюссельском дворе даже вошло в поговорку:

Вильгельм Оранский.
Художник А. Т. Кей

«Умен, как принц Оранский, и решителен, как граф Эгмонт». Если порой он и бывал медлителен в принятии решения, зато, однажды приняв его, был уже непоколебим. По свидетельству современников, он выделялся и веротерпимостью: был такой же католик, как затем лютеранин, а еще позднее кальвинист, без особого энтузиазма и одновременно без глубокой убежденности. Это был государственный деятель, рассматривавший религиозные вопросы скорее под углом политики, нежели веры. Если в 1561 г. он запретил исповедание протестантской веры в своем княжестве Оранском, то сделал это лишь для того, чтобы не допустить «нарушения обще-

Маргарита Пармская.
Художник Антонио Мора

ственного спокойствия», а отнюдь не потому, что считал это «оскорблением небесного и земного величества». Несомненно, позиция принца в религиозном вопросе вытекала из его политической позиции. Знатный вельможа, он не склонен был отказываться от привилегий, которыми пользовался по своему происхождению. Он гордо требовал свободы говорить и действовать без стеснений, так как был не только рыцарем Ордена Золотого Руна и провинциальным статхаудером, но и отпрыском княжеского рода, желавшим сохранить по отношению к Филиппу II такую же независимость, какой пользовались его родственники в Германии по отношению к императору.

И хотя он стал стопроцентным бургундцем, граф Нассауский не исчез в нем бесследно.

Вильгельм Оранский возглавил дворянскую оппозицию испанскому режиму, его ближайшими соратниками были граф Эгмонт и адмирал Горн. В 1565 г. они создали Союз дворян, или, как его еще называли, Компромисс. Требования Союза сводились к выводу испанских войск из Нидерландов, прекращению деятельности инквизиции и разрешению кальвинизма, увеличению налогов лишь с согласия Генеральных штатов. Эти требования дворяне предъявили наместнице Филиппа II в Нидерландах Маргарите Пармской.

Первым взрывом недовольства, испугавшим испанцев, было иконоборческое восстание, начавшееся в августе 1566 г. Оно вспыхнуло стихийно, в момент общего политического подъема, накала религиозных страстей и ослабления позиций правительства. Восстание в короткий срок охватило большую часть страны. Его острие было направлено против символов католической религии. Разгрому подверглись около 5 500 церквей. Истреблялись иконы, статуи святых, другие предметы католического культа.

Выступления иконоборцев в Амстердаме, Утрехте, Мидделбурге и в других городах

Восстание в Нидерландах против Филиппа II. Иконоборцы. 1566 г.
Гравюра Фр. Хогенберга

помимо городских низов привлекли на свою сторону и значительное число крестьян из окрестных селений.

Иконоборческие выступления, в короткий срок охватившие все провинции, обнаружили слабость наместницы Маргариты Пармской. Она пыталась разделить восставших, идя на уступки дворянству и даже кальвинистской верхушке, обещала прекратить деятельность инквизиции, дать амнистию и даже разрешить кальвинистские богослужения там, где они и так уже проходили регулярно. Дворяне, услышав это обещание, готовы были уже распустить

свой Союз. Наместнице удалось, таким образом, внести раскол в ряды оппозиции, а затем и расправиться с восставшими, подавив попытки кальвинистов организовать сопротивление.

Вильгельм Оранский и графы Эгмонт и Горн еще в 1563 г. обратились к королю с просьбой отозвать Гранвеллу. Филипп II внял просьбе нидерландцев и отозвал своего министра, но система политического и религиозного угнетения сохранялась. Когда в 1566 г. Вильгельм устроил в Дердермонде совещание с Эгмонтом, Горном и другими знатными гражданами для об-

суждения способов борьбы с угнетением, Эгмонт решил пойти на уступки и остался в Нидерландах. А Вильгельм в 1567 г. сложил с себя все звания и удалился вместе с семейством в родовое поместье в Нассау.

И тогда в Нидерланды вступил герцог Альба с испанскими и итальянскими войсками и начался настоящий католический террор. Герцог Альба решил навсегда покончить с крамолой и не брезговал никакими методами. По его приказу на главной площади Брюсселя в 1568 г. были казнены на плахе лидеры оппозиции — граф Эгмонт и адмирал Горн, пользовавшиеся большим авторитетом в народе.

Вильгельм Оранский и его брат Людвиг были вызваны в так называемый кровавый совет. Они не исполнили этого требования, и их осудили заочно. К этому времени Вильгельм открыто перешел в протестантизм и стал готовиться к борьбе при содействии многих протестантских государей Германии. Его братья Людвиг и Адольф разбили испанские войска в Гронингене, но Адольф погиб в бою. Вскоре после этого Альба сумел оттеснить Людвиг в Восточную Фрисландию и разбил его войска наголову.

Однако жестокая политика «кровавого герцога», как отныне стали называть герцога

Альбу, не запугала нидерландцев, а вызвала новый прилив ненависти к поработителям. Началась война за независимость страны.

МЯТЕЖНЫЙ ПРИНЦ

После казни Эгмонта и Горна освободительную борьбу возглавил принц Вильгельм Оранский. К весне 1568 г. на свои личные средства, а также пожертвования эмигрантов Вильгельм Оранский собрал 20-тысячное войско из немецких наемников, французских гугенотов и голландских эмигрантов-кальвинистов. Войско вторглось в Нидерланды с трех сторон. Но попытка не имела успеха, как и две последующие. Не наемники, а восставший народ обеспечил победу. Хорошо обученным и экипированным карателям герцога Альбы противостоял вооруженный ненавистью народ Нидерландов.

В борьбе с ненавистными карательными отрядами герцога Альбы хорошо показали себя отряды морских и лесных гёзов. Вильгельм Оранский всячески их поддерживал, и гёзы отвечали ему тем же. К примеру, треть добытых у испанцев средств они передавали Вильгельму для набора новых солдат.

Стремясь подавить революционное движение в Нидерландах, Испания добилась

того, что Англия объявила для восставших Нидерландов о закрытии всех морских портов на ее территории 1 апреля 1568 г. 22 корабля морских гёзов покинули Англию. Шторм вынудил их подойти к берегам своей страны. Неожиданно для самих гёзов испанцы вдруг решили, что это тщательно спланированная военная операция, и в панике бежали из приморского городка Брилле, оставив укрепленный бастион и оружие и, конечно же, ликующих горожан. Имя гёза, который первым ступил на городскую землю, было решено увековечить. Одну из улиц, так она называется и сегодня, назвали Коппелстраат.

После Брилле и другие города начали изгонять испанские гарнизоны и переходить на сторону Оранского, объявив его верховным управителем. Первыми освободились от испанского ига Голландия и Зеландия, две самые северные нидерландские области. Теперь Вильгельм Оранский ясно видел, что настало время двинуть войска к сухопутной границе в Нидерланды. Но, несмотря на все пожертвования, средств для найма большой армии не хватало. И тогда он решил обратиться с воззванием ко всем нидерландским городам. Вот что писал он: «Пусть не будет золото, как ни мало его у вас, так дорого вам, чтобы ради него вы по-

жертвовали вашей жизнью, вашими женами, вашими детьми и всем вашим потомством до позднейших поколений; не примите на себя греха и стыда и не навлеките гибели на нас, которые всем сердцем старались помочь вам; подумайте, какое презрение вы внушаете другим народам, какое преступление вы совершите перед Господом Богом, какое кровавое иго наложите на самих себя и на своих детей, если теперь не захотите помочь нам собрать войско. А с другой стороны, какие выгоды доставите своему отечеству, если поможете нам избавить его от испанских волков и коршунов!»

Письма Оранского производили такое сильное впечатление на жителей городов и селений, что Альба писал Филиппу II: «Я почти схожу с ума, когда вижу, с каким трудом платятся подати Вашему Величеству и с какой щедростью народ отдает свою жизнь и имущество в распоряжение этого мятежника».

Вильгельм Оранский собрал войско, намереваясь прежде всего освободить своего брата Людвига, посаженно-го Альбой в Монсе, а сам уехал морем в освободившуюся уже от испанского владычества Голландию. Население этой провинции радостно приветствовало его.

Однако и вторая попытка овладеть Нидерландами с

Герцог Альба. Художник Антонио Мора

суши также окончилась неудачей. Альба разбил армию принца, и сам Людвиг едва успел спастись.

Вильгельм снова был вынужден отступить к берегам

Рейна и распустить свои войска. В июле 1572 г. собравшиеся в Дордрехте государственные чины вверили ему статхаудерство с чрезвычайными полномочиями, которыми он дол-

жен был пользоваться от имени короля Филиппа II. Вскоре и другие провинции признали Вильгельма статхаудером.

Несмотря на победы, одержанные Альбой над войсками принца Оранского, дела испанского карателя были плохи: провинции отказывали ему в уплате податей и одна за другой переходили на сторону Оранского. Наконец, после восьмилетнего управления герцог Альба был отозван королем в Испанию. Преемник герцога Альбы Л. Рекесенс в 1574 г. разбил братьев Вильгельма при Мокергейде, близ Нимвегена, оба они были убиты в этом сражении.

В начале революции, когда народ восстал против Испании, принца Оранского приветствовали повсюду как «отца народа». Но начавшиеся вскоре раздоры между протестантами и католиками оказались пагубны для него. Стремясь всеми силами примирить обе партии, он стал подозрителен и той, и другой. Умеренность и веротерпимость Вильгельма Оранского привели к тому, что он стал «мишенью, на которую все направляли стрелы недоброжелательства». Очень сложны были отношения Вильгельма с Генеральными штатами нидерландских провинций, которые хотя и бездействовали, но не желали отдавать власть в руки Вильгельма Оранского.

Генеральные штаты, состоявшие в основном из представителей Брабанта, да еще многих депутатов Фландрии, Турне и Турнези, официально не порвали ни с католической церковью, ни с королем. Они не мешали кальвинистам захватывать города, нарушая религиозный мир, не запрещали и католическое богослужение; они не повиновались больше Филиппу II и перестали его признавать «неограниченным государем», но и не оспаривали его титула «законного государя». Генеральные штаты придерживались по-прежнему средневекового представления о государственном дуализме, различая права страны и права государя. У них не было сомнений, что их сопротивление законно, но они признавали также законность наследственного права. Как бы ни была тяжела вина Филиппа II перед ними, традиционное уважение к королевской династии ставило его выше их нападков. В этой сложной ситуации принцу Оранскому необходимо было занять более жесткую позицию и отказываться от политики нейтралитета, занятой им со времени триумфального вступления в Брюссель. Он стал теперь открытым протестантом, посещал протестантские богослужения и крестил свою дочь по евангелическому обряду. Он всегда был сторонником веротерпимости, но

отныне уже не говорил о религиозном мире с католиками.

РАЗРЫВ С ФИЛИППОМ

Порывая с ними окончательно, Вильгельм Оранский неминуемо должен был порвать и с Филиппом II. Впрочем, сам король позаботился об ускорении развязки. В выпущенном им по совету Гранвеллы указе от 15 июля 1580 г. он называл принца Оранского «единственным главарем, зачинщиком и подстрекателем к беспорядкам и главным мятежником всего нашего государства». Именно этот «несчастный лицемер» вместе со своими единомышленниками совершил народ, говорилось в указе, из-за его пребывания здесь провинции лишились «навсегда мира, отдыха и покоя». Поэтому, опираясь на свои права «абсолютного и верховного государя», Филипп II объявил его «изменником и злодеем, нашим врагом и врагом страны... врагом всего человеческого рода». Наконец, он обещал «своим словом короля и слуги Божиего» выдать вознаграждение — 25 тыс. золотых эку — и пожаловать дворянское звание тому, кто «окажется столь благороден сердцем и столь ревностным слугой нашим и нашего общественного блага», чтобы «покончить с этим негодяем,

доставив нам его живым или мертвым или лишив его жизни».

На этот призыв к убийству принц Оранский ответил своей «Апологией» — пожалуй, самым ярким и талантливым памфлетом XVI в. «Апология» создана в виде письма к Генеральным штатам. Вильгельм сначала поздравляет себя с той ненавистью, которую заслужил у испанцев преданностью своей родине, затем напоминает о своих предках, которые были преданными слугами династии и которым король, натравливающий теперь на него убийц, немало обязан. Он обвинил Филиппа в тяжких преступлениях, таких как вероломство, разврат, кровосмешение и убийство дона Карлоса. Он же, Вильгельм, думает лишь об общественном благе и торжестве истинной веры. Чтобы добиться этого, он пожертвовал всем, что у него было дорогого: свободой старшего сына, сосланного герцогом Альбой в Испанию, жизнью своих братьев, которые пали, сражаясь за родину. Готов умереть и сам Вильгельм: «Если вы считаете, что вам нужны мое изгнание или даже моя смерть, то я готов повиноваться вам: прикажите, пошлите меня на край света, и я охотно послушаюсь вас. Вот моя голова, над которой не властен ни один государь, ни один монарх, а только вы один».

«Апология» проникнута революционным духом, что придает ей характер политического манифеста. Заменяя власть короля верховной властью народа, принц Оранский отвергал законность власти, которую ему хотели навязать против воли. Будучи поставлен вне закона, он объявил вне закона своего врага, в ответ на угрозу готовил государственный переворот.

Однако Генеральные штаты все еще не могли решиться поддержать его в этом. Поблагодарив принца Оранского за услуги и признав его невиновным во всех приписывавшихся ему преступлениях, они подтвердили, что принц взял на себя управление делами лишь по их настоянию, гарантировали ему свою помощь и свое повиновение и предлагали для охраны его личности «отряд конницы». Но ни в коем случае не хотели задеть особу короля и поставить под вопрос законность его власти.

Следующим важным этапом было принятие так называемого «Гентского умиротворения» (8 ноября 1576 г.), по которому почти все нидерландские провинции, как с католическим, так и с протестантским населением, обязывались содействовать изгнанию иноземного войска и соблюдать взаимную веротерпимость. Вильгельм Оранский был избран также статхаудером Брабанта.

В 1579 г. между провинциями Голландией, Утрехтом, Зеландией, Гельдерном и Гронингеном была заключена Утрехтская уния, к которой присоединились также Фрисландия и другие провинции, что и положило начало Нидерландской республике семи соединенных провинций.

Итак, указ Филиппа II от 15 июля 1580 г. фактически развязывал руки убийце Вильгельма Оранского, ибо объявлял мятежного принца вне закона. Папа римский объявил, что убийце Оранского будут прощены все грехи.

Тогда и начались покушения на жизнь Вильгельма. После одного из них он чуть не умер, получив глубокую рану в голову. Несмотря на это, продолжал жить по-прежнему, принимая у себя в доме каждого, кто хотел его видеть.

В исторических сочинениях, посвященных Вильгельму Оранскому, сведения о его личной жизни довольно скудны. Известно лишь, что он был женат четыре раза. Первой его женой была, как уже известно читателю, Анна Эгмонт (1533—1558). Но она рано умерла, успев произвести на свет двух детей: сына и дочь. Во второй раз Вильгельм Оранский женился на Анне Саксонской (1544—1577), от которой у него было трое детей — дочери и сын. Анна

Саксонская умерла в 33 года. Третьей женой Вильгельма стала Шарлотта де Бурбон (1546—1582). От этого брака родилось шесть дочерей. Шарлотта де Бурбон скончалась в возрасте 36 лет. Последней, четвертой, женой принца стала Луиза Колиньи (1555—1620), дочь адмирала Колиньи и вдова князя де Телиньи. Их сын появился на свет уже после гибели принца Оранского.

УБИЙСТВО ВИЛЬГЕЛЬМА ОРАНСКОГО

Убийца Вильгельма Оранского Балтазар Жерар родился во Франции. Он поступил на службу к принцу под именем Франца Гюйона и сумел втереться к нему в доверие, демонстративно подчеркивая приверженность к протестантизму и ярую ненависть к католикам. Он регулярно посещал молитвенные собрания, его почти никогда не видели без Псалтыря или Нового Завета в руках. Одним словом, все были обмануты его лицемерием. По одной из версий, 10 июля 1584 г. убийца проник в дом Вильгельма в Делфте и, спрятавшись в нише, выжидал. Когда принц проходил мимо, Балтазар выстрелил ему в живот отравленными пулями. Принц упал, а когда его подняли и положи-

ли на диван, успел сказать: «О Боже! Умилосердись над этим бедным народом!», — и тотчас же умер.

Убийца был сразу арестован. Он потребовал перо и бумагу, чтобы объяснить мотивы своего преступления. Балтазар заявил, что в течение шести лет вынашивал замысел убийства Вильгельма Оранского, главы восставших еретиков. Он решил на это, чтобы искупить его грехи и заслужить вечную славу. Если принц останется жив, закончил он, то начатое им дело будет продолжено — он выполнит свой долг до конца, даже если подвергнется невыносимым пыткам.

После допроса убийце вынесли смертный приговор. Казнь была мучительной: сначала ему сожгли правую руку раскаленным железом, затем вырвали сердце, тело разрубили на 24 части и, наконец, отрубили голову.

14 июля 1584 г. преступник был казнен, но испанский король щедро наградил его семью, отдав ей поместья принца Оранского, находившиеся во власти Филиппа. Все родственники Балтазара были возведены в дворянство, а поместья освобождены от налогов.

Так закончилась жизнь Вильгельма Оранского, мудрого правителя Нидерландов и защитника народа.

МАРИЯ СТЮАРТ И ЕЛИЗАВЕТА ТЮДОР

Не горюйте о моей кончине, радуйтесь моему
избавлению,
Смерть убила не меня, а мои беды;
Бутон раскрылся, и расцвела роза,
Цепи распались, и пленница обрела свободу.

*Роберт Саутелл, английский поэт XVI века
о конце Марии Стюарт Шотландской*

Мария Стюарт бежала из Шотландии, после того как ее сместили там с престола, и жизнь королевы повисла на волоске. Полагаясь на обещания английской королевы Елизаветы I, Мария рассчитывала найти у нее надежное убежище и помощь в возвращении короны. На деле шотландская королева в течение почти двух десятилетий томилась в неволе, окончив существование на плахе по указу той, в ком видела прежде спасительницу.

Историки, обращаясь к обстоятельствам гибели Марии Стюарт, расходятся в суждениях как о ее виновности, так и о правомерности действия Елизаветы I.

Интерес исследователей к судьбе Марии Стюарт обусловлен также неординарностью ее личности и характера,

объясняющих многое в драматической истории этой женщины.

КОРОЛЕВА ШОТЛАНДИИ

Династические браки в интересах «большой политики» — традиция, не раз вязавшая не только семейные узлы, но и смертные узлы. В этом смысле яркий пример — жизнь и судьба Марии Стюарт. Она являлась правнучкой английского короля Генриха VII, выдавшего старшую дочь Маргарет за шотландского монарха Якова IV в расчете на мирное присоединение Шотландии к своему королевству. Силой покорить шотландцев не удавалось. Сын Маргарет стал королем Яковом V, вторая супруга которого Мария Гиз 7 декабря 1542 г. родила

Мария де Гиз, мать Марии Стюарт.
Художник Корнель де Лион

дочь, названную также Марией. Ее отец умер 14 декабря того же года. И с помощью династических браков английским монархам не удалось прирастить владения на севере Британских островов.

Напомним, что у Генриха VIII были две дочери — Мария и Елизавета, но обе объявлены незаконнорожденными из-за возникших у короля проблем с первой супругой Екатериной Арагонской — матерью Марии Тюдор, а затем со второй — Анной Болейн — матерью Елизаветы.

Незадолго до смерти Генрих VIII восстановил Марию и Елизавету в правах престолонаследия, но подросшая

Елизавета знала, что католики крайне неприязненно относятся к перспективе ее вступления на трон. Ее мать Анна Болейн была протестанткой.

В течение шести лет после смерти Генриха VIII на престоле находился малолетний Эдуард VI, а после его кончины пять лет царствовала Мария Тюдор. Елизавета вступила на престол в ноябре 1558 г. Поскольку, в отличие от яркой католички, какой являлась первая дочь Генриха VIII, Елизавета исповедовала протестантскую веру, ей приходилось опасаться сторонников католицизма. А Мария Стюарт, которой в тот год исполнилось 16 лет, была правоверной католичкой и уже в течение десяти лет находилась при дворе французского короля Генриха II, куда отправила ее мать, опасаясь за жизнь девочки в Шотландии.

Генрих II преподнес Елизавете, вступившей на трон, своеобразный «подарок»: провозгласил Марию Стюарт королевой одновременно Шотландии, Англии и Ирландии! Поначалу в Лондоне этому значению не придали, поскольку речь шла об очень юной особе, к тому же всегда поступавшей, как велел муж Франциск — также едва достигший совершеннолетия сын Генриха II и Екатерины Медичи.

Недолгое время после смерти в июле 1559 г. Генриха II

Франциск занимал трон при властолюбивой Екатерине Медичи, но скончался в декабре 1560 г. В июне того же года не стало Марии де Гиз. И теперь ее дочери предстояло принимать решение жизненной важности: оставаться во Франции или возвращаться в Шотландию?

Имея рядом с собой изощренную в интриганстве Екатерину Медичи, Мария многое познала в этом «искусстве», хотя коварство не было в ее крови. Однако, став юной вдовой (муж, как считается, оставил ее девичество нетронутым), она быстро обрела способность к самостоятельным суждениям и шагам. Недолго раздумывая, Мария приняла решение о возвращении в Шотландию.

Первые испытания начались еще на пути в Шотландию. Елизавета, не стесняясь в выражениях, разрешала ей проследовать по суше через Англию лишь при условии: Мария должна одобрить подписанный немногим ранее Эдинбургский договор о мире между Англией и Шотландией, предусматривавший прекращение военного союза между Шотландией и Францией.

Мария сочла такое требование неприемлемым. В ответ ее известили, что на море английская сторона не гарантирует ей безопасности. Угроза не подействовала. В середи-

Мария Стюарт. Работа неизвестного художника

не августа 1561 г. она отплыла из Франции, несмотря на разбушевавшуюся морскую стихию. На ее глазах в порту пошел ко дну баркас с людьми: дурной знак! Все же к берегам Шотландии она приплыла благополучно.

И здесь сразу же Мария Стюарт столкнулась с пламенным проповедником антикатолического верования — пресвитерианства Джоном Ноксом, хулившим и проклинаящим ее. Но она не платила ему той же монетой. Учитывая, что в 1562 г. пресвитерианство было объявлено государственной религией, Мария

Лорд Генри Дарнли в возрасте 17 лет и его брат Чарлз. Художник Ганс Эворт

во многом пошла навстречу ее приверженцам, часто встречалась и беседовала с Ноксом. Умерить его враждебность ей не удалось, но восстановить против себя многих подданных — увы! — она сумела.

Неудачей закончилась и попытка договориться с Елизаветой I о престолонаследии в Англии. В посланиях в Лондон из Эдинбурга указывалось на крайнюю необходимость компромисса. Единственное, чего добивалась Мария от Елизаветы, — признания ее «кровных прав» на английский трон, когда возникнет проблема наследования престола. Разумная постановка вопроса. Так же как и просьба Марии о личной встрече двух

королев для откровенного обсуждения спорных проблем. Мария Стюарт готова была ратифицировать Эдинбургский договор при условии, что Елизавета признает законными ее права наследницы трона.

Однако проблемы так и остались нерешенными, а свидание двух королев — несостоявшимся, кстати, по вине Елизаветы. И логика развития событий неотвратимо толкала правительниц к краю пропасти — борьбе не на жизнь, а на смерть.

Важным показателем для Елизаветы должна была стать позиция Марии в отношении вторичного супружества. В Лондоне требовали, чтобы Мария не связывала свою судьбу с принцем Габсбургской династии. Такая позиция не помешала, однако, впоследствии Елизавете вести переговоры с Веной о браке с одним из Габсбургов.

Бестактность она допустила, предложив Марии в качестве супруга своего фаворита лорда Роберта Дадли.

И тут наступил предел терпению Марии — она сделала наименее желательный для Елизаветы выбор, выйдя за молодого красавчика, внука Маргарет Тюдор, Генри Дарнли, занимавшего в линии престолонаследия место сразу после нее. Это еще сильнее разгневало Елизавету.

Ударом для английской ко-

ролевы явилась весть о рождении у Марии в июне 1566 г. сына, названного Яковом. Елизавета так и не вышла замуж и отозвалась на материнство Марии такой фразой о себе: «Сухая смоковница!»

Увы, жизни Марии не приходилось завидовать: первоначальное увлечение Дарнли сменилось жгучей ненавистью к нему, после того как он и его подручные зверски расправились с итальянцем Риччо, секретарем королевы. Даже если он вправду был любовником королевы, насилие оправдать невозможно. Мария поклялась отомстить мужу. Ее орудием стал Джеймс Босуэлл — под его командованием королевские силы подавили восстание протестантов, недовольных сделанными Марией уступками.

9 февраля 1567 г. месть Марии свершилась, и какая: муж был убит Босуэллом! Минуло три месяца и шесть дней — и Мария соединилась с Босуэллом, обставив дело таким образом, будто он организовал ее похищение и насильно овладел ею, и королеве ничего не оставалось, как обвенчаться с ним. Фантастический сценарий, но Мария полагала, что все в конце концов обойдется. Расчет оправдался лишь в той мере, что заподозренного в умерщвлении Дарнли Босуэлла суд оправдал «за отсутствием улик». Но все шотландцы — без различия веро-

Джеймс Хепберн, граф Босуэлл. Работа неизвестного художника

ваний — были потрясены. Мало кто сомневался, что третьим мужем Марии стал человек, убивший предыдущего. Волна возмущения породила у верхов надежду на возможность овладения рычагами власти. Лорды выступили с оружием против запятнанной кровью королевы. Был взят Эдинбург, другие важные пункты в стране.

Босуэлл спешно собирал силы, чтобы удержать Марию на троне. Но преимущество было на стороне противников королевы. Они предложили Марии сдаться, обещая Босуэллу и его сторонникам сво-

бодный проход, куда те пожелают. Спротивляться было бесполезно, и Босуэлл уговорил Марию сдаться. Они распрощались в виду выстроившихся друг против друга войск.

По пути в Эдинбург королеву преследовали возгласы: «Сжечь потаскуху!», «Убить ее!», «Утопить!». Вид рыдающей Марии не успокоил толпу. И только тогда она осознала, что совершила. Ранее в порыве страсти она, видимо, не отдавала себе отчета, что публичной связью с Босуэллом выносит себе как королеве неумолимый приговор.

В Эдинбурге Марию поместили не во дворце, а в помещении, где не было даже зеркала, а кровать годилась лишь для непривыкшего к комфорту солдата. В спальне находилась стража, отказавшаяся оставить ее во время смены одежды, — таковы были инструкции. Утром следующего дня она кинулась к окну и, растворив его, стала кричать прохожим, что ее обманули и она является пленницей. Собралась толпа. Вид Марии был ужасен. Растрепанные волосы, едва брошенное платье, обнажавшее грудь, посеревшее лицо.

Еще через день она была доставлена на озеро Лохлевен в замок-крепость под внушительной охраной. 20 июня у слуги Босуэлла был изъят серебряный ларец с письмами

Марии. Адресатом их был Босуэлл. Содержание писем указывало на причастность Марии к убийству Дарнли, хотя говорилось об этом не прямо, а намеками. Во всяком случае факт ее любовной связи с Босуэллом еще до венчания сомнению не подлежал.

Заполучив эти компрометирующие материалы, правители страны потребовали от Марии отречения от трона в пользу малолетнего сына. Было дано обещание не предавать огласке содержание захваченных писем. Мария поставила подпись под актом отречения.

Заключение на Лохлеvene длилось 11 месяцев, пока увлекшийся пленницей 18-летний Уилли Дуглас, один из надзиравших за Марией, не помог ей бежать. У нее еще оставались верные силы, образовавшие шеститысячный контингент и выступившие в ее защиту. Однако в окрестностях Глазго 13 мая 1568 г. войска лорда Моррея разбили силы Марии Стюарт. В течение трех дней, двигаясь к рубежам Англии, Мария спала на голой земле, питалась овсом, пила болотную воду. 16 мая она достигла селения Уоркингтон в графстве Камберленд на крайнем северо-западе Англии. Свободна?..

Не совсем. Лишь местные лорды-католики оказали ей знаки глубокого уважения. Посланцы из Лондона, от королевы, были сдержаннее.

Но стоило ли придавать этому большое значение? Ведь Елизавета во время ее неволи на Лохлене пыталась добиться ее освобождения, дав знать, что Мария может рассчитывать на защиту, и в знак доброй воли тайно переправила ей кольцо со своей руки.

ПЛЕННИЦА ЕЛИЗАВЕТЫ

15 июля Марии была предоставлена резиденция в замке Болтон на севере графства Йоркшир, вблизи границ с Шотландией. Условия содержания были приличными, но назвать это «свободой» было трудно.

Тем временем лорды в Эдинбурге пустили в ход припасенное оружие — «серебряный ларец». Содержание писем было доведено до сведения Елизаветы I, дабы «открыть ей глаза — кого приютила».

Не исключено, что часть материалов подверглась «корректировке», чтобы выставить Марию прямой соучастницей расправы с Дарнли, — тем более что письма Марии переводили с французского на шотландский, а затем на английский. Истина канула в вечность, так как все бумаги из «серебряного ларца» исчезли бесследно в 1584 г.

В конце октября 1568 г. на созванном Елизаветой трибунале началось рассмотрение

дела об убийстве Дарнли, продолжавшееся до середины января следующего года. В итоге было вынесено соломоново решение: действия лорда Морея и его сторонников против Марии были признаны законными, тогда как ее вину в расправе над мужем предлагалось считать недоказанной.

С Мореем вскоре разделились в самой Шотландии руками наемных убийц, к радости Марии, единственной в то время — плохие условия содержания в замке Тетбери в Стаффордшире, наихудшем из всех отводившихся ей «резиденций», омрачали ее существование. Внутри замка было сыро, а здоровье изгнанницы и без того пошатнулось. Неудивительно, что она ухватилась за возможность освобождения с помощью герцога Норфолка. Ни она не виделась с ним, ни он с ней, но это не имело большого значения, поскольку для герцога-католика из древнего рода, близкого к правившим в стране династиям, важно было, как он полагал, увеличить свои шансы на престол браком с Марией. Считая, что Елизавета в курсе шагов Норфолка и одобряет их, Мария не скрывала свои брачные планы.

Прослышав о контактах герцога с Марией, Елизавета отправила его в Тауэр, а затем, когда стало известно о его замыслах осуществить высадку испанцев в Англии, что-

Мария Стюарт. Художник Жан Декур

бы привлечь их к устранению Елизаветы с престола, — Норфолк был казнен.

Отношения между Марией и Елизаветой все более ухудшались. Поднявшиеся на восстание в 1569 г. католические кланы на севере Англии придавали большое значение освобождению королевы. Елизавета жестоко подавила волнения.

Между тем английская королева подумывала о том, чтобы совсем покончить с Марией, но так, чтобы не запачкать кровью собственные руки. Она дала знать в Эдинбург, что готова выслать Марию из пределов Англии. В ответ шотландцы попросили прислать английские войска. Они необходимы на случай волнений, если решено будет казнить свергнутую королеву. Елизавета разумно воздержалась от такого шага. Мария продолжала томиться за крепостными стенами. Но теперь это была как бы другая женщина, имевшая мало общего с той, что служила украшением французского двора и объектом обожания подданных на шотландской земле. В те далекие времена один из придворных поэтов в Париже так отзывался о ней: «Она — Елена — по красоте, Лукреция — по чистоте, Церера — по щедрости, Юнона — по неотразимости...»

Самой отличительной чертой характера Марии являлась

Королева Елизавета I.
Художник Г. Гоувер. Около 1588 г.

способность к решительным действиям без оглядки на последствия — так что вполне можно говорить о ее импульсивности, подвластности страстям, что сыграло столь роковую роль в ее замужестве с Босуэллом.

Замкнутая в четырех стенах, имея рядом небольшую свиту, коротая часы за вышиванием, она становилась все инертнее в отношении к жизни, окружающей действительности. В написанных ею поэтических строках — а она с юности слагала стихи — звучит идея, позволившая ей безбоязненно и даже с радостью

взойти на эшафот: упование на Бога, на спасение души, размышления о путях искупления греховности для обретения благодати на Небесах.

Однако Мария Стюарт не смирилась до конца со своей участью. Еще в октябре 1568 г., вскоре после появления на английской земле, она заявила посетившим ее посланцам Елизаветы, что считает себя персоной, неподотчетной английской юрисдикции, являясь, по существу, иностранкой, и потому не видит никаких оснований быть насильно удерживаемой английскими властями и вправе добиваться своего освобождения «любыми средствами, находящимися в ее распоряжении».

Подобные нормы мог бы сформулировать опытный правовед. Между тем в глазах Елизаветы I и ее окружения формулировка о «любых средствах» вызволения приравнивалась к «государственной измене» — понятие слишком общее, широкое, чтобы на таком основании казнить Марию. Надо было конкретизировать предъявленные ей обвинения, то есть найти в ее словах и поступках злой умысел против королевы Англии.

«ЗАГОВОР БАБИНГТОНА»

На самом деле не Мария подталкивала кого-либо из своих сообщников на подоб-

ное злодейство, а ее саму намеренно, расчетливо вели к тому, чтобы она перед Елизаветой и внешним миром предстала вдохновительницей физической расправы с английской королевой.

Фактически коварными заговорщиками выступали те, кто стремился во что бы то ни стало добиться расправы над Марией. Такой «труд» взял на себя сэр Френсиз Уолсингем, ближайший советник королевы, государственный секретарь, сосредоточивший в своих руках управление разведывательными службами. Это позволило ему в короткое время сплести сеть агентуры в рядах заговорщиков, планировавших операцию по освобождению Марии из заточения. В эту сеть попали участники так называемого «заговора Бабингтона» — католика из состоятельного английского семейства. У него и других участников было больше юношеского задора, энтузиазма, горячности, нежели осмотрительности в осуществлении своих планов. Неудивительно, что почти сразу заговорщики попали в заготовленную Уолсингемом ловушку, — все, что они обсуждали, немедленно становилось известным советнику Елизаветы, а затем и ей самой.

Этого мало. Заговором практически руководил Уолсингем, стремившийся добыть или сфабриковать улики о на-

мерении Марии Стюарт закончить с Елизаветой. Важно было положить такие материалы на стол королевы, все еще колебавшейся в принятии решения. Известно, что Елизавета имела копии тайных посланий Марии на континент с просьбами о вооруженном вмешательстве и освобождении ее. Известно, что парламент требовал расправы над «змеей, пригретой на груди Британии». И все же королева Елизавета колебалась...

Бабингтон и его помощники больше стремились не к насильственным действиям в отношении Елизаветы, а разрабатывали меры по спасению Марии.

В канцелярии Уолсингема к подлиннику одного из посланий Марии Бабингтону была добавлена приписка с целью доказать заинтересованность Марии Стюарт в убийстве английской королевы. В этой фальшивке ставились от имени Марии вопросы о деталях такого плана.

Заполучив необходимые «доказательства», Уолсингем сразу же представил их королеве. Но и тогда она не решилась вынести смертный приговор пленнице, а созвала судебную коллегия, вызвавшую Марию в качестве обвиняемой. Попытки уклониться от дачи показаний судьям, не имевшим права что-либо инкриминировать иностранке, были тщетными. И ей пришлось выс-

лушать обвинения, основанные в том числе и на признаниях Бабингтона и его сообщников. У них не хватило мужества умереть, не выдав Марию.

Еще до суда Мария Стюарт была переведена в замок Фотерингей под строжайший надзор. 15 октября 1586 г. она предстала перед сановными судьями. В зал ее ввели под руки, потому что она страдала от ревматизма. Лорд-канцлер Бромли предьявил ей обвинения в заговоре с целью смещения с трона Елизаветы I. Она категорически это отрицала, признавшись, что добивалась лишь своего освобождения — не более. Ведь Мария искала в Англии убежище, а нашла плен.

В качестве доказательств ее вины судьи представили переписку Марии с Бабингтоном. Причем все бумаги были в копиях, иначе она установила бы, что к одному из посланий добавлена фальшивка.

На следующий день в работе суда был устроен перерыв. 25 октября рассмотрение дела было возобновлено в Звездной палате в Лондоне, но уже без Марии. Она осталась в Фотерингее. К тому времени у королевы лежало обращение двух палат парламента, призывавшее ее не медлить с вынесением смертного приговора «изменнице». Не дожидаясь ответа Елизаветы, Звездная палата вынесла решение о казни Марии.

Сама она не тешила себя иллюзиями и опасалась лишь, что ей не дадут возможности проститься с жизнью согласно католическому обряду. 12 января 1587 г. в письме королеве она писала, что смерть ее не страшит, но она хочет кончить жизнь как верная католичка. Главный надзиратель замка Амиас Полé отказался пересылать письмо в Лондон, и это расстроило Марию. 20 января — новый удар: от нее отстранили духовника-француза и еще нескольких близких к ней людей, оставив лишь врача Бургойна.

Что сие значит? Тайную расправу? В бессонные ночи Марии является призрак убитого Дарнли.

КАЗНЬ

29 января за полночь небо над большей частью Англии осветилось сполохами падающей кометы. По этому поводу У. Шекспир устами супруги Юлия Цезаря в одноименной драме произнес:

*«В день смерти нищих не горят кометы.
Лишь смерть царей огнем вещает небо...»*

Елизавета послала за сановником У. Дэвисоном. И он принес ей бумаги на подпись. В числе других подпись королевы была поставлена и под смертным приговором Марии Стюарт. Притом королева зая-

вила Дэвисону, что казнь Марии не должна быть публичной и что она надеется на Уолсингема, который предпримет необходимые действия, чтобы «снять с нее бремя того, что касается участи Марии».

Услышав от Дэвисона о желании королевы, высшие сановники сообщили об этом управителю Фотерингея, предлагая взять на себя тяжелую миссию. Весть привела Полé в негодование, и он написал в Лондон, что Господь возбраняет ему подобное насилие, несовместимое с совестью.

И тогда Уолсингем и другие министры решили действовать, направив в Фотерингей комиссию в составе графов Кента и Шрюсбери, а также позаботившись о найме за десять фунтов стерлингов палача.

В субботу 4 февраля врач Бургойн навестил Полé и осведомился, будет ли ему позволено собрать в окрестностях замка травы для Марии — средство от ревматизма. Полé обещал дать ответ в понедельник. А в воскресенье Мария узнала о прибытии комиссии из Лондона и поняла — смертный час близок. Врачу было сказано, что травы не понадобятся.

В понедельник с появлением в замке Кента и Шрюсбери всем его обитателям стало ясно, что предстоит.

После обеда к Марии явились эмиссары Лондона и сообщили, что виновность ее установлена. Был зачитан указ о казни, скрепленный восковой Большой печатью.

Снаружи смеркалось, но свечи еще не зажигались. В сумраке прозвучал голос Марии:

— Благодарю за желанную весть. Вы окажете мне великую услугу, удалив из этого мира. Нет ничего желаннее, чем пролить кровь во имя католической церкви. — И с этими словами Мария положила руку на Евангелие. Ее голос окреп, она заявила о невинности в приписываемых ей преступлениях.

Указав на Евангелие, граф Кент заметил, что ее клятва мало что значит, поскольку дается на католическом варианте Библии.

Мария усмехнулась:

— Что ж, милорды, неужели вы поверите мне больше, если я буду клясться на переводной книге, к которой у меня нет доверия?

А граф Кент, делая вид, будто не замечает подобной реакции, продолжал:

— Живи вы дальше — это было бы концом нашей религии, но ваша смерть ее сохранит!

Вот и появилась основная причина! Нельзя было яснее признаться, что сановники-протестанты, решая судьбу Марии Стюарт, руководство-

вались религиозными мотивами. Королева ухватила суть сказанного, и это преисполнило ее радостью: она кладет свою жизнь на алтарь Веры!

А в замке, за пределами покоев Марии, царил переполох. Утешая свою бессменную служанку Джейн Кеннеди, Мария говорила:

— Видишь, Джейн, ведь я предсказывала, что именно грядет. Я знала, что мне не дадут жить, слишком большой помехой была я и моя Вера, и ты должна радоваться вместе со мной...

До двух часов ночи смертица занималась распределением вещей для раздачи прощальных даров. Сон не шел к ней. У ее ложа сгрудились одетые в траурное слуги. Из темноты доносился стук молотков — сооружался эшафот. Мария бодрствовала в постели, слуги видели иногда печальную улыбку на ее лице.

В шесть часов она поднялась. Было еще темно, лишь на горизонте занималась полоска света, и Марии казалось, что это — предвестник неземной благодати. День обещал быть погожим. Вещи были розданы. С женщинами она обнялась, мужчины целовали ей руку. К тому времени над замком взошло солнце. Встретить это свежее, почти весеннее утро Марии не было суждено.

Между восемью и девятью часами к ней постучали:

— Лорды ждут вас в холле!

Она попросила несколько минут отсрочки — закончить молитвы. Когда шериф графства Нортгемптоншир вошел в ее покои, то увидел распростертую на полу перед Распятием женщину.

То же Распятие нес ее паж, когда она шла к холлу. Слуги пытались прорваться в зал. Особенно настойчив был Мелвилль — единственный придворный из ее свиты, допущенный в замок.

— Мадам, — обратился он к Марии, — какую горестную весть мне предстоит возвестить свету!

— Вы должны чувствовать отраду, а не лить слезы, — ответствовала Мария, — мои беды и несчастья подходят к концу, да и мир, который я покидаю, — мир суеты, тщеславия и печалей. Донесите это мое послание, передайте моим друзьям, что я умерла верной своей религии — так же как и верной шотландкой, и верной француженкой...

Открылись двери зала, и Мария увидела стоявших под сводами замка жителей окрестных селений. Их было около трехсот человек. Осужденная появилась с молитвенником в руках, с четками, во всем черном. На шее Марии — ожерелье с восковой ладанкой, на ней изображение ягненка: реликвия, освященная папой в Риме.

На эшафот вели три сту-

пеньки. Одни полагали, что для нее это ступеньки в рай, другие — в ад. И добра и прегрешений у этой женщины хватало.

Спокойствие изменило Марии, когда священник-протестант предложил ей совершить службу по канонам его церкви. Она энергично протестует, но ее не слушают. Духовник опускается на колени на ступеньках эшафота и начинает обряд. Мария отворачивается от него и произносит молитву сперва на латинском, а потом на английском языке. Ее молитва — за процветание католической церкви, за здоровье сына... и за Елизавету-грешницу, чтобы та искупила свою вину.

Лорды вмешиваются:

— Мадам, оставьте эти увещания и проповедуйте во благо Иисуса Христа!

Никакого эффекта. Она заканчивает молитву словами:

— Как простерты твои крылья, Иисус, на кресте, так прими и меня в свои объятия и прости все мои грехи...

Палачи согласно обычаю просят осужденную простить их. Звучит ответ:

— Прощаю вас сердечно, ибо полна надежд на окончание моих страданий...

Верхние одежды перед казнью полагалось снять. Мария остается в блузке и нижней юбке. Палачи тянутся за четками и ожерельем. Слышится протестующий голос Джейн

Кеннеди, а затем вмещивается Мария. Она обещает палачам, что им заплатят за то, чтобы эти реликвии сохранились у близких ей людей.

Джейн завязывает Марии глаза материей с золотым шитьем. Весь предшествующий казни обряд тщательно ею продуман. Если бы такую же предусмотрительность она соблюдала в критические периоды жизни, судьба могла сложиться иначе!..

С повязкой на глазах Мария по-латыни произносит псалом «Тебе, Господь, мое доверие, и пусть никогда я не собоюсь со своей стези».

Нащупав плаху, она кладет подбородок на деревянное ложе и придерживает его руками — так, что если бы палачи не отвели их, они тоже оказались бы под топором. И тут Мария произносит последние слова:

— В твои руки, Господь, вверяю я душу!

Первый удар приходится не по шее, а по голове. Слугам Марии кажется, будто ее губы шевелятся и она шепчет: «Святый Боже!»

Второй удар падает на шею, и лишь тонкая жилка еще вибрирует, пока и она не рассекается.

Марии не стало в десять часов утра в среду 8 февраля 1587 г.

Палач поднимает отсеченную голову:

— Боже, храни королеву!

А губы у головы еще двигаются, проходит несколько мгновений, пока они замирают. И в этот момент от сочащейся кровью головы отделяется парик с каштановыми локонами, и голова королевы с седыми волосами падает на доски эшафота.

Но и это еще не конец. Изпод юбки жертвы выползает маленький пудель и кидается к голове хозяйки. Собаку гонят, и она, жалобно скуля, замирает у труп.

Тело Марии обернули в грубую ткань, служившую покрывалом для бильярда в замке, и оставили лежать на каменном полу. Обагрённую кровью плаху сожгли, как и одежду Марии и ее четки. К вечеру того же дня из трупа удалили сердце, и шериф графства закопал его в известном лишь ему месте. Забальзамированное тело Марии было помещено в свинцовую гробницу.

Все эти подробности впоследствии описал в мемуарах врач Марии Бургойн.

Сыну графа Шрюсбери было приказано мчаться в Лондон с вестью об исполнении приговора. И тут произошло событие, вызвавшее в окружении королевы Елизаветы смятение. Узнав о казни Марии, сообщал современник, «она с трудом выговаривала слова, слезы орошали ее лицо...». Горесть уступила место гневу. Разъяренная, насту-

пала она на Дэвисона, видя в нем виновника случившегося. Он был отправлен в Тауэр, а Елизавета повторяла, что стала жертвой произвольного решения сановников и, замкнувшись в своих покоях, наложила на себя пост. Опале подверглись Уолсингем и другие министры. Правда, в Тауэре Дэвисон пробыл недолго. Вернулись на свои места и сановники.

Притворялась ли Елизавета или в самом деле была ошеломлена случившимся? Скорее всего, и то и другое.

Для Англии, да и для ряда стран на континенте Европы, торжество Марии Стюарт с помощью католических держав над Елизаветой было бы чревато серьезными послед-

ствиями. Англия находилась на пороге войны с Испанией. Британским островам угрожало вторжение Испанской армады. Само присутствие Марии Стюарт на английской земле являлось дестабилизирующим фактором.

Важно и то, что казнь Марии Стюарт не сопровождалась кровавыми «чистками» католиков, ее сторонников.

В истории обе женщины стоят рядом как носительницы соперничающих религиозно-державных помыслов. И именно поэтому пространства для их примирения не существовало. Не возьми верх над Марией Елизавета, так же, скорее всего, поступила бы со своей соперницей Мария...

СМЕРТЬ ТИРАНА УГОДНА ГОСПОДУ

(Убийство королей Генриха III и Генриха IV)

Ясно, что это — тиран в собственном смысле слова. И посему каждый может его убить без дополнительного судебного процесса и решения властей. Тот, кто осуществит это, обеспечит себе бессмертную славу и любовь потомков.

Из памфлета, направленного против Генриха Наваррского и опубликованного в Париже в 1589 г.

Нигде в средневековой Европе королевская власть не была так сильна, как во Франции. И нигде роялизм подданных не казался столь искренним. Но именно здесь убили двух королей подряд: в 1589 г. монах Жак Клеман смертельно ранил Генриха III — последнего Валуа; в 1610 г. ангюлемский стряпчий Франсуа Равальяк убил Генриха IV — основателя династии Бурбонов. Убийцы ожидали людского и небесного одобрения и, поднимая руку на монарха, верили в праведность и законность своего деяния. Да и французское общество к цареубийству было готово — это обосновывалось в многочисленных трактатах, к нему призывали проповедники, его предсказывали астрологи и приорицатели.

За каждым убийством сто-

яла особая комбинация политических сил — влиятельные люди внутри страны и за ее пределами хотели устранить короля. Но два цареубийства подряд! Что же предопределило такой конец двух королей?

ТРАДИЦИИ ТИРАНОБОРСТВА

Люди средневековья часто задумывались о путях сопротивления несправедливой власти, о том, возможно ли законное убийство правителя. Обращаясь к Ветхому Завету, они охотно использовали образ Юдифи с головой Олоферна — для устранения злодея, для спасения народа. Божия дозволено переступить заповеди. Но Олоферн — всего лишь «чиновник» царя-язычника. Давид же, когда в его руках

оказался Саул, произнес: «Не подниму руку на господина моего, ибо он — помазанник Господа». Убийц законных царей — по Библии — всегда ждала кара.

Блаженный Августин считал, что сопротивление злодею могут оказывать лишь наделенные публичной властью магистраты. Частному лицу он отказывал в праве на насильственное сопротивление тирану. Впрочем, — и это очень важно — Бог может сам избрать человека для устранения тирана. И если верующий получает указание свыше, он может и должен действовать...

Но самым авторитетным в те времена было мнение Аристотеля. Философ определял тиранию как извращенную форму монархии: тиран заботится лишь о своей выгоде, а монарх — о выгоде подданных. В «Политике» доказывалась неизбежность гибели любой тирании. Апологию тираноборства можно было найти у Плутарха и Тита Ливия, у Цицерона и Сенеки, почитаемых в средние века наравне с отцами церкви.

Средневековье дозрело до собственной оригинальной концепции тираноборства в период «возрождения XII века». Иоанн Солсберийский в трактате «Поликратик» провел различие между тираном-узурпатором, которого надо устранять любыми средствами, и законным правителем, став-

шим тираном «по образу действий».

Фома Аквинский — «ангелический доктор» XIII столетия — красноречиво описывал зло, проистекающее от тирании. Но там, где речь шла не об узурпаторе, а о «тиране по образу действий», он предлагал пассивное сопротивление. Только тем, кто наделен публичной властью, позволяющей законно наказывать грешников, дозволена борьба с тираном. А частное лицо, убив злодея ради восстановления справедливости, становится преступником. Но Фома напоминал и слова Августина, что человек может действовать и по воле Бога.

Юрист Бартоло Сассоферрато, опираясь на римское право, обосновывал возможность сопротивления тирану. Но — лишь для магистратов: не будучи теологом, он не допускал терроризма боговдохновенных одиночек. Зато Бартоло дал развернутую характеристику действий тирана. Он истребляет лучших людей, покушается на имущество подданных, окружает себя иностранцами. Тиран — враг образованности, гонитель мудрецов, опасных для его власти. Кстати, такие признаки можно, видимо, обнаружить у любого правителя. Да и сама тираноборческая доктрина — это палка о двух концах. Папство применило ее против королей. Но на рубеже XIV—

XV вв. против тирании папства успешно выступали национальные церкви в союзе со светскими властями.

В ноябре 1407 г. люди герцога Бургундского убили в Париже Людовика Орлеанского — ненавистного парижанам регента при душевнобольном Карле VI. Герцог бежал в свои владения, но затем вернулся и организовал специальное заседание, на котором теолог Жан Пти произнес речь в его защиту. Главная мысль: если тиран незаконно захватил власть и угрожает обществу, в этом случае должно действовать, не дожидаясь решения суда. Далее убедительно доказывалось, что Людовик Орлеанский был тираном и стремился известить короля.

Герцог Бургундский, блестяще оправданный, стал хозяином в Париже. Но осенью 1413 г. его власть пала, и сразу же началась кампания против Жана Пти. Его теория была осуждена, и учение о законности тираноубийства было поставлено на Констанцском соборе в один ряд с ересями Уиклифа и Гуса. Но авторитет тираноборческой идеи был велик, а сторонники герцога Бургундского весьма могущественны. Поэтому был осужден лишь крайний тезис, о том, что любое частное лицо по своей воле может убить государя, названного тираном. Герцога не могли обвинить, поскольку убитый им сопер-

ник не был государем, а он сам не считал себя «любимым частным лицом».

Но в 1419 г., во время переговоров, герцог Бургундский был предательски убит вассалами Людовика Орлеанского. Отомстив за смерть своего сеньора, они объявили себя тираноборцами. Разумеется, сторонники герцога Бургундского призвали к ответной борьбе, в которой хороши все средства. В результате Франция была надолго оккупирована англичанами. Чем последовательнее оказывались тираноборцы, тем дороже это обходилось стране.

РЕЛИГИОЗНЫЙ РАСКОЛ

К XVI в. Франция, как и вся Европа, уже имела богатую тираноборческую традицию. Расцвет такого рода идей вполне естествен в период, когда общество почувствовало на себе последствия абсолютистских тенденций в королевской политике.

Объективных предпосылок религиозных войн и популярности тираноборческих идей все же недостаточно, чтобы христиане начали резать себе подобных, чтобы цареубийцы уверились в богоугодном характере своих деяний. Необходимо еще и особый психологический климат.

Цареубийцы, удачливые и неудачливые, были людьми

средними. Что же чувствовал заурядный француз накануне и во время религиозных войн? Доминирующим был страх — то явный, панический, то загнанный внутрь, проступавший черной меланхолией сквозь озабоченность повседневными делами. «Осень Средневековья» и Ренессанс научили людей больше ценить жизнь и острее чувствовать неизбежность потери ее. Но гораздо более страшной казалась скорая гибель всего рода человеческого. День Гнева был близок. Со всех сторон поступали известия о грозных знамениях. Астрологи предрекали великие потрясения. Никогда прежде не слышали о таком падении нравов. «Вывихнутое время» — так назвал свой век Шекспир. Да и само восприятие времени и пространства резко изменилось.

Но самым страшным был раскол религиозный. Лютер — еретик, осужденный Сорбонной и папой, захватывает один край за другим. Немецкие ландскнехты разграбили церкви Рима — святого, Вечного города. Но что теперь можно назвать вечным? И вот уже волны ереси докатились до земель христианнейшего короля Франции. Кто-то осквернил в Париже статую Девы, кто-то расклеил по городу богомерзкие плакаты, дерзко поместив один из них на дверь королевской спальни. Как жить, если еретиком ока-

зывается не мавр или иудей, а твой сосед по кварталу, человек образованный, из хорошей семьи? Говорили, что лютеранская зараза, а затем еще худшая ересь Кальвина находят своих покровителей при дворе, в высших судах... Ясно, что скоро Господь поразит эту страну, как поразил Содом и Гоморру. Но, уничтожив еретиков, пощадит ли он всех прочих, кто допустил осквернение святынь, кто сам не истребил врагов Христа?

К тому же в XVI в. общество пережило информационный взрыв, связанный с книгопечатанием. Слухи, сплетни, пророчества, памфлеты с невиданной скоростью сотнями печатных экземпляров разлетались по Европе. Это не могло остаться без последствий.

Эсхатологическое отчаяние порождало разные модели действия: покаяться самому и призвать к покаянию; очистить мир от скверны, избавиться от еретиков, кто бы за ними ни стоял. Ведь это — нелюди, слуги Антихриста, предвестника Сатаны. Спасение — в единстве, в святой Церкви, избавленной от пороков, реформированной. Спасение — в государстве во главе со священным королем. Ведь он имеет два тела — одно брненное, смертное, способное грешить. Другое — мистическое, общественное тело, образованное общиной верных. Поэтому король — живой символ, воплощение

общего блага, гарант человеческого единства, помазанник Божий, способный исцелять больных одним своим прикосновением...

Эта по видимости охранительная модель содержала в себе идею преобразования, далеко не всегда безопасную для королевской власти. Но это станет очевидно не сразу.

Своеобразным бегством от идеи «конца света» были и рациональные конструкции гуманистов, и веселое эпикурейство Рабле, и королевские политические мифы. Самый радикальный выход предлагал Кальвин. Он учил, что греховный мир обречен. Между человеком и Богом никого нет — спасение не принесет ни Церковь, ни личное благочестие. Лишь Провидение предопределит к спасению горстку избранных. И действительно, главная черта кальвинизма — элитарность. Более склонными к его идеям были дворяне, высшая знать, интеллектуалы, некоторые купцы, ремесленники...

И кальвинисты начинают мир преобразовывать. Они борются с «идолопоклонством», с папой-Антихристом, с его слугами. Избранный Провидением монарх во главе избранного народа — таков идеал кальвинизма. Но что делать с монархом неправедным, с врагом истинной веры? Кальвин и Теодор де Без (оба в прошлом — университетские ученые) повто-

ряли Фому Аквинского: право на сопротивление признается лишь за магистратами, частное лицо должно воспринимать гонения как расплату за свои грехи и стоически принять муку за веру. Бог обладает гораздо большей властью, чем король, и сам найдет способ покарать нерадивого наместника, но для этого может избрать любое оружие...

Король Франции предпочел быть сакральным главой единого общественного тела, а не вождем рационального кальвинистского меньшинства. Но когда король потребовал от парламента ужесточить репрессии против еретиков, то, к удивлению своему, встретил афронт. Некоторые советники заявили, что те, кого именуют еретиками, зачастую являются образцами добродетели. Советник Ан Дюбур, упрекнувший короля в лицемерии и прелюбодеянии, был арестован прямо в зале парламента. Но самому Генриху II расправиться с тайным кальвинистом не удалось. На турнире 30 июня 1559 г. граф Монтгомери смертельно ранил короля обломком копья. Умирая, тот запретил преследовать своего невольного убийцу. Но кальвинисты объявили Монтгомери орудием Провидения, избавившего народ от тирана. Похоже, что и сам граф склонился к такой оценке, — позже он станет крупным военачальником у гугенотов.

ГИЗЫ И БУРБОНЫ

От пассивного сопротивления впору было переходить к активным действиям. Противник Ана Дюбура, президент Менар, был застрелен на улице 12 декабря 1559 г. Правда, это стоило жизни самому Дюбуру — теперь его повесили без колебаний, раз еретики доказали свою злокозненность. Семья Гизов, боковой ветви герцогов Лотарингских, правившая при юном Франциске II, начала решительно искоренять ересь. Но число недовольных росло. В Гизах видели тиранов, не по праву захвативших власть вместо родовитых Бурбонов. Против узурпаторов хороши все средства. И радикально настроенные дворяне-гугеноты составляют заговор с целью захвата короля и устранения Гизов. Заговор был сорван, и мятежных дворян вешали на стенах Амбуазского замка. Это еще более укрепило власть Гизов, но усилило и оппозицию им. Франсуа Отман опубликовал свой первый тираноборческий памфлет «Тигр», где доказывал тиранический характер власти всемогущего кардинала Лотарингского, призывая использовать все средства ради общего спасения. Это означало заговор или открытую войну против правительства. Однако войну пришлось на время отложить — Франциск II умер, Гизы были оттеснены

от власти, а Екатерина Медичи стала регентшей при малолетнем Карле IX. Она пыталась лавировать между кланами Гизов и Бурбонов, и в январе 1562 г. был издан эдикт, допускавший немыслимое — сосуществование, пусть даже временное, двух религий. С этим не могли согласиться кальвинисты, желавшие быстрее обратить народ в истинную веру. Еще менее устраивало это католиков.

Разгон незаконного молитвенного собрания гугенотов в Васси стал поводом к началу религиозных войн. Католики организовывали братства, устраивали процессии, истребляли гугенотов, не щадя при этом женщин и детей. Имущество их не столько грабилось, сколько сжигалось, трупам вспарывали животы, сбрасывали их в реку.

Насилие, проявляемое кальвинистами, было более рациональным, дидактическим. В захваченных городах они демонстративно разоряли церкви, уничтожая идолов — статуи святых, иконы. Воюя с Антихристом — папой, они истребляли его слуг — священников и монахов. Женщин и детей они, как правило, не трогали. Гугеноты разбили статуи Людовика XI и Людовика XII, осквернили могилу королевы Жанны Французской в Бурже, бросили на угли сердце Франциска II, покоившееся в Орлеане.

В феврале 1563 г., когда Орлеан вот-вот должен был сдать осадившей его королевской армии, в стан Франсуа Гиза перебежал гугенотский дворянин Польтро де Мере. Его приняли, и он свободно бродил по лагерю. Но, вдохновленный примерами Юдифи и римских героев, он застрелил герцога Гиза, мужественно приняв мучения за веру.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Всем известны трагедия Варфоломеевской ночи и события, ей предшествовавшие: очередной религиозный мир 1570 г., беспрецедентный брак сестры короля Маргариты Валуа и гугенота Генриха Наваррского; попытки адмирала Колиньи втянуть Францию в войну с Испанией на стороне нидерландских кальвинистов. И наконец, покушение на адмирала 18 августа 1572 г., организованное Генрихом Гизом, мстившим за отца (полагали, что за убийцей Польтро стоял адмирал Колиньи). Что заставило правительство Екатерины Медичи, умеренное в делах веры, решиться на страшную бойню в ночь на 24 августа?

Гугеноты, собравшиеся у постели раненого адмирала, требовали наказания виновных, угрожая покинуть столицу и возобновить войну с ко-

ролем. И королевские власти сделали выбор, решив одним ударом устранить всех гугенотов, этих вечных мятежников... Гораздо привлекательнее выглядела модель католическая — король сохранял в ней значение священного вождя общины верных, противиться которому — значит идти против воли Бога.

Результат был страшным — сотни трупов в Париже, тысячи — в провинции. Но не король выдумал резню — это была кульминация отчаяния католического сознания. Еще за год до трагедии, когда, по настоятельным требованиям кальвинистов, в Париже был снят крест, воздвигнутый на месте дома гугенота, властям пришлось выдержать настоящий бой с разъяренными горожанами. А узнав о свадьбе юной католической принцессы с Генрихом Наваррским, проповедники возопили, что ее отдадут на закланье гугенотскому чудовищу. Париж будет испепелен, разве не на то указывают знамена последнего времени? Не было силы, способной удержать парижан от расправы с гугенотами. И королевская власть, не желая выглядеть бессильной, предпочла первой подать сигнал...

Как только начались убийства, толпа подобрала труп адмирала Колиньи. Ему вспороли живот, отрубили голову, бросили в реку, затем вы-

Генрих III. Художник Этьен Дюмустье. 1570 г.

ловили и повесили за ноги на Монфоконе. Город облетела весть о чуде: зацвел сухой боярышник на кладбище Невинноубиенных. Значит, Бог с парижанами! Значит, они на верном пути, очищая город и королевство от скверны.

Кровопролитие продолжалось еще неделю и, остановленное с большим трудом в Париже, перекинулось в провинцию. Король же получил сильнейшую поддержку в обществе. Ведь король — выразитель Божией воли. Но — лишь пока он соответствует образу, отведенному ему распаленным католическим сознанием.

... Варфоломеевская ночь имела неожиданные последствия. Трагедия парадоксальным образом остановила рост физического насилия в стране. Конечно, французы убивали друг друга еще четверть века, но такого рода погромов больше не было.

Гугеноты быстро оправившись от шока, организовали сопротивление, создали независимую конфедерацию. Но войны их были теперь сугубо оборонительными: ни покушений на власть короля, ни стремительных рейдов к столице. Зато во Франции развернулась невиданная прежде памфлетная война — тираноборчество от практики перешло к теории. Почти десять лет после Варфоломеевской ночи Францию сотрясали тираноборческие призывы Отмана,

Жантие, Морнэ, других анонимных трактатов и памфлетов, таких, как «Иск к тиранам», «Будильник французов и их соседей», «Политика», «О правах магистратов над своими подданными»...

Конфессиональный момент в этих пропагандистских произведениях был ослаблен — говорилось не о сторонниках «истинной религии», а о всей нации. Под знамена тираноборцев, помимо гугенотов, становились «недовольные» из числа католиков — дворяне, чиновники, местные власти. Этой обширной коалиции удалось добиться от короля серьезных уступок.

Что же происходило с сознанием католическим? Оно также пережило шок — ведь Варфоломеевская ночь оказалась не завершением, но лишь началом новой войны. Католики сочли, что Дело, столь угодное Богу, не удалось оттого, что творилось нечистыми руками. Ведь не из религиозного же рвения чернь грабила лавки ювелиров! Да и вообще, слишком многие ставят свои интересы выше Дела. К тому же Генрих III, сменивший в 1574 г. безвременно ушедшего брата, заключил с гугенотами униженный мир, отдав им города и области и утвердив губернатором Гиени вероотступника Генриха Наваррского. Другие важные должности король раздаст своим безродным дружкам,

оттеснившим добрых католических принцев. Он непомерно увеличил налоги и при этом постоянно устраивает балы, утопая в роскоши и удовольствиях. Уж не содомит ли он?

От страшной догадки кровь стыла в жилах. Выходит, все жертвы напрасны? Боролись против еретиков, грозящих свергнуть страну в варварство, а опасность, оказывается, на троне! И традиционное сознание подсказывало традиционный выход — очиститься от скверны, покаяться в грехах, искоренить недостатки во всем обществе. Надо, чтобы богатые помогали бедным, чтобы сильные думали прежде всего об общем благе. Нужно молить Господа, чтобы помог в этой борьбе. Всем католикам следует сообща действовать против тирана, потакающего еретикам. И тогда наконец утвердятся долгожданный мир и наступит тысячелетнее царство справедливости. Для борьбы за святое дело в 1577 г. создается Католическая лига.

ГЕНРИХ III И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЛИГА

С обеих враждующих сторон раздавались призывы к насилию, но французы убивали друг друга значительно реже, чем раньше. Огонь полемики сфокусировался теперь на королевской персоне.

Генрих III оказался в ситуации более тяжелой, чем правительство Екатерины Медичи в начале религиозных войн. Ведь ему-то довелось править уже после Варфоломеевской ночи. До 1572 г. он, молодой герцог Анжуйский, был известен как фанатичный католик, лютей враг мятежников. Разбив гугенотов при Монконтуре и Жарнаке, он велел пристрелить как собаку сдавшегося в плен принца Конде — вещь неслыханная ранее. Накануне Варфоломеевской ночи именно он настаивал на превентивном истреблении гугенотов. Но теперь он другой: кампанию против Ля-Рошели ведет пассивно, упустив верную победу, и заключил перемирие, узнав что его ждет польский престол. Вернувшись во Францию, уже после смерти брата, Генрих III не казнит еретиков, не ведет крупных войн, предпочитает переговоры. При этом он остается ревностным католиком: сам организует братства, учреждает орден Святого Духа, совершает изнурительные паломничества, участвует в покаянных шествиях. Современникам особо запомнились процессии братства «Серых кающихся» — король шел среди простого народа, надев на себя грубый мешок с прорезями для глаз...

Король предпочел не воевать с Католической лигой, а возглавить ее. Это был не только ловкий политический

Сатира на Генриха III. Неизвестный художник. Последняя четверть XVI в.

ход, его стратегия оказалась дальновидной. Однако отсутствие наследника делало позиции Генриха III уязвимыми и мешало стабилизации. Поэтому смерть младшего брата короля в 1584 г. обернулась для него политической катастрофой. По законам престолонаследия претендентом на корону становился Генрих Наваррский — не просто еретик, но вероотступник — он несколько раз менял веру.

В 1585 г. дворяне восстанавливают Католическую лигу во главе с Гизами. Для них смена династии означала еще и потерю доступа к казне, к должностям и землям. В Париже параллельно создается лига горожан. Опыт Варфоломеев-

кой ночи не прошел бесследно — лига должна была не допустить грабежей. Но горячие головы в Париже планировали не только занять основные укрепления столицы: они хотели захватить короля, по возможности — постричь его в монахи или даже убить. Гугеноты-тираноборцы умолкли, как только их вождь стал законным претендентом на престол.

Проповедники из Парижского университета все громче обвиняли короля в потворстве еретикам и в тиранических устремлениях. Pamфлеты и проповеди обращались уже не столько против гугенотов, сколько против самого короля, настойчиво собиравшего

деньги на войну с гугенотами, но тайно переправлявшие их своему наследнику.

Лига, усиленная авторитетом Генриха Гиза и испанскими деньгами, стала страшной угрозой королю. Он лавировал, контратаковал, пытался вновь возглавить Лигу, но каждый раз проигрывал и отступал все дальше. Король вступил было в открытую борьбу с Лигой, но 7 июля 1585 г. вынужден был подписать Немурский эдикт, изгнавший гугенотов из страны и лишавший их всех прав, в том числе и на престол. Генрих III пытался ослабить Генриха Гиза, столкнув его с Генрихом Наваррским в «войне трех Генрихов». Но в итоге более других оказался ослабленным сам король. Он приказал арестовать зарвавшегося проповедника Жана Буше, но в университетском квартале сторонники мятежного кюре отбили его у королевской стражи. Не удалась в мае 1588 г. и попытка запретить Генриху Гизу появляться в столице. Король ввел в Париж части швейцарцев, тем самым не только перепугав парижан, но и нарушив давние городские свободы. На улицы вышли даже те, кого король считал своими сторонниками. 12 мая солдаты оказались со всех сторон зажаты баррикадами. Бойню предотвратило лишь прибытие некоронованного короля Парижа — Генриха Гиза.

Генрих III вынужден был покинуть столицу. Нуждаясь в войсках, деньгах, политической поддержке, он созывает осенью Генеральные штаты в Блуа. Однако Лига успевает обработать депутатов, и денег они не дают, зато требуют вести непримиримую войну с еретиками.

Хотел ли Генрих Гиз свергнуть короля? Такая возможность ему предоставлялась неоднократно, но он был искренним роялистом. Герцог полагал, что помазанник Божий должен править в согласии со старыми законами и вольностями, в окружении верных вассалов, опираясь на волю сословий. И в то же время он не мог допустить воцарения Бурбона. Потому, возможно, и рассчитывал занять трон после смерти короля. Ведь герцоги Лотарингские вели свой род от славных Каролингов. А разве у потомков Гуго Капета, сменивших в 987 г. угасший род Каролингов, больше прав на корону? Они были избраны знатью за свои подвиги. У Гизов тоже хватало заслуг и перед Францией, и перед католическим Делом.

УБИЙСТВО ГИЗОВ

Генрих III опять отступил, примирившись с Гизами. Но, как и накануне Варфоломеевской ночи, решил нанести упреждающий удар — на сей

раз без массовых убийств. Стоит проявить решимость — убрать Гизов, и Лига рассеется как дым.

22 декабря 1588 г. Генриха Гиза предупредили, чтобы он не ходил на заседание королевского совета в Блуа. «Он не посмеет!» — рассмеялся герцог. Но в коридоре замка Гиза ждали вооруженные гасконцы. Его брат кардинал Лотарингский был задушен позже, в темнице. Арестовали и нескольких смутьянов из числа депутатов Генеральных штатов. Тела убитых братьев сожгли, а пепел развеяли над Луарой...

Но выяснилось, что Лига только окрепла, потеряв вождей. Убитых объявили святыми мучениками за веру. Днем и ночью шли траурные процессии. В январскую стужу босые дети распевали молитвы. Огромная процессия разом задувала зажженные свечи с криком: «Да погасит Господь династию Валуа!» «Ирод больше не царь во Франции», — твердили проповедники. Жан Буше обоснованно доказывал, что Генрих III встал в один ряд с Нероном, Гелиогабалом, с московским царем Иваном «Базилиадом», сочетая в себе качества всех этих деспотов. Запрещалось молиться во здравие короля. 7 января Сорбонна — теологический факультет университета — единогласно освободила подданных от клятв верности тирану Валуа. А французы цени-

Генрих, герцог де Гиз, глава Католической лиги. Гравюра. 1588 г.

ли мнение Сорбонны выше папских булл. Парижский парламент подтвердил это решение. Теперь уже к Лиге примкнуло большинство городов. Создан был высший орган власти — Генеральный совет Священного союза. Законным монархом временно объявлен престарелый кардинал Бурбон, находившийся в плену. Его генеральным наместником сам себя назначил герцог Майеннский, младший брат Генриха Гиза. Весной пришло известие, что папа отлучил Генриха III от церкви — помимо прочих грехов, тот виновен в убийстве кардинала.

Отныне законная власть вела справедливую, священную войну с тираном, и никаких колебаний у подданных быть не должно было.

Однако король, как бы проснувшись от летаргического сна, действовал решительно и быстро. Он примирился наконец со своим наследником. Королевские и гугенотские войска объединились против Лиги и наносили им поражение за поражением. И вот объединенная сорокатысячная армия стоит под стенами Парижа. Ее реальной и, казалось, неодолимой военной мощи противостояли памфлетисты да проповедники. Католикам оставалось уповать лишь на чудо.

1 АВГУСТА 1589 г.

31 июля 1589 г. Ла Гель, генеральный прокурор парламента, встретил на дороге, ведущей из Парижа в Сен-Клу, монаха-доминиканца. Монах — молодой человек лет двадцати, с короткой черной бородкой и большими глазами, назвался Жаком Клеманом и сообщил, что идет к королю, чтобы передать важное письмо от президента парламента Арле и других парижских чиновников, готовых поддержать монарха. Ла Гель узнал почерк Арле и отвел монаха в свой дом. Король согласился утром принять монаха — Божиего человека.

Простоватый, непосредственный юноша на всех произвел приятное впечатление. За ужином его со смехом спросили: правда ли, что шестеро монахов его ордена поклялись убить короля? Спокойно нарезая хлеб длинным ножом с черной ручкой, он ответил, что люди добрые и люди злые есть повсюду.

Уже в шесть утра монах и прокурор были в королевских покоях. Наконец их вызвали в комнату, задрапированную фиолетовой тканью, в знак траура по умершей недавно Екатерине Медичи. Жак Клеман объявил, что должен сообщить секретные сведения королю наедине. Придворные напомнили королю о безопасности — ведь многие желали его смерти. Но Генрих не чувствовал опасности. Монах же склонился к уху короля и неожиданно нанес ему удар ножом в живот. Рана была смертельной. Генрих прожил еще несколько часов, успев благословить на царство примчавшегося в Сен-Клу Генриха Наваррского.

Жака Клемана допросить не удалось — разъяренные гасконцы прибили его на месте.

Как показало расследование, Жак приехал в Париж не так давно; в 1588 г. он был рукоположен в сан. Хорошо учился в коллегии, был склонен к экзальтации. В лихорадочной обстановке Парижа, участвуя в процессиях, стал

слышать голоса, призывавшие его свершить подвиг и спасти страну от тирана. Позднейшие скептики писали, что к Клеману, приложив к губам трубу, взывал другой монах, спрятавшийся где-то. Возможно. Но ведь сейчас никто не сомневается в «голосах» Жанны д'Арк. По словам братьев, Клеман часто повторял, что король умрет от его руки. Скорее всего, кто-то помог ему обзавестись необходимыми документами. А нож с черной ручкой он купил сам. 31 июля Жак покинул монастырь, оставив в келье на столе записку, где просил оплатить его долг в 5 экю, поскольку он уходит, чтобы не вернуться...

Кто или что убило короля? Существовало сакральное отношение к королю. В условиях эсхатологического отчаяния оно было чревато переносом на монарха всех грехов. Соединившись, в силу объективных и субъективных причин, с давней тираноборческой традицией, это предопределило исход. Король был обречен.

ВЕЗЕНИЕ ГЕНРИХА IV

Умирая, Генрих III предрек своему преемнику, что, не перейдя в католичество, он никогда не завладеет королевством. Теперь Генрих IV оказался в зоне особого риска. Как ни странно, пока он был

мятежным принцем, крайне опасным и ненавистным для Лиги, не очень удобным для королевского правительства, на его жизнь почти не было покушений. Став законным монархом, Генрих IV пережил, по разным подсчетам, около трех десятков покушений.

И вновь — астрология: Генрих IV был Стрельцом, то есть решительным, целеустремленным и склонным к авантюризму. Принято считать его равнодушным к религии. Но, пожалуй, в душе он был близок к кальвинизму, веря в свою избранность. А разве Провидение не указало ему на это поистине невероятным везением? Ему повезло в том, что четыре сына Генриха II умерли, не оставив законных наследников мужского пола, при том, что внебрачные дети у Карла IX были. Ему повезло, когда Генрих III устранил самого опасного соперника — Генриха Гиза, реального кандидата на престол, блестящего воина и политика. Повезло и с противниками — сторонники Лиги оказались никудышными вояками. Правда, посланный Филиппом II герцог Александр Пармский с небольшим отрядом испанцев попытался вмешаться в планы короля. Но был смертельно ранен шальной пулей, тогда как Генрих IV, находясь в самой гуще боя, оставался будто заговоренным. Повезло ему

и в том, что папа и испанский король вмешивались в дела Франции столь грубо, что возмущали даже самых правоверных католиков. Повезло и с раздорами внутри Лиги. Чем хуже шли дела, тем громче ее проповедники твердили, что в новом обществе благородство и статус человека должны определяться не богатством и родовитостью, но рвением в служении общему делу. Понятно, что такие теории не могли привлекать представителей традиционных элит.

Но главное везение в том, что Генрих IV появился как раз вовремя. Сменился психологический климат общества, стало спадать эсхатологическое напряжение. Прежде всего — в силу усталости страны, загнанной в тупик антиабсолютистским радикализмом. К тому же превосходной оказалась пропагандистская машина короля, вокруг которого сплотились лучшие умы Франции. Побеждали иной тип общественных настроений, иная идеология, но еще очень и очень медленно.

В 1590 г. папский легат привез в Париж буллу Сикста V, где Бурбон объявлялся отлученным от церкви даже в случае его перехода в католичество. Отлучались также и все духовные лица, не порвавшие с ним. Аналогичное решение 7 мая того же года приняла Сорбонна, добавив, что не

признает его королем, даже если сам папа даст ему отпущение грехов. После голодной блокады Парижа летом 90-го года, казалось, ничто уже не примирит парижан с Генрихом.

...Но время шло, члены Лиги переругались, а популярность короля возросла, как возросла и тяга страны хоть к какому-то миру. Набрав достаточно сторонников уже не только среди гугенотов, Генрих счел возможным наконец отречься от кальвинизма. 25 июля 1593 г. в монастыре Сен-Дени архиепископ Буржский снял с раскаявшегося короля церковное отлучение. В августе все узнали о мирных переговорах королевского посольства с Климентом VIII. Правда, успехом они тогда не увенчались.

27 февраля 1594 г. Генрих короновался согласно вековому обряду. И хотя миропомазание прошло в Шартре, а не в Реймсе, где обосновалась Католическая лига, оно было полностью легитимным: ведь сразу же после церемонии король обрел дар исцелять золотушных больных — священный дар королей Франции. 22 марта Париж открыл наконец ворота королю. Была объявлена амнистия.

Университет решил пересмотреть свои прежние постановления против короля, свалив вину на своих соперников — иезуитов. Против них

был возбужден процесс в парламенте, однако иезуиты защищались, отрекаясь от тираноборческой теории. Процесс затягивался...

ПОКУШЕНИЕ ЖАНА ШАТЕЛЯ

27 декабря 1594 г. при въезде в Париж короля торжественно встречали дворяне. Один из них опустился на колени. Генрих наклонился, чтобы поднять его. И в тот же миг ощутил удар чем-то острым, рассекший губы и сломавший зуб. Король с гневом посмотрел на стоявшую рядом придворную дурочку — уж не она ли вздумала так шутить? Но та указала на юношу, пытавшегося смешаться с толпой.

Кто же поднял руку на монарха? Это был студент Жан Шатель, сын богатого парижского суконщика. Два года обучался он в коллегии иезуитов, получил степень магистра. Меланхолический по природе, он мучительно сознавал собственную греховность. Как он сам признался, «грешил против природы» (в ту пору так могли называть онанизм, кровосмесительство). Хуже того — умолчал об этом на исповеди. В коллегии на стенах особой «комнаты размышления» для проштрафившихся учеников были развешаны картины, изображавшие преступления и полагавшиеся за

них воздаяния. Неотвратимость адских мук повергла Шателя в отчаяние и сделала дальнейшую жизнь невыносимой. Он думал о самоубийстве, но то был еще более тяжкий грех. И вот выход найден — пожертвовать собой ради общего блага, спасти мир и церковь от короля-Антихриста и тем искупить вину.

В Париже на все лады славили недавно святого мученика Клемана, а иезуиты внушали, что смерть тирана, поставившего себя вне церкви, угодна Господу и одобряется папой. Следствие установило, что в иезуитских коллегиях воспитанникам запрещали молиться во здравие короля, поскольку папа римский не снял с него отлучения. Нашли там и листовки со стихами против короля. Но ведь королевская амнистия обязывала уничтожить подобные тексты. Отец Гиньяр, наставник Шателя, был повешен, а сам он четвертован. Все это ускорило процесс против иезуитов — им предписывалось в кратчайший срок покинуть страну, а подданным короля запрещалось посылать детей в их школы. Шатель копировал Жака Клемана, но его подвиг не вызвал былого восторга. Изменились мотивация — Шатель более старался искупить собственные грехи — и оценка цареубийства. Сорбонна — колыбель тираноборцев — осудила не только Жана Шателя,

Свадьба Генриха IV. 1600 г. Анонимная гравюра

но и своего героя — Жака Клемана. Когда отцов-иезуитов выводили из коллегии, толпа едва не разорвала их. А ведь состояла она из вчерашних сторонников Лиги. Никто не хотел ныне воевать за святое дело.

ДРУГИЕ ПОКУШЕНИЯ

Впрочем, дух Лиги был еще жив. Во Франции расхлосилось сочинение эмигрировавшего Жана Буше. В «Апологии Жана Шателя» он писал: «Никто не упрекнет меня в том, что я утверждаю, будто убивать королей дозволено. Они — священные особы, представляющие Бога на земле. Нелепо

приписывать такие мнения и Шателю — магистру искусств прославленного университета. Иное дело — тиран, узурпатор». Буше приводит известные высказывания Фомы Аквинского, Сенеки и иных философов, сходящихся во мнении, что, если нет иного способа бороться с тираном, его надо убить. Убийство тирана — не только право, но и обязанность христианина. Ведь заповедь «не убий» стоит лишь на пятом месте, тогда как на первом — быть верным Господу. И Бог обязательно пошлет мстителя за народ свой — будь то Юдифь, будь то Жак Клеман. Так автор помещает Шателя в славный ряд, оставляя список открытым.

Появись столь грозный приговор тирану на четверть века раньше — осмотнительное правительство остереглось бы делать ставку на католический роялизм против гугенотского тираноборства. Может, и не было бы Варфоломеевской ночи.

За последующие пятнадцать лет Генрих IV во многом преуспел. В 1595 г. он добился таки снятия папского отлучения, что формально лишало его противников последнего козыря. И уже через полтора года вчерашние враги вместе воевали против испанцев, вынудив их подписать мир. Правда, уступки папству были сделаны очень серьезные. Но, получив святейшее отпущение, король не торопился выполнять обещанное. Вместо искоренения ереси он подписал Нантский эдикт. Он мало отличался от эдиктов веротерпимости Екатерины Медичи и Генриха III, но его удалось наконец претворить в жизнь.

Замирив страну, королевская власть быстро набрала авторитет, больший, чем накануне смуты. Началась эпоха классического абсолютизма — «административная монархия», царство бюрократии. В начале XVII столетия Франция была вновь достаточно сильна, чтобы продолжать борьбу с Габсбургами за европейскую гегемонию. И хотя Генрих IV был мастер компромиссов, на

сей раз мало кто решался обвинять короля в слабости.

Недовольных, впрочем, хватало. Гугеноты не могли смириться с изменой своего принца, не обеспечившего им господствующего положения в королевстве. Крестьяне были недовольны налогами, города — жестким ограничением их былых свобод. Вчерашние сподвижники Генриха возмущались, что их недостаточно вознаградили за верность. Вчерашние противники полагали, что им недоплатили за их своевременную измену Лиге. В атмосфере перманентного недовольства плелись придворные интриги, затевались классические заговоры. Кто-то не желал признавать детей короля от Марии Медичи, считая незаконным расторжение его брака с Маргаритой Валуа. Другие сплетничали, что все дети короля — бастарды, поскольку он сам — импотент (хотя король делал все возможное, чтобы доказать обратное).

Но угроза шла не с этой стороны. На короля продолжались покушения: в 1595 г. — доминиканец из Фландрии Ридико признался, что пытался убить короля еще в 1593 г. в Сен-Дени; в 1596 г. — адвокат Жан Гюедон, а в 1602 г. — его брат Жюльен; в 1598 г. — монах-шартрезец Пьер Уэн; в 1599 г. — английский католик Фрэнсис Лэнгл; в 1600 г. — некий Николя Миньон. Не-

Коронация Марии Медичи.

сомненно, эти люди были пешками в игре разных политических сил.

Надо помнить о живучести Лиги — наследницы эсхатологического сознания. Король для нее по-прежнему считался

тираном и узурпатором. Ведь папа простил ему грехи на определенных условиях. Но разве Генрих IV сделал что-нибудь для восстановления единства веры? Удалил своих советников-гугенотов? И в

Художник Питер Пауэл Рубенс

личной жизни король не следовал христианским заповедям, прелюбодействуя публично.

И вот Франция вновь накануне большой войны. Войсками командуют принцы-гугено-

ты, деньги на войну выжал из страны гугенот Сюлли, сюринтендант финансов. Франция готова выступить в союзе с Англией, на стороне Голландии и протестантских княжеств против католического мира.

Генрих IV. Художник Форбус

14 МАЯ 1610 г.

В 1609—1610 гг. дух Лиги вновь дал о себе знать, причем на сей раз симпатии населения к ней несколько окрепли. Французы не хотели новой войны, но еще больше они боялись нового витка религиозных войн, разрыва страны с католицизмом. И вновь активизируются антикоролевские силы. А угодливые астрологи предсказывают скорую гибель короля. Он и сам чув-

ствует опасность. Потому соглашается короновать королеву, чтобы поручить ей регентство на время опасного похода.

Сразу же после коронации судьба сталкивает Генриха с Франсуа Равальяком, сыном ангулемского стряпчего. Он учился в Париже, но особых успехов в науках не добился и, вернувшись в Ангулем, поступил слугой-секретарем к советнику местного суда. Его знали как примерного католика. Равальяк жил вдвоем с горючо любимой матерью — женщиной строгих правил и большой набожности, но вынужденной побираться. Бедность его была не просто тяжелой, но и унижительной. Равальяк часто бывал в Париже, где и познакомился с последними достижениями тирано-борческой мысли. Например, с «Трактатом о короле и королевстве» иезуита Хуана де Марианы. Одна из глав называлась: «Дозволительно ли убивать тирана?»

Другой иезуит — кардинал Белармино — доказывал, что власть папы выше власти королей ровно настолько, насколько короли превосходят простых подданных. Следовательно, если король отказывается подчиняться папе, то и подданные освобождаются от обязательств перед таким монархом.

В глазах Равальяка и тех, с кем он общался, Генрих IV

Мария Медичи. Художник О. Леони

менее всего походил на государя, подчинявшегося предписаниям папы. Он все чаще слышал разговоры о том, что гугеноты готовят заговор с целью реванша за Варфоломеевскую ночь, что король по-такое злоумышленникам, что он замучил народ налогами на несправедливую войну, что хочет перевернуть всю страну...

Равальяк принадлежал к взрывоопасной группе интеллектуалов-неудачников, обремененных на весь свет. Он недоуспевал, выбивался из сил, но никаких социальных перспектив у него не было. Самый чувствительный удар был нанесен Равальяку там, где он считал себя выше других, — в общении с Богом. Он, воспитанный в традициях Лиги, рьяно постился, предавался молитвам и медитации, внимательно вслушиваясь в свой внутренний мир. И однажды решил поступить в монастырь фейанов (конгрегация цистерцианского ордена). Но после полуторамесячного послушания отцы-фейаны избавились от Равальяка — он был своенравен, беден и незнатен. Равальяк обратился к иезуитам, которым к тому времени уже разрешили вернуться в Париж, но они отнеслись к нему без интереса, тем более что их устав запрещал принимать к ним членов других орденов.

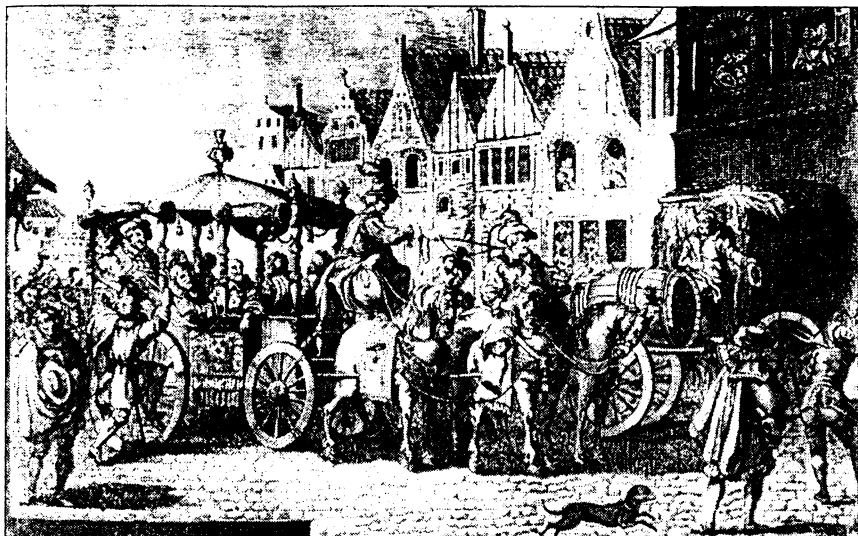
Как показывают материалы следствия, Равальяк, сохра-

нявший твердость духа после всех пыток, плакал навзрыд, вспоминая историю своего неудачного послушничества. Это был полный крах.

Последние полтора года он, подобно Жаку Клеману, стал ощущать, как что-то толкает его на убийство короля. Осознавая греховность деяния, Равальяк решает, что надо дать королю шанс. Он мечтал, как проникнет в Лувр и убедит короля отказаться от пагубных замыслов. Конечно, король обратится в истинную веру, ведь через Равальяка с ним будет говорить сам Господь. При мысли об этом он ощущал в себе нервную дрожь: вот оно, его призвание.

Трижды он ходил в Париж в 1609 г. и трижды капитан гвардейцев Ла Форс прогонял его. И вот на Рождество он почувствовал, что Господь отвернулся от нераскаявшегося грешника-короля. Значит, он желает его смерти. В январе 1610 г. Равальяк бежал за каретой Генриха до самого кладбища Невинноубиенных, но слуги не позволили ему подойти.

После Пасхи король был весь в хлопотах — надо готовиться к походу, успеть примириться с недовольными принцами, да и королева торопит с коронацией. Наконец обряд миропомазания, увековеченный Рубенсом, свершился в Сен-Дени. Король умиленно взирал из ложи на

Убийство Генриха IV

свою тучную супругу. Теперь на нее можно спокойно оставить королевство. Однако побочный сын короля — Цезарь Вандом предупредил отца, что, по предсказаниям астрологов, 14 мая — особо неблагоприятный день для монарха. Король отмахнулся — слишком много подобных предупреждений слышал он за последнее время. Впрочем, спал он плохо и на следующий день решил прогуляться в открытой карете к своему другу Сюлли, сюринтенданту финансов и начальнику артиллерии. По должности ему полагалось жить при Арсенале, недавно отстроенном здании на восточной окраине, ставшей излюбленным местом прогулок парижан.

В карете кроме короля были лишь несколько дворян, а пятеро слуг бежали следом. Генрих сидел рядом с герцогом д'Эперноном (столь ненавистным некогда другом Генриха III), напротив них сидели герцог Монбазон и маршал Лаварден. Д'Эпернон читал королю какие-то бумаги — у Генриха с годами ослабло зрение. И никто не заметил, как долговязая фигура отделилась от колонн Лувра.

На улице Ла-Фероньер, тянувшейся вдоль кладбища Невинноубиенных, того самого, где расцвел сухой боярышник, воз с сеном и телега, груженная бочками, загородили проезд. Дворяне и слуги срезали путь через кладбище, поджидая короля в конце ули-

цы. С ним остались лишь двое слуг. Один из них пошел прикрикнуть на бестолковых возчиков, другой нагнулся, поправляя чулок. Пытаясь объехать препятствие, карета захала колесом в водосток. В это время рыжий верзила вскочил на колесо, перегнулся в карету и нанес королю страшный удар в грудь. Король вскрикнул, но после второго удара замолк навсегда. Все были в таком замешательстве, что Равальяк мог бы спокойно скрыться. Но он остался на месте. Подлетевший дворянин свиты занес над ним шпагу, но д'Эпернон спас Равальяка, крикнув, что охрана головой отвечает за преступника. Когда короля доставили в Лувр, он был уже мертв...

Судьи не могли поверить, что ничтожный Равальяк, этот неудачник, действовал самостоятельно. Конечно, заговоры были. Они существовали задолго до Равальяка и параллельно с его планами. Король был убит католической страной, не желавшей вести глобальную войну против всего католического мира. Он был убит духом Лиги.

Интересно и то, что случилось после убийства. Равальяк повторил подвиг Клемана — спас страну от тирана, от грандиозной войны. Разве не роптали все на налоги, разве не было недовольных? Но уже в камере убийца раскаивается в содеянном. Он осознает

свою вину перед королевской семьей и всей страной. И никто не превозносит имя Равальяка. А после казни толпа разорвала его обезображенное тело на кусочки. Его обвиняли в страшном грехе против общего блага. Маятник качнулся, и воплощением зла становится теперь не король, а его убийца.

«ДОБРЫЙ КОРОЛЬ АНРИ»

Смерть короля, тем более короля-централизатора, могла стать идеальным поводом для новых гражданских войн. К тому же регентша Мария Медичи была намного глупее Екатерины Медичи. И действительно, были мятежи знати, выступления гугенотов, памфлеты и дворцовые перевороты. Но большой войны не было. Потому что абсолютизм победил.

Смерть Генриха IV лишь укрепила королевский миф. Миф о короле-солнце, о французском Геркулесе, полубоге, мудреце на троне. Король стал гарантом единства страны, хранителем мира и процветания, арбитром в спорах сословий. Об этом твердили в многочисленных посмертных восхвалениях короля, где иезуиты соперничали в словословии с гугенотами, судебские — с дворянами. Народ валом валил к конной статуе короля, водруженной на Но-

вом мосту. И никто не вспоминал теперь о налогах, о религиозных конфликтах, о королевской неблагодарности. Остался в памяти лишь «добрый король Анри», при котором в супе каждого крестья-

нина по воскресеньям плавала курица. То был король «золотого века», и каждый следующий монарх из славной династии стремился походить на своего предка.

«ПРАВОСУДИЕ» РЕВОЛЮЦИИ И ПРОБЛЕМА ЗАКОНА

(Казнь Карла I Стюарта)

И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними.

1-я Книга Царств. 8, 7

Если господствующая в стране система (политическая, экономическая, социальная) в целом плоха, если народ — массы людей, принадлежащие к различным условиям и классам, с различным уровнем образованности, одинаково страдают от нее, недовольны ею, угнетены и активно отвергают ее, называя тиранической и кровавой, то кого им винить в существовании этой системы, против кого бороться? Виновен ли человек, стоящий на вершине общественной пирамиды? Какие обвинения и по каким законам могут быть ему предъявлены? Ясно, что не по законам системы, — их ведь он обычно не нарушает.

И кто, какой суд может судить его и вынести приговор? И кто будет приводить приговор в исполнение? И почему

случается так, что один тиран правит долго и счастливо (счастливо для себя, ибо приносит много несчастий народу), а другого — гораздо, правда, реже — сметает волна народной стихии?

Размышляя о событиях мировой истории, мы не раз зададимся этими вопросами.

С особенной силой их поставила, конечно, английская революция XVII в. Впервые в истории она дала миру небывалый, чреватый поистине сокрушительными последствиями прецедент, созвав «Верховный суд справедливости», который судил законного короля Карла I от имени всего английского народа. Тем самым было положено начало новому государственному правосознанию, новому отношению к проблемам власти и ее ответственности перед народом.

На протяжении многих веков король в сознании человека европейской цивилизации (да и восточных цивилизаций тоже) являлся существом священным, Божиим помазанником, венчанным на царство с благословения небесных сил. Такое понимание царской (королевской) власти шло от древней ветхозаветной традиции, согласно которой земной монарх был лишь представителем или орудием незримого Царя царствующих. Королевское звание (как и звание русского царя) имело некий мистический, иррациональный смысл, оно воплощало в себе апостольское «нет власти еще не от Бога» и уже поэтому не подлежало земному суду. Лаэрт в «Гамлете» говорит сестре о наследном принце:

*Подумай, кто он, и проникнись страхом.
По званию он себе не господин.
Он сам в плену у своего рожденья.
Не вправе он, как всякий человек,
Стремиться к счастью...*

Впрочем, еще в XVI в. некоторыми оспаривалось такое понимание королевской власти. Никколо Маккиавелли сделал первый шаг к обмирщению понятия государя. Монарх у него — не помазанник Божий, а светский владыка, имеющий вполне прагматические цели и должествующий быть ловким политиком, если желает добиться успеха в своем государстве. Голландец

Гуго Гроций, отделив естественное право человека от воли Божией, выдвинул идею общественного договора, посредством которого люди объединяются в союз для соблюдения права и общей пользы и передают часть своих прав монарху. Если монарх становится тираном и угрожает благополучию и самому существованию народа, тот может оказывать ему вооруженное сопротивление.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

В XVII в. эти идеи, похоже, начали приносить плоды. Однако ломка старого сознания шла исподволь, подспудно, постепенно. Революция в Англии началась с отказа парламента вотировать налоги на войну с Шотландией. Короля никто не в чем не обвинял — наоборот, все выражали ему чрезвычайное почтение. А недовольство высокими налогами, произволом чиновников, казнокрадством, стеснениями свободы предпринимательства, духовным гнетом государственной церкви выливалось в гнев против «дурных советников»; они-де склоняют короля к антинародной политике.

Карл вступил на престол в 1625 г. после смерти отца Якова I Стюарта (как утверждали, он был отравлен не без молчаливого согласия Карла), к

Карл I Стюарт, король Англии.
Фрагмент. Художник Антонис Ван Дейк

тому времени уже очень непопулярного в народе. Поначалу молодой король всем понравился: он обладал приятной внешностью, был образован, имел изящные манеры, любил спорт и живопись. На портретах Ван Дейка запечатлены тонкое, одухотворенное лицо, длинные, тщательно завитые и расчесанные волосы, крупная жемчужная серьга в ухе и богатый кружевной воротник. В жены себе он взял пятнадцатилетнюю француженку, дочь короля Генриха IV Генриетту Марию. Легкомысленная смазливая девчонка была католичкой, и вслед за ней в Англию потянулись паписты — священники, слуги и соглядатаи римского двора. В

королевских покоях служили мессу. Карл обожал свою жену и не скупился устраивать в ее честь балы, маскарады, театральные представления и танцы.

Политика же его разочаровывала: он, как и его отец, всячески привечал бездарного фаворита герцога Бэкингема, поощрял католиков в ущерб протестантам, вел на континенте затяжную невыгодную войну, без конца увеличивал налоги, пошлыны и всяческие поборы. Когда же парламент осмелился высказать ему недовольство и потребовал соблюдения своих прав, Карл надменно заявил: «Парламенты всецело в моей власти, и оттого, найду я их

Генриетта Мария. Фрагмент.
Художник Антонис Ван Дейк

полезными или вредными, зависит, будут они продолжаться или нет». В 1629 г. он разгоняет парламент и в течение одиннадцати лет правит единолично, полагаясь целиком на своих советников и фаворитов.

Не случайно первой жертвой революции, еще за двенадцать лет до открытия Долгого парламента, стал ближайший королевский советник и фаворит герцога Бэкингема. Не случайно одним из первых шагов, предпринятых революционным Долгим парламентом, стало обвинение в государственной измене и арест графа Страффорда — ближайшего королевского сановника. А народные массы, собравшись огромной толпой на стихийный митинг у Вестминстера, требовали правосудия и казни. Именно их клич: «Долой великих преступников!» — заставил лордов подписать смертный приговор первому министру Англии.

Вскоре началось другое могучее движение — против власти епископальной церкви. Парламент получает сотни петиций, почти ежедневно выходят листки и памфлеты, где доказывается, что «власть духовенства является главной причиной и источником многих бедствий, притеснений и обид, причиняемых совести, вольности и имуществу подданных».

И даже когда король, убе-

Джордж Вильерс, герцог Бэкингема

дившись, что миром договориться с парламентом не удастся, едет на север, собирает войска верных ему кавалеров и поднятием своего боевого штандарта в Ноттингеме 2 августа 1642 г. объявляет войну непокорным подданным, обвинения направлены не на него, а на дурные законы, дурных советников, дурных исполнителей. Даже издавая приказ о создании армии, парламент формулирует его цель как «защиту особы короля, обеих палат парламента и всех тех, кто подчиняется их повелениям...»

Когда же король в результате побед кромвелевских «железнобоких» захвачен в плен и перевезен в ставку армии, сам

Томас Уэнтворт, граф Страффорд

Кромвель и его советники-генералы начинают с ним вежливые переговоры и готовы, кажется, вернуть его на трон. «Ни один человек, — говорит Кромвель, выражая мнение многих жителей Англии, — не сможет спокойно пользоваться своей жизнью и собственностью, пока королю не будут возвращены его права».

В ПЛЕНУ У АРМИИ

Но левеллеры — небольшая, но активная партия политических уравниателей, особенно сильная в армии, — в 1647 г. заявляют, что «права короля ничто и недействительны перед законом». «Сле-

дует помнить, — говорится в левеллерском манифесте «Дело армии», — что всякая власть по происхождению и по существу исходит от народа в целом, и его свободный выбор является основой всякого справедливого правительства».

На конференции в Петни осенью 1647 г. звучат смелые речи, отвергающие монархическую форму правления для Англии: «Те, кто отстаивает незыблемость монархии, предают права народа!», «Мы против короля и против любой власти, которая будет вредить народу». Левеллер Петти заявил: «Когда я увижу желание Господа уничтожить и короля, и лордов, и собственность, я буду доволен».

Именно там впервые было сказано о необходимости привлечения короля к ответу за пролитую кровь и за тиранию.

Но минет еще год, произойдет множество событий, прежде чем эти голоса будут услышаны. Только после чудовищного вероломства Карла, бежавшего из-под стражи на остров Уайт и затеявшего закулисные переговоры с иностранными державами за спиной парламента, только после того, как роялисты развязали новую гражданскую войну, а Кромвель ценой героических усилий их победил — и в Уэльсе, и на севере Англии, и в Шотландии, — вопрос о привлечении

его к суду встал, что называется, на повестку дня.

Однако возникло существенное препятствие: парламент был склонен к компромиссу с монархией. Главарям революции — Кромвелю и его офицерам, а также толкавшим их к кровавой развязке и республиканскому правлению левеллерам необходимо было обезвредить, подчинить своей воле консервативных, колеблющихся, но избранных по закону депутатов. Революционное насилие выражается в открытых противоправных действиях. 2 декабря 1648 г. армия вступает в Лондон. 6 декабря к Вестминстеру, где заседает парламент, стягиваются войска. В палату общин пропускают только тех, кто согласен на низложение монарха. Их набирается немного — едва ли треть от общего числа депутатов палаты. Остальных, несмотря на громкие протесты, заперли в боковой комнате. Когда в полдень парламентский проповедник Хью Питерс пришел, чтобы переписать имена задержанных, депутаты спросили:

— По какому праву вы схватили нас и держите взаперти?

Проповедник (иными словами — идеолог революции), указав на висящую у него на боку шпагу, сказал:

— По праву вот этой штуки...

Оливер Кромвель

РОЛЬ КРОМВЕЛЯ

Но мы не сказали еще о позиции главного действующего лица драмы, на которого многие потом возлагали ответственность за царубийство. Другие, наоборот, считали, что он всячески пытался сохранить королю жизнь, лишь из тактических соображений делая вид, что принимает сторону армейских и парламентских республиканцев. Непобедимый Кромвель — гроза роялистов — все еще колебался.

25 декабря Кромвель предложил сохранить Карлу жизнь, если тот примет предложенные ему условия. Он сознавал, что допустить суд и казнь короля — значит создать опаснейший прецедент: ни один монарх от-

ныне не сможет быть спокоен за свою власть и жизнь. Он тянул до последнего, но на него наступали, от него требовали... И он решился.

На следующий день Кромвель уже говорил перед палатой так: «Если бы кто-нибудь раньше предложил свергнуть короля и его потомков, я счел бы его величайшим предателем и бунтовщиком. Но Провидение возложило это на нас, и мне не остается ничего, кроме как подчиниться воле Божией, хотя я и не готов еще высказать вам свое мнение на этот счет».

За подобные речи враги (и справа, и слева) обвиняли его потом в лицемерии. Но это был, скорее всего, страх. Взять на себя ответственность за такое неслыханное дело — суд над сувереном, Божиим помазанником!

Другое дело — если само Провидение осудит на казнь недостойного монарха. Тогда смиренному слуге Божию ничего не остается, как подчиниться. И конечно, суд и казнь должны происходить публично, перед всем народом и при соблюдении законной процедуры.

А народ — или, по крайней мере, часть его — неуклонно требовал суда и казни. 23 декабря палата общин постановила создать комитет для привлечения короля к судебной ответственности. Божий помазанник, суверен по «бо-

жественному праву» привлекался к открытому суду за свои преступления. Шестьдесят лет назад был нанесен подобный удар по монархии — и по тому же самому Богом проклятому древу Стюартов: суд английских пэров и английской королевы разбирает дело заблудшей овцы — Марии Стюарт. Но ее судила тоже королева, равная ей по рангу, судила за прелюбодеяние, соучастие в мужеубийстве и покушение на ее власть. Сейчас дело было иного рода.

Подданные, люди низшие, вассалы без роду и племени, собирались судить своего суверена. И преступление было иным: не просто в блуде или убийстве обвиняли короля, а в действиях, направленных против собственного народа...

«ВЕРХОВНЫЙ СУД СПРАВЕДЛИВОСТИ»

Суд приближался. 1 января 1649 г. палата общин постановила: «Карл Стюарт... задался целью полностью уничтожить древние и основные законы и права этой нации и ввести вместо них произвольное и тираническое правление, ради чего развязал ужасную войну против парламента и народа, которая опустошила страну, истощила казну, приостановила полезные занятия и торговлю и стоила жизни многим тысячам людей... Посему ко-

роль должен быть привлечен к ответу перед специальной судебной палатой, состоящей из 150 членов, назначенных настоящим парламентом, под председательством двух верховных судей». Огласили список членов «Верховного суда справедливости».

И сразу же у многих из них нашлись неотложные дела в отдаленных поместьях. Началось неудержимое бегство кандидатов в судьи из Лондона. Уехали юристы, исчезли главные судьи королевства Ролл, Сент-Джон, Уилд. Многие внезапно заболели — они боялись и короля, которого должны были судить, и народа, толкавшего их на решительные действия, и Божией кары.

Перед главарями революции встало еще одно препятствие: для того, чтобы постановление общин приобрело силу закона, требовалось согласие лордов. Лорды дать его не пожелали — двенадцать членов палаты 2 января 1649 г. единогласно отвергли ордонанс о привлечении короля к суду и отложили заседание на неделю.

В ответ палата общин 4 января приняла три знаменательные резолюции:

«1. Народ, находящийся под водительством Божиим, является источником всякой справедливой власти.

2. Общины Англии, собранные в парламенте, буду-

чи избраны народом и представляя его, имеют высшую власть в государстве.

3. То, что общины объявят законом в парламенте, должно иметь силу закона, хотя бы ни король, ни лорды не согласились на это».

Так старый, веками существовавший государственный порядок был уничтожен. По существу, этот акт устанавливал в Англии республику.

События стали развиваться еще стремительнее. Королеве было отказано в свидании с мужем. Король был лишен большей части свиты, обед ему стали подавать в непокрытых блюдах, никто не отведал кушаний, прежде чем подать их Карлу, никто не становился перед ним на колени.

Число членов «Верховного суда справедливости» было сокращено до 135, а кворум определен поразительной цифрой — 20. Устроители суда понимали, как трудно найти охотников на такое дело. Первым в списке судей был главнокомандующий армией генерал Фэрфакс, вторым — Кромвель, третьим — его зять Айртон.

Но и теперь бегство членов суда из Лондона продолжалось. Уезжали и республиканцы, опасаясь установления военной диктатуры.

В парламент и армейский совет наряду с петициями, требующими осуждения коро-

ля, приходили протесты — от французского посланника и представителя Шотландии, от пресвитерианских проповедников и роялистских памфлетистов. Лондон был растревожен противоречивыми слухами, предсказаниями, опасениями...

ПОДГОТОВКА ПРОЦЕССА

8 января, в два часа дня, «Верховный суд справедливости» собрался в Расписной палате Вестминстера: невероятное становилось реальностью.

Огонь огромного камина освещал зал, свечи трепетали в канделябрах. Пятьдесят три человека отважились в этот день судить короля — это были члены «очищенной» палаты общин и армейские офицеры. Среди них и «кромвелевские полковники». В дальнейшем их число будет то больше, то меньше, но никогда не подымется выше шестидесяти семи. «Что можно ждать от такого суда?» — презрительно цедили роялисты. Председателем был избран судья из Честера Джон Брэдшоу, до сих пор ничем себя не проявивший и достаточно безликий человек. Ему выдали великолепную алую мантию и шляпу с высокой тульей, в которую осторожный судья подложил стальные пластины.

О заседаниях суда, проис-

ходивших в Расписной палате с 8 по 20 января, ничего не было известно. 9 января туда пригласили свидетелей обвинения — они должны были дать показания против Карла Стюарта. Стало известно, что для открытого процесса избран Вестминстер-холл — самый большой общественный зал в королевстве.

Всем казалось теперь, что именно Кромвель решает дело. Он стал единственным могучим антиподом королю. Республиканцы и левеллеры смотрели на него с надеждой, роялисты — с ненавистью и страхом. Даже иностранные державы смирились с очевидным: пришла бумага от голландских Генеральных штатов с рекомендацией новых послов — она была адресована не королю и не парламенту, а лично Оливеру Кромвелю.

До суда Карла было решено перевести в дом, непосредственно примыкавший к зданию Вестминстера, а сад его выходил к Темзе. 19 января его под усиленной охраной перевезли в Лондон, а затем на барже доставили на место. Кромвель, подойдя к окну Расписной палаты, увидел короля, идущего по саду между двумя шеренгами мушкетеров. Лицо Карла было серым, волосы уныло свисали вдоль щек. И все-таки это был король! Кромвель побледнел.

— Господа! — сказал он, оборотясь к судьям. — Он идет

сюда, и теперь мы должны свершить это великое дело. Мы должны решить, какой ответ дадим королю, когда он спросит: какой властью и по каким полномочиям его судят?

Все молчали. Затем один из присутствующих ответил:

— Именем общин, и собранного парламента, и всего доброго народа Англии!

ОПЛОШНОСТЬ БРЭДШОУ

20 января, в субботу, около двух часов пополудни, суд над королем начался. Шестидесят семь судей, предшествуемые стражей с алебардами, торжественно вступили на помост, приготовленный в Вестминстер-холле, и расселись на обитых красным сукном скамьях. Брэдшоу — председатель — поместился посредине, в кресле темно-красного бархата. Кромвель, по своему обыкновению, занял место в одном из задних рядов. Он хорошо видел стол, покрытый ковром, на который положили знаки верховной власти — меч и скипетр. Напротив председателя, спиной к залу, находилось обитое алым бархатом кресло для подсудимого. Помост отделяли от публики два деревянных барьера, между которыми встали вооруженные солдаты. По обеим сторонам помоста были устроены галереи для знатных господ и дам.

В Вестминстер-холл было дозволено пускать всех, без различия пола, возраста, состояний, — и разношерстная, непривычно молчаливая толпа заполнила зал. На галереях расселись именитые горожане, дамы, иностранные послы. Многие были в масках.

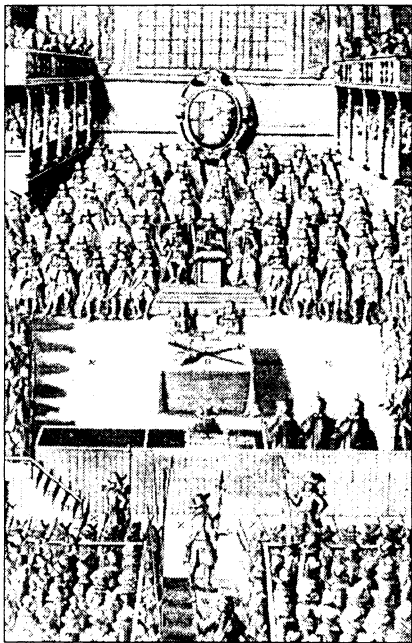
На помост вышли двадцать стражников, а за ними в сопровождении офицеров — король. Он шел очень прямо, в черной одежде и черной шляпе — он не снял ее при виде судей, чтобы подчеркнуть свое королевское достоинство перед этими простолюдинами. На лице его застыла презрительная улыбка.

Началась переключка судей. Первым было названо имя Брэдшоу, вторым — Фэрфакса. И тут случилась заминка: генерала в зале не оказалось.

— Он слишком умен, чтобы явиться сюда! — крикнула с галереи женщина в маске. Это была леди Фэрфакс.

Встал председатель суда Брэдшоу.

— Карл Стюарт, король Англии, — произнес он, — общины Англии, собранные в парламенте в соответствии со своим долгом перед справедливостью, перед Богом, народом и перед самими собою, в соответствии с властью, доверенной им народом, учредили эту высшую палату правосудия, перед которой вы предстали. Выслушайте предъявленное вам обвинение.

Суд над Карлом I

Генеральный прокурор Джон Кук начал читать обвинительный акт.

— Пойдите! — попытался Карл прервать его. Он протянул трость и дотронулся до плеча Кука серебряным набалдашником. Тот резко обернулся, тяжелый набалдашник упал и покатился по помосту. Никто не пошевелился. Карл помедлил, потом нагнулся и сам поднял набалдашник. Это унижение было замечено всеми. «Дурное предзнаменование для короля», — пронеслось по залу.

Между тем Кук продолжал читать. Монарх был наделен

ограниченной властью, говорилось в акте, и обязан был управлять страной в согласии с ее законами. Но, задавшись коварной целью присвоить тираническую власть, он уничтожил права и привилегии народа и развязал против него кровопролитную войну с помощью иноземцев. «И все это предпринималось с единственной целью — отстоять личный интерес в ущерб интересам народа, общему праву, свободе, справедливости и миру этой страны». Имя народа поминалось многократно. Но за обкатанными, привычными фразами о свободе, справедливости, мире угадывалось другое: кое-кто не мог простить Карлу, что он слишком открыто и жестко попирает *денежные интересы*, вторгаясь в собственнические права имущего класса. И поэтому Карл объявлялся ответственным «за все измены, убийства, насилия, пожары, грабежи, убытки... причиненные народу в указанных войнах» и «как тиран, изменник и убийца, открытый и беспощадный враг английской страны» призывался к ответу от имени всего народа.

При последних словах Карл громко рассмеялся, а с галереи раздался тот же голос:

— Это ложь! Половина, больше — три четверти народа Англии не согласны с этим! Оливер Кромвель — негодяй и предатель!

— Стреляйте в нее! — раздалась команда начальника стражи.

Но выстрела не последовало — окружающие поспешили вывести леди Фэрфакс из зала. Когда порядок был восстановлен, король заговорил.

— Я желал бы знать, — внятно произнес он, — какой властью я призван сюда? Еще недавно я вел переговоры на острове Уайт с обеими палатами парламента, и мне доверяли. Мы почти решили все условия мира. Я желал бы знать, какой властью — я разумею законную власть, а не власть разбойников и воров — я вырван отсюда и привезен сюда?

Брэдшоу ответил:

— Властью и именем народа Англии, который избрал вас королем.

— Я отвергаю это, сэр, — с торжеством произнес Карл. Недаром он был сыном Якова I, убежденного защитника теории божественного происхождения королевской власти. — Англия никогда не была выборной монархией. Она была наследственной монархией на протяжении последней тысячи лет... Покажите мне законные основания для вашего суда, опирающиеся на слова Божии, Писание или конституцию королевства, и я отвечу. Помните, — сказал он, — я ваш король, ваш законный король. Мои полномочия, унаследованные по закону,

вручены мне самим Богом. Я не предаю их, отвечая новой незаконной власти.

Брэдшоу понял, что допустил оплошность: не надо было давать в руки королю этот козырь. В самом деле, никогда еще до этого момента, ни по каким законам монархического государства народ не судил своего короля. И никакой суд — с точки зрения этих законов — не мог быть правомочен.

Но подданные совсем не собирались отступать. Судья Брэдшоу продолжил:

— Сэр, вы задали вопрос, и вам ответили. Теперь суд ожидает от вас определенного ответа. Может быть, для вас наши полномочия выглядят сомнительно, но мы знаем — они основаны на воле Бога и народа Англии.

Король, однако, стоял на своем. При чем здесь чья-то воля? Существует раз и навсегда заведенный порядок вещей. Человек не вправе нарушать его. Препирательства могли продолжаться до бесконечности, но тут подали голос солдаты. «Справедливости! Правосудия!» — закричали они. Заседание отложили до понедельника.

ПРИГОВОР

Пользуясь оплошностью Брэдшоу, Карл на следующем заседании суда приготовился к

нападению. Будучи предупрежден, что молчание будет расцениваться как признание его вины, он начал говорить. Король доказывал, и сам верил в это, что является защитником народных прав:

— Если бы речь шла только обо мне, я ограничился бы сделанным в первый день заявлением о незаконности этого суда... Но дело не только во мне, речь идет о свободах и правах народа Англии.

— Сэр, — возразил Брэдшоу, — мы не позволим вам оспаривать полномочия «Верховного суда справедливости»: он заседает здесь по воле нижней палаты, перед которой вы ответственны.

— Я отвергаю это, — настаивал король. — Назовите мне хотя бы один прецедент — разве подобное когда-нибудь происходило в Англии?

И он был прав. Прецедентов не существовало. Впервые подданные судили своего короля за государственную измену. На этот раз Брэдшоу нашелся:

— О том, сколь великим другом прав и свобод народа вы являетесь, пусть судят вся Англия и весь мир. О намерениях человека говорят дела, а ваши намерения оставили кровавые следы по всей стране.

«Справедливости! Правосудия!» — снова закричали солдаты. И на этот раз заседание окончилось ничем.

23 января все повторилось: Карл отказывался признать законность суда и отвечать на обвинения. В этот день палата общин вынесла решение, что отныне она действует «властью парламента Англии». Тем самым власть короля была окончательно отвергнута.

24 и 25 января заседаний в Вестминстер-холле не происходило: суд допрашивал свидетелей в Расписной палате. Одни рассказывали, как король, начиная войну с парламентом, поднимал свое знамя в Ноттингеме, другие видели короля в доспехах на поле боя, где он сражался против своих подданных, третьи слышали, как король приказывал не щадить пленных... В итоге Карл был признан «тираном, предателем и убийцей, открытым врагом Английского государства». Утром 26 января шестьдесят два члена суда приняли решение: король виновен и приговаривается к смерти «путем отсечения головы от тела».

ПРОСЬБА КОРОЛЯ

В субботу, 27 января, Вестминстер-холл был снова полон народа. Короля ввели под крики: «Справедливости! Правосудия! Казни! Казни!»

На этот раз Карл, по-прежнему не снимавший шляпы, не сел в свое кресло, а сразу обратился к Брэдшоу:

— Сэр, позвольте мне сказать одно слово. Я не подам повода прерывать меня — только одно слово!

— Но, сэр, вы скажете в свое время, — был ответ. — Выслушайте сперва суд.

— Я желаю, чтобы меня выслушали перед словом суда, — настаивал король. — Поспешный приговор не так легко отменить.

— Вас выслушают до вынесения приговора. Господа, — Брэдшоу обратился к залу, — обвиняемый упорно не желает признавать свою вину. Приговор ему уже вынесен, но мы согласны предоставить ему слово, если он не будет подвергаться сомнению законность суда.

Все затаили дыхание.

— Я желаю, — торжественно сказал король, — чтобы меня выслушали лорды и общины в полном составе. Я хочу сделать им одно предложение, которое гораздо важнее для королевства и для свободы моих подданных, нежели для моего собственного спасения.

Зал заволновался. Какое предложение? Что задумал король? Быть может, он хочет отречься от престола в пользу одного из своих сыновей? А может быть, это очередная уловка?

Изошренные в юридических тонкостях судьи понимали, что просьба короля отрицает их правомочность если не

прямо, то косвенно. Но некоторые заколебались. Из задних рядов донеслось:

— У нас что, сердца из камня? Люди мы или нет? — Это говорил полковник Даунс. На него зашикали, но он повысил голос: — Пусть я поплачусь жизнью, но дайте мне сказать!

— Вы в своем уме? — грубо спросил Кромвель. Глаза его метали молнии. — О чем вы думаете, полковник? Вы что, не можете сидеть спокойно?

— Нет, не могу! — Даунс вскочил. — Милорды! — крикнул он. — Послушайтесь своей совести, не отвергайте просьбы арестанта! Я прошу суд удалиться на совещание!

В зале поднялся шум. Судьи нерешительно поднялись с мест и вышли.

— Вы нарушили ход заседания! — Кромвель был в гневе. — Разве не ясно, что мы имеем дело с самым жестоким, самым коварным из людей! Его не следует щадить, его упрямству не надо потворствовать! Ни одному его слову нельзя верить!.. А может быть, вы хотите спасти своего господина?

Даунс отвечал дерзко. Казалось, он действительно не понимал всей серьезности происходящего. Кромвель потерял терпение:

— Довольно! Не будем слушать этого человека! Лучше вернемся в зал и исполним свой долг.

Авторитет его был непре-рекаем, и судьи расселись по местам. Брэдшоу отверг требование короля и, так и не дав ему слова, произнес длинную речь.

— Существует договор, — говорил Брэдшоу, — заключенный между королем и его народом, и он накладывает обязательства на обе стороны: долг суверена — защищать свой народ, долг народа — верность суверену. Если король однажды нарушил клятву, он уничтожил свой суверенитет... Мы творим великое дело справедливости и не отступимся от него.

Карл вскакивал, пытался отвечать, протестовать. Поздно! Приговор был произнесен:

— Упомянутый Карл Стюарт как тиран, изменник, убийца и открытый враг при-суждается к смертной казни через отсечение головы от тела.

Члены суда встали в знак одобрения приговора. Карл вскочил.

— Так вы дадите мне слово, сэр? — обратился он к Брэдшоу.

— Сэр, вы не можете быть выслушаны, — ответил тот. — Стража! Уведите арестанта!

— Но позвольте! Почему я не могу говорить после приговора? С вашего позволения, сэр, я могу говорить после любого приговора...

Карл путался в словах, заикался, смертельная бледность

покрыла его лицо. Солдаты окружили его и силой вывели вон из зала под крики толпы: «Правосудия! Правосудия! Казни!»

СБОР ПОДПИСЕЙ ПОД ПРИГОВОРОМ

Итак, приговор был оглашен народу. Теперь надо было собрать подписи судей. И снова возникли трудности: многие опасались начертать свое имя под смертным приговором королю. Одно дело — молча подняться со всеми в зале, выражая одобрение, и совсем другое — собственноручная подпись под приговором. К тому же ежедневно приходило множество писем как из-за границы, так и из Англии с просьбой отменить приговор, появлялись протестующие памфлеты.

Но ничто не могло поколебать решимости армейских офицеров — полковники первыми подписали приговор. Не медлили и парламентские республиканцы. Но многих приходилось уговаривать, даже заставлять. И тогда за дело взялся Кромвель.

Он пришел в палату общин 27 января и стал убеждать тех, кто был одновременно и членом суда, подписать приговор. Того же требовал от судей. Он был чрезвычайно возбужден: громко говорил, смеялся. Его шутовство, почти кощун-

ственное, почти безумное, приводило в недоумение. Не многие понимали, как страшно напряжены его силы. Он подписался под приговором третьим и при этом зачем-то вымазал чернилами лицо члена парламента Генри Мартена, который оплатил ему тем же. Так, с запачканным лицом, с лихорадочно блестящими глазами, шумный, напористый, он переходил от одного к другому, упрашивая, угрожая, издеваясь.

В понедельник сбор подписей продолжался в том же режиме.

Увидя полковника Ингольдсби, который не являлся на заседания суда, Кромвель подбежал к нему, схватил за руку, подтащил к столу. Вложив перо в его пальцы, он с громким смехом, водя его рукой, вывел под приговором: «Ричард Ингольдсби».

— Хоть вы и скрывались все это время, — заявил он, — теперь подпишете эту бумагу, как и все мы!..

КАЗНЬ КАРЛА I

На площади перед Уйтхоллом застучали молотки: сооружался помост для казни. Его, как и плаху, обтянули черным сукном. Открытый процесс должен был завершиться открытой принародной казнью. Палача нашли с трудом: даже за большие деньги они не со-

Карл перед казнью. 1649 г.

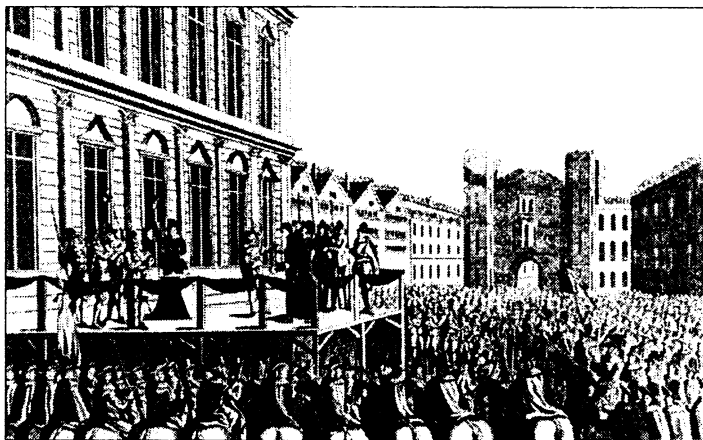
глашались на такое неслыханное дело.

Рано утром 30 января Кромвель велел одному из своих полковников — Ханксу — приготовить приказ палачу.

Ханкс стал отказываться, хотя знал, что генерал не терпит возражений. Присутствующие глядели на Кромвеля. Тот шагнул к маленькому столу с письменным прибором, взял лист бумаги и стал писать. Закончив, подал перо другому офицеру, Хэкеру:

— Подпишите вы, полковник. Не будем полагаться на такого упрямого и ненадежного малого.

Хэкер, не сказав ни слова, поставил свою подпись.

Казнь Карла I

А в это время площадь перед Уайтхоллом уже заполнялась народом. Отряды «железнобоких» окружили помост и выстроились вдоль стен дворца.

В два часа пополудни Карл, весь в черном, вышел на помост прямо из окна банкетного зала в сопровождении епископа Джексона и нескольких офицеров. Его уже ждали палач с помощником, одетые в костюмы моряков. Они были в париках, лица скрыты масками и накладными бородами. Карл заметил, что плаха слишком низка — чтобы положить на нее голову, придется склониться чуть ли не до самого пола. «Так надо, сэр», — ответил палач. Неудобно было объяснять королю, что это сделано нарочно. Так палачу легче действовать в случае сопротивления

жертвы. На этот же случай в пол помоста возле плахи были вделаны железные крюки.

День был холодный. Карл, заглядывая в листок бумаги, произнес небольшую речь. Он говорил о своей невинности. Парламент он обвинял в развязывании войны, армию — в применении грубой силы. Себя самого он упрекал лишь в том, что допустил казнь графа Страффорда. Он заявлял, что стоит за «народную свободу». Но «не дело подданных, — стоял он на своем, — участвовать в управлении государством». Король оставался королем и говорил — как милостивый монарх, наставляя своих подданных, словно неразумных и злых детей. Он твердо знал, что власть вручена ему свыше и не его вина, что ее отнимают таким жестоким способом.

Эта уверенность давала ему силы сохранять королевское достоинство и в смертный час. Он был вторым — после Марии Стюарт — из венчаных королев, кто присужден был к казни на плахе.

Морозный ветер налетал порывами, унося и без того негромкие слова короля. «Я умираю, — говорил Карл, — за свободу, я мученик за народ...» Никто, кроме стражи, его не услышал.

Закончив, Карл снял с себя драгоценности и передал епископу. Затем с его помощью снял камзол и убрал под шапочку длинные, развевшиеся и поседевшие волосы. Шагнув к плахе, опустился на колени, положил на нее голову и после краткой молитвы вытянул вперед руки в знак того, что готов к смерти. Палач одним ударом топора отсек голову. Его помощник тут же подхватил ее и высоко поднял в руке.

— Вот голова изменника! — прокричал он.

Тяжелый страдальческий стон пронесся над толпой. Будто привычный мир треснул и раскололся, распался, перестав существовать. Толпу качнуло, люди бросились вперед, к помосту, чтобы омочить платки в священной королевской крови. Особа монарха, Божиего помазанника, все еще внушала мистическое благоговение. Кавалеристы в красных мундирах стали отте-

нять людей от места казни, и вскоре площадь опустела.

Этот первый в истории акт народного возмездия был главным политическим достижением революции. Люди из третьего сословия одержали верх над монархией и аристократией. Они искренне верили, что казнь короля необходима для будущей свободы.

Прецедент был создан — не будь трагедии Карла, не могли бы осуществиться казни Людовика XVI и Марии Антуанетты, и, наверное, идеалы республики не смогли бы овладеть сознанием народов. Старый, живший века иерархический миропорядок был сокрушен — наступало Новое время, новая история.

7 февраля последовал знаменательный билль: «Опытом доказано, и вследствие того палатую объявляется, что королевское звание в этой земле бесполезно, тягостно и опасно для свободы, безопасности и блага народного; поэтому отныне оно отменяется».

Это означало провозглашение республики. На новой государственной печати вместо профиля короля были изображены крест и арфа — геральдические символы Англии и Ирландии — и стояла надпись: «В первый год свободы, милостью Божией восстановленной».

Титульный лист памфлета «Царственный образ». 1649 г.

«ЦАРСТВЕННЫЙ ОБРАЗ»

Обернулась ли эта свобода счастьем и благоденствием для английского народа — особый вопрос. Здесь же поразмышляем о прочности этой победы. Сила традиции живуча. Как ни жесток и коварен был Карл, ничто не могло уничтожить священный трепет перед «его величеством». И теперь, после мученической смерти помазанника, эти чувства вспыхнули с новой силой.

Роялисты поспешили воспользоваться этим и канонизировать мученика. Уже через неделю после казни из печати вышла книга, скорбно и торжественно озаглавленная «Эйкон Базилик», что по-гречески означало «Царственный образ (икона)». Заголовок по-английски разъяснял: «Правдивое изображение Его свя-

щенного величества в его одиночестве и страдании». Книга представляла собой нечто вроде духовной автобиографии самого короля, написанной им в последние месяцы и дни жизни. Целью этой фальшивки, на самом деле сочиненной пресвитерианским богословом Джоном Гауденом, было изобразить короля идеалом благочестия, примерным протестантом и семьянином, рателем о народном благе, трагически не понятым собственным народом.

И что удивительно: книга имела феноменальный успех у публики! Люди забыли двуличие Карла, его жестокость, страсть к роскоши и легкомысленным развлечениям, его коварство. Никто не любил короля при жизни. Теперь, когда его не было в живых, из него делали икону.

Республиканцам пришлось призвать на помощь талант лучшего полемиста и остроумца — поэта Джона Милтона. Он в знаменитом трактате «Иконоборец» безжалостно высмеял фальшивку, показав всю несостоятельность и ложь «Эйкон Базилик». Милтон убедительно доказывал, что гражданская война против короля — не мятеж злодеев, как это изображено в «Царственном образе», а справедливая борьба против тирана.

Интересно, что «Иконоборец», несмотря на несомнен-

ные достоинства, имел гораздо меньший успех у публики, чем «Царственный образ».

ПОСЛЕДНИЙ АКТ ДРАМЫ

Нам остается напомнить читателю о последнем акте драмы. Через одиннадцать лет после бесславной смерти Карла I его сын, сопровождаемый ликующими криками многотысячной толпы, усыпавшей ему дорогу цветами, с триумфом возвратился в Лондон и занял принадлежащий ему по закону престолонаследия английский трон. Ему не пришлось отвоевывать страну с оружием в руках: сам парламент — не очищенное от инакомыслящих до смешного малочисленное «охвостье», а избранный опять же по закону новый парламент, Конвент — пригласил его на престол. Стремление к легитимности, к освященности власти законом — не только человеческим, но и Божественным — победило.

В годовщину казни Карла I, 30 января 1661 г., тела Кромвеля, его зятя и соратника Айртона и председателя «Верховного суда справедливости» Брэдшоу были вытащены из усыпальниц в Вестминстере и сначала повешены вверх ногами на Тайберне — месте по-

зорных казней для преступников из низшего сословия. Так они висели весь день, и тысячи людей, видевших столь недавно всю их силу и славу, толпились вокруг, глядя на поруганные останки. Затем головы «цареубийц» были отсечены от туловищ и выставлены на шестах у Вестминстерского дворца.

Круг замкнулся. Легитимная монархия Стюартов восторжествовала. Государственная законность в ее традиционном понимании была восстановлена и просуществовала еще почти тридцать лет.

Рухнула она не под ударом народной стихии, а путем мирного династического переворота. Из-за пролива парламентом был приглашен Вильгельм Оранский, который мог, согласно династическим правилам, с некоторой натяжкой претендовать на английский трон. Когда он высадился в Англии со своим войском, Яков II Стюарт бежал и, лишенный какой бы то ни было поддержки, потерял престол. И нужно было бы произвести специальное юридическое исследование, чтобы решить, какой из переворотов, потрясших Англию в XVII в., был более законным — или, если угодно, более противозаконным.

ЗАГАДКА СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

Петр... считал совершенно законным для себя требование, чтоб сын и наследник имел охоту к продолжению его дела, имел убеждение в необходимости продолжать его именно в том самом направлении; недостаток сильных способностей восполнялся легкостью дела, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена, дело было легко и потому, что преемнику приходилось работать в кругу хороших работников, приготовленных отцом... Но Петр при своей работе в сонме сотрудников не досчитывался одного — родного сына и наследника!

С. М. Соловьев

Цари из династии Романовых не отличались крепким здоровьем: Михаил Федорович (1613—1645) и Алексей Михайлович (1645—1676) не дожили до 50 лет. После смерти Алексея Михайловича на престол вступил его старший сын (от первой жены Марии Милославской) Федор Алексеевич, юноша болезненный. Он скончался бездетным 27 апреля 1682 г., не достигнув и 20-летнего возраста. Некоторые современные историки (в частности, А. П. Богданов) считают, что царя Федора отравили те, кто стремился возвести на престол его 10-летнего младшего брата (сына второй жены Алексея Михайловича Натальи Кирилловны Нарышкиной) — царевича Петра Алексеевича, в обход 16-летнего старшего брата Ивана, неспособного к управлению. В отравлении царя

обвинили его врача Данилу Гадена, после страшных пыток он был изрублен на Красной площади.

ПРИВЯЗАННОСТЬ К СТАРИНЕ

Как известно, Петр I не был счастлив со своей первой женой Евдокией Федоровной Лопухиной. После возвращения из заграничного путешествия в 1698 г. Петр приказал постричь царицу Евдокию в монахини (инокиня Елена) и отослать в Суздаль, в Покровский девичий монастырь. Сын Петра и Евдокии, царевич Алексей, родившийся 18 февраля 1690 г., после разрыва родителей оказался на попечении сестры Петра Натальи Алексеевны. Ни царю, ни обер-гофмейстеру при царе-

виче Александру Меншикову было недосуг заниматься воспитанием наследника престола.

С шести лет Никифор Вяземский стал учить его грамоте, затем появились иностранные наставники. 13-летний Алексей, от природы неглупый («Бог разума тебя не лишил», — говорил ему Петр), охотно принялся за учебу, но в начале 1705 г. его наставник отправился с дипломатическим поручением за границу, и царевич был предоставлен самому себе. Он вскоре оказался в окружении людей, не разделявших планов преобразований царя. Алексей не скрывал привязанности к старине. Многие наследники родовитых семей — Рюриковичей и Гедиминовичей — тяготились службой и все надежды возлагали на царевича. Он был домосед, книжник, особенно любил церковные книги (наставник уверял, что Алексей пять раз прочел Библию на славянском языке и один раз — на немецком). Учение давалось ему легко, он сносно говорил и писал на французском и немецком языках, но военное дело не любил. В кругу близких — с духовником протопопом Яковом Игнатьевым, Александром Кикиным и другими — Алексей не раз говорил, с каким страхом ждет свиданий с отцом и как боится экзаменов. На исповеди Якову Игнатьеву он при-

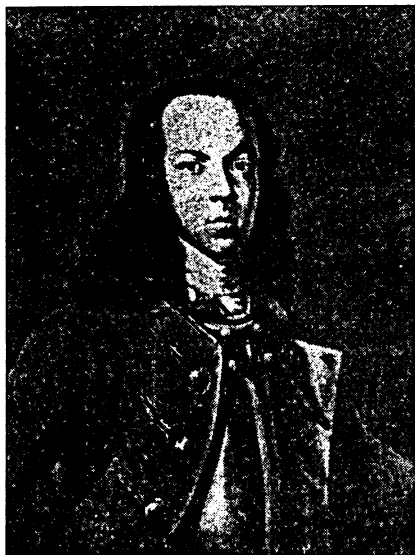

Петр I. Художник Карл Моор. Гравюра Хубракена. 1717 г.

знался, что желает смерти отца, на что получил ответ: «Бог тебя простит. Мы все желаем ему смерти для того, что в народе тягости много».

Впоследствии царевич рассказывал, что «с младенчества... несколько жил с мамою и девками, где ничему не обучался, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему и от природы склонен».

В 1703 и 1704 гг. во время войны со шведами царь вызвал сына к себе. Алексей присутствовал при взятии Нарвы. Тогда-то Петр и представил сыну обширную программу действий. «Ты должен любить все, что служит к благу и чести отечества, должен любить верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить трудов для обще-

Царевич Алексей Петрович.
Гравюра на стали Гритбаха

го блага. Если советы мои разнесет ветер и ты не захочешь делать того, что я желаю, то я не признаю тебя своим сыном: я буду молить Бога, чтоб он наказал тебя в этой и в будущей жизни». Выслушав грозные слова отца, царевич поклялся, что будет подражать ему. Видимо, у Петра уже тогда появились сомнения: сможет ли сын достойно продолжать его дело?

Царь еще больше отдалился от сына, когда завел новую семью. Пленная иноземка Марта Скавронская, очень темного происхождения, жена шведского драгуна, который сразу после венчания ушел воевать и попал к русским в плен, в крещении получила

имя Екатерины Алексеевны (ее приемником был царевич Алексей). В феврале 1712 г. Петр обвенчался с Екатериной. Она нажила с Петром одиннадцать детей, но многие умерли во младенчестве.

Мачеха неплохо относилась к царевичу Алексею. Известный дипломат князь Борис Куракин как-то спросил Алексея: «Добра к тебе мачеха?» «Добра», — ответил царевич. «Покамест у ней сына нет, то к тебе добра, а как у ней сын будет, не такова будет», — заверил Куракин.

Для завершения образования царь отправил Алексея за границу, в Дрезден. Не считаясь с желанием сына, Петр выбрал ему невесту — внучку герцога Антона Ульриха Бра-

Кронпринцесса София Шарлотта

уншвейг-Вольфенбюттельского (1633—1714) принцессу Софию Шарлотту (1694—1715). Ее старшая сестра Елизавета Христина была замужем за австрийским эрцгерцогом Карлом (в 1711 г. он стал германским императором Карлом VI).

Семейная жизнь Алексея не сложилась: кронпринцесса София Шарлотта осталась лютеранкой и чувствовала себя в России чужой даже после рождения дочери Натальи. А родив сына Петра, 12 октября 1715 г. скончалась. В том же месяце у Петра и Екатерины также родился сын — Петр Петрович. Алексей перестал быть единственным преемником царя.

27 октября 1715 г., в день похорон Софии Шарлотты, Петр вручил царевичу письмо «Объявление сыну моему», в котором предупреждал, что если он не исправится, лишит его наследства, так как «лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».

Посоветовавшись с друзьями, Алексей решил отказаться от наследства и 31 октября смиренно сообщил об этом отцу, пояснив, что не считает себя способным к управлению.

Петр потребовал от сына: «Или отмени свой нрав, или будь монах. А буде того не учинишь, то я с тобой как с злодеем поступлю». Алексей ответил: «Желаю монашеского чина и прошу о сем с милостивого позволения».

Петр уехал в заграничный поход, так и не приняв окончательного решения. 18 июня 1716 г. умерла царица Наталья Алексеевна, приставленная к Алексею. По словам голландского резидента, она якобы предупреждала Алексея: «Пока была жива, я удерживала брата от враждебных намерений против тебя; но теперь умираю, и время тебе самому о себе промыслить; лучше всего при первом случае отдайся под покровительство императора».

26 августа Петр I, находясь в Копенгагене, потребовал от царевича Алексея решительного ответа: если он отказался от мысли о монашестве, то пусть поспешит за границу, «ибо еще можно к действиям поспеть», или, если по-прежнему отказывается от наследства, ускорит уход в монастырь.

БЕГСТВО

Царевич решил бежать за границу. Взяв у Меншикова тысячу червонных и у Сената две тысячи рублей под предлогом поездки к царю, Алексей в сопровождении любовницы Афросиньи (Ефросиньи) Федоровой, крепостной Вяземского, ее брата Ивана Федорова и слуг покинул Петербург. В Риге он занял пять тысяч червонных и две тысячи мелкими деньгами.

По дороге, недалеко от Либавы, Алексей встретил тетку, царевну Марию Алексеевну, возвращавшуюся из Карлсбада. Она также не одобряла политику царя и сообщила племяннику, что на его стороне митрополит Рязанский Стефан Яворский и другие архиереи, князь Федор Юрьевич Ромодановский.

В Либаве Алексея ждал близкий ему человек — Александр Кикин. Тот был заранее послан, чтобы разведать, где можно укрыться от гнева царя. Кикин советовал ехать в Вену, к цесарю — там его не выдадут — и пугал царевича:

— Если отец пришлет кого-нибудь уговаривать тебя, то не ездь: он тебе голову отсечет публично. Не надейся и на то, что пострижет: в иночестве ты будешь жить спокойно и долго проживешь, а он тебя начнет теперь держать неотступно и всюду будет с собою возить, чтобы ты от волокиты умер, ты труда не понесешь. Кроме побегу, спастись теперь будет ничем иным нельзя.

Доехав до Данцига, царевич скрылся. Прошло два месяца, и Петр начал поиски пропавшего сына.

В ноябре 1716 г. Алексей Петрович под именем польского шляхтича Коханского добрался до Вены. Он добился приема у вице-канцлера графа Шёнбора и стал умолять о протекции, «чтоб цесарь спас мне жизнь: меня хотят погу-

бить, хотят у меня и у моих бедных детей отнять корону» (так вице-канцлер передал слова царевича). В изнеможении упав на стул, царевич закричал:

— Ведите меня к цесарю!

Однако ни с императором, ни с императрицей Алексей свидания не получил. Австрийцы сочли, что выгоднее держать пребывание наследника русского престола в австрийских владениях в глубокой тайне, и предложили укрыться в Тироле, в горной крепости Эренберг, под видом государственного арестанта. Шёнборн передал Алексею известия из России. Тревогу возбудила царевна Мария Алексеевна. Приехав к детям Алексея Петровича, она в слезах сказала:

— Бедные сироты! Нет у вас ни отца, ни матери! Жаль мне вас!

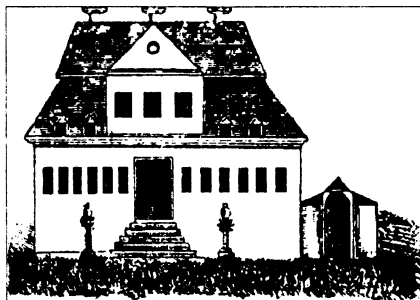
Сразу же стали распространяться слухи о судьбе царевича: царские слуги схватили его и отвезли в дальний монастырь; нет, говорили другие, царевич укрылся в цесарских владениях и летом придет к матери; третьи утверждали, что в Мекленбурге гвардейские и другие полки сговорились царя убить, царицу и ее детей заключить в тот самый монастырь, где сидит прежняя царица, а правление отдать настоящему наследнику — царевичу Алексею.

«Здесь все склонны к воз-

мущению, — сообщал австрийский резидент в Петербурге Плейер, — и знатные, и незнатные только и говорят о презрении, с каким царь обходится с ними, заставляя детей их быть матросами и корабельными плотниками, хотя они уже истратились за границу, изучая иностранные языки, что их имения разорены вконец податями, поставкою рекрут и работников в гавани, крепости и на корабельное строение».

Между тем Петр поручил генералу Адаму Вейде, стоявшему с войсками в Мекленбурге, и русскому резиденту в Вене Абраму Веселовскому разыскать царевича. Веселовский все узнал и донес царю. Петр немедленно послал в Вену капитана гвардии Александра Румянцева в сопровождении четырех офицеров. Несмотря на уверения австрийских властей, что царевича нет в пределах империи, Румянцев выследил его в Тироле и потребовал выдачи. Алексей умолял императора не выдавать его отцу и согласился укрыться в Неаполе, который тогда принадлежал Австрии.

В сопровождении австрийского секретаря Кейля и Ефросиньи, переодетой пажом, Алексей 6 мая приехал в Неаполь. Его поселили в крепости Сент-Эльмо. Однако Румянцев прознал о переезде Алексея в Неаполь и сообщил царю.

Дворец Алексея Петровича

Петр I в то время находилась в Спа. На помощь Румянцеву царь послал опытного дипломата, тайного советника Петра Толстого. 26 июля они прибыли в Вену и добились частной аудиенции у Карла VI. Русские дипломаты получили от Петра инструкцию: «Стараться им всяким образом и домогаться, дабы его (Алексея) цесарь с ним к нам послал, и употреблять в том и ласку и угрозы, по состоянию дела смотря; а буде в том весьма откажут, то домогаться, чтоб по последней мере пустил их к сыну нашему, дабы они могли с ним видаться, объявляя, что они имеют от нас к нему и на письме и на словах такие предложения, что, чают, оному будут приятны и сам на то склонится и просить его цесарское величество будет, чтобы отпустил его к нам».

В письме к Алексею Петр уговаривал и грозил: «...посылаю ныне сие последнее к

тебе, дабы ты по воле моей учинил, о чем тебе господин Толстой и Румянцев будут говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обещаюсь Богом и судом его, что никакого наказания тебе не будет, но лучшую любовь покажу тебе, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то, яко отец, данною мне от Бога властью проклиная тебя вечно; а яко государь твой, за изменника объявляю и не оставлю всех способов тебе, яко изменнику и ругателю отцову, учинить, в чем Бог мне поможет в моей истине. К тому помани, что я все не насильством тебе делал; а когда б захотел, то почто на твою волю полагаться? Что б хотел, то б сделал».

Настойчивость русских дипломатов сломила упорство Вены: австрийские власти разрешили посланцам царя отправиться в Неаполь для переговоров с Алексеем.

Прибыв в Неаполь, Толстой и Румянцев 26 сентября 1717 г. встретились в доме вице-короля графа Дауна с царевичем. Алексей долго не поддавался на уговоры. И только угрозы, что его доставят в Россию силой, вынудили согласиться на отъезд. Он просил лишь разрешения жениться на Ефросинье и поселиться в деревне.

РОЗЫСК

Петр I уже понял, что сам Алексей, без советников, не мог решиться на такое дело — отдаться под покровительство чужого государя, опозорить отца перед всей Европой. Что делать с непотребным сыном? Кто стоит за его спиной? Не тянутся ли нити в монастырь, где живет насильно постриженная инокиня Елена?

В дороге Алексей получил известие от отца. Петр писал: «Письмо твое я здесь получил, на которое отвечаю: что просишь прощения, которое уже вам пред сим через господ Толстова и Румянцева письменно и словесно обещано, что и ныне подтверждаю, в чем будь весьма надежен. Также о некоторых твоих желаниях писал к нам господин Толстой, которые также здесь вам позволят, о чем он вам объявит. Петр».

В Москву царевича привезли 31 января 1718 г. Беременная Ефросинья отстала от него по дороге. 3 февраля состоялось свидание Алексея с отцом. В Кремлевском дворце собрались сенаторы, духовенство и другие высшие лица. Петр приказал ввести Алексея, который упал перед ним на колени.

— Встань, — сказал царь, — объявляю тебе свою родительскую милость.

Петр обвинил сына, что он не хотел обучаться тому,

что нужно для будущего наследника, что бежал из отечества и обратился к иностранному государю.

— Я покажу тебе милость, но только с тем, чтобы ты показал самую истину и объявил о своих согласниках, которые тебе присоветовали бежать к цесарю.

Царь с Алексеем вышел в другую комнату, и там царевич назвал своих сообщников, помогавших ему в побеге. После этого Петр приказал прочесть уже отпечатанный манифест, в котором сообщалось о давней неохоте царевича к воинским и гражданским делам, излагалась история его побега и объявлялось, что царь прощает его и освобождает от всякого наказания, но лишает наследства после себя, «хотя бы ни единой персоны царской фамилии не оставалось», а наследником назначает другого сына — Петра. А те, кто станет признавать по-прежнему наследником Алексея, объявляются изменниками.

По прочтении манифеста Петр еще раз повторил: «Прощаю, а наследства лишаю!» Затем в Успенском соборе царевич Алексей поклялся перед Крестом и Евангелием «воле родительской во всем повиноваться и того наследства никогда ни в какое время не искать, и не желать, и не принимать его ни под каким предлогом. И признаю за ис-

тинного наследника... царевича Петра Петровича».

4 февраля по требованию царя Алексей написал то, что сказал отцу накануне: выдал сообщников — Кикина, Вяземского, царевну Марию Алексеевну, князя Василия Долгорукого, Афанасьева и др. Себя царевич выгораживал и многое утаил. Началось следствие.

После пыток Кикин был приговорен к смертной казни жестокой, Афанасьев — просто к смертной казни, князя Василия Долгорукого сослали в Соликамск, Вяземского — в Архангельск. Розыск шел и в суздальском Покровском монастыре. Капитан-поручик Григорий Скорняков-Писарев нашел инокиню Елену в мирском платье и выяснил, что она вступила в связь с капитаном Степаном Глебовым, посланным в Суздаль для набора рекрутов. Инокиня была вынуждена написать признание: «Я с ним блудно жила в то время, как он был у рекрутского набора, в том и виновата». Сын Глебова показал, что отец был дружен с епископом ростовским Досифеем, с ключарем Федором Пустынным и с ризничим Петром. Брат бывшей царицы Абрам Лопухин признался, что желал смерти царя и вступления на престол Алексея.

Глебов был приговорен к жестокой смертной казни — посажен на кол, Пустынный — к обыкновенной смер-

тной казни, другие оговоренные — наказаны телесно и сосланы. Инокнию Елену отправили в женский монастырь на Ладогоу.

Царевича пока не трогали, и он начал успокаиваться. «Батюшка поступает со мной милостиво, — писал он Ефросинье, — слава Богу, что от наследства отлучили! Дай Бог благополучно пожить с тобою в деревне».

18 марта Петр вместе с Алексеем уехал в Петербург. 12 апреля, на Пасху, Алексей, поздравляя мачеху, умолял ее уговорить отца, чтобы тот позволил ему жениться на Ефросинье. Но Ефросинью, еще сразу по приезде в апреле в Петербург, засадили в крепость, и на допросах она выдала то, что царевич утаил: царевич в Эренберге писал письма цесарю с жалобами на государя; говорил ей, что в войске русском бунт, об этом пишут в газетах; что около Москвы волнение; слыша о смуте, царевич радовался: «Авось Бог даст нам случай с радостью возвратиться». В Неаполе царевич, прочтя в газетах, что меньшей царевич болен, говорил: «Вот видишь, что Бог делает: батюшка делает свое, а Бог свое!» Говаривал: «Я старых всех переведу и изберу себе новых по своей воле: когда буду государем, буду жить в Москве, а Петербург оставлю простым городом; корабли держать не буду; вой-

ско стану держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хочу, буду довольствоваться старым владеньем, зиму буду жить в Москве, а лето в Ярославле». Когда Толстой приехал в Неаполь, то царевич хотел уехать к папе римскому, но Ефросинья его удержала. «Может быть, отец мой умрет или бунт будет; отец мой, не знаю за что, меня не любит и хочет наследником сделать брата моего, а он еще младенец, и надеется отец мой, что жена его, моя мачеха, умна, и когда, сделавши это, умрет, то будет бабье царство, и добра не будет, и будет смятение: иные станут за брата, иные за меня», — доносила Ефросинья слова царевича.

Раньше царь считал, что слабый, бесхарактерный сын лишь игрушка в руках ловких пройдох. В Москве он говорил Петру Толстому:

— Когда б не монахиня (царица Евдокия), не монах (Яков Игнатьев) и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое неслыханное зло.

Показания Ефросиньи погубили царевича, придав делу совершенно иной оборот. Наследник опирался на сочувствие большинства русских людей, радостно прислушивался к слухам о замыслах, имевших целью гибель царя. Программа его действий уже начертана. Все, сделанное Петром, будет ниспровергнуто.

Алексей признал, что показания Ефросиньи — правда, что раньше скрыл это умышленно.

СУД И ПРИГОВОР

Царь решил созвать особый верховный суд для разбирательства дела Алексея. 12 июня были обнародованы объявления духовенству, генералитету, сенаторам и министрам. В объявлении светским лицам, например, государь требовал: «Несмотря на лицо, сделайте правду и не погубите душ своих и моей, чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания и отечество наше безбедно!»

Царевича взяли под стражу. С 14 июня он содержался в Петропавловской крепости. 17 июня приведенный в Сенат Алексей показал: австрийский резидент Плейер сообщал вице-канцлеру графу Шёнборну в Вене, что Абрам Лопухин спрашивал у него, где обретается царевич, и говорил, что в Москве стоят за царевича. Затем Алексей объявил, что надеялся на чернь, слыша от многих, что его в народе любят.

Отведя в сторону светлейшего князя Меншикова, Шафирова, Толстого и генерала Бутурлина, царевич признался им:

— Я имел надежду на тех людей, которые старину лю-

бят так, как Тихон Никитич (Стрешнев); я познавал их из разговоров, когда с ними говорил, и они старину хваливали. А больше мне подали надежду слова князя Василья Долгорукого: «Давай отцу своему писем отрицательных от наследства сколько он хочет». К тому же говорил мне, что я умнее отца моего и что отец мой, хотя и умен, людей не знает, а я умных людей знать буду лучше. На архиерея рязанского надеялся, видя его склонность к себе.

Начались допросы под пыткой. 19 июня, по постановлению суда, ему дали 25 ударов кнутом. Пытка повторилась 22 и 24 июня.

Духовенство предоставило на волю государеву как поступать — по Новому или Ветхому Завету (по Ветхому Завету царь может казнить сына, по Евангелию — если следовать словам Спасителя о блудном сыне, то простить).

24 июня состоялся приговор суда. «По здравому рассуждению и по христианской совести», все единогласно решили, что «царевич Алексей за все вины свои и преступление главные против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти». Хотя царь и обещал царевичу прощение за побег, ежели добровольно возвратится, но он «умысел свой бунтовный против отца и государя своего... и желание

отцу и государю своему скорой кончины утаил».

Приговор подписали князь Александр Меншиков, генерал-адмирал граф Федор Апраксин, канцлер граф Гавриил Головкин, князь Яков Долгорукий, граф Иван Мусин-Пушкин, Тихон Стрешнев, сенатор граф Петр Апраксин, Петр Шафиров, Петр Толстой, князь Дмитрий Голицын, генерал Адам Вейде, генерал Иван Бутурлин, граф Андрей Матвеев, сенатор князь Петр Голицын, сенатор Михаил Самарин, генерал Григорий Чернышев, генерал Иван Головин, генерал князь Петр Голицын, ближний стольник Иван Ромодановский, боярин Алексей Салтыков, сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, боярин Петр Бутурлин, московский губернатор Кирилл Нарышкин и еще 103 человека менее высоких чинов. Из участвовавших в суде подписать приговор отказались генерал-фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, его брат и генерал князь Михаил Михайлович Голицын.

В «Записной книге С.-Петербургской гарнизонной канцелярии» сообщается: «26 июня по полуночи в 8-м часу начали собираться в гарнизон его величество, светлейший князь [т. е. Меншиков], князь Яков Федорович (Долгорукий), Гаврило Иванович (Головкин), Федор Матвеевич (Ап-

раксин), Иван Алексеевич (Мусин-Пушкин), Тихон Никитич (Стрешнев), Петр Андреевич (Толстой), Петр Шафиров, генерал Бутурлин; и учинен был застенок и потом, быв в гарнизоне до 11 часа, разехались. Того же числа по полудни в 6-м часу, будучи под караулом в Трубецком раскате в гарнизоне, царевич Алексей Петрович преставился». 30 июня царевич был похоронен в Петропавловском соборе в одном месте с женой, в присутствии царя и царицы.

27 июня Петр I праздновал годовщину Полтавской победы. Посланникам иностранных государств сообщили, что Алексей умер от «жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексии».

О причинах смерти царевича Алексея мы вряд ли когда-нибудь узнаем достоверно. Существует несколько версий: царевич умер под пыткой; был отравлен; задушен подушками (называли даже участников этого — Иван Бутурлин, Петр Толстой, Александр Румянцев и Александр Ушаков).

В делах Преображенского приказа и Тайной канцелярии за 1721 г. сохранились показания допрашиваемых. По словам попа Игнатия, царь «царевича бил дубиною, и от тех побоев царевич и умер». Столяр Королек показывал: «Государь царевича своими рука-

ми забил кнутом до смерти; а наговорила она, государыня царица, государю так: как тебя не станет, а мне от твоего сына и житья не будет; и государь, послушав ее, бил его, царевича, своими руками кнутом, и оттого он, царевич, и умер».

25 апреля 1719 г. умер царевич Петр Петрович. Наследником должен был стать сын царевича Алексея — Петр Алексеевич. Но внук царя, вступив на престол, вряд ли пощадил бы ближайших сотрудников Петра, виновных в гибели его отца. Поэтому в начале 1722 г. Петр издал устав о наследовании престола, согласно которому правительствующий государь, «кому оный хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впади в такую злость (имеется в виду царевич Алексей)... имея сию узду на себе».

В январе 1725 г. Петр I тяжело заболел. Он умер 28 января в страшных мучениях. Смерть императора породила несколько легенд: умер от простуды в ледяной воде осенью 1724 г., от песка в моче, от осложнения венерического заболевания, от «урины запору», от каменной болезни и т. д. В 1970 г. авторитетная медицинская комиссия пришла к заключе-

нию, что «Петр I, по-видимому, страдал злокачественным заболеванием предстательной железы, или мочевого пузыря, или мочекаменной болезнью». Медицина того времени была бессильна.

В наши дни астрологи выдвинули иную точку зрения. Ф. К. Величко, например, утверждает, что в смерти Петра были заинтересованы два лица: Меншиков, против которого давно было заведено дело о казнокрадстве, и жена императора Екатерина Алексеевна, уличенная в связи с Виллимом Монсом, братом многолетней любовницы Петра Анны Монс. За два дня до смерти Петру якобы дали за ужином новый сорт шоколадных конфет, отравленных мышьяком. Но обнаружить мышьяк в останках царя — это еще не значит доказать отравление: ведь препараты мышьяка входили тогда в состав лекарств. По утверждению астролога, гороскоп Петра I указывал на возможность насильственной смерти со стороны ближайшего окружения. Некоторое время слухи об отравлении императора ходили в народе. Однако Тайная канцелярия вскоре постаралась заткнуть рот болтунам.

Во всяком случае причина смерти Петра, несмотря на авторитетные медицинские заключения, продолжает оставаться тайной.

* * *

Екатерина II, задумав лишить своего сына Павла престолонаследия, искала прецеденты в прошлом и заинтересовалась делом царевича Алексея. Она дала следующую характеристику царевичу: «Я почитаю, что премудрый государь Петр I, несомненно, величайшие имел причины отрешить своего неблагодарного, непослушного и неспособного сына. Сей наполнен был против него ненавистью,

злобою, ехидной завистью; изыскивал в отцовских делах и поступках в корзине добра пылинки худого, слушал ласкателей, отдалял от ушей своих истину, и ничем на него не можно было так угодить, как понося и говоря худо о преславном его родителе. Он же сам был лентяй, малодушен, двояк, нетверд, суров, робок, пьян, горяч, упрям, ханжа, невежда, весьма посредственного ума и слабого здоровья».

ОТЕЦ И СЫН: ОДНА СУДЬБА

(Убийства Петра III и Павла I)

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья, —
Но вы, как я, подобно страстны
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Г. Р. Державин

Со смертью Петра II в январе 1730 г. угасло мужское потомство Дома Романовых. Перед сановниками, входившими в состав Верховного тайного совета, созданного при Екатерине I, встал нелегкий вопрос: кто должен занять российский престол? Выбор был небольшой: цесаревна Елизавета Петровна, дочь Петра Великого, ее племянник — сын ее старшей сестры Анны Петровны, наследный герцог Голштинский, которому было два года, и вдовствующая герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, племянница Петра, дочь его сводного брата Ивана V. Правда, были еще две сестры Анна — Екатерина, жена герцога Мекленбургского, и Прасковья.

Выбор пал на Анну Иоанновну — ее десятилетнее царствование вошло в историю

под названием «бироновщина» (по имени ее фаворита Эрнста Иоганна Бирона, герцога Курляндского). Бездетная императрица в 1739 г. выдала свою племянницу Анну Леопольдовну за принца Антона Ульриха Брауншвейг-Бевернского. 12 августа 1740 г. у них родился сын Иоанн Антонович, которого императрица назначила своим наследником. 17 октября 1740 г. Анна Иоанновна умерла, и младенец стал императором Иоанном III (иногда его называют Иваном VI).

В ночь на 25 ноября 1741 г. цесаревна Елизавета Петровна с помощью 300 гвардейцев Преображенского полка совершила дворцовый переворот, арестовав Брауншвейгское семейство, и стала самодержавной императрицей.

Если верить французскому посланнику при петербургс-

ком дворе маркизу де Ла Шетарди, новая императрица просила у него совета: как поступить с младенцем-императором и его родителями?

— Нет такой предосторожности, которую не следовало бы принять, чтобы уничтожить даже след царствования Ивана VI. Только таким образом, — рекомендовал француз, — можно сохранить Россию рано или поздно от несчастий, которые способны повлечь за собой обстоятельства и которых, после примера Лжедмитрия, еще больше можно опасаться в этой стране.

Елизавета Петровна не последовала этому совету: в ночь переворота она поклялась, что если благополучно взойдет на престол, то не прольет ни капли крови.

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ НАСЛЕДНИК ТРЕХ КОРОН

В конце 1741 г. императрице Елизавете исполнилось 32 года. Она была незамужней (впоследствии якобы вступила в тайный брак с графом Алексеем Разумовским, от которого у нее была дочь), и ей нужен был наследник. Единственным представителем рода Петра Великого оставался герцог Гольштейн-Готторпский (в России его называли Голштинским) Карл Петер Ульрих. Он родился 10 (21) февраля

1728 г. в городе Киле и рано потерял родителей: цесаревна Анна Петровна умерла 4 мая 1728 г., а отец — герцог Карл Фридрих — 6 июня 1739 г. Карл Петер Ульрих стал голштинским герцогом. А так как Карл Фридрих был сыном сестры шведского короля Карла XII, он мог претендовать и на шведский престол (у другой сестры шведского монарха детей не было).

Так голштинский принц, унаследовав герцогскую корону, мог претендовать еще и на королевскую, и на императорскую.

Герцог Карл Фридрих во всем старался подражать Карлу XII и считал необходимым, чтобы его сын постигал военное дело, помня, что после Елизаветы Петровны его сын — единственный законный наследник российского престола. Помнила об этом и Анна Иоанновна, которая, держа под постоянным надзором цесаревну Елизавету, говаривала: «Чертушка в Голштинии еще живет».

После смерти отца опекуном Карла Петера Ульриха стал его дядя, в доме которого он жил. Грубая казарменная обстановка, создаваемая будущим шведским королем Адольфом Фредриком, не способствовала его умственному развитию.

Карл Петер Ульрих, крещенный в православии, после смерти матери был воспитан

в лютеранской религии, учились шведскому языку — его готовили на шведский престол, а одним из элементов этого было воспитание ненависти к России.

После дворцового переворота в ноябре 1741 г. жизнь голштинского герцога круто изменилась. Елизавета Петровна поручила привезти племянника из Голштинии, чтобы обратить его в православную веру и объявить наследником престола.

В феврале 1742 г. юный герцог с сопровождением своих воспитателей прибыл в Петербург и был облаксан теткой. Но императрицу поразил его хилый и болезненный вид, недостаточное для его возраста образование. Известный мемуарист Андрей Болотов, хорошо знавший двор Елизаветы Петровны, оставил меткую характеристику предполагаемого наследника:

«По особливому несчастью случилось так, что помянутый принц, будучи от природы не слишком хорошаго характера, был и воспитан еще в Голштинии не слишком хорошо, а по привезении к нам в дальнейшем воспитании и обучении его сделано было приставками к нему великое упущение; и потому с самого малолетства заразился уже он многими дурными свойствами и привычками и возрос с нарочито уже испорченным нравом. Между сими дурными его

свойствами было, по несчастью его, наиглавнейшим то, что он как-то не любил российских и приехал уже к ним властью (будто. — *Авт.*) как со врожденною к ним ненавистью и презрением; и как был он так неосторожен, что не мог того и сокрыть от окружающих его, то самое сие и сделало его с самого приезда уже неприятным для всех наших знатнейших вельмож, и он вперил в них к себе не столько любви, сколько страха и боязни».

Любящая тетка поручила своим посланникам при иностранных дворах немедленно доставить ей новейшие планы европейского воспитания. В плане, разработанном академиком Яковом Штелиным, главное внимание было обращено на изучение русского и французского языков, на уроки закона Божиего. Предполагалось знакомство с древней и новейшей русской историей, а также с историей европейских держав. Но преподаватели не проявляли нужной настойчивости, и великий князь Петр Федорович, как голштинского герцога стали называть после принятия православия, не полюбил русский язык и предпочитал вести беседу на немецком.

Шумный двор Елизаветы Петровны часто отвлекал наследника от занятий, к тому же слабый организм Петра Федоровича был подвержен

частым заболеваниями: его мучили изнурительные лихорадки, он болел оспой и т. д.

Петр Федорович продолжил занятия военным делом: он изучал фортификацию, основы артиллерии. Полюбил играть на скрипке. Учеба прекратилась после женитьбы наследника.

В выборе супруги будущего императора особое рвение проявили прусский король Фридрих II и прусский резидент в Петербурге Мардефельд. Они рекомендовали императрице анхальт-цербстскую принцессу Софию Фредерику Августу. Она родилась 21 апреля (2 мая по новому стилю) 1729 г. в семье принца Христиана Августа и Иоганны Елизаветы, урожденной принцессы Гольштейн-Готторпской. Смущало лишь близкое родство жениха и невесты (они были троюродными братом и сестрой). Но и эту помеху устранили (по словам Фридриха II, «не щадили денег — этим способом во всех странах оперегаются возражения»).

В феврале 1744 г. София Фредерика Августа вместе с матерью прибыла в Москву, где тогда находился двор. Приняв православие, она получила имя Екатерины Алексеевны (в честь матери Елизаветы Петровны), а 25 августа 1744 г. Петр Федорович обвенчался с ней.

Супруга мало интересовала Петра Федоровича, не сблизило их и рождение 20 сен-

тября 1754 г. сына Павла Петровича, которого Елизавета Петровна к тому же сразу отобрала у родителей. Молодая великая княгиня не только утешалась в обществе молодых кавалеров, среди которых выделялись граф Сергей Салтыков (ему приписывали отцовство Павла), граф Станислав Понятовский и Григорий Орлов, но и завязывала нужные ей связи в придворных кругах, сблизилась с английским посланником. Находила она время и для самообразования.

А Елизавета Петровна все больше разочаровывалась в племяннике. Сохранились ее записки, в которых когда-то любящая тетка не стеснялась в выражениях: «Проклятой мой племянник сегодня так мне досадил, как нельзя более», «Племянник мой урод, черт его возьми».

В 1757 г. Россия вступила в Семилетнюю войну против Пруссии в союзе с Австрией, Саксонией и Францией. Петр Федорович не скрывал своего преклонения перед прусским королем Фридрихом II, а это очень беспокоило окружение императрицы. По словам А. Т. Болотова, некоторые из приближенных Елизаветы Петровны известили ее «обо всем беспорядочном житье и поведении ея племянника, о малом его старании учиться науке правления и о ненависти его к российскому народу и довели императрицу до того, что ве-

Великий князь Петр Федорович. Гравюра Ридингера. XVIII в.

лено было отлучить его от всех государственных дел и не допускать более в Конференцию, или тогдашний Государственный совет. И как чрез то не оставалось ему ничего другого делать, как заниматься своими веселостями, то и делался он к правлению отчасу неспособнейшим».

У Петра Федоровича до охладения к нему императрицы было немало обязанностей:

он был членом «для весьма важных дел» Конференции, начальником шляхетского корпуса, подполковником Преображенского полка и шефом Кирасирского полка. Но основным занятием наследника стали парады и маневры голштинских солдат, которых ему позволили выписать из его герцогства. А. Т. Болотов рассказывает: «...Все дозволенное ему состояло в том, что он

выписал несколько своих голштинских войск и в подаренном ему от императрицы Ораниенбаумском замке занимался экзерцированием оных и каждую весну и лето препровождал в сообществе молодых и распутных офицеров».

У Елизаветы Петровны и ее советников все чаще появлялись мысли о передаче престола, в обход Петра Федоровича, его сыну Павлу. Правда, Павел был слишком мал и находился еще в женских руках. Как вспоминает Екатерина Алексеевна, его постоянно держали в жарко натопленной комнате, запеленутым во фланель в колыбели, обитой черно-бурой лисицей, да еще покрывали стеганным на вате атласным одеялом и сверх того бархатным, подбитым мехом. Она видела, когда ее допускали к ребенку, как пот лил у него с лица. Это привело к тому, что когда Павел подрос, то простужался от малейшего ветерка и часто болел.

Канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин придумал план, с которым он через посредника, графа Станислава Понятовского, обратился к великой княгине Екатерине Алексеевне. Смысл его таков: после смерти Елизаветы Екатерина объявляется соучастницей в управлении вместе с императором Петром Федоровичем, а фактическая власть переходит к канцлеру. Екатерина сочла претензии

Бестужева чрезмерными и вежливо его план отклонила. Вскоре Бестужев был обвинен в заговоре и сослан.

ВНУК ПЕТРА ВЕЛИКОГО — РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР

Елизавета Петровна умерла 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г. по новому стилю), так и не успев принять решения о наследовании трона. Сразу после ее смерти капитан гвардии князь Михаил Дашков передал Екатерине Алексеевне: «Повели, мы тебя взведем на престол». Но заговор еще не созрел, и Екатерина велела сказать: «Бога ради, не начинайте вздор; что Бог захочет, то и будет, а ваше предприятие есть рановременная и незрелая вещь». Так пишет Екатерина в своих «Записках».

Петр III беспрепятственно взшел на престол и за очень короткое время оттолкнул от себя как армию, так и, что особенно важно, гвардию, духовенство, высшее общество. Он поспешил закончить войну с Пруссией, отдав все, что было завоевано русским оружием (Восточную Пруссию), и покинув союзников. В казне не было денег, жалованья армии не платили пять месяцев. Петр собирался перестроить армию: ввести прусские военные уставы и форму. Вместо прежних одноцветных

Екатерина Алексеевна в трауре по императрице Елизавете Петровне

зеленых мундиров император приказал шить разноцветные узкие прусского покроя. Полки было приказано называть не по именам городов, прославленных в сражениях, а по фамилиям полковников и шефов. Петр III требовал наистрожайшей военной дисциплины, ежедневного проведения новой «экзерциции».

При дворе, как и во времена Анны Иоанновны, по-

явилось много немцев, на этот раз голштинцев, первостепенное место в войске получил двоюродный дядя Петра III и родной дядя Екатерины по матери принц Георг Людвиг Голштинский, без всяких заслуг перед русской армией произведенный в генерал-фельдмаршалы, хотя сам Петр III говорил ему: «Дядюшка, ты плохой генерал, король исключил тебя из службы».

Император Петр III. Художник А. Антропов

Петр III повел себя вызывающе еще на похоронах Елизаветы Петровны, показывая, в отличие от Екатерины, пренебрежение православным обрядам. Екатерина II вспоминала:

«Император в сей день был чрезмерно весел и посреди

церемонии сей траурной сделал себе забаву: нарочно отстанет от везущего тело одра, пусть оного вперед сажень тридцать, потом изо всей силы добежит; старшие камергеры, носящие шлейф епанчи его черной, паче же обер-ка-

мергер Шереметев, носящий конец епанчи, не могли бежать за ним, принуждены были епанчу пустить, и как ветром ее раздувало, то сие Петру III пуще забавно стало. Он повторял несколько раз сию штуку, от чего сделалось, что я и все за мною идущие отстали от гроба и наконец принуждены были послать остановить всю церемонию, дожде оставшие дошли. О непристойном поведении сем произошли многие разговоры не в пользу особе императора, и толки пошли о безразсудных его во многих случаях поступках».

Духовенство видело, с каким пренебрежением Петр III относится к православию. Во всяком случае у современников сложилось представление, что император замыслил церковную реформу в лютеранском духе. Андрей Болотов вспоминал:

«...Он вознамерился было переменить совсем религию нашу, к которой оказывал особенное презрение. Начало и первый приступ к тому учинил он изданием указа об отобрании в казну у всех духовных и монастырей все[x] их многочисленны[x] волст[ей] и дерев[ень], которыми они до сего времени владели, и об определении архиереям и прочему знатному духовенству жалованья, также о непострижении никого вновь в монахи ниже тридцатилетняго возрас-

та. Легко можно всякому себе вообразить, каково было сие для духовенства и какой ропот и негодование произвело во всем их корпусе; все почти въявь изъявляли крайнюю свою за сие на него досаду, а вскоре после сего изъявил он и все мысли свои в пространстве...»

По словам А. Т. Болотова, Петр III приказал архиерею Дмитрию Сеченову, чтобы «из всех образов, находящихся в церквах, оставлены были в них одни изображающие Христа и Богородицу, а прочих бы не было; также, чтоб всем попам предписано было бороды свои обрить и, вместо длинных своих ряс, носить такое платье, какое носят иностранные пасторы. Нельзя изобразить, в какое изумление повергло сие приказание архиепископа Дмитрия...», «произвело уже во всех духовных великое на него неудовольствие, поспешествовавшее потом очень много к бывшему перевороту».

Как видно, церковная политика Петра III вполне укладывается в понятие «просвещенного абсолютизма». Нечто подобное проводили и прусский король Фридрих II, и германский император Иосиф II, да и Екатерина II в феврале 1764 г. без особого сопротивления со стороны духовенства провела секуляризацию духовных владений и населяющих их крестьян.

Петр III хотел походить на своего великого деда, но никакого плана преобразований у него не было. Некоторые идеи носились в воздухе, другие мероприятия были подготовлены в предыдущие царствования. И все-таки преобразовательная деятельность Петра III была кипучей: за 16 дней правления он издал 192 указа, в том числе об отмене Тайной канцелярии, страшного застенка предыдущих царствований, о запрещении произносить слова «слово и дело», из-за чего пострадало бесчисленное множество людей, прекращении преследования иноверцев. Самым знаменитым из его указов был «Манифест о вольности дворянства», подписанный 18 февраля 1762 г.: отныне дворянин получил право по своему желанию служить или не служить, свободно выезжать за границу, наняться на службу другому государю, но в случае военной опасности был обязан вернуться на родину и защищать ее. Адмирал Павел Чичагов отмечал: Петр III «впервые даровал дворянству указ об уничтожении телесных наказаний с представлением дворянам других преимуществ, как-то: свободы поступать на службу или выходить в отставку, путешествовать, даже служить иностранным государям. Эти преимущества, в равной степени делавшие честь государю и приносившие пользу

народу, развивая в нем сознание особых прав, ему дарованных, имевших целью приблизить его к правлению монархическому, должны были впоследствии превратить эти привилегии в права родовые. Прибавим к сему, что этот государь упразднил гнусную Тайную канцелярию, в которой подвергали пыткам людей, туда приводимых. Это единственные черты добродетелей человеческих в биографии этого царя, единственные, дающие этому императору право на признательность русского дворянства». Манифест о вольности настолько обрадовал дворян, что Сенат собирался поставить императору золотую статую, от чего Петр III благоразумно отказался.

Указанные мероприятия Петра III дали основание некоторым историкам сомневаться в свидетельствах современников об умственной неполноценности императора. Приведем высказывания Н. М. Карамзина и А. Т. Болотова. Карамзин заметил, что Европа все время судила о Петре III «со слов его смертельных врагов или их подлых сторонников», а Болотов обратил внимание на то, что «по некоторым делам, произведенным им в первые месяцы его правления, можно было судить, что он от природы не таков был дурен, но имел сердце, склонное к добру, и такое, что мог бы он

быть добродетельным, если б не окружен был злыми и негодными людьми, развратившими его совсем, и когда б, по несчастию, не предался он уже слишком всем порокам и не последовал внушаемым в него злым советам, более, нежели сколько надобно было».

Современный исследователь А. С. Мыльников не склонен преувеличивать недостатки Петра III, а, наоборот, выделяет его из других монарших особ XVIII столетия. По его словам, «Петр III не был ни злодеем, ни интриганом. Этим он отличался от вереницы своих предшественников и преемников, прежде всего от Екатерины II. Он был необычен среди них».

Петр III сделал много непростительных ошибок. При вступлении на престол в первом манифесте он не только не назначил сына своего наследником, но и не упомянул о нем. Видимо, Петр III очень сомневался, что Павел — его сын. Император не послушался совета Фридриха II — как можно скорее короноваться, что имело бы огромное значение для укрепления его власти. Как писал французский дипломат Клод Рюльер, это дало право его недоброжелателям кричать, что «позволительно свергнуть с престола Государя, который небрежет помазать себя на царство».

ЗАГОВОР

Известно, что группа придворных хотела с самого начала помешать Петру III вступить на престол, но не сумела. Зато почти сразу же после восшествия императора на престол против него возник заговор — и душой была его собственная жена — Екатерина Алексеевна. О неблагополучии при дворе довольно быстро узнали иностранные дипломаты. Уже 18 (29) января 1762 г. французский посланник барон Бретейль сообщал версальскому двору: «Императрица пребывает в самом униженном состоянии, и с ней обходятся с ярко выраженным пренебрежением... Она едва выносит поведение императора по отношению к себе, равно как и высокомерное обхождение м-ль Воронцовой... Я нисколько не буду удивлен, если эта государыня, известная своим мужеством, рано или поздно склонится к каким-либо крайним мерам. Мне известны ее друзья, которые пытаются ее утешить и которые могли бы ради нее пойти на все, если бы она этого захотела».

Бретейль говорил о любовнице Петра III Елизавете Романовне Воронцовой, фрейлине Екатерины Алексеевны.

Когда у Петра Федоровича начался роман с Елизаветой, крупной девушкой с грубыми манерами и некрасивым ли-

цом, ему было 26 лет, а ей — 15. Она очень подходила ему по характеру: непосредственная до неприличия и остроумная до язвительности, но добрая и прямодушная. Этим она отличалась от супруги Петра Федоровича, в которой он вскоре почувствовал своего тайного и опасного врага.

В середине весны 1762 г. несколько событий ускорили подготовку переворота. 11 апреля Екатерина Алексеевна тайно родила сына от Григория Орлова (он получил фамилию Бобринский). Роды прошли настолько скрытно, что император ничего не узнал. Императрица якобы страдала от «боли в ногах», не показывалась на людях, а когда наступила пора рожать, верные люди устроили пожар одного из домов, куда и помчался император, любивший наблюдать такие происшествия. Когда Петр III вошел в покои императрицы, «боль в ногах» уже прошла, а ребенок был надежно укрыт.

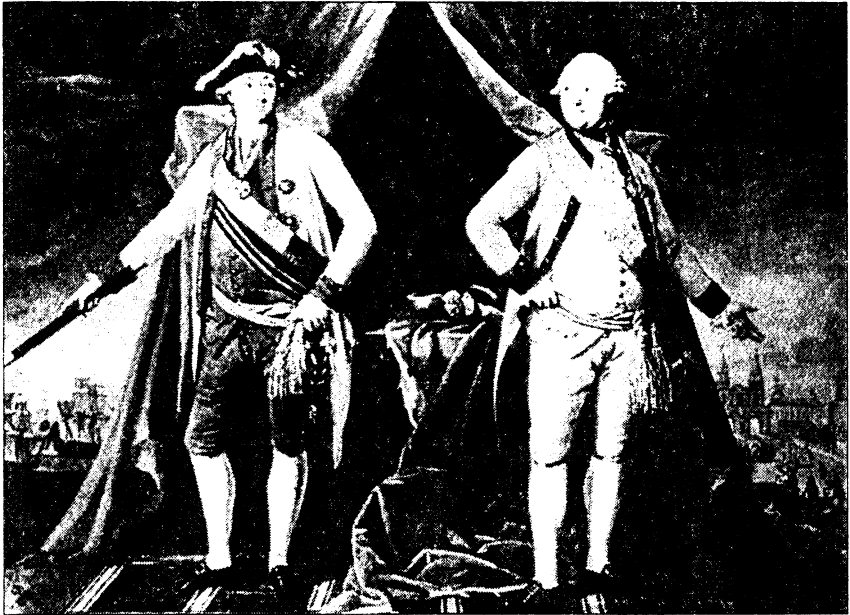
24 апреля (5 мая) в Петербурге канцлер Воронцов и полковник Гольц подписали мирный договор между Россией и Пруссией. Россия отказалась от всех обязательств в отношении Франции, Австрии, Саксонии. После этого и Адольф Фридрих, бывший опекун Карла Петера Ульриха, подписал мирный договор между Швецией и Пруссией.

Но Петр III пошел еще

дальше: 8 (19) июня он заключил союзный трактат между Россией и Пруссией — он гарантировал Фридриху II Силезию и Глац, а Фридрих обязался поддерживать притязания России на Шлезвиг, который в начале века Дания захватила у Голштинии. Назревала новая война, теперь с Данией, абсолютно чуждая интересам России.

В апреле Петр III переехал в Зимний дворец, строительство которого началось еще при Елизавете Петровне. Но жить там долго ему не пришлось. 9 июня в Зимнем дворце Петр III праздновал заключение мира с Пруссией. За обеденным столом сидело 400 персон, приглашены были особы первых трех классов и иностранные министры. Император публично оскорбил Екатерину, назвав дурой, а затем приказал арестовать. Только заступничество принца Георга Людвига спасло ее. 12 июня Петр III с двором переехал в Ораниенбаум. Екатерина несколько дней оставалась в Петербурге, затем переехала в Петергоф, оставив сына в Летнем дворце.

По городу стали распространяться слухи, что император собирается, по примеру Петра Великого, заключить жену в монастырь или засадить в тюрьму, что он женится на фаворитке. По словам историка В. О. Ключевского, «языки развязались, как бы не

Братья Алексей и Григорий Орловы

чувствуя страха полицейского; на улицах открыто и громко выражали недовольство, без всякого опасения порицая государя. Ропот незаметно сложился в военный заговор, а заговор повел к новому перевороту».

В «Записках» Екатерина вспоминала: «Дело шло о том, чтобы погибнуть с ним или через него или же спасти себя, детей и, может быть, государство от той гибели, опасность которой заставляла предвидеть все нравственные и физические качества этого государя». Она решила: «Я буду царствовать или погибну».

Петр III, если и подозревал

жену в нехороших намерениях, никаких мер не принимал. Напротив, в связи с подготовкой войны с Данией он еще больше восстановил против себя гвардию, упразднив привилегированный отряд гвардейцев — Лейб-компанию, на которую опиралась Елизавета Петровна. 9 июня он назначил полковниками гвардии троих генерал-фельдмаршалов (раньше во главе гвардейских полков стоял сам монарх, что свидетельствовало об особом их положении). Отправляясь на войну с Данией, Петр III собирался удалить гвардию из Петербурга.

Иностранные наблюдатели

Елизавета Романовна Воронцова

подозревали, что во главе заговора стоят Иван Иванович Шувалов, бывший фаворит Елизаветы Петровны, генерал Мельгунов и Волков. Но прусские посланцы обманулись. «Лица, на которых

смотрели как на заговорщиков, — пишет король Фридрих II, — всего менее были виновны в заговоре. Настоящие виновники работали молча и тщательно скрывались от публики».

Главными заговорщиками были гвардейцы — братья Алексей, Григорий и Федор Орловы, конногвардейцы — Федор Хитрово и Григорий Потемкин, преображенцы — Петр Пассек и Сергей Бредихин, измайловцы — братья Александр и Николай Рославлевы, Ласунский и др., всего 40 гвардейских офицеров.

О заговоре знали или активно участвовали в нем гетман Малороссии, президент Академии наук и командир Измайловского полка граф Кирилл Разумовский, его приближенный Григорий Теплов (он напишет и опечатает в типографии манифест о восшествии Екатерины II на престол), петербургский генерал-полицмейстер барон Николай Корф (именно он доставил в Россию в 1744 г. голштинского герцога), воспитатель наследника обер-гофмейстер Никита Панин и другие влиятельные лица.

Екатерина обращалась за финансовой помощью к французскому посланнику барону Бретейлю через пьемонтца Мишеля Одара, состоявшего на ее службе (он управлял небольшими имениями Екатерины), но получила отказ. Австрийский посланник Мерси д'Аржанто назвал Одара «секретарем заговора», но подробности остались неизвестны — настолько хорошо заговорщики умели хранить тайны.

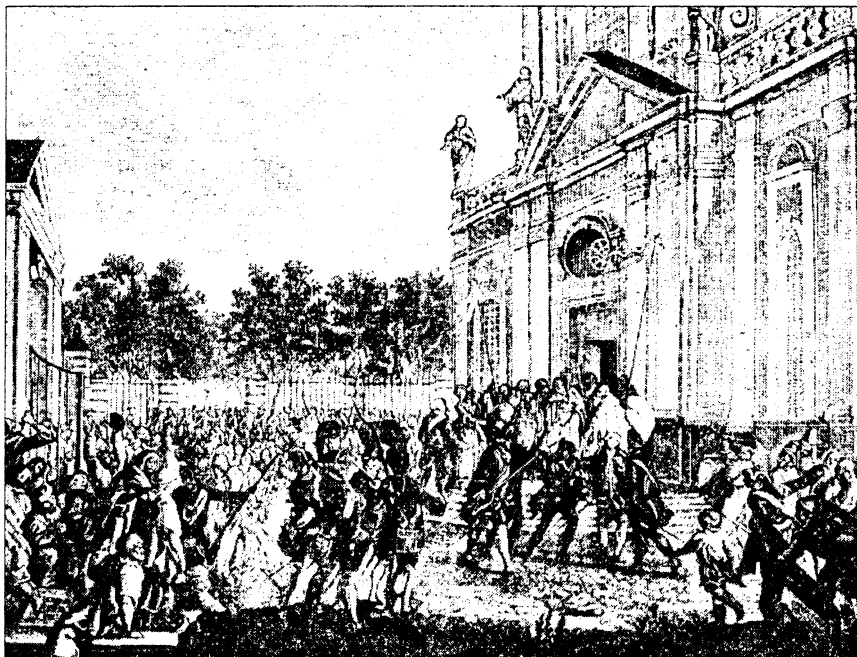
Голштинские войска при Петре III

ПЕРЕВОРОТ 28 ИЮНЯ 1762 г.

Переворот 28 июня (9 июля по новому стилю) 1762 г. был совершен на удивление легко. Толчком к нему послужил происшедший накануне арест майором Воейковым капитана Пассека, активного участника заговора. О произведенном аресте Воейков сообщил императору в Ораниенбаум. Рассказывают, что когда Петру III доложили о признаках заговора и аресте одного из заговорщиков, он ответил:

— Это дурак.

Узнав об аресте Пассека, Алексей Орлов в ночь на 28 июня прискакал в Петергоф и сообщил Екатерине о случившемся. В частной карете Алексей Орлов и встретившие их по дороге Григорий Орлов,

Екатерина II у Казанского собора

Василий Бибииков и князь Федор Барятинский доставили Екатерину в Измайловские казармы, которые находились близ заставы. Измайловский полк присягнул императрице. В сопровождении гетмана Разумовского и измайловцев Екатерина направилась в Казанский собор, где в присутствии архиепископа Дмитрия, духовенства, сановников и остальных полков гвардии была провозглашена самодержавной императрицей.

Из всех военных начальников, находившихся в Петербурге, верным Петру III ос-

тался только принц Георг Людвиг. Узнав от адъютанта, что в городе бунт, принц пытался вмешаться, но тотчас был арестован.

Из Казанского собора в сопровождении войск и толпы Екатерина направилась в новоотстроенный Зимний дворец, куда приказала доставить из Летнего дворца сына. Когда разбуженный Павел увидел, что окружен солдатами, он испугался. Панин, его воспитатель, взял мальчика на руки, успокоил и доставил к матери. В Зимнем уже собрались члены Синода и Сената,

другие сановники. Все присягали новой государыне. Екатерина с сыном вышла на балкон и показала его народу.

Было решено с четырьмя полками гвардии, с Кирасирским полком, полком гусар и четырьмя полками пехоты идти в Петергоф, чтобы схватить Петра III.

Между тем Петр III в сопровождении прусского посланника и придворных в 10 часов утра отправился в Петергоф праздновать день своего ангела — святого Петра. Когда двор прибыл в Петергоф, Екатерины там уже не было. Выяснить обстановку в Петербурге император послал членов Совета князя Никиту Трубецкого, графов Михаила Воронцова и Александра Шувалова, но они перешли на сторону Екатерины.

Оставленный почти всеми, Петр III решил укрыться в Кронштадте, а голштинцев отправить в Ораниенбаум. Но Екатерина предусмотрительно направила в Кронштадт вице-адмирала Ивана Талызина. И когда императорские яхта и галера на веслах и парусах подошли к морской крепости, Талызин приказал им уйти, закричав: «В противном случае по вас будут стрелять из пушек!» Пришлось Петру повернуть от крепости, и он со слезами на глазах сказал: «Заговор повсеместный — я это видел с первого дня своего царствования».

Отъехав на пушечный выстрел, яхта и галера остановились. Кто же был с Петром? Кроме государственных деятелей, с императором на галере, к несчастью, оказалось много придворных дам, иностранных посланников и советников, военных чинов: графиня Елизавета Воронцова, супруга канцлера графиня А. К. Воронцова* и ее дочь графиня Строганова, супруга гетмана графиня Разумовская, супруга фельдмаршала княгиня Трубецкая, принцесса Гольштейн-Бекская с ее гофмейстериной, вдовой шталмейстера княгиней Голицыной и с фрейлиной Мирабель, супруга обер-гофмейстера М. П. Нарышкина, супруга шталмейстера М. О. Нарышкина, супруга камергера княгиня Гагарина с дочерью, супруга фельдмаршала графа А. И. Шувалова, принц Гольштейн-Бек, фельдмаршал граф Миних, обер-гофмаршал Л. А. Нарышкин, шталмейстер А. А. Нарышкин, генерал-лейтенант Мельгунов, сенатор граф Р. И. Воронцов, генерал-адъютант князь И. Ф. Голицын, генерал-адъютант А. В. Гудович, генерал-майор Измайлов, голштинский обер-егермейстер Бредаль, тайный секретарь Волков, вице-канцлер князь А. М. Голицын, начальник

* Двоюродная сестра Елизаветы Петровны, урожденная графиня Скавронская.

Императрица Екатерина II в преображенском мундире. Художник Эриксен

канцелярии от строений И. И. Бешкой, всего 29 человек.

На яхте находились обер-егермейстер С. К. Нарышкин, гофмаршал М. М. Измайлов,

камергеры князь Гагарин, граф Головин, князь Соловьев, статский советник Штелин, голштинский тайный советник фон Румор, прусский посланник барон Гольц и секре-

тарь прусского посольства Дистель, депутат эстляндского дворянства граф Штейнбок, граф Алексей Разумовский, камергеры граф Ягужинский, А. И. Нарышкин и князь М. М. Голицын, камер-юнкеры Матюшкин и князь Н. М. Голицын, гофмедик Унгебауер — всего 18 человек, не считая придворной прислуги, помешавшейся в трюме.

Император обратился за советом к Миниху. Старый во-яка сказал, что дело еще не проиграно. Не медля ни минуты, надлежит отправиться в Ревель, взять там военный корабль и двинуться в Поме-ранию, где находится армия. А затем возвратиться в империю с 80-тысячным войском. Это было разумное предложение. Войсками в то время коман-довал герой Семилетней вой-ны генерал-аншеф Петр Алек-сандрович Румянцев, облас-канный Петром III. Екатерина очень боялась Румянцева и поспешила его заменить гене-рал-аншефом Петром Пани-ным.

Предложение Миниха ок-ружение Петра III отвергло, горячо убеждая императора, что цель возмущения в том, что хотят примирить его с женой.

Петр не стал возражать и приказал высадиться в Орани-енбауме. Со слезами на глазах слуги встречали фактически низложенного повелителя.

— Дети мои, теперь мы ни-

чего не значим, — только и смог он им сказать.

Пока Петр III искал убе-жища в Кронштадте и терял время, Екатерина рано утром 29 июня выступила из Крас-ного Кабачка в Петергоф. По дороге ей встретился вице-канцлер князь А. М. Голицын, который передал императри-це письмо Петра III. импера-тор предлагал ей разделить с ним власть. Ответа он не по-лучил. Затем появился генерал-майор Михаил Измайлов, объявивший, что император намерен отречься от престола:

— После отречения вполне свободного я вам его привезу и таким образом спасу отече-ство от междоусобной войны.

Измайлову и было поруче-но устроить отречение. Акт, составленный Тепловым, гла-сил:

«В краткое время прави-тельства моего самодержавно-го Российским государством самым делом узнал я тягость и бремя, силам моим несоглас-ное, чтоб мне не токмо само-державно, но и каким бы то ни было образом правитель-ство владеть Российским госу-дарством, почему и восчув-ствовал я внутреннюю оно-го перемену, наклоняющуюся к падению его целости и к при-обретению себе вечного чрез то бесславия; того ради, по-мыслив, я сам в себе беспри-страстно и непринужденно чрез сие объявляю не только всему Российскому государ-

ству, но и целому свету торжественно, что я от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюся, не желая ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правительства во всю жизнь мою в Российском государстве владеть, ниже оногo когда-либо или через какую-либо помощь себе искать, в чем клятву мою чистосердечную пред Богом и всецелым светом приношу нелицемерно. Все сие отрицание написал и подписал моею собственною рукою».

В первом часу 29 июня Григорий Орлов и Михаил Измайлов привезли в Петергоф отрекшегося Петра III. Вечером его отвезли в Ропшу, загородный дворец в 25 верстах от Петергофа. В тот же вечер Екатерина, не повидавшись со свергнутым супругом, отбыла в Петербург, куда торжественно вступила 30 июня.

«Екатерина не могла еще ничем управлять; она бросилась в объятия тех, которые хотели ее спасти, — говорил впоследствии Фридрих II графу Сегюру, который ехал посланником версальского двора в Петербург. — Их разговор был безрассуден и плохо составлен; отсутствие мужества в Петре III, несмотря на советы храброго Миниха, погубило его: *он позволил свергнуть себя с престола, как ребенок, которого отсылают спать*».

Весть об отречении Петра III

быстро достигла Петербурга. «Революция самая веселая и деликатная из всех нам известных, не стоившая ни одной капли крови», — заметил В. О. Ключевский.

«Веселости» очень способствовало открытие винных погребов. В июне 1765 г. Сенат подал доклад о растащенных 28 июня 1762 г. из погребов виноградных винах на 24 331 рубль, посчитав, что цены подсчитаны верно и следует удовлетворить откупщиков за растащенное из кабаков вино.

ТРАГЕДИЯ В РОПШЕ

Низложенного императора разлучили и с Воронцовой, и с ближайшим советником генералом Гудовичем. О его последних днях сохранились противоречивые и отрывочные сведения. Можно согласиться с современным исследователем Олегом Ивановым: «До сих пор никто не знает, как и когда умер Петр Федорович, кто его смерть организовал и кто был непосредственным исполнителем».

Основываясь на свидетельствах различных людей, можно примерно определить состав участников трагедии в Ропше: Алексей Орлов, князь Федор Барятинский, лейб-медик Крузе, Григорий Теплов, сержант гвардии Николай Энгельгардт, вахмистр Григорий Потемкин, актер Федор Вол-

ков, князь Иван Барятинский, артиллерист Александр Шванович, голштинский камердинер Александр Брессан и др.

Видимо, вскоре по прибытии в Ропшу у бывшего императора испортилось пищеварение и начались мучительные головные боли. 30 июня в Петербург прибыл курьер с известием, что Петр Федорович нездоров и требует гофхирурга Иоганна Людерса (Иван Лидерс), а также своего мопса и скрипку.

В первом письме из Ропши от 2 июля Алексей Орлов сообщает Екатерине: «Мы теперь по отпуск сего письма и со всею камандою благополучны, только урод наш очень занемог и схватила Ево нечаянная колика, и я опасен, штоб он севоднишнюю ночь не умер, а болше опасуюсь, штоб не ожил. Первая опасность для того што он всио здор говорит и нам ето несколько весело, а другая опасность, што он действительно для нас всех опасен для тово што он иногда так отзывается хотя в прежнем состоянии быть».

Из письма следует, что Петр Федорович не смирился с тем, что произошло, и хотел вернуть свое отречение. Люди, совершившие переворот, прекрасно понимали: пока бывший император жив, Екатерина не может чувствовать себя в безопасности. К. Рюльер рассказывает, что

«солдаты удивлялись своему поступку и не понимали, какое очарование руководило их к тому, что они лишили престола внука Петра Великого и возложили его корону на немку», а «матросы, которых не лстили ничем во время бунта, упрекали публично в кабачках гвардейцев, что они на пиво продали своего Императора, и сострадание, которое оправдывает и самых величайших злодеев, говорило в сердце каждого».

В конце июня — начале июля 1762 г. сложилась редкая в истории ситуация: на престол воздвигли Екатерину, не имевшую никаких прав на российский престол (законным наследником был ее сын Павел), а в заключении были два свергнутых императора — Петр III и полубезумный Иван VI.

Современники событий приводят разные даты смерти Петра Федоровича: официальная дата — 6 июля — указана в манифесте от 7 июля.

Предоставим слово А. Шумахеру: «Следовать за ним [Петром Федоровичем] разрешили только одному из его камер-лакеев — русскому, по имени Маслов, и еще двум русским лакеям. Правда, оба последние, чтобы поскорее от этого освободиться, тотчас же сказались больными». В Ропше произошло следующее: «Когда император немного задремал, этот человек вышел в сад по-

Медаль в память восшествия на престол Екатерины II

дышать свежим воздухом. Не успел он там немного посидеть, как к нему подошли офицер и несколько солдат, которые тут же засунули его в закрытую русскую повозку. В ней его повезли в Санкт-Петербург и там выпустили на свободу». Далее Шумахер утверждает, что Петр Федорович был задушен 3 июля, сразу после того, как увезли камер-лакея.

Из второго письма Алексея Орлова, отправленного Екатерине II из Ропши, следует, что заболел и Маслов, и Петр Федорович: «...Не знаю, што теперь начать, боюсь гнева от вашего величества, штоб вычево на нас неистоваго подумать не изволили и штоб мы не были притчиною смерти злодея вашего и всей Роси также и закона нашего, а теперь и тот приставленной к нему для услуги лакей Маслов

занемог, а он сам теперь так болен, што не думаю, штоб он дожил до вечера и почти совсем уже вбеспаметстве, о чем уже и вся каманда здешняя знает и молит Бога, чтоб он скорей снаших рук убрался, а оной же Маслов и посланной офицер может вашему величеству донести, вкаком он состоянии теперь, ежели вы обо мне усумнитесь изволете». Письмо не датировано, и это дает основание считать, что часть его кто-то вырвал, если в письме говорилось о смерти Петра Федоровича и дата смерти расходилась с официальной.

Показательно, что в Ропшу был послан не только Иоганн Людерс, но и гофхирург Христофор Паульсен (3 июля), как пишет А. Шумахер, с «инструментами и предметами, необходимыми для вскрытия и бальзамирова-

ния мертвого тела, и следовательно, в Петербурге наверняка с достоверностью знали, что здесь должно произойти».

К. Рюльер, чью рукопись Екатерина II хотела купить, но добилась от автора только обещания не печатать ее при жизни императрицы, дал самое подробное описание убийства:

«По обыкновению русскому, перед обедом подали рюмки с водкою, и представленная Императору была с ядом. Потому ли, что они спешили доставить свою новость или ужас злодеяний понуждал их торопиться, через минуту они налили ему другую. Уже пламя распространялось по его жилам, и злодейство, изображенное на их лицах, возбудило в нем подозрение — он отказался от другой, они употребили насилие, а он против них оборону. В сей ужасной борьбе, чтобы заглушить его крики, которые начинали раздаваться далеко, они бросились на него, схватили его за горло и повергли на землю; но как он защищался всеми силами, какие придает последнее отчаяние, а они избегали всячески, чтобы не нанести ему раны, опасаясь за сие наказания, то и призвали к себе на помощь двух офицеров, которым поручено было его караулить и которые в сие время стояли у дверей вне тюрьмы. Это был младший князь Барятинский и

некто Потемкин, 17-ти лет от роду. Они показали такое рвение в заговоре, что, несмотря на их первую молодость, им вверили сию стражу. Они прибежали, и трое из сих убийц, обвязав и стянувши салфеткою шею сего несчастного Императора, между тем как Орлов обеими коленями давил ему на грудь и запер дыхание; таким образом его задушили, и он испустил дух в руках их».

Рюльер рассказывает так, будто был очевидцем происходившего. Между тем точно неизвестно, принимал ли Потемкин участие в убийстве (кстати, ему в то время было 23 года).

Среди свидетелей очевидцев обычно фигурирует и третье письмо Орлова из Ропши, которое дошло до нас только в копии, сделанной Федором Ростопчиным. Исследователь Иванов, кажется, убедительно доказал, что это письмо было сочинено Ростопчиным, чтобы опорочить графа Алексея Орлова-Чесменского и обелить память Екатерины II.

В письме Станиславу Августу Понятовскому от 2 августа (старого стиля) 1762 г. Екатерина II привела такую версию болезни и смерти Петра Федоровича: «Страх вызвал у него понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый; он чрезмерно напился в этот день, так как имел все, что хотел, кроме свободы... Его схватил приступ

геморроидальных колик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав (перед тем) лютеранского священника.

Я опасаясь, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть; но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа (отравы); он имел совершенно здоровый желудок, но умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено». Но ни заключения докторов о ходе болезни, ни результатов вскрытия не сохранилось.

О смерти Петра III было объявлено 7 июля — умер от «геморроидальной колики». Тело свергнутого императора привезли в Петербург и поместили в Александро-Невской лавре. Он был одет в форму простого голштинского офицера. Голштинцы, освобожденные из-под ареста, по словам К. Рюльера, «смотрели на своего Государя, обнаруживали в лицах своих жалость, презрение, некоторый род стыда и позднего раскаяния». Голштинцев посадили на суда и отправили на родину, но почти все они погибли по дороге от жестокой бури.

Принц Георг Людвиг Голштинский получил в управле-

ние герцогство Голштинское. Он стал родоначальником великих герцогов Ольденбургских. Миних и Гудович были прощены и продолжали службу. Елизавете Воронцовой было позволено уехать в Москву. Позднее она вышла замуж и умерла в 1792 г.

Екатерина II щедро вознаградила участников переворота: им пожаловали 18 тыс. крестьян и 86 тыс. рублей наградных. Первым в списке награжденных стоял Григорий Орлов. Братья Орловы были возведены в графское достоинство. Григорий Орлов стал генерал-майором, действительным камергером, генерал-адъютантом и вскоре генерал-фельдцейхмейстером. Алексей Орлов был пожалован генерал-майором, секунд-майором лейб-гвардии Преображенского полка, орденом святого Александра Невского. Федор Орлов был произведен в капитаны лейб-гвардии Семеновского полка, а в день коронации в сентябре 1762 г. был назначен камергером. Вахмистр Григорий Потемкин в списке награжденных стоял 35-м, то есть предпоследним.

Вопрос об ответственности Екатерины II за убийство мужа так и остался открытым. Некоторые исследователи считают, что не в интересах императрицы было омрачать начало своего царствования убийством. Если Иван Антонович вырос в заключении, то

и Петр Федорович мог бы состариться где-либо под надежной охраной. Выпускать его из пределов империи было, конечно, опасно. Сначала предполагалось заточить его в Шлиссельбургской крепости. Но Шлиссельбург слишком близок к Петербургу, и этот вариант сочли негодным.

Александр Герцен писал: «Весьма вероятно, что Екатерина не давала приказа убить Петра III; Александр сделал больше, он решительно требовал, чтоб не *убивать до смерти* Павла, отправляя к нему ватагу крамольных олигархов. Мы знаем из Шекспира, как даются эти приказания — взглядом, намеком, молчанием. Зачем Екатерина поручила надзор за слабодушным Петром III злейшим врагам его? Пассек и Баскаков хотели его убить за несколько дней до 27 июня, будто она не знала этого? И зачем же убийцы были так нагло нагрудены?»

НОВЫЙ ГАМЛЕТ

Екатерина II знала, что в придворных кругах не все хотели видеть ее самодержавной императрицей. Некоторые заговорщики, в том числе Никита Иванович Панин, рассчитывали возвести на престол законного наследника — восьмилетнего Павла Петро-

вича и объявить его мать регентшей, учредив Императорский совет для ограничения самодержавной власти. Партия братьев Паниных была очень влиятельной. Петр Иванович Панин был видным военным деятелем. Родственные и масонские узы связывали братьев, возведенных в графское достоинство, с представителями многих родовитых фамилий. Павел Петрович в декабре 1762 г. получил звание генерал-адмирала. Он был также полковником в лейб-Кирасирском полку.

Императрице Екатерине II потребовались вся сила ее ума, такта и умение верно оценить реальное соотношение сил, чтобы нейтрализовать планы своих противников. Никита Панин, например, остался наставником наследника, а затем получил место первоприсутствующего в Коллегии иностранных дел. Екатерина постаралась привлечь на свою сторону даже тех, кто пользовался расположением Петра III, в том числе и генерала Петра Румянцева. Возвращенный Петром III из ссылки Бирон вновь стал герцогом Курляндским. Петр Панин, отличившийся во время первой русско-турецкой войны, был послан на усмирение восстания Пугачева. Правда, он так и остался под подозрением, доживая свой век в Москве.

В июле 1764 г. решилась участь несчастного Ивана Ан-

тоновича. Подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Минович попытался освободить его из Шлиссельбургской крепости. 5 июля, выполняя указ не отдавать Ивана Антоновича никому живым, капитан Власьев и поручик Чекин убили бывшего императора. Минович был казнен 15 сентября того же года.

20 сентября 1772 г. Павлу Петровичу исполнилось 18 лет, и те, кто надеялся, что наследник будет привлечен к государственным делам, испытали сильное разочарование. Екатерина II поручила бывшему датскому посланнику в Петербурге прусскому подданному А. Ф. фон Ассенбургу найти среди немецких принцесс невесту для наследника. По его совету ландграфиня Гессен-Дармштадтская прибыла в Петербург с тремя дочерьми — Амалией, Вильгельминой и Луизой. Павел выбрал принцессу Вильгельмину, которая после крещения получила имя Наталии Алексеевны. В сентябре 1773 г. они обвенчались, а в апреле 1776 г. Наталия Алексеевна скончалась при родах.

После ее смерти были обнаружены письма, из которых следовало, что у великой княгини была интимная связь с лучшим другом Павла Петровича — графом Андреем Кирилловичем Разумовским, сыном гетмана. Это был сильный

удар. Екатерина нашла лекарство, предложив сыну поскорее жениться. В том же году цесаревич в сопровождении свиты отправился в Берлин. Наконец-то Павел увидел страну, которая казалась ему образцовой. Он мечтал водворить в России такие же порядки.

В Берлине русский наследник был встречен с распростертыми объятиями. На этот раз прусский король устраивал брак Павла с вюртембергской принцессой Софией Доротеей, своей племянницей. В сентябре 1776 г. София Доротея, получившая после крещения имя Марии Федоровны, стала второй супругой Павла Петровича. За 20 лет супружеской жизни она родила четырех сыновей и шесть дочерей. Будущее династии было обеспечено.

Между тем отношения матери с сыном становились все хуже, особенно после того, как не очень умного Григория Орлова заменил при Екатерине II Григорий Потемкин, выдающийся администратор, человек разносторонних талантов. Все, что делалось в России, Павел встречал в штыки, к тому же кружок Панина настраивал его соответствующим образом. В 1774 г. Павел представил матери записку, в которой резко критиковал ее внутреннюю и внешнюю политику.

В декабре 1777 г. у велико-

княжеской четы родился перенец — великий князь Александр Павлович. Екатерина пошла по стопам Елизаветы Петровны: сразу же взяла младенца у родителей и стала его воспитательницей. Так же она поступила и со вторым сыном Павла — Константином, родившимся в апреле 1779 г. Видимо, уже тогда у Екатерины возникла мысль — лишить Павла наследования и передать престол внуку.

В 1781—1782 гг. Павел Петрович и Мария Федоровна, под именем графа и графини Северных, совершили продолжительное заграничное путешествие, посетив Вену, Рим, Неаполь, Флоренцию, Париж, Версаль, Брюссель, а также родные места Марии Федоровны (посещение Берлина им было строгойше запрещено). Во время поездки иностранцы смогли убедиться не только в остром уме наследника, его начитанности, но и в его неприязни к матери. В разговоре с братом императора Иосифа II великим герцогом Тосканским Петром Леопольдом Павел, не скрывая раздражения и не стесняясь в выражениях, резко критиковал завоевательную политику Екатерины II: Россия, мол, достаточно велика и не нуждается в новых приобретениях, но требует заботливого отношения к внутренним делам. О ближайшем окружении матери — князе Потемкине,

секретаре ее Безбородко, графах Воронцовых и Моркове — Павел высказывался тоже недвусмысленно: как только он будет иметь власть, то высечет их, разжалует и выгонит. Об этом разговоре великий герцог незамедлительно сообщил Иосифу II.

В Версале и Париже, где русских гостей принимали Людовик XVI и Мария Антуанетта, Павел очаровал французское общество. На вопрос короля, правда ли, что в его свите нет лица, на которое он может положиться, последовал ответ:

— Я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился какой-нибудь привязанный ко мне пудель: прежде, чем мы оставили бы Париж, мать моя велела бы бросить его в Сену с камнем на шее.

В Брюсселе на ужине, как отмечено в записках баронессы Оберкирк, произошел эпизод, свидетельствующий о мистическом настроении Павла Петровича. Все рассказывали таинственные эпизоды из своей жизни. Павел Петрович тоже рассказал историю. Однажды в лунную ночь он вместе с Куракиным и слугами гулял по Петербургу. Вдруг услышал чьи-то шаги и почувствовал, что между ним и стеной кто-то идет, при этом бок его стал ледяным. Никто из спутников Павла ничего не заметил. Таинственный незнакомец привел их к тому мес-

ту, где воздвигали памятник Петру Великому, и несколько раз сказал: «Павел! Бедный Павел! Бедный князь!», — а на прощание добавил: «Павел, прощай, ты меня снова увидишь здесь и еще в другом месте». Когда граф и графиня Северные находились уже у родителей Марии Федоровны, было получено письмо из Петербурга с описанием торжественного открытия памятника Петру Великому. Баронесса Оберкирк заметила, что, узнав об этом, цесаревич приложил палец к губам и сильно побледнел. Его поведение убедило ее, что Павел вовсе не шутил, когда рассказывал о явившемся ему призраке Петра.

В 1783 г., после рождения великой княжны Александры Павловны, Екатерина II подарила Павлу мызу Гатчина, принадлежавшую раньше Григорию Орлову. Начинается тринадцатилетний период жизни малого двора в Гатчине и Павловске. Как бы возвращаясь к идеям Петра I и Петра III, Павел заводит гатчинские полки, с жестокой муштрой по прусскому образцу. Павел ведет оживленную переписку с генерал-аншефом Петром Паниным, пишет рассуждения о государственном управлении, развивая идею строжайшей централизации власти.

В 1784 г. великий полковник Александр Васильевич Су-

воров посетил цесаревича в Гатчине, наблюдал за подготовкой гатчинских войск и откровенно высказал свои взгляды на военное дело. Выйдя из кабинета, Суворов пропел: «Prince adorable, despote implacable» (принц восхитительный, деспот неумолимый), точно выразив суть характера будущего императора.

Екатерина подозревала, что Павел связан с масонами и, возможно, даже вступил в их ложу (некоторые исследователи полагают, что это произошло в 1778 г. в доме Ивана Елагина). В указе от 1 августа 1792 г. среди обвинений, предъявленных масонам, было и такое: «Они употребляли разные способы... к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы [Павла Петровича]; в сем уловлении... Новиков сам признал себя преступником».

Тем временем здоровье Екатерины II стало ухудшаться, и она все чаще задумывалась о преемнике. Полагают, что о завещании императрицы в пользу внука знали графы А. В. Суворов, П. А. Румянцев, А. А. Безбородко, А. Г. Орлов-Чесменский, последний фаворит императрицы князь Платон Зубов, князь Николай Салтыков, которому было поручено надзирать за воспитанием Александра и Константина, митрополит Гавриил. Неизвестно, кто как отнесся к намерениям Екатерины. Предполага-

ют, что завещание было письменно оформлено, но внезапная смерть Екатерины II 6 ноября 1796 г. смешала карты. Граф Николай Зубов (муж дочери Суворова) первый известил Павла об ударе, поразившем императрицу. Примчавшийся из Гатчины Павел сразу занял кабинет Екатерины II. Безбородко глазами показал на пакет, лежавший на столе. И Павел, не распечатывая, бросил его в камин: видимо, содержание бумаг в пакете ему было известно.

РАЗРЫВ С ПРОШЛЫМ

Уже первые шаги царствования нового императора демонстративно были направлены против политики его матери. Видимо, Павлу I была ненавистна сама мысль о том, что 34 года престол занимала женщина, устранившая его, законного наследника Петра III.

Павел I приказал устроить одновременно торжественные похороны Петра III и Екатерины II. По его приказанию из склепа в Александро-Невской лавре было извлечено тело Петра III. 25 ноября Павел возложил на его гроб императорскую корону. Затем состоялась торжественная церемония перенесения гроба Петра III в Зимний дворец, где он был поставлен рядом с гробом Екатерины II. 5 декабря оба гроба перенесли в Пет-

ропавловский собор, и только 18 декабря состоялось погребение. На лице Павла I было больше гнева, чем печали. В траурных церемониях император приказал участвовать и тем сановникам, коим молва приписывала участие в царевубийстве 1762 г.

Павел I решил уничтожить любое напоминание о перевороте 1762 г., приказав выдрать из указных книг, где бы они ни находились, Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. и акт отречения от престола Петра III. В Тайной экспедиции эти документы были сожжены, за исключением двух экземпляров, оставленных для справок.

Политика «просвещенного абсолютизма» сменилась, по словам Павла I, политикой «железной лозы». И это особенно сильно почувствовали верхи общества, прежде всего гвардия, в среде которой и возникла оппозиция.

Порядки, насаждаемые Павлом, во многом напоминали те, что пытался ввести Петр III. Рабочий день императора Павла начинался в шесть часов утра. Конечно, избалованному чиновничеству кипучая деятельность и Петра III, и Павла I после женского правления нравиться не могла.

Преобразования Павла I коснулись прежде всего армии. Введенная Потемкиным удобная форма, по словам Павла «мужицкая» (суконная куртка,

Император Павел I. Художник И. П. Аргунов

шаровары, сапоги, каска, короткая стрижка), сразу же была заменена неудобной прусской — длинными мундирами с фалдами, узкими панталонами, низкими треугольными шляпами, лакированными ботинками с чулками. Голову мазали салом, пудрили, заплетали длинную косу, туго перевязанную проволокой.

В Петербург вступили гатчинские войска, и Алексей Аракчеев был назначен комендантом столицы. Известный мемуарист, впоследствии генерал, Н. А. Саблуков вспоминал: «Явились новые лица, новые сановники. И как они были одеты, о Боже! Несмотря на все наше горе по случаю кончины императрицы, мы от смеха держались за бока при виде этого маскарада. Великие князя Александр и Константин явились в своих новых мундирах; они напоминали собою старые портреты немецких офицеров, вышедшие из своих рамок».

На близких к Павлу людей посыпались награды. Например, Федор Ростопчин был произведен в генерал-майоры и генерал-адъютанты, стал членом Военной коллегии, был возведен в графское достоинство, назначен первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел. А ведь этого человека Екатерина II называла «сумасшедший Федька».

Большое влияние на импе-

ратора оказывал его камердинер Иван Кутайсов, ставший гардеробмейстером пятого класса, а впоследствии графом и обер-штальмейстером. Щедрые милости посыпались на некоторых сановников: А. А. Безбородко был пожалован в действительные тайные советники I-го класса, в апреле 1797 г. возведен в княжеское достоинство и назначен канцлером; князь Александр Куракин назначен вице-канцлером, князь Алексей Куракин — генерал-прокурором. По словам современников, это был ливень всяких милостей и пожалований, а ордена император «не раздавал, а разметывал...».

Многих сподвижников Екатерины II император поспешил удалить. Генерал-фельдмаршал граф А. В. Суворов-Рымникский был отставлен от службы и сослан в свое село Кончанское. Отношение к людям Павел сформулировал так: «Для меня значим лишь тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю».

Павел I удалил из Петербурга братьев Зубовых и Орлова-Чесменского. Платон, по прошению, был уволен со всех постов, а впоследствии за ним был установлен тайный надзор. Валериан после возвращения из Персидского похода также вышел в отставку и тоже находился под тайным надзором, ему было приказано жить в имении.

Императрица Мария Федоровна

Конечно, не все, что делал Павел I, было плохо. Он приказал вернуть из ссылки Александра Радищева, а виднейшего масона-просветителя Николая Новикова освободить из крепости. Посетив в Мраморном дворце Тадеуша Костюшко, вождя восстания 1794 г. в Польше, он приказал выдать ему 60 тыс. рублей и разрешил уехать в Америку.

Еще будучи наследником, Павел написал акт о престолонаследии, который должен был положить конец произволу, порожденному Петром Великим в 1722 г.: престол должен был переходить по праву первородства по мужской линии к старшему сыну, и только после пресечения мужской линии — к женской. 5 (16) апреля 1797 г. во время коронации закон о престолонаследии был провозглашен и положен на хранение в Успенский собор.

Уже упоминавшийся генерал Н. А. Саблуков писал о Павле I: «...Это был человек в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках. Он высоко ценил правду, ненавидел ложь и обман, заботился о правосудии и беспощадно преследовал всякие злоупотребления, в особенности же лихоимство и взяточничество. К несчастью, все эти похвальные и добрые качества оставались совершенно бесполезны-

ми, как для него лично, так и для государства, благодаря его несдержанности, чрезвычайной раздражительности, неразумной и нетерпеливой требовательности беспрекословного повиновения. Малейшее колебание при исполнении его приказаний, малейшая неискорректность по службе влекли за собою жестокий выговор и даже наказание без всякого различия лиц... Он был чрезвычайно раздражителен и от малейшего противоречия приходил в такой гнев, что казался совершенно иступленным».

Курляндский барон сенатор К. Гейкинг отмечал: «...Никто из смертных не обнаруживал в своем характере таких контрастов света и тени, как император Павел I. Его ум и его страстность, его чувствительность и его жестокость, его добродетели и пороки, его энтузиазм в дружбе и его упорная ненависть к тому же лицу, его признательность за все, что, как ему казалось, искренне делали в его пользу, и его бешеный гнев при малейшем упущении, замеченном относительно его собственной особы, — все это доходило в нем до крайности...»

Известно, насколько велико было лихоимство в царствование Екатерины II. Великий князь Александр Павлович в письме к другу с горечью признавал: «В наших делах господствует неимоверный

Гатчинский дворец

беспорядок, грабят со всех сторон, все части управляют-ся дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов». «Железной лозой» Павел и хотел навести порядок.

Император попытался несколько ограничить права дворянства, полученные при Екатерине II согласно Жалованной грамоте 1785 г. Он ограничил дворянские права в области самоуправления (упразднил губернские дворянские собрания), так как опасался, что массовое стечение дворян в губернские города может усилить оппозиционные настроения. На дворян снова были распространены

телесные наказания. Начались преследования вольномыслия, распространенного в дворянском обществе. В феврале 1797 г. было приказано закрыть все вольные (частные) типографии. Ввели специальную цензуру для ввоза иностранных книг, а в 1800 г. вообще запретили ввоз книг из-за границы.

В 1798 г. Павел I принял участие в создании второй антифранцузской коалиции, но, встретив коварство своих союзников — Австрии и Англии, в конце 1799 г., после переворота 18 брюмера, приведшего к власти первого консула Наполеона Бонапарта, решил пойти на улучшение отношений с Францией. Дво-

Кирасир гатчинских войск

рянское общество России к такому повороту во внешней политике отнеслось отрицательно, так как традиционно интересы русских помещиков были связаны с Англией, передовой во многих отношениях страной, покупавшей много товаров для своего промышленного развития у России.

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОРОТА

Заговор против императора Павла I в гвардейских кругах возник почти сразу после его вступления на престол. Никто из высших сановников, генералов и офицеров не чувствовал себя в безопасности. Отличительной чертой Павла была чрезмерная мнительность: он не доверял даже самым близким и преданным ему людям.

Очевидец событий времен царствования Павла I барон Гейкинг не мог сдерживать чувств: «О, вы, которые близко знали Павла в первые два года его царствования, скажите: разве не имел он чувствительного сердца, не обладал добродетельным характером, просвещенным умом? И если ему случалось делать несправедливости — не происходило ли это от переизбытка его любви к справедливости, и разве во всех тех случаях, когда он убеждался в своей ошибке, не имел он мужества

сознаться в ней и стараться ее исправить? Но низкие льстецы, но люди, желавшие удержаться на своем месте, в ущерб правде, испортили эти хорошие свойства и мало-помалу задушили драгоценные зародыши его добродетелей, способствуя развитию противоположных качеств!..»

Уже в конце 1799 г., когда во внешней политике России намечалось сближение с Францией, чему способствовали отозвание армии Суворова и полная неудача англо-русской экспедиции против Голландии, образовалось ядро заговора. В тайных переговорах участвовали граф Никита Панин (сын Петра Ивановича), английский посланник сэр Чарлз Уитворт и вице-адмирал Рибас, ловкий авантюрист полуиспанец, приглашенный в Россию еще Алексеем Орловым (получил известность как один из основателей Одессы). Цель заговора — устранение императора Павла от правления. Императором или, по крайней мере, регентом должен был стать Александр. Предполагалось арестовать Павла как душевнобольного. Идея, скорее всего, была английско-го происхождения, так как прецедент был — английский король Георг III страдал приступами психического расстройства и не мог выполнять своих обязанностей.

Впоследствии граф Никита Панин писал Александру I: «Я

унесу с собой глубокое убеждение, что оказал услугу моему отечеству тем, что я *первый* осмелился развернуть пред Вами печальную картину опасностей, грозивших погубить империю». А Марии Федоровне тот же Панин писал: «Я хотел... передать правление в руки Вашего Августейшего сына. Я думал, что, руководя лично столь трудным предприятием, он устранил бы негодяев, которые всегда стараются извлечь выгоду из политических переворотов».

Однако Панин попал в опалу, а вице-адмирал Рибас умер, и все нити заговора сосредоточились в руках Палена.

2 ноября 1798 г. Федор Ростопчин, действительный тайный советник, 3-й член Коллегии иностранных дел, доверительно сообщал в Лондон графу Воронцову: «...Государь, расточивший миллионы благодеяний, не имеет у себя верных слуг. Его ненавидят даже собственные дети; великий князь Александр ненавидит своего отца, великий князь Константин боится его. Дочери, руководимые, как и все прочие, матерью, с отвращением смотрят на отца; между тем все ему улыбаются, будучи рады видеть его погибель».

Граф Семен Романович Воронцов, член масонской ложи «Скромность» (действовала в Петербурге в 1770—1793 гг.), был сторонником союза с Англией и противником дру-

жественных отношений с Францией. Из Лондона граф вел конспиративную переписку со своими единомышленниками. Именно среди этих людей возникла мысль об устраниении Павла и возведении на престол Александра Павловича. В одном из писем Воронцову вице-канцлер Кочубей сообщал: «Можно опасаться какого-либо отчаянного действия некоторых сообщников, к которым весьма плохо относятся».

Еще будучи наследником, Павел с детства проявлял интерес к ритуалам и атрибутам католического ордена мальтийских рыцарей. Орден пострадал от французской революции. Мальта была захвачена французами. Павел, став императором, объявил себя покровителем ордена, принял звание великого магистра, учредил Орден святого Иоанна Иерусалимского, вел длительные беседы с иезуитом патером Грубером, при этом речь шла об объединении церквей. В 1800 г. Павел разрешил иезуитам просветительскую деятельность в западных губерниях, а затем по личной просьбе папы римского согласился на их пребывание в России.

Если Петра III подозревали в стремлении реорганизовать православную церковь в лютеранском духе, то в Павле I православное духовенство видело готовность к соединению с православной и католической

церквей. Это пугало православных архиереев. В России стали распространяться слухи, что император — вероотступник.

Осенью 1800 г. Россия пошла на разрыв отношений с Англией. Было приказано арестовать все английские суда, находившиеся в российских портах, а также принадлежащие англичанам товары и имущества (в то время оборот торговли с Англией составлял несколько миллионов рублей).

Первый консул Наполеон Бонапарт делал Павлу все более лестные предложения: признал Павла главой Мальтийского ордена, освободил и отправил в Россию русских пленных, находившихся во Франции, предложил союз против Англии. В начале 1801 г. начались русско-французские переговоры о совместных действиях против Англии. Барон Гейкинг, отмечая подозрительность монарха, одновременно сетовал на то, что Павел I был окружен низкими интриганам, — они добивались, чтобы принимали такие меры, которые возбуждали всеобщее недовольство. К числу таких мер, несомненно, относился манифест от 1 ноября 1800 г., разрешавший всем уволенным или исключенным со службы опять вступить в нее. Инициатором этого приказа был Пален. Коварство замысла заключалось в том, что уволенные или исключенные, где бы они ни

находились, обязаны были прибыть в Петербург, не имея никаких гарантий, что их восстановят на службе. Тысячи разоренных и голодных людей пополнили ряды недовольных, но этот приказ позволил Палену вернуть в Петербург на службу и личных врагов Павла — братьев Зубовых, генерала Леонтия Беннигсена* и других.

В то же время был удален верный Павлу Аракчеев. Находившийся около Новгорода Аракчеев в начале марта 1801 г. получил приказ вернуться, потому что император стал бояться Палена. Когда же он прибыл к петербургской заставе, то был задержан по приказу Палена**.

Заговорщики приняли в расчет большое влияние на Павла женщин. Они постарались восстановить его против жены — императрицы Марии Федоровны и старших сыновей — Александра и Константина. Кроме того, удалили

* Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745—1826) — английский подданный, на русской службе находился с 1773 г. В 1798 г. Павел I уволил его в отставку. Последние годы жизни провел в своем имении в Ганновере, где и умер.

** Аракчеев вернулся в свое имение Грузино. После убийства Павла он воздвиг в Грузино памятник покойному императору с надписью: «Сердце чисто и дух мой прав пред тобою». В мае 1803 г. Александр I вызвал Аракчеева в Петербург и восстановил в прежней должности — командира лейб-гвардии артиллерийского батальона и инспектора всей артиллерии и прежнем звании — генерал-лейтенанта.

Княгиня Анна Петровна Гагарина

Граф Петр фон дер Пален

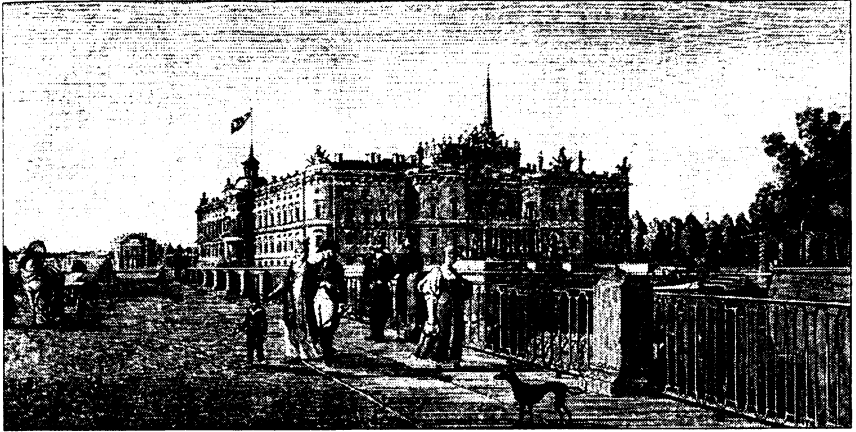
фрейлину императрицы Екатерины Ивановну Нелидову, которая оказывала на Павла благотворное влияние. На одном из балов в Москве Павел увидел Анну Петровну Лопухину (это было весной 1798 г.), пленился ею и осыпал милостями ее семью. Отец Лопухиной, Петр Васильевич, получил чин действительного тайного советника и был назначен генерал-прокурором. Вместе с отцом в Петербург переехала и Анна Петровна, выданная замуж за князя Павла Гавриловича Гагарина. Став камер-фрейлиной и кавалерственной дамой, очередная фаворитка государя поселилась в Михайловском замке — новой резиденции Павла I.

— На том месте, где родился, хочу и умереть, — сказал император, торопя окончание строительства (замок был построен на месте Летнего дворца, где родился Павел).

8 ноября 1800 г. замок, строившийся по проекту самого императора, которому помогал архитектор Виктор Бренна, был торжественно освящен в присутствии императора Павла Петровича.

1 февраля 1801 г. император, императрица, Александр, Константин и самые приближенные к ним особы переселились в новый замок, а великие княгини и великие княжны переехали из Зимнего дворца несколько позднее. Как вспоминала графиня Варвара Николаевна Головина, «каждый в замке боялся вредного сырого воздуха, либо за себя, либо за своих, но все далеки были от мысли, что этот дворец станет гробницей лишь одного, и именно того, кто единственный был от него в восторге. Государь был так доволен, что смог преодолеть все препятствия для удовлетворения своей фантазии, что поспешил воспользоваться последними днями масленицы и задал бал в новом помещении. В остальные же дни давались спектакли».

Граф Федор Ростопчин 20 февраля 1801 г. был лишен всех должностей, а через четыре

Михайловский замок в Санкт-Петербурге

дня выслан из Петербурга. Ростопчин давно ожидал опалы, о чем опрометчиво писал графу С. Р. Воронцову: «Образовался союз великих интриганов: Лопухин [отец княгини Гагариной], Куракин [князь Александр], граф Андрей [Разумовский, посол в Вене] и во главе их Пален. Они желают прежде всего разделить между собою мои должности, как ризы Христовы, и рассчитывают на огромные барыши, играя в руку Англии. Они видят во мне препятствие, хотя я исполняю только волю моего императора; а эта воля не терпит исключений, и я не скрываю, что буде мы станем дальше поступать так же, как до сих пор, то рассчитывая до известных пределов на Пруссию, мы достигнем для нас новых выгод, укрепим нынешнее положение России и

упрочим свободу торговли. При этом, однако, не следует думать о собственных доходах, как это делают наши господа, отставные и состоящие на службе, и глядеть на священную Францию глазами эмигранта».

Граф Виктор Павлович Кочубей, находившийся в Дрездене, переписав письмо симпатическими чернилами, от себя добавил, пересылая письмо графу С. Р. Воронцову в Лондон: «Англичане купили наших могущественных лиц, и поскольку имеется сброд, то я не рассержусь, если любым путем произойдет благое дело. К способным людям я отношу Кутайсова и Гагарина, Палена. Последний должен быть душой всего, его влияние не может сравниться ни с каким другим».

Сначала заговорщики на-

Граф Валериан Зубов

Граф Николай Зубов

мечали переворот на Пасху — 24 марта, затем перенесли на 11 марта.

«В течение нескольких месяцев, — пишет графиня В. Н. Головина, — Пален преследовал и мучил великого князя Александра, чтобы добиться согласия на низложение его отца. В конце концов он стал угрожать ему революцией и резней, уверяя, что только лишение Павла I престола может спасти государство и самого Александра. Он добился от великого князя разрешения навести справки, каким образом подобные отречения производились в других странах».

В столице намеренно распространялись слухи, что император враждебно относится к своей супруге Марии Федоровне, подозревая ее в стрем-

лении царствовать. Знали и о его недоверии к старшим сыновьям, особенно после того, как по желанию Павла в Петербург прибыл племянник Марии Федоровны 13-летний принц Евгений Вюртембергский. Принц оставил мемуары, в которых рассказывает, что Павлу «пришла в голову странная (!) мысль: заточить в монастырь свою жену и всех детей, за исключением одной только своей любимицы, великой княжны Екатерины; императрицу он, может быть, даже думал предать смерти». Молодого герцога Евгения Вюртембергского он хотел обручить со своею дочерью Екатериной, усыновить и объявить наследником. Скорее всего, подобные разговоры и позволили Палену добиться согласия Александра Павлови-

ча на устранение отца с престола, при условии сохранения ему жизни.

В четверг, 7 марта 1801 г., Павел неожиданно спросил у Палена:

— Господин фон Пален, где вы были в 1762 году?

— Здесь, в Петербурге, Ваше Величество, — ответил тот. — Но что вам угодно этим сказать?

— Вы участвовали в заговоре, лишившем жизни моего отца?

— Нет, Ваше Величество, я был только свидетелем переворота. Почему вы мне задаете этот вопрос?

— Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762-й год. Меня хотят убить! — почти истерически вскричал Павел.

Пален не растерялся и сказал, что сам участвует в заговоре, чтобы в нужную минуту схватить заговорщиков. И тут он понял — медлить больше нельзя.

О разговоре с императором Пален тотчас сообщил Александру Павловичу, предложив завтра же нанести удар. Великий князь, однако, ответил: задуманное надо отложить до 11 марта, когда в Михайловском замке будет дежурить 3-й батальон Семеновского полка, в котором он, Александр, уверен более, чем в других.

Михайловский замок представлял собой настоящую крепость, окруженную рвами и

Князь Платон Зубов

гранитными брустверами, на которых стояли орудия. Войти в него можно было только по подъемным мостам. Поэтому заговорщикам было необходимо, чтобы в ту ночь в замке находились только те части, на которые они могли рассчитывать. Пален сумел убедить императора, что Конный полк, командиром которого был великий князь Константин Павлович, ненадежен.

Вечером 11 марта Павел вызвал дежурного полковника Н. А. Саблукова, и между ними состоялся такой разговор на французском языке.

— Вы якобинцы, — заявил Павел.

— Да, сир, — не подумав, ответил Саблуков.

— Не вы сами, а ваш полк.

— Разве только я, — придя в себя, ответил Саблуков. — Что же касается полка, то вы ошибаетесь.

— Я это лучше знаю, — возразил император, — пусть стража уходит.

Саблуков скомандовал: «Направо кругом марш!», — и корнет Андреевский вместе с солдатами покинул замок.

Далее император продолжал разговор по-русски, сказав, что отдал приказ выслать полк из города и разместить его по деревням.

— Ваш эскадрон будет водворен в Царском Селе. Два бригадных майора проводят полк до седьмой версты. Располяйтесь, чтобы все в четыре часа утра были готовы отправиться в путь со своими пожитками.

Еще ранее, утром, Павел приказал генерал-прокурору П. Х. Оболянинову привести к присяге великих князей Александра и Константина и посадить их под домашний арест.

О последнем вечере в жизни Павла I сохранилось немало воспоминаний. Император был весел, будто готовился к какому-то большому событию. Еще 9 марта он сказал графу Кутайсову: «Через пять дней ты увидишь великие дела». Но что задумал Павел, никто не знал.

Как обычно, на ужин собрались приближенные императора. Стол был накрыт на 19 кувертов*. Великий князь

Александр был молчалив и задумчив, император же чрезвычайно весел и разговорчив. За ужином он восхищался новым фарфоровым прибором с разными видами Михайловского замка, многократно целовал рисунки на фарфоре и повторял, что это был один из счастливейших дней в его жизни.

Генералу от инфантерии М. И. Кутузову, который присутствовал за столом, но не участвовал в заговоре (мог только догадываться), запомнилось, что после ужина Павел говорил с ним и, взглянув на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лицо кривым, смеялся над этим, заметив:

— Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону.

Ужин кончился в половине десятого. Обычно все выходили в другую комнату и прощались с государем. На этот раз Павел ни с кем не простился и, уходя, сказал только:

— Чему быть, тому не миновать.

Император отправился к княгине Анне Петровне Гагариной, спальня которой помещалась под его спальней. К

ствовали великая княжна Мария Павловна, генерал от инфантерии М. И. Кутузов с дочерью, жена и дочь графа П. А. Палена, обер-камергер граф Строганов, обергофмаршал Александр Нарышкин, сенатор князь Юсупов и др.

* Помимо великих князей Александра и Константина с супругами присут-

ней вела особая лестница. Там он составил записку хворающему начальнику военного департамента генерал-лейтенанту графу Ливену, в которой сообщал, что тому придется «передать портфель военного министерства князю Гагарину» — мужу фаворитки. Это был последний государственный документ, написанный императором Павлом. К полуночи монарх поднялся к себе в спальню.

Генерал барон Леонтий Беннигсен

ПЕРЕВОРОТ 11 МАРТА 1801 г.

Наступило 11 (23) марта. Это был понедельник, началась шестая неделя Великого поста. Главная роль в деле отводилась двум гвардейским полкам — Преображенскому (командир генерал П. А. Талызин) и Семеновскому (командир генерал Л. И. Депрерардович). Активных участников переворота, по разным источникам, насчитывалось 40—60 человек, а всего в той или иной степени вовлеченных в заговор — 180—300 человек.

В тот вечер офицеры-заговорщики, собиравшиеся на разных квартирах, для храбрости пили шампанское, мешая его с водкой и английским пивом. Сборище проходило и в пристройке Зимнего дворца, куда пришли главные руководители переворота — генералы Пален, Зубовы, Беннигсен, Уваров, Талызин,

Депрерардович, полковники И. Г. Вяземский, Запольский, Арсеньев, Петр Волконский, адъютант наследника (впоследствии был министром императорского двора при Николае I), Мансуров и другие. С речью выступил Платон Зубов. Палену приписывают слова, сказанные тогда по-французски: «Напомню вам, господа, чтобы съесть омлет, надо сначала разбить яйца».

Ночь была холодной, дул ледяной ветер, вздымая снежную пыль. Заговорщики разделились на два отряда. Один, во главе с Паленом, шел по Морской и Невскому, другой — под начальством Беннигсена — по Миллионной и через Летний сад (с этим от-

рядом шли братья Зубовы). Полковой адъютант Преображенского полка Александр Аргамаков (племянник Дениса Фонвизина) знал пароль, все входы и выходы Михайловского замка. Когда отряд подходил к Летнему саду, тучи ворон и галок взлетели над голыми деревьями.

Наружный караул Михайловского замка несли семеновцы. Отряд Беннигсена проник в замок, не встретив сопротивления. Заговорщики стали подниматься по узкой винтовой лестнице. Караульный Агапеев попытался преградить дорогу, но Николай Зубов ударил его саблей по голове. Тот упал. Из библиотеки двойные двери вели в спальню императора. Два камер-гусара дежурили здесь. Гайдук Кириллов был убит ударом сабли, другой камердинер убежал.

Беннигсен так рассказывал об этом событии генералу графу Ланжерону, состоявшему на русской службе французу: «Мы вошли в комнату в числе двенадцати человек, среди которых были Платон и Николай Зубовы (Пален и большинство других пошли другой дорогой). Валерьян Зубов остался у Палена... Шум (в передней) разбудил императора. Он соскочил с кровати и мог бы легко спастись, если бы сохранил присутствие духа. Правда, комнаты императора не могли служить

для него убежищем, так как он, по совету Палена, забаррикадировал ее дверь, но оставалась еще лестница, которая вела в покои княгини Гагариной. Он, по-видимому, был слишком перепуган, чтобы рассуждать, и спрятался за ширмы. Мы входим; Платон Зубов подбегает к кровати, находит ее пустой и кричит: «Il s'est sauvé!»* Я нашел императора. Как и все другие, я был при полной форме, с лентой и орденами, со шляпой на голове и шпагой в руке. Я опустил шпагу и сказал по-французски: «Государь, вы перестали царствовать; Александр стал императором; по его приказу мы вас арестуем; Вы должны отречься от престола. Будьте спокойны, мы вас жизни не хотим лишать. Я явился сюда, чтобы защитить вас; покоритесь своей судьбе; если же вы окажете хоть малейшее сопротивление, то я ни за что не ручаюсь».

Император ничего не ответил. Платон Зубов повторил по-русски все, что я сказал по-французски. «Что я вам сделал?!» — воскликнул император. Один из гвардейских офицеров ответил: «Четыре года подряд вы нас мучили». В эту минуту с шумом вошли в переднюю другие офицеры, которые по дороге заблудились в комнатах дворца; под-

* «Он убежал!»

нятый ими шум перепугал тех, которые были со мной в комнате. Они подумали, что это стража прибежала на помощь императору, и убежали по лестнице. Я остался один с императором и угрожал ему своим решительным видом и шпагой. В это время беглецы встретили товарищей и вернулись в комнату Павла. Началась давка, во время которой упали ширмы и потушили лампу. Я вышел, чтобы принести лампу из другой комнаты. В этот короткий промежуток времени Павла не стало».

Действительно, в момент убийства Павла в спальне не было ни одного генерала. Убивали императора старшие офицеры, хотя, возможно, смертельный удар нанес Николай Зубов.

По воспоминаниям современников, заговорщики потребовали от Павла отречения от престола. Император ответил категорическим отказом. Спор продолжался недолго, Николай Зубов первым ударил императора Павла I по руке, а затем золотой табакеркой нанес ему сильный удар в левый висок. Император без чувств упал на пол. В этот момент кто-то погасил лампу. В спальне оставалось чуть больше десяти человек. Самым старшим среди них был люто ненавидевший Павла I полковник князь В. М. Яшвилль.

Пьяные офицеры навали-

лись на лежащего на полу императора. Штабс-капитан Яков Скарятин сказал: «Завтра мы будем все на эшафоте», — чем подтолкнул товарищей к расправе. Император делал отчаянные усилия, чтобы вырваться из рук Яшвиля. Кто-то сорвал с себя шарф. Некоторые мемуаристы утверждают, что это был шарф Скарятина, другие считают, что штабс-капитан схватил шарф Павла, который висел над кроватью.

Саблуков вспоминал: «Называли много различных лиц, которые проявили во время этой расправы особенно много грубости и жестокости и мстили императору за оскорбления, которые он позволил по отношению к ним. Они толкали и топтали его ногами и всячески издевались над несчастным трупом. Для врачей и живописцев была нелегкая работа препарировать труп, чтобы можно было, согласно традиции, выставить его на некоторое время для всех, желавших его видеть. Я видел императора на парадном ложе. Лицо, несмотря на искусство художника, было в черных и синих пятнах. Шляпа была так надвинута, что почти совершенно закрывала левый глаз и висок, которые у него были разбиты».

А где же все это время был главный руководитель переворота — генерал Петр Пален? Он появился, когда все было

Император Александр I.
Художник В. Л. Боровиковский

кончено. Многие восприняли это как хитрый ход: пожать плоды вместе со всеми в случае удачи или явиться спасителем Павла, если бы дело не удалось. Пален должен был вместе с генералом Федором Уваровым двигаться по главной лестнице замка, но не तोпился. Некоторые считают, что он находился в это время около Александра — чтобы в случае неудачи переворота арестовать великого князя. Во всяком случае спустя несколько месяцев Александр I удалил Палена, вменив ему в вину его «двусмысленное отсутствие в решительный момент» в роковую ночь. Хотя так же император поступил и

с теми, кто действовал тогда решительно*.

Когда Александр узнал от Палена и Беннигсена о роковом событии, то в ужасе закричал:

— Как вы посмели! Я этого никогда не желал и не приказывал, — и в отчаянии повалился на пол.

Пален встал на колени и произнес:

— Ваше Величество, теперь не время ребятиться. Сорок два миллиона человек зависят от Вашей твердости.

Придя в себя, Александр через несколько минут вышел к караулу и сказал:

— Батюшка скончался апоплексическим ударом, при мне все будет как при бабушке.

Семеновцы закричали «ура», но преображенцы безмолвствовали. Солдаты даже сожалели о случившемся. Поэтому спешно надо было показать скончавшегося императора, чтобы привести к присяге войска.

* Граф Пален уехал в свое имение и умер в 1826 г. В имение был отправлен и Скарятин, умер в 1850 г. Князь Платон Zubov уехал в свои поместья и умер в 1822 г. Братья Валериан (умер в 1804 г.) и Николай (умер в 1805 г.) Zubovy остались при дворе. Л. Л. Беннигсен был участником войн с Наполеоном, но не получил фельдмаршальского жезла. Граф Никита Панин лишь на короткое время был возвращен к руководству внешней политикой, но после подписания Петербургской конвенции с Англией был отстранен от всякой государственной деятельности. В 1801 г. уехал за границу, а затем жил в своем имении. Умер в 1837 г.

В два часа ночи Александр и Константин отправились в сопровождении семеновцев в Зимний дворец. В Михайловском замке остались Мария Федоровна, Елизавета Алексеевна, Анна Федоровна, маленькие дети — Николай и Михаил, Мария и Анна.

Мария Федоровна, которую Павел подозревал в намерении примерить на себя роль Екатерины II, не хотела признавать сына императором и, по словам многих очевидцев, говорила:

— Ich will regieren (я хочу править).

С трудом солдатам удалось не допустить ее к телу покойного мужа, пока врачи приводили его в порядок. Обращались с ней грубо. Кто-то крикнул:

— Вытащите вон эту бабу!

Только в шестом часу утра Мария Федоровна, одетая в глубокий траур, отправилась с остальными детьми в Зимний дворец.

Заговорщики предусмотрели расправу с верными Павлу I людьми: генерал-прокурора П. Х. Оболянинова и командира гусарского полка Кологривова арестовали. Искали и обер-штальмейстера графа И. П. Кутайсова. Он был у своей любовницы, французской актрисы Шевалье, но сумел ускользнуть и укрыться в доме Ланского. Результат переворота: двое убитых и один раненый.

Четверть века спустя великий князь Константин Павлович поведал графу Ланжерону: «Я ничего не подозревал и крепко спал, как могут спать двадцатилетние юноши. Пьяный Платон Zubov с шумом ввалился в мою комнату (через час после смерти моего отца), грубо стянул с меня одеяло и нахальным тоном сказал: «Вставайте и идите к императору Александру; он вас ждет». Можете себе представить мой ужас и недоумение. Я смотрел на Zubova заспанными глазами, и мне казалось, что это мне снится. Платон с силой дернул меня за руку, чтобы заставить подняться. Я надел свои брюки, сюртук, сапоги и совершенно механически последовал за Zubовым. Из предосторожности я захватил с собой польскую саблю, которую я получил в Ковне от князя Любомирского. В случае, если бы угрожала опасность моей жизни, я стал бы защищаться, потому что совершенно не понимал, что произошло. Я прихожу в комнату брата и застаю там толпу очень шумных и разгоряченных офицеров. Уваров, такой же пьяный, как и все другие, сидел на мраморном столе и болтал ногами. Я вхожу в зал моего брата и застаю его распростертым на диване в слезах. Тут же была и императрица Елизавета. Здесь я впервые узнал об убийстве моего отца. Я так

был ошеломлен этим ударом, что сначала мне показалось, будто заговор направлен против всех нас. В этот момент моему брату сообщили о претензиях моей матери, и он воскликнул: «Боже мой, этого еще не доставало!» Он приказал Палену пойти к ней, объяснить ее и заставить отказаться от этой идеи, которая казалась такой странной и дикой в такой момент. Пален вернулся через несколько часов и увел брата, чтобы показать его войскам».

Манифест, написанный саванником екатерининской эпохи Дмитрием Прокофьевичем Трощинским, возвестил о начале нового царствования.

Если для свержения Петра III потребовалось 30—40 гвардейских офицеров, то для переворота 11 марта — 180—300.

Вечером 11 марта штабс-капитан Николай Иванович Бибиков предлагал разделаться не только с Павлом I, но и со всей императорской семьей, но его предложение даже не обсуждали.

В 1825 г. декабристы замыш-

ляли уже заговор против всей династии: некоторые из них хотели уничтожить императорскую семью, делая исключение лишь для императрицы Елизаветы Алексеевны, уже угасавшей от чахотки.

Мемуаристка графиня Варвара Николаевна Головина, вспоминая те дни, отмечала: «Восторг, который внушал всем император Александр, был неопишуем. Все сосланные друзья его возвратились в Петербург, одни — по собственному желанию, другие вызваны были самим. Число жителей столицы увеличивалось, тогда как в конце царствования императора Павла I Петербург стал почти пустынным: многие были сосланы, другие, боясь высылки, сами добровольно уехали. После самого строгого царствования наступила анархия, появились опять всевозможные костюмы, кареты летали сломя голову. Я сама видела, как офицер гусарского полка скакал на лошади галопом по тротуару набережной и кричал: «Теперь можно делать все, что захочешь!..»

ПОКУШЕНИЕ НА БАЛЕ-МАСКАРАДЕ

Интриг и заговора ради
Злодейской подлою рукой
Король убит на маскараде,
Отняв у подданных покой.

*На смерть Густава III.
Неизвестный шведский поэт*

КОРОЛЬ-ТЕАТРАЛ

В пятницу, 16 марта 1792 г., в столице Шведского королевства Стокгольме царило возбуждение. Дело том, что поздно вечером в помещении Королевской оперы должен был состояться бал-маскарад, излюбленное, но не столь частое развлечение горожан. В тот год балы-маскарады уже неоднократно срывались: почти весь февраль король Швеции Густав III и многие представители столичной элиты находились в небольшом городке Евле (несколько сотен километров к северу от Стокгольма). Там проходил созванный королем риксдаг*, который решал чрезвычайно слож-

ную проблему стабилизации финансов.

Положение Швеции тогда было весьма тяжелым. В августе исполнялось двадцать лет, как молодой король Густав III при поддержке дворянства совершил государственный переворот, вернув шведской короне реальную власть. После гибели в 1718 г. под стенами норвежской крепости Фредрикстен самодержца Карла XII она была практически фикцией. В конце Великой Северной войны, после утраты Швецией положения европейской великой державы, в стране более чем на полвека установился полуреспубликанский режим, получивший название «эра свобод». Власть оказалась в руках риксдага, вернее, у формируемого им правительства.

Постепенно в парламенте

* Четырехсословный парламент страны, куда помимо дворянства, духовенства и бюргерства входило и свободное крестьянство.

появились политические «партии» — парламентские группировки. В 60-х гг. XVIII в. в риксдаге шла острая борьба между так называемой «партией шляп», «партией младших колпаков» и «придворной партией». Первые представляли ориентированную на Францию воинственную часть дворянства (отсюда и название — «шляпы», дворянский головной убор) и привилегированного бюргерства столицы. Вторые — в основном обуржуазившихся аристократов, ориентировавшихся прежде всего на Россию и настроенных миролюбиво (отсюда и насмешливое прозвище «колпаки», которое вошло в название партии), и провинциальных бюргеров; причем буржуазно-либеральные тенденции все больше укреплялись в этой партии. Ее радикальное крыло выступало за отмену дворянских привилегий. «Придворная партия» стояла за укрепление власти короны, за восстановление абсолютизма. Мягкий шведский король Адольф Фредрик, в отличие от своей честолюбивой супруги Луизы Ульрики, сестры Фридриха Великого, не очень был склонен реально править страной, чего нельзя было сказать о его даровитом сыне Густаве.

Родился Густав в 1746 г. Это был первенец, который согласно законам Шведского королевства был провозгла-

шен наследником престола. Впервые в XVIII столетии этот титул достался человеку, рожденному в Швеции и получившему шведское воспитание. Ведь после гибели Карла XII шведским тронном овладели выходцы из Германии. Густав, сформировавшийся в эпоху Просвещения, получил основательное по тем временам образование. Принц настолько хорошо овладел французским языком, что говорил и писал на нем лучше, чем по-шведски. Современников поражала начитанность юного кронпринца. Ему были известны книги Вольфа и Локка, Монтескье и Вольтера, Расина и Корнеля, труды по истории античности, Европы, в особенности Франции, он изучал историю собственной страны.

Довольно рано кронпринц стал приобщаться к политической жизни Швеции, входя «по должности» в некоторые высшие органы управления страной. Здесь он стал свидетелем жесткой межпартийной борьбы, которая часто выливалась в закулисные интриги и склоки. Он видел и другие негативные моменты, характерные для шведского полуреспубликанского государственного строя: почти неограниченная свобода слова, из-за чего страну наводнили различного рода пасквили; коррупция чиновников государственного аппарата и депу-

татов риксага, которой широко пользовались иностранные державы. Общеизвестно было, что «шляпы» находились на содержании Франции, а «колпаки» — Дании и России. Выход из положения Густав видел в укреплении власти короны.

В 1766 г. высшие политические интересы Швеции заставили принца Густава вступить в брак с датской принцессой Софией Магдаленой, с которой он был помолвлен с четырехлетнего возраста. Супруги оказались совершенно различными и по конституции, и по психическому складу. Густав — невысокого роста, худощавый в молодости, живой, подвижный, интеллектуально развитый, начитанный, склонный к развлечениям. София Магдалена — высокая, крупная, до крайности застенчивая, интеллектуально малоразвитая, не интересовавшаяся ни литературой, ни театром. У супругов не было никакого влечения друг к другу, и вскоре выяснилось, что этот брак создает только проблемы.

Осенью 1770 г. 24-летний принц под именем графа Готландского отправился в путешествие по Европе. Путь лежал через Копенгаген, где Густав познакомился со странным двором своего родственника, слабоумного короля Кристиана VII — он был «милостью Божией» абсолютным монархом, что даже было зак-

реплено конституцией Дании. 4 февраля 1771 г. кронпринц прибыл в Париж. Пребывание во французской столице имело огромное значение для него. Густав познакомился с блестящим двором Людовика XV, много времени проводил в беседах с философами и писателями, знакомыми ему раньше по книгам, — Даламбером, Гельвецием, Мармонтелем, Тома. Кронпринц даже посетил Жана Жака Руссо.

1 марта вечером кронпринц Густав был в опере, куда ему и доставили спешное сообщение: его отец король Адольф Фредрик внезапно скончался от удара. Теперь визит Густава приобрел совершенно иной смысл. Франция обещала поддержку в укреплении королевской власти, обеспечив Густаву субсидии.

Вернувшись в Швецию, переживающую тяжелый политический и экономический кризис, Густав III короновался и после неудачных попыток договориться с вождями враждующих партий тайно стал готовить переворот. При этом он опирался на дворянство, все больше опасавшееся за свои привилегии. 19 августа 1772 г. при помощи гвардии и армии король совершил успешный государственный переворот. Под дулами пушек он заставил риксаг принять новую конституцию страны. Полуреспубликанский режим «эры свобод» был ликвидиро-

Король Густав III. Художник Н. Лафренсен-младший

ван. В значительной степени власть перешла теперь в руки монарха, правительство Швеции превращалось в совещательный орган. Риксдаг, в ведении которого оставались законодательство и налогообложение, созывался теперь лишь по воле короля.

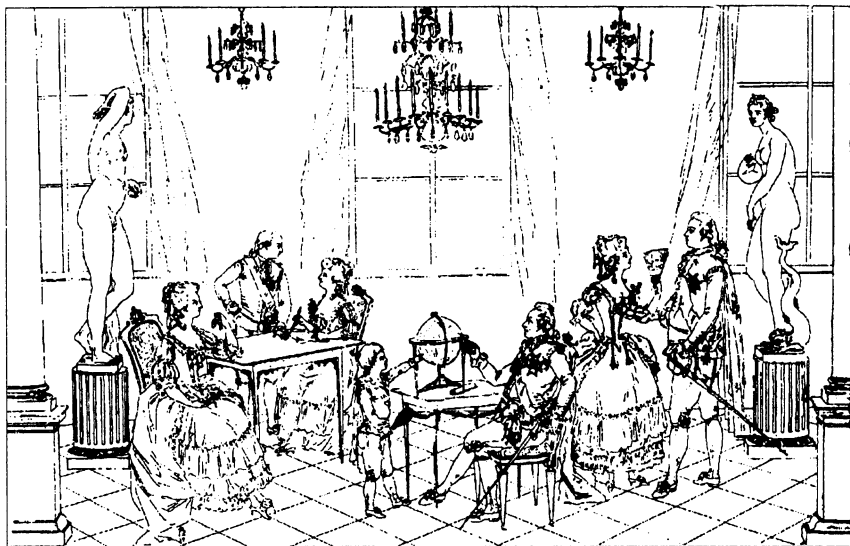
Эпоха Густава III (1772—1792) вошла в историю Швеции как период «просвещенного абсолютизма»: был проведен ряд важных реформ в экономике и общественном устройстве, уничтоживших многие пережитки феодальной системы. Началась работа по земельному переделу, позволявшая крестьянам объединить свои разбросанные наделы. Именно тогда, при Густаве III, была введена государственная монополия на производство и продажу спиртных напитков, существующая в Швеции, кстати, до сих пор. Были запрещены пытки и смягчено уголовное законодательство. В Швеции установилась веротерпимость, в страну были допущены евреи. Необычайно блестящим стало густавианское двадцатилетие в истории шведской литературы и культуры. В 1773 г. в Стокгольме была создана Королевская опера. Сам монарх покровительствовал писателям и поэтам, прежде всего приближенным ко двору драматургам Чельгрону и Леопольду, а также самобытному поэту и барду Карлу Микаэлю Белльма-

ну, чьи застольные песни и сегодня поет вся Швеция.

В 1786 г. Густавом III была основана знаменитая Шведская академия в составе 18 действительных членов, та самая, которая в нынешнем столетии присуждает Нобелевские премии по литературе. В 1788 г. в Стокгольме открылся Королевский шведский драматический театр, ставивший, в частности, и пьесы, сочиненные самим королем. Одна из первых пьес Густава III, поставленная в этом театре, была из российской истории: «Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина, или отвергнутая любовь». Эта приверженность театру была как бы перенесена им на большую политику. Современники донесли его фразу: «Весь мир — это подмостки сцены. А все мужчины и женщины главным образом актеры». Весьма символично, что его путь короля начался во французском театре, где он узнал о смерти отца, а закончился в созданной им Королевской опере, где его поразила пуля заговорщика.

Однако политический режим в Швеции стал довольно жестким по сравнению с «эрой свобод». Необычные для Европы того времени широкие гражданские свободы, в том числе и свобода печати, были после переворота во многом урезаны. Густав III создал и тайную полицию.

На первых порах, в 70-е гг.

Густав III, королева и кронпринц с другими членами королевской семьи — герцогом Карлом Сёдерманландским, герцогиней Хедвигой Елизаветой Шарлоттой, принцессой Софией Альбертиной и герцогом Фредриком Адольфом. Рисунок Мартина

XVIII в., Густаву удавалось решать сложные экономические проблемы, стоявшие перед Швецией. Во многом этому содействовала финансовая реформа — введение новой денежной системы, основанной на серебряном риксдалере. Однако 80-е годы принесли Швеции новые экономические проблемы, справиться с которыми теперь королю не удавалось. Социальное брожение не прекращалось, финансовые трудности удавалось преодолеть лишь благодаря иностранным субсидиям, в основном французским. Король к концу 1780-х гг. в значительной степени потерял поддержку дворянства. Он су-

дорожно искал выход во внешнеполитических авантюрах. Так, несколько раз он подумывал о том, чтобы отнять у соседней Дании принадлежавшую той Норвегию. В 1788 г., решив воспользоваться тем, что Россия вела войну с Турцией и Санкт-Петербург остался практически без войск, Густав III спровоцировал с ней войну. И здесь не обошлось без театральности. Король не мог начинать без согласия риксдага наступательную войну, и тогда он устроил провокацию. Группа шведских кавалеристов, переодетая в казачью униформу, сшитую, кстати, как реквизит к спектаклю

драматического театра, совершила псевдонападение на пограничную деревушку в Финляндии — именно там проходила тогда русско-шведская граница.

Однако шведская армия в Финляндии не подчинилась приказу вторгнуться в пределы России, более ста офицеров выпустили манифест, объявлявший войну незаконной. Королю удалось подавить мятеж, арестовав зачинщиков. Многие, однако, сумели укрыться в России. Это положило начало конфликту короля со значительной частью дворянства.

В 1789 г., арестовав вождей дворянского сословия, при поддержке податных сословий Густав III заставил созванный в Стокгольме риксдаг принять новый конституционный документ — так называемый «Акт единения и безопасности», дававший королю почти самодержавную власть. 125 офицеров, подписавших манифест против войны, были отданы под суд и приговорены к смерти. Хотя приговоры, за единственным исключением (казнен был только полковник Хестеску), не были приведены в исполнение, недовольство королем у дворянства возросло — еще сильны были настроения «эры свобод». К тому же вести из далекого Парижа, где пала Бастилия, будили свободолюбивые настроения.

Война с Россией завершилась подписанием в 1790 г. Верельского мирного договора. В отличие от трактатов, завершивших две другие русско-шведские войны (1721 и 1743 гг.), теперь Швеция ничего не потеряла в территориальном отношении. Однако война нанесла ее финансам, и так достаточно расстроенным, тяжелейший удар. Оставшись фактически в изоляции внутри страны, Густав III продолжал искать выход вне пределов Швеции. В 1791 г. он обратился к российской императрице Екатерине II с предложением организовать контрреволюционную интервенцию во Францию, интриговал в Польше, снова обдумывал планы захвата Норвегии. Екатерина, занятая другими внешнеполитическими делами (шла война с Турцией и назревал еще один раздел Польши), поддерживала, по крайней мере на словах, контрреволюционные намерения шведского короля, но всерьез не собиралась участвовать в интервенции во Францию. В заключенном в 1791 г. русско-шведском союзном договоре ничего не говорилось о походе против Франции, но субсидии Швеция все же получила*.

* Утверждение, часто повторяющееся в отечественной литературе, что одновременно с договором в октябре была подписана секретная конвенция «по поводу восстановления равновесия в Европе и французской монархии», не подтверждается документами.

Однако этих денег не хватало. Нужны были глубокие преобразования, чтобы преодолеть финансовый кризис. И именно для этого Густав пошел на созыв риксдага, который был проведен далеко от столицы, в провинциальном городе Евле, чтобы избежать возможных эксцессов. Дебаты на риксдаге шли довольно бурные, но не выходили за парламентские рамки. Дворянство старалось не провоцировать короля, которому удалось добиться поддержки духовенства и податных сословий — бюргеров и крестьян. Внешне казалось, что Густаву III даже удалось добиться сплочения нации.

Вернувшись в столицу, монарх повелел устроить бал-маскарад. Но, поскольку объявление о нем было лишь утром того же дня, не все желающие смогли подготовиться, и праздник оказался малочисленным. Через несколько дней в газете появилось сообщение о новом бале-маскараде, назначенном на 9 марта. Но и на этот раз маскарад сорвался из-за плохой погоды — мороз был около 25 градусов. На дверях Оперы появилась объявление об отмене бала-маскарада. Любители развлечения расстроились, так как приближался предпасхальный пост, когда подобные увеселения не проводились. Ко всеобщей радости, на следующей неделе зна-

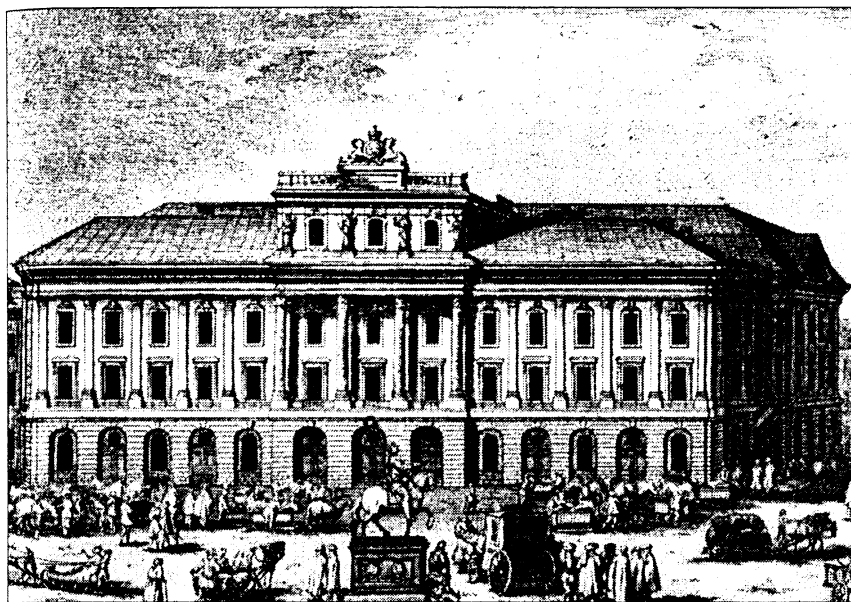
чительно потеплело, и газета известила о бале-маскараде в пятницу 16 марта.

СТОКГОЛЬМСКАЯ ОПЕРА, 16 МАРТА 1792 г.

Поздно вечером в пятницу к зданию Оперы непрерывно подъезжали сани с пьеро и коломбинами, халифами и одалисками, флибустьерами и рабынями. Вся молодежь Стокгольма, как дворянская, так и разночинная, стремилась попасть на бал-маскарад, где, в отличие от официальных балов, не было сословных различий. Собралось очень много публики.

К одиннадцати часам из драматического театра приехал король, посмотревший до этого французскую комедию. В здании Оперы целый этаж был отведен под личные апартаменты короля. В одном из залов, так называемом драбантском, монарха ждал, как и всегда, накрытый ужин. Король трапезничал с небольшой группой своих фаворитов и несколькими молодыми офицерами. Отсутствовал лишь один из самых близких Густаву III фаворитов — Густав Мориц Армфельд, приглашенный в этот вечер к датскому послу.

В театре уже начались танцы, и ужин короля подходил к концу, когда паж подал ему запечатанное письмо,

Здание Стокгольмской оперы в конце XVIII в.

переданное каким-то неизвестным. Густав дважды перечел написанное по-французски анонимное послание. В нем сообщалось, что на жизнь короля готовится покушение. Неизвестный «доброжелатель» заклинал монарха поостеречься. Гофшталмейстер фон Эссен пытался было уговорить Густава не спускаться в зал, к танцующим, или, по крайней мере, надеть панцирь под одежду и выйти окруженным стражей. Однако король не согласился. Он уже неоднократно получал анонимные послания — как с угрозами, так и с предостережениями. И больше всего на свете Густав

не хотел показаться трусливым. Однажды он сказал: «Если я испугаюсь, то смогу ли править?» И в другой раз по этому же поводу: «Я не могу себя переделать, а мои враги выиграют, если я испугаюсь. От отравления трудно уберечься. На открытое же убийство никто не осмелится». Завершив ужин, король отправился выбирать себе маскарадный костюм.

Приближалась полночь. Бал в самом разгаре. Народу было так много, что королю и сопровождавшим его лицам приходилось протискиваться через толпу. Внезапно позади короля возник неизвестный

Маскарадный костюм Густава III 16 марта 1792 г.

человек в маске и черном домино. Он выхватил пистолет и прицелился королю в спину. В этот момент король резко повернулся к капитану Поллету. Рука неизвестного дрогнула, и весь заряд попал королю чуть выше бедра. Он вскрикнул: «Я

ранен!» — и судорожно схватил Эссена за плечо. Растерявшийся гофшталмейстер помог монарху добраться до скамейки.

Сразу же после выстрела в толпе раздались крики «Пожар! Пожар!» и какие-то люди в масках ринулись к выходам. Стрелявший злоумышленник успел скрыться в толпе. Однако паники не возникло. Музыка играла так громко, что далеко не все слышали выстрел, а некоторые приняли его за хлопушку. Не потерял самообладания капитан Поллет. Выхватив саблю, он закричал громовым голосом «Закройте двери!» — и бросился к главному выходу. Команда была выполнена. Охрану здания Оперы нес преданный королю Второй лейб-гвардейский полк, солдаты которого быстро перекрыли все выходы. Лишь человек двадцать сумели покинуть здание.

Тем временем раненый король быстро пришел в себя. Он не чувствовал боли, хотя из раны шла кровь. Эссен и подоспевший адъютант помогли королю добраться до маленького кабинета, где уложили на диван. Густав III не потерял присутствия духа и твердым голосом отдавал распоряжения. Были посланы офицеры за младшим братом короля герцогом Карлом Сёдерманландским, который на сей раз пропустил бал-маскарад, сославшись на то, что

ему необходимо составить каталог своего книжного собрания, за другими высшими сановниками королевства и полицмейстером.

Раненого короля перевезли во дворец. Его осмотрели придворные лейб-медики. Оказалось, что заряд, который злоумышленник всадил в короля, состоял не только из пули, но из дробы и даже ржавых обойных гвоздиков. По свидетельству очевидцев, все это время король держался достойно.

Якоб Юхан Анкарстрём

НАРУШЕНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ

Поначалу серьезных опасений рана врачам не внушала. Но, поскольку король не мог выполнять свои обязанности, он указом назначил временное правительство во главе с братом — герцогом Карлом Сёдерманландским, куда вошли фавориты монарха Густав Мориц Армфельт и генерал Эверт Таубе, а также некоторые другие высшие сановники.

Казалось, король выздоравливает. Но через неделю его состояние резко ухудшилось. Судя по всему, он вдобавок сильно простудился. К ночи началась лихорадка, снова стала болеть рана...

Агония началась в ночь на вторник, 28 марта. Густав приказал позвать своего старого врача, который когда-то вы-

лечил его от тяжелой болезни. Врач осмотрел короля, дал ему новые лекарства. И Густаву показалось, что наступило улучшение. Он заговорил о возможной поездке за границу. Но старый и опытный врач был настроен отнюдь не оптимистично и порекомендовал пациенту помириться с братом. Ведь по Стокгольму пошли слухи, что сам герцог причастен к покушению.

Густав III наконец понял истинное положение вещей. И значит, необходимо составить предсмертное завещание. Он вызвал статс-секретаря Шредерхейма. Тот наскоро составил дополнение к основному завещанию — власть в Швеции, до совершеннолетия тринадцатилетнего наследного принца Густава Адольфа, должна перейти не только к гер-

Маска и орудия убийства, которые были у Я. Ю. Анкарстрёма во время покушения

цогу Карлу, но и правительству опекунов. В состав правительства король вводил своих ближайших фаворитов — Таубе и Армфельта. Фактически в их руки передавалась почти вся полнота власти.

Шредерхейм вышел в другую комнату, чтобы здесь начисто составить документ. Выполнив поручение, он хотел было вернуться в спальню короля, но в комнате аудиенций его встретили герцог Карл и верховный судья. Узнав об изменениях в завещании, они посоветовали ему не возвращаться в спальню. Шре-

дерхейм прекрасно понимал в чем дело: он сам недолго любил высокомерного Армфельта. Но все же он вошел в спальню. И епископ прервал причастие, чтобы дать умирающему королю возможность подписать дополнение к завещанию. Через несколько часов король скончался.

Герцог Карл, не потерявший самообладания, действовал быстро и решительно. Было собрано назначенное еще при жизни Густава III временное правительство. Верховный судья, близкий друг герцога Карла, заявил собравшимся, что дополнение к завещанию не имеет юридической силы, так как на нем не хватает подписей свидетелей. Члены временного правительства, за исключением, естественно, Армфельта и Таубе, согласились с судьей. Таким образом, власть в королевстве переходила к герцогу Карлу — до того момента, когда наследнику престола Густаву IV Адольфу исполнится шестнадцать лет. Реальную власть густавианцы, так назывались приближенные к королю фавориты, потеряли.

РАСКРЫТИЕ ЗАГОВОРА

Тем временем, сразу же после рокового выстрела, по приказу короля заработала машина расследования. Прежде всего составили список уча-

Герцог Карл Сёдерманландский. Художник Лампи

стников бала-маскарада, которые не смогли покинуть здание в первые минуты. К трем

часам утра он был готов. Кроме того, как только полицеймейстер приехал в Оперу, ему

передали два найденных пистолета — один разряженный, из него, очевидно, и был произведен выстрел в короля, и другой — заряженный, а также остро отточенный большой кухонный нож, на котором была специально сделана зазубрина. Все эти предметы нашли на полу в разных местах театра.

Оставалось найти злоумышленника. Еще в первые минуты после ранения король сказал, что ему кажется, будто он узнал покушавшегося. Это якобы актер-француз Ла Перрьер, известный своими якобинскими взглядами. Однако вскоре выяснилось, что подозрения монарха безосновательны.

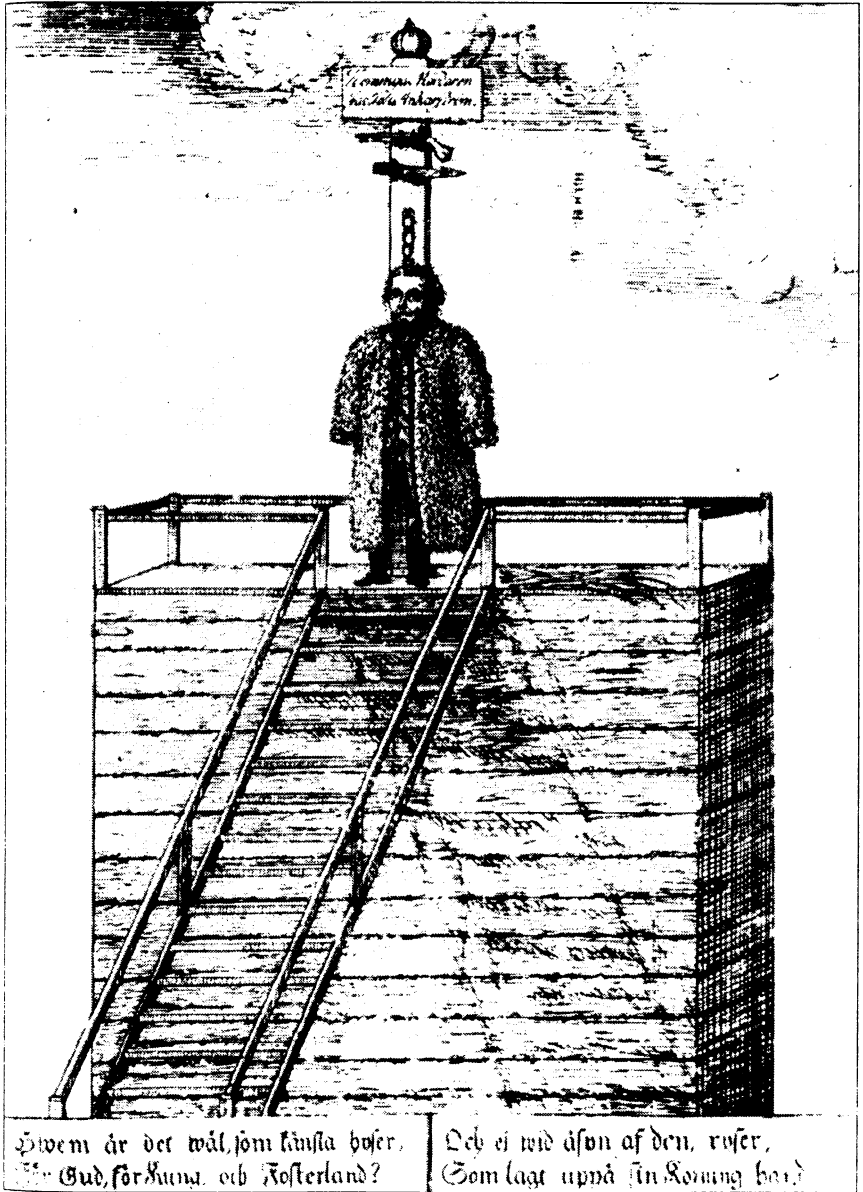
Полицейстер приказал опросить всех оружейных дел мастеров. И один из них опознал пистолет, незадолго до того отремонтированный им, и назвал фамилию заказчика. Им оказался отставной капитан гвардии Якоб Юхан Анкарстрём, проживавший в Стокгольме. Когда его арестовали и стали допрашивать, Анкарстрём сознался, что именно он стрелял в короля на бале-маскараде. Таким образом, не прошло и восьми часов, как исполнитель заговора был установлен.

На первых допросах отставной офицер Анкарстрём настаивал на том, что покушение — только его рук дело. Однако полицейстер сразу

же понял, что Анкарстрём лишь исполнитель и что нити заговора тянутся в оппозиционные королю аристократические круги. В пользу этого говорило и анонимное письмо с предупреждением о покушении, полученное королем. О существовании письма Анкарстрём не знал.

И здесь помог случай. Уже в первый день расследования к полицмейстеру явился парень, который вручил королевскому камер-лакею анонимное письмо. Он рассказал, что выполнял поручение какого-то офицера и вскоре опознал его — это был подполковник Понтус Лильехурн. Подполковник также был арестован и сознался. Другой активный заговорщик — разорившийся барон Туре Бьельке — покончил с собой.

Число арестованных росло. Вскоре очертились контуры широко разветвленного антигуставианского заговора. Истинным же организатором и вдохновителем этой акции был отставной генерал-майор Карл Фредрик Пеклин. Умный, хладнокровный, бесстрашный и энергичный, несмотря на возраст (ему исполнилось 72 года), человек, Пеклин принес в кружок молодых офицеров «антироялистский» дух «эры свобод». Ведь он был одним из вождей «партии колпаков» 1760-х гг., принадлежал к оппозиции дворянского сословия во вре-

Якоб Юхан Анкарстрём у позорного столба

Казнь Якоба Юхана Анкарстрёма

мя риксдага 1786 г. и участвовал в риксдаге в Евле 1792 г., находясь под домашним арестом и из-за кулис руководя дворянской оппозицией.

Несколько раз заговорщики приходили вооруженными в театр, чтобы подстеречь короля и убить, но подходящего случая так и не представилось. На бале-маскараде 2 марта короля спасло то, что было мало народу. 9 марта бал-маскарад отменили из-за холодов. Решающий день наступил 16 марта. К этому времени заговор перестал быть достоянием лишь небольшой группки. О возможном убийстве Густава III, естественно без каких-либо подробностей, в одном Стокгольме знало около ста человек. Смерть короля должна была стать сигналом к выступлению вооруженных отрядов дворян и бюрге-

ров, которые собрались в этот вечер в различных погребках и тавернах, ожидая сигнала. Посвященные в заговор были и в провинции. Подполковник Лильехурн не решился открыто сорвать заговор, активным участником которого был, и прибег к анонимному посланию.

После убийства короля предполагались значительные перемены в политическом строе. Предусматривалось значительное ограничение полномочий короля и восстановление полновластия риксдага, который превращался в однопалатный парламент, избираемый состоятельными гражданами. Повстанцы должны были действовать от имени вдовствующей королевы Софии Магдалены (у нее, как известно, были постоянно семейные проблемы с Густавом).

И то, что Анкарстрёму не удалось сразу убить короля, сохранило прекрасно выстроенный замысел.

Более того, весьма прохладное прежде отношение к Густаву III и дворян, и столичных бюргеров, что наглядно проявилось в театре — его встретили гробовым молчанием вместо полагавшихся аплодисментов, — сменилось всеобщими симпатиями и сочувствием. Об этом свидетельствовали разъяренные толпы, грозившие разгромить гнезда заговорщиков.

заговоре, суд приговорил к смертной казни с лишением дворянства, а генерала Пеклина — к пожизненному заключению в крепости, где он вскоре и умер. Однако четверо главных заговорщиков — Хурн, Риббинг, Лильехурн и Эренсверд — после казни Анкарстрёма, отсидев несколько месяцев в тюрьме, вышли на свободу. Им предстояло вечное изгнание. Положение герцога Карла в стране укрепилось, а густавианцы теряли одну позицию за другой...

СУДЬБА ЗАГОВОРЩИКОВ

Однако после кончины монарха, когда реальная власть оказалась у герцога Карла, расследование стало давать сбои. Герцог Карл заявил, что «намерен разрубить весь клубок, столь длинный и запутанный, что неизвестно, можно ли найти его конец». Полицейстеру было предписано ограничиться репрессиями против непосредственных исполнителей. Многих заговорщиков, против которых было мало улик, отпустили. Тем немилосердней обошлись с тираноубийцей. Анкарстрём был приговорен к четвертованию и колесованию, а до этого выставлен к позорному столбу и подвергнут бичеванию. Некоторых молодых офицеров, участвовавших в

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ИСТИНЕ

В новой и новейшей истории Швеции, в отличие от ее средних веков, мы знаем очень немного событий, связанных с открытым насилием, кровью и террором.

Если в 70-е гг. оппозиция Густаву III была довольно слабой, то в конце 80-х, когда недовольство им охватило шведское дворянство, она уже представляла собой серьезную силу. Многие из дворян, оппозиционных королю, просто-напросто желали возвращения к конституционному режиму «эры свобод», при сохранении привилегированного положения дворянства. Другие оппозиционеры, как дворяне, так и разночинцы, напротив, прониклись радикальной идеологией свободы и равенства, получившей свое

законченное оформление в учении Жана Жака Руссо об общественном договоре, которое стало, в представлении современников, претворяться в жизнь в Северной Америке в 70—80-х гг. и во Франции с 1789 г. В умах многих шведских оппозиционеров тесно переплелись дворянско-конституционные и радикальные идеи. Недовольство деспотическими методами Густава III сближало две оппозиционные группировки. Спровоцированная Густавом III неудачная в целом война с Россией и Данией в 1788—1790 гг. и риксдаг 1789 г., на котором король фактически осуществил новый государственный переворот, — все ставилось в вину королю. Многие считали, что монарх нарушил основной закон и тем самым совершил страшное преступление. Самые радикально настроенные шведы полагали, что Густав III заслужил участи Юлия Цезаря и Карла I. Однако после того как покушение было совершено, умонастроения шведов резко изменились. Кровь ужаснула многих, и поэтому последующая история Швеции оказалась значительно менее кровавой.

Вокруг убийства Густава III сложилось много легенд, одна из которых прямо связывала это покушение с деятельностью французских якобинцев.

При петербургском дворе, как вспоминал секретарь Екатерины II А. М. Грибовский, «распространился слух, что французские демагоги рассылали подобных себе злодеев для покушения на жизнь государей». Открыто говорили о существовании тайного заговора якобинцев, направленного на уничтожение коронованных особ, и о том, что теперь очередь российской императрицы. Передавали слух, что якобы мэри Парижа Петион держал пари, что к 1 июня Екатерины II уже не будет в живых. Однако никаких подтверждений причастности французских революционеров к покушению на Густава III не было найдено ни тогда, ни после.

Долгие годы ходила версия о небольшой группке аристократов, на свой страх и риск осуществивших покушение. Лишь в 50-х гг. нынешнего столетия шведский историк Андерс Ларссон, тщательно изучив ставшее доступным для исследователей многотомное уголовное дело по убийству Густава III и реконструировав заговор во всех подробностях, сумел показать, сколь разветвленным и глубоким он был. Эти материалы легли в основу вышедшей в 1969 г. исторической хроники шведского популярного писателя Гардара Сальберга «Аристократическая лига. Заговор против Густава III».

УЗНИКИ БАШНИ ТАМПЛЬ

Нельзя царствовать, оставаясь
невинным.

Сен-Жюст

ДРАМА КОРОЛЯ

14 сентября 1791 г. король Людовик XVI скрепил своей подписью конституцию Франции. Известие об этом привело парижан в неописуемый восторг. Бросив все дела, они заполнили центральные улицы и площади столицы, поздравляя друг друга и обнимаясь как старые друзья. С наступлением темноты зажглись огни праздничной иллюминации. Людовик XVI вместе с королевой и малолетним дофином (наследником трона) допоздна разъезжал по городу в карете, внимая проявлениям любви и преданности народа. На пути его следования не смолкали возгласы: «Да здравствует король!»

Это был, без преувеличения, один из самых многообещающих дней французс-

кой революции. Его давно ждала страна — с тех пор, как в июле 1789 г. пала Бастилия и король был вынужден, пока лишь фактически, уступить часть своей власти депутатам Генеральных штатов, вопреки его воле объявившим себя сначала Национальным, а затем и Учредительным собранием. Долгое время противостояние двух сил — короля и национального представительства, за которыми стояли «партия двора», объединявшая сторонников неограниченной королевской власти, и конституционные монархисты, мечтавшие о представительном правлении по английскому образцу, — держало Францию в напряжении. Принятие конституции, по мнению многих, должно было положить конец этому противостоянию. И тогда благополуч-

но завершилась бы сама революция — разве не в том ее цель, чтобы устроить жизнь на новых, более разумных и справедливых законах? О скорейшем водворении законного порядка мечтали все, кого революция лишила уверенности в завтрашнем дне и кто устал от постоянных тревог и волнений.

Но до последнего момента у французов не было ясности в том, как примет король проект конституции, который отнял у него значительные прерогативы. Потому-то так радовались парижане известию о согласии короля подчиниться воле национального представительства. По приглашению Людовика XVI народные гулянья состоялись и в саду Тюильрийского дворца, официальной резиденции короля. Толпа в эти дни демонстрировала безграничную любовь к своему монарху.

При других обстоятельствах все это глубоко тронуло бы короля. Людовик XVI по-отечески любил свой народ и в общении с ним был прост и дружелюбен, но он на собственном опыте убедился в том, как непостоянна в своих чувствах толпа. Прошло всего три месяца с тех пор, как он в отчаянии от своеволия подданных пытался бежать за границу, но был задержан в дороге. До сих пор ему становилось не по себе от воспоминаний о том, как под конвоем

его с позором везли обратно в Париж, улицы которого встретили пленников злоеющим молчанием. Люди, плотными рядами стоявшие на всем пути, хмуро взирали на королевский кортеж. При его приближении никто, следуя строгим предписаниям городских властей, даже не пытался обнажить голову.

Больно ранила Людовика XVI и церемония присяги 14 сентября. Когда в полдень он предстал перед депутатами, они лишь похлопали ему, как какому-то лицедею, оставаясь сидеть на своих местах. Стоя перед ними с непокрытой головой, он зачитал присягу. Свидетелями его унижения были королева Мария Антуанетта, его сестра Елизавета и, что самое горькое, его сын и наследник Луи.

Неблагодарность народа, готового по наущению интриганов низвергнуть своего кумира, еще вчера так превозносимого, глубоко уязвляла Людовика XVI. Он не чувствовал своей вины. И не только потому, что как помазанник Божий был неподсуден подданным. Он имел все основания считать, что за время своего правления сделал для блага народа больше, пошел навстречу его пожеланиям дальше, чем кто-либо другой из его предшественников.

Как не понять личную драму Людовика XVI — драму короля-реформатора, собствен-

норучно выпустившего на свободу демонов революции! От своего деда Людовика XV, который прославился изречением: «После нас хоть потоп!», — он унаследовал ворох проблем, накапливавшихся десятилетиями: запутанное и неэффективное управление государством; пустая казна, обремененная долгами; социальные контрасты, чреватые бунтами обездоленных низов; враждебность общества к королевскому двору, погрязшему в разврате. По существу, история не оставила Людовику XVI выбора. Он был достаточно умен и образован, чтобы понять это. Силой обстоятельств он был вынужден что-то делать, чтобы вытащить королевство из трясины.

Заняв трон в 1774 г., Людовик XVI назначил генеральным контролером (министром) финансов известного либерального экономиста Тюрго. Благодаря ему было проведено большое число реформ: отмена регламентации хлебной торговли, освобождение крестьян от государственной дорожной барщины, упразднение цеховых корпораций и т. д. Оптимисты уже верили, что скоро Франция вступит в эру экономической свободы, что в свою очередь станет залогом гражданских свобод и равноправия. Правительство и в самом деле готовилось отменить феодальные повинности крестьян путем

Король Людовик XVI. Художник Дюпlessи

выкупа. Но тут Тюрго был уволен в отставку, и политика реформ пошла на попятную.

Объяснить происходящее лишь малодушием Людовика XVI, испугавшегося аристократической оппозиции, было бы упрощением. Но чего этому королю действительно не хватало, так это, по словам историка Ф. Минье, «той великой силы воли, которая одна в состоянии производить государственные перевороты и которая так же необходима монархам, желающим ограничить свою власть, как и монархам, желающим увеличить ее». Людовик XVI по своим личным качествам не подхо-

дил для роли «революционера на троне», подобной той, которую блестяще сыграл Петр Великий. Ему претило грубое насилие, в каких бы формах и с какой целью оно ни применялось. Забегая вперед, отметим, что, не совершив «революции сверху», он не пожелал возглавить и контрреволюционный переворот, хотя к тому его упорно подталкивало окружение.

Уступчивость Людовика XVI, его вечная тяга к компромиссам, подчас весьма сомнительным, были поразительно созвучны духовной атмосфере французского общества, во многом определявшейся в то время идеями Просвещения. Они увлекли даже фрондирующую аристократию, салоны которой стали «рассадником крамолы». В душе Людовик XVI не одобрял критический пафос этих идей, справедливо усматривая в них угрозу традиционным религиозным и монархическим ценностям. Но уже назначение членами правительства известных вольнодумцев — таких, как Тюрго или Малерб, получивший ответственную должность королевского секретаря, к ведению которого относились полиция, церковные дела и провинциальное управление, — свидетельствует, что отношение короля к новым веяниям было не однозначным и противоречивым. Он не только не пренебрегал опытом и значи-

ями людей Просвещения, но, по-видимому, и сам оказался не чужд их прогрессивным идеям — о силе разума и общественного мнения, о пути ненасильственного прогресса и постепенных реформ. Просветители видели в этом верный способ улучшить общество, не ущемляя особенно интересов отдельных граждан.

Уволив в отставку Тюрго, Людовик XVI не отказался от реформ. Но выбор кандидатур на его место в всегда был безупречен. Итог их деятельности, несмотря на отдельные успехи, был плачевен: финансовое положение государства год от года ухудшалось. Жестом отчаяния короля стало решение созвать в мае 1789 г. Генеральные штаты — средневековый орган сословного представительства, — последний раз собиравшиеся еще в 1614 г.

Это решение и дало толчок необратимым процессам, которые привели к революции. Выборы депутатов Генеральных штатов сопровождались беспрецедентной политизацией страны. Повсюду происходили собрания выборщиков и принимались наказания депутатов, требовавшие перемен.

Политическая активность французов, впервые почувствовавших себя гражданами, ответственными за судьбу государства, поначалу не особенно тревожила ни правительство, ни самого Людовика XVI.

Тем более что при всем радикализме некоторых требований незыблемость монархии и неприкосновенность личности короля не подвергались сомнению. Скорее наоборот, Людовик XVI даже вырос в общественном мнении. В ряду последних Бурбонов он действительно больше других заслуживал симпатии.

«ДОБРЫЙ КОРОЛЬ»

Тот, кто был 16-м по счету в истории Франции монархом по имени Людовик (Луи), 33-м королем из древней династии Капетингов, правивших в этой стране с 987 г., и 5-м взошедшим на трон представителем одного из ее ответвлений — Бурбонов, — родился в 1754 г. Еще в детстве он остался сиротой. Его отец Луи, носивший титул дофина, умер, не дождавшись короны. Двумя годами позже ушла из жизни мать Мария Жозефина Саксонская. 13-летний подросток, которого при крещении нарекли Луи Августом с присвоением титула герцога Беррийского, остался на попечении деда Людовика XV. К этому времени умерли два его старших брата, не достигшие зрелости, и к нему перешел титул дофина.

В возрасте 20 лет Луи Август взошел на трон. Обществу, утомленное долгим и бездарным правлением Людо-

вика XV, который довел государство до совершенного банкротства, сочувственно отнеслось к молодому королю. Он представлялся полной противоположностью своему деду, всю жизнь предававшемуся порокам и страстям: склонный к созерцательности, Людовик XVI не любил шумных и многолюдных развлечений. Увлекала его лишь охота. Он много читал и любил театр, некоторые произведения Расина помнил наизусть. Но особенно удивляло современников, что Людовик XVI мог часами пропадать в слесарной или столярной мастерской, занимаясь какими-нибудь поделками.

Не мечтая о славе великого властелина, полководца или дипломата, король государственными делами занимался, что называется, по долгу службы. Впрочем, его нельзя было упрекнуть в нерадении или некомпетентности. Современники отмечали его глубокий интерес к экономическим проблемам. Но при всех этих достоинствах Людовик XVI проявлял поразительное равнодушие ко всему, что выходило за пределы его обязанностей и интересов. Он мог годами жить в Версале, постоянной резиденции французских королей в XVIII в., не показываясь ни в Париже, ни в отдаленных провинциях королевства. Так, и шведский король Густав, и австрийский

император Иосиф, в разное время посетившие Францию, с удивлением обнаружили безразличие Людовика XVI к художественным сокровищам французской столицы. И уж совсем непростительным показалось им то, что о положении страны король судит по докладам министров.

Интересы и вкусы нового короля, понятно, не могли не отразиться и на нравах двора. Не утратив традиционной пышности и блеска, насколько это позволяла истощенная казна, он стал более сдержанным. Прежде всего закончилась эра скандального всеислия королевских фавориток — король был безразличен к их чарам. Гораздо больше привлекали его внимание демонстрации научных опытов или технических новинок. Известно, что Людовик XVI субсидировал братьев Монгольфье и лично присутствовал при запуске первого воздушного шара с петухом, курицей и кроликом вместо пассажиров. И охладел он к их опытам лишь потому, что не одобрял полеты с людьми на борту, считая это чрезмерным риском. Пристрастием короля к новинкам науки и техники не раз пользовались ловкие царедворцы. Так, неизвестный Калонн завоевал его доверие не в последнюю очередь тем, что предложил финансировать экспедиции Лавуазье и экспеди-

цию Лаперуза. С легкой руки Людовика XVI в моду при дворе вошла благотворительность, пример которой подавал он сам. В суровую зиму 1784 г. из его личных средств нуждающимся было роздано 3 миллиона ливров. Разрешил он и заготовку дров в королевских лесах. Эти и другие аналогичные приметы нового правления несколько сгладили давнее противостояние дворян и просвещенной элиты, поддерживали престиж короля в глазах подданных.

Молодой, здравомыслящий и благоразумный король, естественно, пробудил в обществе большие ожидания. И первые его шаги, казалось, оправдали надежды тех, кто мечтал о благотворных переменах. Но, хотя добрые намерения короля были четко обозначены, его политические шараханья, нежелание с кем-либо ссориться заставили подозревать его сначала в нерешительности, а потом и вовсе в неспособности довести до конца начатое дело.

Двойственное отношение вызывала и внешняя политика Людовика XVI, в частности вмешательство в войну североамериканских колоний против Англии. Общественное мнение Франции сочувствовало идеям национальной независимости, свободы и равноправия, провозглашенным американскими повстанцами. Если б только помощь им не

опустошила вконец французскую казну...

Едва ли не единственное, что сторонники реформ могли поставить в заслугу Людовику XVI, так это значительное ослабление полицейского гнета, в прежние времена державшего в страхе все общество. Один из сановников, которому посчастливилось жить при трех королях, остроумно заметил, что при Людовике XIV никто не мог отважиться даже слово проронить, при Людовике XV люди начали шептаться, а при Людовике XVI они наконец заговорили громко. В конечном счете это достижение обернулось против самого короля: свобода слова означала и свободу критики...

Впрочем, общественное мнение готово было простить «доброму королю» его вольные или невольные ошибки. Гораздо больше вредила его престижу та безотчетная неприязнь, которую со временем широкие слои французского общества стали питать к его супруге — королеве Марии Антуанетте. В конце концов, именно ее роковому влиянию молва стала приписывать чуть ли не все промахи Людовика XVI.

«АВСТРИЯЧКА»

Мария Антуанетта родилась в 1755 г. Она была дочерью австрийской императрицы Ма-

рии Терезии и Стефана Франца, герцога Лотарингского, ставшего в браке императором Францем I. Являясь лишь пятнадцатым по старшинству ребенком в семье, Мария Антония, как ее звали в детстве, была, казалось, обречена на незаметное существование. Все лучшие матримониальные партии по праву принадлежали ее восьми старшим сестрам. Но тиф и оспа унесли жизни одних и обезобразили других. Оспа, этот бич Божий, оставила едва заметные следы и на лице Марии Антонии. Двенадцатилетняя девочка неожиданно оказалась главной претенденткой на руку самого завидного жениха Европы — внука и наследника короля Людовика XV.

Их брак носил сугубо династический характер и преследовал цель сближения двух могущественных монархий перед лицом коалиции их противников — Англии и Пруссии. Луи Август и Мария Антуанетта, как ее теперь стали называть на французский манер, обвенчались, когда жениху было всего 16, а невесте — 14 лет. Первые годы их брака оказались мучительными для обоих. Да и мог ли неуклюжий, рано располневший увалень, каким был Луи Август, любивший плотно поесть и сладко поспать, увлечь легкую, подвижную, шаловливую, неистощимую на выдумки и развлечения, сар-

Королева Мария Антуанетта.
Художник Леметр

кастичную Марию Антуанетту, к тому же царственно прекрасную, как о том свидетельствуют ее многочисленные портреты. Но, однако, ее тревожила ненормальность супружеских отношений: жизнь почти врозь, отсутствие детей не только давали пищу криво толкам, но, главное, мешали ей окончательно упрочить свое положение при французском дворе.

Потребовалось тактичное вмешательство ее брата императора Иосифа, специально приехавшего в Париж, чтобы преодолеть семейные

трудности. Впрочем, ряд биографов не исключают и того, что по настоянию шурина Луи Август, ставший к тому времени королем, был подвергнут хирургической операции. В 1778 г., на 9-м году замужества, Мария Антуанетта родила наконец дочь Марию Терезу Шарлотту. Через короткие промежутки времени она произвела на свет еще троих детей — двух сыновей и дочь.

С рождением детей Людовик XVI, не проявлявший до той поры особого интереса к жене, стал выказывать явные признаки влюбленности. Понимал ли он, радуясь внезапно нахлынувшему счастью, что многое в его браке безвозвратно потеряно? Годы взаимного отчуждения настолько отдалили от него Марию Антуанетту, что теперь она жила независимой, самостоятельной жизнью. Это и стало одной из причин больших осложнений для монархии. Лишь смертельная опасность, которая спустя годы нависла над королевской семьей, помогла сблизиться супругам.

Несчастливая в личной жизни, Мария Антуанетта искала забвения в придворной суете. Сначала она сблизилась с младшими братьями короля — веселыми и общительными графом Прованским и графом д'Артуа, женатыми на сестрах Марии Луизе и Ма-

рии Терезе Савойских. С ними она посещала балы и прочие великосветские увеселения, предавалась всевозможным сколь невинным, столь и дорогостоящим забавам. Однажды на спор с ней граф д'Артуа распорядился всего за шесть недель возвести загородный дворец, который и по сей день красуется в саду Багатель в окрестностях Парижа.

Со временем у Марии Антуанетты появились и близкие подруги: Мария Тереза де Ламбаль, принцесса де Гемене и графиня де Полиньяк. Две первые по своим семейным связям или происхождению принадлежали к элите аристократического общества.

С ними не могла соперничать в знатности или богатстве Иоланда Габриель де Полиньяк. Но она превосходила их редкой красотой, которая тронула даже Людовика XVI, с удовольствием посещавшего ее салон, а еще больше — необыкновенным обаянием, покорявшим сердца в равной мере мужчин и женщин.

Трудно упрекнуть подруг королевы в неискренности. Мадам де Ламбаль ценой своей жизни доказала ей впоследствии свою преданность. Но и личную выгоду из этой дружбы они постарались извлечь. Потакая слабостям Марии Антуанетты, подруги настолько прибрали ее к рукам, что скоро она и шагу не могла ступить без них. Особенно

преуспела в этом графиня де Полиньяк. Королева, пользуясь своей властью над королем, щедро вознаградила подруг. По настоянию Марии Антуанетты, специально для мадам де Ламбаль была восстановлена упраздненная было за ненадобностью высокооплачиваемая (в размере 150 тыс. ливров в год) придворная должность; за счет казны был покрыт 400-тысячный долг мадам де Полиньяк. Стоит ли говорить, что и многочисленные родственники, друзья и поклонники не были обойдены подарками, наградами и чинами.

Войдя во вкус придворных интриг, Мария Антуанетта стала вмешиваться и в управление королевством. Отчасти благодаря ее проискам был отстранен от власти Тюрго. Дальше — больше. Она попыталась вовлечь Францию, уже основательно увязшую в конфликте Англии с ее североамериканскими колониями, в войну с Пруссией, чтобы поддержать притязания Австрии на баварские земли. В этом случае она действовала под влиянием матери Марии Терезии и брата Иосифа II. Но, несмотря на бурные сцены, которые она устраивала Людовику XVI и министру иностранных дел, те отказались таскать каштаны из огня для австрийского союзника.

Действия королевы скандализировали французское об-

щество. За открытое предпочтение интересов иностранного двора молва наградила ее презрительным прозвищем «австриячка». Неблагоприятное впечатление от этого поступка Мария Антуанетта не смогла загладить даже вполне «патриотической» позицией по отношению к войне в Америке: средства, сэкономленные на личных расходах, она передала на постройку военного корабля.

Особый счет Марии Антуанетте предьявлял двор. Хорошо помнивший времена любвеобильного Людовика XV, он примирился бы, пожалуй, с фаворитизмом короля, но не королевы... Многое в Марии Антуанетте казалось слишком экстравагантным, нарушающим придворный этикет, который, надо признать, в Версале был строже, чем в ее родном Шенбрунне. Так, придворных шокировали ее прогулки под руку с мадам де Полиньяк, что породило сплетни о характере их отношений. Не одобрялись и частые отлучки из дворца, и посещение популярных увеселений, например балов в парижском саду Пале-Рояль, где собиралась не самая изысканная публика.

Но окончательно погубило репутацию Марии Антуанетты безудержное мотовство. Ее всевозможные прихоти требовали безумных средств. Так, к каждой зиме ей шилось 12

праздничных, 12 повседневных и 12 официальных платьев стоимостью тысяча ливров каждое. Но куда дороже обошлось казне благоустройство личной резиденции королевы «Малый Трианон», превращенный стараниями лучших архитекторов, художников, декораторов в райский уголок. А от страсти к драгоценностям Мария Антуанетта совершенно потеряла голову. Однажды, задолжав 400 тысяч за бриллиантовые сережки и 200 тысяч за пару браслетов, она не избежала объяснения с королем. Но мягкосердечный Людовик XVI лишь пожурил жену. А сколько денег поглощали помпезные празднества! Костюмированный бал в Версале, на котором присутствовала великая княгиня Мария Федоровна, освещали 5 тысяч свечей в хрустальных подсвечниках. Мария Антуанетта блистала на нем в шляпе, украшенной огромным бриллиантом. Увы, не без оснований французы связывали провал бюджетной политики правительства с расточительностью королевы, наградив ее еще одним неслетым прозвищем — «мадам Дефицит».

Сколь низко пала королева в мнении своих подданных, показала история о так называемом «бриллиантовом ожерелье», многократно описанная впоследствии в исторических и художественных произведениях. Это случилось

в 1785 г. Некая авантюристка Жанна де Ла Мот, вкравшаяся в доверие к кардиналу Луи де Рогану, архиепископу Страсбургскому и великому капеллану Франции, узнала, что тот тщетно добивается расположения королевы. Выдав себя за ее фаворитку, мадам де Ла Мот предложила ему свои услуги. И однажды от имени королевы попросила кардинала взять на себя роль посредника в приобретении у известных придворных ювелиров уникального кольца стоимостью более полутора миллионов ливров. Получив из рук кардинала кольцо, плутовка исчезла. Кража обнаружилась лишь через несколько месяцев, когда ювелиры обратились к Марии Антуанетте с просьбой об уплате задолженности.

Общественное мнение не проявило сочувствия к королеве, втянутой против воли в грязную интригу. Происшествие комментировалось как попытка Марии Антуанетты сначала использовать кардинала в неблагоприятных целях, а потом свалить на него всю вину. В мгновение ока кардинал приобрел славу «мученика» и «жертвы произвола».

На том, однако, дело об ожерелье не закончилось. Еще более страшный удар обрушился на королеву после того, как мадам де Ла Мот, приговоренная судом к тюремному заключению, таинственным

образом оказалась в Англии. Там она опубликовала свои «мемуары», в которых обвинила Марию Антуанетту во всех естественных и противоестественных грехах. Она не только предала гласности мерзкие сплетни, которые подслушала в прихожих Версальского дворца, но и «призналась», что ее бывший покровитель кардинал де Роган и она сама были в любовной связи с королевой. Тайно распространяемые во Франции, эти писания, хотя и не заслуживали веры, достигли цели: королева была публично опозорена, а нравы двора вновь стали темой язвительных пересудов.

Ущерб, который эта история причинила французской монархии, был огромен. Королевский трон давно уже балансировал у края пропасти, и достаточно было легкого толчка, чтобы он туда свалился. Как знать, не оправдалось ли предвидение Иосифа II, который, призывая Марию Антуанетту к благоразумию, в свое время предупреждал: «Если революция все же произойдет, то она будет жестокой и, возможно, — по вашей вине».

НЕСБЫТОЧНЫЕ НАДЕЖДЫ

Трудно сказать, вполне ли Людовик XVI отдавал себе отчет в опасности, грозящей

его власти. Во всяком случае он явно проигнорировал вызов, брошенный ему Генеральными штатами. Когда в Версале 5 мая 1789 г. решалась судьба монархии, он совершенно устранился от государственных дел, сосредоточившись на семейных проблемах. Потеряв свою младшую дочь, Людовик XVI теперь глубоко переживал медленное угасание старшего сына и наследника Луи Жозефа, по всей видимости, страдавшего туберкулезом позвоночника. Маленький дофин умер 4 июня 1789 г. Когда в день похорон, на которых, по строгому ритуалу, король и королева не имели права присутствовать, группа депутатов Генеральных штатов попросила Людовика XVI о срочной аудиенции, тот взорвался: «Неужели эти господа никогда не были отцами?!»

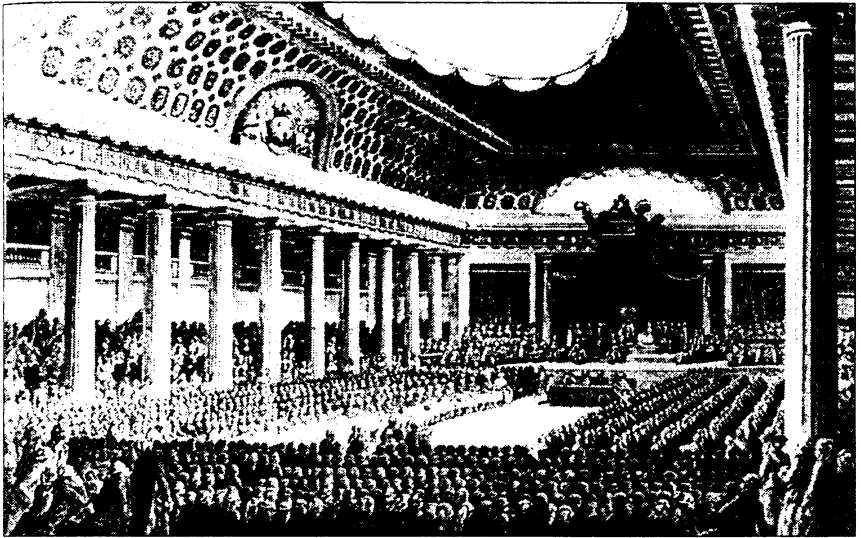
Тем временем Генеральные штаты превратились в самостоятельную политическую силу, претендующую на власть, объявили себя Национальным собранием, представляющим всех граждан страны, без различия сословий. Депутаты поклялись не расходиться до тех пор, пока не примут конституцию.

Король не мог больше отмахиваться. 23 июня он выступил перед депутатами с речью, которая обозначила один из поворотных пунктов в истории страны. Он призвал к сотрудничеству в осуществ-

лении обширной программы социальных и экономических реформ. Но вместе с тем Людовик XVI отверг притязания депутатов на власть, не дав согласия на изменение регламента и названия Генеральных штатов. В заключение он предупредил: «Если третье сословие не поможет мне улучшить положение моего народа, — я все же рассчитываю на вашу поддержку, — то мне не останется другого выбора, как обойтись без вас, ибо только я являюсь истинным представителем Франции!»

Реформы, предложенные королем, еще недавно были бы с восторгом встречены самыми рьяными либералами. Но времена изменились. Речь Людовика XVI вызвала глубокое разочарование депутатов, мнение которых выразил граф Мирабо, аристократ, избранный по спискам третьего сословия. Он заявил: «То, что мы слышали, могло бы послужить спасению родины, если бы мы только могли доверять деспотизму... От нас, и только от нас, двадцать пять миллионов человек ожидают для себя счастья!»

Катастрофические последствия инцидента 23 июня трудно переоценить. Уже упоминавшийся историк Ф. Минье считает: «Этот день погубил королевскую власть». Общество вдруг осознало, что по взаимному соглашению, «парламентским» путем разрешить

Открытие Генеральных штатов 5 мая 1789 г. Гравюра Гельмана по картине Моне

спор о власти между депутатами и короной нельзя. Это и подтолкнуло самых радикальных мыслящих к насилию.

Выступая перед депутатами, король проявил вдруг не свойственную ему жесткость. В создавшейся ситуации это выглядело самоубийственно. Поступок Людовика XVI, видимо, можно объяснить его оторванностью от политической жизни в стране. Уединившись в королевском замке в Марли, куда едва доносились эхо политических бурь, бушевавших в Версале и Париже, он не ориентировался в ситуации. К тому же на него оказывали давление близкие родственники — королева Мария Антуанетта, братья граф Про-

ванский и граф д'Артуа, принцы крови Конде и Конти, убеждавшие его проявить твердость по отношению к мятежным депутатам.

Каким бы растерянным Людовик XVI ни казался в эти дни, он отнюдь не был марионеткой в руках «партии двора». Если он и поддался уговорам принять меры к депутатам, то не в последнюю очередь потому, что их притязания рождали в его душе резкий протест. Он свято верил в божественное происхождение королевской власти. Попытки отнять или ограничить prerogatives его власти воспринимались им как неслыханное кощунство.

Приверженность традици-

онным монархическим ценностям безусловно сближала Людовика XVI с «партией двора». Но в одном, существенном, он с ней расходился: король не мог примириться с возможным кровопролитием при осуществлении репрессивных мер. Такая перспектива ужасала его и как человека, и как христианина. Серьезно относился Людовик XVI и к клятве, данной им во время коронации: никогда не проливать французской крови иначе как на полях сражений.

Сказанное в какой-то мере объясняет поведение Людовика XVI в эти дни, когда он то, поддаваясь нажиму «партии двора», предпринимал судорожные попытки решительных действий, то, ужаснувшись последствий, трубил отбой и шел на уступки народному представительству. Свои угрозы депутатам Людовик XVI так и не подкрепил действиями. Едва король стал стягивать войска к столице, мощный отпор парижан, поднявших восстание и 14 июля взявших штурмом Бастилию, заставил его в очередной раз отступить. Утром следующего дня он пешком, без свиты, явился в Национальное собрание и заверил депутатов, что не собирался использовать в борьбе с ними силу и что уже послан приказ о выводе войск из Парижа.

Кажется, только сейчас король поверил в опасность,

нависшую над тронем. Однако это не прибавило ему смелости и решительности в борьбе с революцией. Скорее, наоборот. Когда парижане пригрозили выступить маршем на Версаль, Людовик XVI окончательно капитулировал перед восставшим народом. 17 июля он безропотно отправился в свою Каноссу — революционный Париж. Он сознательно подвергал себя риску, чтобы отвести угрозу от Версаля, где оставался двор — его близкие, друзья и приверженцы. Перед поездкой Людовик XVI причастился, подписал завещание и назначил графа Прованского «наместником королевства».

Безусловно, такой отчаянный поступок мог совершить только бесстрашный человек, но совершенно недалекovidный политик. Ибо никаких новых предложений, способных разрядить политическое напряжение в стране и открыть путь мирных реформ, у короля не было. В Париже он лишь разыграл комедию примирения с революцией, приняв из рук мэра Байи трехцветную кокарду — только что вошедший в употребление революционный символ. После этого из толпы, встретившей его поначалу холодно, раздались крики: «Да здравствует король!» Поздно вечером Людовик XVI вернулся в Версаль и с облегчением произнес, обращаясь к Марии

Антуанетте: «Слава Богу, обошлось без кровопролития».

Гордыня Капетинга, не желавшего поступиться правами и привилегиями французских королей, отвращение к подлой черни, вышедшей из повиновения и пытавшейся диктовать свою волю, боролись в его душе с тревогой за судьбу родных, близких и преданных ему людей. Не соглашаясь на применение силы против неразумного, но все же не чужого народа, Богом вверенного его попечению, и вместе с тем сознавая невозможность восстановления порядка законными средствами, король встал на сомнительный путь политических игр с революцией. Однако в глубине души монарх остался ее непримиримым противником.

Ни король, ни его близкие не чувствовали себя в безопасности в стране, объятай пламенем гражданских распрей. Их страхи не были напрасны. 5 октября 1789 г., после того как в Париже вновь распространились слухи о контрреволюционном заговоре «партии двора», раздутые революционными вождями, журналистами и просто политическими провокаторами, в Версале появилась огромная толпа женщин и переодетых в женское платье мужчин. Вооруженные чем попало, возбужденные вином, они вторглись среди ночи в королевский дворец в поисках ненавистных заго-

ворщиков. Несколько солдат дворцовой стражи, пытавшихся оказать сопротивление, были убиты, и их головы, нанизанные на пики, выставлены на всеобщее обозрение. Мария Антуанетта спаслась от преследования, воспользовавшись потайным ходом, который связывал ее спальню с покоями короля. Людовик XVI и на этот раз проявил незаурядные выдержку и бесстрашие. Он вышел к нападающим и, стоя перед ними без всякого прикрытия, попытался их успокоить. Рядом заняла место королева Мария Антуанетта, несмотря на нацеленные в нее мушкеты. Самообладание королевской четы произвело впечатление на толпу, и настроение людей резко переменилось. Еще мгновение назад жаждавшие крови, они восторженно завопили: «Да здравствует королева!..»

Тем не менее по требованию народа королевская семья была вынуждена 6 октября покинуть Версаль и со всем двором переехать в Париж. Там под охраной Национальной гвардии августейшее семейство разместилось в Тюильрийском дворце — фактически на положении заложников революции.

Двусмысленность положения Людовика XVI в последующие месяцы и годы — одновременно и законного короля, и лично несвободного человека, живущего как бы в

золотой клетке, — побуждала его вновь и вновь заискивать перед новыми хозяевами страны. Так было во время праздника, устроенного в честь первой годовщины взятия Бастилии 14 июля 1790 г., где он прилюдно поклялся в верности революции. Вынуждена была вторить ему Мария Антуанетта, которая по такому случаю заплела в волосы трехцветные ленты, а пятилетнего сына Луи Шарля вырядила в униформу национального гвардейца. Покривил он душой и в сентябре 1791 г., когда, не видя другого выхода, подписал конституцию.

Не может не вызывать симпатии позиция Людовика XVI, больше смерти боявшегося, чтобы на него не пала кровь соотечественников. Но следует признать и то, что проводимая им политика была обречена на провал. Король не желал раздувать пламя гражданской войны, не хотел выступать ее застрельщиком? Верно! Но предаваться иллюзиям в критической ситуации значило плестись в хвосте событий. И хотя действия, вернее, бездействие короля не сулило Людовику успеха в борьбе с революцией, все же обеспечивало ему некоторые сиюминутные выгоды. Делая вид, что принимает происходящие в стране перемены, Людовик XVI долгое время вводил своих противников в заблуждение. Отсюда его уди-

вительная популярность, сохранявшаяся, несмотря на перепады в политических настроениях масс, едва ли не до последних дней существования монархии. Здесь же источник тех несбыточных надежд, которые возлагали на него конституционалисты.

Эфемерная популярность непомерно дорого обошлась Людовику XVI — он оказался в политической изоляции раньше, чем потерял свободу. Ему перестали доверять, а затем и покинули самые близкие и решительные его сторонники. Ночью, верхом на лошади, бежал из Версальского дворца граф д'Артуа. Следом за ним в карете по направлению к границе с австрийскими Нидерландами были отправлены малолетние сыновья графа. В ту же ночь со всеми домочадцами уехали в эмиграцию принцы Конде и Конти. Не стали испытывать судьбу и представители клана Полиньяков, также принадлежавшие к «партии двора» и давно уже ненавидимые в народе.

Между прочим, все было готово и к отъезду королевской семьи. Мария Антуанетта заблаговременно уничтожила все компрометирующие ее документы и упаковала драгоценности. Но на семейном совете возобладало мнение графа Прованского, заявившего, что король не должен покидать трона ни при какой

угрозе. К чести своей, он не последовал примеру младшего брата и остался подле Людовика XVI до конца.

В ТЮИЛЬРИЙСКОМ ДВОРЦЕ

Политические потрясения, даже внезапный переезд из насиженного Версаля в Париж внешне мало затронули быт королевского двора. Тюильрийский дворец, ставший отныне его пристанищем, не использовался в качестве королевской резиденции с давних пор. Потому первое время во дворце царил невообразимый хаос: на всех желающих не хватало даже кроватей, министры и придворные устраивали между собой перебранки из-за мебели. Однако вскоре все необходимое привезли из Версаля, и двор снова погрузился в размеренную жизнь, по часам расписанную строгим придворным ритуалом.

Все это выглядело анахронизмом на фоне динамичного Парижа, который вместе с сословными предрассудками давно отбросил и всякое почтение к королевскому двору. Толпы зевак, бродившие по аллеям Тюильрийского сада, бесцеремонно заглядывали в окна. Но больше всего отравляло существование постоянное чувство опасности, которую таил в себе огромный,

кипевший страстями, непонятный город.

Король и королева не покидали дворца, цепляясь за эту последнюю защиту от враждебного мира, сколь бы призрачна она ни была. Да и оскорбительно было для них появляться где-либо под конвоем солдат Национальной гвардии. Несчастья сплотили королевскую семью. Мария Антуанетта лишь теперь прониклась сознанием своего долга перед мужем и короной. В отношениях с родными она проявляла не свойственные ей ранее такт и терпимость. Как ни презирала она временами короля за бездействие, в час испытаний неизменно поддерживала его, оставаясь рядом. Младшая сестра мужа Елизавета была единственной из всей родни Людовика XVI, оставшейся жить вместе с королевской семьей. Граф Прованский занимал теперь Люксембургский дворец, где тоже находился под пристальным наблюдением. Дети августейшей четы вместе с родителями оказались в эпицентре революции, смысл и последствия которой они представить себе не могли, но грозную поступь которой успели уже ощутить.

Летом 1790 г. королевской семье была предоставлена возможность провести несколько недель на лоне природы в замке Сен-Клу. В последний раз Людовик XVI, Мария Антуа-

нетта, их дети наслаждались относительной свободой и радостями сельской жизни. Король, как и в прежние времена, целыми днями пропадавал на охоте. Королева с детьми совершала длительные прогулки по окрестным лесам.

Мирная, внешне беззаботная жизнь в Сен-Клу не породила иллюзий у Марии Антуанетты. Не рассчитывая больше на короля, уклонявшегося, по ее мнению, от ответственности, она взяла в свои руки спасение семьи и короны. От прежнего легкомыслия и пристрастий к развлечениям не осталось и следа. Она стала вести двойную жизнь: на людях — покорной судьбе супруги, а втайне от родных участвовала в рискованнейших интригах, где политика причудливым образом переплеталась с любовью и ненавистью, преданностью и предательством...

ПРОБЛЕСКИ НАДЕЖДЫ

Зимой 1789/90 г. королеве стало известно, что негласных контактов с ней ищет один из самых известных революционеров — граф Мирабо, что он готов оказать помощь в спасении монархии. Как оказалось, его план был обескураживающе прост: чтобы направить революцию в безопасное для монархии русло, нужно подкупить самых влиятель-

ных депутатов, начиная, разумеется, с него самого. Мария Антуанетта долго не могла решиться — уж слишком одиозен в ее глазах был этот человек, однажды изменивший своему королю и теперь готовый за деньги предать новых друзей. В конце концов она стала платить ему, взамен получая инструкции, как поступать ей и Людовику XVI. Кульминацией их отношений явилась тайная встреча летом 1790 г. в парке Сен-Клу. Мирабо, употребив свое знаменитое красноречие, сумел внушить доверие к своей персоне. На прощание королева протянула ему руку для поцелуя. Растроганный такой милостью, тот упал перед ней на колени и со слезами на глазах сказал: «Мадам, клянусь, монархия будет спасена».

Однако доверие к платному агенту — невысокой пробы. Мария Антуанетта не могла до конца поверить в искренность намерений нравственно неразборчивого Мирабо. Сомнения Марии Антуанетты разделяли друзья, посвященные в ее планы. Гордившиеся своей преданностью короне, эти аристократы испытывали к революционерам ненависть и презрение. Среди них была и принцесса де Ламбаль, уехавшая было в начале революции в Англию, но вернувшаяся ко двору, чтобы поддержать в беде свою под-

ругу и покровительницу. Но всех друзей в сердце Марии Антуанетты потеснил граф Аксель Ферзен, неофициально представлявший при французском дворе шведского короля Густава. Молодой, красивый скандинав всерьез увлек Марию Антуанетту. Летом 1790 г. в Сен-Клу не проходило и ночи, чтобы Ферзен не посещал покои королевы. Его визиты, естественно, не остались незамеченными.

По-видимому, Ферзен был первой и единственной настоящей любовью в жизни Марии Антуанетты. Уже не юная, но не узнавшая счастья в супружестве, эта сентиментальная женщина испытывала к своему любовнику не только страсть, но и благодарность за то, что на его преданную и твердую руку она может опереться в это гибельное время. Ферзен почти боготворил возлюбленную, но видел в ней прежде всего королеву, представительницу династии Габсбургов и Бурбонов. Близость с ней тешила его самолюбие. Чувственные же наслаждения он получал с женщинами иного разбора и не прерывал этих связей даже на пике своего романа с Марией Антуанеттой. Как бы то ни было, именно с Ферзеном Мария Антуанетта впервые почувствовала себя счастливой. Любовь к нему она сохранила до последнего дыхания. Перед смертью Мария Антуанетта

мысленно обращалась к своим детям... и к нему.

После внезапной кончины Мирабо в апреле 1791 г. все надежды королевы на спасение сосредоточились на Ферзене. С ним она стала обдумывать план побега королевской семьи из Парижа. Главным препятствием тому до сих пор был Людовик XVI, не желавший открыто противопоставлять себя революции. По его вине был упущен верный шанс вырваться на свободу летом 1790 г., когда на фоне внезапной вспышки народной любви к королю в дни праздника Федерации никто не помешал бы ему и его семье укрыться в одной из пограничных крепостей под защитой надежного гарнизона. Но весной 1791 г. произошел инцидент, сыгравший на руку заговорщикам. При бездействии властей народная толпа воспрепятствовала поездке королевской семьи в Сен-Клу на празднование Пасхи. Готовый тронуться в путь, королевский кортеж в течение двух часов выдерживал осаду парижан и вынужден был вернуться в Тюильрийский дворец. Рассерженный Людовик XVI после этого уступил наконец доводам королевы.

Но даже в плане побега обнаружилось недальновидность и непрактичность заговорщиков. Например, Мария Антуанетта наотрез отказалась размещать членов семьи в раз-

Портрет Марии Антуанетты в дорожном костюме

ных экипажах, как предлагалось конспираторами. Поэтому в качестве средства передвижения была выбрана вместительная, но тяжеловесная и медлительная берлина, а ведь беглецам так важно было иметь преимущество в скорости перед вероятной погоней. Явно неразумными были и требования к комфорту, словно семья собиралась не в опаснейшую поездку, а в увеселительное путешествие.

Самое деятельное участие в этих сборах принимал Ферзен. Без него побег вряд ли состоялся бы. Когда заговорщикам не хватило денег, их выручил Ферзен. Он собрал необходи-

мую сумму, заложив часть своего наследства, а также уговорив раскошелиться прежних любовниц, которые тоже способствовали осуществлению побега. Одна из них, богатая шведка по имени Корф, вдова русского офицера, предоставила беглецам свой паспорт. Другая спрятала у себя в каретной предназначенную для побега берлину. Словом, Ферзен сделал все, что было в его силах. И не его вина, что по мере подготовки план побега королевской семьи приобретал гротескные формы пошловатого фарса, в финальной сцене которого Людовик XVI должен был получить свободу из рук любовника своей жены.

В ночь на 21 июня 1791 г. члены королевской семьи поодиночке выскользнули из Тюильрийского дворца. В условленном месте их поджидал Ферзен — он сидел на козлах берлины, запряженной шестеркой лошадей. В ней разместились: мадам де Турзель, которая изображала баронессу Корф, путешествующую с детьми — двумя дочками (по сему случаю Луи Шарля пришлось переодеть девочкой), Людовик XVI в облике слуги баронессы, Мария Антуанетта — гувернантки ее детей, Елизавета — служанки. Причем если король оделся с подобающей скромностью, то королева, по своему обыкновению, не удержалась — в

сером шелковом платье, широкополой шляпе с вуалью она выглядела чересчур элегантно. Ферзен благополучно довез беглецов до первой почтовой станции на их пути в Бонди. Здесь он с ними попрощался: Людовик XVI был против того, чтобы Ферзен сопровождал их дальше.

Расставшись с королевской семьей, Ферзен совершил роковую ошибку, которую не мог простить себе до конца дней. Вместо того чтобы скрытно поскакать впереди берлины, предупреждая о ее приближении выставленные вдоль маршрута посты верных королю войск, он развернул коня и со спокойной совестью поехал обратно. Действительно, его легкомыслию трудно найти оправдание. Берлина и так задержалась с выездом из Парижа на три часа. В пути опоздание еще больше увеличилось. Пользуясь хорошей погодой, беглецы делали непредусмотренные остановки, в то время как высланные для встречи короля верные люди, напрасно прождав его, покидали свои посты по истечении условного срока.

Так, нагромождение завешенных ошибок и досадных оплошностей сделало катастрофу неотвратимой. Неосторожное поведение короля не позволило беглецам долго сохранять инкогнито: в Варенне враждебная толпа окружила экипаж и заставила остановиться.

Соппротивление было бессмысленно — беглецы стали пленниками и были переданы подоспевшей погоне.

А в это время граф и графиня Прованские, покинувшие Париж одновременно с королевской семьей, но налегке и в двух разных экипажах, благополучно пересекли границу австрийских Нидерландов и достигли Брюсселя.

ТЯЖКИЕ ВРЕМЕНА

После неудачной попытки бегства для королевской семьи наступили тяжкие времена. Водворенная в Тюильрийский дворец, она с тревогой ждала своей участи. Началось официальное расследование обстоятельств побега. В политических кругах обсуждался вопрос о низложении Людовика XVI, если будет доказана его вина.

Вся королевская семья находилась под неусыпным наблюдением. Каждый шаг Людовика XVI и Марии Антуанетты контролировался офицерами Национальной гвардии, не оставлявшими их без присмотра ни днем, ни ночью. Даже в комнате дофина постоянно дежурили двое стражников. Навестить своего сына Мария Антуанетта могла лишь в сопровождении караула.

Помощь пришла с неожиданной стороны. Партия конституционалистов, только что завершившая разработку мо-

нархической конституции и готовившаяся «всерьез и надолго» прийти к управлению страной, с трудом отбивалась от нападков своих противников слева — якобинцев. Конституционалистов не радовала перспектива низложения Людовика XVI — это могло окончательно сломать хрупкое равновесие политических сил, которое им удавалось поддерживать в течение двух лет революции. Они готовы были пойти на сделку — выручить короля из беды в обмен на признание им конституции.

Что касается Людовика XVI, то последние события совсем выбили его из колеи. Он замкнулся в себе, безропотно ожидая новых ударов судьбы. Инициатива и на этот раз исходила от Марии Антуанетты. Еще во время возвращения из Варенна она сумела расположить к себе молодого человека, присланного из Парижа за королевской семьей. Им оказался один из влиятельных деятелей партии конституционалистов Антуан Барнав. Спустя пару недель она послала ему письмо, где прямо вопрошала: что мне делать в сложившейся ситуации? Интрига королевы удалась блестяще. Учредительное собрание приняло версию конституционалистов о «похищении» короля, признав его невиновным. Со своей стороны Людовик XVI начал старательно разыгрывать из себя конституционного монарха.

В сущности, Людовик XVI мог быть доволен. После всего, что ему довелось пережить за последнее время, трудно было рассчитывать на лучшие условия. По конституции 1791 г. он получил права наследственного монарха и главы исполнительной власти, а также гарантию неприкосновенности личности. Естественно, были отменены все притеснения, которым подвергалась королевская семья. Монархия во Франции получила еще одну отсрочку, а может быть, и шанс на спасение.

Но Людовик XVI распорядился этим шансом не лучшим образом: слишком уж роль конституционного монарха противоречила его убеждениям. Действуя со свойственным ему прямодушием, он постоянно нарывался на конфликты с законодательной властью. Не побуждала его к компромиссам и Мария Антуанетта, не допуская мысли о действительном сотрудничестве с революцией. Теперь она не доверяла никому — ни королю, занимавшему, по ее мнению, капитулянтскую позицию, ни революционным политикам, тайно предлагавшим ей свою помощь, — она подозревала их в провокации и корыстолюбии. Все надежды на спасение короны она отныне возлагала на поддержку извне — вооруженную интервенцию «братских» монархий.

Не без колебаний Людовик XVI уступил давлению и 20 апреля 1792 г. объявил войну Австрии. Начался самый драматичный период истории Французской революции, отмеченный небывалыми насилиями и бесчинствами. До сих пор поражает, как легко участники этой драмы играли жизнями людей, судьбой страны! Жирондисты готовы были пролить реки крови ради осуществления своих политических замыслов, за которыми нередко скрывалось банальное властолюбие их вождей. Чтобы сохранить трон, Мария Антуанетта не только призвала во Францию иностранные армии, но и выдала противнику французский военный план.

В конечном счете сторонники войны просчитались. Людовик XVI действительно назначил жирондистов на ответственные посты в правительстве. Однако они не удержались у власти. И поражение французских войск в начальный период войны не поставило революционные власти на колени. Зато оно возбудило в народе подозрения в измене, гнездившейся в королевском окружении. Объектом яростных нападок в который уже раз стала «австриячка» Мария Антуанетта. Новый вихрь политических страстей теперь окончательно смел монархию и предопределил судьбу королевской семьи.

СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХИИ

20 июня 1792 г. в Париже состоялась многотысячная демонстрация санкюлотов, которая неожиданно завершилась штурмом Тюильрийского дворца. Охранявшие его солдаты Национальной гвардии не сделали не единого выстрела. Практически беззащитный, король сумел успокоить разгоряченных людей, надев фригийский колпак и распив с ними бутылку вина «за здоровье нации». После этого нападавшие мирно разошлись.

Но симптомы приближающейся бури не исчезли. Военное положение Франции стало критическим. 6 июля против нее двинула свои войска Пруссия. 11 июля Законодательное собрание декретировало: «Отечество в опасности». Со всех концов страны в Париж стекались тысячи вооруженных добровольцев-«федератов», воодушевленных патриотическими и революционными чувствами. По большей части они были настроены враждебно по отношению к королю и двору. С их прибытием во французской столице создалась взрывоопасная ситуация.

Роль детонатора сыграл манифест герцога Брауншвейгского, командующего прусской армией, в котором он угрожал Парижу «военной расправой и полным разрушением», если в обращении с королевской се-

мьей будет допущено хоть «малейшее оскорбление или насилие». Радикальные группировки тут же выступили с требованием о низложении короля, мгновенно подхваченным санкюлотами Парижа.

В ночь на 10 августа их вооруженные отряды при поддержке «федератов» окружили Тюильрийский дворец. Его защищали 900 швейцарских наемников и две-три сотни преданных королю дворян, не считая 2 тысяч солдат Национальной гвардии. Людовик XVI решил не принимать сражения, поскольку избегал кровопролития. Утром 10 августа он в сопровождении родных покинул Тюильрийский дворец и попросил убежища в Законодательном собрании. Уже находясь там, он услышал шум боя: это повстанцы штурмовали дворец. Король немедленно отдал приказ прекратить огонь. Дисциплинированные швейцарцы, успевшие отбить одну атаку, подчинились — как оказалось, на свою погибель. Овладев дворцом, нападавшие учинили над ними дикую расправу. Не пощадили и ни в чем не повинных людей — престарелых придворных, слуг и т. д. Всех, кто попал под руку, убивали на месте, выбрасывали из окон, вешали на деревьях. Немногие защитники и обитатели дворца спаслись тогда от смерти.

В течение трех дней королевская семья оставалась в За-

конодательном собрании. Ей была отведена крохотная ложа, отделенная от зала заседания перилами, что позволяло следить за ходом дебатов о ее будущем, развернувшихся в Собрании. Лишь на ночь королевскую чету отводили в расположенный по соседству монастырь.

Хотя по конституции личность короля была объявлена «священной и неприкосновенной», депутаты лишили Людовика XVI функций главы исполнительной власти. Первоначально они намеревались определить его на жительство в Люксембургский дворец. Но Коммуна — созданный в ходе восстания 9—10 августа орган революционного самоуправления Парижа — настояла, чтобы его вместе с семьей поместили в башне Тамплль. 13 августа в 6 часов вечера экипажи, увозившие королевскую семью в тюрьму, тронулись в путь. Возницам было специально указано ехать медленно, чтобы парижане могли насладиться зрелищем свергнутого короля.

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ БАШНИ ТАМПЛЬ

Башней Тамплль называли донжон давно упраздненного замка-монастыря ордена тамплиеров. Его построили в XIII в. и в ту пору использовали одновременно под арсенал, кла-

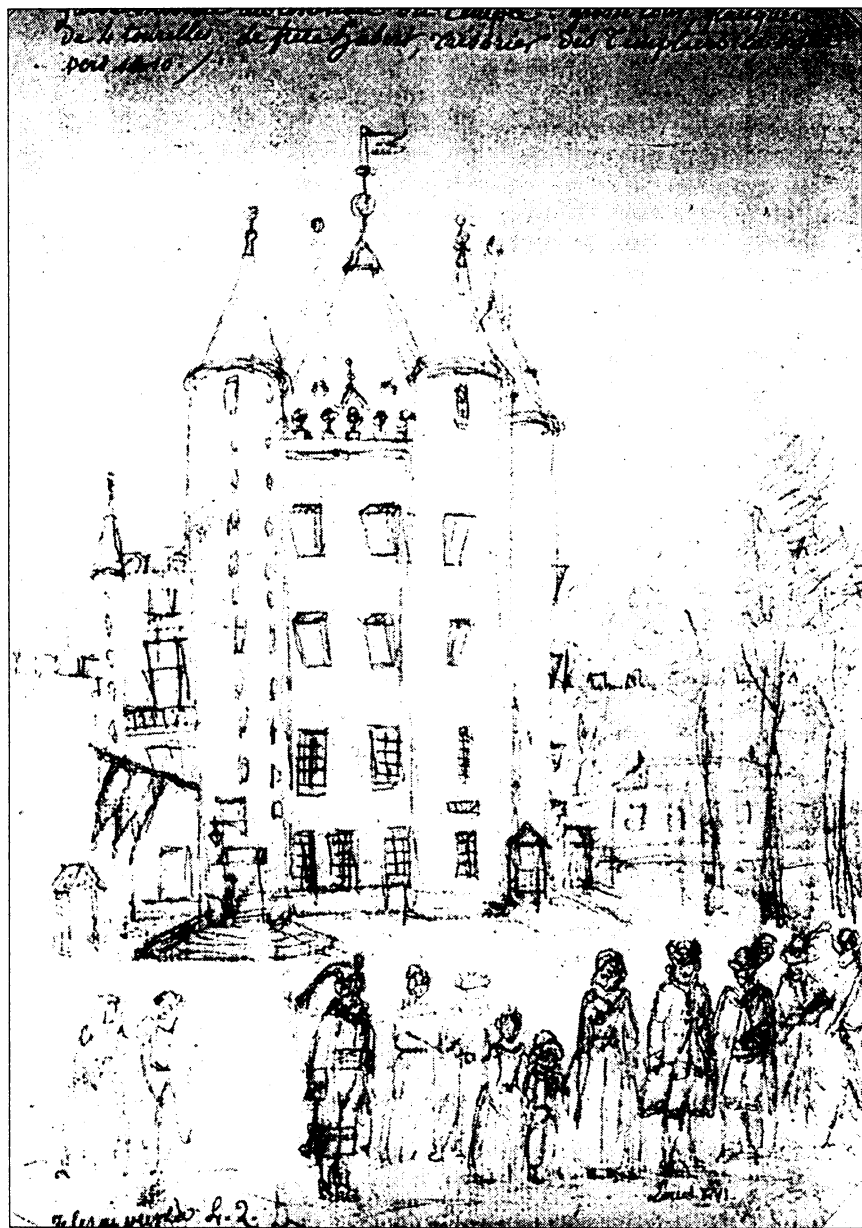
довую, сокровищницу и тюрьму. Теперь он составлял одно владение с обширным парком и небольшим элегантным дворцом, отгороженным от улиц высокой стеной. До революции здесь была резиденция великих приоров Франции. По иронии судьбы, эту должность занимал граф д'Артуа, частым гостем которого была королева. И на этот раз во дворце великих приоров королевскую семью ждал прекрасный обед. После него Людовик XVI воспрял духом и уже занялся было распределением комнат среди домочадцев. Но представители властей были категоричны: королевскую семью ждал мрачный донжон — он представлял собой два пристроенных друг к другу, но не связанных между собой общими помещениями здания — большую и малую башни. Поскольку большая башня, где и предполагалось поселить королевскую семью, была непригодна для жилья, то узников временно разместили в малой — в скромных, но достаточно комфортабельных апартаментах архивариуса. Здесь они пробыли первые месяцы заключения, пока благоустроивались помещения большой башни.

В Тамплъ королевская семья — Людовик XVI, Мария Антуанетта, их дети Мария Тереза и Луи Шарль, сестра короля Елизавета — прибыла в сопровождении преданных

друзей и слуг. Но уже на следующий день по приказу Коммуны все слуги, за исключением камердинера короля Клери, были отправлены в тюрьму Ла Форс. Там же поместили принцессу де Ламбаль и воспитательницу детей мадам де Турзель с дочерью. Почти все они погибли во время массовых убийств заключенных 2—5 сентября 1792 г.

Драматическую перемену в своей жизни члены королевской семьи внешне перенесли спокойно. Они ни о чем не просили тюремщиков, не требовали, не угрожали. Единственный раз сорвалась Мария Антуанетта, когда ее разлучили с любимой подругой. Впрочем, поначалу и персонал тюрьмы относился к ним предупредительно. Гвардейцы, несшие охрану, охотно выполняли мелкие поручения узников и даже пускали к ним посетителей. Власти выделили немалые средства на их гардероб, изрядно пострадавший в августовские дни, и вообще стремились создать максимум удобств. Так что особых лишений они первое время не испытывали.

Людовик XVI рано утром был уже на ногах. Он сам брился, одевался, затем совершал молитву, а оставшееся до завтрака время охотно занимался чтением. Еще раньше начинался день у Марии Антуанетты, которая должна была позаботиться о себе и о сыне.

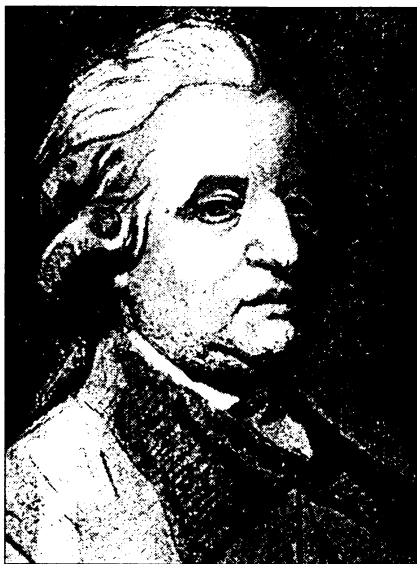
Башня Тамплъ. Рисунок пером Ле Гё

Около 9 утра семья собралась в комнате короля для завтрака. Надо заметить, что по количеству и разнообразию блюд тюремный стол мало чем отличался от того, к чему она привыкла прежде. В 10 часов все переходили в комнату королевы, где Людовик XVI преподавал сыну французский и латинский языки, историю, географию, а Мария Антуанетта и Елизавета занимались образованием Марии Терезы, обучая ее рисованию и математике.

Вторая половина дня была посвящена досугу: чтению книг, разнообразным играм. Вечерами устраивалось семейное чтение вслух какой-нибудь занимательной книги. К полуночи расходились по своим комнатам. Словом, чем не идиллия — если б только не толстые стены тюрьмы да стража, день и ночь не спускавшая глаз с узников.

29 сентября семью впервые разлучили — Людовика XVI перевели в большую башню. Близкие присоединились к нему лишь 26 октября. Короля с сыном поселили на третьем этаже, а королеву с дочерью и золовкой — на четвертом. Два нижних этажа предназначались для надзирателей и тюремного начальства.

По иронии судьбы, именно стены Тампля и стража спасли жизнь королевской семье во время волны «сентябрьских убийств», когда

Людовик XVI в башне Тампля

толпа санкюлотов собралась у подножия башни и потребовала казни «тирана». Чтобы запугать узников, под их окна принесли надетую на пику голову несчастной мадам де Ламбаль.

И в большой башне узникам грех было бы пожаловаться на недостаток комфорта. Фактически здесь для них оборудовали небольшую, но уютную квартиру.

Все комнаты были хорошо меблированы, в спальне Марии Антуанетты даже установили ванну. Отсутствовала лишь кухня — горячую пищу узникам Тампля приносили из соседнего дворца.

И все же это была тюрьма

Дофин Луи в башне Тампль

со всеми ее атрибутами: стража, которая караулила единственную винтовую лестницу с улицы на верхние этажи; массивные двери с глазком для надзирателей; решетки на окнах-бойницах, всегда прикрытые ставнями.

Королевская семья старалась не обращать внимания на грубость и бесцеремонность охранников и ожидала скорого освобождения благодаря победе интервентов. Но, к их разочарованию, в конце сентября прусская армия отступила от местечка Вальми, вскоре в сражении под Жемаппом потерпели поражение и австрийцы. Война приняла неблагоприятный для узников оборот.

ПОДГОТОВКА ПРОЦЕССА

Тревогу внушали и политические события во Франции. 21 сентября Национальный конвент, избранный вместо самораспустившегося Законодательного собрания, упразднил монархию. Король был объявлен простым «гражданином Луи Капетом»: ему «вернули» родовое имя основателя династии Гуго Капета. Казалось бы — пустая формальность. Но вместе с титулом наследственного монарха упразднились и гарантии личной неприкосновенности. Теперь Людовику XVI приходилось опасаться не столько самоуправства толпы, сколько преследований со стороны властей — от их произвола стены Тампля укрыть не могли. Сначала ролью короля в событиях 9—10 августа занялась следственная комиссия. Затем с обвинениями короля в заговоре выступила Коммуна. Для рассмотрения собранных доказательств Национальный конвент образовал «комиссию 24-х». Над головой Людовика XVI явственно сгустились тучи.

Могут показаться странными ожесточение и ярость по отношению к свергнутому королю, который никакой опасности для революции не представлял. Для разбирательства его «дела» не были использованы и обычные судебные процедуры. Правовой аспект

«дела» Людовика XVI меньше всего заботил заинтересованных лиц. Оно изначально носило политический характер и могло закончиться лишь «точкой» в затянувшемся споре о монархии.

Жирондисты и якобинцы, пришедшие к власти в результате августовского восстания, одинаково были заинтересованы в том, чтобы выставить короля преступником. Это послужило бы оправданием их мятежа против конституционного строя. Но они окончательно рассорились между собой, прежде чем смогли договориться об участии свергнутого короля.

Осенью 1792 г. ни одна из партий не располагала большинством в Конвенте. Стремясь заполучить союзников, они сделали жизнь Людовика XVI предметом политического торга. Грозной силой в результате августовского восстания стала Коммуна. Она прямо требовала казни Людовика XVI, считая это справедливым возмездием за кровь «патриотов». Якобинцы, опиравшиеся на Коммуну, поддерживали это требование, видя в короле постоянную угрозу монархической реставрации. В борьбе с ними жирондисты вынуждены были солидаризироваться с разбитыми, но не сошедшими с политической арены монархистами. Они рассчитывали купить их поддержку, сохранив жизнь Людови-

ку XVI, и потому заметно полюбились к королю с тех пор, как он лишился трона. Впрочем, преследуя собственную выгоду, они постоянно колебались, склоняясь к компромиссу то с правой, то с левой частью Конвента и все более запутываясь в интригах.

Более месяца работала «комиссия 24-х», состоявшая сплошь из жирондистов. Она хоть и подтвердила выдвинутые против короля обвинения, но, выгораживая его, утверждала: половину вины он уже оплатил отстранением от власти, а за оставшееся «Луи Капет» должен отвечать по суду как «обыкновенный гражданин».

Компромиссный характер носил и доклад комитета Конвента по законодательству. Он был посвящен процедурным вопросам «дела». Предлагалось судить короля, но не в обычном порядке, а судом Национального конвента.

Дебаты в Конвенте растянулись на несколько недель. Как и следовало ожидать, жирондисты выступили единым фронтом с монархистами. Они считали, что монарх может быть наказан только отстранением от власти — низложением. Для суда над королем отсутствует юридическая база. «Если нет позитивного закона, который можно было бы применить к Людовику XVI, то против него нельзя вынести и обви-

нительного приговора», — заключил свою мысль депутат-монархист Мориссон.

Якобинец Сен-Жюст не стал утруждать себя юридической аргументацией, безапелляционно заявив, что признает лишь один суд над монархом — суд истории и что «короля надо судить не за преступления, совершенные им при исполнении своих обязанностей, а за одно то, что он король...»

Сен-Жюст покориł депутатов логикой и красноречием, хотя, по сути, подменил предмет дискуссии. Упорно избегая упоминания Людовика XVI по имени, он вел речь не о конкретном человеке, а о «тиране» вообще. Тем самым он оказал неоценимую услугу революционным демагогам: гораздо легче судить не конкретного человека, а отвлеченное зло.

Препирательства между депутатами могли быть бесконечными, но 20 ноября был вскрыт потайной сейф, в котором хранились особо секретные бумаги Людовика XVI. Среди них была обнаружена переписка короля с виднейшими деятелями конституционно-монархической партии — Лафайетом, Талейраном, Мирабо. Последний полностью был изобличен как платный агент двора.

Эта находка имела трагические последствия. После скандальных разоблачений ни

монархисты, ни жирондисты не могли рассчитывать на согласие Конвента с их требованием оставить короля в покое.

Зато недруги Людовика XVI, жаждавшие крови, торжествовали. Документы, найденные в сейфе, действительно представляли собой серьезную улику против короля. Правда, не было обнаружено доказательств сговора короля с иностранными монархами. Но и без того его вина представлялась очевидной.

3 декабря вождь якобинцев М. Робеспьер обратился к депутатам с призывом немедленно покарать изобличенного преступника: «Народ сказал свое слово. Людовик XVI осужден. Или он будет наказан, или республика во Франции — пустой звук. Всякая отсрочка была бы с нашей стороны ошибкой, если не преступлением. Я настаиваю: Национальный конвент должен объявить Людовика предателем родины и врагом человечества и как такового покарать».

Озадаченные депутаты, в числе которых было немало юристов, однако, не спешили откликнуться на призыв и потребовали должной юридической процедуры. Жирондисты, стремясь избавить короля от худшей участи, поддержали идею суда над ним. В тот же день обнародовали декрет: «Людовика XVI будет судить Национальный конвент».

Таким образом, Конвент фактически соединил в своем лице функции следствия и судебной власти. Мало того, он возложил на себя и прокурорские обязанности, образовав третью по счету «комиссию 21-го» для подготовки обвинительного заключения. Все это время Конвент мирился с юридической двусмысленностью положения короля: более двух месяцев тот находился под следствием, хотя официально обвинение ему не было предъявлено. Это было сделано лишь 10 декабря 1792 г. А уже на следующий день состоялось первое заседание суда.

СУД

Утро того дня началось для Людовика XVI обычно. Он встал, помолился Богу, позавтракал в семейном кругу и, будучи в хорошем настроении, решил поиграть с сыном. Но в середине дня появился мэр Парижа, и под усиленной охраной короля повезли на суд. Одолеваемый недобрыми предчувствиями, он успел лишь бросить прощальный взгляд на башню, где оставалась его семья.

Когда Людовика XVI ввели в зал заседаний Национального конвента, депутаты встретили его гробовым молчанием. Он выслушал полный текст обвинительного заключения,

содержание которого не оставляло сомнений в характере процесса. Людовик XVI обвинялся не столько в нарушении законов государства, сколько в нежелании признать право граждан силой изменить эти законы — право, рожденное революцией.

Королю предстояло ответить на эти обвинения. Он мог попытаться спасти свою жизнь, признав вину. Но, во-первых, это было противно его представлению о долге монарха, а во-вторых, он понимал, что даже ценой унижения не смог бы разжалобить судей. Еще Людовик XVI мог бы последовать примеру английского короля Карла I, который в аналогичной ситуации не признал правомочности суда и отказался от защиты. Над этим историческим прецедентом Людовик XVI много размышлял в последнее время. Известно, что его настольной книгой в башне Тампль была «История Англии» Д. Юма, в которой описывались события «великого мятежа» середины XVII в. Людовик XVI, как и Карл I, презирал своих судей и никогда не согласился бы признать над собой их власть. Но, в отличие от английского короля, он решил защищаться.

Можно только догадываться, почему он принял вызов. Во всяком случае не потому, что питал надежду выиграть процесс. Скорее всего, он не

хотел освобождать революционеров от необходимости доказывать его вину в суде.

Линия защиты, выбранная Людовиком XVI, обозначилась в его ответах на каждый из пунктов обвинения: не оспаривая «прав человека и гражданина», он просил уточнить, в нарушении каких законов хотят его уличить. Все обвинения, относящиеся к периоду до принятия конституции 1791 г., он отверг как юридически беспочвенные. Шла ли речь о военных приготовлениях или политических интригах, Людовик XVI возражал: «В то время не было законов, которые бы мне это запрещали». Что касается периода после принятия конституции, объяснял он, тогда министры отвечали за управление страной. Король утверждал даже, что ничего не слышал о потайном сейфе в Тюильрийском дворце. Когда бумаги были предъявлены ему, он не опознал ни почерка, ни подписи.

«Жалкие уловки» — так отзываются о тактике Людовика XVI некоторые биографы. Вряд ли можно согласиться с этой оценкой. Ведь речь идет об элементарном праве подсудимого не свидетельствовать против самого себя. К тому же обвинение так и не удалось провести графологическую экспертизу этих документов. Сделать это впоследствии тоже не удалось — они большей частью утрачены.

Депутаты были озадачены началом процесса и, отпустив короля, вновь заспорили, проводить ли суд по полной форме, как того требовали жирондисты, или ограничиться вынесением приговора, на чем настаивали якобинцы. И хотя так и не пришли к единому мнению, в итоге первого судебного заседания они все же предоставили Людовику XVI право на защиту и разрешили воспользоваться услугами адвокатов.

На следующий день король назвал имена своих защитников — Тарже и Тронше. Но первый из них, ссылаясь на плохое здоровье, отклонил «нечаянную милость». Вместо него король взял своего бывшего министра Мальзерб, который сам предложил ему помощь. Этот отчаянный поступок стоил «другу философов» жизни во времена якобинской диктатуры. В помощь двум защитникам был взят молодой адвокат де Сез. Людовик XVI ежедневно встречался с ними, и именно он определил тактику защиты.

ЗАВЕЩАНИЕ

В эти напряженные дни Людовик XVI был лишен моральной поддержки семьи. Ему запретили видаться с близкими. Конвент сделал было исключение для детей, но при условии, что они будут разлу-

чены с матерью. Разумеется, Людовик XVI не смог принять это чудовищное предложение.

Готовясь к худшему, Людовик XVI еще 25 декабря, накануне своей защиты в суде, написал завещание. Нельзя без волнения читать этот документ. Он весь проникнут духом христианского смирения, самоотречения и в то же время искренней любовью к родным, неподдельной тревогой за их будущее. Заботу о детях Людовик XVI поручает жене. «Я никогда не сомневался, — пишет он, — в ее материнской преданности; в особенности я хочу, чтобы она вырастила из них добрых христиан и честных людей». Детям он желает, чтобы они «всегда жили дружно, были покорны и послушны матери, а также признательны ей как за внимание и заботу, которыми она их окружала, так и в память обо мне». Он просит их считать его сестру Елизавету «второй матерью». Отдельно Людовик XVI обращается к сыну. Он советует ему «в случае, если его постигнет несчастье стать королем, всецело посвятить себя заботам о благополучии сограждан, забыть о гневе и злопамятстве, а именно обо всем, что имеет отношение к моим несчастьям и лишениям». Сыну же Людовик XVI завещает свой политический идеал, которому сам оставался верен до конца: «Пусть он помнит, что

сможет осчастливить народы, не иначе как царствуя в соответствии с законом, но что добиться уважения к ним король сможет... лишь в той мере, в какой сам обладает необходимой властью». Не забыл он в завещании и тех, кто не оставил его в несчастье — преданных слуг и помощников. Заканчивается этот трагический документ словами: «Готовясь предстать перед Богом, я заявляю, что не могу упрекнуть себя ни в одном из тех преступлений, в которых меня обвиняют».

ПРИГОВОР

Судебное заседание Конвента 26 декабря не принесло сенсаций. Де Сез от имени короля прочитал текст защитительной речи. Может быть, самой эмоциональной была ее вступительная часть, когда де Сез, отметив юридические несообразности процесса, воскликнул: «Граждане! Я ищу среди вас судей, а нахожу лишь обвинителей! Вы решаете участь Людовика и сами же его обвиняете! Так вы покончите не только с прерогативами короля, но и с правами граждан!» Но декламация де Сеза не произвела впечатления на депутатов. Они постановили тотчас перейти к дискуссии о приговоре. Схватка за жизнь Людовика XVI вступила в решающую фазу.

Конвент постановил отложить все текущие дела, пока не будет вынесен приговор. Несколько дней кряду продолжались яростные дебаты, в которых от жирондистов и якобинцев выступили лучшие ораторы — Верньо, Бриссон, Жансонне, Петион, Сен-Жюст, Робеспьер и другие. Но спорили они не по существу дела — виновен ли король, — а о таких частностях, как способ вынесения и утверждения приговора. Даже жирондисты не решались теперь открыто защищать короля. Но в последней попытке спасти ему жизнь они потребовали, чтобы приговор был вынесен на утверждение «народа» — то есть так называемых «первичных собраний» граждан, обычно созываемых в дни выборов. Однако их предложение было отвергнуто депутатами.

Спустя неделю Конвент утвердил вопросы для голосования: «Виновен ли Людовик? Подлежит ли наше решение ратификации народом? Какого наказания заслуживает Людовик?» И уже 15 января на два первых были получены ответы. Виновность короля была признана подавляющим большинством — 691 депутатом (31 отсутствовал и 27 воздержались). Иного трудно было ожидать, учитывая политический характер процесса. Депутаты понимали, что оправдание короля автоматически означало бы признание вины Кон-

вента в незаконном захвате власти. По более спорному вопросу о ратификации приговора их голоса разделились. Но якобинцы добились отказа Конвента от вынесения приговора на утверждение «народа».

16 января в 8 часов вечера в Конvente началось драматическое голосование по третьему вопросу — о мере наказания. Оно продолжалось всю ночь и следующий день. Секретарь вызывал депутатов по имени. Каждый из них с трибуны выражал свое мнение. Высказался 721 депутат. Для вынесения приговора было достаточно 361 голоса. За различные меры наказания, не связанные с лишением короля жизни (тюремное заключение, изгнание или даже смертная казнь, но с отсрочкой исполнения приговора), ратовали 334 депутата. Вместе с якобинцами за смертный приговор «без оговорок» проголосовали 361 человек — ровно столько, сколько требовалось для приговора. Решающий голос, которым Людовик XVI был осужден на казнь, принадлежал, как впоследствии считали, герцогу Орлеанскому. Родственник короля, глава младшей линии династии, он еще в начале революции отрекся от титула, примкнув к якобинцам, и под именем «гражданина Филиппа Эгальте (Равенство)» был избран депутатом Национального конвента.

Такой результат выглядел не особенно убедительно. Поэтому «цареубийцы», как стали называть депутатов Конвента, вынесших смертный приговор королю, пошли на хитрость, приплюсовав голоса еще 26 депутатов, в том числе видных жирондистов Петиона и Верньо, которые хотя и высказались за казнь короля, но с условием обсуждения ее политической целесообразности. Теперь сторонники казни могли похвалиться внушительным большинством в 387 голосов.

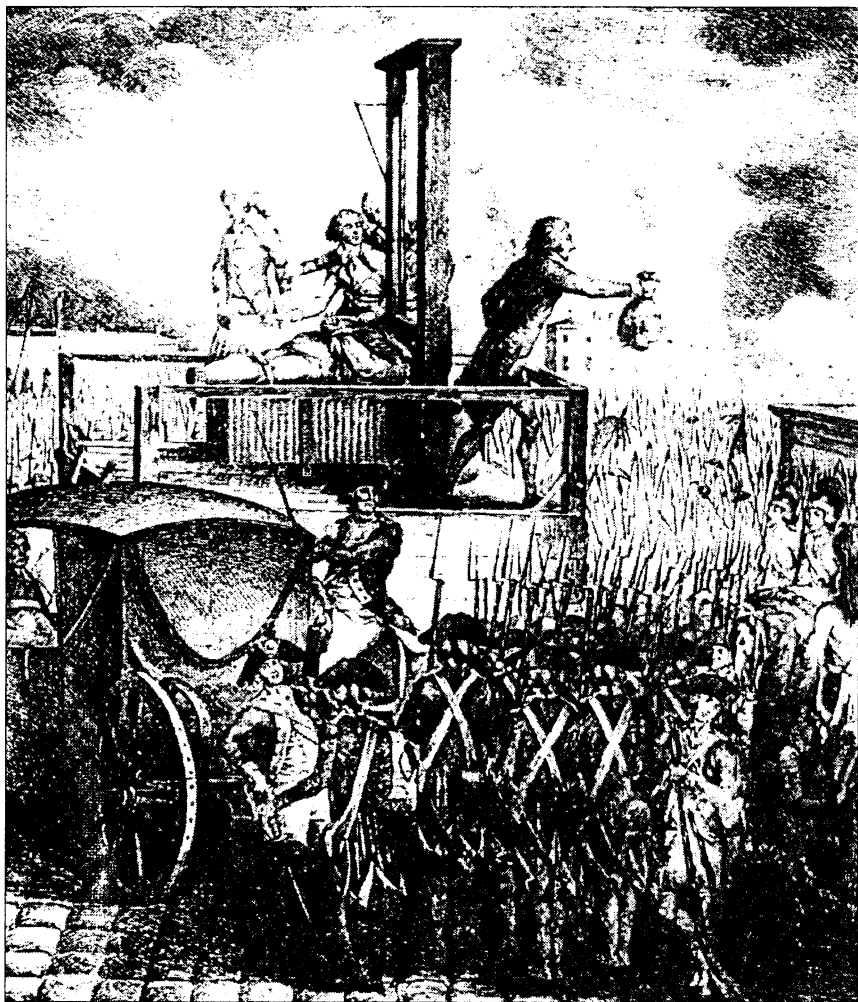
При поименном голосовании в ночь на 20 января 380 голосами против 310 предложение об отсрочке казни было отклонено. Вслед за этим Конвент принял декрет, которым объявил «Луи Капета» «виновным в заговоре против свободы народа и покушении на безопасность государства», приговорил его к смертной казни и обязал Временный исполнительный совет (правительство), сообщив королю о приговоре, в течение 24 часов привести его в исполнение.

Зная о результатах голосования 16—17 января, Людовик XVI понимал, что дни его сочтены. Поэтому его не застал врасплох визит министра юстиции Гара, который около 2 часов пополудни 20 января сообщил ему о приговоре. Король лишь вручил ему заранее написанное обращение к Конвенту с просьбой

отложить казнь на три дня, чтобы подготовиться к смерти и проститься с семьей. Депутаты не стали возражать, чтобы он принял священника по собственному выбору, и разрешили встретиться с родными. Но об отсрочке исполнения приговора не могло быть и речи...

Последние часы своей жизни король провел с аббатом Эджвортом. Будучи ревностным католиком, аббат не принял гражданской присяги, обязательной во Франции для священников. Именно за это его высоко ценили роялисты. Ему же он передал на хранение экземпляр своего завещания, составленного месяцем ранее.

Беседу Людовика XVI с аббатом прервали, сообщив, что король может проститься с семьей. Посторонних на этой встрече не было. Но аббат Эджворт, слышавший все происходящее за дверью, свидетельствует: «В течение четверти часа не было произнесено ни одной фразы. Они даже не плакали или рыдали — они вопили от горя, и их вопли нельзя было не слышать за стенами башни. Король, королева, дофин, м-м Елизавета, королевское высочество стонали в один голос. Наконец, плач прекратился, видимо, потому, что их оставили силы». Чуть более полутора часов провели они вместе. Расставаясь с мужем, Ма-

Казнь Людовика XVI 21 января 1793 г. Современная гравюра

рия Антуанетта без чувств рухнула к его ногам.

На следующий день в одиннадцатом часу утра Людовик XVI, сохраняя достоинство и самообладание, взшел

на эшафот. Его последние слова таковы: «Я умираю невиновным в преступлениях, в которых меня обвиняют. Я прощаю всем, кто желал моей смерти, и молю Бога, чтобы

кровь, которую вы собираетесь пролить, никогда не пала на Францию!..»

ВОСПИТАНИЕ ПО-ЯКОБИНСКИ

Казнь Людовика XVI отнюдь не поставила точку в споре о монархии, как надеялись революционеры. Она лишь окрасила этот спор в кровавые тона. В сердцах и умах своих многочисленных сторонников монархия была жива. После смерти Людовика XVI роялисты, как того и требовали французские правила престолонаследия, объявили его сына королем Людовиком XVII. Права его на престол признали и все основные державы Европы. До совершеннолетия Луи Шарля регентом был провозглашен находившийся в эмиграции граф Прованский.

Весной 1793 г. во Франции вновь подняла голову монархическая контрреволюция. Теперь на ее знамени было начертано имя Людовика XVII. Оно было на устах повстанцев в Вандее и роялистов-эмигрантов, а также их эмиссаров, прочесывавших страну во всех направлениях. Эффект от их агитации был тем больший, что в сознании немалой части французов чистый образ короля-ребенка воплотил надежду на лучшее будущее, для которой так мало виделось оснований в текущем дне. По

всей стране — где тайком, а где и открыто — распространялись картинки, медали и медальоны с изображением Людовика XVII.

Утром 21 января 1793 г. Мария Антуанетта впервые преклонила колени перед Луи Шарлем. Отныне родные обращались к нему не иначе, как «Ваше Величество». Впрочем, это были единственные королевские почести, которых он удостоился за все время своего «царствования».

В первые дни после казни Людовика XVI узники Тампля пребывали в отчаянии. Замкнулась в своем горе Мария Антуанетта. Но время брало свое, да и дети, забота о которых теперь всецело лежала на ней, требовали к себе внимания. Придавало сил и то, что ей удалось связаться с верными людьми на свободе, которые обещали организовать побег.

Этому монотонному, хотя и относительно спокойному, существованию в Тампле пришел конец вечером 3 июля 1793 г. Уже уснул Луи Шарль. За чтением интересной книги притихла Мария Тереза. Ее мать и тетка чинили поистрепанную одежду. Вдруг на лестнице раздались шаги, загремели дверные засовы и к узникам вошли солдаты. Несмотря на протесты Марии Антуанетты, они подняли Луи Шарля с постели и увели с собой.

Накануне Комитет общественного спасения, превратившийся летом 1793 г. в орудие диктатуры якобинцев, принял решение передать «малолетнего Луи, сына Капета» под опеку специально назначенного «воспитателя». Мотивировалось оно необходимостью предотвратить побег узников, якобы представлявших опасность для республики. На самом же деле ребенка разлучали с матерью, чтобы «перевоспитать» юного короля в духе республиканских идей и тем самым лишить монархическую контрреволюцию ее знамени. Революционеры смотрели на людей как на материал, с которым можно делать, что вздумается.

«Воспитателем» Луи Шарля стал Антуан Симон, 57 лет, сапожник по профессии. Не слишком образованный и грубоватый, но безгранично преданный революции, он приглашен был вожакам санкюлотского движения. Что побудило Симона стать тюремщиком восьмилетнего ребенка, хотя и королевской крови? Скорее всего — безденежье. Но соблазняла и возможность покуражиться над юным Бурбоном, пообломать его, сделать «таким, как все». Ему помогала его жена Мария Жанна, прислуживавшая раньше в трактире.

Вскоре Симон мог похвастаться плодами своего «воспитания»: Луи Шарль весело рас-

певал с ним «патриотические» песни, носил фригийский колпак с трехцветной кокардой и вообще вел себя как заправский санкюлот — сквернословил, богохульствовал, проклинал аристократов и, используя отборные выражения из лексикона своих «воспитателей», говорил о близких. Его «успехами» остался доволен вожак санкюлотов Эбер, посетивший башню Тамплъ и подаривший ребенку игрушечную гильотину.

МЕРЗКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Но все это были мелочи по сравнению с ролью, уготованной Луи Шарлю во время процесса по делу «вдовы Капет» — мерзкого спектакля, разыгранного революционной юстицией. 1 августа 1793 г. Национальный конвент, послушный якобинцам, принял решение предать Марию Антуанетту суду революционного трибунала. Королеве был предъявлен ворох обвинений. Даже части из них было достаточно, чтобы отправить ее на казнь. Но вдохновителям процесса, прежде всего Эберу и Шометту, этого было мало. Им хотелось не только расправиться с королевой, но и очернить, чтобы ее страдания не вызвали сочувствия в народе.

Луи Шарль, ставший послушным исполнителем их

воли, годился для этой цели. В присутствии чиновников мальчик подписал показания, «изобличавшие» Марию Антуанетту в кровосмесительной связи с собственным сыном. Упомянута была и Елизавета, якобы также допуская непристойности в отношении Луи Шарля. Протокол допроса Луи Шарля сохранился. Оформленный небрежно, с приписками на полях, он не внушает доверия, особенно стоящая под ним подпись: «Луи Шарль Капет». Это даже не подпись, а неумелые каракули, что заставляет усомниться, в здравом ли рассудке пребывал мальчик. Впрочем, во время очной ставки с сестрой и теткой Луи Шарль подтвердил свои показания. Елизавета не смогла сдержать гнева. «Маленькое чудовище!» — крикнула она ему.

Биографы до сих пор ищут объяснение случившемуся. Одни упрекают мальчика в патологической лживости. Другие видят в этом подражание родителям, во имя самосохранения часто уступавшим давлению обстоятельств. Третьи усматривают причину в разрушающем воздействии на сознание ребенка алкоголя, которым его опаивали тюремщики. Вероятность этого нельзя исключить. Однако всей правды об обстоятельствах трагедии мальчика мы, по-видимому, так никогда и не узнаем.

«...ПРОТИВНО ПРИРОДЕ»

14 октября 1793 г. начался суд по делу Марии Антуанетты. Он продолжался два дня. Воцарившуюся было атмосферу скуки развеяло лишь выступление Эбера, который обвинил королеву в разврате с собственным сыном. Но Мария Антуанетта сочла ниже своего достоинства отвечать на подобную клевету. Лишь когда ее вынудили к ответу, она заявила: «Я не стала опровергать это обвинение только потому, что предъявлять его матери противно природе. В свидетельницы тому я призываю всех матерей, которые здесь присутствуют!» На ее призыв публики откликнулась аплодисментами. Впрочем, ни настроение публики, ни доводы защиты не оказали влияния на решение трибунала — судьба королевы была предрешена.

В ночь перед казнью, 16 октября, Мария Антуанетта пишет прощальное письмо золовке, которое рассчитывала передать через надежного человека (впоследствии оно будет найдено среди бумаг М. Робеспьера). В нем чувствуются сила духа и сознание собственной правоты. Королева умоляет Елизавету простить ее сына: «Вспомни, какой он еще маленький и как легко заставить ребенка говорить вопреки желанию, вложить в его уста слова, смысла которых он не

понимает». Детям она посылает свое благословение: «Пусть оба помнят о том, что я без усталости им внушала: принципиальность и добросовестность в исполнении долга являются первейшими основами жизни; пусть дружба и доверие принесут им счастье». Луи Шарлю она в особенности наказывает: «Да не забудет мой сын последние слова своего отца: «Пусть никогда он не пытается мстить за нашу смерть»».

Одно место этого письма может показаться загадочным человеку, не посвященному в тайную любовь Марии Антуанетты. «У меня были друзья, — пишет она. — Мысль о том, что я никогда их не увижу, больше всего огорчает меня на пороге могилы. Передай им, что до последнего дыхания я буду думать о них. — Конечно, это сказано о Ферзене. — Прощайте, моя дорогая и нежная сестра, — заканчивает королева письмо к Елизавете. — Я обнимаю вас от всего сердца, равно как и моих бедных и дорогих детей. Боже мой! До чего мучительно трудно покидать их навсегда! Прощайте! Прощайте!»

В 11 часов утра Марию Антуанетту в открытой повозке смертников увезли на казнь. Взойдя на эшафот, она лишь бросила палачу: «Не мешкайте!»

ЛЮДОВИК XVII

О смерти Марии Антуанетты узникам Тампля ничего не сказали. И причиной тому был коварный расчет тюремщиков, подбравшихся к новой жертве. И на этот раз, прикрываясь именем Луи Шарля, они сфабриковали новый донос — на Елизавету и Марию Терезу.

Стражники Луи Шарля, опьяненные атмосферой политической нетерпимости, считали едва ли не «патриотическим» долгом издеваться над юным Бурбоном, изводя насмешками, а то и поколачивая. Все это повлияло на здоровье мальчика — у него появились признаки духовного и физического истощения. К тому времени Комитет спасения уволил Симона, с которым ребенок свыкся, от должности «воспитателя». С его уходом Луи Шарль фактически оказался в одиночном заключении. Его изолировали в темном, холодном и грязном помещении.

А за стенами его тюрьмы кипели политические страсти: один за другим кончили жизнь на гильотине его могущественные недруги Эбер и Шометт. О Луи Шарле как будто забыли, окружив завесой ненависти и молчания. Даже Елизавета и Мария Тереза, находившиеся от него в двух шагах, не имели о нем никаких сведений.

9 мая 1794 г. на скорый суд увезли Елизавету. На следующий день она была гильотинирована. 11 мая Марию Терезу, единственную узницу четвертого этажа башни Тампль, посетил важный гость — Максимилиан Робеспьер. При встрече с ним Мария Тереза не проронила ни слова, лишь сунула ему в руку записку: «Мой брат болен. Я просила Конвент разрешить мне за ним ухаживать. Конвент мне так и не ответил. Я настаиваю на своей просьбе». Безрезультатно.

Лишь после 9 термидора в положении Луи Шарля кое-что изменилось к лучшему. На следующий день после государственного переворота, свергнувшего якобинскую диктатуру, с инспекцией в башню Тампль явился некий гражданин Лоран. Его провели к секретному узнику. Увидев грязную постель, на которой в засаленных лохмотьях бесчувственно лежал мальчик, Лоран пришел в ужас и распорядился, чтобы его перенесли в другое помещение, умыли, переодели, положили в чистую постель, вызвали доктора. Когда Луи Шарль немного окреп и встал на ноги, Лоран впервые за много месяцев вывел его под руку на свежий воздух.

Несмотря на пошатнувшееся здоровье, организм мальчика цеплялся за жизнь. Постепенно пробуждался и его

интеллект. Стоило попасть в его руки книге, как он начал без запинки читать ее вслух. Если бы удалось покинуть застенки, очутиться в любящем семейном кругу — все пережитое ушло бы как кошмарный сон. Но, увы, и для новой, термидорианской власти он оставался опасным, а потому был обречен. И силы вновь стали покидать мальчика. К маю он уже с трудом передвигался, а 8 июня 1795 г. около полудня измученное сердце Луи Шарля остановилось...

Его мучения и смерть не придали могущества и славы республике, которая спустя несколько лет стала легкой добычей Наполеона. Не обезглавлена оказалась и монархия. В 1795 г. граф Прованский был провозглашен королем Людовиком XVIII. Спустя девятнадцать лет он вернулся в Париж и занял трон своих предков.

* * *

Но история Луи Шарля с его смертью не закончилась. Некоторые обстоятельства последних лет его жизни породили вопросы. Так, возникло подозрение, что процесс против Марии Антуанетты был сфальсифицирован, а суду вместо сына Людовика XVI был предъявлен двойник.

Недоверие вызвало также официальное сообщение о смерти узника Тампля 8 июня 1795 г. Получила хождение

версия, согласно которой Шарль умер в заточении еще в январе 1794 г., когда и завершилась «миссия» супругов Симон. Но из политических соображений эту смерть было решено скрыть. Место Луи Шарля в тюрьме занял другой подросток (чем и объясняется опущенная вокруг него завеса секретности), который действительно умер в указанный день. На эту версию работает и то обстоятельство, что вскрытие предполагаемого захоронения Луи Шарля в 1846 и 1894 г. не позволило идентифицировать останки.

В то же время во множестве распространились слухи, что сын Людовика XVI тайно бежал из тюрьмы и скрывается под чужим именем. Эти слухи непосредственно задевали Людовика XVIII, бросая на него подозрение в узурпации трона. Кривотолки вызвали и некоторые его поступки. В частности, он сделал много, чтобы увековечить память Людовика XVI и Марии Антуанетты: их останки были перезахоронены в официальной королевской усыпальнице — базилике Сен-Дени, а на том месте, где они впервые были преданы земле, была сооружена поминальная часовня. Но мученичество Людовика XVII не было отмечено ни одним монументом. Людовик XVIII даже отказался принять в дар сердце, извлеченное при вскрытии из тела Луи Шарля

и сохраненное приверженцами Бурбонов.

В начале XIX в. все эти слухи и предположения отозвались небывалой волной самозванства. Биографам удалось насчитать свыше четырех десятков претендентов на имя Людовика XVII. Подавляющее большинство из них были мелкими авантюристами, вывести которых на чистую воду не составило труда. Но некоторые проявили завидное упорство и находчивость в обосновании своих прав. Среди них наибольшую известность получил так называемый граф Наундорф, умерший в 1845 г., потомки которого до сих пор подвергают сомнению официальную версию смерти Людовика XVII.

ПОСЛЕДНЯЯ СВИДЕТЕЛЬНИЦА

Главным свидетелем последних лет жизни Луи Шарля была его сестра Мария Тереза. Ей, единственной из узников Тампля, удалось вырваться на свободу. После долгих дипломатических торгов правительством Директории в 1795 г. выдало ее Австрии. Несколько лет Мария Тереза провела при дворе своего деда, австрийского императора Франца II. А в 1799 г. она впервые после 8 лет разлуки встретилась со своим дядей — Людовиком XVIII. Ее мужем стал герцог Ангулемс-

кий, один из наиболее вероятных наследников французской короны. Мария Тереза ни разу не усомнилась в официальной версии смерти Людовика XVII. Если же она и хранила какую-то тайну, то унесла ее с собой в могилу.

Дочь казненного короля прожила долгую, но не особенно радостную жизнь. Трагедия, пережитая в юности, оставила неизгладимый след в ее сознании. Не пришлось ей и царствовать. После смерти Людовика XVIII в 1824 г. корону унаследовал его брат

граф д'Артуа, взявший имя Карла X, который так и не успел передать ее своему сыну, герцогу Ангулемскому. Революция 1830 г. прогнала Бурбонов прочь.

Мария Тереза умерла в изгнании в 1851 г. Так закончилась целая эпоха в истории французской монархии...

...А башня Тампль еще в 1808—1811 гг. была разобрана по камушку, которые тут же продавались всем желающим как дешевый строительный материал.

КАРАГЕОРГИЙ

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой...

А. С. Пушкин

Широкоплечий, крепкого сложения мужчина в национальной одежде, с кинжалом и двумя пистолетами за поясом, крупные черты красивого лица, волевой подбородок и печальный взгляд — таким предстает на полотне русского художника В. Л. Боровиковского Карагеоргий — верховный вождь сербов в лихое десятилетие всенародной борьбы за освобождение от османского ига. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. положило начало новой эпохе в истории Сербии — возрождению независимого государства.

ВОИН

Георгий (Джордже) Петрович по прозвищу Черный, вошедший в сербскую историю

под именем Карагеоргий, родился в 1768 г. в гористой лесной местности — Шумадии. Его родное село располагалось вблизи большого Константинопольского тракта, связывавшего Малую Азию с Центральной Европой. Торговые караваны были приманкой для гайдуков, скрывавшихся в труднопроходимых лесах и темных ущельях. То были полуразбойники, не гнушавшиеся поживиться за счет окрестных крестьян, и полумстители, вымещавшие на богатых гурках народные обиды. В те времена турок убивал серба, потому что тот был райя — из подвластного христианского стада, серб — турка, потому что нестерпимо было постоянное насилие османов. Но случалось, и между собой сербы решали конфликты с помощью оружия.

Георгий не знал школы. Он был воспитан в народных традициях, пронизанных неукротимой ненавистью к угнетателям-туркам. А природа щедро одарила его физической силой, крепостью духа, решительностью и бесстрашием.

Бедность вынудила Георгия пойти в пастухи по найму. С юношеских лет он хорошо владел оружием, обращая его порой против обидчиков и насильников. Судьба привела выносливого, огненного духом юношу в гайдуцкий отряд легендарного Станое Главаша. Но женитьба на красавице Елене вскоре вернула молодого гайдука к крестьянской жизни.

Угнетение и произвол османов заставили молодую семью, как и многих других сербов, покинуть родной край и бежать в австрийские пределы. Здесь тоже жили сербы, и жили по-другому: пользовались церковно-школьной автономией, не опасались за собственность, поддерживали степенные отношения с людьми другой веры. Однако тяготы феодальных отношений испытывали и на новом месте.

Пробыв недолго лесником в православном монастыре, Карагеоргий вступил в один из добровольческих отрядов (фрайкоров), которые австрийские власти формировали из сербов накануне войны с Турцией. Но удалую натуру

стесняла крутая дисциплина. Карагеоргия влекли риск и необузданная свобода. Он вернулся в Сербию и вновь стал гайдуком. Когда же в 1788 г. началась австро-турецкая война и Сербию охватило народное движение в поддержку австрийской армии, Карагеоргий стал одним из активных его участников. Отличившись в боевых действиях, он получил чин унтер-офицера и золотую медаль.

Эта война стала для Карагеоргия школой военного искусства. В то время австрийская армия владела новейшими военными знаниями в Европе. Карагеоргий обрел опыт строительства укреплений, осады и штурма городов, познал цену дисциплине и порядку. Изучил также особенности боевых действий турецкого войска, его вооружение, полководческие способности турецких военачальников.

Война с Турцией 1788—1791 гг. была неудачной для Габсбургов. Австрийские войска покинули Сербию. Добровольческий корпус был распущен, и масса сербов, опасаясь мести турок, переселилась в австрийские владения. Но согласно Систовскому миру 1791 г. Порта (правительство Османской империи) объявила амнистию волевавшим против нее сербам. Султан Селим III, предприняв ряд реформ с целью предотвращения распада государства,

предоставил Белградскому пашалыку довольно широкую внутреннюю автономию. Сербь почувствовали некоторое облегчение и занялись восстановлением разрушенного войной хозяйства: обустроивались села, возрождались церкви, налаживались расстроеныя торговые связи.

Карагеоргий с семьей выбрал для житья село Топола недалеко от Белграда. Здесь он построил дом, мельницу, возвел загон для скота, занялся хозяйством. Двенадцать пастухов пасли стада его свиней. Карагеоргий развернул большую торговлю, установив деловые связи с видными сербскими купцами в Земуне. Разделенные границей Белград и Земун были ключевыми торговыми центрами при впадении Савы в Дунай. Карагеоргий активно участвовал также в охране пашалыка от мятежных янычар и в совместных сербо-турецких действиях против сепаратистских сил.

Но недолгим был мир на сербской земле. В 1801 г. власть в Сербии захватили четыре янычарских предводителя — дахии, установившие кровавый режим насилия и произвола. Были ликвидированы автономные привилегии сербов. Янычары жгли и оскверняли православные церкви и монастыри, истязали и грабили райю. Началась тайная подготовка к восстанию против янычар. Карагеоргий был глав-

ным среди организаторов движения в Шумади. С лета 1803 г. он редко бывал в Тополе, налаживая повстанческую сеть. Напряженность ситуации нарастала.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Бытие сербов всегда было тесно связано с народной песней, сопровождавшей жизнь крестьянина и монаха, гайдюка и торговца с колыбели до смерти. Эпическая устная поэзия, наиболее характерная часть сербского фольклора, с ее героическими идеалами борьбы за веру и справедливость, неприятием османского господства и живой памятью о былом величии Сербского государства формировала нравственные установки народа. Патриархальные нравы сербского села удивительным образом уживались с воинственной героикой духа.

Сербская православная церковь внесла свой вклад в воспитание гордого и независимого духа народа, сохраняя национальные реликвии и косовские традиции — эти традиции восходят к трагическому дню 1389 г., когда на Косовом поле объединенные сербские войска дали сражение многотысячной турецкой армаде, но потерпели поражение. С этого времени начался отсчет многовекового турецкого ига.

В конце XVIII в. важнейшими центрами сербской культуры были Сремски-Карловци и Нови-Сад, находившиеся в составе Австрийской монархии. Расположенные в непосредственной близости от Белградского пашалыка, они оказывали большое влияние на общественную атмосферу в Сербии. Волны духовного движения за Савой докатывались и до Сербии.

В то время умами и душами мыслящих сербов владел Досифей Обрадович. В юности будучи монахом, он много путешествовал, познавая мир и культуру, как русскую, так и западноевропейскую, и достиг высокого уровня образованности. Писатель, мыслитель, педагог, Обрадович стал одним из самых ярких и значительных представителей Просвещения на Балканах. Его творчество было обращено к «земледельцам и пастухам». Досифей Обрадович был чужд насильственным действиям. Но его сочинения были проникнуты верой в высокое предназначение человека на земле и его способность изменить жизнь.

Вместе с тем Досифей Обрадович занимал непримиримую позицию в отношении османского «варварства». Приветствуя победы русского и австрийского оружия над турками, он, однако, в дальнейшем критически осмыслил корыстные интересы Австрии

на Балканах, ее предательство по отношению к сербскому народу и надежды на освобождение Сербии связывал только с Россией. Опыт освободительного движения, с одной стороны, и традиционная поддержка Петербургом христиан на Балканах — с другой, внушали сербам веру в помощь России и благоприятные ожидания.

В 1803 г. в Петербург прибыл архимандрит Арсение из монастыря Пивы в Герцеговине, поддерживавший контакты с карловацким митрополитом Стефаном Стратимировичем. Он изложил русским официальным лицам план создания Славяно-сербского царства во главе с русским великим князем. Герцеговинский архимандрит был принят Александром I. И хотя его предложение не получило поддержки, в знак расположения российского правительства к сербам Арсение был пожалован драгоценный крест.

На рубеже XVIII и XIX вв. сербы в Османской империи уже были готовы к широкому выступлению против режима и борьбе за свою извечную мечту — воссоздание Сербского царства.

ВЕРХОВНЫЙ ВОЖДЬ

В Белградском пашалыке подготовка к восстанию шла полным ходом. Карагеоргий

Карагеоргий. Художник В. Л. Боровиковский

вел переговоры с земунскими торговцами о поставках пороха и оружия. Начало восстания было намечено на март 1804 г. Но планы сербов стали известны дахиям, и они учинили жестокую резню. Были убиты наиболее известные и уважаемые сербские старейшины, священники, торговцы — всего более 70 человек. По традиции их головы были отправлены в Белград. Это трагическое событие вошло в сербскую историю под названием «сеча кнезов».

Карагеоргий, известный как человек состоятельный, решительный, с военным опытом, был в списке тех,

кто подлежал уничтожению. Дахии организовали несколько нападений на него. Однажды они попытались захватить его в родном селе Тополе. Карагеоргий, отбившись, сумел скрыться в лесу, где встретился со Станое Главашем.

Кровавая расправа не устрашила сербов. Наоборот — раия поднялась с оружием в руках. Карагеоргий с отрядом переходил из села в село, призывая народ к восстанию. Запылали турецкие ханы — постоянные дворы, где располагались небольшие янычарские команды. Крестьяне повсюду стекались в четы (отряды). В селе Орашаце собралась скупщина авторитетных сербов Шумадии. Она избрала Карагеоргия «верховным вождем» восстания. Участники скупщины поклялись на верность вождю, целуя крест и Евангелие как главные символы своей веры. Шумадия стала ядром восстания.

К концу марта в повстанческих отрядах участвовало уже 25 тысяч человек. Они осадили крепости Шабац, Смедерево, Пожаревац и Белград. Неоспоримый авторитет Карагеоргия распространился на весь Белградский пашалык. В мае в селе Остружнице близ Белграда состоялась первая скупщина старейшин и представителей духовенства пашалыка. Карагеоргий был признан верховным военным руководителем повстанцев.

На первых порах Порты со стороны наблюдала за действиями сербов против своих вольных янычарских гарнизонов. Однако конфликт в Белградском пашалыке угрожающе разрастался. Хотя повстанцы постоянно подчеркивали, что они не выступают против «добрых турок», но воюют с мятежными янычарами, очень скоро ими овладела мысль об освобождении от власти Порты. В начале восстания сербское руководство металось в поисках союзника и допускало вхождение Сербии на условиях автономии в государство Габсбургов. Не встретив понимания со стороны Австрии, повстанцы направили осенью 1804 г. депутацию в Петербург. Она поставила перед русским правительством вопрос об основании сербского государства под верховной властью Порты и при покровительстве России. В этих планах проявились как неумная жажда свободы, так и непонимание международных противоречий на Балканах. Русские официальные лица сочли радикальный поворот событий преждевременным, но обещали повстанцам всемерную поддержку. Весной 1805 г. Карагеоргий и протоиерей Матия Ненадович от лица сербского народа направили прошение Порте о предоставлении Сербии автономии.

Летом 1805 г. турецкое пра-

вительство, напуганное размахом восстания и ободренное позицией Австрии и Франции в сербском вопросе, решило силой оружия подавить восстание. На Белград двинулась пятнадцатитысячная турецкая армия. Однако повстанцы успешно отразили это наступление, одержав убедительную победу в сражении при селе Иванковаце.

Действиями сербских войск руководил пожаревацкий воевода Миленко Стойкович. Таким образом, Сербия вошла в открытый конфликт с Портой. Карагеоргий развернул строительство укреплений для защиты освобожденной территории.

1806 год был отмечен кровопролитными сражениями повстанцев с турецкими войсками и убедительными военными победами. И именно тогда австрийское правительство закрыло наглухо границу. Повстанцы получали оружие, боеприпасы и продовольствие контрабандным путем, оплачивая втридорога товары и услуги. Турецкие воинские силы еще не раз предпринимали наступление на Серию. Но были остановлены.

Именно в это время в полную силу проявился полководческий талант Карагеоргия. Он формировал национальную армию, занимался ее снабжением, руководил строительством укреплений, разрабатывал планы военных операций,

храня их в тайне даже от ближайших соратников. Сам он отправлялся с отрядом в наиболее опасные места сражений.

Карагеоргий не один раз являл чудеса личной храбрости. С малочисленным отрядом напал он на многотысячные турецкие войска и разбивал их. Его стремительность и воинское умение неоднократно решали исход сражений.

Одной из самых крупных стала победа сербского вождя над султанским войском при Мишаре близ Шабаца 1 (13) августа 1806 г. День сражения начался в сербском лагере с заутренней молитвы. Отряды получили четкие задания, в войсках были полный порядок и дисциплина. Карагеоргий лично обошел части. Он был в крестьянской одежде, два пистолета за поясом и сабля на боку. Сопровождавший боец нес его ружье. Карагеоргий приказал открывать огонь только по его команде. Он был спокоен, уверен и предельно собран.

И началось... Турецкая артиллерия обстреливала сербские укрепления. Молодые турки на разгоряченных арабских скакунах лихо гарцевали на поле, упражняясь в бросании копья и воодушевляя войска. Во главе наступавших — богатые боснийские беги в разукрашенных одеждах на резвых конях и паши из разных краев Боснии и Герцеговины. За ними, как черная туча,

двигалась двадцатитысячная турецкая армия — пехота, артиллерия, конница.

Когда турки подошли почти вплотную к сербским укреплениям, грянул заветный выстрел Карагеоргия. Битва была жестокой. Ее исход решила сербская конница. Карагеоргий во главе пешего отряда преследовал бежавших турок до темноты. Сражение закончилось их полным разгромом. Карагеоргий принял меры, чтобы перекрыть дорогу на Боснию отступавшим османским частям.

После славной победы на западных рубежах у Шабаца сербы одержали верх и на юге у Делиграда. В сентябре 1806 г. между повстанцами и командованием турецких войск было заключено перемирие.

Тем временем Карагеоргий готовился к штурму Белграда. Он сосредоточил в округе 12 тысяч бойцов, но этого было мало, очень мало... Однако дерзость военной мысли и энергичные действия Карагеоргия принесли и на этот раз победу сербам. Хорошо укрепленный город был взят, в начале января сдалась и крепость. Вскоре весь Белградский пашалык был в руках восставшего народа.

Несмотря на военные успехи, попытки сербов достигнуть соглашения с Турцией не удавались. В июле 1806 г., когда над Сербией нависла зловещающая опасность, Карагеоргий послал в Константинополь

торговца и искусного дипломата Петра Ичко, чтобы в последний раз попытаться договориться с Портой. Миссия Ичко не сразу принесла результаты. Но под влиянием кризиса русско-турецких отношений, внутренних распрей и катастрофы у Мишара султанское правительство согласилось удовлетворить требования сербов. Они предусматривали статус Сербии как вассального государства, поддерживающего связь с Портой через турецкого финансового чиновника — мухасила в Белграде. Это соглашение получило в истории название «Ичков мир». Но оно не вступило в силу, так как началась русско-турецкая война, кардинально повлиявшая на судьбу восстания.

Одерживая убедительные победы на западе и на юге страны, на освобожденной территории сербы стремились заложить основы национальной государственности — систему местного самоуправления. Для решения важнейших вопросов Карагеоргий созывал скупщины, на которые собирались представители духовенства, предводители восстания, местные старейшины, купцы. В подчинении Карагеоргия находился и другой центральный орган власти — Правительствующий совет.

С изменением военной и политической ситуации и усилением влияния вождя посте-

пенно возросли и авторитарные притязания Карагеоргия. Это вызывало недовольство и противодействие ему со стороны воевод — организаторов восстания и местных старейшин, стремившихся стать полновластными, а скорее бесконтрольными, правителями подчиненных им областей. В руководстве восстанием шла непрерывная борьба группировок и отдельных лиц за влияние, доходные статьи и т. п.

На местах дела вершили старейшины. Еще первая скупщина в Остружнице постановила ввести институт судей. Но Карагеоргий походя вершил недолгий суд над местными старейшинами, уличенными в содействии турецким войскам, в снабжении их продовольствием и снаряжением. Согласно одной из легенд, Карагеоргий приказал повесить даже родного брата, замеченного в разбоях и грабежах.

Сельская жизнь пришла в движение. Крестьяне освободились от повинностей в пользу турецких феодалов и государства. Но теперь они должны были обеспечивать военные нужды восстания, содержать пятидесятитысячную армию и бесплатно трудиться на землях новоявленных владельцев — предводителей восстания. Повстанческая Сербия столкнулась с новым родом противоречий.

Сербы нуждались в поддер-

жке великих держав. Еще весной 1804 г. они обратились за помощью к соседней Австрии, выражая готовность присоединить Белградский пашалык как автономную единицу к монархии. Но австрийское правительство отказало в военной и материальной помощи повстанцам, провозгласив политику «невмешательства» и согласившись лишь на посредничество в примирении сербов и Порты.

В руководстве восстанием были разные мнения по вопросу внешнеполитической ориентации Сербии. Воеводы и купцы, связанные торговыми интересами с Австрией, настаивали на проавстрийском курсе. Карагеоргий, испытывая колебания в зависимости от военной ситуации и не всегда понимая позицию Петербурга, придерживался в основном ориентации на военно-политический союз Сербии с Россией. К этому подвигла и неизменная готовность русского правительства содействовать сербам. Определенное влияние оказывал на Карагеоргия и Досифей Обрадович.

Сербский писатель приветствовал восстание «Песней об инсурекции сербов». В 1806 г. он вошел в тайный контакт с руководством восстания, а затем переехал из Триеста, где жил последние годы, в Сербию. Старый и больной человек, проведший жизнь в европейских центрах культу-

ры — Вене, Лейпциге, Париже, Лондоне, он на склоне лет перебрался со своей библиотекой в неграмотную, охваченную войной страну. Стремясь быть в годы испытаний вместе со своим народом, он мечтал просвещать и воспитывать его. Но судьбой было определено ему стать ближайшим советником Карагеоргия.

Сербский вождь доверлял Досифею и в государственных, и в личных делах. Он возложил на писателя воспитание своего сына Алексы, который и жил у Досифея Обрадовича.

С помощью старшего и опытного наставника неискушенный в дипломатических делах Карагеоргий вел официальную переписку. Досифей, остававшийся приверженцем духа Просвещения, благотворно влиял на своенравную, крутую, не знающую пределов власти натуру сербского вождя. Это он удержал Карагеоргия от разгрома дома русского дипломатического представителя К. К. Родофиникина, покинувшего Белград вместе с панически бежавшими в Австрию сербами после прорыва турецких войск. Но это случится в 1809 г. А пока...

Сербия налаживала отношения с Россией. В первые годы XIX в. политика русского правительства, традиционно оказывавшего покровительство православному населению на Балканах, требовала

большой осмотрительности. Военные успехи Наполеона создавали угрозу его вторжения на Балканы, что могло привести к утрате влияния России в этом регионе. Россия и Турция были союзниками по антинаполеоновской коалиции. Поэтому, соглашаясь оказывать финансовую и дипломатическую помощь сербскому восстанию, русское правительство действовало в рамках союзнических отношений с Османской империей. Однако русско-турецкое сотрудничество оказалось недолгим. После поражения русских и австрийских войск под Аустерлицем Порта изменила внешнеполитический курс и под нажимом Франции решилась на войну с Россией.

В декабре 1806 г. началась русско-турецкая война. Отныне судьба сербского восстания была связана с ее исходом. Отвергнув Ичков мир, повстанцы полностью разорвали с Турцией и приняли решение вести борьбу вместе с Россией до полного освобождения Сербии от власти Порты. Русско-турецкая война открыла для сербов реальную перспективу независимости. Карагеоргий в июне 1807 г. провел переговоры с эмиссаром российского министерства иностранных дел маркизом Ф. О. Паулуччи об условиях участия сербов на стороне России в русско-турецкой войне. Карагеоргий ожидал от

нее скорой победы, не учитывая сложность международного положения России в разгар наполеоновских войн.

Сербо-русский военный союз вовлек Сербию в сферу европейских противоречий и в войну против Наполеона. Этим определялось первоначальное южное направление наступательных операций Карагеоргия. Однако неудачи сербских войск на востоке страны вынудили его поспешить со своими частями на выручку осажденным повстанцам. На помощь пришел и двухтысячный отряд русских войск под командованием генерал-майора И. И. Исаева. Совместными действиями русские и сербские силы наголову разбили турок и осадили крепость Неготин. Это был крупнейший успех в кампании 1807 г.

В августе 1807 г., после встречи Александра I и Наполеона в Тильзите, Россия и Турция заключили перемирие. Турки обязались не беспокоить и сербов. В Белград для упрочения русско-сербского сотрудничества прибыл первый русский дипломатический представитель К. К. Родофинкин, получивший широкие политические полномочия. Карагеоргий поддерживал с ним постоянный контакт. Россия значительно расширила помощь Сербии, снабжая деньгами, вооружением, военными специалистами.

Затишье на фронтах открыло простор для хозяйственной деятельности. Народ воспрял к новой жизни. Оживились города, активизировалась пограничная торговля. Деловые люди, ремесленники открывали мастерские. Мощный импульс для развития получили экономика, политика и культура.

Одновременно разрабатывались концепции государственного устройства, учреждались суды, закладывались основы внутрихозяйственной деятельности. Страна медленно обретала европейский политический облик.

Неграмотная Сербия создавала свою национальную школу. В 1808 г. в Белграде была открыта Великая школа, первое высшее учебное заведение. Священников готовила Клерикальная школа. Сербия наверстывала упущенные возможности в развитии национальной культуры.

ВЕРХОВНЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Внутренние неурядицы в Османской империи придали уверенности Карагеоргию. «Видя разваливающимся дом врагов своих», он проникся уверенностью в будущее и в конце 1808 г. провозгласил себя наследственным «верховным предводителем» сербского народа. Сербская депутация направилась в Россию с прось-

бой о предоставлении Сербии «непременной и совершенно безусловной независимости» при заключении мира с Турцией.

Однако в начале 1809 г. международная ситуация в очередной раз круто изменилась. Турция заключила союз с Англией против России. Началась подготовка к войне.

Карагеоргий в мае 1809 г., не дожидаясь генерального наступления русской армии, двинул сербские войска против турок. Он лично возглавил части, наступавшие на юге. Были достигнуты крупные военные успехи, открывавшие возможность соединения с Черногорией. Однако, пользуясь отсутствием русских войск (они были выведены из Сербии по условиям перемирия) и пассивностью русской армии на Дунае, турки предприняли мощное контрнаступление на Белград. Город был охвачен паникой. Лишь успешное наступление Молдавской армии под командованием князя П. И. Багратиона вынудило турок срочно отвести войска от Белграда.

Перед угрозой катастрофы сербское руководство искало поддержки и у других держав — Австрии, Франции. Никто не отозвался. Осталась одна Россия. Вскоре Карагеоргий получил от нее материальную и военную помощь. В Сербию был направлен крупный отряд русских войск. В

1810—1811 гг. русские и сербские части совместными усилиями одержали ряд важных побед над турками. Кровавое сражение развернулось в октябре 1810 г. на Дрине у села Лозницы, продолжавшееся восемь часов.

Александр I в знак признания заслуг Карагеоргия наградил его орденом Святой Анны первой степени и осыпанной алмазами саблей. Сербскому вождю был пожалован чин генерал-лейтенанта. В результате успешных боевых действий освобожденная повстанческая территория значительно расширилась.

Ослабление военной опасности позволило Карагеоргию провести государственные преобразования. Он ввел централизованное управление, сконцентрировав всю власть в своих руках. В начале 1811 г. скупщина повстанческих старейшин в Белграде утвердила его в качестве главы Сербии и главнокомандующего всей армией. Тем самым было сломлено сопротивление воеводоппозиционеров, но и народ не получил демократических прав. Внутренняя обстановка в Сербии была сложной и напряженной. Позднее о своем правлении Карагеоргий напишет: «Получив власть над прочими моими соотчичами, для сохранения единства в правлении и отвращения всякой опасности быть поработенну через интриги, столь свой-

ственные в народе словенском, я долженствовал быть грозным».

1812-й год начался для России трудно. Нависла угроза войны с Наполеоном. В этой крайне тревожной международной обстановке ей нужен был мир с Турцией. 16 (28) мая 1812 г. в Бухаресте был подписан мирный договор. Согласно VIII статье, Турция должна была предоставить Сербии автономию, о конкретном содержании которой сербам и туркам следовало заключить особую конвенцию.

Весть о подписании Бухарестского мира и отводе русских войск из Сербии стала для сербского руководства ударом. Карагеоргий не мог примириться со сдачей туркам крепостей и орудий. Однако видя, что Россия, воюющая с Наполеоном, лишена возможности помочь сербам, Карагеоргий все же согласился направить сербскую депутацию в Константинополь для переговоров с турками. 15 (27) августа в монастыре Врачевнице состоялась скупщина, на которой сербами была дана торжественная клятва соблюдать условия VIII статьи Бухарестского договора.

Но международная обстановка обострилась. Падение Москвы подвигнуло Порту к пересмотру статей Бухарестского мира. В свою очередь и сербы настаивали на включении в сербо-турецкую кон-

венцию дополнительных статей. В начале июля 1813 г., после победы Наполеона в сражении под Лейпцигом, двухсоттысячная турецкая армия двинулась на Сербию. Карагеоргий обратился с Прокламацией к своему народу: «Опасность общая видеть себя истреблену и народная гордость не преклонить голову на заклятие себя, когда имеем еще оружие в руках, заставили нас защищаться». Но силы были неравные: турецкая армия в течение года готовилась к восстановлению османской мощи на Балканах. Карагеоргий пытался добиться перемирия с турками, просил о вооруженной помощи Австрию. Но тщетно...

В ИЗГНАНИИ

В октябре 1813 г. Карагеоргий «с растерзанным сердцем» оставил Белград и перебрался в Австрийскую империю. Узнав об этом, массы простого народа со скарбом и скотом в панике ринулись через границу. Кто не смог бежать в Австрию, скрылся в горах. Турецкая конница вступила в покинутый жителями Белград. В упоении победой турецкие власти разрешили войскам в течение 12 дней грабить, убивать и брать в рабство жителей. Сербия была повержена.

Бежавшие в австрийские пределы Карагеоргий и другие

руководители восстания были интернированы. Они оказались без средств к существованию и в полной изоляции. Лишь в октябре 1814 г. Карагеоргий покинул империю, чтобы с разрешения русского правительства поселиться в Бессарабии. Ему была определена пенсия и выделен дом в городе Хотине.

Из Бессарабии Карагеоргий и другие старейшины написали письмо Александру I, который в то время находился в Париже. Сербские представители активно действовали в Вене, где проходил конгресс великих держав. Русские дипломаты настаивали на выполнении Портой VIII статьи Бухарестского мира.

В ожидании перемен и с надеждами на лучшее будущее Карагеоргий жил с семьей в Хотине. По словам известного русского литератора П. П. Свиньина, то был «погасший вулкан, готовый ежеминутно вспыхнуть». В «Письме к брату из Хотина», опубликованном в журнале «Сын отечества» в 1816 г., Свиньин писал: «Но тронь слабую струну его — заговори о его отечестве, о славе сербского народа, — и сей хладный человек воспылет огнем, который показывал он посреди битв кровавых, сей немощствующий человек сделается велеречивым, каковым был он в пылу сражений; его черные неподвижные глаза заблистают светом гения —

и ты узнаешь необыкновенного человека. Так! только с сею любовью к отечеству производятся великие люди! Только сей огонь имеет власть рожать восторг, воспламенять народ посреди бедствий и опасностей, вести его от побед к победам».

В мае 1816 г. Карагеоргий был приглашен в Петербург. Рассчитывая вовлечь Россию в военно-политические акции в поддержку сербов, он составил пространное «Представление»: «Я был десять лет вождем и теперь пролью до последней капли мою кровь, жертвуя сам лично собою, лишь бы возратить любезному моему отечеству потерянную вольность». То была клятва верности Карагеоргия своей родине.

При дворе тепло отнеслись к сербскому вождю. Александр I удостоил его аудиенции. По велению императора «придворный живописец», знаменитый русский художник Боровиковский, написал его портрет. Он передал истинное состояние души Карагеоргия — трагическую печаль. Н. И. Тургенев, видный общественный деятель, брат будущего декабриста, записал в своем дневнике впечатление от встречи с ним: «Лицо его весьма печально. Горько смотреть на таких людей, любящих свое отечество так, как он, и так, как он, ему служивших в нещастии или в изгнании».

В русских журналах того времени много писали об этом необыкновенном человеке. «Жизнь его, — говорилось в «Вестнике Европы», — принадлежит к числу тех редких феноменов, которыми ознаменован конец 18-го и начало 19-го столетия; он может уподобиться тем ужасным метеорам, которые являются иногда на лице земли для выполнения какого-нибудь предопределения Всевышнего Творца, которые, родясь из праха, составляют чреватые бурями тучи, причиняют ужасные ураганы, приводящие в трепет вселенную, и — погасают в воздухе».

Между тем, убедившись, что русское правительство не намерено воевать с Портой, Карагеоргий искал пути возвращения на родину. Он вошел в контакт с тайной греческой организацией «Филики Этерия» («Дружеское общество»), которая, действуя в основном на территории России, вынашивала планы освобождения балканских народов от турецкой власти. «Филики Этерия» имела связь с декабристским движением и была заинтересована в Карагеоргии как человеку, пользующемся авторитетом на Балканах и имеющем опыт военных действий. В мае 1817 г. недалеко от города Яссы на встрече с деятелями «Филики Этерия» Карагеоргий принес клятву верности делу освобождения христиан от османского ига.

Милош Обренович

КОВАРСТВО МИЛОША ОБРЕНОВИЧА

Тем временем в Сербии, в Белградском пашалыке, началось новое восстание против турок. Его возглавил бывший сподвижник Карагеоргия Милош Обренович. Одержав ряд убедительных побед над турецкими войсками, повстанцы обратились за помощью к великим державам. И вновь, как это было в годы первого сербского восстания, только Россия предприняла в пользу сербов действенные меры, что заставило Порту пойти на переговоры с повстанцами. В августе 1815 г. было заключено устное соглашение между белградским пашой Марашли-Али и Милошем Обреновичем об определенных правах насе-

ления Белградского пашалыка и признании самоуправления сербов. Однако статус Сербии был весьма неопределенным.

В течение 15 лет сербы при активной поддержке России добивались законодательного закрепления за Сербией прав, предусмотренных Бухарестским миром. Но только победа России над Турцией в войне 1828—1829 гг. вынудила султанское правительство в 1830 г. признать автономию Сербии как вассального княжества во главе с наследственным князем Милошем Обреновичем. Борьба сербов за освобождение от власти Турции благодаря мощной поддержке России увенчалась значительной победой. И сделано это было без Карагеоргия...

Милош Обренович остался в сербской истории как личность весьма противоречивая. Участник двух восстаний, он в то же время находил взаимопонимание с видными турками. В декабре 1815 г. народная скупщина признала его верховным князем и правителем Сербии. Милош был одержим мыслью о законодательном закреплении Портой княжеского достоинства за его потомством. И с тем, кто мог соперничать с ним, жестоко расправлялся. Поплатились жизнью наиболее авторитетные воеводы. Но оставался недоступным главный претендент на княжеский престол — легендарный Карагеоргий.

Однако вскоре Карагеоргий без ведома русских властей тайно перебрался в Сербию. Он полагал, что пришло время для нового восстания против Турции. Прибыв на родину, Карагеоргий предложил Милошу встретиться, чтобы обсудить совместные действия против турок. Однако Милош не хотел делиться ни властью, ни славой и направил к нему убийцу. Карагеоргий был застигнут врасплох, во время сна. Это случилось 13 (25) июля 1817 г. Милош послал голову Карагеоргия сначала в Бел-

град, а потом в Константинополь в знак верности султану и как доказательство того, что не стало главного бунтаря против Порты.

Героический образ Карагеоргия вдохновил А. С. Пушкина, и он написал стихотворение «Дочери Карагеоргия» (1820 г.), которое начиналось так:

*Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин...*

УБИЙЦА НАПОЛЕОНА

Я велел арестовать и судить герцога Энгиенского потому, что этого требовали безопасность, благополучие и честь французского народа; в то время граф д'Артуа, по собственному его признанию, содержал в Париже шестьдесят насмных убийц. В подобных обстоятельствах я и теперь поступил бы точно так же.

Из завещания Наполеона, написанного на острове Святой Елены

Смерть Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены 5 мая 1821 г. всколыхнула весь мир и породила множество недоуменных вопросов. Прошло всего шесть лет с тех пор, как низложенный император ступил на землю этого острова — место его ссылки, — но из пышущего здоровьем и энергией, крепкого и выносливого мужчины он вдруг превратился в болезненного, вечно жалующегося, с расстроенными нервами человека. Неужели несколько лет жизни на отдаленном острове настолько подорвали его здоровье? Он умер, не дожив и до 52 лет! Верилось в это с трудом. Поэтому у многих современников зародилась догадка: Наполеона убили! Коварно, расчетливо враги свели с ним счеты за те обиды, что нанес им император, когда еще был у власти.

Кто это мог сделать? Разумеется, Бурбоны! Ведь они не могли жить спокойно, пока существует на этом свете их непримиримый и вечный враг. Их ненависть к свергнутому императору разделяли и другие монархи Европы. Но совершенно исключительное место в этом списке подозреваемых занимала Великобритания — не только заклятый противник наполеоновского режима, но и добровольный тюремщик самого императора.

ПОКУШЕНИЕ НА УЛИЦЕ СЕН-НИКЕЗ

Подозрения эти тем более казались небеспочвенными, что на жизнь Наполеона не раз покушались. Причем следы заговоров неизменно вели в Лондон, куда к началу XIX в.

перебрались лидеры роялистской оппозиции, сторонники свергнутой династии Бурбонов. Там же обосновался и глава роялистов граф Прованский, принявший титул короля Людовика XVIII.

Смерть от рук заговорщиков едва не настигла Наполеона через год после государственного переворота 19—20 ноября 1799 г., обеспечившего ему всю полноту власти над страной. С этого времени в сердце Наполеона, по всей видимости, и поселились страх и подозрительность, не оставлявшие его до конца жизни.

24 декабря 1800 г. первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт направлялся в Оперу, где в тот день давали «Сотворение мира» Гайдна. По обыкновению, его карета мчалась по улицам Парижа на предельной скорости, распугивая прохожих и заставляя встречные экипажи уступать дорогу. Но едва она миновала улицу Сен-Никез, как позади нее раздался оглушительный взрыв. Не задерживаясь, карета первого консула понеслась дальше. Спустя несколько минут Бонапарт с невозмутимым видом вошел в свою ложу.

Только после спектакля, вернувшись во дворец, он дал волю эмоциям, упрекая министра полиции Жозефа Фуше в снисходительности к якобинцам.

Упреки более чем обосно-

ванные. Не далее как 10 октября 1800 г. в той же Опере во время спектакля были схвачены несколько человек, вооруженных кинжалами. На допросе в полиции они сознались, что замыслили убийство первого консула. А через месяц полиция арестовала еще одного террориста, некоего Шевалье, собиравшегося кинуть в Бонапарта бомбу. Да и сам Фуше, в прошлом якобинец и ярый сторонник революционного террора, давал повод для подозрений.

Однако он решительно заявил Бонапарту, что якобинцы здесь ни при чем и что покушения — дело рук роялистов, сторонников династии Бурбонов, а также англичан, щедро субсидирующих их. Схватить заговорщиков — лишь вопрос времени. Вопреки утверждениям Фуше был подготовлен список 130 лиц из числа известных якобинцев, подлежащих высылке в Гвиану, французскую колонию в Южной Америке. Эту меру наказания называли «сухой гильотиной», потому что из этой ссылки мало кто возвращался живым.

Напасть на след истинных заговорщиков Фуше позволила блестяще проведенная полицейская операция, достойная упоминания в истории сыского дела. Сначала префект полиции Дюбуа тщательно собрал все, что осталось от лошади, которая была

запряжена в повозку с «адской машиной», взорванной на улице Сен-Никез. Это позволило установить ее приметы, с которыми полиция и обошла всех торговцев лошадьми. Один из них назвал имя покупателя. Им оказался некий Франсуа Жозеф Карбон, по прозвищу «Малыш Франсуа», участник контрреволюционного крестьянского движения шуанов на западе Франции. Он был задержан и на допросе сознался, что управлял повозкой с «адской машиной».

От Карбона ниточка потянулась к другим участникам заговора. Некоторым из них удалось скрыться. Но после многодневной слежки агентами полиции был арестован Пьер Робино де Сен-Режан. Он много лет сражался в рядах шуанов и за отвагу был произведен королем Людовиком XVIII в чин подполковника. После разгрома восстания бежал в Великобританию. В 1799 г. он снова пытался поднять восстание во Франции, но потерпел неудачу. Тогда-то, по признанию Сен-Режана, он и получил от самого Кадудалю, вождя мятежных крестьян, задание подготовить покушение на Бонапарта.

Жорж Кадудаль родился в крестьянской семье в глухой бретонской деревушке, но природные дарования, образование и отвага постепенно сделали его одним из главных шуанских командиров. Лишь

проиграв в январе 1800 г. крупное сражение генералу Брюну, он согласился на переговоры с первым консулом и дважды встречался с ним в Париже — тот предложил ему на выбор чин дивизионного генерала или солидную ренту. Но Кадудаль отклонил соблазнительные посулы и отбыл в Лондон.

Из британской столицы Кадудаль и руководил заговором против первого консула. У него к тому же имелись личные мотивы желать Бонапарту смерти: во время «умиротворения» мятежного края был расстрелян его брат, погиб и лучший друг. Кроме того, за спиной Кадудалю стояли родственники казненного в январе 1793 г. короля Людовика XVI — герцог Бурбонский, который особенно благоволил к шуанскому вождю, и граф д'Артуа, пожаловавший ему чин генерал-лейтенанта.

20 апреля 1801 г. Карбон и Сен-Режан были гильотинированы. Однако страх перед роялистскими заговорщиками у Бонапарта не прошел. Тем более что новые полицейские разоблачения не способствовали его успокоению.

ЗАГОВОР КАДУДАЛЯ И КАЗНЬ ГЕРЦОГА ЭНГИЕНСКОГО

В январе 1804 г. был арестован некий Курзон, который

сознался, что был платным агентом лондонской эмиграции. Он был осужден и приговорен к смертной казни. Спасая себя, Курзон открыл властям тайну — Кадудаль находится в Париже и замышляет очередной заговор против первого консула. Поднятая на ноги полиция вскоре арестовала одного из помощников Кадудалья — Буве де Лозье. На допросе он не только подтвердил сведения Курзона, но и рассказал о некоторых деталях заговора. Согласно его показаниям, Кадудаль установил связи с генералами Пишегрю и Моро, и они спланировали похищение первого консула во время одной из загородных поездок. В случае успеха этого предприятия трое заговорщиков должны были установить триумvirат и удерживать за собой власть вплоть до реставрации монархии.

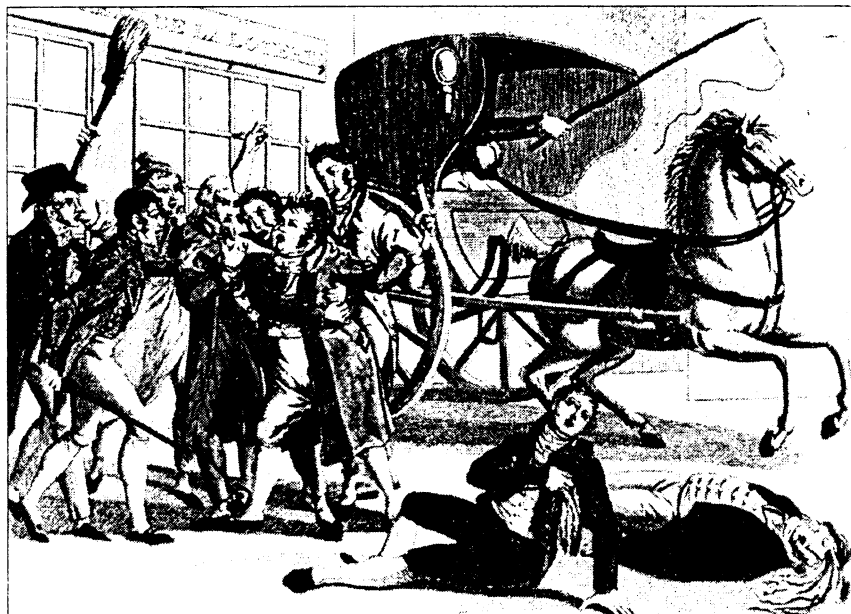
Разоблачения Буве де Лозье не показались полиции невероятными: генерал Пишегрю еще в 1797 г. был изобличен в связях с роялистами и тогда же был сослан в Гвиану, откуда бежал в Великобританию. В прошлом активный участник революции, председатель якобинского клуба в Безансоне, он в 1792 г. командовал батальоном Национальной гвардии и свой генеральский чин добыл в боях во время славной кампании 1793 г. Что заставило его пойти на сделку со вчерашними

Кадудаль

непримиримыми врагами, неизвестно.

Охотно поверила полиция и в предательство генерала Моро, в ту пору одного из самых авторитетных и популярных военачальников Франции, потенциального (если не реального) соперника Бонапарта. Дело было не только в том, что генерал Моро одно время служил под началом Дюмурье, перешедшего на сторону австрийцев, и Пишегрю, а потом поддерживал с последним контакты. Главное, что настораживало в поведении Моро, — легкий оттенок фрондерства, оппозиционности, который он позволял себе в отношениях с первым

Арест Кадудаля. Эстамп

консулом. До поры до времени это сходило ему с рук. Но известие об участии своенравного генерала в заговоре переполнило чашу терпения Бонапарта, и он предоставил полиции карт-бланш. Моро был арестован.

Заодно с именитыми генералами в полицейскую сеть попала и рыбешка помельче: слуга Кадудаля Пико, который под пыткой выдал многих участников заговора; маркиз де Ривьер, Жюль де Полиньяк, сын известной фаворитки Марии Антуанетты (в будущем, в 1829—1830 гг., — глава ультрароялистского пра-

вительства Франции); некие Жозеф Кирш, моряк Жуайо, Вильнев, Шарль д'Озье (бывший паж Людовика XVI) и другие. Некоторые из них были замешаны и в деле об «адской машине» с улицы Сен-Никез. Больших усилий потребовала поимка самого Кадудаля. Наконец удалось выследить его убежище. При попытке покинуть дом руководитель заговорщиков был задержан.

Допрос Кадудаля принес полиции очередную сенсацию. Рассказывая о планах заговорщиков, он упомянул о некоем французском «принце»,

который должен был к ним присоединиться в случае успеха задуманного ими государственного переворота. Бонапарт со всей серьезностью отнесся к этому сообщению. Он созвал на совет виднейших сановников: двух других консулов — Камбасереса и Лебрена, с которыми теоретически делил власть; верховного судью Ренье, по совместительству ведавшего в ту пору делами полиции; министра иностранных дел Талейрана, а также Фуше, который после внезапной ликвидации министерства полиции (из-за интриг в окружении первого консула) на какое-то время остался не у дел, но в услугах которого Бонапарт по-прежнему нуждался. Они-то и должны были решить, о ком именно говорил Кадудаль.

Здесь-то и прозвучало впервые имя Луи Антуана Анри де Бурбон-Конде, герцога Энгиенского, последнего представителя боковой линии Бурбонов. Оставив военную службу, он мирно жил в герцогстве Баденском, всего лишь в нескольких километрах от Французской границы. По рукам собравшихся на совещание у Бонапарта сановников был пущен рапорт чиновника жандармерии из Страсбурга, собравшего сведения о принце и его отношениях с роялистской эмиграцией. Говорилось в рапорте и о намечавшейся поездке принца

в Великобританию, которая внезапно и без объяснения причин была отменена. Этого советникам первого консула показалось достаточно, чтобы сделать вывод: герцог Энгиенский именно тот французский принц, который должен был присоединиться к заговорщикам.

То, что за этим последовало, заставило содрогнуться от ужаса всю монархическую Европу. 15 марта дом герцога Энгиенского в Эттинхайме был окружен вооруженными людьми. Они схватили принца и увезли в Страсбург. Оттуда он был отправлен под конвоем в Венсенн, замок близ Парижа, превращенный в тюрьму. Военный трибунал под председательством генерала Мюрата, губернатора Парижа, признал его виновным и приговорил к смертной казни в знак «возмездия за шпионаж, связи с врагами республики и происки против ее внутренней и внешней безопасности». Напрасно бедный герцог умолял своих судей о личной встрече с первым консулом, считая, что, по крайней мере, его имя и титул дают право на эту милость. Но судьи даже не сообщили об этом Бонапарту. В ночь на 21 марта герцог Энгиенский был расстрелян.

Ни судом, ни справедливым возмездием эту кровавую расправу назвать нельзя. Смертный приговор был вынесен

на скорую руку, без обеспечения прав подсудимого на защиту, без участия свидетелей, без права апелляции, на основании только лишь рапорта полицейского чиновника, к тому же изобиловавшего фактическими ошибками и неточностями. Значит, кому-то это было очень нужно — напрашивается вывод. Не покажется странным, что, как вспоминал впоследствии сам Бонапарт, первым имя герцога Энгийенского как предполагаемого заговорщика произнес бывший «террорист»-якобинец Талейран, а поддержал его не кто иной, как Фуше.

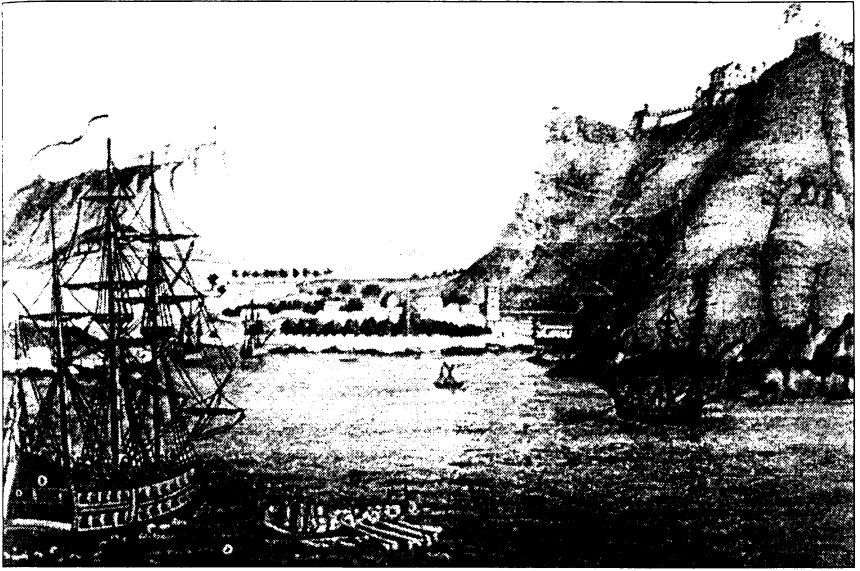
Суд над Кадудалем, Моро, Полиньяком, Ривьером и другими открылся в последних числах мая 1804 г. Пишегрю не дожидаясь суда: при загадочных обстоятельствах он погиб (был задушен в тюрьме). Судебное разбирательство обнаружило многочисленные огрехи обвинительного заключения. Особенно зыбкими оказались доказательства вины генерала Моро. Власти явно спешили с организацией показательного процесса и осуждением обвиняемых. Когда судебные заседатели семью голосами против пяти оправдали генерала Моро, представитель обвинения Тюрио прямо заявил им: «Вы хотите выпустить Моро на свободу. Но он ее не увидит. Дело в том, что это не юридическое, а политическое дело. И безопасность

государства иногда требует больших жертв». В конечном счете генерал Моро был приговорен к двум годам тюрьмы. Зато к другим обвиняемым суд отнесся без всякого снисхождения — всем грозила смертная казнь. Правда, осужденных дворян ждало помилование. Но Кадудаль и другие шуаны простого звания были казнены.

Жестокость расправы над заговорщиками, конечно же, объяснялась страхом Бонапарта перед роялистской оппозицией и ее могущественными покровителями в Лондоне, внушенным ему деятелями типа Фуше и Талейрана. До конца жизни он пребывал в уверенности, что его врагов настигла заслуженная кара. Даже расстрел герцога Энгийенского не вызвал у него сожалений. Перед смертью Бонапарт написал в завещании: «В подобных обстоятельствах я и теперь поступил бы точно так же».

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Впрочем, еще неизвестно, кто больше выиграл от всех этих показательных процессов — бывшие «террористы» или же сам Бонапарт. В 1802 г. он добился продления своих консульских полномочий до десяти лет, а потом провозгласил себя пожизненным консулом. С этого времени он стал

Прибытие «Нортумберленда» на остров Святой Елены 15 октября 1815 г.
Гравюра Дюбуа по рисунку Пурвуазье

усиленно готовить почву для превращения своего диктаторского правления в монархическое. Роялистские заговоры, покушения на его жизнь (конечно же, успешно сорванные вездесущей полицией) — все это было необходимо ему для подготовки общественного мнения Франции и Европы к явлению нового монарха. При этом монархия Бонапарта должна была как небо от земли отличаться от монархии Бурбонов — она призвана была стать гарантом тех общественных перемен, которые произошли во Франции с 1789 г. Как по команде, к Бонапарту потекли обращения граждан, призывавшие его

установить «наследственность высшей власти» и основать «новую династию» в целях защиты «их существования, собственности и родины» от посягательств сторонников старого строя. И как бы уступая давлению общественного мнения, 18 мая 1804 г. Наполеон провозгласил себя императором. Узнав об этом, Кадуцаль как бы во внезапном прозрении воскликнул перед казнь: «Мы сделали все, чтобы иметь короля, а получили императора!» 2 декабря 1804 г. состоялся торжественный обряд коронации императора Наполеона I.

Императора до последнего вздоха преследовали опасения

и страхи за свою жизнь. Явные или тайные измены людей, которых он возвысил и обогатил, лишь усиливали его подозрительность. Сначала от него стали отходить его старые «попутчики» и слишком корыстолюбивые друзья, вроде Фуше и Талейрана. Тяжелым ударом явилась измена генералов и маршалов в 1814 г., с легкостью перешедших на службу к Бурбонам. Не так уж много охотников нашлось, готовых разделить с ним тяготы изгнания.

Все вышесказанное может служить причиной, почему еще современники стали проявлять интерес к обстоятельствам смерти Наполеона Бонапарта.

Первыми, кто забил тревогу по поводу ухудшения здоровья Наполеона Бонапарта, были люди, находившиеся с ним в ссылке на острове Святой Елены. Наиболее известные из них оставили документальные свидетельства, рассказав о последнем периоде жизни их любимого императора. Все они были выбраны лично Бонапартом из числа лиц, оказавшихся в июле 1815 г. вместе с ним на борту корабля — три офицера и около дюжины слуг. Среди офицеров, пожелавших последовать за Бонапартом, самым верным и проверенным человеком был Анри Грасье Бертран, военный инженер, со временем получивший чин гофмар-

шала; он служил своему императору со времени Египетской кампании и сопровождал его в первую ссылку — на остров Эльба. Граф Шарль Тристан де Монтолон, напротив, был едва знаком Бонапарту; кроме того, имея чин генерала, он ни разу не воевал. Генерал Гаспар Гурго участвовал во всех крупных кампаниях Великой Армии, начиная с 1805 г., в том числе и в Московской, в которой (по крайней мере, по его рассказам) однажды спас жизнь императору. Должность придворного летописца при ссыльном императоре получил маркиз Эманюэль Огюст Дьедонне де Лас Каз; публикация в 1823 г. его записок принесла ему мировую известность. Наконец, молодой слуга Луи Маршан, также оставивший свои воспоминания, — может быть, самое доверенное лицо Бонапарта.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВЕРСИИ

Именно эти люди, имевшие возможность близко и ежедневно наблюдать Бонапарта, отметили ухудшение его здоровья. И верно, он стал жаловаться на сильные боли в правом боку и на потерю аппетита. Врач Бонапарта, назначенный британской администрацией, ирландец О'Мира, диагностировал гепатит. В но-

Наполеон на острове Святой Елены

ябре 1817 г. произошло обострение болезни, в дальнейшем приступы повторялись. В ночь на 17 января 1819 г. от сильной боли Бонапарт впервые потерял сознание. Вызванный к его постели врач с британского корабля, стоявшего на рейде, подтвердил диагноз и сделал кровопускание.

Диагноз, поставленный независимо друг от друга двумя врачами, лишь усилил подозрения окружавших Бонапарта лиц, что остров Святой Елены неспроста был выбран местом ссылки низложенного императора — он был известен своим нездоровым климатом. Реакция губернатора сэра Гудсона Лоу была несколько странной — доктор О'Мира был уволен с военной службы за «недостойное» поведение и покинул Святую Елену.

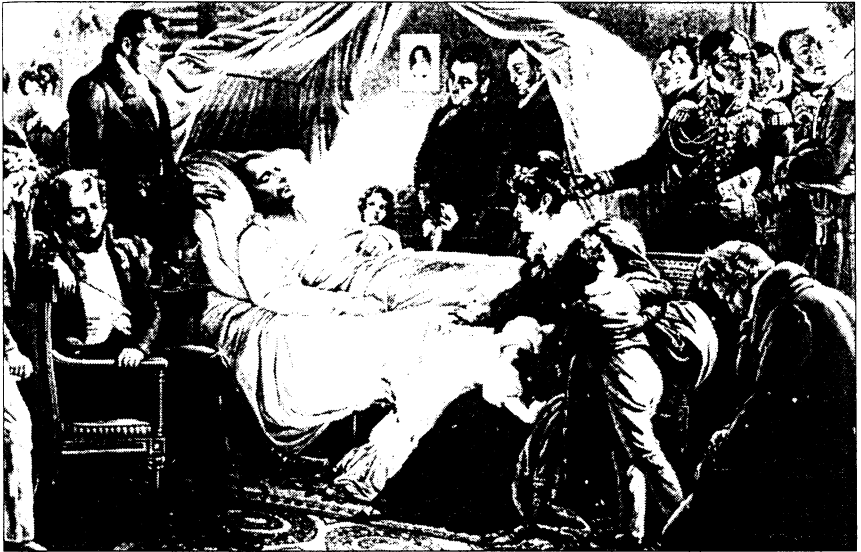
Этот инцидент привел к обострению отношений между французами и колониальными властями острова. Они и раньше были не безоблачными из-за унижительных, как считал Бонапарт, ограничений, введенных англичанами: туда не ходи, того не делай и пр. Споры возникали даже из-за обращения к нему. Бонапарт требовал, чтобы его называли «Ваше императорское величество». Британцы упорно именовали его просто: «генерал Бонапарт». После отъезда доктора О'Миры Бонапарт отказывался от услуг врачей, которых ему предлагал губернатор.

Поэтому вплоть до приезда в сентябре 1819 г. специально выписанного для него корсиканца Франческо Антомарки он вообще оставался без медицинской помощи. И все это время — больше года — Бонапарт воздерживался от приема каких-либо медикаментов. Новый врач прописал ему диетическое питание и легкий, посильный труд в саду.

На какое-то время Бонапарт почувствовал себя лучше. Но уже в октябре 1820 г. он снова слег, силы его стали стремительно убывать. 1 января 1821 г. он объявил близким, что до следующего нового года уже не доживет. 5 мая Наполеон Бонапарт скончался. В его завещании, написанном за пару недель до смерти, говорится: «Я умираю преждевременно от рук английской олигархии и нанятого ею убийцы».

Эта загадочная фраза, имеющая скорее отвлеченный, чем прямой, смысл, породила новые толки о причинах смерти Наполеона.

На вскрытии тела Наполеона Бонапарта присутствовали семь врачей. Главным был Антомарки. Остальные наблюдали за его действиями. Антомарки вскрыл грудную полость и извлек сердце, которое поместил в серебряный сосуд со спиртом (согласно завещанию Бонапарта, сердце следовало послать его вдове Марии Луизе; но воля покойного так и не была исполне-

Наполеон на смертном одре. Картина Штойбена

на), вскрыл желудок, затем предложил исследовать мозг. Но присутствовавшие — все они были британскими военнослужащими — заявили, что в том нет необходимости.

Врачи не пришли к единому мнению о причинах смерти Бонапарта. Поэтому на свет появился не один, а четыре разных документа. Но они имели и общие диагностические выводы: причиной летального исхода мог быть хронический гепатит. Но возможно, это язвенная болезнь или раковая опухоль (различие между ними было установлено лишь спустя несколько лет). Врачи-англичане отдали предпочтение второй версии — ведь от рака желудка умер и отец Бонапарта.

ПОИСКИ ТАИНСТВЕННОГО УБИЙЦЫ

Отсутствие ясности в причине смерти Бонапарта породило немало слухов, догадок. Да и сам свергнутый император подкинул дров в этот костер предсмертными словами о «наемном убийце».

Тень подозрения пала на генерала Гурго. Его невольным обличителем стал всемирно известный романист сэр Вальтер Скотт. Посетив в 1815 г. Европейский континент, он побывал на поле Ватерлоо всего лишь через несколько недель после того, как отгремела знаменитая битва. И, видимо, еще тогда у него воз-

ник замысел: написать биографию необыкновенного человека — Наполеона Бонапарта. Будучи весьма добросовестным исследователем, Скотт изучил массу материалов, работал в архивах британского правительства, изучал документы о пребывании Бонапарта на острове Святой Елены. И, к своему изумлению, обнаружил среди них доносы Гурго. Когда Скотт опубликовал свои разоблачения в книге, оскорбленный Гурго выступил в печати с опровержением и даже намеревался потребовать у писателя удовлетворения, но, поразмыслив, воздержался.

Казалось бы, вот он, шпион британского правительства и вероятный убийца Бонапарта. Однако разоблачения Вальтера Скотта, хоть и подмочили репутацию боевого наполеоновского генерала, все же не уверили общественное мнение в его виновности. Была известна склонность Гурго к необдуманным, подчас экстравагантным поступкам, в которых он потом жестоко раскаивался. Во всяком случае Гурго в числе других соратников Бонапарта присутствовал в октябре 1840 г. при эксгумации останков императора в связи с перенесением его праха в Париж.

Таким образом, поиски таинственного убийцы зашли в тупик.

КТО УБИЛ НАПОЛЕОНА?

Но там, где пасуют профессионалы, нередко добиваются успеха любители. В 1955 г. швед Стен Форсхувуд, дантист по профессии, любитель химии, обладавший большими познаниями в токсикологии, и одновременно страстный почитатель «великого императора», прочел воспоминания Луи Маршана, последнего слуги Бонапарта. Особенно Форсхувуда заинтересовали симптомы болезни, которой страдал император. Сопоставляя факты, Форсхувуд сделал вывод, что описанные симптомы очень похожи на те, которые бывают при отравлении мышьяком.

Но как проверить правильность своего предположения? Его можно было бы легко подтвердить или опровергнуть, исследовав останки Наполеона, покоящиеся в Доме инвалидов в Париже. Но кто позволит потревожить прах «великого императора»? Единственная возможность — это разыскать волосы Наполеона, срезанные с мертвого тела, которые Маршан в большом количестве привез с собой в Европу с острова Святой Елены.

Форсхувуду удалось раздобыть один-единственный волос императора. (Слуга Маршан срезал после смерти Наполеона волосы с его головы и привез в подарок членам императорской семьи.) Под-

вергнув его анализу по оригинальной методике (бомбардировке потоком ядерных частиц) в отделении судебной медицины университета Глазго в Шотландии, пытливый дантист сделал официальное заключение: масса мышьяка в волосах Наполеона в момент смерти превышала норму в тринадцать раз!

Еще около года у Форсхувуда ушло на поиски волосков для повторного анализа, причем по усовершенствованной методике, позволявшей не только установить общее содержание мышьяка, но и рассчитать, в течение какого времени яд попадал в тело жертвы. Оказалось, что мышьяк поступал в организм Бонапарта периодически, большими, но не смертельными дозами, и расчетные даты приема этих доз совпадают с появлением симптомов острого отравления. Сходные результаты дали анализы ряда других образцов волос, сделанные на протяжении 60—70-х гг.

Разделавшись с первой задачей, Форсхувуд взялся за другую — идентификацию убийцы. В этом ему помог другой поклонник «великого императора» — канадец Бен Вейдер, историк-любитель. В 1974 г. началось их творческое сотрудничество*.

Вычислив, что мышьяк особенно интенсивно попадал в организм Наполеона в последний период его жизни, они исключили из числа подозреваемых тех, кто покинул Лонгвуд задолго до его смерти, а также доктора Антомарки: он прибыл на остров, когда император уже болел. В списке остались Бертран, Монтолон и слуги.

После различных умозаключений Форсхувуд и Вейдер пришли к выводу, что наиболее вероятным убийцей Бонапарта был Монтолон. Помимо того, что этот человек был совершенно императору неизвестен, настораживали и некоторые факты его биографии: свекор Монтолона, граф Семонвиль, был близок к семье графа д'Артуа. К тому же появился в свите Наполеона лишь после поражения императорской армии. Что заставило Монтолона, до сих пор не проявлявшего верноподданнических чувств, вдруг встать под его знамена, хотя империя была явно обречена?

Столь же подозрительно Монтолон вел себя на острове Святой Елены. Он сохранял невозмутимость, когда Наполеон открыто завел роман с его женой Альбиной. Как лицо, отвечавшее за снабжение Лонгвуда продовольствием, в частности вином, Монтолон имел возможность отравить императора. У него хранились ключи от погреба. Вы-

* История этого расследования рассказана в книге Б. Вейдера и Д. Хэпгуда «Кто убил Наполеона» (перевод на русский язык: М., 1991).

вод, сделанный двумя энтузиастами-исследователями, категоричен: Монтолон убил императора!

Необходимо отметить, что Форсхувуд и Вейдер шли путем предположений и логических мозаключений, не

имея ни одной прямой улики. Вряд ли найдется суд, который примет к рассмотрению дело об убийстве, основанное на догадках и логических рассуждениях. Хотя, конечно, версия интересная...

СМЕРТЕЛЬНЫЙ СЧЕТ

(Убийство Александра II)

Уж не было эпохи Николая I: и вот вся причина потрясения 1 марта.

Косточки их развеяли бы, прежде чем что-нибудь удалось.

И развеять стоило.

В. В. Розанов. «Мимолетное»

...Неужели силой нельзя?.. Неужели всегда «не убий»?.. Ведь они убивают!.. Ведь кровь льется рекой. Часто невидимая, всегда невинная... Разве не кровь за кровь?..

Борис Савинков.

Из воспоминаний об Иване Калее

19 февраля 1861 г. произошло событие, может быть, наиболее значительное в истории России: крепостные крестьяне, составляющие основную массу трудового населения страны, получили свободу. Тем самым самодержавно-крепостнический строй обрекался на гибель: крестьянская реформа неизбежно разрушала его основы. Россия сворачивала с проторенного пути и вступала в неведомое... В стране начиналась эпоха грандиозных преобразований, результаты которых тогда никто предсказать не мог — хотя надежды были великие...

Через двадцать лет, 1 марта 1881 г., царь-реформатор Александр II был убит своими врагами — революционерами. Эпохе Александра II, так блестяще начавшейся и

имевшей такое трагическое завершение, суждено было стать поворотной в русской истории.

«ТЫ ПОБЕДИЛ, ГАЛИЛЕЯНИН!»

Начало царствования Александра II, в самом деле, было впечатляющим. Вступив на престол в тяжелейшее время для страны, униженной и обескровленной Крымской войной, Александр сумел вывести Россию из жесточайшего кризиса — материального и духовного. Это было тем более замечательно, что новый царь не производил на современников впечатления серьезного государственного деятеля. Он не обладал ни глубоким умом, ни сильным характером; его политические воззре-

ния целиком и полностью укладывались в узкие рамки официальной идеологии, провозглашавшей самодержавно-крепостнический строй единственно возможным для России. Будучи наследником престола, он искренне преклонялся перед отцом — императором Николаем I, который все силы своей незаурядной натуры вкладывал в укрепление «устоев».

Но даже Николай, этот замечательный в своем роде человек, никогда не знавший сомнений, вынужден был в конце концов признать очевидное: бескомпромиссная борьба, которую он вел на протяжении всего своего царствования против «губительного духа перемен», привела Россию к развалу. Крымская война подвела печальный итог его тридцатилетнему правлению: техническая отсталость армии и флота, совершенно фантастическое казнокрадство, немощь бюрократических структур — все эти и многие другие пороки, скрытые раньше под покровом лжи и славословий, вышли теперь наружу. Николай умер, успев сказать наследнику: «Сдаю тебе команду не в полном порядке...» Порядок предстояло наводить Александру...

Для того чтобы разобраться в происходящем и найти пути выхода государства из жестокого кризиса, новому

царю предстояло совершить собственный духовный прорыв, не имея к тому подготовки, без поддержки сановников, среди которых невозможно было отыскать мудрых реформаторов. И тем не менее этот флегматичный, казавшийся многим недалеким человек сумел на какое-то время преодолеть себя, осознать всю опасность создавшегося положения и разобраться в его причинах. В знаменитой речи Александра в марте 1856 г. в Москве перед проводителями дворянства прозвучали решающие, судьбоносные слова: «Лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, пока его отменят снизу».

Именно благодаря настойчивости и последовательности царя в 1861 г. пало крепостное право. И тогда перед царем склонился сам А. И. Герцен, признанный лидер «образованного меньшинства». «Ты победил, Галилеянин!» — провозгласил он, обращаясь к Александру в своем знаменитом «Колоколе». Правительство царя-преобразователя продолжало работать в избранном направлении: в начале 1860-х гг. был подготовлен и проведен в жизнь целый комплекс реформ — судебная, земская и прочие, — что открывало путь к созданию нового государственного строя. Казалось, Россия выбирается из полосы длительного застоя,

устремляясь вперед, в будущее...

Но великие реформы требуют великих сил — и физических, и духовных. Их не было у Александра. Как и многие слабые люди, он ждал от своих действий немедленных результатов. Между тем преобразования порождали массу новых проблем, которые в свою очередь требовали радикальных решений. Так, крестьянская реформа, при проведении которой власть стремилась соблюсти интересы помещиков, подрывала-таки достаток и благополучие «благородного сословия», предупредив в то же время обнищание значительной массы крестьян. Новые учреждения, созданные судебной, земской, городской реформами, никак не вписывались в старый административно-бюрократический строй, вызывая глухое недовольство в среде чиновников.

Путь реформ, на который так решительно вступил в начале своего царствования Александр, оказался поистине тернистым...

ОТЩЕПЕНЦЫ

По мере отказа от последовательных преобразований страны высшая бюрократия во главе с самим царем начала ощущать глухую, постоянно растущую угрозу и тому неус-

Студент. Картина Н. Ярошенко

тойчивому, парадоксальному государственному порядку, который возник в России в результате ее противоречивой политики, и своему собственному покою и безопасности. Угроза эта исходила не от разрозненных крестьянских волнений, стихийно возникавших в стране в первые пореформенные годы, — с ними справились без особого труда и надолго. Не могла всерьез пугать могущественную бюрократию и либеральная оппозиция, сложившаяся в это время в России. Ее представители так или иначе вписывались в существующую систе-

му, подчиняясь закону, даже если считали его несправедливым, и действовали исключительно в рамках дозволенного. Власть все больше пугала людей, которые не хотели признавать вообще никаких рамок.

В 1866 г. в Петербурге вышла книга, в которой как нельзя лучше определялись характерные черты этих действительно опасных смутьянов и бунтарей. Написана она была известными радикальными публицистами Н. В. Соколовым и В. А. Зайцевым и называлась «Отщепенцы». «Есть люди, поклявшиеся жить свободно... Они не хотели смешаться с толпой и взять в жизни номер. Пошлость рутинной практической жизни была им невыносима: они не могли долго терпеть ее, расходились с обществом и отрешались от него... Я называю их отщепенцами.

...Отщепенцы — спокойные безумцы, восторженные труженики, мужественные ученые, которые проживают свою жизнь, отыскивая причины общественных зол и бедствий, проповедуя великую республику, блаженное социальное устройство, личную свободу, гражданскую солидарность, экономическую правду.

Отщепенцы — беспокойные люди, жаждущие только шума и волнений, воображающие, что им непременно

нужно выполнить какое-то призвание, совершить какое-то священнодействие, защитить какое-нибудь знамя...

Отщепенцы — все те, кто не думал, не умел или не желал подчиниться общей доле...»

Эта книга была, по сути, компиляцией из работ европейских мыслителей и публицистов. В ней сжато и ясно формулировалось то, что на протяжении целого десятилетия внушали «властители дум» — сперва Чернышевский, затем Писарев, чуть позже Бакунин, Лавров, Ткачев. Все они провозглашали как единственно честный, единственно праведный образ жизни: не идти на компромиссы, не сотрудничать с властью, не входить в систему обиденных служебных и бытовых отношений, не преобразовывать существующее путем повседневной «рутинной» деятельности, а бить его насмерть, разрушать беспощадно во имя светлого будущего — «блаженного» социального устройства, личной свободы, гражданской солидарности...

Тот же В. А. Зайцев прекрасно сформулировал главный принцип «новой нравственности», исповедуемой «отщепенцами»: «Провозгласим нетерпимость!» Наверное, «отщепенство» — явление закономерное для самых разных времен и народов, более того, необхо-

димое: как нечто сверхординарное, будоражащее мысли и чувства, не дающее закоснеть. Но не дай Бог «отщепенцам» стать определяющей силой... Нечто подобное и произошло в пореформенной России, придав ее существованию неизъяснимо трагический характер.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ

Противостояние власти и «отщепенцев» возникло сразу же после отмены крепостного права. С лета 1861 г. в интеллигентской среде возникают кружки, готовые к нелегальной деятельности; в столицах распространяются прокламации, критикующие власть и призывающие передать дело преобразования страны в руки «общественности»; в конце 1861 г. появляется «Земля и воля» — первая революционная организация пореформенной России. Началась необъявленная война...

В 1860-х гг. русское «отщепенство» пережило очень яркий, но трудный период революционного самоопределения: на этом пути «беспокойным людям» суждено было пройти через «все отрицающий» и все разрушающий нигилизм; из их лагеря 4 апреля 1866 г. раздался первый выстрел в царя, тогда ужаснувшийся многих, — именно по поводу покушения Дмит-

рия Каракозова Герцен писал: «Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами»; в их среде вырос и сформировался С. Г. Нечаев — человек, готовый освободить Россию любыми средствами, вплоть до массовых убийств, поджогов и пьяных бунтов... Но к началу 1870-х гг. все это было пережито и, казалось, изжито бесповоротно. Революционное движение в России постепенно обрело цельность, стройность, ясное сознание целей и вполне конкретную программу действий. Выстраданное в напряженных умственных поисках и душевных муках народничество стало идеологией подавляющего большинства революционно настроенных «отщепенцев».

Народничество было движением потенциально здоровым и в самом себе содержало возможность выбраться из рокового подполья: стремление опираться на народ, жить его интересами, прежде всего улучшить его положение — все это, казалось бы, должно было привести к решительной переоценке ценностей. Ведь знаменитое «хождение в народ» с целью призвать крестьянство к немедленному бунту закончилось полной неудачей. Столь же неудачной оказалась и «перманентная» революционная пропаганда, которую вели в народе революционеры, объединившиеся

в 1876 г. в новую организацию со старым названием — «Земля и воля». Крестьяне упорно не хотели восставать против царя — психология российского крестьянства оказалась сложнее, противоречивее, и действия его никоим образом не укладывались в одномерное клише «бунтарь» или «социалист». Об этом писал в очерках Глеб Успенский, эти качества отмечал в «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардт.

Подобные наблюдения раздражали людей, которые привыкли жить не столько рассудком, сколько пламенной верой. Хорошо известно, какой разнос учинила тому же Успенскому знаменитая Вера Фигнер за «неверное и противоречивое» изображение крестьянства. И тем не менее при нормальном ходе событий искренняя, хотя и несколько аффектированная, искусственно-напряженная любовь к народу должна была бы подвести значительную часть «отщепенцев» к мысли о том, что крестьянство на революцию не поднять, что российскую деревню нужно спасать не бунтом, а школами, больницами, рационализацией рутинного, застойного хозяйства... Да, наверное, так и произошло бы, если бы в поддержку революционных устремлений народников не выступило... само правительство.

ПОСЕЕШЬ ВЕТЕР...

В деле переустройства России власть все больше внимания обращала на совершенствование охранительных органов. Уже в 1862 г. были реорганизованы обветшалые структуры «явной» полиции, в 1867-м — аналогичная операция проведена и с органами политического сыска. На службу полицейскому надзору были поставлены и новорожденные органы управления: сельским старостам, сотским и десятским вменялись в обязанность шпионство и доносы — и на своих односельчан, и прежде всего на «посторонних», то есть на образованных людей, по тем или иным причинам появившихся в деревне. А в городе те же обязанности были вменены дворникам... Сеть политического надзора в «освобожденной» России стала куда более частой, чем в суровые николаевские времена.

Отлавливая «потрясателей основ», власть затем судила их, и был тот суд иногда скорый, нередко — затяжной и почти всегда — неправый и немилостивый... В судебных уставах 1864 г. были заложены самые прогрессивные и демократические принципы. Но власть с поразительной легкостью стала нарушать ею же введенные законы.

С 1871 г. расследование политических дел перешло из рук следователей к жандармам;

рассмотрение же этих дел, как правило, стало производиться не в суде присяжных, а в специально создаваемых судилищах, основным из которых с 1871 г. стало так называемое Особое присутствие правительствующего сената (ОППС). Именно через ОППС прошли знаменитые «массовые» процессы, связанные с народнической пропагандой. В середине 1870-х гг. смертные приговоры еще не практиковались, но общий дух политических процессов был таков, что из всех возможных мер наказания подсудимые почти всегда приговаривались к наиболее жестоким.

Распространена была и так называемая административная ссылка. Поначалу бессудной ссылкой подвергались десятки, сотни людей, а к концу 1870-х гг., по некоторым данным, счет пошел уже на тысячи. В эту ссылку попадали по анонимным доносам за неосторожно сказанное слово, за строптивый характер и просто «подозрительное» поведение. Надо ли говорить, что подобная политика вызывала соответствующую реакцию среди тех, против кого она была направлена.

ТЕРРОР

«Отщепенцы» взялись за оружие... В январе 1878 г. Вера Засулич в Петербурге стреляла в градоначальника Трепова,

Портрет императора Александра II.
1888 г.

подвергшего телесному наказанию политического заключенного; в феврале в Киеве было совершено неудачное покушение на товарища прокурора Котляревского; в мае — убит глава Одесского жандармского управления Гейкинг.

Характерно, что значительная часть общества восприняла эти первые, единичные террористические акты как справедливое возмездие. В столице после покушения на Трепова в ходу было такое четверостишие:

*Грянул выстрел-отомститель,
Опустился Божий бич —
И упал градоправитель,
Как подстреленная дичь.*

Примером такого отношения стал суд по делу народ-

ницы Веры Засулич, стрелявшей в градоначальника. Он оправдал подсудимую, то есть публично одобрил ее действия...

Чем-то вроде «бича Божия» считал себя, очевидно, и Сергей Кравчинский, который в августе того же года, через день после казни народника Ковальского, заколол кинжалом шефа жандармов Мезенцева — среди бела дня, в самом центре Петербурга, на многолюдной площади перед Михайловским замком. Брошюра, написанная им в обоснование убийства, так и называлась — «Смерть за смерть».

«Террор созрел в долгие годы бесправия» — эти слова В. Г. Короленко как нельзя лучше определяют главную причину тех страшных кровавых событий, которые потрясли Россию на рубеже 1870—1880-х гг.

2 апреля 1879 г. горькую чашу смертного ужаса пришлось испить самому царю: этот уже пожилой, со спокойной, величавой осанкой человек вынужден был бежать по Дворцовой площади, подобно зайцу, бросаясь из стороны в сторону, чтобы уберечься от пули, — за ним, стреляя на ходу, гнался террорист... Из пяти выстрелов, произведенных Александром Соловьевым, ни один не попал в цель; пострадала лишь царская шинель. Но каково было это пережить! А самое

главное — как жить дальше? Как управлять Россией?

Первые террористические акты застали власть врасплох. Доклад преемника убитого Мезенцева, генерала Селиверстова, вместо предложений по борьбе с террористами демонстрировал бессилие и звучал как вопль отчаяния. Как выяснилось, органы политического сыска, еще недавно казавшиеся всемогущими, ничего не знают о тех, кто выступил против власти с оружием в руках. Полную неосведомленность в делах и планах подполья Селиверстов оправдывал ссылкой на авторитетное мнение своего заместителя, начальника III отделения Шульца, утверждавшего, что «агентов-сыщиков и вообще агентов в России невозможно найти»...

В конце концов было решено прийти к «исключительным мерам». Такие слова начертал царь в своем указе 5 апреля 1879 г., через три дня после покушения Соловьева. Россия в европейской части расчленилась на шесть временных генерал-губернаторств; лица, стоявшие во главе их, получали совершенно небывалые и невозможные в цивилизованном государстве полномочия: в полную зависимость от них попадали местные учреждения, учебные заведения, почта, телеграф — словом, все, а главное — личное достоинство, свобода и даже жизнь местных жителей, поскольку генерал-

губернатор мог любого из них своей властью не только засадить на неопределенный срок в кутузку, но и предать военному суду.

Сеть «исключительных мер» захватывала огромную массу случайных людей и среди них — лишь очень немногих, действительно имеющих отношение к подполью. В результате ожесточено было все общество, а движения, направленные против власти, постепенно обрели свою идеологию и организационные формы, становясь все более серьезной силой.

В июне 1879 г. в роще на окраине Воронежа собрались члены «Земли и воли» — многих из них объединяло отношение к террористическим актам. Они считали их радикальным средством, с помощью которого несколько десятков человек могут нанести поражение мощному бюрократическому аппарату. Из средства самозащиты они сделали террор главным орудием борьбы.

При этом у сторонников борьбы за политические преобразования с помощью террора оказалось немало оппонентов, самым энергичным из которых был Г. В. Плеханов. Никакие конституции, по их мнению, не могли улучшить бедственного положения народных масс, а террор лишь отвлекал от главного дела — подготовки крестьянской революции. Правда, поначалу удалось достичь компромисса, но не про-

шло и двух месяцев, как «Земля и воля» распалась на две самостоятельные организации. Одна из них — «Черный передел» — так и сошла на нет, лишний раз доказав, что у революционной пропаганды в деревне нет перспектив; зато другая — террористическая «Народная воля» — оставила по себе долгую память.

ВЕЛИКАЯ ПАНИКА

Осенью 1879 г. в уездном городе Екатеринославской губернии Александровске появился новый обыватель — купец Черемисов, прибывший сюда с супругой с целью основать кожевенный заводик. Купец в короткий срок очаровал новых знакомцев широтой натуры и веселым характером: дружил с ними, кутил, не забывая, впрочем, и о делах — на отведенный ему для завода участок земли потихоньку свозили строительные материалы, там постоянно копошились несколько пришлых, но уже примелькавшихся горожанам рабочих. И вдруг в одночасье все они — и супруги Черемисовы, и их рабочие — бесследно исчезли из города.

Через некоторое время из показаний одного случайно арестованного революционера стало известно, что в Александровске «Народная воля» провела первое из череды неудав-

шихся покушений на царя. Под именем купца Черемисова скрывался один из главных вдохновителей и организаторов террора Андрей Желябов, роль его супруги играла Анна Якимова, рабочие тоже были свои — сочувствующие. В строительных материалах в Александровск, стоявший у железной дороги, террористы привезли динамит и под путями подложили мину. 18 ноября они предприняли попытку взорвать царский поезд, следовавший из Севастополя, — Желябов лично замкнул гальванической батареей концы проводов, идущих от заряда. Но мина не сработала.

Если об этом покушении власть узнала задним числом, то следующее прогремело на всю Россию. «Кожевенный завод» в Александровске был, как оказалось, не единственным предприятием народовольцев. Одновременно в Москве лавку сыров открыли супруги Сухоруковы (под этим именем скрывались Софья Перовская и Лев Гартман); и находилась эта лавка в доме, расположенном у самой железной дороги того же южного направления. Из дома был произведен подкоп под железнодорожное полотно, подложена мина, и 19 ноября поезд, в котором, по расчетам террористов, должен был находиться царь, пошел под откос. Оказалось, что Александр проследовал раньше, в

подорванном же поезде ехала царская свита. Никто серьезно не пострадал. Тем не менее впечатление от этого дерзкого, оставшегося безнаказанным покушения (террористы и здесь, как и в Александровске, вовремя скрылись) было огромное.

После этого Александр получил передышку, но длилась она всего несколько месяцев. 5 февраля 1880 г. террористы произвели взрыв уже непосредственно в царской резиденции — Зимнем дворце. Император, ожидавший прибытия знатного гостя, принца Александра Гессенского*, только что успел выйти ему навстречу, как в зале, где членов императорского дома ожидал накрытый стол, раздался страшный грохот, пол вздыбился и осел, вылетели оконные стекла... Основная сила взрыва пришлась все же не на царские покои, а на караульное помещение, пострадали находившиеся на посту солдаты финляндского полка — в результате несколько десятков убитых и раненых.

Расследование показало, что этот страшной силы взрыв был подготовлен и произведен агентом «Народной воли» Степаном Халтуриним. С сентября 1879 г. он работал во дворце столяром-краснодерев-

* Брат императрицы Марии Александровны, урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской.

щиком и, понемногу принося туда динамит, складывал в подвале. Он был намерен уничтожить Александра, а по возможности — и всю царскую семью. Арестовать Халтурина не удалось.

Так действовала «Народная воля». Ядро этой организации — так называемый Исполнительный комитет — состояло из людей в высшей степени незаурядных: талантливых, умных, волевых и совершенно бескорыстных, не думавших о себе, искренне стремившихся действовать во имя общего блага. Александр Михайлов, Андрей Желябов, Николай Кибальчич, поразительные женщины «Народной воли» — Фигнер, Перовская, Гельфман, — все они и многие другие делали честь российскому «отщепенству». Им впервые удалось создать организацию, максимально дисциплинированную, строго соблюдавшую правила конспирации, проникнутую духом согласия, и все усилия своего недюжинного ума и громадной воли террористы направили против старика в генеральском мундире, старика, которого по праву называли в стране Освободителем...

КОНЕЦ ВЕНЧАЕТ ДЕЛО?

9 февраля 1880 г. Александр II объявил о создании Верховной распорядительной

комиссии, глава которой получал диктаторские полномочия. Идея создания подобного органа вышла из самых реакционных кругов, стремившихся собрать полицейские, карательные силы в единый кулак, дабы раздавить революционное движение. Однако во главе комиссии царь поставил человека, и мысли, и действия которого совсем не вписывались в эту погромную программу.

Граф Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, талантливый военачальник и незаурядный администратор, был плоть от плоти той либеральной бюрократии, которая, сыграв немаловажную роль в деле подготовки и проведения в жизнь «великих реформ», затем в тяжелые годы реакционного безвременья была почти начисто вытравлена из высших сфер. Лорис-Меликов твердо держался того убеждения, что единственное спасение России — это путь постепенных, последовательных преобразований, проводимых твердой рукой с высоты престола.

Лорис-Меликов немедленно провел в жизнь ряд конкретных мер, несколько смягчавших произвол, царивший в России, и предложил Александру II свой проект конституции, по которому в подготовке новых реформ должны были участвовать не только чиновники, но и представители земств и выборные от

городов. Эти действия вызвали благожелательный отклик в либеральной среде, заметно сгладив недовольство внутренней политикой власти. Недаром в обществе Лорис-Меликова воспринимали как «бархатного диктатора».

На подполье диктатор произвел совершенно иное впечатление — его программа ни в коей мере не удовлетворяла народовольцев. Да и сам Лорис-Меликов не собирался идти на компромиссы с революционерами: диктатор повел с ними совершенно беспощадную борьбу, которая к тому же была организована теперь значительно лучше.

Реформированный Лорис-Меликовым сыск очень скоро показал когти. Исполнительный комитет «Народной воли» понес тяжелые, невосполнимые потери: были арестованы его подлинники лидеры — А. Михайлов, Желябов, Тригони, Колодкевич, Баранников. Окончательный разгром народовольцев был, казалось, не за горами.

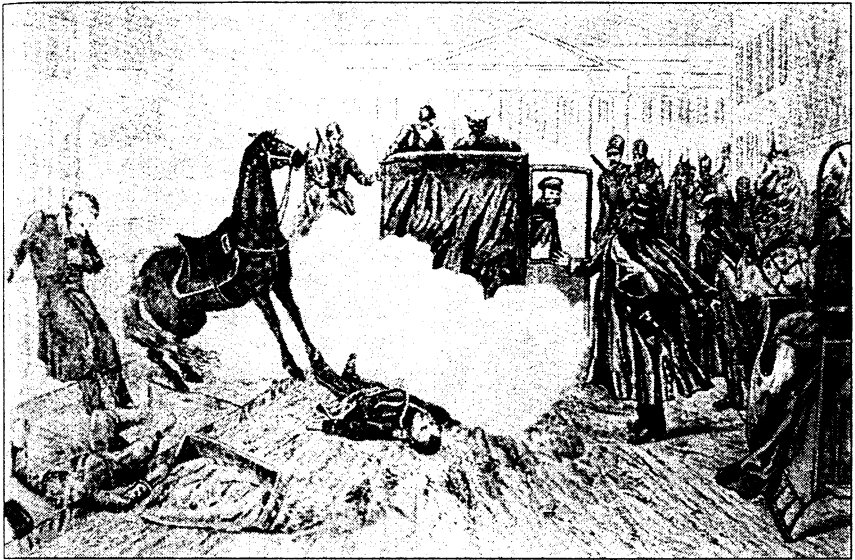
Утром 1 марта 1881 г. петербургский градоначальник генерал Фролов, собрав у себя полицейские чины — среди них находился и полицмейстер Дворжецкий, которому через некоторое время предстояло сопровождать царя в его воскресной поездке на развод войск, — сообщил им, «что главные деятели анархистов Тригони и Желябов арес-

тованы и только остается захватить еще двух-трех человек, чтобы окончить дело борьбы с крамолой...»

Но тем же утром народовольцы — и немногие оставшиеся на свободе «старики», и зеленая, необстрелянная молодежь — заняли свои, заранее распределенные места. Воскресный маршрут царя был изучен ими до тонкости. Михаил Фроленко отправился на Малую Садовую, в сырную лавку, из которой был сделан подкоп под улицу, — в случае проезда царя он должен был привести в действие заложенное там взрывное устройство. Софья Перовская, руководившая четырьмя метальщиками, перекрыла царскому экипажу все остальные пути. Было предусмотрено все, чтобы не дать царю шанса на спасение...

КАТАСТРОФА

В 1881 г. первый весенний день пришелся на воскресенье. В Петербурге стояла ясная морозная погода. На центральных улицах города былолюдно; на Екатерининском же канале, в двух шагах от Невского, лишь изредка попадались случайные прохожие; здесь никто не жил, никто не вел торговлю, да и для прогулок эта часть канала представлялась не очень привлекательной: с одной стороны решетка набереж-

Покушение 1 марта 1881 г.

ной, с другой — высокий забор, угрюмые казенные здания... Именно здесь метальщики «Народной воли» Рысаков и Гриневицкий перехватили царский поезд в этот день, готовя «возмездие» Государю императору всея Руси Александру Николаевичу...

Царская карета в окружении конвойных казаков оказалась из-за угла в начале третьего; следом за ней — сани полицмейстера. На крутом повороте с Инженерной улицы кучер с трудом сдержал лошадей, и они пошли шагом. Карета не успела еще набрать полный ход, как первый из метальщиков, Николай Рысаков, бросил под нее неболь-

шой сверток. Раздался взрыв...

Царь с помощью Дворжеского выбрался из поврежденного экипажа; он был цел и невредим... Около кареты лежал в беспомощности контуженный взрывом казак; рядом бился, кричал от боли мальчик — случайный прохожий. Вокруг собиралась толпа.

Царь подошел к Рысакову, схваченному сразу же после взрыва, задал ему несколько вопросов, а затем снова направился к экипажу. И тут пришел черед второго метальщика, Гриневицкого...

Новый взрыв был страшен: он произошел среди окружавшей царя толпы, и эхом ему прозвучали вопли боли и ужа-

Александр II

са. Дым, взметнувшиеся к небу комья снега, клочки обгоревшего платья — все это на несколько мгновений скрыло от глаз катастрофу... Когда же дым рассеялся, среди тел, лежавших на мостовой, увидели царя...

Александр Николаевич сидел, прислонясь спиной к решетке канала; обеими руками он упирался в панель. Шинель с царя сорвало взрывом, от нее остались лишь обгорелые, окровавленные клочья. Государь тяжело дышал. Ноги его, обожженные выше колен, были раздроблены, струилась кровь...

Полицмейстер, оглушенный взрывом, с трудом слышал тихое: «Помоги», — и

бросился к царю. Кто-то подал платок, которым Александр закрыл искаженное от боли лицо... «Холодно, холодно...» — шептал царь.

Пока Александра несли к саням, он оставался в сознании; когда кто-то из окружающих предложил перенести царя в один из ближайших домов, у него еще хватило сил приказать: «Во дворец... Там — умереть...» Это были последние слова Александра.

Царь еще дышал, когда его привезли в Зимний. Врачам удалось остановить кровотечение, но государь был заведомо обречен: «Конечностей левой стопы совсем не было, обе берцовые кости до колен раздроблены, мягкие части, мускулы и связки изорваны и представляли бесформенную массу, выше колен до половины бедра несколько ран...» Через час с небольшим после взрывов на Екатерининском канале царь скончался.

Итак, свершилось... «Тяжелый кошмар, — вспоминала Фигнер, — на наших глазах давивший в течение десяти лет молодую Россию, был прерван; ужасы тюрьмы и ссылки, насилия и жестокости над сотнями и тысячами наших единомышленников, кровь наших мучеников — все искупила эта минута, эта пролитая нами царская кровь; тяжелое бремя снималось с наших плеч, реакция должна была кончиться, чтобы уступить

место обновлению России».

Сейчас эти строки читать тяжело и горько — ясно ощущаешь, сколь глубоко было то роковое подполье, которое поглотило столько сил, столько талантов, столько жизней...

Последствия катастрофы на Екатерининском канале ни в коей мере не оправдали радужные мечты и надежды террористов: их ждали еще более жуткие «ужасы тюрьмы и ссылки». В России же наступил многолетний период беспросветной реакции.

К ПРОПАСТИ

Еще не придя в себя от шока, вызванного 1 марта, власть поспешила организовать следствие и судебный процесс над всеми причастными к убийству на Екатерининском канале. Призыв Владимира Соловьева к новому царю — разорвать порочный «кровавый круг», встать выше мести, выше борьбы, ближе к Христу — был воспринят сыном убитого, Александром III, как проявление психопатии.

В «Истории моего современ-

ника» В. Г. Короленко вспоминает, как, узнав о смерти Александра в ссылке, «среди пустынных и холодных берегов Лены», он начал сочинять поэму в прозе: «Александр II, молодой, одушевленный освободительными планами, и Желябов, его убийца, смотрят с далекой высоты на свою холодную родину и беседуют о далекой трагедии, обратившей их лучшие стремления друг против друга. Когда-то одна правда, хоть в разное время, светила им обоим, но она затерялась во мгле и туманах. И две тени говорят о том, как разыскать ее...»

...Как безжалостно сравнила эпоха две силы, которым, казалось бы, сам Бог велел стремиться к максимальному взаимопониманию! И, свернув с пути преобразований, с единственного пути, на котором власть и интеллигенция могли найти общий язык, Россия и впрямь двинулась в бездорожье. Насильственная смерть царя была первым, страшным предупреждением, которого почти никто из двух противостоящих лагерей не принял на свой счет.

КОНЕЦ «ДОБРОГО КОРОЛЯ»

Либо эта династия станет демократической, либо она умрет.

Умберто I

ВОИНСТВЕННЫЙ КОРОЛЬ УМБЕРТО

В январе 1878 г. скончался Виктор Эммануил II, монарх Савойской династии, которому удалось завершить объединение Италии и стать первым представителем Савойского дома, который смог управлять страной из Рима.

Его наследником явился Умберто I, внешне унаследовавший многие черты австрийских Габсбургов по материнской линии, а по духу похожий на своего воинственного и неугомонного отца.

Более умеренный, чем у родителя, императент не помешал Умберто следовать линии Виктора Эммануила на захват африканских и иных территорий. Опоздав к разделу колоний, где первую скрипку играла Англия, а вторую —

Франция, Италия спешила прибрать к рукам то, что еще не было захвачено. Однако Франция успела увести из-под носа итальянцев самый лакомый кусок Северной Африки — Тунис. Умберто стремился взять реванш, покоряя Эритрею, подбираясь к Абиссинии, Сомали, Триполитании... Но чтобы лучше противостоять французам, стал инициатором Тройственного союза Италии с Германией и Австро-Венгрией в 1882 г.

Приход к власти в Германии Вильгельма II, не скрывавшего своих агрессивных устремлений, Умберто встретил восторженно. Прусская армия казалась ему воплощением собственных мечтаний. Когда Вильгельм II в октябре 1888 г. посетил Рим, то подарил Умберто свою фотографию с характерной надписью: «Джен-

тльмену от джентльмена, корсару от полутора корсаров». Мечтой германского императора было вступить в Париж, разогнать местный парламент и заставить замолчать свой рейхстаг. У Умберто для усмирения парламентариев был Криспи, фактический диктатор Италии, объединивший в своих руках посты премьер-министра, министра иностранных и внутренних дел. Криспи в агрессивных намерениях превосходил даже короля и был бы не прочь «оккупировать все, включая Китай и Японию». Умберто I говаривал: «Криспи, конечно, свинья, но это нужная свинья. Я должен поддерживать его во имя высоких интересов страны».

Оба они принимали радикальные меры для усиления армии, не жалея населения, стоившего под налоговым прессом. В Африку было брошено более 50 тысяч солдат, потерпевших там жестокое поражение от абиссинцев. Но самым парадоксальным шагом было направление в 1894 г. 40 тысяч солдат в Сицилию, где Криспи почудилось, что местные волнения крестьян организованы Францией и... Россией. Умиравшие от нищеты люди шли навстречу солдатам, держа в руках изображения Мадонны и Умберто, а им отвечали свинцом.

Напомним, что Италия прошла сквозь опыт революций 1820—1821, 1830—1831 и 1848—1849 гг., через боевые

Король Умберто I. 1900 г.

отряды Гарибальди, организации карбонариев. Поэтому кровавые акции Умберто встретили недобрый отклик. На площадях все чаще стали раздаваться призывы «Смерть королю!», «Да здравствует республика!». И эти угрозы королю не были только угрозами. Недовольство действиями властей росло.

Король, физически сильный и мужественный человек, пренебрегал опасностью, хотя ему было над чем задуматься: ведь уже дважды на него со-

Королева Маргерита. 1900 г.

вершались покушения. Умберто был уверен, что свое предназначение он понимает верно, стремясь совместить королевские обязанности с конституционными. Воспитывался он под наблюдением матери Марии Аделаиды. Военному искусству его обучали профессиональные генералы, а конституционному праву — депутат Бонкомпаньи, который преподавал Умберто также международное и уголовное право, социальные науки.

Пройдя путь от капитана пехотного полка до полковника, он затем был назначен главнокомандующим 2-й кавалерийской бригады. И когда в 1866 г. началась война с австрийцами, отец, не колеблясь, отправил сына на фронт. В сражении при Виллафранка его дивизия стойко выдержала атаку не очень трезвых уланов 12-го полка Родаковского. Брат его Амедей был ранен. Узнав об этом, Умберто воскликнул: «Кровь не обманывает! Молодцы, детки мои!» — и устремился во главе своих «деток» в контратаку. За храбрость Умберто был награжден золотой медалью. Вскоре он женился на Маргерите (Марии Терезе Джованне), дочери герцога Генуэзского Фердинандо, своей кузине. Не любивший монархов поэт Кардуччи, восхищенный Маргеритой, сочинил в ее честь оду. Впрочем, Маргериту Умберто не очень привлекал, отдавая предпочтение многочисленным любовницам.

После вступления Виктора Эммануила в Рим в 1870 г. он командовал там армейским корпусом. Посетил Испанию, где его брат взошел на престол, затем Берлин, где крестил дочь короля Прусского, а в июле 1876 г. — Россию.

ПЕРВЫЕ ПОКУШЕНИЯ

9 января 1878 г., когда умер его отец, вступил на престол.

Многие думали, что он станет Умберто IV, по числу монархов Савойского графства с этим именем, но он назвался первым, поскольку считал, что открывает счет монархам уже объединенного королевства Италии. В Обращении к народу обещал «хранить наследие великих примеров, деятельную любовь к цивилизованному прогрессу и несокрушимую веру в свободные институты», быть «бдительным защитником национальной независимости».

После полугодового траура Умберто и Маргерита поехали в путешествие по Италии, были в Турине, Милане, Монце, Венеции, Ареццо, Перудже и многих других городах.

17 ноября они въехали в Неаполь. Когда кортеж двигался к королевскому дворцу, в карету прыгнул человек и бросился с ножом на короля. Умберто, легко раненный в руку, отбросил его эфесом сабли, а королева запустила в нападавшего букетом цветов. Террориста скрутили. Выяснилось, что зовут его Джованни Пассананте, ему 29 лет. Он служил поваром в небольшом городишке в провинции Понтецца.

Покушение вызвало волну сочувствия к королю. Мэр городка, где жил Пассананте, явился выразить соболезнование. Умберто произнес: «Господа, у убийц нет родины».

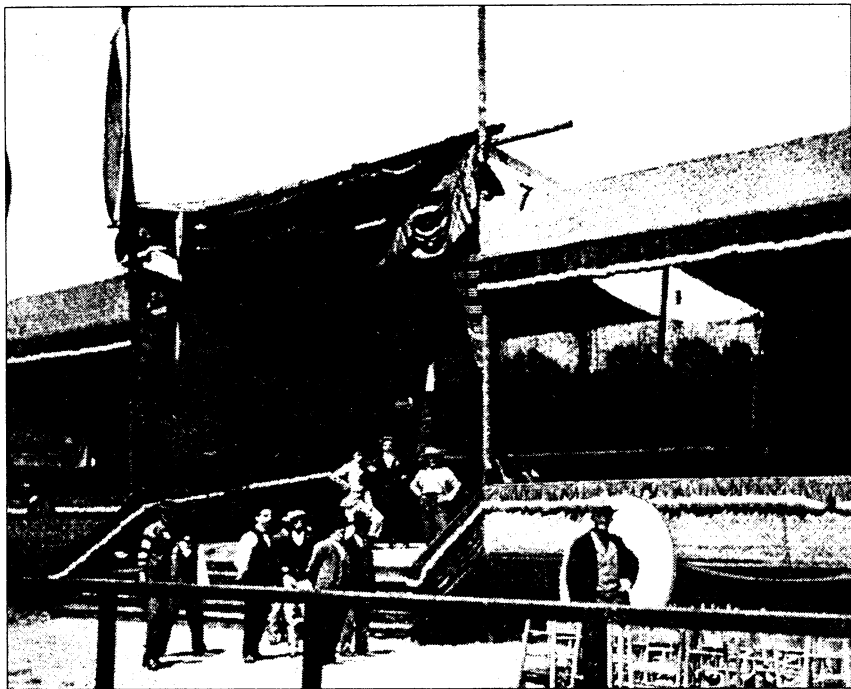
Родителям покушавшегося король великодушно оказал материальную помощь. И сообщил, что теперь обязательно будет носить с собой револьвер.

Но оружие понадобилось еще не скоро. Около 10 лет прошло без происшествий, но в апреле 1887 г. по дороге на скачки, которые монарх обожал, на него вновь напал террорист. Студент-анархист Пьетро Аччарито пытался сразить короля кинжалом, но промахнулся. Стража успела схватить его. По случаю счастливого избавления в церкви Сударио исполнили «Те Деум».

СМЕРТЬ В МОНЦЕ

Это был второй звонок, но государь проявил прежнюю безмятежность и не уберется — в третий раз рука убийцы достигла цели. Это случилось 29 июля 1900 г. Умберто вместе с королевой Маргеритой в те дни находился в королевском дворце в Монце, городе, где местные гимнасты общества «Сильных и свободных» проводили свои соревнования. Стадион находился в 300 метрах от королевского дворца. Король пожелал присутствовать. Он облачился в цивильное платье, на голове — цилиндр.

Начались соревнования. Восхищенный увиденным,

Место убийства Умберто I в Монце. Фотография сделана на следующий день после покушения

Умберто покинул ложу под музыку и крики толпы, скандировавшей: «Да здравствует король!»

И в этот момент к карете приблизился очень бледный юноша. Король стоял в карете, отвечая на приветствия.

Гаэтано Бреши, рабочий из Прато, почти в упор трижды выстрелил из револьвера. Умберто упал на подушки. Кучер яростно хлестнул лошадей. Все произошло в одно мгновение. Кто-то из гимнастов нанес удар нападавшему и

свалил его с ног. Бреши энергично сопротивлялся, но карабинер успел надеть на него наручники и увел из толпы, которая жаждала немедленной расправы.

Король Умберто скончался в тот момент, когда карета въезжала во дворец.

Газеты разразились некрологами: «О, Умберто, ты был строг и добр, справедлив и щедр, полон сочувствия людям и терпим к ним, а тебя варварски убили»; «Горе нам. Рука солдата, сражавшегося

Похоронная процессия в Монце

при Кустоце, которая еще недавно пожимала в Неаполе руки жителей, стала навеки

недвижной, королевское сердце перестало биться».

Но ярче всех выступил ав-

Саркофаг Умберто I в Пантеоне

тор газеты «Л'Ора» из Палермо, что на Сицилии: «Дайте народу право голоса, говорил Виктор Гюго, и вы вырвете из его рук ружье революций и кинжал покушений!» Но он не был пророком. Вместе с правом голоса осталось ружье. После всеобщих выборов вот он, триумф цареубийства! Приспустим знамена, впустим траур в наши сердца, братья Италии!»

В хоре соболезнований ни слова не было сказано о причинах покушения. Может, потому, что они были очевидны? «Я задумал совершить это, — заявил Бреши, — в ответ на кровавые репрессии,

развязанные на Сицилии, в ответ на не менее варварские репрессии 1898 года». Но и убийство Цезаря имело примерно такую же аргументацию. Тираноубийства объединяет общий психологический мотив, когда в отдельном человеке меньше всего видят личность, индивидуальность, а лишь средоточие реального или воображаемого зла, а средством борьбы с ним избирают либо «цареубийственный кинжал», либо огнестрельное оружие. Прогресс сказывался лишь в выборе орудия смерти.

В Италии конца XIX в. смертная казнь уже была отменена. Бреши приговорили к тюремному заключению. Не прошло и года, как его нашли в камере мертвым. По официальной версии, он повесился в тюрьме.

Умберто был убит, когда ему исполнилось 56 лет. После смерти выяснилось, что у него накопилось немало денег, которые он, не очень патриотично, вкладывал в британский банк «Хамбро». В целом баланс его правления, хотя он и не подходил под определение «тиран», был бы для него отрицательным, если бы не насильственная смерть. Убийство вызвало волну сочувствия, а историки двора окружили его ореолом короля-мученика, «доброго Умберто». Таковым он и запечатлелся в памяти потомков.

КРОВАВАЯ НОЧЬ В БЕЛГРАДЕ

...Готовится нечто серьезное, вы погибли... Спасайте трон, спасайте вашу жизнь!

Из анонимного письма, полученного королем Александром за три дня до переворота

История Сербии, сначала автономного княжества, а затем королевства, — это противоборство двух династий — Обреновичей и Карагеоргиевичей. О гибели Карагеоргия мы уже рассказывали. В ночь на 24 июля 1817 г. по приказу князя Милоша Обреновича Карагеоргий и его секретарь были убиты, а их головы отсланы белградскому паше.

Милош Обренович правил Сербией, не считаясь ни с местными кнезами («главарями») и воеводами, ни со скупщиной. Он увеличивал подати, занимался накоплением личного состояния, пока не довел народ до открытого выступления. Совет старейшин объявил князя нарушителем основных законов страны. Небольшой вооруженный отряд во главе с Вучичем 13 июня 1839 г. вошел во дворец (ко-

нак) и объявил Милошу, что народ его больше не хочет. Милош отрекся от престола в пользу старшего сына Милана и выехал из Сербии. Однако через три недели Милан умер от кори, и престол перешел к другому сыну — 16-летнему Михаилу, который в 1840 г. прибыл в Белград, ставший столицей княжества.

В августе 1842 г. в Сербии началось восстание, и Михаилу пришлось спасаться бегством в Австрию. Скупщина по настоянию Вучича, Симича и Петроничева избрала князем 36-летнего Александра Карагеоргиевича — сына Карагеоргия. В октябре того же года султан своим фирманом подтвердил избрание Александра.

Князь Александр продолжил сближение с Австрией, начатое Обреновичами. Далеко

не всем сербам нравилась такая ориентация. Внутреннее положение страны оставалось трудным и неустойчивым. Против князя и его министров зрело недовольство.

30 ноября 1858 г., это был день святого Андрея Первозванного, собралась так называемая Свято-Андреевская скупщина, которая низвергла князя Александра, вновь призвав на престол престарелого Милоша Обреновича. Султан утвердил избрание, и 25 января 1859 г., после 20 лет изгнания, Милош прибыл в Белград. Но жить ему оставалось немного: в сентябре 1860 г. 80-летний Милош скончался.

На престол через 16 лет вернулся Михаил. Однако положение в стране оставалось нестабильным, и против князя Михаила зрел заговор.

29 мая (10 июня по новому стилю) 1868 г. в Топчидерском парке, около Белграда, Михаил вместе с теткой и невестой (он собирался вступить во второй брак после развода с венгерской графиней Юлией Хуньяди) подверглись нападению наемных убийц. Когда те бросились на князя, тетка схватила одного из них за горло с такой силой, что почти задушила. Заговорщики, бросившись на помощь, не смогли разжать руки женщины. Они отрубили ей руку, а затем убили.

Но династия Обреновичей сохранила престол. Суровые

меры по отношению к заговорщикам предпринял Иован Ристич. Среди расстрелянных был родственник княгини Персиды Карагеоргиевич. Перед смертью в 1873 г. княгиня прокляла не только Ристича, но и весь род Обреновичей.

«ЗЛОЙ ГЕНИЙ СЕРБИИ»

Михаил не оставил прямого наследника. Князем Сербии был провозглашен усыновленный Михаилом несовершеннолетний Милан, внук его дяди Ефрема Обреновича. Он родился 10 (22) августа 1855 г. в Яссах и учился в Париже в лицее Людовика Великого. Весьма неглупый от природы, довольно начитанный, Милан с раннего возраста был подвержен разным порокам. В Париже он оставил о себе память как о злом, упрямом подростке с чрезвычайно дурным характером. Впоследствии он часто приезжал в Париж, где кутил и играл в карты, не всегда честно. Никаких понятий о нравственности, о долге юный князь не получил, и когда впоследствии один из министров почтительно ему посетовал на его двуличие, то в ответ Милан с полным праявом возразил:

— Видите ли, сударь, я то, чем вы меня сделали. Если вам нужен был более высоконравственный король, то следовало воспитывать меня иначе.

До августа 1872 г. вместо Милана правили регенты. В 1869 г. они ввели новую конституцию Сербии, которая сохраняла огромную власть в руках князя. В 1875 г. Милан по любви женился на красивой и очень богатой девушке — Наталии Кешко. Она была русской подданной. Ее отец Петр Иванович Кешко — богатый бессарабский помещик и полковник русской армии, а мать — молдавская княжна Пульхерия Стурдза. Наталия родилась 14 мая 1859 г. во Флоренции и находилась в родстве со многими знатными румынскими фамилиями. Детство ее прошло в Одессе, где она и получила образование. Княгиня Наталия постаралась придать блеск сербскому княжескому двору, но время для этого было самое неподходящее.

В 1875 г. против турецкого гнета восстала Герцеговина. Из Вены Милан получил совет не вмешиваться в конфликт, но внутренняя обстановка в Сербии, где усилилась партия радикалов, вынудила его объявить войну Турции. Не подготовленная к войне сербская армия терпела поражение за поражением, несмотря на помощь добровольцев из России (сербской армией командовал генерал М. Г. Черняев). Спасение принесла начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война, в результате которой Сербия получила не только

независимость, но и существенное приращение территории.

После окончания войны Милан взял курс на дальнейшее сближение с Австро-Венгрией, сначала подписав торговый договор, а затем, без ведома скупщины и правительства, заключив политическую конвенцию с ней. Согласно конвенции, Сербия, отказавшись от всяких претензий на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак, не могла без предварительного согласования с Австро-Венгрией вести переговоры и заключать договоры с другими государствами. Австро-Венгрия обязалась поддерживать династию Обреновичей и оказать содействие при провозглашении Сербского княжества королевством. В 1882 г. Милан провозгласил Сербию королевством.

В 1885 г. произошло воссоединение Восточной Румелии с Болгарией, что нарушило равновесие на Балканском полуострове. Король Милан в ноябре начал войну с Болгарией, но болгарскую армию готовили русские инструкторы, которые оказались несравненно лучше и добросовестнее, чем австрийские, обучавшие сербскую. В сражениях при Сливнице и Пироте сербские войска были разгромлены. После поражения в войне Милан был вынужден в декабре 1888 г. согласиться на

Королевич Александр Обренович. 1881 г.

введение новой конституции, гораздо более демократичной, чем прежняя. Король терял право назначать депутатов скупщины, учреждалось ответственное перед скупщиной правительство, обеспечивалась свобода печати и т. д. Но и новая конституция не удовлетворила противников Милана. 22 февраля (6 марта) 1889 г. он был вынужден отречься от престола в пользу сына Александра I, которому было всего 12 лет. Правда, бывший король сохранил за собой право наблюдать за воспитанием сына. Уезжая из Сербии, Милан получил отступное — несколько миллионов франков, которые он быстро спустил в злчных местах Парижа.

СКАНДАЛ ЕВРОПЕЙСКОГО МАСШТАБА

Король Александр родился в Белграде 2 (14) августа 1876 г. После родов королева Наталия долго болела, а Милан искал удовольствий на стороне. Когда неверность мужа стала известна королеве, отношения между ними испортились. О скандалах во дворце было известно не только в Сербии, но и в других странах Европы. Униженная супруга припомнила Милану, что в его жилах течет не королевская кровь, а кровь свинопаса (намек на то, что предки Обреновичей торговали скотом, преимущественно свиньями). Когда отношения между Миланом и Наталией совсем обострились, они вынуждены были пойти на соглашение: Александр вместе с матерью покинет Сербию, чтобы получить образование в Германии и Франции.

Но вскоре Милан решил нарушить договоренность и обратился к германскому правительству за помощью, чтобы отнять ребенка у матери. Князь Бисмарк пошел навстречу Милану.

Заполучив сына, король обратился к сербскому синоду с просьбой о разводе на основании «непримиримой взаимной антипатии». Митрополит Феодосий, превысив свои полномочия, развел супругов. Королева стала просто Ната-

лией Кешко. Ей не разрешили даже иногда видаться с сыном.

После отречения Милана в пользу сына в 1889 г. Наталия на некоторое время вернулась в Сербию. Она была вынуждена обратиться к скупшине с жалобой на регентов, разрешавших ей видаться с сыном только раз в неделю, и то не более часа. Скупщина не сочла возможным вмешиваться в действия регентов. Синод же признал незаконным бракоразводный акт митрополита Феодосия, которого к тому времени заменил митрополит Михаил.

В 1893 г. король Александр объявил себя совершеннолетним и уничтожил регентство. После этого Наталия смогла вернуться в Сербию, но не надолго, так как уже в январе 1894 г. Милан фактически вернул себе управление страной. Новая конституция, стеснявшая власть монарха, была отменена, и Сербия вернулась к конституции 1869 г.

РОКОВАЯ СТРАСТЬ

В 1897 г., когда Александр приехал в Биарриц, модный курорт во Франции, где отдыхала вся европейская знать, состоялась встреча, которая роковым образом изменила историю Сербии, дома Обреновичей и ход балканских дел. В доме матери Александр по-

Драга Машин. 1881 г.

знакомился с ее придворной дамой, вдовой инженера Машина — Драгой, муж которой погиб в результате несчастного случая. Драга была писаной красавицей, хотя и немолода. Александра покорили ее прелести. Узнав о страсти сына, Наталия изгнала соблазнительницу из дома. Вернувшись в Белград, Александр сделал Драгу своей любовницей. Но этого для честолюбивой женщины было мало. Она хотела заставить короля, несмотря на противодействие его отца и матери, жениться на ней.

Для этого был придуман хитроумный ход. Драга объявила королю Александру, что

Король Александр I и королева Драга

беременна. И тот решился на брак, воспользовавшись отсутствием Милана в Белграде. До этого Александр собирался поставить отцу конную статую от «благодарного отечества», теперь же запретил ему въезд в Сербию. 29 января 1901 г. Милан умер в изгнании в Вене.

Брак короля с Драгой окончательно оттолкнул от Александра сербское общество. После разоблачения мнимой беременности у Драги возникла мысль провести в наследники престола своего брата Никодима Луневица. Но этому препятствовала конституция. Следовательно, надо было ее заменить.

6 (19) апреля 1901 г. новая конституция была торжественно провозглашена. Она разрешала переход престола к дочери Александра, так как Драга якобы снова была беременна. Есть свидетельства, что Александру стало известно, будто у Драги не может быть детей. Но и это его не остановило.

Слухи о планах Александра и Драги будоражили страну. Печать негодовала. Король пошел на роспуск скупщины и сената, смену несменяемых судей. Возмущение вызывали подчинение страны Австро-Венгрии и фактический разрыв с Россией, к которой многие сербы испытывали дружественные чувства.

Недовольные обращали взоры к Женеве, где в изгнании проживал князь Петр Карагеоргиевич, сын князя Александра и княгини Персиды. В годы войны на Балканах он участвовал в герцеговинском восстании. Петр Карагеоргиевич был женат на дочери черногорского князя Николая, другие дочери которого породнились с Савойской династией, Домом Романовых, Баттенбергами и прочими владетельными домами. Сыновья Петра Георгий и Александр воспитывались в Петербурге.

В 1903 г. заговор против короля Александра созрел. За 13 лет царствования король совершил пять государственных переворотов и переменял

24 правительства. Даже верный королю генерал Цинцар-Маркович, будучи главой правительства, подал прошение об отставке.

В заговор была вовлечена почти половина всего офицерского корпуса, но ни тайная полиция, ни королевский двор ничего не подозревали. Хотя за несколько дней до покушения Александр получил анонимное письмо, в котором неизвестный умолял монарха: «Для вас одно спасение — вы должны решиться провозгласить наследником престола сына Петра Карагеоргиевича. Спасайте трон, спасайте вашу жизнь!»

А за день до гибели королю передали запечатанный пакет — в нем было сообщение участника заговора подполковника генерального штаба Живановича о готовящемся в ночь нападения. Но король письмо не распечатал, а Живанович 29 мая покончил жизнь самоубийством.

Все же какие-то тревожные предчувствия одолевали и Александра, и Драгу. Королева знала, как ее многие ненавидят. Одному из иностранных посланников в Белграде она жаловалась, что живет в постоянном страхе, особенно ночью: «Всего рассказать вам не могу. Короля тоже не любят, но меня ненавидят сильнее, чем его».

Но разлучить короля с Драгой не мог никто. Коррес-

пондент французской газеты «Тан» Гастон Стиглер впоследствии рассказал о разговоре с королем. Коснувшись своего брака с Драгой, Александр сказал:

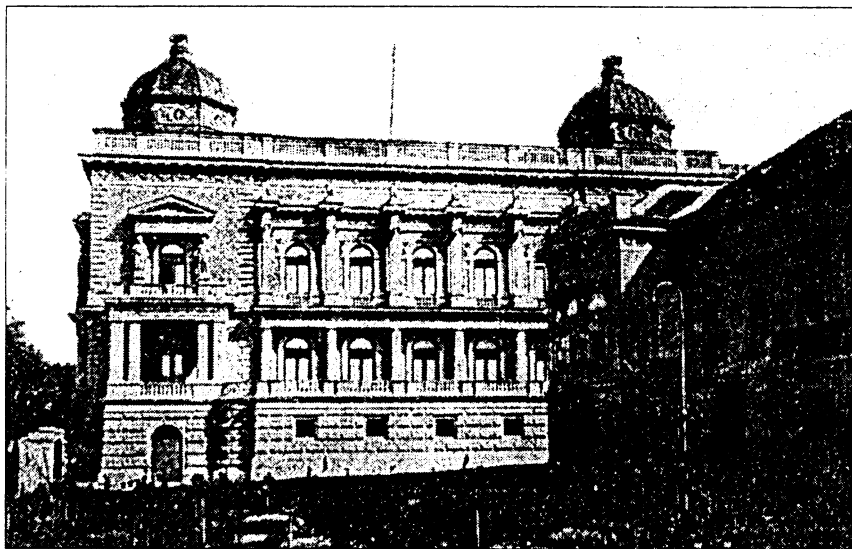
— Да, я нарушил обычай государей. Да, — продолжал он с воодушевлением, ударив кулаком по столу, — я женился по любви. И в этом не раскаиваюсь. Напротив, я счастлив. Не вижу причин тому, чтобы интересы Сербии противились моему семейному счастью. Да, я женился по любви, и я счастлив, очень счастлив!

УБИЙСТВА ВО ДВОРЦЕ

Переворот был назначен в ночь на 29 мая 1903 г. Среди заговорщиков были те, кому король вполне доверял, вроде его флигель-адъютанта Мики Наумовича, который должен был отворить дверь во дворец, и начальника дворцового караула капитана Костица.

Вечером во дворце состоялся семейный ужин, на котором присутствовали родственники королевы. Гости разошлись в половине двенадцатого. Король и королева удалились в свои покои.

В ту ночь вовлеченные в заговор офицеры кутили в ресторанах и кабаках, демонстративно пили за здоровье королевы Драги. Солдаты, руководимые офицерами, о целях

Королевский дворец в Белграде

переворота ничего не знали: им сообщили, что король решил расстаться с Драгой и они действуют по приказу короля.

Дворец был окружен ротой 6-го пехотного полка, частью высшей офицерской школы, подкатили четыре орудия. Во дворец направилась группа офицеров. Не встретив сопротивления, они проникли во внутренний двор, так как начальник личной королевской охраны Люба Костич отворил обычно запертые на замок ворота внешней ограды.

Но у вторых, внутренних, ворот уже произошла перестрелка с охранявшими ворота солдатами. Однако капитан Панайотович, узнав о замыс-

лах офицеров, отдал им ключи. Теперь оставалось открыть парадную дверь дворца, что должен был сделать Мика Наумович. Нападавшие напрасно кричали «Наумович, отворяй!». Ответа не было. Возможно, дежуривший вместе с ним офицер Миликович пытался помешать замыслу и смертельно ранил Наумовича. Дверь пришлось взрывать.

Когда заговорщики ворвались во дворец, они бросились к королевской спальне. Им навстречу вышел генерал-адъютант Лазар Петрович. И в этот момент погасло электричество. Возможно, генерал распорядился перерезать электрический провод, а может быть, неосторожные действия

офицеров привели к аварии. Заговорщиков спасло только то, что очень быстро они нашли свечи. Как потом вспоминал один из них, «без света мы никого не нашли бы, потому что от выстрелов все уже проснулись и бросились бежать. Могли бы скрыться и король с королевой. И вот мы принялись искать, — одни со свечами, другие с револьверами. Мы бешено носились по комнатам, открывали все сундуки, ящики, глядели под диваны, за портьеры — и все напрасно, короля и королевы нигде не было».

Офицеры не знали, что из дворца вели 11 тайных выходов, но предполагали, что Александр и Драга могли скрыться где-либо и дожидаться прихода верных им войск.

Точно известно, когда все началось. Разбуженная шумом, королева Драга вскочила с постели, опрокинув часы на ночном столике. Часы остановились в 1 час 6 минут.

Генерал Лазар Петрович, который так и не изменил присяге, был убит. Драга, не выдержав страшного напряжения, в отчаянии открыла окно и стала звать на помощь. Офицеры сообразили, что находятся рядом с тайником. Откинув ковер, они взломали дверь... Король и королева стояли, тесно прижавшись друг к другу, перед смертью Александр поцеловал Драгу. Зная обычай короля носить под

Никодим Луневиц, брат королевы Драги, предполагавшийся наследник престола

рубашкой кольчугу, офицеры целили главным образом в голову и шею. Король был поражен шестью револьверными выстрелами и 40 ударами сабли, королева — двумя револьверными пулями и 63 ударами сабли. Натешившись над трупами, убийцы выбросили их через окно в дворцовый сад. Уже в половине третьего ночи все было кончено. И тогда один из офицеров крикнул собравшимся: «Мы уничтожили династию Обреновичей! Мы избавились от бесчестной женщины. Она была злым духом страны! Да здравствует Сербия!..»

Заговорщики расстреляли братьев королевы Драги капитана Николая и поручика Ни-

Петр I Карагеоргиевич, король Сербии

кодима Луневица, премьер-министра Цинцар-Марковича и военного министра генерала Павловича. Министр внутренних дел Тодорович был тяжело ранен: убийцы посчитали, что он мертв, и ушли.

Тела Александра и Драги похоронили на старом кладбище в склепе Обреновичей рядом с женой Ефрема Обреновичича. Королева Наталия намного пережила сына. Она умерла в 1934 г.

Сразу после переворота было создано Временное пра-

вительство во главе с Авакумовичем, который ранее неоднократно был министром. В правительство вошли представители разных партий. Оно немедленно выслало за границу сестер королевы Драги и ее племянников. Была восстановлена конституция 1888 г. с некоторыми дополнениями и изменениями. Полномочия сената и скупщины были восстановлены. Единогласным голосованием члены скупщины и сенаторы высказались за избрание королем Сербии 59-летнего Петра Карагеоргиевича. Население Белграда восторженно приветствовало изменения в стране.

Но в европейских странах кровавые события вызвали настороженность. Великобритания, Франция, Нидерланды и Турция отозвали из Белграда своих дипломатических агентов, Италия и Германия некоторое время не возобновляли сношений с новым правительством. Россия и Австро-Венгрия сразу признали короля Петра I. Но, приветствуя нового монарха, потомка славной династии, и выражая добрые пожелания единоверному России сербскому народу, императорское правительство высказывало уверенность, что король Петр сумеет проявить справедливость и твердую волю, подвергнув строгой каре клятвопреступников, запятнавших себя позором цареубийства.

Нечего и говорить, что король Петр не мог наказать тех, из чьих рук получил трон. Однако он повернул политику страны в сторону России. 21 августа 1911 г. дочь короля Петра I Елена Сербская вышла замуж за князя императорской крови Иоанна Константиновича, сына великого князя Константина Константиновича (поэт «К. Р.»).

Между тем руководители переворота 29 мая 1903 г. создали в 1911 г. тайную организацию «Объединение или смерть» («Черная рука») во главе с начальником осведомительного отдела генштаба Драгутином Димитриевичем. Эта организация представляла

опасность для династии Карагеоргиевичей, так как некоторые военные выдвигали своего претендента на престол, внебрачного сына Милана Обреновича и Артемиды Христич — Григория.

В 1913—1914 гг. лидеры военной оппозиции были переведены на пенсию, а Драгутин Димитриевич по приговору военного трибунала расстрелян в 1917 г.

В дни июльского кризиса 1914 г., когда в Сараево был убит наследник австро-венгерского престола Франц Фердинанд, что и послужило поводом к войне, Российская империя встала на защиту единой Сербии.

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В ЛИССАБОНЕ

В марте 1894 г. Португалия праздновала пятисотлетие со дня рождения великого португальца, принца Энрике Мореплавателя. В общих торжествах принимала участие и королевская семья: король, королева и дети — семилетний Луиш и младший, Мануэл, которому исполнилось четыре года. Никому из них не суждено было свершить свой земной путь так же счастливо, как Мореплавателю. Отец и старший сын будут убиты, младший станет королем-изгнанником, несчастная мать переживет всех и умрет в одиночестве на чужбине.

КАРЛУШ I

Король Португалии Карлуш I (полное имя — Карлуш Фернанду Луиш Мария Витор

Мигел Рафаэл Габриэл Гонзага Шавьер Франсишку де Ассис Жозе Симан) из Браганской династии был сыном короля Луиша I и королевы Марии Пиа Савойской. В католической Португалии поначалу относились немного настороженно к дочери Виктора Эммануила II, известного своим антипапским сопротивлением, но стройная темноглазая королева сумела снискать любовь португальцев. Первенец королевской четы родился в Лиссабоне 28 сентября 1863 г.

19 октября 1889 г. вместе с королевской короной двадцатилетнему Карлушу I в наследство достался и огромный государственный долг. Конец XIX в. оказался для Португалии нелегким. Оставляли желать лучшего отношения с Великобританией. Ис-

ключительно тяжелое финансовое положение не позволяло надеяться на выплату долгов по внешним займам. Страна находилась на грани банкротства.

Правда, все относительно. Одновременно велось большое строительство, прежде всего в Лиссабоне и Порту. В 1881—1885 гг. А. Эйфель построил двухъярусный однопролетный мост через реку Доуру, в 1887-м — двухъярусный мост через реку Лиму. Уже ходили по дорогам немногочисленные автомобили, мирно сосуществовая с дилижансами, запрягаемыми четверкой лошадей, и по рельсам двигались поезда на паровозной тяге, конка и электрический трамвай.

И тем не менее, по сравнению с другими европейскими государствами, на рубеже XIX—XX вв. Португалия оставалась бедной и аграрной страной.

В политическом отношении Португалия являла собой конституционную монархию на основании Хартии 1826 г. Она гарантировала всеобщие гражданские и политические права, равенство перед законом, значительную свободу печати и собраний. В качестве высшего лица в государстве король был призван служить неким балансом в политической системе португальского общества. Король, чья личность согласно конституции была священна и неприкосновенна, приносил присягу перед объеди-

Дон Карлуш I, король Португалии

ненными палатами кортесов. Кортесы — португальский парламент — были двухпалатными.

Король как глава исполнительной власти имел право назначать и смещать министров, и эти семь министров несли ответственность перед кортесами. Король утверждал епископов, назначал командующих сухопутными силами и флотом, магистратов, послов, направлял отношения Португалии с другими странами, объявлял войну и мир, подписывал договоры, которые должны были одобрить кортесы на тайном заседании, даровал титулы.

Карлуш женился в молодые

годы на Марии Амелии из Орлеанской династии, дочери графа Парижского. Брак королевской четы был благословен детьми. Король был неплохим художником. Кроме того, он приобрел мировую известность за свои океанологические научные исследования на яхте «Амелия».

Однако и своим королевским долгом Карлуш I не пренебрегал. В результате его дипломатических усилий уже в 1899 г. Англия тайно от Германии возобновила свой традиционный союз с Португалией. В 1903 г. португальский король принимал в Лиссабоне короля Великобритании Эдуарда VII. В том же году Португалию посетил испанский король Альфонс XIII. В 1905 г. — английская королева Александра, император Германии Вильгельм II и президент Франции.

Однако, несмотря на дипломатические успехи, правление Карлуша I не было легким. Вскоре после восшествия на престол королю пришлось столкнуться с антимонархическим восстанием гарнизона Порту. Во внутривластительской жизни не смолкала полемика «прогрессистов» и «возрожденцев», двух крупных политических течений, озабоченных, как обычно, собственными амбициями, а не благом отечества.

Положение в стране ухудшалось. 40% пригодной к об-

работке земли не обрабатывалось. Недовольны были коммерсанты, недовольны и рабочие. Бедность угнетала и деревню, и город. Появились нападки на духовенство, но основной мишенью для политических стрел стала монархия.

Гражданские свободы не принесли с собой мира. В мае 1906 г. премьер-министр практически потребовал от короля дополнительных полномочий для управления страной. Вопреки ожиданиям премьер-министра, король сместил его и назначил Жоана Франку Каштелу Бранку, которому поручил формирование кабинета. Король писал ему: «Надо многое сделать, и мы полагаем для блага страны идти дорогой, отличной от той, которой следовали донныне; в этом рассчитываю на тебя и на твою верность и преданность, и ты можешь рассчитывать на мою поддержку...»

Через год действиями его правительства были обеспечены реформы, внушавшие большие надежды. Политические поклонники республиканской формы правления забеспокоились о возможном усилении португальской монархии. Они обратились к королю с просьбой об удалении Жоана Франку, но вместо отставки король с мая 1907 г. предоставил верному министру возможность править без парламента. Демагоги закрича-

ли о диктатуре. Современник пророчествовал, что «это кончится или революцией, или преступлением». Кончилось и тем, и другим.

Король искренне желал выполнить свой долг и спасти нацию от внутренних раздоров и внешних врагов. К сожалению, Карлуш I, забыв о своей роли баланса между различными политическими силами, допустил некоторые ошибки. Так, в интервью французскому журналисту он конфиденциально поделился соображениями, что Португалией можно править только диктаторски. В прессе появился скандальный материал.

Нападки на короля усилились. Постепенно с его именем стали связывать все неурядицы и проблемы в стране. Наконец республиканцы вкупе с «прогрессистами» решительно вознамерились низвергнуть «диктатуру». Их выступление 28 января 1908 г. было предотвращено, и многие республиканские вожди арестованы. Среди арестованных были и демократы, и представители знати и других слоев общества. Противоборствующие стороны по-разному оценивали эти события. Даже монархисты, считавшие Карлуша I великим королем и большим дипломатом, не видели возможности к возвращению монархии в прежнее состояние. А у власти легкое подавление этого мятежа создало ложное впечатле-

ние, что таким же образом удастся предотвратить и революцию. И король подписал роковой, как полагают, для него декрет о мерах против восставших.

ИЗ ИСТОРИИ БРАГАНССКОГО ДОМА

Январь 1908 г. королевская семья провела в городке Вила Висоза, который всегда считался их личным, а не коронным владением. С этими местами тесно связана история Браганского дома. Неподдалеку от Вила Висоза на возвышенности находится Вейруш — небольшой городок и замок, откуда ведет свое начало Браганский дом. Именно там в 1377 г. у Инеш Пиреш, уроженки этого городка, от магистра Ависского рыцарского ордена, будущего короля Португалии Жоана I, родился Афонсу, который впоследствии стал первым герцогом Браганским.

С Вила Висоза связано и начало герцогского рода, и трагический конец. Там же сделана и одна из последних фотографий, на которой среди двух десятков охотников не сразу отыскивается взглядом обреченный король. Эта охота в Вила Висоза была последней. Последней стала эта поездка и для принца-наследника Луиша Филипе, так и не ставшего королем.

Полное имя принца Луиша, не дожившего до 21 года чуть меньше двух месяцев, было Дон Луиш Филипе Маррия Карлуш Амелия, герцог Браганский. Он родился у королевской четы 21 марта 1887 г. в Лиссабоне. В 14 лет, в июле 1901 г., он принес присягу в зале пэров в присутствии родителей, двора и кортесов, созданных для торжественной церемонии. Согласно традиции Браганской династии принца-наследника начинали готовить к исполнению своего долга заранее. Он оставался в течение пяти дней правителем, когда король и королева ездили в Испанию. В 1906 г. он был введен в состав Государственного совета. Вскоре после этого принц совершил длительную поездку по заморским землям Португалии. Так что путь славных предков, португальских мореплавателей, открывателей южного пути в Индию он знал не понаслышке.

1 ФЕВРАЛЯ 1908 г.

Три дня спустя после попытки мятежа, 1 февраля 1908 г., королевская семья решила возвратиться из Вила Висоза в Лиссабон. Надо заметить, что португальский король не боялся своего народа: когда они вместе с королевой присутствовали на скачках, то обычно располагались близко

от публики. Так и теперь король отказался от автомобиля и сел в открытое ландо, демонстрируя отсутствие страха перед подданными.

Итак, в открытую карету сели король Португалии Карлуш I, которому оставалось еще целый день жить и быть королем; королева Амелия, обладательница одной из высших наград католического мира — «Золотой розы», еще целый день счастливая супруга и мать; Луиш, королевский принц, еще целый день наследник престола, и Мануэл, еще на целый день имевший отца и старшего брата. И карета тронулась...

В Лиссабон прибыли к вечеру. На пути во дворец предстояло проехать через людную площадь, где на этот раз карету поджидали. Двое убийц действовали четко, по заранее разработанному плану.

Одному из них, тому что постарше, было едва за 30 лет. Он был достаточно образован и преподавал в двух лиссабонских школах. Его участие в убийстве удивляет. Однако известно, что в свое время он служил в португальской армии и пользовался славой блестящего стрелка, был инструктором в тире. Видимо, это и привлекло к нему организаторов покушения. Скорее всего, он согласился стать наемным убийцей из-за денег. Именно он, выстрелив из карабина посреди толпы, сразил

наследника престола Луиша.

Второй убийца тоже не был прирожденным преступником. Работал сначала в лавке по продаже тканей, затем в конторе литературных издательств. Был известен своими передовыми взглядами. После первого выстрела он вспрыгнул на задок открытой кареты и выстрелом из револьвера в упор убил короля. Младший принц был ранен.

По одной версии, с преступниками немедленно расправилась на месте разгневанная толпа, а по другой — полиция. Наиболее вероятным представляется, что устранение их было проконтролировано теми, кто стоял во главе заговора.

ОТКЛИКИ

Похороны короля Карлуша и принца Луиша 9 февраля были молчаливой процессией по пустынным улицам. Гробы везла шестерка лошадей. Республиканская газета «Паиш» в описании траурной церемонии, выходя за последние пределы приличий, писала о процессии: «Прносят тленные останки двух монархов — ненужный прах развалившейся монархии». Однако, несмотря на все нападки на монархию, после убийства отца и сына простые люди сочувствовали жертвам и во время похорон народу на крышах

окрестных домов было достаточно. А на кладбище была даже попытка манифестации.

Возможно, что определенную роль в крушении португальской монархии сыграло и масонство. Но полиции не удалось раскрыть ни обстоятельств преступления, ни лиц, за ним стоявших. Известный политический деятель XX в., тоскуя об «обновляющем страну терроре», оценил убийство как не до конца реализованную возможность и сожалел, что «в Португалии удалось только *напугать* монархию убийством двух монархов, а не *уничтожить*»*.

Далее события развивались следующим образом. По конституции король считался совершеннолетним по достижении 18 лет. Через девять с половиной месяцев инфант Мануэл стал королем Португалии Мануэлом II, четырнадцатым королем из Браганской династии и тридцать первым с момента становления Португалии. Однако этому юноше на троне не суждено было долго царствовать. Древнее королевство было обречено. Ночью в ноябре 1910 г. Мануэл II на яхте «Амелия» покинул португальскую землю. Он умер в 1932 г. без потомства, и португальская корона в изгнании перешла к другой ветви Браганского дома.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 441.

НЕЗАКОНЧЕННОЕ СЛЕДСТВИЕ

(Загадка убийства короля Эллинов Георгиоса I)

Один очевидец больше стоит, чем десять человек,
которые только слышали.

Латинская поговорка

СМЕРТЕЛЬНОЕ РАНЕНИЕ

Теплый мартовский вечер в Салониках ничем не отличался от предыдущих. Король Греции Георгиос (Георг) I, сменивший в конце февраля 1913 г. свою афинскую резиденцию дворец Татой на салоницкую, решил совершить пешую прогулку по узким, вымощенным булыжником улицам второго по величине города своего королевства. Целый день он сидел в кабинете и занимался тем, что «вел», как сам об этом говорил, военные дела — шла Балканская война, в которой объединенная коалиция Болгарии, Греции, Сербии и Черногории очищала полуостров от турецких захватчиков. Продолжалось освобождение Балкан от многовекового османского господства.

Единственная задача — освобождение своих соотечественников — объединила балканские народы, но и поставила много вопросов. Болгарские войска стремительно продвигались к Константинополю, что вызывало всевозрастающее беспокойство Германии и Австро-Венгрии, не желавших поражения Турции — орудия их антироссийской политики. Англия и Франция видели в победах балканских христианских стран опасный симптом усиления русского влияния в районе Средиземноморья, что тоже не устраивало их. Российская империя, не подготовленная к решительным действиям в поддержку «братьев меньших», боялась серьезных последствий совместных успешных действий союзных армий и стремилась всеми

силами сохранить статус-кво в вопросе о Проливах, который был бы неминуемо поднят в случае захвата Константинополя болгарскими войсками. Так, имея различные причины, великие державы стремились использовать весь арсенал средств, чтобы не допустить окончательного вытеснения турок с Балканского полуострова.

Многими нитями были связаны и царствовавшие в странах региона династии с теми или иными европейскими державами. Сам Георгиос был сыном датского короля Кристиана IX и стал преемником греческого короля Оттона I при активном английском участии и поддержке России и Франции. Его супругой и, соответственно, королевой стала великая княгиня Ольга Константиновна. Таким образом, переплетение кровных уз, внешнеполитических интересов отдельных государств и собственных устремлений Греции порождали всевозможные коллизии.

Георгиосу приходилось действовать очень дипломатично, чтобы успокоить великие державы, сохранить антитурецкую коалицию и в то же время извлечь максимальную пользу из побед над Османской империей.

Чтобы как-то отвлечься от проблем, Георгиос I взял за правило прогуливаться вечером по тихим улицам Сало-

Король Георг (Георгиос) I

ник. Свой путь он совершал без охраны, лишь в сопровождении адъютанта. Так и в тот вечер 5 марта (18 марта по новому стилю), он, повернув на улицу Святой Троицы, возвращался в резиденцию. Чуть поодаль шел адъютант. Улица была пустынная, а шаги монарха и его сопровождающего гулко отзывались в тишине. Вдруг раздалась еще чьи-то шаги, но ни Георгиос, ни его сопровождающий не придали этому значения. А тень человека, неотступно следовавшего за королем, все

ближе и ближе... Поравнявшись с королем, который обернулся на звук торопливых шагов, незнакомец — молодой и ничем не приметный человек — выхватил из кармана пистолет и выстрелил. Затем бросился бежать. Растерявшийся адъютант, сообразив, что злоумышленник нужен живым, не стал стрелять, а бросился вдогонку. Через несколько минут убийца был задержан. На выстрел и крики адъютанта прибежали несколько полицейских. Смертельно раненного короля доставили в больницу, где вскоре он скончался от полученных ран.

СЛЕДСТВИЕ

Официальное сообщение о покушении на главу государства взбудоражило общественное мнение страны. Весть об убийстве короля в мирное время могла иметь самые серьезные последствия, но во время войны она становилась фактором, дестабилизирующим обстановку. Первое сообщение правительства гласило, что убийцей Георгиоса I является Александрос Схинас — «известный социалист из города Волос». Жители этого города с удивлением узнали, что цареубийца из их мест, да к тому же еще и «известный». Там его никто не знал. Далее сообщения полиции стали пу-

танее. Вдовствующая королева Ольга самым решительным образом пресекала все попытки «заинтересованных лиц» нарушить секретность производимых полицией мероприятий.

Дипломатические службы европейских государств активизировали сбор информации о случившемся. Не остались в стороне и политическая полиция, военная разведка, жандармские управления разных стран. Российская тайная полиция мгновенно включилась в разработку дела. Уже на следующий день начальнику жандармского управления Одессы — одного из крупнейших центров греческой диаспоры в России — была направлена телеграмма, в которой говорилось: «Телеграфируйте имеющиеся Вас сведения по поводу убийства греческого короля». Дешеша аналогичного содержания была отбита в Константинополь, заведующему российской агентурой в Турции. 8 марта 1913 г. в особый отдел Департамента полиции, занимавшийся политической разведкой и контрразведкой, поступила шифротелеграмма от заведующего агентурой в Турции. Он сообщил: «До сего времени точных сведений нет. Полагают, что совершено Македонско-Одринским комитетом или салоницкими евреями. Ожидаю точных сведений Болгарии». В свою очередь в Министерство иностр-

Перенесение тела короля Георга I в Салониках. Королевичи Христофор, Николай, новый наследник престола Георг, король Константин (Константинос) I, королевичи Андрей, Александр и Георг

ранных дел Российской империи из Афин пришло сообщение от русского посланника Е. П. Демидова, что «в городе (Афинах) тотчас распространился слух, будто ко-

роль пал от руки болгарина, что, к счастью, оказалось неверным. Цареубийца — грек, по имени Схинас. По сведениям, полученным в здешнем Министерстве иностранных

Король Константин (Константинос) I во дворце Татой. Июль 1915 г.

дел, неуравновешенный, фанатик-социалист, прикосновенный к социалистическим организациям в Софии и Воло. За точность этих сведений ручаться, однако, не могли».

По просьбе греческого правительства в Афины был командирован агент — один из «чинов русской тайной полиции на имеющиеся состояться в Афинах похороны греческого короля Георга».

В самой Греции продолжались интенсивные допросы А. Схинаса. Его прошлое ос-

тавалось все еще неизвестным. Убийца наотрез отказался отвечать. Он, видимо, считал, что так у него больше шансов остаться живым.

Однако расследование интенсивно велось и в России. Слишком серьезные последствия этого преступления заставили российскую дипломатию и тайные службы империи доискиваться причин устранения Георгиоса I с политической сцены. К тому же родственная связь царствующего дома Романовых со вдовой греческого короля Ольгой обязывала Санкт-Петербург к этому. 15 марта 1913 г. заведующий русской агентурой в Турции сообщил в телеграмме: «По одним сведениям, акт этот организован партией «Иттигад»* и рассчитан на то, чтобы виновными оказались болгары; это обострило бы неискренние отношения между ними и греками, повело бы к разрыву и дало бы возможность партии «Иттигад» выполнить взятую на себя задачу, довести войну до благополучного конца. Подготавливалось убийство несколькими членами «Иттигад», выезжавшими с этой целью в Германию и Австрию и подкупившими Александроса Схинаса... По другим сведениям, убийца болен не-

* Правильно «Иттигад ве таракы» (тур.) — «Единение и прогресс» — организация младотурок. К началу 1913 г. руководство было сосредоточено в руках Энвера, Талаата и Джемала.

Королевич Николай (Николаос)

врастений, которая и побудила его к преступлению, независимо от посторонних влияний...»

Поиски организаторов покушения в Греции не дали результатов. Схинас продолжал молчать. Британская дипломатия и разведка, пытавшиеся нащупать причинно-следственную связь между политикой Георгиоса I, его отношениями с балканскими союзниками и методами действий турецкой агентуры, тоже оказались бессильны. Единственно, что было для Лондона вне всякого сомнения, так это та

польза, которую мог извлечь для себя Берлин, постаравшись провести на престол принца Константиноса (Константина), известного своими прогерманскими настроениями.

Российская миссия в Афинах сообщала в Санкт-Петербург: «В столице Греции функционирует, наряду с официальной, безответственная тайная полиция, непосредственно подчиненная дворцовым кругам для охраны и якобы безопасности короля, на самом же деле, будучи в близком соприкосновении с аген-

тами барона Шенка, всюду прислушиваясь к уличным разговорам и застольным беседам, зачастую возбуждая скандалы своими провокаторскими приемами и производя самые произвольные аресты за мнимую неблагонадежность обывателя-венизелиста*...»

Заинтересованность Берлина и Стамбула в устранении греческого монарха и изменении ситуации на Балканском полуострове в их пользу была очевидна, но не хватало фактов. Тем временем российская политическая разведка через своего резидента в Турции получила сведения, в соответствии с которыми «убийство короля Греции Георга I организовано в Берлине прибывшими туда для этого видными членами «Иттигада» Джавид-беем, Талаат-беем, Халки-пашой и Саид-беем... никакие революционные организации не причастны к этому делу, и убийца симулирует сумасшествие, будучи совершенно нормальным».

В свою очередь в Вене склонялись в пользу так называемой болгарской версии. В небольшой степени этому способствовала информация из Афин, поступившая от посланника Австро-Венгрии в

Греции Брауна. Однако в большинстве европейских столиц отношение к «болгарскому» следу было осторожное — слишком подозрительно выглядело устранение греческого монарха в момент совместных успешных действий антитурецкой коалиции.

По мере того как убийство Георгиоса I переставало быть главной темой международных новостей, а греческая пресса вновь сконцентрировала свое внимание на событиях Балканской войны, в поведении А. Схинаса на допросах стали происходить изменения: он решил давать показания. В тюрьму, где содержался Схинас, срочно прибыла королева Ольга. Она потребовала оставить ее наедине с убийцей. Беседа с узником длилась несколько часов.

Сразу же после отъезда Ольги у тюремной камеры была усилена охрана, дабы исключить общение заключенного с внешним миром. Затем с этой же целью решено было перевести А. Схинаса на самый верхний этаж, где остальные камеры очистили от «постояльцев». Утром следующего дня начальник тюрьмы лично пришел за Схинасом. Убийце сообщили, что его переводят в другое помещение. Схинас следовал в сопровождении конвоя. Сзади заключенного шел еще один полицейский. Процессия медленно начала подниматься по лестнице. На

* Венизелисты — сторонники Элифтериоса Венизелоса (1864—1936) — государственного и политического деятеля, много раз занимавшего пост премьер-министра, в том числе в 1910—1915, 1917—1920 и 1924 гг. — *Прим. сост.*

одном из пролетов, как раз напротив открытого (!) окна, произошло вдруг замешательство. Один миг — и Схинас оказался на тюремном дворе. Он лежал бездыханным на булыжной мостовой. Так исполнитель, а возможно, и свидетель сам избрал себе кару, оборвав все нити следствия.

ПОДОЗРЕНИЯ ОСТАЛИСЬ

Новый король Греции Константинос (Константин) I стал настаивать на дальнейшем расследовании. Балканская война завершилась победой антитурецкой коалиции 30 мая 1913 г. Однако блок Балканских государств раскололся на две неравновеликие части: с одной стороны — Болгария, а с другой — Греция и Сербия. Вторая, так называемая межсоюзническая, Балканская война, длившаяся чуть более полутора месяцев, закончилась поражением Болгарии и потерей для нее всех ранее приобретенных земель.

Казалось, что все уже забыли об убийстве на улице Святой Троицы в Салониках. Однако те, кто стоял за убийством короля, понимали, что необходимо окончательно «закрыть» дело. В России тоже не оставили попыток выяснить обстоятельства покушения. Совершенно неожиданно в конце августа 1913 г. российс-

кие дипломаты сообщили из Афин, будто точно определено — Георгиос стал жертвой заговорщиков-эмигрантов, живущих в Болгарии. Политическая разведка России также получила сообщение от своего резидента в Турции, что «убийство короля Георга организовано Македонско-Одринским революционным комитетом...» Столь поразительное совпадение информации именно после поражения Болгарии во второй Балканской войне не может не настаивать. Для Санкт-Петербурга покушение имело весь конкретное политическое продолжение — вторая страна на Балканском полуострове, помимо Болгарии, переориентировалась на Германию. Сам факт, что Константинос получил от германского императора Вильгельма II звание генерал-фельдмаршала германской армии, наводил на вполне конкретные размышления.

...Шло время. Уже отгремела мировая война, в которой Греция выступила все же на стороне антигерманской коалиции. В 1917 г. Константинос был вынужден отречься от престола в пользу своего сына Александра (Александра), пребывание которого на троне было недолгим. Через три года Константинос вновь был объявлен королем — из-за смерти сына — и находился на троне до сентября 1922 г., когда опять был вынужден отречься.

Уже в середине 20-х гг. некоторые частные лица попытались ознакомиться с политическими материалами об убийстве Георгиоса I, включая протоколы допросов Схинаса. Подозрения о причастности некоторых членов королевской фамилии к преступлению заставляли противников монархии искать тому документальное подтверждение. Однако, несмотря на могущественных покровителей и поистине неограниченные возможности, «любознательные» ничего не получили — все материалы дела и даже улики (включая пистолет) исчезли. Кто-то из полицейских вспомнил, что принц Николаос (Николай) затребовал все материалы об убийстве, но вернул ли? Ни королева Ольга, ни кто-либо из ее приближенных никогда не говорили о содержании разго-

вора с убийцей. Вероятно, всем участникам драмы было что скрывать.

Более того, известный политический деятель генерал Пангалос случайно в разговоре со следователем, который занимался делом об убийстве Георгиоса I, узнал, что самоубийство Схинаса — не случайность, а хорошо спланированная и осуществленная одним из служащих полиции акция.

Тогда же промелькнуло сообщение, что роковой выстрел был сделан не Схинасом, а австрийским офицером, стоявшим в дверном проеме одного из ближайших домов и мгновенно скрывшимся с места преступления. Но из всех версий одна остается наиболее живучей — о причастности к убийству Берлина при «посредничестве» младотурок.

САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО 28 ИЮНЯ 1914 г. И ЗАКАТ ИМПЕРИЙ ГАБСБУРГОВ

Как мелки с жизнью наши споры,
Как крупно то, что против нас!

Райнер Мария Рильке

28 июня 1914 г. в столице Боснии Сараево прозвучали выстрелы, которым суждено было возвестить начало новой эры. Убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда послужило сигналом к развязыванию первой мировой войны, повлекшей за собой гибель трех европейских монархий и коренные изменения в мире.

Что же представлял собой человек, политическое убийство которого привело к такому трагическим последствиям для «старой Европы»?

СЕМЬЯ

Франц Фердинанд был старшим сыном эрцгерцога Карла Людвига, брата австрийского императора Франца

Иосифа I, и Марии Аннунциаты, дочери короля Обеих Сицилий Фердинанда II Бурбона. Он родился 18 декабря 1863 г. в Граце. После появления на свет еще двух сыновей — Отто и Фердинанда — и дочери Мария Аннунциата скончалась от туберкулеза. Через два года Карл Людвиг вновь женился — на португальской принцессе Марии Терезии. Его выбор оказался очень удачным. Мария Терезия заменила мать четверем малолетним детям.

Карл Людвиг не имел склонности к военной или государственной деятельности. Он вел частную жизнь, занимался воспитанием детей, интересовался историей культуры. Большое внимание в семье уделялось изучению истории и языков, но главным было религиозное воспитание в духе

римско-католической церкви. Такая домашняя атмосфера оказала большое влияние на формирование характера юного эрцгерцога.

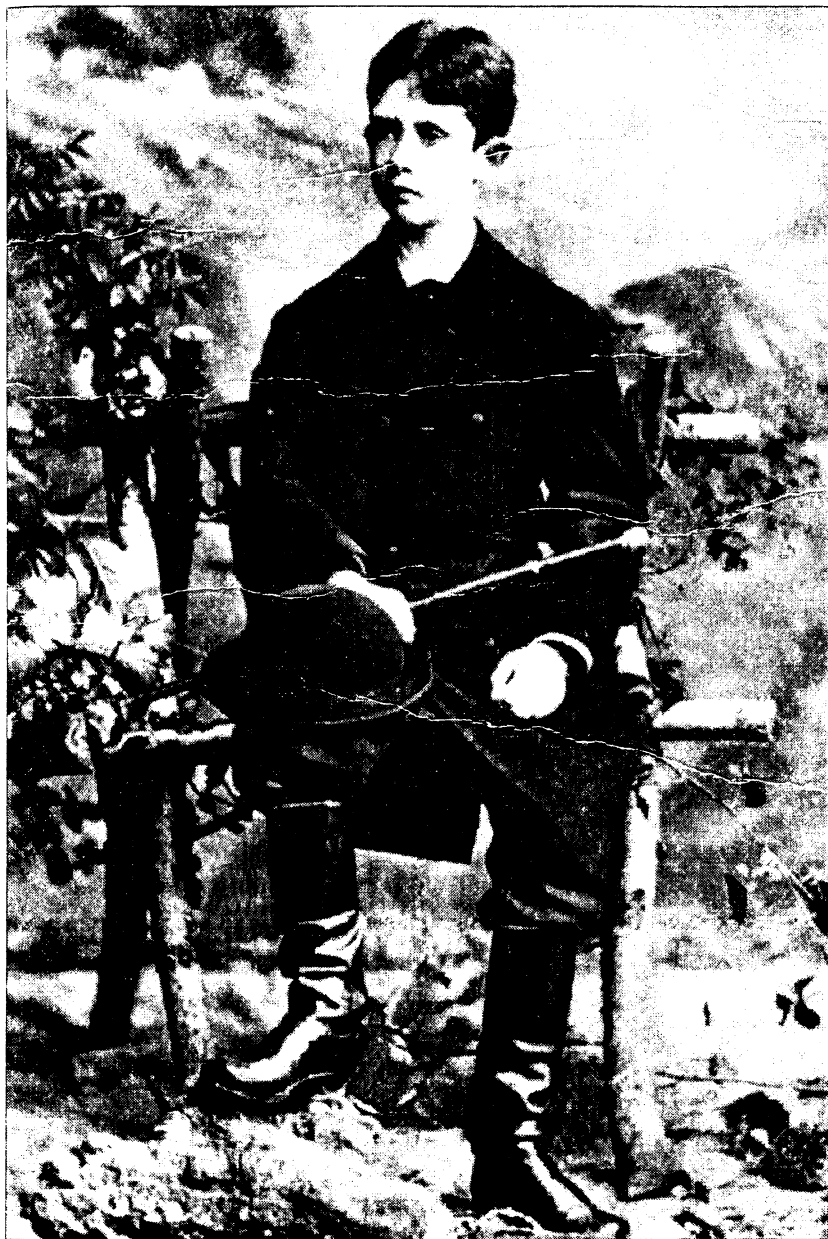
В 1875 г. Франц Фердинанд унаследовал богатые владения и титул последнего герцога Франца V Модена-Эсте, происходившего из рода Габсбургов. Воспитание молодого эрцгерцога включало и военную подготовку, в которой Франц Фердинанд весьма преуспел. Что же касается общего образования, то сам эрцгерцог сознавал, что в нем имеются существенные пробелы. Поэтому он использовал время, когда ему пришлось лечиться от наследственного туберкулеза, для самообразования. Эти годы явились серьезным испытанием для Франца Фердинанда. Именно тогда сформировались такие черты его личности, как замкнутость, недоверие к людям, он стал сторониться придворной жизни.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НАСЛЕДНИКА

1889 год — переломный в судьбе Франца Фердинанда: покончил с собой единственный сын императора кронпринц Рудольф. Смерть наследника — не первая и не последняя потеря в семье Франца Иосифа. В 1867 г. трагически завершилась авантюра, принятая младшим братом

императора эрцгерцогом Максимилианом, который, рассчитывая на поддержку Наполеона III, вознамерился стать императором Мексики. Однако мексиканские республиканцы разгромили его войска, а Максимилиан был расстрелян. Но судьба не щадила Франца Иосифа — в 1898 г. в Женеве итальянский анархист Луиджи Лучени убил его жену императрицу Елизавету. Будто рок преследовал эту семью.

Согласно закону о престолонаследии, брат Франца Иосифа эрцгерцог Карл Людвиг был объявлен наследником престола. Однако небольшая разница в возрасте между братьями, неподготовленность Карла Людвиг к исполнению столь сложных обязанностей заставляли всех предполагать, что реальным преемником власти и короны будет Франц Фердинанд. Франц Иосиф стал поручать племяннику некоторые представительские и дипломатические задания. Так, в августе 1889 г. Франц Иосиф взял его с собой в Берлин, где эрцгерцог познакомился с молодым кайзером Вильгельмом II. Новый германский император, весьма воинственно настроенный, заявил Францу Иосифу, что независимо от причины австрийской мобилизации (в связи с болгарским вопросом или по другому поводу) в тот же день будет объявлена мобилизация и в Германии. Эта явная де-

Эрцгерцог Франц Фердинанд в детстве

монстрация против России насторожила эрцгерцога. Он был внимательным наблюдателем и критически оценивал события.

Зимой 1891 г. Франц Фердинанд отправился с первой самостоятельной дипломатической миссией в Россию. Он должен был передать Александру III дружеское послание Франца Иосифа. Это было сложное время в отношениях между двумя государствами — существовали серьезные противоречия на Балканах. Отношения России с Германией ухудшались, союз трех императоров не был возобновлен, Россия сближалась с Францией, что вскоре привело к заключению русско-французского союза. Однако австрийский эрцгерцог был тепло принят в Санкт-Петербурге. Франц Фердинанд остался очень доволен своим визитом в Россию. Он пришел к выводу, что нельзя допустить войны между двумя великими империями.

БОЛЕЗНЬ

Последующие несколько лет были сложными в жизни Франца Фердинанда. Вновь открылся туберкулезный процесс. Эрцгерцог был вынужден подолгу жить вдаль от Вены. Придворные круги уже не рассматривали всерьез его кандидатуру, когда в 1896 г. умер

его отец. Близкая к венгерским правящим кругам газета «Мадьяр Хирлап» опубликовала статью, в которой сообщалось о тяжелой болезни и возможной скорой смерти очень нелюбимого в Венгрии эрцгерцога, что вызвало справедливое возмущение Франца Фердинанда. Он отнюдь не собирался сдаваться.

Наследник неожиданно появился в Вене в сентябре 1896 г. на празднествах в связи с визитом русского царя Николая II. Он был заинтересован в улучшении отношений с Россией. Однако эта встреча не имела политических последствий. Потребовался еще визит Франца Иосифа в Россию в мае 1897 г. для заключения соглашения — оба государства обязывались не нарушать статус-кво на Балканах. Австро-русское соглашение на несколько лет разрядило атмосферу в этом регионе.

Упорное лечение, выдержка и сила воли Франца Фердинанда принесли свои плоды. Он поправился и приступил к исполнению обязанностей наследника. Это был уже зрелый человек, со вполне определенными взглядами и мировоззрением. Один из политических деятелей Австро-Венгрии Эрнст фон Пленер писал в мемуарах о Франце Фердинанде: «Жесткий, властный, нетерпимый, своенравный, вспыльчивый, однако, несмотря на все недостатки, это

Франц Фердинанд в охотничьем костюме

не был стремящийся к наслаждениям принц, прожигатель жизни; Франц Фердинанд — ярко выраженная личность, он обладал большим политическим честолюбием».

ЖЕНИТЬБА

Эти черты характера Франца Фердинанда ярко проявились в истории его женитьбы. Некоторое время Франц Фердинанд гостил у кузена — эрцгерцога Фридриха в Пресбурге (Братислава). Он и его жена Изабелла, имевшие много дочерей, лелеяли надежду увидеть одну из них на австрийском престоле. Каково же было возмущение августейших родственников, когда они вдруг узнали, что мысли наследника занимает совсем другая дама. После теннисной партии Франц Фердинанд забыл на корте свои часы. Открыв крышку на часах, Изабелла с удивлением обнаружила внутри портрет своей придворной дамы графини Софии Хотек. Графиня сразу же была удалена от двора эрцгерцогини, и обо всем было доложено императору.

Этот выбор не нравился и Францу Иосифу. София была дочерью небогатого чешского графа Богуслава Хотека, дипломата, занимавшего незначительный пост при императорском дворе. Оказывается, Франц Фердинанд еще во время своей

службы в Праге познакомился со стройной миловидной графиней, между ними зародилась симпатия, переросшая вскоре в сильное чувство.

Император и слышать не хотел об этом браке. Хотя графиня Хотек происходила из старого богемского дворянского рода, но это был не тот узкий круг, из которого мог выбирать невесту представитель австрийского императорского дома. Речь могла идти только о морганатическом браке. Но никогда еще в истории династии Габсбургов кронпринц не заключал такого брака. Несмотря на уговоры, на апелляцию к его чувству долга, Франц Фердинанд остался тверд. Он заявил, что если Франц Иосиф не даст разрешение, то он будет ждать до смерти императора, оставаясь при этом несчастнейшим человеком. Эрцгерцогу помогла мачеха Мария Терезия — она уговорила Франца Иосифа уступить. Франц Фердинанд согласился принять все последствия морганатического брака.

28 июня 1900 г. в венской резиденции Хофбург, в присутствии Франца Иосифа, членов императорского дома и высших должностных лиц государства, наследник произнес отречение: ни его жена, ни будущие дети не являются членами императорского дома и не обладают соответствующими правами и привилегия-

Герцогиня София фон Гогенберг

Франц Фердинанд с семьей

ми, они исключаются из права престолонаследия. 1 июля в Рейхсштадте (Богемия) состоялась свадебная церемония. На ней присутствовал лишь узкий круг родственников, не было никого из эрцгерцогов, даже братьев. Супруге Франца Фердинанда был пожалован титул княгини Гогенберг (а с 1909 г. — герцогини).

После свадьбы молодая чета поселилась в любимом имении Франца Фердинанда Конопиште, а в Вене им принадлежал дворец Евгения Савойского Бельведер. Этот брак оказался очень счастливым. Франц Фердинанд являл собой пример заботливого отца

семейства, нежного и внимательного супруга. У них было трое детей — дочь и два сына. Супруги очень любили своих детей и много занимались их воспитанием. Положение не позволяло княгине Гогенберг появляться рядом с мужем на официальных церемониях, даже в театре она не могла сидеть в императорской ложе. Поэтому наследник чаще всего один ездил в Вену по делам.

КЛАН ГАБСБУРГОВ

Отношения с членами императорской фамилии оста-

вались напряженными. Долгое отсутствие в Вене вследствие болезни и неравный брак отдалили Франца Фердинанда от большинства родственников, да и характер наследника мало располагал к тесным родственным связям. Даже с родными братьями Франц Фердинанд находился в сложных отношениях. Что касается Франца Иосифа, то и после брака он не смирился с обстоятельствами. Однако его с племянником объединяла общая цель — сохранение единой и мощной империи. Как настоящий Габсбург, Франц Фердинанд свято верил в божественное предназначение своего рода. Он писал в 1899 г.: «Я твердо стою за единство Австрии, в качестве средств объединения ее народов я рассматриваю династию, католическую религию и особенно немецкий язык».

Франц Фердинанд продолжал активно заниматься военными делами. Престолонаследник любил эту сферу деятельности, знал в ней толк. Не терпевший рутинной бумажной работы, эрцгерцог должен был во все вникать сам, поэтому много ездил, инспектурируя войска.

Франц Фердинанд провел ряд реформ в армии. Большая заслуга принадлежит ему в создании австрийского военно-го флота.

БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ

Довольно долго император не привлекал Франца Фердинанда к решению важнейших внутри- и внешнеполитических вопросов. Такое положение тяготило его. Ситуация начала меняться с 1906 г., когда на ряд важных государственных постов были назначены люди из окружения Франца Фердинанда. Большое значение имели и изменения в военной канцелярии наследника. Ее шефом стал Александр Брош фон Ааренау. Одаренный в военном отношении, тонкий дипломат, он завоевал полное доверие Франца Фердинанда. Разделяя его политические планы, Брош стал надежным помощником. Военная канцелярия вскоре из скромного института превратилась в политический орган, который благодаря хорошей организации и службе информации стал представлять опасный противовес центральной власти. Влиятельными сотрудниками канцелярии были находившиеся в оппозиции к правящим кругам Вены и Будапешта чешский аристократ граф Оттокар Чернин, румынский политик Александр Вайда, словацкий политический деятель Милан Ходжа, бывший министр внутренних дел Венгрии Йозеф Кристофи.

Благодаря стремлению

Франца Фердинанда оказывать большее влияние на австрийскую политику наметилась линия противостояния «Хофбург — Бельведер» — придворной партии и партии наследника. Бывший министр-президент Эрнст фон Кёрбер определил положение дел так: «Мы имеем не только два парламента [австрийский и венгерский], но и двух императоров». Брош назвал эрцгерцога Франца Фердинанда «верной его величеству оппозицией».

ПЛАНЫ РЕФОРМ

Какие же планы вынашивались наследником и его окружением? Франц Фердинанд считал необходимым провести серьезные реформы в империи. Он полагал, что пора покончить с дуализмом*, что венгерские правящие круги, оказывая сильное давление на Франца Иосифа, забрали слишком много власти. У Бельведера не было четко разработанной программы реформ, однако основные идеи сводились к необходимости учета национальной специфики земель монархии и уравниванию их в правах Австрии, Богемии

с Моравией, Галиции, Венгрии и Хорватии.

Впоследствии в окружении наследника и им самим стали развиваться идеи триализма: Австрия — Венгрия — объединение южнославянских земель. Появилась так называемая «правительственная программа» Франца Фердинанда, в которой нашли свое отражение эти планы. Предусматривался ряд мероприятий, которые необходимо было провести сразу после смерти императора. Франц Фердинанд вступал на престол под именем Франца II. Вводился пост рейхсканцлера (возможно, для А. Броша). Поэтапно должно было произойти преобразование монархии в федеральное государство.

По сообщению британского посла в России сэра Джорджа Бьюкенена, Николай II рассказывал ему о встрече в 1903 г. во время визита в Вену с австрийским наследником. Франц Фердинанд посвятил русского царя в свои планы реформирования Австро-Венгрии — речь шла о триализме. В европейских дипломатических кругах и в Сербии всерьез воспринимали возможность реализации этих планов.

ОТНОШЕНИЕ К НАРОДАМ ИМПЕРИИ

С годами отрицательное отношение Франца Фердинанда

* В 1867 г. Австрийская империя была преобразована в дуалистическую конституционную монархию Австро-Венгрия, где венгерские земли имели такие же права, как и австрийские, свой парламент и правительство.

к дуализму не изменилось, однако он видел все больше сложностей, с которыми придется столкнуться при проведении реформ. Широко известна нелюбовь Франца Фердинанда к Венгрии (к тому же взаимная). Но его политический советник Йожеф Кристофи уточнял, что наследник не был настроен враждебно ко всему венгерскому — дело в неприятии им политики, проводившейся венгерскими правящими кругами и направленной на укрепление независимости от Вены. Франц Фердинанд считал премьер-министра Венгрии Иштвана Тису своим злейшим врагом. В свою очередь Тиса заявлял: «Если престолонаследник, став императором, выступит против Венгрии, я подниму против него национальную революцию». Это противостояние не было ни для кого секретом.

В целом отношении Франца Фердинанда к различным народам, населявшим империю Габсбургов, диктовалось монархически-консервативными и династическими интересами. Так, в военной канцелярии — этом антимадьярском центре — вожди проживавших в венгерских землях румын и словаков играли ведущие роли. В противоположность старому кайзеру Франц Фердинанд признавал, что национализм является новым мощным политическим фактором, который нужно использовать в

борьбе против Будапешта и за укрепление центральной власти. Однако это было очень опасное оружие.

Особой благосклонностью наследника пользовались хорваты и словенцы — из-за их римско-католического вероисповедания и потому, что они в 1848 г. остались верны династии. Играл роль и такой фактор, как отношение официальной Вены: Хофбург благоволил полякам, Бельведер был настроен антипольски. Франц Фердинанд видел в польских магнатах силу, близкую по своим идеям к венгерским правящим кругам, полагал, что их антирусские настроения — серьезное препятствие для осуществления его любимой идеи возобновления союза трех императоров. Исходя из этого, Бельведер поддерживал требования русин (украинцев) в Галиции о предоставлении им больших прав.

Несмотря на достаточно распространенное мнение, что чешская аристократия оказывала влияние на Франца Фердинанда через его жену, это не соответствует действительности. Наследник никогда не признавал выдвигающуюся ими программу восстановления исторического Чешского королевства в рамках империи и не собирался короноваться в Праге. Поэтому и отношение чехов к Францу Фердинанду нередко было враждебным.

Сильная воля Франца Фердинанда, авторитарный характер, его решительность и непреклонность в отстаивании своего мнения, взрывной темперамент не прибавляли ему популярности. Да он и не искал ее. «Что значит популярность? — писал Франц Фердинанд. — Это меня не волнует. Я полагаю, что обязанность монарха в каждом конкретном случае действовать так, как он считает нужным для блага государства, не думая о том, нравится это кому-нибудь или нет».

Главную ставку в своей деятельности Франц Фердинанд делал на австрийских немцев. В них он видел нацию — носительницу имперской идеи. Еще в 90-е гг. он имел тесные связи с христианско-социальной партией (которую также называли «партией наследника»). В то же время немецкие националисты, пангерманисты не пользовались поддержкой Франца Фердинанда. Для него на первом месте всегда была империя — хорошо все, что способствует ее укреплению.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

Франц Фердинанд считал, что сотрудничество консервативных монархических держав может сохранить существующий порядок и обеспечить реальный противовес притяза-

ниям либеральных стран. Это означало укрепление союза с Германией, установление дружественных отношений с Россией — условием этого являлось сохранение статус-кво на Балканах. Наследник с недоверием и враждебностью относился к Франции и Италии, видя в них оплот масонства и революционных сил, угрожавших существованию консервативных режимов.

Усилия эрцгерцога были также направлены на возобновление союза трех императоров 70-х гг., его связывали дружеские отношения с германским кайзером Вильгельмом II, что совпадало с официальной внешней политикой Вены.

Однако, что касается России, то тут взгляды наследника расходились с общепринятыми. Он постоянно подчеркивал свое стремление к сближению с Россией. В 1913 г. Франц Фердинанд писал министру финансов Австро-Венгрии Александру Шпицмюллеру (своему советнику по экономическим и финансовым вопросам): «Я никогда не буду воевать против России. Я пойду на жертвы, чтобы избежать этого. Война между Австрией и Россией завершится свержением либо Романовых, либо Габсбургов, а может быть и обеих династий». Поэтому он выступал против участия своей страны в военных действиях на Балканах,

что могло бы повлечь за собой австро-русский конфликт.

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС

Балканский вопрос в начале XX в. был одним из сложнейших в европейской политике. Здесь пересекались интересы многих держав. Согласно решению Берлинского конгресса 1878 г., Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину. В последующие годы австрийский капитал активно проникал на Балканы. Создавалась реальная возможность того, что европейская Турция станет сферой интересов Австро-Венгрии. Однако австрийские правящие круги полагали, что серьезным препятствием к этому является позиция Сербии, которую считали «Пьемонтом южных славян». Аннексия в 1908 г. Боснии и Герцеговины еще больше осложнила отношения с Сербией. В дни боснийского кризиса 1908—1909 гг. над Европой нависла тень мировой войны, которой тогда удалось избежать, но балканский узел затягивался все туже.

Новое обострение ситуации на Балканах произошло в 1912 г., когда Черногория, Болгария, Греция и Сербия объявили войну Турции. Тогда великие державы не приняли участия в конфликте. Была созвана Лондонская конференция, которая положила конец вой-

не и провозгласила образование независимой Албании. Последнее решение явилось дипломатической победой Австро-Венгрии. Вскоре разразилась вторая Балканская война — речь шла о перекройке границ. Напряженность на Балканах сохранялась.

Когда в октябре 1913 г. сербы, спровоцированные налетами партизан, перешли границы Албании, Австро-Венгрия направила ультиматум, требуя от Сербии отвода войск. Та отступила. В эти дни Вильгельм II заявил новому австрийскому министру иностранных дел Леопольду Берхтольду: «Вы можете быть уверены, что я за вас готов вынуть меч, как только ваши действия сделают это необходимым».

«Вынуть меч» стремились и определенные круги в Австро-Венгрии во главе с начальником генштаба Конрадом, полагавшие, что война — единственная возможность возродить мощную державу, только война может привести к консолидации нации и укреплению внутреннего положения в стране. Один из ярких политических деятелей Австрии, член парламента Йозеф Редлих писал в январе 1913 г.: «У меня такое чувство, что Австро-Венгрия находится накануне страшной катастрофы. Финансы дезорганизованы, экономика в упадке... Становится все более очевидным отсутствие целей и планов в нашей внеш-

Замок Конопишт в Богемии

ней и внутренней политике». В дневниках он отмечал, что Конрад работает на войну, но император боится краха государства в случае военных неудач. В его записях этого времени неоднократно повторяется, что наследник настроен против войны, стремится любой ценой к миру с Россией, хочет избежать превращения Австрии в вассала Германии.

В период балканского кризиса 1912—1913 гг. Франц Фердинанд выступал за мирную позицию Австро-Венгрии. Он считал идею Конрада о войне с Сербией безумием. В феврале 1913 г. наследник заявил начальнику Генштаба: «Мне не нужно от Сербии ни одного сливового дерева, ни одной овцы». Тогда же по его инициативе в Санкт-Петербург был послан князь Г. Гогенлоэ, передавший Николаю II послание Франца Иосифа, в котором выражалось стремление восстановить добрые отношения между Россией и Дунайской монархией в интересах европейского мира. Эта миссия помогла в некоторой степени преодолеть недоверие царя к австрийской политике, и военные приготовления в обеих странах замедлились.

НАГНЕТАНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ

Стефан Цвейг в воспоминаниях так писал о настрое-

Император Франц Иосиф I

ниях жителей страны в канун войны: «Особенно в Австрии ощущали мы, что находимся в центре беспокойной зоны. В 1910 г. император Франц Иосиф отметил свое восьмидесятилетие. Дни этого старца, ставшего уже символом, были сочтены, и повсюду распространилась уверенность, что после его кончины процесс распада тысячелетней монархии станет неуправляемым».

Эта напряженность сильнее всего чувствовалась в аннексированных провинциях. Сербия не хотела мириться с включением Боснии и Герцеговины в состав Австро-Венгрии. В 1910—1914 гг. здесь был совершен ряд покушений на представителей оккупационных властей. Особую ненависть

Император Вильгельм II и эрцгерцог Франц Фердинанд в парке Конопишта в июне 1914 г.

сербы испытывали к Францу Фердинанду, считая его лидером военной партии, настоявшей на аннексии. Настороженность вызывало и намерение Франца Фердинанда превратить Австро-Венгрию в триалистическое государ-

ство — полагали, что, взойдя на престол, он сделает одного из своих сыновей наместником или королем южнославянской части.

Сообщения о том, что сербские националисты собираются устранить Франца Фер-

динанда, поступали в Вену из Белграда еще с 1910 г. В Сербии существовала организация «Черная рука», в планах которой было присоединение к Сербии «единоплеменных народов». В 1903 г. офицеры — члены этого союза — организовали дворцовый переворот, убили короля Александра Обреновича и возвели на престол династию Карагеоргиевичей. Была намечена и ликвидация болгарского царя Фердинанда, короля Греции Константина и австрийского престолонаследника.

Однако в Вене не придали должного значения подобным сообщениям. Назначенный в августе 1913 г. генеральным инспектором всех вооруженных сил Франц Фердинанд планировал провести в июне 1914 г. военные маневры в Боснии. Возмущение многих сербов вызвало намерение наследника прибыть в Сараево в день святого Вида — 28 июня — годовщину битвы на Косовом поле в 1389 г., когда турки разбили сербские войска, а Сербия попала под власть Османской империи. Сербский посланник в Вене Йован Йованович по поручению своего правительства сообщил 5 июня Леону Билинскому, осуществлявшему управление Боснией и Герцеговиной, о возможности покушения на Франца Фердинанда, подчеркнув, что проведение маневров в Боснии, да еще в Видов день,

будет расценено сербами как провокация. Несмотря на всю серьезность предупреждения, Л. Билинский не счел нужным поставить в известность о нем ни министра иностранных дел, ни самого Франца Фердинанда. Более того, охрана наследника во время этого визита была явно недостаточной.

ПОКУШЕНИЕ

Убийство Франца Фердинанда и его жены было организовано обществом «Млада Босна», возникшим в 1912 г. Члены этого общества выступали за создание независимого югославянского государства, за воссоединение с Сербией. Все трое участников покушения происходили из Боснии: 20-летний Гаврило Принцип еще учился в последнем классе Белградской высшей гимназии, 19-летний Неделько Чабринович работал в типографии и 18-летний Трифко Грабеж тоже был гимназистом. В воскресенье, 28 июня, они стояли в толпе встречающих эрцгерцога на набережной реки Миляцка в Сараево. Когда показался кортеж из шести автомашин, Н. Чабринович бросил бомбу во второй автомобиль, в котором ехали Франц Фердинанд с супругой, но бомба разорвалась под третьей машиной, ранив пассажиров. Чабринович

Гаврило Принцип с товарищами перед поездкой в Сараево

был арестован, а эрцгерцог продолжил свой путь к ратуше, где должна была состояться торжественная встреча. После приема в ратуше решено было навестить раненых офицеров в госпитале. Во время этой второй поездки пули Г. Принципа настигли Франца Фердинанда и Софию.

Состоявшийся в октябре 1914 г. судебный процесс носил тенденциозный характер. Австрийская сторона заявила об участии в убийстве эрцгерцога сербской тайной офицерской организации «Объединение или смерть» («Черная рука»), утверждалось, что заговору покровительствовало сербское правительство. Однако суд не смог доказать, что Г. Принцип и его единомыш-

ленники были сербскими агентами. Компрометирующие Сербию материалы не были найдены.

Участники покушения умерли в австрийской тюрьме, один из руководителей «Млады Босны» Данило Илич был казнен. Протоколы судебного процесса, вывезенные из Сараево в Вену по распоряжению министерства внутренних дел, пропали. Складывается впечатление, что кому-то было выгодно «обрубить концы».

Одну из версий убийства эрцгерцога выдвинул его сын Максимилиан Гогенберг. В интervью газете «Пари суар диманш» 4 июля 1937 г. он обвинил германские секретные службы в соучастии в убийстве, поскольку наследник венского престола мешал осуществлению великодержавных планов Вильгельма II. Некоторые основания для этой гипотезы есть. Несмотря на внешне дружеские отношения, Франц Фердинанд и Вильгельм II существенно расходились в вопросе о роли Дунайской монархии. Германия стремилась включить Австро-Венгрию в сферу своего экономического влияния, считала ее младшим партнером по коалиции. Франц Фердинанд же стремился возродить Великую Австрию, не следующую в фарватере германской политики. Однако эта версия не доказана. Справедливы слова английского госсекретаря по

Франц Фердинанд с женой по дороге в Сараево. Утро 28 июня 1914 г.

иностранным делам Эдуарда Грея: «Миру, вероятно, никогда не будет сказано все о

подлинной причине убийства эрцгерцога Франца Фердинанда».

Покушение 28 июня 1914 г. в Сараево. Рисунк

МИР УЗНАЁТ ОБ УБИЙСТВЕ

Сообщение об убийстве австрийского наследника вызвало разные отклики в мире. Даже в самой Австро-Венгрии отношение к этому событию было неоднозначным. Один из самых близких придворных запомнил слова императора в момент, когда он узнал об убийстве: «Высшая сила навела порядок, который я тщетно пытался поддерживать. Бог, наконец, направил все на верный путь, и теперь я смогу спокойно умереть». Неудивительно, что при дворе в Вене и в общественных кругах Будапешта было больше доволь-

ных, чем огорченных. Интересы слишком многих людей могли быть затронуты в случае прихода Франца Фердинанда к власти.

Интересно и свидетельство писателя-современника Стефана Цвейга: «Францу Фердинанду не доставало именно того, без чего в Австрии невозможна подлинная популярность: личного обаяния, человеческой привлекательности и внешней обходительности... Его никогда не видели улыбающимся, так же неприятливо выглядела его жена. Атмосфера вокруг этой пары была леденящая; знали, что у них не было друзей, знали, что старый император всей

Замок Арштеттен на Дунае, где похоронены эрцгерцог Франц Фердинанд, герцогиня София фон Гогенберг и их сыновья

душой ненавидел Фердинанда, потому что тот не умел тактично скрывать свое нетерпение занять трон. Мое почти мистическое предчувствие, что от этого человека с затылком бульдога и неподвижными, холодными глазами следует ожидать какого-то несчастья, разделяли многие, и в народе сообщение о его убийстве поэтому не вызвало сколько-нибудь глубокого участия... Немало было в Австрии и таких, кто про себя с облегчением подумал, что смерть этого наследника старого императора открывает путь к престолу несравненно более популярному молодому эрцгерцогу Карлу».

РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВОЙНЫ

Но, несмотря на такое отношение к самому Францу Фердинанду, его убийство было использовано как повод к войне. Сараевское убийство сыграло важную роль в провоцировании войны, но оно само было лишь следствием, а не причиной международной напряженности. Главную же роль сыграли англо-германские противоречия. Германия, давно нацеленная на войну, сначала выдвинула на авансцену Австро-Венгрию, подтолкнув ее к нападению на Сербию.

30 июня 1914 г. в венской газете «Райхспост» была опубликована статья, в которой

прямо говорилось об ответственности Белграда и Петербурга за убийство австрийского наследника, подчеркивалось, что сербской агитацией руководила Россия. Версия о «славянской опасности» усиленно раздувалась. Германия показывала свою заинтересованность в том, чтобы Австро-Венгрия объявила войну Сербии. События в Боснии застали Сербию врасплох. Она была не готова к военному конфликту. Временный поверенный в делах России в Белграде В. Н. Штрандтман сообщал: «Сараево спутало все карты Сербии и поставило на очередь возможность военного столкновения в самый неблагоприятный для Сербии момент».

Однако военная пружина уже раскрутилась. Австро-Венгрия взяла курс на войну. 23 июля Сербии был направлен ультиматум. Русские посоветовали не сопротивляться и довериться великим державам. Условия ультиматума были приняты сербами (за исключением одного пункта), но это уже ничего не могло изменить. 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну, в которую вскоре были вовлечены другие страны. Так началась мировая война, первыми жертвами которой стали Франц Фердинанд и герцогиня Гогенберг.

СУДЬБА ДЕТЕЙ

После гибели супругов их детей опекала мачеха Франца

Фердинанда Мария Терезия. Она пыталась устроить судьбу герцога Макса и Эрнста. Во время войны Мария Терезия вела переговоры с германским императором Вильгельмом II о передаче своим внукам во владение имперских земель Эльзаса и Лотарингии. Однако эти попытки оказались безрезультатными. В 1938 г. Эрнст фон Гогенберг в числе 150 представителей австрийской знати отказался участвовать в делегации, вручившей ключи от Вены Гитлеру. Все они были брошены в концлагерь. Макс после освобождения из концлагеря был утвержден четырехсторонней контрольной комиссией союзников бургомистром Арштеттена. Оба сына Франца Фердинанда впоследствии были похоронены вместе с родителями.

Нередко высказывается мнение, что Франц Фердинанд после занятия трона намеревался объявить недействительным отречение 1900 г. и сделать своих сыновей наследниками. Однако есть прямое свидетельство обратного. Когда христианско-социальная партия предложила просить монарха о том, чтобы он освободил Франца Фердинанда от его клятвы, последний не согласился, сказав: «Габсбургская корона — это терновый венец, и тот, кто не рожден в ней, не должен к ней стремиться».

СМЕРТЬ НИКОЛАЯ РОМАНОВА: КАЗНЬ ИЛИ РАСПРАВА?

Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось.

Евангелие от Луки, VIII, 17

Не судите и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете.

Там же, VI, 37

20 июля 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет опубликовал в газете «Известия» сообщение о том, что по постановлению президиума областного Уральского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов бывший царь Николай Романов был расстрелян в ночь на 17 июля. Газета назвала это «актом революционной кары», предупреждая всех тех, кто мечтает восстановить монархию в России.

Через два дня в английской газете «Таймс» появились корреспонденция об этом событии и некролог. Им предшествовал заголовок: «Бывший царь убит. Преступление официально одобрено».

Так сразу оформились две оценки происшедшего в Екатеринбурге, закрепленные за-

тем в обширной литературе, посвященной последним дням российского императора. Одна отражала позицию большевиков, вторая — отношение Европы и той части русского общества, которая боролась с советской властью.

Мир не впервые сталкивался с насильственной смертью монарха. В XVII в. английский король Карл I Стюарт был приговорен «Верховным судом справедливости», поименным голосованием, к отсечению головы за измену родине. В XVIII в. французского короля Людовика XVI таким же поименным голосованием Конвент осудил на смерть за измену своему народу. В XX столетии российскому императору Николаю II было суждено умереть без суда и следствия, которые должны были бы определить меру его ответствен-

ности и вины перед народом. Первоначально предполагалось, что бывшего царя будут судить на открытом политическом процессе. Общественным обвинителем на этом процессе собирався стать Л. Д. Троцкий. Надежды на открытый суд были небезосновательны. Ведь организовали же судебный процесс по делу известного монархиста В. М. Пуришкевича. Он не признал советскую власть, создал конспиративную антибольшевистскую организацию, готовил вооруженное восстание. Его судил Петроградский революционный трибунал, вынесший довольно мягкий приговор — год принудительных общественно полезных работ или свобода в обмен на обещание не бороться против новой власти. В первые месяцы после захвата власти большевики хотели продемонстрировать свою лояльность к политическим противникам. Однако военно-политическая обстановка в Советской России летом 1918 г. изменила первоначальные планы.

Какие обвинения могли быть предъявлены Николаю Романову?

Он не воевал с парламентом, как Карл I. Не пытался бежать из страны для организации контрреволюционной монархической интервенции, как Людовик XVI.

Николай II отрекся от престола и за себя, и за сына. Он

не сопротивлялся аресту и не предпринимал попыток к бегству из заключения в Царском Селе, где находился вместе с женой и детьми. Он подчинился решению Временного правительства, отправившего его и семью в ссылку. И не протестовал, когда его заставили уехать из Тобольска в Екатеринбург. Пытаясь избежать кровопролития и уберечь семью, бывший царь без споров подчинялся всем распоряжениям своих тюремщиков. Однако это не спасло ни его самого, ни жену, ни детей от кровавой расправы.

Еще с юности Николая преследовало предчувствие, что смерть его будет ужасна, что он обязательно будет убит. Это ощущение появилось у него в марте 1881 г. после убийства народовольцами его деда, императора Александра II. И оно его не обмануло.

Находясь под арестом и в ссылке, Николай не мог не спрашивать себя: «Кому и зачем нужно превращать мое существование в подобие тюремного режима? Чем виновата семья, дети? Чем объяснить издевательское отношение солдат охраны? Откуда эта ненависть?»

Воспитанный в убеждении, что власть царя — священна, так как дарована Богом, что русский народ изначально добр и предан своему царю, он не мог найти ответа на все эти вопросы.

А ответ заключался во всей истории его царствования.

«БОЖИЕЙ МИЛОСТИЮ, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ...»

Отец Николая — император Александр III — умер в октябре 1894 г. Узнав, что ему предстоит управлять страной, 26-летний Николай разрыдался: он чувствовал свою неподготовленность к ведению государственных дел. Он любил парады, охоту, балы, балет и балерин. Про его роман с известной балериной императорского Мариинского театра Матильдой Феликсовной Кшесинской ходило множество слухов. Этой связи наследника-цесаревича очень опасались отец и мать Николая. Поэтому в октябре 1890 г. они отправили его в длительное морское путешествие. В Петербурге поговаривали, что во время пребывания в японском городе Отсу (Оцу) Николай неучтиво вел себя с молодой женой одного японца, за что и получил удар саблей по голове. Была и другая версия: цесаревич оскорбил национальные чувства японцев и его ударил полицейский. Случай быстро стал достоянием общественности, которая посмеивалась, повторяя забавный экспромт, сочиненный московским репортером и писателем В. А. Гиляровским:

*Приключением в Отсу
Опечален царь с царицею.
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицею.
Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.*

Историки до сих пор не разобрались в причинах этого происшествия, отмечая только, что нелюбовь Николая к Японии, возможно, зародилась еще в 1891 г.

Справедливости ради отметим, что он стал примерным мужем и семьянином после женитьбы 14 ноября 1894 г. на дочери великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV Алисе Виктории Елене Бригитте Беатрисе Гессенской. (После принятия православия она была наречена Александрой Федоровной. В узком кругу ее называли Аликс.)

Вступление молодого Николая на российский престол «возбудило надежды на просветление политического горизонта». Новый царь получил массу «всепопданнейших» адресов и петиций, в которых говорилось о «единении царя с народом» путем «доступа голоса земств к престолу». От Николая ждали даже не конституции, а лишь прекращение той реакционной политики, которую проводило правительство Александра III. Однако царь быстро остудил жар просителей.

17 января 1895 г., принимая депутацию земских деятелей, Николай, заглядывая в шапку, где лежал текст шпаргалки, предложил оставить «бесмысленные мечтания об участии представителей земств в делах внутреннего управления» (выделено нами. — *Ред.*). Четко и внятно, с металлом в голосе он произнес: «Я ...буду охранять начала самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Николай бросил вызов либеральному обществу, и оно не замедлило откликнуться. Известный публицист и общественный деятель П. Б. Струве написал «Открытое письмо Николаю II», которое мгновенно разошлось по России. «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать» — серьезность этой угрозы Николай почувствовал очень скоро.

О том, что царствование Николая не будет спокойным, свидетельствовал ряд эпизодов, суливших ему будущие несчастья. Во время коронации 14 мая 1896 г. с его плеч соскользнула и упала к ногам бриллиантовая цепь, поддерживавшая орден Андрея Первозванного. Присутствующими это было расценено как дурное предзнаменование.

Через четыре дня, во время продолжавшихся торжеств по случаю коронации произошла ужасная катастрофа на Ходынском поле. Здесь предполага-

лись народное гулянье и широкая раздача царских подарков простому народу. Было заготовлено 400 тыс. гостинцев (сайка, полфунта колбасы, конфеты, пряник, орехи, эмалированная кружка с царским вензелем), завернутых в цветные платки. За таким набором многие москвичи пришли еще с вечера, разумно полагая, что на всех подарков не хватит. Ночь была теплая и безлунная. Народ все прибывал, и скоро на Ходынском поле, перерезанном рвами, оврагами и ямами, оказалась многотысячная спрессованная масса людей. Подробное описание происходившего оставил корреспондент газеты «Русские ведомости» В. А. Гиляровский: «Над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман... Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишённые чувств, с закрытыми глазами, сжатые, как в тиски, они колыхались вместе с массой». Немногочисленный отряд полицейских ничего не мог сделать с народной стихией. Утром подошли те, кто принимал участие в праздничном шествии. Раздача планировалась на 10 часов утра, но по какому-то внезапному порыву толпа двинулась в сторону палаток с подарками. В тесноте было задушено и затоптано до

Император Николай II

смерти 1389 человек, еще почти столько же получили различные ранения. (Это официальные данные. На самом деле пострадавших было значительно больше.)

Пока в Москве возили трупы на Ваганьковское кладбище, коронационные торжества продолжались. Знать веселилась, несмотря на трагедию. «Отвратительное впечатление осталось от этого известия», — записал Николай в дневнике, узнав о Ходынской катастрофе. Он не распорядился отменить праздничную программу. Более того, когда с Ходынского поля вывезли трупы, а следы крови присыпали песочком, здесь по намеченному плану состоялся концерт. В 14 часов на балконе появились их величества, грянул салют, начался парад пеших и конных полков. «Праздник над трупами», по выражению В. А. Гиляровского, шел своим чередом. Вечером царь с царицей танцевали на балу во французском посольстве. Праздники продолжались до 26 мая. В Высочайшем манифесте весьма многословно отразилось мнение царя о коронационных днях: «Во дни торжественного венчания Нашего на Царство население Первопрестольной столицы... явило отрадные сердцу Нашему свидетельства одушевленной любви и беззаветной преданности народа своему Государю. Эти народные чувства...

послужили Нам трогательным утешением в опечалившем Нас, посреди светлых дней, несчастьи, постигшем многих из участников празднеств, а перед лицом всей России засвидетельствовали несокрушимость уз, связующих Нас с любезным и верным народом Нашим».

«Перед лицом всей России» Ходынка стала символом преступности самодержавия, несмотря на то что правительство оплатило похороны жертв трагедии, выдало каждой пострадавшей семье по тысяче рублей, послало в больницы тысячу бутылок портвейна и мадеры для раненых. Генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович с тех пор получил в народе титул «князя Ходынского», а самого царя стали именовать «Николай Кровавый». Так был заложен камень в фундамент ненависти народа к Николаю II. В последующие годы казалось, что империя трещит по швам: повсеместно бастовали рабочие, волновались студенты, крестьяне, жители национальных окраин. Они требовали неприкосновенности личности и демократических свобод, 8-часового рабочего дня, перераспределения земли, уважения национальных прав народов, населявших Россию. Политика «кнута и пряника» (посылка карательных отрядов в районы волнений, законодательное заигрывание с ра-

Императрица Александра Федоровна

бочими и обещание реформ) положительного эффекта не давала. Не помогла даже задуманная «маленькая победоносная война» с Японией, которая на деле превратилась в большое поражение царя и его правительства.

Война 1904—1905 гг. еще больше ухудшила и без того тяжелое положение народа. Она выявила военно-политическое бессилие правительства и ускорила мощный взрыв народного гнева — революцию 1905—1907 гг.

В начале января 1905 г. доведенные до отчаяния рабочие Петербурга составили под руководством священника Георгия Гапона петицию. В ней они обращались к царю с просьбой провести обещанные реформы. «Государь! — говорилось в петиции. — Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к Тебе, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

...Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для Тебя, Государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание не-

обходимости выхода из невыносимого для всех положения».

Рабочие просили народного представительства, свободы и равенства «в праве избрания», «всеобщей и равной подачи голосов». Рабочие просили ввести в стране ответственность министров перед народом, неприкосновенность личности, свободу слова, печати, собраний и совести, установить 8-часовой рабочий день и нормальную заработную плату, общее и обязательное народное образование за государственный счет, отменить выкупные платежи и передать землю народу, освободить пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки, привлечь представителей рабочих к выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.

«Повели и поклянись исполнить» наши просьбы, «и Ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя Твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу — мы умрем здесь на этой площади, перед Твоим дворцом. Нам некуда дальше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для пострадавшей России. Нам

не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее!»

Утром 9 января 1905 г. 140 тыс. празднично одетых рабочих с женами и детьми двинулись от пролетарских окраин Петербурга к Зимнему дворцу. Вместе с петицией они несли иконы, хоругви, портреты царя и царицы.

Правительство, заранее предупрежденное о готовящемся шествии, ночью 8 января превратило Петербург в военный лагерь. «По всем улицам двигались войска: кавалерия, пехота, артиллерия, сопровождаемые походными кухнями и лазаретами, — писал Георгий Гапон в мемуарах. — Всюду вокруг костров стояли пикеты с оружием, поставленным в козлы... Вся площадь перед Зимним дворцом была занята войсками разного рода оружия, а в скверах расположились лагерем полки. Заняты войсками были и мосты через Неву, в особенности Троицкий, на котором стояли казаки, уланы, гренадеры и новгородские драгуны». В Петропавловской крепости были сделаны «разные приготовления, как будто японцы, а не безоружные подданные царя грозили ей».

Петербургская полиция не препятствовала продвижению колонн рабочих. Более того, она даже расчищала путь для процессии, хотя была прекрасно осведомлена, что рабочим в разных частях города

подготовлена кровавая расправа. У Нарвской заставы, у Троицкого моста и на Дворцовой площади, на Васильевском острове — всюду без всякого предупреждения пехота открывала огонь, а кавалерия с обнаженными саблями разгоняла толпу по соседним улицам, где ее добивали солдаты и полицейские. Раненых, лежащих на мостовой, топтали лошадьми. По разным источникам, количество убитых и раненых составляло до 5 тыс. человек.

Романовым не привыкать стрелять в своих подданных. Николай I при восшествии на престол 14 декабря 1825 г. картечью расстрелял вышедших на Сенатскую площадь в Петербурге солдат и офицеров. Но тогда у него было серьезное морально-этическое оправдание — отказ от принесения присяги новому императору. Было прямое неприятие верховной власти. Организаторы шествия 9 января 1905 г. намеренно подчеркивали его мирный характер. Но это не спасло его участников от кровавого расстрела.

Николая не было в городе в тот день, он был в Царском Селе. Расправу с рабочими осуществил великий князь Владимир Александрович. Однако кровь, пролитая на улицах Петербурга, страшным пятном легла на царя.

Бессмысленная и жестокая расправа всколыхнула всю

Россию. Столица покрылась баррикадами. Рабочие стали громить оружейные магазины, чтобы добыть оружие и защитить себя. В других городах начались стачки протеста и солидарности.

Кровавая бойня в России возмутила мировую общественность. В Германии, Франции, Италии и Англии прошли многотысячные демонстрации протеста перед зданиями посольств царской России. На митингах и собраниях клеймили позором царских палачей.

Широкая волна возмущения испугала Николая. Он пообещал новое рабочее законодательство, а 19 января выступил перед специально подобранной делегацией рабочих:

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события, с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменникам и врагам нашей страны.

Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и не покладая рук

работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе...

Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Много надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение... Мятежную толпою заявлять Мне о своих нуждах — преступно...

Я верую в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их».

Царь пообещал пожертвовать вдовам погибших рабочих 50 тыс. рублей, но тут же пригрозил новым расстрелом, если подобные шествия повторятся.

Кровавое воскресенье развеяло миф о добром «царе-бабушке», защитнике трудового народа. Пошатнулся «наивный монархизм» огромной массы рабочих и крестьян. Царь заявил, что он «прощает рабочих», но народ не простил его, еще раз убедившись в кровавой сущности самодержавия.

В антиправительственное движение постепенно втягивались все социальные слои России. Крестьяне жгли помещичьи усадьбы, захватывали и делили землю. Студенты начали политическую забастовку. В стачках и демонстрациях принимали участие не только рабочие, но и конторские, же-

лезнодорожные, почтовые и телеграфные служащие. Революционные настроения разрастались, захватывая все новые районы России и социальные слои.

Не утешали царя и вести с театра военных действий. Тяжелым ударом было известие о разгроме под Цусимой эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского. У Николая постепенно созревало убеждение о необходимости завершения войны с Японией. Высвободившиеся войска можно было бы использовать для борьбы с «внутренним врагом».

А революция все разрасталась. Стачечное движение начала поддерживать либеральная оппозиция, пытавшаяся вырвать у царя ряд политических уступок. В октябре 1905 г. всеобщая политическая стачка парализовала промышленную, торговую и государственно-административную жизнь страны. Столкновения с войсками и полицией только усиливали всеобщее возмущение.

Николай то впадал в отчаяние, то требовал еще более решительных контрреволюционных действий. В Петергофе была подготовлена яхта на случай, если царю с семьей придется бежать. Он хотел бы ввести диктатуру, но у правительства уже не было достаточных сил. Подавить революцию репрессиями не удавалось. Для спасения самодержавия срочно требовались уступки.

17 октября 1905 г. Николай подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Сам он считал, что этим Манифестом дарует России конституцию. Царь понимал безвыходность своего положения. Он писал, что это было с его стороны «страшное отступление», которое он «тем не менее принял совершенно сознательно». Манифест гарантировал населению различные гражданские свободы (совести, слова, собраний и союзов), неприкосновенность личности. Согласно Манифесту «никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы», избрать которую должны были представители разных сословий.

Российская и европейская буржуазия были в восторге. Казалось, что с самодержавием покончено, что революция победила. Связь царя с либералами, разорванная в 1895 г., восстанавливалась.

Однако народ не поверил царю и был готов продолжать борьбу. Ширилось крестьянское движение. Усилилось революционное брожение в войсках. Борьба народов Польши, Прибалтики и Кавказа вынудила правительство разрешить преподавание на национальном языке и создание национальных культурно-просветительских организаций. Было отменено действие указа о секуляризации (изымании в

пользу государства) имущества армянской церкви и т. д. Была восстановлена автономия Финляндии. Но забастовки рабочих все продолжались.

Желая прекратить беспорядки, царское правительство снова прибегло к репрессиям. Московскому генерал-губернатору Сологубу (заявившему этот пост после убийства великого князя Сергея Александровича в феврале 1905 г. эсером И. П. Каляевым) было приказано «ответить террором на террор». Решительное подавление восстаний рабочих и солдат, расправы карательных отрядов в деревнях, военные трибуналы отнюдь не прибавляли популярности царю.

Даже в Государственной думе, на сотрудничество с которой царь надеялся, чтобы прекратить смуту в стране, постоянно возникали конфликты депутатов с министрами. Думцы разработали программу демократизации России. Она предусматривала: введение ответственности министров перед Думой; гарантии всех гражданских свобод и работы для рабочих; установление бесплатного всеобщего образования; разработку нового аграрного закона для ликвидации нужды крестьян в земле; удовлетворение требований национальных меньшинств; отмену всех чрезвычайных законов и смертной казни; проведение полной и безоговорочной амнистии.

Этой программы Николай не принял, что усилило его противостояние с Думой. Нарастал и его конфликт с С. Ю. Витте, возглавлявшим с октября 1905 г. Совет министров и настоявшим на подписании Манифеста 17 октября. Царь все больше подпадал под влияние коменданта Зимнего дворца Д. Ф. Трепова. Последний, будучи в апреле—октябре 1905 г. товарищем министра внутренних дел, стал в России символом крайней контрреволюционности после своего приказа войскам в дни Октябрьской всеобщей политической стачки «...холостых залпов не давать, патронов не жалеть». По совету Д. Ф. Трепова, царь назначил П. А. Столыпина председателем Совета министров с сохранением за ним портфеля министра внутренних дел. Его твердость, хладнокровие, корректность и жесткость позиции, особенно заметные на фоне действий других министров, чрезвычайно импонировали императору.

П. А. Столыпин провел ряд переговоров с наиболее влиятельными представителями либеральных кругов и «правого» дворянства. Увидев явную консолидацию контрреволюционных сил и колебания либералов, их готовность к сотрудничеству с правительством, он вместе с Д. Ф. Треповым посоветовал царю распустить Думу. Указом и Ма-

нифестом 9 июля 1906 г. Николай объявил о роспуске Думы, пообещав при этом провести новые выборы.

Первая Государственная дума просуществовала всего 73 дня. Современники называли ее «Думой народных надежд на мирный путь», но вернее ее было бы назвать «Думой несбывшихся надежд», так как правительство, поддержанное помещиками и крупной буржуазией, отвергло все ее важнейшие законопроекты.

Роспуск I Государственной думы, а затем арест депутатов, протестовавших против этого, породили новый конфликт между царем и либералами из конституционно-демократической партии. Результаты не замедлили сказаться — II Государственная дума оказалась еще менее послушной, чем первая. В ней был создан блок «левых» сил из социал-демократов, трудовиков, выражавших интересы крестьянства, эсеров и народных социалистов. В целом «левый блок» имел 43% голосов против 10% у черносотенцев и 19% у кадетов. Это была большая победа «левых» сил, свидетельствующая о продолжении революции.

В апреле—июне 1907 г. по России снова прокатилась волна рабочих забастовок, крестьянских выступлений, восстаний моряков и солдат. Важной формой антиправи-

тельственой борьбы стали выступления «левых» депутатов Думы. При обсуждении аграрного вопроса был внесен проект принудительного отчуждения помещичьей земли в пользу крестьянства.

Это напугало царя. Он начал настаивать на разгоне Думы, требовал от П. А. Столыпина жестких и решительных мер. «Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим, — писал он. — Ни одной отсрочки, ни минуты колебания! Смелым Бог владеет!» Убеждая П. А. Столыпина в необходимости такого шага, Николай говорил, что это будет «делом прямой государственной важности... Бог знает, что произойдет, если не распустить этого очага призыва к бунту... Я обязан перед моей совестью, перед Богом и перед родиной бороться и лучше погибнуть, нежели без сопротивления сдать всю власть тем, кто протягивает к ней свои руки». Что ж? Это были почти пророческие слова. Но вряд ли он вспомнил их летом 1918 г., когда стоял под дулами пистолетов в подвале Ипатьевского дома.

Правительство сфабриковало фальшивое обвинение против думской социал-демократической фракции: якобы депутаты готовили покушение на царя. Воспользовавшись этим предлогом, П. А. Столыпин распустил II Государ-

ственную думу, а 37 депутатов из социал-демократической фракции отдал под суд.

Манифест о роспуске Думы и публикация 3 июня 1907 г. нового избирательного закона явились своеобразным государственным переворотом, так как этим актом нарушались «Основные законы Российской империи». День роспуска II Государственной думы вошел в историю как последний день первой российской революции. В России установилась жесточайшая реакция.

Царь ненавидел и либералов, и революционеров, поскольку все они, в той или иной мере, покушались на его верховную, неограниченную власть. Пробуждение монархических сил к активной политической деятельности и создание в октябре 1905 г. «Союза русского народа» отражали понимание «правыми» необходимости оказания поддержки своему царю. Программа «Союза» — единство и нераздельность России, сохранение самодержавия и укрепление православия — импонировала Николаю. Вопреки здравому политическому смыслу, требовавшему, чтобы царь как «отец всего народа» встал над всеми политическими партиями, Николай официально поддержал «Союз»: «Да будет мне «Союз русского народа» надежной опорой и явится примером

для всех и для всякого в осуществлении порядка и законности».

Этот шаг царя еще больше углубил пропасть между ним и прогрессивной общественностью России, так как своими провокационными выступлениями, антисемитскими погромами, борьбой с забастовщиками и демонстрантами, убийством революционеров «Союз» восстановил против себя большую часть населения. Однако Николай продолжал с сочувствием относиться к черносотенцам. «Я знаю, — говорил он, — что русские суды относятся к участникам погромов с излишней строгостью и педантизмом. Даю вам мое царское слово, что буду всегда исправлять их приговоры по просьбам дорогого мне «Союза русского народа».

Отношение общества к Николаю в годы первой российской революции образно выразил Константин Бальмонт:

*Наш царь — Мукден, наш царь —
Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму — темно.*

*Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь — висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.*

*Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет — час расплаты ждет.
Кто начал царствовать Ходынккой,
Тот кончит — встав на эшафот.*

Как показало будущее, поэт еще в 1906 г. верно предсказал судьбу Николая Романова!

В июне 1907 г. казалось, что реакция взяла реванш, что с революцией покончено и что с помощью виселиц — «столыпинских галстуков», штрафных рот и дисциплинарных батальонов, ссылок, каторги и тюрем удалось справиться с противниками режима. Николай не уставал повторять, имея в виду революционеров: «Надо убивать эту сволочь... И мне еще осмеливаются говорить об амнистии!» Реакция восторжествовала, революция отступила, но это было лишь временное затишье.

ТЕРПЕНИЕ НАРОДА ИССЯКЛО

В 1910—1911 гг. стачки рабочих, крестьянские выступления и восстания в войсках возвестили о новом подъеме революционного движения. Особый общественный резонанс приобрела забастовка рабочих на Ленских золотых приисках.

Доведенные до отчаяния тяжелойшей эксплуатацией и нищетой, рабочие Андреевского прииска начали мирную забастовку с экономическими требованиями. Правление акционерного товарищества отказалось выполнить эти требования. Оно решило уволить бастующих, прекратить выдачу

им продовольствия в долг и выселить их из приисковых казарм, что обрекало рабочих и их семьи на голодную смерть в тайге. Часть руководителей стачки была арестована.

4 апреля 1912 г. 2,5 тыс. рабочих Андреевского, Васильевского, Пророко-Ильинского и Александровского приисков направились в прокуратуру с коллективными прошенными и жалобами на произвол администрации. Рабочие были настроены миролюбиво. Однако они были встречены огнем специально привезенной роты солдат. Было убито и ранено более 500 человек.

Кровавая драма на Лене вызвала массовые митинги, демонстрации и забастовки протеста по всей стране. Перед русскими посольствами в Париже и Берлине, перед консульствами России в других городах прошли многотысячные демонстрации солидарности с русскими рабочими. На запрос думской социал-демократической фракции по поводу Ленских событий министр внутренних дел А. А. Макаров заявил, что «так было и будет впредь». Однако правительство было напугано и создало комиссию для расследования «этого прискорбного дела». Но было поздно. Остановить стачечное движение стало невозможно.

Расстрел рабочих на Лене вновь запятнал и без того кровавый мундир Николая II,

Григорий Распутин

тем более что в числе акционеров общества «Лензолото» были мать царя, великие князья и министры, многие высокопоставленные лица.

Примерно тогда же возникло новое обстоятельство, негативно повлиявшее как на личность царя, так и на представление о нем в народе. Григорий Распутин — пройдоха и авантюрист, чревоугодник, пьяница и развратник — втерся в царский дворец и поначалу получил звание лампадика. Обладавший, вероятно, даром гипноза, «старец» произвел на царскую семью сильное впечатление.

Распутин внушил Александре Федоровне, что только он может спасти больного гемофилией наследника цесаревича Алексея и что, пока он жив и близок к ним, с царской семьей ничего плохого не случится. Распутин вмешивался в государственные дела. Выведывая через него важные государственные тайны, разные проходимцы получали возможность быстрого обогащения.

Слухи об эротических оргиях «старца», о взятках и его близости к царице порочили имя царя, но он отказывался расстаться с Распутиным. Когда Николаю рассказывали правду о похождениях «святого старца», о его финансовых комбинациях, гнусном поведении с женщинами, тот неизменно отвечал: «Напрасно вы так думаете, он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно». Распутин олицетворял для Николая народ, церковь и Святую Русь. Николаю казалось, что «старец» обеспечивает «божественную поддержку» и самому царю, и его семье. Александра Федоровна всячески подогривала эти настроения царя. Выступить против «старца» значило быть против нее и ее любимого сына. Для нее он был Божиим

посланцем, «Другом, защищающим династию и царствовавшие».

Демократическая ответственность России смеялась над нелепым «союзом» полуграмотного мужика и царя. Монархисты, преданные престолу, сокрушались, видя, как Распутин компрометирует Романовых. «Распутинщина» была следствием и проявлением слабости самодержавия, неспособности царя найти правильный курс во внутренней и внешней политике. Потеряв опору в народе, который давно уже утратил веру в «царя-батюшку», не сумев, да и не желая наладить контакт с Думой, Николай обратился за поддержкой к Богу, проводником воли которого он считал Распутина.

Думские деятели из монархических и либеральных фракций страшились влияния Распутина на царя и царицу, его неприкрытых угроз. «Там про меня только худое распускают, да смущают этим царя... Ну, да недолго им болтать: скоро Думу распушу, а депутатов всех на фронт отправлю...» — говорил он.

Стремление смыть позор с династии, предотвратить очередную разгон Думы, «спасти погибающую Россию» обусловило союз монархистов и либералов при подготовке убийства Распутина. Это убийство, по замыслу его непосредственных исполнителей — Ф. Ф. Юсупо-

ва, В. М. Пуришкевича и великого князя Дмитрия Павловича, могло иметь решающие последствия для России. «Если убить сегодня Распутина, через две недели императрицу придется поместить в больницу для душевнобольных. Ее душевное равновесие исключительно держится на Распутине: оно развалится тот час, как только его не станет. А когда император освободится от влияния Распутина и своей жены, все переменится: он сделается хорошим конституционным монархом».

В этом высказывании Ф. Ф. Юсупова видно недовольство не только Распутиным, но и влиянием Александры Федоровны на царя. Она постоянно вмешивалась в государственные дела, призывала Николая проявлять твердость и жесткость в политике. Зимой 1916/17 г., не стесняясь в выражениях, она писала Николаю: «...В Думе все дураки; в Ставке сплошные идиоты; в Синоде одни только животные; министры — мерзавцы... Дипломатов наших надо перевешать; разгони Думу... Думу надо прихлопнуть; заставь их дрожать... Тебя должны бояться. Покажи, что ты хозяин... Мы, слава Богу, не конституционное государство и не смеем им быть. Наш народ не подготовлен к этому, и, слава Богу, наш император — самодержец. Будь Петром Великим, Иваном Грозным, Пав-

Император Николай II в кругу семьи. 1913 г.

лом Первым, сокруши их всех... Будь решительным и более самодержавным, показывай свой кулак...» Подстегивая Николая, она постоянно ссылалась на авторитет «старца», на его «чудодейственную», «божественную» силу: «Мой бесценный! Не забудь перед заседанием министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его (Распутина. — *Ред.*) гребнем».

На заседании, о котором упоминала царица, стоял вопрос: становится ли царю вер-

ховным главнокомандующим? Министры ему не советовали. Однако Николай, ссылаясь на то, что получил «указание свыше», не прислушался к мнению своих министров. Вступление Николая в должность верховного главнокомандующего было еще одной ошибкой «царя-неудачника». Теперь все ошибки и военные поражения России в ходе первой мировой войны связывали с именем царя, что, естественно, не прибавляло ему ни популярности, ни авторитета.

Цесаревич Алексей

Удивительное упрямство царя, его безграничная преданность императрице, их общая вера в Распутина вызывали беспокойство даже среди членов императорской семьи.

По просьбе императрицы-матери и ее дочерей великий князь Николай Михайлович написал царю письмо, которое зачитал во время их встречи 1 ноября 1916 г.: «Если бы

Тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное Тобою доверие громадного большинства Твоих подданных...» Николай Михайлович обратил внимание царя на то, что в случае дальнейшего вмешательства Александры Федоровны и Распутина в государственные дела династии грозит гибель, а Российской империи катастрофа. Но царь не внял этим предостережениям. Монархисты, обеспокоенные падением авторитета царя, составили заговор против Распутина, которого и убили в ночь на 17 декабря 1916 г.

Царица с мистическим страхом восприняла весть о случившемся. Единственный человек, который, как ей казалось, мог спасти ее сына от мучивших его кровотечений и боли, был убит. Она начала готовиться к чему-то неизбежному и страшному. Царь довольно спокойно отнесся к известию, хотя и сослал участников убийства. Распутин уже начал надоедать ему советами, вмешательством в государственные дела. Николай только себя считал ответственным за судьбу страны и хотел, как он писал Александре Федоровне, «быть свободным в своем выборе».

Либеральное общество, узнав о смерти Распутина, ликова-

вало. По воспоминаниям фрейлины и подруги императрицы А. А. Вырубовой, «все сходили с ума от радости... друг друга поздравляли. Зверь был раздавлен», — как выражались, — «злого духа не стало».

Наиболее дальновидные лидеры либералов понимали, что устранение Распутина не спасет Россию от надвигающейся революции. П. Н. Миллюков, лидер кадетов, на заседании Государственной думы говорил: «Мы потеряли веру в то, что власть может нас привести к победе... Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством... Но все частные причины сводятся к одной: неспособности и злонамеренности данного состава правительства. Это наше главное зло, победа над которым будет равносильна выигрышу всей кампании...»

Он был прав. Промышленность и финансы страны едва выдерживали тяготы продолжительной войны. Пути сообщения были в полном расстройстве. Города голодали, торговля была задавлена угрозой реквизиций. На фабриках и заводах, в деревне, в окопах на фронте и даже в высшем обществе начала утверждаться мысль, что Николай и придворная камарилья, возглавляемая царицей, не способны вывести страну из кризиса. Либералами и некоторыми великими князьями вына-

шивалась идея дворцового переворота. Они намеревались сослать Александру Федоровну в Крым, Николая отстранить от власти и, объявив царевича Алексея наследником, назначить регентом великого князя Николая Николаевича или брата царя, великого князя Михаила Александровича. Планировалось, что после этого будет создано правительство, пользующееся доверием Государственной думы, и что таким образом будет спасена монархия, предотвращен революционный взрыв и обеспечено дальнейшее участие России в войне с германо-австрийским блоком.

Однако эти замыслы не пошли дальше бесплодных разговоров. Заговорщики опоздали. Народ не стал дожидаться, когда верхи решат его судьбу. В революционном порыве он перечеркнул все их планы, и ничто уже не могло спасти монархию в России.

Народ устал от династии Романовых, правление которых отмечено погромами и виселицами, расстрелами и голодом многих тысяч россиян. В январе—феврале 1917 г. в России бастовало около 700 тысяч человек. Царская охранка констатировала: «Рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции». Политический кризис усугублялся нехваткой продо-

вольствия и его дороговизной, процветала спекуляция товарами первой необходимости. По заключению Охранного отделения, очереди за хлебом были «равноценны по влиянию революционным митингам и десяткам тысяч революционных прокламаций». После массовых пролетарских выступлений в двенадцатую годовщину «кровавого воскресенья» стачечное движение уже не прекращалось. Нарастала революционная ситуация.

Утром 23 февраля 1917 г., в Международный женский день, на улицы Петрограда вышли работницы и солдатки. К ним присоединились рабочие, демократически настроенные служащие и студенты. Демонстранты несли красные знамена и лозунги: «Долой войну!», «Долой монархию!», «Хлеба!», «Да здравствует демократическая республика!». Полиция встретила демонстрантов нагайками и шашками, однако разогнать многотысячные толпы работниц и рабочих она была бессильна. 24—25 февраля забастовки и демонстрации продолжались. Стачка стала всеобщей.

25 февраля командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов получил телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». Хабалов был в растерянности,

но воинским частям был отдан приказ соорудить заграждения на главных улицах города, следить за передвижениями народа и стрелять в демонстрантов. Ночью были проведены обыски и массовые аресты в рабочих кварталах. Все делалось для того, чтобы выполнить приказ царя. Когда днем 26 февраля — это было воскресенье — демонстранты прорвались через заслоны на Невский проспект, их встретили пули, штыковые и кавалерийские атаки. Было убито около 200 человек. «Кровавый день революции» — так говорили современники. Это было второе «кровавое воскресенье» в царствовании Николая II. Оно стало и последним...

Солдаты Петроградского гарнизона были возмущены использованием их для разгона демонстрантов и действиями полиции, стрелявшей в рабочих. 27 февраля солдаты перешли к решительным действиям: они заперли своих офицеров в казармах, помогли рабочим захватить склады с оружием и слились с демонстрантами. Армия переходила на сторону народа. К вечеру 27 февраля 1917 г. столица России была в руках восставших.

ГРАЖДАНИН РОМАНОВ

Телеграммы, присланные утром 27 февраля из Царского Села от царицы («Революция

приняла ужасающие размеры. Известия хуже, чем когда бы то ни было») и от генерала С. С. Хабалова из Петрограда о необходимости «прислать немедленно надежные части с фронта», заставили царя принять решительные меры. Он еще рассчитывал, что с «бунтовщиками» можно покончить. Ни о каких уступках не было и речи. В ночной беседе с генерал-адъютантом Н. И. Ивановым, объясняя свой отказ создать ответственное перед Думой правительство, Николай сказал: «Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу». Он назначил генерала Н. И. Иванова, отличившегося своей жестокостью во время подавления первой российской революции, командующим Петроградским военным округом, наделил его диктаторскими полномочиями и отправил в его распоряжение пехотные и кавалерийские полки из действующей армии. По свидетельству начальника штаба главного командования генерала М. В. Алексева, на время «оперативная, военная часть отошла на задний план; война была забыта, впереди всего стала внутренне политическая сторона...» Царь и его генералы деятельно готовились ликвидировать «безобразия» и восстановить прежний порядок.

Обеспокоенный и болезнью своих детей (корь с тяжелыми осложнениями), и событиями в столице, Николай решил отправиться в Царское Село. Рано утром 28 февраля царь покинул Могилев, где находилась Ставка.

Чуть позже двинулся в путь эшелон георгиевских кавалеров, к которому был прицеплен вагон генерала Н. И. Иванова. По более короткой дороге он рассчитывал раньше царского поезда прибыть в Царское Село, соединиться там с преданными императору войсками и двинуться в Петроград для подавления восставших.

Однако действия рабочих-железнодорожников, нежелание солдат участвовать в карательном походе на Петроград сорвали планы и «диктатора», и царя. Первый «застрял» на станции Вырица, окруженный войсками, перешедшими на сторону революции, второй сумел добраться только до Пскова.

1 марта царь узнал о победе революционных масс в Москве и на Балтийском флоте. Это его потрясло. Но и теперь он упорно твердил, что не считает себя «вправе передавать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки», подав в отставку. Николай все еще полагал себя от-

ветственным за судьбу России, хотя сама Россия уже так не считала.

Вечером 1 марта генерал М. В. Алексеев передал царю телеграмму, в которой выражалась надежда на то, что можно еще «остановить всеобщий развал», пойдя на соглашение с думскими деятелями и образовав ответственное перед Думой правительство во главе с М. В. Родзянко. Поразмыслив, царь заявил, что готов представить требуемый манифест. Но было уже поздно. Ничто не могло спасти монархию. В двухчасовом ночном разговоре по прямому проводу М. В. Родзянко сообщил главнокомандующему Северным фронтом генерал-адъютанту Н. В. Рузскому, что ни он сам, ни Временный комитет Государственной думы ситуацией уже не владеют. Реальная власть в столице принадлежит Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов. М. В. Родзянко заявил, что «династический вопрос поставлен ребром» и побороть разбушевавшуюся анархию без отречения государя теперь невозможно.

Все командующие фронтами заявили о необходимости немедленного отречения Николая в пользу царевича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. В противном случае, предупреждали генералы, рабочие могут провозгласить республи-

ку, армия развалится и на русско-германском фронте случится катастрофа. В почтительной форме, призывая к патриотизму, генералы просили царя «принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося, более чем тяжело-го положения».

Главкомандующий войсками Северного фронта генерал-адъютант Н. В. Рузский дважды 2 марта пытался уговорить царя отречься от престола. Телеграмма дяди, великого князя Николая Николаевича, просившего передать престол царевичу, окончательно убедила Николая, что он остался один, без политической, военной и даже семейной поддержки. Приняв решение отречься от престола в пользу Алексея, 2 марта он записал в дневнике: «Кругом измена и трусость и обман!»

Только жена в своих письмах подбадривала его и прямо говорила, что уступка, вырванная силой, не обязывает Николая соблюдать свои обещания: «Они подло поймали тебя, как мышь в западню, — вещь, неслыханная в истории... Обещание не будет иметь никакой силы, когда власть будет снова в твоих руках». Так думала императрица, стремившаяся сохранить за мужем и семьей самодержавную власть.

В три часа дня 2 марта 1917 г. Николай передал генералу

Н. В. Рузскому собственноручно написанный текст телеграммы в Ставку: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки-России. Посему я готов отречься от престола в пользу сына моего с тем, чтобы оставался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего Великого князя Михаила Александровича. Николай».

Генерал Н. В. Рузский не успел отправить телеграмму, так как из Петрограда пришло сообщение, что к царю направляются представители Временного комитета Государственной думы — А. И. Гучков и В. В. Шульгин. У приближенных царя вновь вспыхнула надежда на то, что, может быть, удастся избежать отречения. Но их ожидания не оправдались.

При встрече с царем в ночь на 3 марта инициативу взял в свои руки А. И. Гучков. По воспоминаниям В. В. Шульгина, он «говорил, очевидно, хорошо продуманные слова, но с трудом справлялся с волнением. Он говорил негладко... и глухо... говорил правду, ничего не преувеличивая и ничего не утаивая. Он говорил то, что мы все видели в Петрограде. Другого он не мог сказать...». Гучков прямо указал царю, что подавить революцию уже невозможно, что армия готова в любую минуту

поддержат рабочих. «В народе глубокое сознание, что положение создано ошибками власти, и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на народное сознание. Единственный путь — это передать бремя верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию». Заметим, что даже приехавший из Петрограда Гучков, умевший трезво оценить ситуацию, все еще надеялся на сохранение монархии в России. Для этого он предложил Николаю передать престол наследнику-цесаревичу при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Царь ответил А. И. Гучкову, по словам В. В. Шульгина, «спокойно, просто и точно»: «Ранее вашего приезда после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной думы, я думал в течение утра и во имя блага, спокойствия и спасения России был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что в виду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним не могу».

Переговорив с посланцами Государственной думы, Нико-

лай удалился к себе и собственноручно исправил заготовленный с утра манифест об отречении в том смысле, что престол передается великому князю Михаилу Александровичу, а не великому князю Алексею Николаевичу. Депутаты попросили вставить фразу о присяге конституции нового императора, что тут же было сделано. Одновременно были написаны указы Правительствующему Сенату о назначении председателем Совета министров князя Львова и верховным главнокомандующим Николая Николаевича, чтобы не казалось, что акт отречения совершен под давлением приехавших депутатов. Царь пытался соблюсти декорум, подобие приличия и законности передачи власти новому правительству.

Поскольку решение об отречении было принято Николаем еще днем, то, по совету депутатов, на манифесте было проставлено время подписания — 15 час. 5 мин., а на указах — 14 часов.

Изменение позиции царя объяснялось тем, что лейб-медик уверил Николая, будто наследник вряд ли доживет до 16 лет из-за своей болезни (гемофилия, при которой кровь не свертывается и лобой ушиб или порез доставляет ужасные страдания). Прикрываясь этим предлогом, Николай пошел на нарушение закона о престолонаследии,

по которому не имел права отречься за наследника. Возможно, он надеялся, что, когда в России наступит успокоение, можно будет объявить отречение недействительным и вернуть престол царевичу Алексею. Возможно, что Николай, как любящий и заботливый отец, хотел уберечь своего ребенка от всякой опасности, связанной с претензиями на трон. Подписав манифест и указы, царь сказал с облегчением: «Наконец я смогу поехать жить в Ливадию...»

А. И. Гучков и В. В. Шульгин пытались отговорить царя, уверяя, что народ может не принять Михаила в качестве императора, а малолетний, болезненный и, главное, безгрешный царевич Алексей будет импонировать монархически настроенной массе крестьянства. Однако царь был непреклонен.

Убежденный монархист Шульгин был потрясен той обстановкой, в которой произошло отречение императора. Царь «отрекся, как командование эскадрой сдал», — отметил он в воспоминаниях.

Утром 3 марта А. И. Гучков и В. В. Шульгин возвратились в Петроград. На вокзале их встречали толпы народа. Стоило им объявить, что преемником Николая II становится великий князь Михаил Александрович, как рабочие чуть не растерзали их, пытаясь ото-

брать экземпляр манифеста и уничтожить. Шульгину удалось тайно передать манифест встречавшему их депутату Государственной думы. Тот ушел с вокзала незамеченным и сумел доставить документ в Таврический дворец, где заседали министры Временного правительства.

Днем 3 марта великий князь Михаил Александрович, реально оценивая сложившуюся обстановку, отказался от трона: «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнения народа. Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием избрать представителей своих в Учредительное собрание, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского».

Витиеватая фраза означала, что Михаил готов ждать решения Учредительного собрания об учреждении в России конституционной монархии. А пока он призывал народ подчиниться Временному правительству и готовиться к созыву парламента на основе «все-

общего, прямого, равного и тайного голосования». Внесение Михаилом в манифест об отречении вопроса о выборах в Учредительное собрание возмутило Николая. В дневнике он записал: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!» Эта короткая реплика бывшего царя свидетельствует о том, что он не утратил надежду на сохранение самодержавия.

Антимонархическое движение народных масс смело с российского трона династию Романовых. Ее правление началось с избрания Земским собором в 1613 г. царем 16-летнего юноши Михаила Федоровича. Ее представители правили Россией чуть более 300 лет. Власть Романовых в России закончилась 3 марта 1917 г. И тоже на Михаиле, который так и не стал царем. С монархией в России было покончено.

ЦАРСТВЕННЫЙ ССЫЛЬНЫЙ

После публикации в газете «Известия» информации об отречении братьев Романовых от престола Исполнительным комитетом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был назначен человек, которому предписывалось осуществить арест Николая Романова. Им стал малоизвестный общественности бывший библиотекарь Николаев-

ской академии Генерального штаба С. Д. Мстиславский, член ЦК партии «левых» эсеров, глава военной комиссии Исполкома Петросовета. Комиссару путей сообщения Временного правительства А. А. Бубликову было поручено доставить Николая из Могилева в Царское Село для воссоединения с женой и детьми. Он не рискнул прямо объявить ему об аресте и просил генерала М. В. Алексеева передать бывшему царю, что он должен «считать себя лишенным свободы». Николай не сопротивлялся. Более того, он просил генерала Алексеева, чтобы никто из офицеров не вмешивался и не препятствовал его возвращению в Царское Село. Главное для него — избежать кровопролития, братоубийства, спасти семью, жену и детей.

В начале марта начались переговоры между Временным правительством, британским правительством и бывшим царем о легальном переезде всей семьи в Англию. 6 марта Николай записал в дневнике, что начал упаковывать вещи. Он даже не предполагал в те дни, что скоро отправится не на запад, а на восток.

Решение Временного правительства обеспечить выезд Николая с семьей из России вызвало негодование в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. Было издано распоряжение о при-

нятии чрезвычайных мер с целью предотвратить отъезд Романовых. Исполнительный комитет Петросовета постановил арестовать Николая и заключить его в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Раздавались даже голоса, требовавшие немедленной казни бывшего императора. В его защиту выступил А. Ф. Керенский: «Я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роли Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд. Самая сила злобы рабочих масс лежала глубоко в их настроениях. Я понимал, что дело здесь гораздо больше не в самой личности Николая II, а в идее «царизма», пробуждавшей злобу и чувство мести...» По мнению Керенского, Временное правительство, лишая свободы Николая и Александру Федоровну, тем самым обеспечивало «охрану их личности». Правительство создало Верховную чрезвычайную следственную комиссию, которая должна была «обследовать деятельность носителей высшей власти старого строя», в том числе самого царя, его жены и так называемого ее кружка, который, по слухам, готовил заключение сепаратного мира с Германией и обвинялся в развале страны.

На заседании Исполкома Петросовета 9 марта была заслушана информация о поряд-

ке содержания семьи Романовых в Царском Селе: «Охрана дворца находится в руках революционных войск. Издан приказ, чтобы никого не впускать и не выпускать из дворца. Все телефоны и телеграфы выключены. Николай Романов находится под бдительным надзором... Все письма и телеграммы доставляются в караульное помещение». Для прогулок были отведены особые огороженные места. Караул сопровождал узников на прогулке в парке. Это сообщение несколько успокоило членов Исполкома, но поступило и другое — среди солдат ведется монархическая пропаганда, и они склоняются к конституционной монархии. Вопрос о выезде царской семьи в Англию отпал сам собой, так как там возникла волна протеста против приезда Николая Кровавого и его немки-жены. Английский король Георг V, двоюродный брат Николая, лично призвал правительство отказать бывшему царю в приглашении. Узнав об этом, Николай обронил: «Мне стыдно за Джорджи и за Англию».

Режим содержания семьи Николая в Царском Селе весной—летом 1917 г. был крайне унижительным. Особенно удручали необходимость подчиняться распоряжениям ненавистной им «демократии», непочтительность не только солдат, но и некоторых офице-

ров, а также отсутствие известий об императрице-матери, жившей в Крыму. «Мы сидим как заключенные», — пометил Николай в дневнике. У него случился сильный сердечный приступ, но он сумел преодолеть его. Есть свидетельства, что в эти дни Николай часто думал о смерти, даже о самоубийстве, но опасения за жену, за семью, а также христианские убеждения отвратили его от этой мысли.

Монархисты в Петрограде, в Крыму и за границей предпринимали попытки освободить Николая и его близких. В первые дни июля в Петрограде состоялась демонстрация, участники которой несли портреты «наследника престола» царевича Алексея. Часть демонстрантов несла лозунги с требованием воцарения великого князя Михаила Александровича. Надежды на реставрацию монархии были характерны и для некоторой части либералов во главе с П. Н. Милюковым.

Активизация монархистов вынудила Временное правительство принять решение о переводе семьи Романовых в более отдаленное место. Правительству было известно, что в Ставке верховного главнокомандования вокруг генерала Л. Г. Корнилова образовалась группа лиц, связанная с монархическими кругами, вынашивавшими планы восстановления на престоле династии

Романовых. Суть опасений раскрыл министр внутренних дел Временного правительства А. М. Никитин в интервью газете «Известия» уже после разгрома корниловского выступления. Он говорил: «Представьте себе, что в корниловские дни семья Романовых находилась бы в Царском Селе. Как известно, около Петрограда группировалось немало частей, сочувствующих Корнилову. Пребывание Николая Романова под самым Петроградом могло бы послужить для некоторых военных кругов, вернее для маленьких групп, сугубым соблазном...» Есть сведения, что бывший царь возлагал большие надежды на заговор Корнилова и был очень огорчен его неудачей. В те августовские дни он открыто пожалел о своем отречении. Следовательно, беспокорство Временного правительства не было беспочвенным.

Решение о переводе Николая с семьей подальше от Петрограда было принято еще в июле 1917 г. Николай надеялся, что их отправят в Ливадию, где в это время находилась его мать и две сестры. Но местом ссылки царственной семьи был назначен Тобольск. Им было разрешено взять с собой несколько слуг, доктора, учителей английского и французского языка для царевича и царевен, а также обер-лектрусу для царицы. Ссылку

со своими бывшими повелителями разделили обер-гофмейстер двора князь В. А. Долгоруков, генерал-адъютант И. Л. Татишев и фрейлина императрицы графиня А. В. Гендрикова. Рассказывая в 1920 г. об истории отправки царя в ссылку, А. Ф. Керенский заявил, что царю не сделали никаких ограничений в выборе лиц, с которыми он хотел бы уехать в Сибирь. Но многие из ранее близких царю придворных уже в первые дни после его ареста изменили ему и позорно бежали из Царского Села. Поэтому возможность выбора у царя была невелика. Политкомиссаром охраны был назначен бывший политссыльный В. С. Панкратов, начальником охраны — полковник Е. С. Кобылинский. Инструктируя последнего, Керенский говорил: «Не забывайте, что это бывший император. Ни он, ни его семья не должны ни в чем испытывать лишений».

Накануне их отъезда из Царского Села Временное правительство разрешило Николаю повидаться с великим князем Михаилом Александровичем. Присутствовавший при свидании А. Ф. Керенский демонстративно отвернулся к окну, делая вид, что он ничего не видит и не слышит. О чем говорили братья, можно только догадываться. Сознали ли они, что дни их сочтены и что это последнее их свидание?..

Отъезд Романовых был назначен на конец июля. В специальной телеграмме местному начальству указывалось: «Экстренный поезд известного назначения выбывает 31 июля и прибудет 3-го [в] Тюмень. [К] тому же дню приготовьте пароход и соответственно помещение [в] Тобольске».

Царя, свиту, прислугу и сопровождающий конвой из 330 солдат и офицеров везли на двух поездах под флагом японского Красного Креста. В пути на короткое время останавливались лишь на малых станциях. В Тюмени все пересели на пароход «Русь» и отправились в Тобольск. Здесь они прожили девять месяцев — с августа 1917 по апрель 1918 г.

Николая с семьей, свитой и слугами поселили в бывшем губернаторском доме, специально отремонтированном. Дом был теплый, светлый, с электричеством и водопроводом. Денежное содержание позволяло иметь разнообразный и питательный стол из тех продуктов, которые можно было достать в городе. Вместе с царской семьей жили 42 человека свиты и прислуги. По сравнению с пребыванием в Царском Селе жизнь в Тобольске была спокойнее, хотя и однообразнее. Разрешались прогулки по городу, общение с местными жителями, посещение церкви и визиты священни-

ков. Через них царская семья поддерживала связь с внешним миром и монархическими группировками.

Охранял узников особый отряд — 350 солдат и офицеров, в основном Георгиевских кавалеров. Главными распорядителями вплоть до конца января 1918 г. были комиссар В. С. Панкратов, социалист, бывший сибирский ссыльный, по доброму относившийся к Николаю и его детям, и А. В. Никольский, эсер, товарищ В. С. Панкротова по якутской ссылке, человек грубый, плохо воспитанный и злой. По специальному распоряжению А. Ф. Керенского, полковник Е. С. Кобылинский, привезший Николая с семьей в Тобольск, должен был выполнять все их распоряжения.

Для спасения царской семьи готовилось несколько заговоров. Через епископа Гермогена монархисты установили контакт с царем и царицей. Был даже снят дом напротив губернаторского, чтобы прорыть подземный ход к резиденции ссыльного императора. Однако осуществлению замыслов помешали действия новых властей и разногласия среди самих заговорщиков. Одни считали, что по закону о престолонаследии отречение за сына в пользу брата недействительно, другие не могли договориться о фигуре регента при малолетнем Алексее.

После падения Временного правительства в октябре 1917 г. солдатам охраны перестали выплачивать обещанное денежное довольствие. Среди них началось брожение. Не хватало денег и на питание семьи царя. Повар жаловался, что торговцы перестали отпускать продукты в кредит. Е. С. Кобылинский вынужден был просить деньги у жителей города, надеявшихся, что власть правительства будет восстановлена. Необходимые деньги были получены, и на время удалось предотвратить недовольство солдат.

Новый взрыв негодования солдат охраны произошел в конце декабря, когда местный священник провозгласил с амвона здравицу в честь «государя-императора», используя старую формулу. После этого солдаты практически вышли из повиновения: они постановили не пускать в церковь царя и его семью, установили жесткий контроль за всеми сторонами их жизни и потребовали, чтобы царь снял свои полковничьи погоны. Комиссару Временного правительства солдаты перестали доверять и заставили его уйти в отставку, а 24 января 1918 г. послали делегацию в Петроград. Судьбу свергнутого императора теперь должен был решать Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет народных комиссаров.

29 января 1918 г. на заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина среди множества проблем обсуждался вопрос «о переводе Николая Романова в Петроград для предания его суду».

Однако экономические и социальные трудности первых месяцев советской власти, обострение военно-политической обстановки из-за наступления немцев, борьба за подписание и утверждение Брестского мира на время отодвинули решение вопроса о дальнейшей судьбе Николая и его семьи. Были приняты лишь временные меры. Народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский приказал считать арестованными не только царскую семью, но и всех свитских, сопровождавших ее. Нарком имуществ В. А. Карелин отдал распоряжение о резком сокращении расходов на содержание царской семьи, дав на каждого «солдатский паек». После этого Романовы вынуждены были уволить 10 человек прислуги. Все оставшиеся оказались на положении арестованных и вынуждены были «уплотниться» в бывшем губернаторском доме.

В апреле 1918 г. в Тобольск прибыл комиссар В. В. Яковлев. Он заявил, что уполномочен ВЦИКом перевезти царя и его семью в другое место. Для осуществления этой операции ему был придан отряд из 30 красноармейцев, воору-

женных четырьмя пулеметами. В. В. Яковлев ничего не сообщил о месте назначения, но по каким-то намекам царь и царица уверовали, что их увезут в Москву, а в дальнейшем отпустят за границу.

Личность Василия Васильевича Яковлева и цель его миссии до сих пор остаются неясными для историков. На некоторые вопросы нет однозначных ответов. Есть сведения, что он был близок к эсерам, однако Е. С. Кобылинскому и солдатам, сторожившим царя, он представился комиссаром из Москвы, действующим по согласованию с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым. Но в таком случае, почему он старался действовать скрытно и до последнего момента держал в секрете от солдат свое стремление вывезти царя из Тобольска? Если он должен был доставить царя в Москву, то почему скрывал это? Была ли эта скрытность продиктована боязнью заговора монархистов? Почему он так торопился и просил брать с собой поменьше вещей? От кого на пути из Тюмени в Екатеринбург он получил известие, что там его отряд и царя задержат, а потому был вынужден повернуть назад в Тюмень и двинуться на восток, к Омску? По одним сведениям, он до Омска не добрался и был остановлен силами «красных» на станции Куломзино, а по другим — говорил из Омска

по прямому проводу с Москвой и получил приказ возвращаться в Екатеринбург. Если в большевистском Екатеринбурге думали, что В. В. Яковлев — предатель, стремившийся вывезти царя за границу, то почему его отпустили в Москву, а солдат его отряда задержали на несколько дней? Был ли Яковлев посланцем большевистского правительства или он действовал в интересах других политических сил? Допрошенные впоследствии очевидцы рассказывали, что все его поведение свидетельствовало о почтительном и уважительном отношении к царю. Есть даже сведения, что царица во время пути встречалась с представителями монархистов. Как это могло произойти, если Яковлев был большевистским комиссаром? Если Яковлев не был в действительности большевистским комиссаром и старался спасти царя, почему, когда он перешел на сторону «белых», то был арестован, попал в контрразведку Генерального штаба в Омске и там пропал? Вопросы, вопросы...

Судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда Николай Алексеевич Соколов, в течение шести лет (с февраля 1919 до ноября 1924 г.) проводивший расследование обстоятельств гибели царской семьи и собравший огромный материал, считал, что «увоз Госу-

даря из Тобольска не зависел от желания русских монархистов спасти его. Они даже не знали об этом». По его мнению, «скрываясь под маской большевика», В. В. Яковлев «пытался увести Царя и Наследника, выполняя немецкую волю». При этом немцы заботились исключительно о своих интересах, а не о судьбе царя и его семьи. Н. А. Соколов писал: «Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал Государя. Подписывая одной рукой полномочия Яковлева, Я. М. Свердлов другой рукой подписывал иное. Задержала Царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Я. М. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатеринбурга».

Бытует и другая версия. В условиях усиления опасности со стороны антисоветских сил руководители президиума Уральского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов взяли на себя ответственность, разоружили отряд В. В. Яковлева и самовольно задержали царя в Екатеринбурге, несмотря на указания ВЦИКа доставить Романовых в Москву для открытого суда над ними.

Третья версия близка к выводам Н. А. Соколова, но без «немецкой руки». Уральские власти задержали царя и его семью в Екатеринбурге по прямому указанию Москвы,

которая решила отложить суд над Романовыми из-за сложности внутривластной обстановки весной 1918 г. В. В. Яковлев, вне зависимости от его партийной принадлежности, вполне мог быть официальным особо уполномоченным ВЦИКа. Возможно, что первоначально он имел предписание доставить царя в Москву и старался выполнить его. Но в силу изменившихся обстоятельств был вынужден подчиниться Уральскому областному совету, который согласовал все свои действия с центральными властями.

Выезд из Тобольска ознаменовал начало последнего этапа в жизни Николая Романова. Ни он, ни его семья еще не догадывались, что ждет их в будущем и как мало этого будущего осталось...

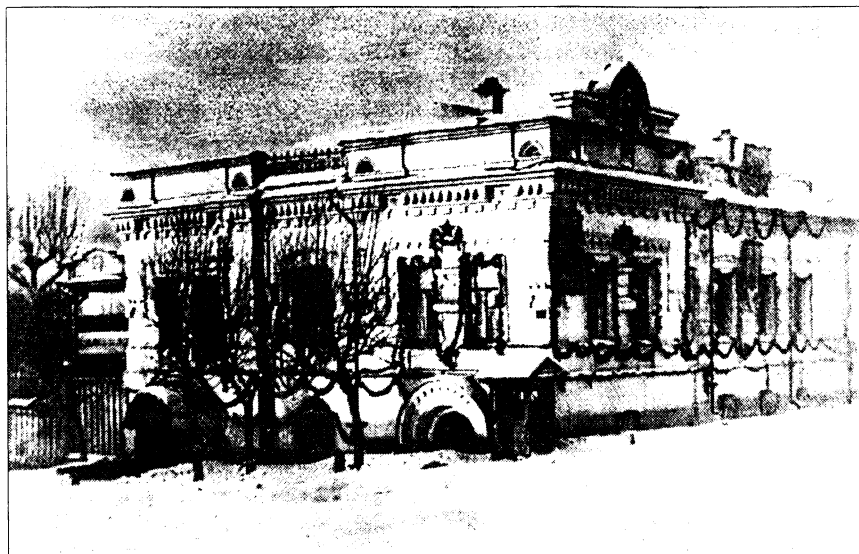
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Решение о переводе Николая и его семьи из Тобольска было принято большевиками из-за усиления промонархических настроений. Поползли слухи о заговоре с целью освобождения бывшего царя. В условиях разгоравшейся гражданской войны большевики не хотели оставлять монархистам и другим противникам советской власти такое живое знамя, как бывший император. В Екатеринбурге они име-

ли большинство во всех властных структурах и верные им воинские части. Там царю можно было обеспечить более надежную охрану. К тому же в случае необходимости царя с семьей можно было бы быстро эвакуировать по железной дороге.

30 апреля (здесь и далее даты даны по новому стилю. — *Ред.*) председатель исполкома Уральского областного совета А. Г. Белобородов сообщил Я. М. Свердлову во ВЦИК и В. И. Ленину в Совнарком, что он принял от комиссара В. В. Яковлева бывшего царя и его жену. Всех поместили в доме уральского горного инженера Н. Н. Ипатьева, который освободил его накануне приезда царской четы. Это доказывает, что решение о задержании царя с царицей в Екатеринбурге было принято спонтанно, без предварительной подготовки. Дом был окружен высоким двойным забором. Охрану несли рабочие местных фабрик, известные своей преданностью революции.

Николай остался доволен помещением. В дневнике он записал: «Дом хороший, чистый. Нам были отведены четыре большие комнаты: спальня угловая, уборная, рядом столовая с окнами в садик и с видом на низменную часть города и, наконец, просторная зала с аркою без дверей». Однако поведение охранников

Ипатьевский дом в Екатеринбурге

вызвало его возмущение: «Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару...» Это был, пожалуй, первый раз, когда нервы бывшего императора не выдержали и он резко среагировал на издевательское отношение тюремщиков, сказав: «До сих пор я имел дело все-таки с порядочными людьми».

Условия содержания Романовых в «доме особого назна-

чения» — так назывался дом Ипатьева в период пребывания там царской семьи — постепенно ужесточались: то запрещали прогулку или сокращали ее время, то навесили на окно решетку. Все делалось для того, чтобы режим все более напоминал тюремный. По свидетельству камердинера царя Т. И. Чемодурова, «поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они внушали ужас и отвращение». Особенно остро подобные вещи действовали на 14-летнего царевича Алексея и на Александру Федоровну. Николай держался мужественно,

подбадривал своих близких, просил молиться Богу. Записи в дневнике выдавали его тревогу за родных и в то же время стремление сохранить присутствие духа, не уронить свое достоинство перед караульными солдатами.

В начале июня Николай отметил в дневнике, что воровство разных предметов и провизии из сундуков усилилось и «при этом без всякого объявления причин... Омерзительно! Внешне отношения за последние недели тоже изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!»

Царь был совершенно оторван от внешнего мира. (Последняя запись в дневнике 13 июля: «Вестей извне никаких не имеем».) Он не знал, что в конце мая 1918 г. началось восстание чехословацких солдат из бывших австро-венгерских военнопленных, которым было разрешено доехать через Сибирь до Владивостока и кружным путем добираться до Европы. Недоверие к ним местных Советов, всеобщая неразбериха и антибольшевистская пропаганда сделали свое дело. С помощью железнодорожников, недовольных новой властью, они заняли Транссибирскую магистраль, многие города Урала и Сибири. Вместе с ними действова-

ли сибирские казачьи части. Этими обстоятельствами объяснялись тревога солдат охраны, изменение их отношений к царю и его семье.

Приближение восставших чехов и казаков к Екатеринбург заставило областной Совет уже в конце июня поставить вопрос о дальнейшей судьбе Николая. В Совет входили большевики (А. Г. Белобородов — председатель, Г. И. Сафаров — товарищ председателя, И. Я. Тунтул — комиссар управления, Ф. Ф. Сыромолотов — комиссар финансов, А. А. Андреев — комиссар труда, П. Л. Войков — комиссар снабжения, В. Н. Андронников — комиссар производства, Ф. И. Голощекин — военный комиссар) и левые эсеры (В. И. Хотимский — комиссар земледелия, И. Х. Поляков — комиссар просвещения, Н. Сахнович — комиссар народного хозяйства). По рассказу П. Быкова, большевика и члена Исполкома Совета, эсеры настаивали на расстреле Романовых, но другие члены Совета не решались взять на себя ответственность за подобное решение. Они хотели получить санкцию центрального правительства.

В Москву был отправлен уральский военный комиссар Ф. И. Голощекин. Как член ВЦИК он должен был принять участие в работе V Всероссийского съезда Советов (4—10 июля 1918 г.). Нет со-

мнений, что он обсуждал в Москве с Я. М. Свердловым и В. И. Лениным вопрос о судьбе Романовых и договорился о проведении суда над Николаем. Кроме того, ему было позволено применить самые решительные меры, вплоть до расстрела, если того потребуют обстоятельства.

Эти выводы подтверждаются тремя свидетельствами. Первое: в телеграмме 16 июля в Москву из Петрограда от Г. Е. Зиновьева, с которым по прямому проводу удалось связаться членом Уралоблсовета, упоминалось об условленном с «Филипповым» суде (один из партийных псевдонимов Голощекина — «Филипп»). Ясно, что под этой фамилией он и подразумевался).

Второе: запись от 9 апреля 1935 г. в «Дневнике» Л. Д. Троцкого, где он по памяти передает свой разговор с Я. М. Свердловым летом 1918 г. Председатель ВЦИК сказал, что царь и его семья расстреляны и что решалось это в Москве. «Ильич считал, что нельзя оставлять нам им (белым. — *Ред.*) живого знамени, особенно в нынешних условиях». Л. Д. Троцкий писал: «Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья... Либералы склонялись к тому, что Уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это

неверно. Постановление вынесено было в Москве».

Обосновывая позицию большевиков, Троцкий заметил: «По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо... Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтобы запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступление нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентских кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал...»

Третье свидетельство появилось относительно недавно. Оно было записано поэтом Ф. Чуевым со слов В. М. Молотова, который подтвердил перед смертью, что именно Ленин дал санкцию на ликвидацию последнего российского императора и его семьи.

Таким образом, Уральский областной совет действовал по согласованию с центральным правительством.

События в начале июля 1918 г. развивались с головокружительной быстротой. 4 июля А. Г. Белобородов сообщил царю о замене коменданта. Вместо прежнего А. Д. Авдеева был назначен Я. М. Юров-

ский, который и раньше бывал в «доме особого назначения» и которого Николай принимал за доктора. (Тот действительно мог таковым показаться, так как в период первой мировой войны одно время работал фельдшером.) Был заменен и караул. Вместо охранников из фабричных рабочих, грубиянов и пьяниц, постоянно задевавших членов царской семьи и особенно великих князей, были присланы новые — чекисты из так называемых «латышей». (В то время «латышами» называли не только людей этой национальности, но всех немецких и австро-венгерских военнопленных, которые на стороне большевиков участвовали в гражданской войне.) Новые охранники держались сдержанно и четко выполняли инструкции.

Вступив в должность, Я. М. Юровский и его заместитель Г. П. Никулин сразу же начали составлять опись всех золотых вещей, которые им предъявили члены семьи Романовых. «Большую часть вещей (кольца, браслеты и пр.) они взяли себе», — записал в дневнике Николай. Справедливости ради отметим, что на следующий день Я. М. Юровский принес драгоценности обратно, чтобы успокоить царственных узников. Он запечатал ювелирные изделия в ящичек и передал на хранение владельцам. Надолго ли?!

11 июля рабочие прикрепили к одному окну металлическую решетку, чем очень удивили Николая, так как он не был об этом предупрежден и не понял, для чего это делалось. Бежать он не собирался, так как не мог бросить семью на произвол тюремщиков.

13 июля декретом Совнаркома было конфисковано имущество «низложенного императора и членов императорского дома».

14 июля из Москвы в Екатеринбург вернулся Ф. И. Голощекин. Его ждали с нетерпением, так как к этому времени стало ясно — Екатеринбург большевикам не удержать. К городу продвигались чехословацкий корпус и сибирские казаки. С ними шли члены монархических организаций, мечтавшие о реставрации Романовых на российском престоле. По воспоминаниям В. А. Воробьева, члена президиума Исполкома Уралсовета и редактора газеты «Уральский рабочий», «вопрос о судьбе царской семьи был поставлен ребром. Увозить бывшего царя было некуда, да и везти его было далеко не безопасно. И на одном из заседаний облсовета мы решили Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними». «Мы» — это В. А. Воробьев, Ф. И. Голощекин, Г. И. Сафаров и Я. М. Юровский. Подписал постановление председатель Уралсовета А. Г. Белобородов.

Участники заседания попытались на всякий случай получить от центральных властей официальное подтверждение принятого решения. Удалось связаться с Г. Е. Зиновьевым в Петрограде, который 16 июля отправил в Москву упомянутую телеграмму: «Москва. Кремль. Свердлову. Копия — Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: Сообщите в Москву, что условленного с Филлипповым суда по военным обстоятельствам ждать не можем. Если ваше мнение противоположное, сейчас же, вне всякой очереди, сообщите в Екатеринбург. Зиновьев».

Телеграмма дошла до Москвы только в 21 час 22 мин. Надо полагать, что к Я. М. Свердлову и (или) В. И. Ленину она попала не ранее 22 часов, так как курьеру требовалось некоторое время, чтобы добраться с Мясницкой, где находился телеграф, до Кремля.

Была ли послана из Москвы ответная телеграмма с одобрением принятого решения тогда же, 16-го, нет ли — дела это не меняло. Текст запроса был составлен так, что молчание понималось как одобрение. Кроме того, ответная телеграмма могла попасть в Екатеринбург лишь поздно ночью, что не влияло на развитие событий — приготовления к расстрелу шли полным ходом. И многие причастные к нему до конца своих дней

считали, что они «с честью» выполнили «перед народом и страной свой долг», что им «выпало большое счастье произвести последний пролетарский советский суд» над коронованным самодержцем, который «в свое царствование судил, вешал и расстрелял тысячи людей».

Конечно, Николай II как самодержавный властитель России, не сумевший обеспечить ей экономическое процветание и социальную справедливость, сопротивлявшийся либерализации и демократизации ее политического строя, втянувший ее в империалистическую бойню, доведший народ до голода, нищеты и отчаяния, должен был нести ответственность за содеянное. Вопль задушенных и затоптанных на Ходынском поле, расстрелянных в кровавое воскресенье в Петербурге, утонувших в Цусимском проливе, повешенных по приговорам военно-полевых судов, погибших на фронтах русско-японской и первой мировой войн зывал к отмщению. Но как человек он был вправе ожидать объективного, справедливого суда. И был готов к нему...

А его семья — жена, четыре дочери и сын — в чем были виноваты? А его брат Михаил, сестра жены и другие родственники, отправленные в ссылку и ждавшие решения своей судьбы, в чем их

вина? Почему их так ненавидели? Эти вопросы общественность стала задавать себе только в конце XX столетия.

В то революционное и жестокое время гражданской войны таких вопросов не задавали. Руководствовались понятием революционной целесообразности. Бывают такие эпохи, когда любые гуманистические принципы отходят назад, не принимаются во внимание. Такие эпохи рождают свои этику и мораль, когда принцип или своеобразно понятое «общественное благо» ценятся выше, чем человеческая жизнь. Достаточно взглянуть на историю многих стран Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. История России — не исключение.

Считалось, что любой из Романовых, будь он хоть грудной младенец, может стать знаменем для тех, кто мечтает свергнуть советскую власть и восстановить монархию. Сама принадлежность к императорской семье уже была виной. Возможность реставрации монархии крайне беспокоила большевиков, и потому участь Романовых была предreshена. Развязку ускорили наступление «белых» и слухи о подготовке разветвленного монархического заговора. Сказалось и самоуправство местных властей, их «революционная решительность» и «жажда класовой мести».

Начало было положено в Перми. Здесь относительно свободно проживал, пользуясь «охранной грамотой» правительства, добровольно отказавшийся от престола великий князь Михаил Александрович. Он был выслан из Гатчины в феврале 1918 г. Вечером 12 июня Г. И. Мясников, председатель Мотовилихинского Совета рабочих депутатов, в створе с председателем местного ГубЧК П. Малковым изготовил фальшивый документ о срочном выезде великого князя из Перми. Вместе с начальником милиции В. А. Иванченко он собрал группу «преданных революции» людей (А. В. Марков, Н. В. Жуков, И. Ф. Колпашиков). Они разработали план похищения Михаила Александровича. Поздно вечером отправились на двух пролетках на Сибирскую улицу, где в гостинице «Королевские номера» жил великий князь. Его грубо разбудили, предъявили фальшивый документ и потребовали, чтобы он беспрекословно подчинялся всем распоряжениям. Михаил Александрович протестовал против подобного обращения, требовал связать его с П. Малковым, ответственным за его проживание в Перми, но все было бесполезно. Его заставили одеться и вывели на улицу. Михаил Александрович попросил разрешение взять с собой своего личного секретаря англичани-

на Брайана Джонсона. В этом ему не отказали. (Лучше бы он не просил.) Арестованных посадили в пролетки, вывезли из города в лес и там убили, не предъявив никакого обвинения. Даже о «революционной законности» не было речи. Это была самая настоящая бессудная расправа, за которую ее участники не понесли никакого наказания.

Выстрелы в лесу под Пермью зловещим эхом отзывались в других городах Урала, положив начало серии бесчеловечных убийств членов императорской семьи во имя той самой «революционной целесообразности».

Решение о расстреле в Екатеринбурге было принято в 6 часов вечера. Возможно, при этом ссылались на переговоры Ф. И. Голощекина в Москве и на якобы полученную из центра телеграмму, одобряющую решение Уральского областного совета. Провести расстрел поручили коменданту Ипатьевского дома, а «старого революционера» П. З. Ермакова обязали обеспечить захоронение.

Пока П. З. Ермаков выбирал место, «куда везти и как скрыть, учитывая все обстоятельства и важность момента», как он писал в воспоминаниях, Я. М. Юровский через начальника охраны «дома особого назначения» П. С. Медведева собрал у солдат все револьверы системы «наган». Он их

считал наиболее надежными. Предупредил караульных солдат, чтобы они не беспокоились, если ночью услышат выстрелы в доме. Одновременно подбирались и люди, готовые участвовать в операции — от расстрела до захоронения. Был подготовлен грузовик, который звуком работающего мотора должен был заглушить шум от выстрелов и возможные крики жертв. Потом на нем собирались вывезти тела убитых.

В воспоминаниях непосредственных исполнителей называется разное время начала «операции». Думается, что сейчас, спустя 80 лет, прошедших с той страшной ночи, не суть важно, в какое время прибыл грузовик, кто и когда разбудил членов царской семьи и прислугу, кто сидел или стоял и т. п. Важно другое. Николай и его семья с царственным достоинством встретили своих палачей. А те, кто стрелял в царя, царицу, их детей, доктора и слуг, буквально упивались своей миссией, считая, что совершают правое дело в интересах революции. Они гордились, что именно их выбрали для расстрела царской семьи, и в своих воспоминаниях наперебой оспаривали весьма сомнительную «честь» — кто и как убил. Трудно представить сейчас, в конце XX столетия, но это так — они «соревновались» друг с другом в своих

записках, написанных через много лет после трагедии.

В тот роковой день, 16 июля 1918 г., Романовы, их доктор и слуги легли спать как обычно — в 22 часа 30 минут. Около полуночи их разбудили, предложили одеться и спуститься вниз под тем предлогом, что вновь предстоит переезд из-за военной опасности. Лгали потому, что боялись сопротивления, но царь и его семья беспрекословно выполнили все требования и спустились со второго этажа в полуподвальную комнату. Стены ее были обиты досками, так как организаторы расстрела боялись, что пули будут ricochetить при выстрелах.

За Николаем, несшим на руках больного царевича Алексея, вошли бывшая царица Александра Федоровна, царевны Татьяна, Ольга, Анастасия и Мария, доктор Е. С. Боткин, повар И. М. Харитонов, лакей царя А. Е. Трупп и комнатная девушка царицы А. С. Демидова.

Вслед за ними спустились комендант Я. М. Юровский, его заместитель Г. П. Никулин, начальник охраны П. С. Медведев, П. З. Ермаков, два члена Чрезвычайной комиссии и шесть специально отобранных стрелков-«латышей», фамилии которых в документах не сохранились. Между ними заранее было распределено, кто в кого должен стрелять. Примечательно, что двое из «латы-

шей» отказались стрелять «в девиц», но других это не остановило. Во дворе дома все время работал мотор грузовика.

Я. М. Юровский зачитал постановление Уральского областного совета о расстреле, и через несколько секунд началась пальба. Царь был убит с первого выстрела. В него целились двое — Я. М. Юровский и П. З. Ермаков. В других было выпущено по нескольку пуль. У упавших проверяли пульс, и тех, кто был еще жив, приканчивали штыками или выстрелами в упор. Я. М. Юровский специально «достреливал» царевича, стонавшего после ранения. Кровь текла потоками, опьяняя палачей. Вся «операция» заняла не более 20 минут.

На импровизированных носилках из простынь убитых вынесли во двор и уложили в грузовик, покрыв тела брезентом. Я. М. Юровский через П. С. Медведева приказал солдатам охраны замыть кровь в комнате, а сам уехал вместе с П. З. Ермаковым.

Им оставалось как бы немного — спрятать тела убитых. Спрятать так, чтобы никто и никогда не мог найти. П. З. Ермаков и Я. М. Юровский старались замести следы преступления, чтобы наступавшие на Екатеринбург «белые» не могли обнаружить убиенных.

Тела расстрелянных были

вывезены из Екатеринбурга в сторону Верхне-Исетского завода. Там, в лесу, их встретили отобранные П. З. Ермаковым рабочие. Они возмутились: «Что ж вы нам их неживыми привезли?!» Видимо, они надеялись, что именно им достанется «честь» казнить царя и его семью.

Грузовик по лесу проехать не смог. Этого совершенно не предусмотрел организатор «похорон». Тела стали переносить на пролетки, на которых приехали в лес рабочие. На этих пролетках убитых повезли дальше, отыскивая укромное место и какую-нибудь заброшенную золотоискателями шахту, чтобы сбросить в нее трупы. К утру нашли подходящее место. Стали раздевать убитых, чтобы сжечь их платье. У царицы и великих княжон нашли зашитые в корсеты драгоценности, а на груди медальоны с портретом Григория Распутина и текстом молитвы. Сопровождающие пытались «приобрести сувениры», но Я. М. Юровский немедленно пресек эти попытки. Все драгоценности были пересчитаны и собраны в сумки для последующей передачи большевистской власти. (Позднее они были закопаны в Алапаевске, а в 1919 г. выкопаны и перевезены в Москву.) Одежду сожгли, трупы скинули в шахту, которую забросали ручными гранатами, чтобы изуродовать тела до

неузнаваемости. Закончив «операцию» и оставив часовых, Юровский вернулся в город.

Утром 17 июля Я. М. Юровский доложил о результатах А. Г. Белобородову и Г. И. Сафарову. Совместно с председателем горисполкома С. Е. Чуцкаевым они приняли решение о перезахоронении убитых. В этот же день Я. М. Юровский с каким-то чекистом (возможно, это был П. З. Ермаков) снова отправились в лес, чтобы подыскать удобное для погребения место. Там они пробыли до вечера и вернулись в город, ничего не решив окончательно. Поздно ночью 18 июля поехали к шахте, захватив керосин, серную кислоту, веревки и телеги для транспортировки трупов. На место прибыли к рассвету. Ермаков спустился в шахту, стал обвязывать тела веревками, а двое чекистов вытаскивали их наверх. Когда всех вытащили, решили часть трупов закопать здесь же, на месте. Но помешал какой-то крестьянин, забредший в лес, чтобы пожить в случайно оброненными «сувенирами».

Поняв, что место раскрыто, решили отвезти трупы к более отдаленным шахтам. Но телеги от езды по лесу стали разваливаться. Днем 18-го Юровскому снова пришлось вернуться в город, чтобы пригнать грузовик для трупов и

две легковые машины для чекистов.

На рассвете 19 июля машины снова застряли в лесу. Добраться до намеченных глубоких и отдаленных шахт они так и не смогли. Тогда решили трупы сжечь, а останки захоронить. Приходилось торопиться — ведь «белые» уже подступали к Екатеринбург. Братскую могилу забросали землей и хворостом, заложили железнодорожными шпалами и сверху несколько раз проехали на машине. Они считали, что теперь следов захоронения не осталось. Действительно, «белые» тщательно искали место погребения царской семьи, но обнаружить это место не смогли. Они нашли только ту шахту, в которую поначалу были сброшены тела убиенных.

Расстрелом Николая, его жены и детей большевики не ограничились. Последовала расправа с родственниками Николая и его жены, вывезенными в Алапаевск. Там в ночь на 18 июля зверски были убиты содержащиеся в заключении великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра царицы и жена великого князя Сергея Александровича, великий князь Сергей Михайлович, князь Константин, Иоанн и Игорь Константиновичи и князь Владимир Павлович Палей. Местными властями было заявлено, что всех их похитила неизвес-

тная банда, что есть жертвы с обеих сторон (подразумевались стражи и похитители) и что ведутся поиски пропавших. Басню эту пытались подтвердить активной рассылкой телеграмм в Екатеринбург и в Москву, а также специальным сообщением в пермской газете. Но случай помог уже в 1918 г. разоблачить эту фальшивку. Следователь Н. А. Соколов доказал, что великая княгиня Елизавета Федоровна и пять князей из дома Романовых были убиты по сговору между членами Уральского областного совета и алапаевскими чекистами. Произошло это почти по тому же сценарию, что и в Екатеринбурге. Чекисты пытались скрыть следы и для этого бросили тела убитых в шахту, которую забросали гранатами. Как потом установило следствие, большинство жертв попали в шахту еще живыми...

ПОЧЕМУ ОНИ ТАК ТОРОПИЛИСЬ?

Встает вопрос: почему же уральские власти так спешили с расправой над Романовыми? Почему они решили не дожидаться суда? Почему не подумали о грядущем суде истории? Одна из причин, как уже было сказано, в том, что большевики боялись возрождения монархии в России. Нельзя не признать политичес-

кую справедливость этих опасений. С гуманистической же точки зрения, этим расправам не было и нет оправдания.

Справедливости ради отметим, что расстрел фактически был одобрен и левыми эсерами, и меньшевиками, и даже некоторыми представителями зарубежной демократической общественности. Слишком уж много несправедливости на счету династии Романовых за три века правления. Пророческими оказались слова крупного политического деятеля России середины XIX в. А. В. Головина: «...Правительство много брало у народа и давало ему очень мало. Это несправедливо. А так как каждая несправедливость всегда наказывается, то я уверен, что наказание не заставит себя ждать... Это может случиться в царствование внука настоящего государя».

И еще один фактор. Нельзя забывать об атмосфере России в 1917—1918 гг. Свидетельство левого меньшевика Д. Далина: «События первого послереволюционного года... можно понять лишь на фоне этой страшной картины разложения большого организма — разложения государственного, административного, экономического и психологического... Пулеметы решали все... Расстрелы — редко по суду, большей частью по воле местного начальства — приобрели зловещие размеры». Атмо-

сфера жгучей ненависти и стремление сокрушить «весь мир насилья», стихия разнузданности и животного озверения, ощущение вседозволенности «человека с ружьем» (а лучше с пулеметом) — все это создавало обстановку, в которой кровавая бессудная расправа казалась делом высоконравственным, правым и правильным. Таковы были времена, и таковы были нравы.

Прав и не прав был наш великий поэт А. С. Пушкин, когда говорил: «Не приведи Господи, увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Но вспомним Варфоломеевскую ночь во Франции, когда католики резали гугенотов лишь за некоторые отличия религиозных взглядов. А якобинский террор времен Великой французской революции! Разве только в России лилась кровь в периоды великих общественно-политических потрясений? Достаточно вспомнить слова Т. Джефферсона, гуманиста и идеолога американской революции: «...Древо свободы должно время от времени поливаться кровью патриотов и тиранов».

Как же реагировала Москва на расстрел в Екатеринбурге? Несмотря на предварительную договоренность, инициаторы и непосредственные исполнители расстрела с волнением шли на телеграф для переговоров с Москвой. 18 июля А. Г. Бело-

бородову удалось связаться по прямому проводу с Я. М. Свердловым. Рядом с ним, затаив дыхание, стояли другие члены президиума Уральского областного совета. В Москву пошло ложное сообщение, что расстрелян один царь, а его семья эвакуирована. Я. М. Свердлов обещал уральцам, что немедленно передаст сообщение Президиуму ВЦИК и что, без сомнения, их решение будет одобрено. По воспоминаниям В. А. Воробьева, одного из тех, кто принимал решение о расстреле царской семьи: «Мы вздохнули спокойней, вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным...»

В. А. Воробьев в своих мемуарах слегка лукавил. Если бы Москва действительно не хотела расстрела, то она нашла бы способ остановить приготовления к нему. Увы! Центральные власти сами подтолкнули местное руководство к решительным действиям и во время переговоров Ф. И. Голощекина в Москве, и декретом о конфискации имущества императорской фамилии, возможно, спровоцированным этими переговорами, и другими шагами. Все было сделано для того, чтобы расправа с царем и другими Романовыми выглядела бы как следствие народной ненависти, которую большевики из центра были не в силах ни преодолеть, ни предотвратить.

В тот же день на заседании Президиума ВЦИК действия Уральского областного совета были признаны правильными. Трех членам ВЦИК (Я. М. Свердлову, Л. С. Сосновскому и В. А. Аванесову) было поручено составить текст для публикации извещения о смерти царя. Москва решила, что сначала сообщение должно быть опубликовано в центральной прессе, а уж потом в местной. Тем самым правительством брали на себя морально-политическую ответственность за расстрел. По существу, это было справедливо и правильно.

Вот так и получилось, что В. А. Воробьев, редактор газеты «Уральский рабочий», знавший об обстоятельствах дела практически раньше всех и из первых рук, смог поместить информацию о расстреле царя только 23 июля. Она сопровождалась таким все объясняющим рассуждением: «Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца». Далее в газете сообщалось, что жена и сын Николая отправлены «в надежное место» и что имеются документы о большом контрреволюционном заговоре с целью восстановления монархии. Общественное мнение России и всего мира долго еще обманывали этой фальшивкой, считая излишними для новой власти дать хоть какие-то оправдания.

СУДЬБА УБИЙЦ

А как же те, кто подписывал приказ о расстреле царя, его семьи и слуг? Кто они? Как сложилась их дальнейшая судьба?

А. Г. Белобородов (1891—1939), известный деятель большевистской партии и Советского государства, родился в Пермской губернии, в семье рабочего. Служил конторщиком. Член РСДРП с 1907 г. С апреля 1917 г. член Уральского комитета РКП(б). С января 1918 до января 1919 г. занимал пост председателя президиума Исполнительного комитета Уральского областного совета и в этом качестве подписал решение совета о расстреле царя. В феврале — марте 1919 г. был председателем Вятского губревкома. Участвовал в освобождении Урала от «белых» и в подавлении вооруженного выступления казаков на Верхнем Дону. Летом 1919 г. был заместителем начальника Политуправления Реввоенсовета Республики, затем — членом Реввоенсовета 9-й армии. В 1920 г. за боевые заслуги был награжден орденом Красного Знамени и переведен на работу в центр.

Осенью 1921 г., будучи заместителем председателя ВЧК, попытался начать «дело» против лидеров «рабочей оппозиции» А. М. Коллонтай, А. Г. Шляпникова и др., требуя их ареста. Комиссия ЦК РКП(б) уста-

новила, что материалы «дела» сфабрикованы, и расценила его деятельность как «новые махинации Белобородова, который... позволил себе эту вольность и пробует вести себя так, как в Екатеринбурге». После упразднения ВЧК в конце 1921 г. Белобородова перевели на работу в Наркомат внутренних дел.

В 20-х гг. он находился на разных административных постах, избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР. Одно время примыкал к троцкистам, за что был исключен из партии в 1927 г., но восстановлен «за раскаяние» в 1930 г. Был, как тогда говорили, «брошен» на хозяйственную работу в системе Комитета заготовок СССР. «Революционные заслуги» не спасли его от сталинского террора.

Аналогичная участь постигла и *Г. И. Сафарова* (1891—1942) — товарища председателя Уральского областного совета. Его подпись стояла на телеграмме, посланной в Москву относительно расстрела царя. Он был членом Российской социал-демократической партии с 1908 г. Подлинная фамилия — Володин. Во время подпольной партийной работы в Петербурге использовал несколько псевдонимов: Егоров, Жорж, Жоржик, Самоварчик, Сафчик, Сафарчик и др. Один из псевдонимов и стал его гражданской фамилией после революции. В эмигра-

ции познакомился с В. И. Лениным. Весной 1918 г. был близок к «левым коммунистам». В годы гражданской войны работал на Урале, был членом Туркбюро РКП(б). Затем в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала заведовал Восточным отделом. На XIV съезде партии примкнул к «новой оппозиции», потом входил в троцкистско-зиновьевский блок. В результате в 1927 г. был исключен из партии за активную троцкистскую деятельность, но в 1928 г. восстановлен. В 1934 г. его вновь исключили с формулировкой «за антипартийную деятельность». Чем это тогда грозило — не надо объяснять.

Еще один активный участник — *Ф. И. Голощекин* (1876—1941). Мещанин из г. Невеля Витебской губернии, окончил гимназию в Витебске и зубо-врачебную школу. Вступил в ряды РСДРП, участвовал в революции 1905—1907 гг., был арестован в 1906 г. как большевик-пропагандист. Вел подпольную работу в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и других городах. Псевдонимы: Филипп, Филиппов, Фрам и др. В 1907 г. был осужден на двухлетнее заключение в крепости. Освободившись, вернулся к революционной деятельности, за что был сослан в Нарымский край. В 1911 г. бежал из ссылки за границу, где участвовал в

подготовке и работе Пражской конференции большевиков. Был избран членом ЦК РСДРП(б). Вернулся в Россию как представитель В. И. Ленина и разъездной агент «Русского Бюро ЦК». Снова был арестован и сослан в Сибирь на четыре года. В 1917 г. участвовал в работе VII (Апрельской) Всероссийской конференции и VI съезда РСДРП(б).

Во время Октябрьской революции был членом Петроградского Военно-революционного комитета. Делегат II съезда Советов и член ВЦИК. С декабря 1917 г. — член Екатеринбургского комитета РСДРП(б), комиссар по военным делам совета. С февраля 1918 г. — уральский областной военком, член областного комитета партии и Уральского областного совета, а с мая — окружной военком.

Он организовывал охрану в «доме особого назначения». В. Л. Бурцев, известный общественно-политический деятель, знавший его еще по эмиграции, говорил, что «это человек, которого кровь не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач, жестокий, с некоторыми чертами дегенерации». Оставив на совести В. Л. Бурцева, ненавидевшего большевиков, резкость оценки, отметим, что во многом она справедлива и что своим участием в расправе с царем Ф. И. Голощекин вполне оправдал ее.

В годы гражданской войны и после нее занимал ряд важных партийных и военно-политических постов. Был делегатом VII и VIII съездов партии, на последнем примыкал к «военной оппозиции». Кандидат, а затем член ЦК ВКП(б). Избирался членом ВЦИК и ЦИК СССР*. С 1933 г. — главный государственный арбитр при Совете народных комиссаров СССР.

Человек, активно оспаривавший сомнительную «честь» называться убийцей царя, — *Я. М. Юровский* (1878—1938). Мещанин г. Каинска Томской губернии. Учился в еврейской школе при синагоге, потом у часовых дел мастера. Имел свою часовую мастерскую и магазин. В партии большевиков с 1905 г. В 1912 г. за революционную деятельность выслан в Екатеринбург. Здесь открыл фотографию. В годы первой мировой войны окончил фельдшерскую школу, получил звание ротного фельдшера и работал в екатеринбургском лазарете. Характер имел вспыльчивый, грубый, деспотический. Недаром царь записал в дневнике о нем: «Этот тип нам нравится все менее!» Считал аморального царевича симулянтом.

После Октябрьской революции Юровский быстро сделал карьеру в ЧК. Был председателем следственной комиссии Уральского областного ревтрибунала, товарищем коммиссара юстиции и членом коллегии областной ЧК. 4 июля 1918 г. назначен комендантом «дома особого назначения» и уполномоченным ЧК по охране бывшего царя.

В конце 1918 г. был переведен на работу в Москву: заведовал районными отделами Московской ЧК, был членом коллегии МЧК. В 1919—1920 гг. вернулся на Урал, сначала был председателем ГубЧК, позднее — заведовал собесом в Екатеринбурге. Некоторое время работал в Рабоче-крестьянской инспекции. Видимо, за «заслуги» по сохранению и передаче государству царских драгоценностей был направлен на работу в Государственное хранилище ценностей РСФСР, где активно боролся с хищениями. Умер от язвенной болезни в Кремлевской больнице. Оставил подробные воспоминания о тех страшных ночах июля 1918 г., подлинность и достоверность которых оспариваются некоторыми исследователями. (В разных архивах в 1989 и 1993 гг. было обнаружено четыре редакции так называемой «записки Юровского». Сомнения вызывает как авторская принадлежность этих документов, так и содержащаяся в них информация.)

* Вместе с Н. И. Ежовым начал атаку на так называемых «национал-уклонистов» в республиканских партийных организациях, что привело к массовым репрессиям. В Казахстане до сих пор помнят «голошекинскую интерпретацию» сталинской принудительной коллективизации.

Оставил свои воспомина- ния и *В. А. Воробьев* (1896—1937). Большевик с 1914 г., он стал заметной фигурой на Урале после Февральской ре- волюции — секретарь больше- вистского комитета и член Со- вета рабочих депутатов в г. Не- вьянске. С сентября 1917 г. он возглавил редакцию газеты «Уральский рабочий». Был также членом обкома РКП(б) и членом Исполкома Ураль- ского областного совета. В 1919 г. — редактор газеты «Деревен- ский коммунист» в г. Вятка. В 1920—1922 гг. работал в аппа- рате ЦК РКП(б), был членом Уралбюро РКП(б). В 1927 г. исключен из партии за фрак- ционную деятельность. На сле- дующий год его восстано- вили, но это мало помогло ему в дальнейшем. Карьеры он не сделал, и в 1937 г. его не ста- ло.

Больше посчастливилось *П. З. Ермакову* (1884—1952). Большевик с 1906 г., участ- ник трех российских револю- ций, он во время граждан- ской войны работал в ЧК, ко- мандовал карательным отря- дом. В 20-х гг. служил в НКВД. В 1931 г. был назначен заместителем начальника Уральско- го управления мест заключе- ния и заместителем директора объединения фабрично-трудо- вых колоний. Позднее стал крупным начальником в Ми- нистерстве внутренних дел. Благополучно дожил до пен- сии. Оставил автобиографию

и записки о расстреле цар- ской семьи. О своем участии в этом он всегда вспоминал с большой гордостью. Бог ему судья...

ВОСЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

Перестройка, гласность, утрата «руководящей роли», а потом и самого существования партии коммунистов вызвали бурный всплеск интереса общественности к личности Ни- колая II, к истории его цар- ствования и гибели. Нет тако- го публициста, газеты, жур- нала, сборника, которые в той или иной мере не косну- лись бы сюжетов, связанных с историей последних дней Ро- мановых. Переиздано исследо- вание Н. А. Соколова «Убий- ство царской семьи», с боль- шим количеством свидетель- ских показаний и фотодоку- ментов. Создан фильм «Царе- убийца». Открыто и закрыто, и вновь открыто и закрыто уголовное дело № 18/13666-93, названное в народе «делом о царских костях». Созданы Государственная комиссия по идентификации останков последнего российского импера- тора под руководством Ю. Яро- ва и зарубежная экспертная комиссия по исследованию останков царского дома. Вскрыта гробница великого князя Георгия, проведены различные исследования най-

денных останков в могильнике под Коптяковской дорогой, потрачены огромные материальные средства и моральные силы — а воз и ныне там. За все это время не опубликовано ни одного научно обоснованного, доказательного материала. Зарубежная Православная Церковь канонизировала Николая II, других расстрелянных членов императорской фамилии и даже слуг, ставших невинными жертвами

большевиков. Комиссия Священного Синода Русской Православной Церкви по канонизации несколько лет обсуждала вопрос о канонизации царя Николая, его семьи и слуг. Назначено и отложено перезахоронение обнаруженных останков. И уже раздаются голоса о восстановлении в России монархии. Появились и претенденты на царский престол. «Умом Россию не понять...»

УБИЙСТВА В МАРСЕЛЕ

Не умеют люди узнавать своих героев и вождей при жизни. Не умеют они беззаветно любить их, гордиться ими, беречь их как зеницу ока, им и за них отдавать все... Те духовные и государственные горизонты, которые видны герою и вождю, не видны простым людям, и потому они лишь редко, очень редко, и то лишь в предчувствии, осязают размеры его бремени и величие его задач.

И только тогда, когда герой уходит из жизни, самая смерть его, это пронизывающее душу сознание, что жизнь его оборвалась, что земной полет его навеки закончен, что бремя его падает отныне на оставшихся, — заставляет людей содрогнуться, пробудиться от духовного сна и хоть на миг заглянуть в те горизонты, в которых жил и творил погибший герой.

Иван Ильин

Этими словами 17 ноября 1934 г., в сороковой день кончины короля Александра I Карагеоргиевича, начал речь профессор И. А. Ильин во время Скорбного собрания в Русском доме в Белграде. Покойный король был тесно связан с Россией, с русской армией, русской эмиграцией. Для десятков тысяч русских эмигрантов Югославия стала поистине второй родиной. Югославская скупщина по воле короля почти уравнила в правах русских военных инвалидов с югославянскими, а князь Павел (двоюродный брат Александра I) покровительствовал Союзу русских инвалидов. Вполне понятно, почему советская историография изображала королевича, а затем короля Александра лживым, коварным представителем великодержавной сербс-

кой буржуазии, ненавистником большевизма — ведь он так и не признал Советский Союз. Конечно, король Александр не мог быть другом тех, кто расправился с династией, которая всегда приходила на помощь Сербии, тех, кто погубил близких родственников Карагеоргиевичей (сестра короля княгиня Елена Петровна была замужем за князем императорской крови Иоанном Константиновичем, сыном великого князя Константина Константиновича — поэта «К. Р.»; в 1918 г. его живым бросили в шахту недалеко от Алапаевска, а Елена Петровна с двумя детьми эмигрировала).

Как погиб король Югославии Александр I? Кто его убил и кто организовал это злодеяние? Потребовалось время, чтобы докопаться до истины.

ГОД 1934-й

Нечто зловещее происходило в Европе в 1934 г. Накануне Нового года, 29 декабря 1933 г., был убит румынский премьер-министр Ион Дука. 17 февраля 1934 г. при восхождении в горах близ Марш-ле-Дам погиб бельгийский король Альберт I — герой войны 1914—1918 гг. (он был заядлым альпинистом). На рассвете 30 июня Гитлер, пришедший к власти в январе 1933 г., расправился с неугодными соратниками и политическими соперниками: были расстреляны руководители штурмовых отрядов (СА) во главе с начальником штаба Эрнстом Рёмом, соперник фюрера внутри нацистской партии Грегор Штрассер, его противник в 1923 г. Густав фон Кар, бывший рейхсканцлер генерал Курт фон Шлейхер и его сотрудник генерал Курт фон Бредов. Всего было уничтожено около 200 командиров отрядов СА и других лиц («ночь длинных ножей»). Развязав террор внутри страны, гитлеровцы распространили его и за границы Германии.

25 июля нацисты организовали путч в Австрии, стремясь осуществить «аншлюсс» (присоединение ее к Германии). Среди бела дня в своем кабинете был застрелен федеральный канцлер и министр иностранных дел Энгельберт Дольфус, но путч провалился.

Гитлеровская верхушка наметила следующие жертвы, задавшись целью уничтожить тех, кто препятствовал осуществлению их планов ревизии Версальской системы и экспансии в Европе. Об этом в частной беседе с французской журналисткой Женеьевой Табуи после убийства Дуки говорил германский посол в Париже Роланд фон Кёстнер. Он сообщил, что существует «черный список» государственных и политических деятелей, намеченных к «устрашению». В нем значились австрийский канцлер Дольфус, король Югославии Александр, министр иностранных дел Чехословакии доктор Эдуард Бенеш, министр иностранных дел Румынии Николае Титулеску, бельгийский король Альберт, бывший премьер-министр и министр иностранных дел Франции Эдуар Эррио. Посол фон Кёстнер ненавидел фашистов (в 1935 г. он умер от инфаркта), и его информация была точной, но не полной. Он не назвал фамилии министра иностранных дел Франции Луи Барту, который в то время представлял для фашистской Германии особую опасность. Именно на Барту гитлеровцы начали охоту.

Французский министр иностранных дел выдвинул идею «Восточного пакта», или «Восточного Локарно», — гарантии сохранения границ в

Европе. В сферу пакта предполагалось вовлечь Германию, Польшу, Чехословакию, Югославию, Советский Союз, Румынию, прибалтийские страны — Эстонию, Латвию и Литву. Гарантами пакта должны были стать Франция, Великобритания, Италия и Бельгия — участники Локарнского пакта 1925 г., договорившиеся о незыблемости германо-французской и германо-бельгийской границ.

Барту выступал против ремилитаризации Германии и созданием «Восточного пакта» с участием Советского Союза собирався поставить преграду германской экспансии. Германия отказалась принять план Барту, но тот был оптимистом и энергично продвигал свою идею. В апреле 1934 г. Барту посетил Варшаву и Прагу, в мае в Женеве вел переговоры с советским наркомом по иностранным делам М. М. Литвиновым, в июне посетил Бухарест и Белград и по дороге домой встретился в Вене с Дольфусом, в июле посетил Лондон.

Барту укреплял отношения с государствами Малой Антанты (Югославия, Чехословакия, Румыния), созданной еще в 1920—1921 гг., и Балканской Антанты (Югославия, Румыния, Греция и Турция), оформившейся в феврале 1934 г. В сентябре 1934 г. СССР был принят в Лигу Наций.

Подходящий случай для

«устранения» Барту и короля Александра представился, когда было объявлено, что в начале октября король Александр посетит с дружественным визитом Францию.

КОРОЛЬ АЛЕКСАНДР

Югославский король родился 4 декабря 1888 г. в Цетинье и был вторым сыном князя Петра Карагеоргиевича (впоследствии короля Петра I) и черногорской княжны Зорки (умерла в 1890 г.), дочери князя Николы из династии Негошей-Петровичей. Крестным отцом его был император Александр III. Сербские княжичи воспитывались в Санкт-Петербурге. Александр учился в подготовительных классах Императорского училища правоведения, а затем, после недолгого пребывания на родине (в это время его отец стал королем), учился в Пажеском корпусе. Принимая директора корпуса генерала Н. А. Епанчина, царь сказал ему: «Смотрите на него как на Моего сына». Летом 1907 г. королевич вернулся домой и полный курс по программе Пажеского корпуса закончил заочно в 1910 г. Во время посещения Петербурга в 1913 г. королевич был награжден орденом святого Владимира 4-й степени.

15 марта 1909 г. его старший брат королевич Георгий от-

рекса от своих прав наследного принца, и престолонаследником стал королевич Александр. В 1911 г. он был назначен главным инспектором Сербской армии, а в следующем году — командующим 1-й сербской армией. В начавшейся первой Балканской войне 1-я армия в двухдневном бою у Куманова (9—10 октября 1912 г.) разбила турецкую армию Зеки-паши, заняла Скопье, Битоль, очистив за короткий срок Южную Сербию от турок.

Генерал-лейтенант русской армии Е. И. Мартынов, приехавший в 1912 г. в Сербию как корреспондент газеты «Утро России», писал: «Престолонаследник Александр живет как простой офицер, раздавая значительную часть своего очень скромного содержания солдатам. Во время войны он делил с армией все труды и лишения похода, а в сражениях проявил не только решительность и храбрость, но и верный военный взгляд. Он чрезвычайно популярен как в войсках, так и в народных массах.

Вообще, вышедшая из сельской среды, чуждая всякого самовластия, скромная и проникнутая наследственным героическим духом династия Карагеоргиевичей как бы нарочно создана для демократической Сербии».

25 июня 1914 г. больной король Петр I передал свои пол-

Королевич Александр — принц-регент, верховный командующий Сербской армией

номочия королевичу Александру. В период июльского кризиса, последовавшего за сараевским убийством, принц-регент обратился за помощью к России и получил поддержку.

Александр стал верховным главнокомандующим Сербской армии. Австро-венгерские войска были отброшены к рекам Дрине и Саве. Однако в сентябре они предприняли новое наступление, которое сначала шло успешно. Но в декабре, получив помощь от союзников, Сербская армия полностью очистила свою страну от неприятеля. В 1915 г. принц-регент был награжден орденом святого Георгия 3-й степени.

Король Югославии Александр I

Осенью 1915 г. Сербская армия потерпела поражение, и ее остатки эвакуировались на остров Корфу. В годы Великой войны принц-регент заявил: «Мы будем бороться за Великую Сербию, которая объединит всех югославян». Но против такой политики выступали политические руководители других народов, прежде всего хорватов, словенцев и черногорцев. Против была и Италия, особенно ее не устраивал выход Сербии к Адриатическому морю, так как она сама претендовала на Далмацию и другие югославянские территории.

Осенью 1918 г. сербские

войска и Восточная армия союзников одержали победу. Болгария капитулировала. Был создан фундамент для объединения южных славян. Сербское правительство добилось от Франции запрета на возвращение в Черногорию короля Николая.

Вечером 1 декабря 1918 г. было провозглашено создание объединенного Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, в которое вошли помимо Сербии Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Воеводина, Банат и Македония. В августе 1921 г. после смерти короля Петра I принц-регент стал королем Александром I. В 1929 г. королевство стало называться Югославией.

Границы нового государства были установлены в 1919—1920 гг. на основе Сен-Жерменского, Нейского, Трианонского и Рапалльского мирных договоров с Австрией, Болгарией, Венгрией и Италией. Югославия стала союзником Франции. Но реваншисты в Венгрии, Италии и Болгарии, недовольные результатами первой мировой войны, имели существенные территориальные претензии к Югославии.

28 июня 1921 г., в день святого Вида, учредительное собрание приняло конституцию югославского государства (Видовданская конституция), которая узаконила централиза-

цию государственной системы. Против преобладания Сербии в новом государстве решительную борьбу повели националистические организации, прежде всего хорватские усташи (повстанцы). Руководителей этой организации король Александр изгнал из страны, а их вождь Анте Павелич (1889—1959) в июле 1929 г. был заочно приговорен к смертной казни.

В октябре 1933 г. усташи взорвали под Загребом восточный экспресс, в котором ехали три министра иностранных дел Малой Антанты — Эдуард Бенеш, Николае Титулеску и Боголюб Евтич. В последнюю минуту министрам заменили вагон. А тот, в котором они должны были ехать, вдребезги разнесла «адская машина». Немало людей погибло.

В те дни одна из берлинских газет, издаваемая хорватскими усташами, писала: «Сегодня Александр Последний в смертельной тревоге ожидает удара, который нанесет ему рука усташей». Они пользовались полной поддержкой в Италии, Венгрии и Германии. В Берлине находился их штаб, тренировки проходили в военном лагере в Янка-Пуста в Венгрии и Борго-валь-ди-Таро в Италии, не было недостатка и в оружии.

Об «охоте» на короля Александра было хорошо известно в Европе. Он был мужественным человеком и в

Луи Барту встречает короля Александра I в Марселе. 9 октября 1934 г.

своей стране часто ходил по улицам без охраны. Но осенью 1934 г. король почувствовал надвигающуюся опасность. Во Францию Александр отправлялся с тяжелым сердцем. Принцу Павлу он сказал: «Тебе придется взять страну под свою опеку, если со мной что-либо случится». Король был доволен, что королева Мария (дочь румынского короля Фердинанда I и королевы Марии, урожденной принцессы Саксен-Кобург-Готской, внучки императора Александра II) из-за болезни не смогла сопровождать его в этой поездке. После визита во Францию король Александр собирался поехать в Швейцарию для лечения. Перед отъездом он якобы сказал: «У меня такое впечатление, что в Белград живым я не вернусь».

МАРСЕЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Югославский эсминец «Дубровник» в сопровождении французских кораблей прибыл в Марсель в 16 часов по средневропейскому времени (во Франции было 14 часов) 9 октября 1934 г. Встречать короля в Марсель прибыли министр иностранных дел Луи Барту и генерал Жозеф Жорж, в годы войны бывший начальником штаба Салоникского фронта.

Тяжелые предчувствия одолевали и французского министра. Он понимал, что тучи сгустились и над ним. Одному из своих сотрудников перед поездкой в Марсель он сказал: «Послушай, мой друг, что я тебе скажу. Я желаю, чтоб мои похороны были как можно более скромными. Короткое отпевание в церкви — я прошу об этом в память о моей жене, когда-то я обещал ей это, — ну и пригласить пару самых близких лиц».

Король Александр в парадном адмиральском мундире с лентой Почетного легиона в сопровождении французского военно-морского министра Пьетри и нескольких человек из своей личной охраны с борта эсминца перебрались на моторную лодку и направились к Бельгийской набережной (Кэ-де-Бельж) Старого порта. Югославского гостя встретили почетный караул и военный оркестр. Король и

генерал Жорж обошли строй почетного караула и обменялись речами.

Когда король, Барту и Жорж сели в лимузин, чтобы ехать в префектуру, то заметили, что принятые меры предосторожности явно недостаточны, — полицейские стояли на расстоянии всего 10 метров, не было сопровождающих мотоциклов или кавалерии. Открытый лимузин тоже нельзя было использовать в столь опасной обстановке: он двигался со скоростью четырех километров в час вместо положенных двадцати.

Впереди автомобиля с почетными гостями следовал небольшой отряд кавалерии, дальше — машина со свитой короля и второй отряд кавалерии. За лимузином короля ехали два французских офицера, а замыкал кортеж конный отряд трубачей. Проехав улицу Сен-Ферреоль и проспект Ла-Канебьер, лимузин стал сворачивать на площадь Биржи.

Раздался свист, из толпы выбежал человек, молниеносно вскочил на правую подножку лимузина, с той стороны, где сидел король, и открыл огонь из автоматического пистолета. Сидевший напротив короля генерал Жорж вскочил было, но тут же упал, тяжело раненный в живот. Король был сражен семью пулями в голову и грудь. Барту попытался подняться, но

вновь раздалась выстрелы, и министр упал.

Так среди белого дня на глазах тысяч людей в Марселе произошло чудовищное преступление.

Полковник Пиоле, следовавший за автомашиной на коне, соскочил на землю и одним прыжком оказался возле убийцы. Лимузин остановился, так как шофер Фуассак настолько испугался, что бросил руль и выскочил на дорогу. Двумя ударами сабли Пиоле свалил террориста, который все еще продолжал стрелять. Тяжело раненный, он пытался вырваться из рук разъяренной толпы, пока полиция не отбила его. Много людей было убито и ранено. Скорее всего, у террориста были сообщники, так как он один не смог бы сделать столько выстрелов.

Вместо больницы королевскую машину направили в префектуру, где врачи пытались спасти жизнь Александру, но он умер, не приходя в сознание, около 16 часов 20 минут. Прошло всего 20 минут с момента торжественной встречи в Старом порту.

Генерала Жоржа на другой машине привезли в ближайшую клинику, где он провел более пяти месяцев, борясь со смертью. В 1940 г. генерал Жорж командовал северо-восточным фронтом, в 1943 г. вошел в состав Французского комитета национального освобождения. Он скончался в 1951 г.

Барту был тяжело ранен в левое плечо, но рана оказалась несмертельной. Он вышел из автомобиля, но никто не обратил на него внимания. Только через 45 минут (!) ему удалось остановить санитарную машину, которая отвезла его в госпиталь, — там министр потерял сознание от потери крови. Врачи пытались сделать все возможное, но помощь опоздала, по крайней мере, на полчаса. Он умер в 17 часов 40 минут.

Во французскую полицию поступала информация о готовящемся покушении, но ничего не было сделано, дабы предотвратить его. В государственном аппарате Франции, в том числе и в полиции, многие влиятельные люди были заинтересованы в гибели французского министра, чьи планы укрепления европейской безопасности и выступления против новой войны раздражали их. Газета «Жур» писала: «Полиция, в которой нет ни дисциплины, ни шефа, допустила убийство короля Югославии и французского министра иностранных дел. Нет слов для выражения возмущения государственным ведомством, которое из-за своей неспособности допустило, чтобы неслыханное преступление запятнало французскую землю».

Газета «Матэн» спрашивала: «Почему автомашина короля не была окружена, как

это обычно в таких случаях практикуется, отрядом кавалерии либо полицейских на мотоциклах? Почему она двигалась со скоростью четырех вместо двадцати километров в час, как это предусмотрено для глав государств?»

Почему, наконец, местом встречи выбрали Марсель, который по преступности можно было сравнить с Чикаго? Ведь «Дубровник» можно было направить в Тулон — на базу военно-морского флота Франции в Средиземном море. Там можно было создать надежный заслон из солдат и матросов местного гарнизона. Но верх взяла традиция боевой дружбы Франции и Сербии: ведь именно из Марселя в начале первой мировой войны отправлялись французские войска на помощь Сербии, здесь был поставлен памятник французским солдатам и офицерам, погибшим на Балканах. К подножию этого памятника король Александр и генерал Жорж должны были возложить венок в память боевого союза Франции и Сербии.

Непосредственная вина за марсельскую трагедию легла на министра внутренних дел Франции Альбера Сарро и начальника полиции. От своих постов были освобождены не только Сарро, но и директор Сюрте генераль Камиль Бентуан, а также префект департамента Буш-дю-Рон, на территории которого находится Мар-

сель. Несколько дней спустя в отставку ушло все правительство Гастона Думерга. В новом правительстве пост министра иностранных дел занял Пьер Лаваль, будущий «могильщик Франции». Идея «Восточного пакта» была похоронена.

Родина оплакивала короля Александра. По завершении траурной церемонии в Марселе эсминец «Дубровник» с телом короля взял курс на Югославию. 18 октября состоялась траурная панихида в белградском соборе. Более чем 300-тысячная процессия направилась к месту захоронения в усыпальнице на холме Опленач. В соответствии с последней волей короля его похоронили в полевом армейском мундире рядом с королем Петром I.

На похоронах было много иностранных представителей. Среди них выделялась фигура Германа Геринга. Он возложил венок к гробу короля с надписью «Своему бывшему героическому противнику с глубокой скорбью. Германские вооруженные силы». Какое лицемерие!

Королем Югославии провозгласили 11-летнего Петра II, но страной стал управлять Регентский совет во главе с принцем-регентом Павлом.

Смерть Александра I особой болью отозвалась в сердцах русских эмигрантов. Иван Ильин на Скорбном собрании 17 ноября сказал: «С неизре-

ченной скорбью видим мы, что жизнь Его пресеклась до разрешения и до завершения Его югославянского, и общеславянского, и европейского, и общечеловеческого дела; что надеждам нашим не суждено было осуществиться...»

НИТИ ВЕЛИ В БЕРЛИН

Только в 1957 г. в Германской Демократической Республике были опубликованы совершенно секретные документы, из которых стало ясно, что замысел операции под кодовым названием «Тевтонский меч» был разработан в Берлине ближайшими сообщниками Гитлера — Германом Герингом и Альфредом Розенбергом, руководителем заграничного отдела нацистской партии. И действовали они через сотрудников германского посольства в Париже. Усташи во главе с Анте Павеличем и Евгением Кватерником были очень удобным инструментом для гитлеровцев — ведь общеизвестно, что им нужен раздел Югославии, а королю Александру они вынесли смертный приговор.

В Париж террористическая группа прибыла 30 сентября, где представители германского посольства передали им информацию о предстоящей церемонии встречи короля в Марселе.

Но в 1934 г. об этом еще не было известно.

Непосредственный убийца умер в больнице около 8 часов вечера. В паспорте, найденном при нем, значилось, что его владельца звали Петер Калемен. Он родился в Загребе, по профессии — торговец, имел чехословацкое гражданство. Но на левом плече трупа Калемена обнаружили татуировку ВМРО, что означало его принадлежность к Внутренней македонской революционной организации, созданной еще в 1893 г. Там же был вытатуирован лозунг ВМРО «Свобода или смерть». Вскоре полиция выяснила, что паспорт был фальшивым, а под фамилией Калемена скрывался террорист Владо Георгиев, по прозвищу Черноземский, он же Величко Дмитрий Керин, а для сообщников просто «шофер Владо». Он родился в Македонии и действительно был членом ВМРО. В 1924 г. он убил депутата болгарского Народного собрания Димо Хаджидимова, в 1930 г. — другого болгарского политического деятеля, Томалевского. Болгарские власти давно разыскивали Владо Георгиева. Но он переехал в Будапешт, где усташи наладили тесное сотрудничество с македонскими террористами.

11 октября в Аннемасе французская полиция арестовала сообщников Георгиева, тоже с фальшивыми паспорта-

ми. На самом же деле один из них был Звонимир Поспишил, не раз приговоренный к смертной казни за покушения и за убийство в 1929 г. редактора газеты «Новости», а другой — Иван Райич. Они сознались, что, если бы не удалось убить короля в Марселе, покушение состоялось бы в Париже. В случае новой неудачи попытку убить короля следовало предпринять в Лозанне, куда Александр должен был приехать для лечения горла.

Третий сообщник Георгиева был арестован в Фонтенбло. Миле Краль — таково подлинное имя террориста — признался, что 29 июля 1933 г. был соучастником убийства генерального инспектора югославских железнодорожных линий. В Париж он прибыл из Цюриха.

В ноябре 1935 г. перед трибуналом в Экс-ан-Провансе предстали три сообщника Владо Георгиева. 13 февраля 1936 г. был оглашен приговор: преступников приговорили к пожизненным каторжным рабо-

там. Но в 1941 г. по распоряжению из Берлина французская полиция их освободила, после чего они бесследно исчезли.

А организаторы марсельского покушения усташи Анте Павелич и Евгений Кватерник 18 октября 1934 г. были арестованы в Турине, но фашистский диктатор Муссолини отказался их выдать. В 1941 г. Павелич стал поглавником (вождем) Независимого хорватского государства, а после разгрома Германии бежал из страны и кончил жизнь в Аргентине. Руководитель ВМРО Ванчо Михайлов бежал в Турцию, где и нашел убежище.

По словам историка В. К. Волкова, гитлеровцы осуществили свой замысел руками македонских террористов, прикрыв покушение усташским плащом. «Смерть моего отца, — говорил впоследствии король Петр II, — Муссолини и Павелич рассматривали как первый шаг к уничтожению Югославии. Оба они всецело стремились к этому».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение (*В. А. Матвеев, Н. В. Попов*) 5

Сервий Туллий и его нечестивая дочь Туллия

(*Л. Л. Кофанов*)

Предание гласит... 15
Путь к власти 16
Царь-реформатор 18
Снова предание — теперь о смерти... 24

Мартовские иды (*Е. В. Ляпустина*)

Загадка убийства Цезаря 27
Агония республики 30
Тираноубийство 36
Неумолимый ход истории 41

Как погибали римские императоры (*Г. А. Алексеев*)

Заговоры против династии Юлиев—Клавдиев 45
Гибель наследников императора Нерона 51
Убийство императора Домициана 53
Последний Антонин на престоле 55
Гибель Северов 57
«Солдатские» императоры. Кризис III в. 62

Власть, мятежи и заговоры в Византии (*А. А. Чекалова*)

Императорская власть 67
Казнь Маврикия и его сыновей 70
Казнь Фоки 75
«Заговор двенадцати» и приход к власти Андроника 75
Преступления Андроника 79
Смерть Алексея II и Андроника I 81

Интриги и заговоры при дворе	83
Заговоры и убийства при дворе Михаила III	83
Кровавая смерть Никифора Фоки	86
Гибель в бою	89

Как гибли английские венценосцы (В. А. Матвеев)

Государственное единство, политое кровью	91
Бунт Изабеллы	94
Три роковых решения	101
Ненавистная корона	116
Братья-мученики	126
Королева на девять дней	131

Кровавые распри в роду Рюриковичей (Н. В. Попов)

Убийство Андрея Боголюбского	145
Кровавый спор за ярлык	147
Последние Рюриковичи на престоле	149
Смута: Годуновы и Лжедмитрии	157

И встал на брата брат... (Педро Жестокий и Энрике Трастамарский)

(О. И. Варьяш)

Исключения из правил	162
Педро Жестокий	163
Мария де Падилья	166
Война с Энрике	169
Смерть Педро	170

«Когда же смерть легла на властное чело...» (Убийство Вильгельма Оранского) (А. С. Намазова)

Нидерланды под властью Габсбургов	173
Воспитанник брюссельского двора	178
Мятежный принц	182
Разрыв с Филиппом	186
Убийство Вильгельма Оранского	188

Мария Стюарт и Елизавета Тюдор (В. А. Матвеев)

Королева Шотландии	189
Пленница Елизаветы	195
«Заговор Бабингтона»	198
Казнь	200

Смерть тирана угодна Господу (Убийство королей Генриха III и Генриха IV) (П. Ю. Уваров)

Традиции тираноборства	205
Религиозный раскол	207
Гизы и Бурбоны	210
Варфоломеевская ночь и ее последствия	211
Генрих III и Католическая лига	214
Убийство Гизов	216
1 августа 1589 г.	218
Везение Генриха IV	219

Покушение Жана Шателя	221
Другие покушения	222
14 мая 1610 г.	226
«Добрый король Анри»	230

**«Правосудие» революции и проблема закона
(Казнь Карла I Стюарта) (Т. А. Павлова)**

Начало революции	233
В плену у армии	236
Роль Кромвеля	237
«Верховный суд справедливости»	238
Подготовка процесса	240
Оплошность Брэдшоу	241
Приговор	243
Просьба короля	244
Сбор подписей под приговором	246
Казнь Карла I	247
«Царственный образ»	250
Последний акт драмы	251

Загадка смерти царевича Алексея (Н. В. Попов)

Привязанность к старине	252
Бегство	255
Розыск	258
Суд и приговор	261

**Отец и сын: одна судьба (Убийство Петра III и Павла I)
(Н. В. Попов)**

Незадачливый наследник трех корон	266
Внук Петра Великого — российский император	270
Заговор	275
Переворот 28 июня 1762 г.	279
Трагедия в Ропше	284
Новый Гамлет	289
Разрыв с прошлым	293
Подготовка переворота	300
Переворот 11 марта 1801 г.	309

Покушение на бале-маскараде (В. В. Рогинский)

Король-театрал	315
Стокгольмская опера, 16 марта 1792 г.	322
Нарушение завещания	325
Раскрытие заговора	326
Судьба заговорщиков	331
Долгий путь к истине	331

Узники башни Тамплъ (А. В. Ревякин)

Драма короля	333
«Добрый король»	337
«Австриячка»	339
Несбыточные надежды	343

В Тюильрийском дворце	349
Проблески надежды	350
Тяжкие времена	353
Свержение монархии	355
Заключенные башни Тамплъ	356
Подготовка процесса	360
Суд	363
Завещание	364
Приговор	365
Воспитание по-якобински	369
Мерзкий спектакль	370
«...Противно природе»	371
Людвик XVII	372
Последняя свидетельница	374

Карагеоргий (И. И. Лециловская)

Воин	376
Возрождение	378
Верховный вождь	379
Верховный предводитель	386
В изгнании	388
Коварство Милоша Обреновича	390

Убийца Наполеона (А. В. Ревякин)

Покушение на улице Сен-Никез	392
Заговор Кадудалья и казнь герцога Энгийенского	394
Превратности судьбы	398
Болезнь и смерть. Официальные версии	400
Поиски таинственного убийцы	403
Кто убил Наполеона?	404

Смертельный счет (Убийство Александра II)

(А. А. Левандовский)

«Ты победил, Галилеянин!»	407
Отщепенцы	409
Тернистый путь	411
Посеешь ветер	412
Террор	413
Великая паника	415
Конец венчает дело?	417
Катастрофа	418
К пропасти	421

Конец «доброего короля» (Л. П. Замойский)

Воинственный король Умберто	422
Первыс покушения	424
Смерть в Монце	425

Кровавая ночь в Белграде (Н. В. Попов)

«Злой гений Сербии»	430
Скандал европейского масштаба	432

Роковая страсть	433
Убийства во дворце	435

Двойное убийство в Лиссабоне (А. П. Черных)

Карлуш I	440
Из истории Браганского дома	443
1 февраля 1908 г.	444
Отклики	445

Незаконченное следствие (Загадка убийства короля эллинов Георгиоса I) (А. А. Улунян)

Смертельное ранение	446
Следствие	448
Подозрения остались	453

Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и закат империи Габсбургов (Е. В. Котова)

Семья	455
Первые шаги наследника	456
Болезнь	458
Женитьба	460
Клан Габсбургов	462
Ближайшее окружение	463
Планы реформ	464
Отношение к народам империи	464
Внешнеполитические планы	466
Балканский вопрос	467
Нагнетание напряженности	469
Покушение	471
Мир узнаёт об убийстве	474
Развязывание войны	475
Судьба детей	476

Смерть Николая Романова: казнь или расправа?

(Н. Г. Георгиева)

«Божией милостию, Мы, Николай Второй...»	479
Терпение народа иссякло	491
Гражданин Романов	498
Царственный ссыльный	503
Революционная целесообразность	510
Почему они так торопились?	520
Судьба убийц	523
Восемьдесят лет спустя	526

Убийства в Марселе (Н. В. Попов)

Год 1934-й	529
Король Александр	530
Марсельская трагедия	534
Нити веди в Берлин	537

Научно-популярное издание

ЦАРЕУБИЙСТВА
Гибель земных богов

Главный редактор *Л. Михайлова*
Корректоры *Л. Костылева, Л. Савельева*
Технический редактор *Т. Кулагина*
Компьютерная верстка *Е. Коптевой*

ЛР 064134 («КРОН-ПРЕСС») от 07.06.95.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.03.98.
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 34. Тираж 10 000 экз.
Заказ 0302.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»
103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:
127254, Москва, Огородный проезд, 6
Тел.: 218-30-03, 219-82-14

Отпечатано с готовых диапозитивов
На Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.
OCR - Давид Титиевский, январь 2017 г., Хайфа

В криминальной хронике Человечества цареубийства происходили настолько часто, что ремесло монарха по праву считалось смертельно опасным. Коронованные особы гибли от рук религиозных фанатиков, заговорщиков, к которым нередко принадлежали ближайшие родственники, по приговору революционных трибуналов... В заговоре против римского царя Сервия Туллия участвовала родная дочь, кастильского короля Педро убил сводный брат Энрике, английского короля Эдуарда V, скорее всего, убили по приказу дяди, Ричарда III. Заговор против Петра III организовала его жена Екатерина, а согласие на устранение Павла I дал его сын Александр. Карл I Стюарт, Людовик XVI Бурбон сложили головы на эшафоте по решению суда, Николая II и его семью расстреляли без суда и следствия. Кровавая жатва — это не только удел древности и средневековья. И в XIX—XX веках убивали Александра II и Умберто I, Карлуша I и Георгиоса I, Александра Обреновича и Александра Карагеоргиевича. Это лишь немногие герои и жертвы, о трагической судьбе которых рассказано в этой книге.

ISBN 5-232-00786-6

9 785232 007867 >

35.00